

ФАКТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

ΦΙΛΗΛΗ
ΦΑΡΜΕΡ

Μουσικογραφική
Σημεία
Γιάννης Ρεμπερτζός
Ορχήστρα

Лавалитовый мир

Гнев Рыжего Орка

Больше чем огонь

МОСКВА

Санкт-Петербург

«ДОМИНО»

2006

Филип
ФАРМЕР

*Многоярусный
мир:
Гнев Рыжего
Орка*

МОСКВА

Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2006

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)
Ф 24

Philip José Farmer

THE LAVALITE WORLD
© 1977 by Philip José Farmer
RED ORC'S RAGE
© 1991 by Philip José Farmer
MORE THAN FIRE
© 1993 by Philip José Farmer

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Фармер Ф. Х.
Ф 24 Многоярусный мир: Гнев Рыжего Орка: Фантастические романы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, СПб.: ИД Домино, 2006. — 752 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 5-699-14951-1

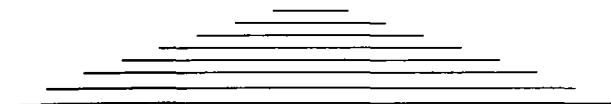
Творчество одного из самых оригинальных и интересных авторов мировой фантастики Филипа Хосе Фармера представлено абсолютным мировым шедевром писателя — сериалом «Многоярусный мир». История миниатюрных вселенных, созданных специально, чтобы служить кучке бессмертных Властителей, разворачивается из романа в роман, как авантурная кинолента — эксцентричная, героическая, полная инопланетной экзотики, юмора и нескончаемых приключений.

Роджер Железны назвал книги этого сериала уникальным явлением как в творчестве самого Фармера, так и в литературе вообще.

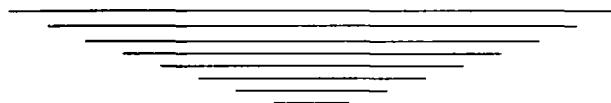
УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)

© Перевод. С. Трофимов, Н. Виленская,
И. Васильева, 2006
© Оформление, издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ISBN 5-699-14951-1

Книга пятая
Лавалитовый мир

*Посвящается Роджеру Желязны —
ткачу золотых историй*

*С благодарностью Д. Т. Эдсону, автору саг о Дасти
Фогге, за то, что он благосклонно позволил мне объ-
единить техасских Фогов с британскими Фоггами.*

Филип Хосе Фармер

Глава 1

Кикаха был проворен, как Протей.

Лишь немногие могли бы сравниться с ним в столь быстрой адаптации к переменам. Но ландшафты Земли и других планет «карманных» вселенных отличались относительной стабильностью. Их горы, холмы и равнины, моря, озера и реки почти не меняли своих форм и расположения.

Впрочем, и там случались небольшие частичные преобразования, вызванные наводнениями, землетрясениями, сходами лавин и приливными волнами. Однако по временным меркам отдельных людей, да и целых народов, эти изменения происходили медленно и незаметно.

Гора могла передвигаться и оседать, но сотни тысяч поколений, живших у ее подножия, не знали об этом. И только для Бога или геолога ее движения казались такими же стремительными, как бросок мыши к норе.

Однако здесь все было по-другому.

Здесь нервничал даже невозмутимый и уверенный в себе Кикаха, который реагировал на перемены быстрее, чем зеркало отражало образ. Тем не менее он не собирался показывать это кому-либо еще и по-прежнему сохранял безрассудно хладнокровный вид. Иначе остальные просто сошли бы с ума.

«Ночью» они отошли ко сну. Кикаха нес вахту первым. Уртон, Орк, Анана и Маккей растянулись на жесткой ржаво-красной траве и вскоре заснули. Лагерь располагался в небольшой долине, которую окружали низкие холмы. Здесь, в низине, росла только трава, но на вершинах холмов виднелись контуры деревьев. Каждое из них достигало в высоту не менее десяти футов, и хотя дул слабый ветерок, они раскачивались взад и вперед, словно под мощным ураганом.

Начиная дежурство, Кикаха видел на холмах лишь несколько деревьев, однако со временем их становилось все больше и больше. Они окружали пришельцев с Земли, пока не образовали плотное кольцо. И Кикаха догадывался, сколько их собралось по другую сторону холмов. Он знал, что деревья ожидали «рассвета». А потом, если люди не пойдут к ним сами, деревья начнут спускаться в долину.

Небо казалось темно-красным однообразным полотном, на котором чернели пятна паривших облаков. Огромная красноватая масса, по виду раз в шесть превышавшая размеры земной луны, исчезла с неба пару дней назад. Она должна была вернуться, хотя он и не знал, когда это произойдет.

Кикаха сел и помассировал ноги. Они еще немного болели после той неприятности, которая случилась двенадцать «дней» назад. Боль в груди почти исчезла. Он выздоравливал, но пока не чувствовал себя настолько подвижным и сильным, как ему бы того хотелось.

Впрочем, Кикахе во многом помогала гравитация, которая была здесь значительно слабее, чем на Земле.

Он прилег на жесткую траву. Теперь его не пугали ни люди, ни звери. Любому врагу пришлось бы сначала пробраться через лес из деревьев-убийц. Только слоны и гигантские мусоиды* обладали достаточной массой и размерами, чтобы сделать это. Они поедали деревья, и Ки-

* Здесь: животное, похожее на лося (moose (англ.) — лось). (Здесь и далее примеч. пер.)

каха не возражал бы, если бы их стадо прошло сейчас где-нибудь рядом. На таком расстоянии он не мог определить, к какому виду относились эти растения. Однако в Лавалитовом мире встречались столь грозные и опасные деревья, что от них убегали даже большие звери.

И все же странно, что чертовы растения обнаружили их маленький отряд. Обоняние деревьев было великолепным, но Кикаха сомневался, что слабый ветер мог перенести запах людей через холмы. Визуальная способность растений ограничивалась сотней ярдов. Их многофасеточные глаза, расположенные кольцами на макушках стволов, довольно четко различали подвижные объекты. Тем не менее на таком расстоянии и в «ночной» период суток они просто не могли ничего увидеть.

Возможно, один или несколько их разведчиков забрались на холм и поймали пару молекул человеческого запаха. Впрочем, удивляться тут нечему. От путешественников действительно сильно пахло. То малое количество воды, которое удавалось находить, они использовали только для питья. И если завтра отряд не встретит какой-нибудь водоем, людям придется пить свою мочу. Говорят, что ее можно использовать дважды, прежде чем она станет ядовитой.

И еще им требовалась пища. Выбора не оставалось — либо Кикаха подстрелит какое-то животное, либо они, ослабев от голода, свалятся с ног.

Он провел ладонью по стволу ручного лучемета. Заряда аккумулятора хватит лишь на несколько мощных выстрелов, а потом оружие можно будет выбросить. До сих пор ему и Анане удавалось обходиться стрелами и топором, но только лучемет позволял им держать в подчинении троих коварных спутников. И только это оружие могло защитить их от крупных и опасных зверей. Кикаха знал, что на «рассвете» ему придется пойти на охоту. Без еды им больше не прожить и дня. Кроме того, напившись крови, они могли бы утолить жажду.

Однако прежде предстояло пройти через лес. Чтобы проложить тропу между стволами, возможно, потребуется весь заряд батареи. И скорее всего, ее даже не хватит. На

другой стороне холма их могло поджидать не меньше тысячи деревьев-убийц.

Облака сгустились, предвещая долгожданный дождь. Если он хлынет с такой силой, о которой рассказывал Уртона, чаша долины заполнится водой за несколько минут. Следовательно, предстоит либо потоп, либо атака деревьев. Ну хоть какой-то выбор!

Кикаха по-прежнему лежал на спине. Время от времени до него доносились шуршание, треск и слабое поскрипывание деревьев. Почва дрожала и двигалась. Она казалась такой же теплой, как человеческое тело. Ее жар струился по спине и ногам. Под густым ковром травы и плотным сплетением корней распространялась энергия преобразований. Земля медленно перемещалась, и Кикаха не знал, какую форму примет очередная мутация грунта.

Он просто ждал. Одним из его достоинств являлось невозмутимое терпение. Кикаха мог сравниться в выдержке с волком или с леопардом. Он мог часами лежать в траве, оценивая ситуацию и наблюдая за жертвой. А когда наступал миг действия, Кикаха становился неудержимым. К сожалению, раненая нога и слабость осложняли его положение, и там, где он прежде походил на динамит, теперь осталась лишь горстка черного пороха.

Кикаха сел и осмотрелся. Вокруг стелилась красноватая мгла. На холмах покачивалась стена деревьев, а рядом, кто на спинах, кто на боку, лежали остальные члены отряда. Маккей храпел. Анана что-то шептала на языке властителей, который был древнее, чем его родная планета. Увидев открытые глаза Уртоны, Кикаха вздрогнул. Неужели тот намеревался застать караульного врасплох и овладеть лучеметом?

Нет, он тоже спал, но его рот и глаза были открыты. Приблизившись к нему, Кикаха услышал тихий невнятный шепот. Глаза Уртоны выглядели пустыми и остекленевшими.

Кикаха облизал пересохшие губы и тяжело сглотнул. Потом поднес запястье к глазам и взглянул на часы, которые позаимствовал у Ананы. Стоило нажать на маленький бугорок, как на поверхности циферблата появлялись

четыре ярких символа. В нумерологии властителей они служили цифрами и соответствовали 15.12 по земному времени. Конечно, здесь это ничего не означало. Планету без солнца окружало лишь небо без звезд, излучавшее и свет, и тепло. Лавалитовый мир не имел ничего постоянного — в том числе и неизменного вращения на каком-либо плане бытия. Большая красноватая масса, медленно перемещавшаяся по небосводу, с каждым днем становилась все больше и больше. На самом деле это была не луна, а временный спутник, который падал на планету.

Мир без теней. Мир без севера, юга, востока и запада. На часах Ананы имелся компас, но здесь для него не было применения. Огромное небесное тело не обладало железно-никелевой корой и электромагнитным полем и не располагало северным и южным полюсами. Вернее сказать, оно не являлось планетой.

Вскоре почва начала подниматься. Кикаха не мог определить это по медленным и незаметным движениям. Однако холмы положительно становились ниже.

А часы ему все жегодились. Их единственная полезная функция заключалась в том, что они показывали хоть какое-то время. И только благодаря им Кикаха мог узнать, когда закончится его вахта, продолжавшаяся более четверти «ночи».

Наступил момент будить Анану, но едва Кикаха приблизился к ней на двенадцать шагов, как она села и сонно потянулась. Анана знала, что ей следовало заступать на дежурство, и, засыпая, установила на нужный срок свои внутренние биологические часы. Прекрасно развитое чувство времени разбудило ее не хуже будильника.

Анана по-прежнему выглядела прекрасной, но она начинала худеть. Скулы выдавались вперед. Щеки запали, вокруг больших темно-синих глаз появились тени усталости. Губы потрескались от недостатка влаги, а некогда белая и мягкая кожа стала грязной и грубой на вид. Несмотря на то что за прошедшие двенадцать дней путешественникам часто приходилось потеть, на ее щеках все еще виднелись следы сажи и копоты.

— Ты и сам выглядишь неважно, — сказала она в ответ на печальный взгляд Кикахи.

В ее бархатном и нежном контральто чувствовались хриплые надрывные нотки.

Анана встала. В ее прекрасной фигуре стройность и изящество удивительным образом сочетались с полной грудью и широкими плечами. Она лишь на два дюйма уступала в росте Кикахе, но без труда обгоняла его на дистанции в пятьдесят ярдов. Что же касается силы, то Анана могла бы на равных сразиться с любым мужчиной ее веса, и в этом не было ничего странного. За десять тысяч лет она хорошо потрудились над своим физическим развитием.

Вытащив из заднего кармана расклепанных и слегка рваных штанов гребень, Анана расчесала длинные и черные как смоль волосы.

— Ну вот. Теперь лучше? — с усмешкой спросила она.

Ее белым красивым зубам позавидовал бы любой землянин. Всего лишь тридцать лет назад она в сотый раз обновила зубные корни.

— Довольно неплохо для старой дамы, которая умирает от голода и жажды, — ответил он. — И знаешь, если бы обстоятельства позволяли... — Его улыбка погасла, и, взмахнув рукой, он указал на вершины холмов: — К сожалению, у нас слишком много гостей.

В «ночном» полумраке Кикаха не увидел, как побледнело ее лицо. Однако в голосе Ананы появилась звонкая напряженность:

— Если бы на них росли фрукты, мы могли бы поесть.

Он не стал рассуждать о том, кто кого съест, посчитав за лучшее не говорить об этом.

Анана взяла лучемер, похожий на обычный шестизарядный револьвер. Вместо патронов в обойме находились батареи, и теперь только одна из них имела заряд. В стволе содержался механизм, регулировавший мощность луча так, что тот мог рассечь дерево, вызвать легкий ожог или нанести «оглушающий» удар.

Кикаха вернулся туда, где лежали его лук и колчан со стрелами. В этом мире ему только дважды удалось воспользоваться своим мастерством стрелка. Пугливые животные не подпускали людей на расстояние выстрела. А те две случайные жертвы оказались небольшими газелями, и, конечно же, их не хватило для того, чтобы наполнить

животы пятерых человек, голодавших уже двенадцать дней. Однажды Анана заметила сонного зайца и, метнув топор, оглушила его. Но из-за пригорка выскочил длинноногий бабуин и, схватив зверька, умчался к поросшему травой оврагу.

Кикаха поднял оружие, и они отошли шагов на триста от спавших спутников. Положив голову на колени Ананы, он тут же заснул. Рукоятка его ножа торчала из земли у самой ладони, и в случае нападения он успел бы вытащить клинок за долю секунды. В распоряжении Ананы имелись лучемер, метательный топор и короткий нож.

В тот момент Кикаху тревожили не столько деревья, сколько остальные члены отряда: именно поэтому он старался держаться подальше от них.

Когда дежурство Ананы закончилось, она разбудила Маккея, вернулась к Кикахе и легла рядом. Она знала, что никто из спутников не посмеет подкрасться к ним во время сна. Анана с самого начала предупредила всех, что на ее часах есть устройство, которое подает сигнал тревоги при любом приближении достаточно крупного существа. И хотя она обманывала, такие устройства действительно использовались многими властителями. Поэтому, даже сомневаясь в ее словах, Уртона и Орк не решались на пробную вылазку.

Анана сказала, что убьет каждого, кто попытается напасть на нее и Кикаху во время сна. И все знали: она, не задумываясь, выполнит обещание.

Глава 3

Кикаха проснулся, потев от жары. Яркий свет «дня» щекотал ресницы и веки. Небо стало огненно-красным; облака разбежались, унеся драгоценную влагу. Долина исчезла. Холмы сравнялись. На их месте простиралась равнина, и теперь отряд находился на небольшом возвышении.

Это удивило Кикаху. Он не ожидал, что изменения будут такими скорыми. Однако Уртона сказал, что метаморфозы ландшафта иногда начинают ускоряться. Что мир был лишен постоянства и предсказуемости. Здесь человек либо сходил с ума, либо переставал чему-либо удивляться.

Деревья по-прежнему сжимали кольцо. Их численность достигла нескольких тысяч, и разведчики медленно продвигались к возникшему холму. Стволы походили на цилиндры, покрытые гладкой зеленоватой корой. Около вершины располагались большие круглые глаза. Почти у корней находилось отверстие — вернее, пасть. Внутри виднелись гибкие сплетения и два ряда острых акульих, зубов. По словам Уртоны, растения наполовину состояли из протеина. Властитель заимствовал строение их пищеварительной системы у животных, однако задний проход, или конечный сегмент пищевода, располагался рядом с глоткой, то есть во рту.

А Уртона действительно это знал — ведь он же их и придумал.

— Деревья не подвержены болезням, поэтому я не видел причины для вывода фекалий через какое-то другое место,— рассказывал он.

— Я представляю, как пахнет из этих ртов,— съязвил Кикаха.— Наверное, поэтому их никто и не целует, правда?

Он, Анана и Маккей засмеялись. Уртона и Рыжий Орк сморщились от отвращения. Их чувство юмора давно атрофировалось. А может, они его никогда не имели.

Из макушки каждого дерева поднималась двухфутовая поросль тонких стеблей, покрытых широкими зелеными листьями, по форме напоминавшими сердечки. Ствол в двух местах опоясывали кольца из шести коротких ветвей, каждая из которых достигала в длину трех футов. Листья на них были большими и круглыми. Между ветками располагались щупальца, которые гибкостью и подвижностью напоминали осьминожки. Они не превышали в длину двенадцати футов, однако пара щупалец у основания ствола казалась несколько длиннее.

Нижние щупальца помогали дереву сохранять равновесие. Ствол двигался вперед на двух коротких ногах, которые оканчивались большими беспальными ступнями, покрытыми корой. Когда дерево принимало сидячее положение (что случалось довольно редко), нижние щупальца зарывались в почву, обрастали корнями и высасывали из земли питательную влагу. Если дерево вновь переходило на ко-

чевой образ жизни, корни без труда обрывались, и щупальца вытягивались из земли.

Кикаха спросил Уртону, зачем тот создал в биолaborаториях таких неповоротливых и неестественных монстров.

— Мне так захотелось, вот я и сделал,— ответил он.

Однако теперь Уртону, скорее всего, жалел об этом. Он разбудил остальных. Все с ужасом осматривали странных и жутких существ.

— Как они общаются друг с другом? — спросил Кикаха.

— С помощью феромонов и других летучих веществ, которые выделяют. Их около тридцати видов, и дерево, улавливая запахи, воспринимает различные сигналы. Мозг этих существ сходен по размерам с мозгом динозавра, но они не думают, а реагируют на инстинктивном уровне. Деревья-убийцы во многом напоминают роботов. И еще у них развит стадный инстинкт.

— А существуют такие феромоны, которые вызывали бы у них страх?

— Да. Но тебе не удастся их напугать: в этой ситуации для них нет ничего страшного.

— Тогда остается только сожалеть о том, что ты не прихватил с собой пузырек с нужными феромонами,— сказал Кикаха.

— Обычно я носил его с собой,— угрюмо ответил Уртону.

Ближайший разведчик остановился в тридцати шагах. Кикаха взглянул на Анану, стоявшую в шестидесяти футах от остальной группы людей. Ее лучемер был готов разрешить любую проблему.

Кикаха направился к разведчику и замер в десяти шагах от него. Дерево зашевелило зеленоватыми щупальцами. Несколько монстров медленно двинулись на помощь собрату. Кикаха решил, что при таких ногах максимальная скорость передвижения могла составлять милю в час, не больше, хотя на самом деле не знал, на что способны эти существа. Уртону так и не вспомнил, насколько они быстры.

Приближаясь к дереву, он чувствовал, как вибрировала под ногами земля. Скорость преобразований возрас-

тала. В воздухе стало теплее. Между острыми травинками появлялось пространство. Выпиравший грунт выглядел черным и жирным. Если бы подвижки почвы прекратились, то голые прогалины на склонах холма заросли бы травой в течение трех дней.

Около тысячи растений по-прежнему сжимали кольцо, но двигались все медленнее и медленнее. Стволы клонились вперед, переступая короткими негнушимися ногами. Щупальца вытягивались в стороны, с трудом поддерживая равновесие.

Рассматривая с близкого расстояния плотоядное дерево, Кикаха увидел около дюжины яблочно-красных шаров, которые свисали с ветвей, и жестом подозвал Уртону.

— Эти плоды съедобны?

— Птицы их едят, — ответил властитель. — Честно говоря, я не помню. Да и зачем мне было делать их ядовитыми для человека?

— Насколько я тебя знаю, ты мог бы сделать это просто ради смеха, — проворчал Кикаха.

Он повернулся и позвал Энджюса Маккея. Негр робко двинулся вперед, опасаясь скорее дерева, а не Кикахи.

Маккей был ниже Кикахи всего лишь на дюйм, но фунтов на тридцать тяжелее. Причем этот добавочный вес не имел к жиру никакого отношения. От прежней одежды на нем остались только черные джинсы, носки и ботинки. Он выбросил и рубашку, и кожаную куртку, но Кикаха попросил его оставить мотоциклетный шлем, чтобы собирать в него дождевую воду.

Завоевав в Детройте славу профессионального преступника, Маккей переехал в Лос-Анджелес и стал одним из наемных убийц Уртона. Он даже не догадывался, что Уртона являлся властителем, и ничего не знал о делах того, кого называл мистером Каллистером. Его волновали только деньги, а босс платил хорошо. Кроме того, ему нравилось, что мистер Каллистер проводил операции, выходявшие за рамки бизнеса других банд, и имел огромное влияние на чиновников из департамента полиции.

В тот день, который теперь казался оставшимся в далеком прошлом, у него выдался свободный вечерок. В районе Уотта он знал неплохой бар, где обычно любил на-

дираться до чертиков. Подцепив смазливую и крикливую деваху, Маккей отвез ее в Голливуд — в свою квартиру. Они с порога прыгнули в кровать, а чуть позже он уснул. Посреди ночи его разбудил телефонный звонок. Звонил мистер Каллистер. Судя по возбужденному голосу, у него возникли какие-то проблемы. Что бы там такое ни произошло, босс не хотел говорить об этом по телефону и приказал Маккею явиться немедленно, прихватив с собой автоматический пистолет сорок пятого калибра.

Звонок протрезвил негра как холодный душ. Раз уж Каллистер в открытую говорил по телефону об оружии, значит, действительно находился в серьезном затруднении. А потом начались первые неприятности. Женщина ушла, прихватив с собой не только бумажник с кредитными карточками и пятьюстами баксов, но и ключи от машины. Выглянув из окна, Маккей обнаружил, что автомобиль тоже исчез.

Не будь такой спешки, он бы просто рассмеялся. Эта старая кошелка ободрала его, как какого-то лоха! Таких фокусов он не прощал. Маккей мог бы найти ее в течение дня и вернуть карточки и деньги — если они все еще были у нее. А о машине и говорить не стоит. И он не стал бы убивать эту глупую дешевку, а просто избил бы до потери памяти, преподав хороший урок. Маккей уважал свой бизнес, а такие, как он, убивали только за деньги или, на худой конец, защищая свою жизнь.

Надев костюм мотоциклиста и оседлав железного «коня», он помчался в ночь, готовый обставить любых толстозадых копов, которые увяжутся за ним. А Каллистер ждал его. Телохранители босса куда-то пропали. Однако Маккей не стал совать нос в чужие дела: хозяин не любил лишних вопросов. Чуть позже Каллистер сам все рассказал: ребята попали в автомобильную аварию, догоняя его врагов — мужчину и женщину. Они не погибли, но получили серьезные ранения, и босс уже не мог воспользоваться их услугами.

Потом Каллистер описал приметы парочки, за которой организовал погоню, но и словом не обмолвился о том, чем они ему насолили.

Какое-то время Каллистер размышлял, покусывая губу. Это был крупный красивый хонки*, с желтоватыми выющимися волосами и странными ярко-зелеными глазами, чем-то похожий на известного актера — кажется, Пола Ньюмена. Он быстрым шагом подошел к кабинету, вытащил из кармана небольшую коробочку размером с сахарный кубик и положил ее на дверной замок. Дверь открылась.

Босс вынес из кабинета какой-то прибор. Маккей никогда не видел ничего подобного, но это было оружие. Устройство имело приклад, к которому крепился короткий толстый ствол, и походило на обреза.

— Я передумал,— сказал Каллистер.— Оставь пистолет здесь и возьми эту штуку. Мы можем оказаться в такой ситуации, когда громкий выстрел все испортит. Сейчас я покажу тебе ее в деле.

По ходу демонстрации Маккей ощутил небольшое оцепенение. Однако это было лишь первое звено в цепи событий, которые по прихоти судьбы втянули его в историю, напоминавшую сюжет фантастического фильма. Если бы Маккей догадывался о том, что случится дальше, он бы смылся отсюда в течение двух секунд. Но кто на грешной Земле мог бы предвидеть, что через пять минут перед ним откроются врата в иные миры.

Демонстрируя лучемер, Каллистер разрезал кресло пополам, и у Маккея едва не отпала челюсть. Потом босс заставил его надеть бронежилет, который только казался стальным, но по весу и гибкости ничем не отличался от обычной плотной ткани.

Облачившись в такую же броню, Каллистер произнес какое-то слово на незнакомом языке. На стене засветилось большое круглое пятно, затем сияние исчезло, и Маккей увидел пейзаж другого мира.

— Проходи через врата,— сказал Каллистер, махнув оружием, замаскированным под револьвер.

* Презрительная кличка представителей белой расы, довольно распространенная среди американских негров; мягко выражаясь, «белый мусор» или нечто в этом роде.

Маккей понял, что, если он не подчинится приказу, его убьют. И он вошел во врата. Каллистер последовал за ним. Маккей догадывался, что босс использовал его вместо щита, но, зная, как вести себя в подобных ситуациях, не сказал ни слова. Любой протест мог бы привести к тому, что хозяин рассек бы его лучом.

Они миновали еще одни врата и оказались в следующем мире, или, точнее, в каком-то другом измерении. А потом начали происходить странные вещи. Пока Каллистер подкрадывался к своим врагам, Маккей обошел поляну с другой стороны. И вдруг весь ад сорвался с цепи. Черт бы побрал этого большого рыжеволосого парня! Маккей даже глазам не поверил, увидев в его руках лук и стрелы.

Парень прятался за деревом. Маккей выстрелил и срезал лучом несколько ветвей, чтобы припутнуть этого Робин Гуда. Каллистер хотел взять Кикаху живым — вот же имечко, просто с ума сойти! Парень выпустил стрелу. В принципе Маккей мог бы догадаться, куда она нацелена. Такое он видел только в фильмах. Стрела просвистела в воздухе и попала ему в плечо. Если бы не жилет, наконецник пробил бы его насквозь. Удар сбил Маккея с ног. Лучемет отлетел в сторону, и при падении сработал спусковой механизм. Луч рассек поляну широкой полосой огня.

А потом огромный волк — каких Маккей еще никогда не видел — наскочил на луч и разлетелся на части. Маккею повезло: если бы ствол лучемета указывал в другую сторону, то разрезало бы его. От удара плечо и рука одеревенели, но он быстро пришел в себя, вскочил и, пригибаясь, побежал к ближайшему дереву. Ах, как он жалел, что мистер Каллистер приказал ему оставить автоматический пистолет. И теперь сам черт не загнал бы его на поляну за упавшим лучеметом. К тому же этот Кикаха мог выстрелить еще раз.

Все, что происходило на поляне, было выше его понимания на пятьдесят морских саженей.

Большую часть событий Маккей не видел. Он подбежал к огромной глыбе размером с дом и, цепляясь за выступы, вскарабкался наверх. Оказавшись на вершине ва-

луна, он понял, что загнал себя в ловушку. Но в момент паники, убегая от врагов, Маккей считал вполне логичным искать спасения на валуне. Решив, что искать его здесь никто не будет, он распластался на камне и стал ждать развязки событий. Если бы победил босс, Маккей спустился бы вниз и сказал, что забрался на глыбу из стратегических соображений. Оттуда открывался обзор всей территории. Вот он и полез туда, чтобы подсказывать хозяину расположение врагов.

А его лучемер продолжал стрелять, расплавив наполовину камень, который находился в пятидесяти шагах.

Привстав, Маккей увидел, как Каллистер побежал к парочке и какому-то высокому мужчине. Поначалу босс, видимо, держал ситуацию под контролем. Но потом этот рыжий Кикаха, лежавший на земле, что-то сказал своей подруге, и та поднесла к губам какую-то забавную трубу. Услышав мелодию, босс внезапно остановился, выкрикнул проклятие и бросился наутек, словно макака, которой прищемили хвост.

Уже в следующее мгновение они оказались в другом мире. Если дела и прежде шли плохо, то теперь стали хуже во сто крат. Хотя, конечно, имелись и положительные стороны. К примеру, Маккей остался живым. Тем не менее бывали моменты, когда он начинал жалеть об этом.

И вот через двенадцать «дней» он оказался здесь. Объяснения Кикахи помогли ему кое в чем разобраться. Однако Маккей по-прежнему сомневался в том, что Анане, Рыжему Орку и Каллистеру, которого остальные называли Уртоной, исполнилось по несколько тысяч лет. И не мог поверить, что они пришли из другого мира — мира, который Кикаха назвал «карманнфй» вселенной. По его словам, это искусственное пространство чем-то походило на четвертое измерение, о котором так любили болтать в фантастических фильмах.

Короче, эти ребята называли себя властителями и утверждали, что являются творцами Земли. Послушать их, так они создали и солнце, и планеты, и звезды, которые, к слову сказать, были вовсе не звездами, а каким-то подобием. И так уж получалось, что они мнили себя владыками этой чертовой вселенной.

А еще Кикаха говорил, что предки всех народов Земли были выращены в биолaborаториях властителей. У Маккея от таких слов мозги подпрыгивали, как пробка на морской волне, но теперь он знал, что существовало множество искусственных вселенных, физические законы которых могли отличаться от земных в каком угодно диапазоне.

Около десяти тысяч лет назад властители расселились по собственным мирам. Каждый создал себе крохотную вселенную и правил там, как хотел. Они превратились в ненавистных врагов и считали своих сородичей ослами.

Вот почему Уртона и Орк, родные дяди Ананы, пытались убить ее и друг друга.

Однако самым странным был Кикаха. Он родился в 1918 году в небольшом городке Индианы, и родители называли его Полом Янусом Финнеганом. После Второй мировой войны он поступил в университет, но через год бросил учебу и ввязался в дела властителей. Сначала он жил в каком-то Многоярусном мире, который напоминал по форме Вавилонскую башню или ту развалину в Пизе, которая вот-вот упадет на головы туристам. Индейцы, обитавшие на одном из уровней планеты, прозвали парня Кикахой. Во всяком случае, он так рассказывал.

А почему индейцы? Да потому, что властитель того мира Ядавин заселил планету людьми, похищенными с Земли.

Тут сам черт не разобрал бы, что к чему. Покинув родную планету, этот Ядавин поселился в своей личной вселенной. Однако потом попал на Землю и напрочь забыл о своем прошлом. И тогда... Вот же дьявол! У Маккея и без того голова шла кругом, а порою и винтом. Но он знал, что когда-нибудь на досуге разберется во всем — если только не сойдет с ума и доживет до лучших времен.

Глава 4

— Знаешь, Энджюс, я еще в детстве любил сбивать яблоки с деревьев, — сказал Кикаха. — К тому же свежие фрукты нам сейчас не повредят. Одним словом, мне требуется твоя помощь. Из-за шупалец к деревьям близко не подберешься, но в их обороне есть одно слабое место. Как многие люди, они постоянно держат рты открытыми.

Я собираюсь пустить в пасть этого дерева стрелу. Выстрел, конечно, его не убьет, но ранит наверняка. И я надеюсь, дерево дрогнет. Лук бьет чертовски сильно. Как только тварь получит удар, ты должен пробежать мимо и бросить топор в одну из ветвей. Попытайся сбить несколько яблок, а потом я отвлеку дерево от упавших фруктов.

Он отдал Маккею легкий топор Ананы.

— А как насчет их? — сказал Маккей, указывая на три дерева, которые находились всего в двадцати шагах от намеченной жертвы.

Плотоядные монстры приближались медленно, но верно.

— Думаю, мы доберемся и до их яблок. Без фруктов нам не выжить, Энджюс. Они насытят нас и утолят жажду.

— Можешь мне это не объяснять, — проворчал Маккей.

— А я как дерево — не могу держать рот закрытым, — с улыбкой ответил Кикаха.

Он натянул тетиву, прицелился и выстрелил. Стрела вошла в глубь О-образного прохода. В этот момент дерево подняло пару щупалец для очередного шага и слегка отклонилось назад, чтобы удержаться на эластичных подпорках. Стрела, вонзившись в пасть, нарушила слабое равновесие, и тварь упала навзничь. Щупальца замолотили по земле, но им было не под силу поднять тяжелый ствол. Ветви по бокам дерева мешали твари занять более выгодное положение.

Радостно закричав, Кикаха положил руку на плечо Маккея.

— Даже не надо бросать топор. Яблоки и так посыпались. Классный выстрел!

Три ближайших дерева на какое-то время замерли, а затем снова двинулись вверх по склону. Из открытых ртов не раздавалось ни звука, но Кикаха и Маккей видели, как бугристые глаза перекатывались и вращались, указывая на какой-то тип общения. По словам Уртоны, деревья-убийцы не имели разума, но объединяли свои усилия на инстинктивном уровне и в этом напоминали пчел или муравьев. Твари приближались к упавшему сородичу, чтобы помочь ему подняться.

Кикаха побежал к поверженному монстру. Маккей, немного отстав, выглядывал из-за его спины. Оба власти-

теля стояли на безопасном расстоянии — шагах в шестидесяти. Анана с лучемером в руке следила за каждым движением своих спутников.

Еще в начале пути Уртон приказал Маккею расправиться с Кикахой и Ананой при первом удобном случае. Но если бы негр сейчас раскроил рыжему череп, его пристрелила бы Анана. К тому же Маккей начинал подумывать о том, чтобы примкнуть к Анане и Кикахе, поскольку эти ребята знали, как выжить в таком аду. И еще Кикаха был единственным, кто обращался с ним по-человечески. В принципе властители не имели антипатии к другому цвету кожи, но относились к землянам как к нигерам и грызлись между собой не хуже бешеных псов.

Маккей сделал несколько шагов и остановился вне пределов досягаемости метавшихся щупалец. Подняв восемь яблок, четыре он сунул в карманы штанов.

Потом взглянул на Кикаху и не поверил своим глазам. Оседлав упавшее дерево, этот ненормальный доставал стрелу из дыры. Кикаха вырвал застрявшее древко, с острия которого капала белая липкая жидкость. И тут вокруг его талии обвилось щупальце. Вместо того чтобы вырваться и убежать, он изо всех сил воткнул в пасть правую ногу, а затем резко на ней развернулся.

Дерево вздрогнуло от боли, и в следующий миг Кикаха полетел к Маккею, отброшенный прочь конвульсивным движением щупальца.

Маккей мог увернуться, но он подхватил Кикаху, и оба покатались по траве, задохнувшись от удара о землю. Около минуты Кикаха лежал на Маккее, затем перекатился в сторону и поднялся на ноги.

— Ты как? — спросил он, склоняясь над негром.

— Кости вроде бы целы, — ответил тот, поднимаясь на четвереньки.

— Спасибо. Если бы не ты, я сломал бы себе спину. Впрочем, вряд ли — я довольно гибкий. И знаешь, парень, у этих щупалец еще та силенка!

К ним подбежала Анана.

— Ты не ушибся, милый?

— Нет. Меня выручил Черный Энджюс, и с ним, кажется, тоже все в порядке.

— Черный Энджюс? — переспросил Маккей. — Ах ты, сукин сын!

— Это игра слов*, — со смехом ответил Кикаха. — Ты бы знал, если бы вырос на ферме. Только без обид, Маккей.

Кикаха осмотрелся. Три разведчика застыли на месте. Склоны набухавшего холма становились все более крутыми, и деревьям с трудом удавалось сохранять равновесие. Полчища монстров замерли у подножия.

— Нам не следует уходить с холма, — сказал Кикаха. — Тут мы, по крайней мере, в безопасности.

Однако земля вздымалась все выше. Конус холма превращался в столб. При такой скорости преобразований люди вскоре могли скатиться вниз — прямо в пасти деревьев-убийц. Через какие-то пятнадцать минут откос с наклоном в сорок пять градусов станет вертикальной стеной.

— Мы попали в эпицентр изменений! — закричал Кикаха. — Если мутация почвы не остановится, нам придет конец...

Щупальца поверженного дерева безжизненно обвисли. Очевидно, удар ноги оказался сильным. Из пасти сочилась белая жидкость.

Кикаха поднял топор, который выронил Маккей, и, подбежав к дереву, начал срубить короткие ветви. Древесина оказалась мягкой: два-три удара — и ветвь падала на землю. Чтобы отделить более прочные щупальца, Кикахе пришлось удвоить усилия. Он отбросил топор и, приподняв конец ствола, развернул его так, чтобы дерево могло скатиться с холма.

— Зачем ты надрываешься? — с удивлением спросила Анана.

— Подожди немного, — ответил Кикаха. — Я думаю, то, что ты увидишь, придаст нам новые силы. Одну секунду потерпи — всему свое время.

Он подошел к середине ствола и толкнул его ногой. Дерево медленно покатилося вниз, набрало скорость и, подскочив на небольшом бугорке, полетело в группу мон-

* Мука грубого помола и в то же время, искаженно, — «черная тоска».

стров, которые с трудом удерживались на склоне. Те повалились назад, покатались под откос, ломая ветви и подпрыгивая на выступах. Некоторые взлетали в воздух, словно пушечные ядра.

Эффект нарастал в геометрической прогрессии. Когда все закончилось, в овраге у подножия холма образовалась куча наваленных друг на друга стволов. Деревьев было не меньше пятисот, и ни одно из них не могло подняться самостоятельно. Картина напоминала бурелом или последствия обвала.

— Прямо какое-то столботворение! — воскликнул Кикаха.

Поваленные деревья уже не тянули в стороны тысячи осьминожьих щупалец. И ни один лес не спешил на помощь поверженным собратьям.

— Боевые деревья на марше, — прокомментировал Кикаха.

Анана и Маккей не поняли шутки, но усталость и тревога поубавили их интерес к словам Кикахи. Во всяком случае, они не стали спрашивать объяснений.

Холм набухал, и люди, цепляясь за траву, с трудом удерживались на вершине. Трое разведчиков скатились на «спинах» в кучу упавших стволов.

— Я спускаюсь к подножию, — заявил Кикаха.

Он лег на спину и заскользил вниз. Остальные последовали его примеру. Основательно натерев зады, люди стали тормозить каблуками и наконец, не выдержав, перевернулись на животы. На штанах у каждого появилось по несколько дыр.

— Ты видела воду? — спросил Кикаха, указывая вправо.

— Кажется, да, — ответила Анана. — Но я подумала, что это мираж.

— Нет. Перед тем как спуститься, я видел там большой водоем. До него миль пятнадцать. Хотя ты сама знаешь, как обманчиво здесь расстояние.

Внизу, на протяжении двухсот футов, корчилось и извивалось сплетение живых стволов. Чтобы миновать зону «лесоповала», людям приходилось спускаться под углом к крутому склону. Шлем Маккея, лук и колчан Кикахи,

лучемер и топор Ананы затрудняли движения, но люди упорно стремились вперед. Одолев в прыжке последние десять футов, они приземлились кто на ноги, а кто и на четвереньки.

Деревья не обращали на них внимания. Видимо, инстинкт спасения братьев доминировал над потребностью убивать и поедать. Тем не менее пробраться через нагромождение стволов люди не могли.

Кикаха взглянул вверх. Склон холма, источая жар, превратился в вертикальный откос. Вершина пузырилась буграми и начинала нависать широким козырьком.

— Какое-то время трава и корни удержат эту массу от падения, — сказал он. — Но вскоре она рухнет, и мы все окажемся погребенными.

Деревья двигались к упавшим братьям сплошной стеной. Их ветви сплетались друг с другом и шелестели листвою. Колонна существ сдвигалась немного вправо, избегая встречи с людьми. Но тех смущали и пугали сотни вытянутых щупалец.

Через пять минут вершина холма начала походить на шляпку гриба. Огромные куски земли вот-вот могли оторваться и упасть.

— Знаешь, Кикаха, нравится тебе это или нет, но нам придется воспользоваться лучемером, — сказала Анана.

— Ты научилась читать мои мысли? Я только надеюсь, что нам не понадобится выкосить весь лес. Возможно, деревья неплохо горят.

— Да вы просто спятили! — закричал Уртон. — Мы же сгорим заживо!

— У тебя есть другие предложения?

— Да. Я считаю, что нужно установить лучемер на максимальную мощность и прорубить тропу.

— На это уйдет весь заряд, — возразила Анана. — А когда мы окажемся посреди леса, деревья могут наброситься на нас. И тогда нам уже ничто не поможет.

— Подпали парочку, — попросил ее Кикаха. — Только выбери деревья подальше от нас.

Анана подкрутила диск на нижней части рукоятки и прицелилась в дерево, которое медленно двигалось в пяти

ярдах справа от нее. Через несколько секунд кора задымилась, и еще через десять — по стволу поползли языки огня. Существо, казалось, ничего не замечало и все так же продвигалось вперевадку к ложбине. Однако деревья, следовавшие за ним, остановились. Они, очевидно, уловили запах дыма, и инстинкт выживания погнал их прочь.

Анана подожгла еще три дерева. Внезапно на землю упали несколько существ, не пожелавших идти за горящими сородичами. Остальная часть колонны продолжала движение, и деревья, упираясь ветками в передние ряды, сбивали друг друга наземь.

Наконец задние ряды остановились. Тысячи щупалец затрепетали, извиваясь, как змеи. А потом, словно боевой отряд, услышавший беззвучный сигнал трубы, деревья развернулись и стали отходить. Колонна, набирая скорость, поползла в противоположном направлении.

Горевшие деревья замерли на месте. Судя по неистовым взмахам щупалец, они почуяли беду. Стволы лизало пламя. Пожухлые листья отлетали от пылавших стеблей. Фасеточные глаза сплывались и, шипя, потекли по стволу.

Одно из деревьев упало. Оно лежало, как святочное полено, и источало тошнотворный запах горелой плоти. Секундой позже рухнули и два его собрата по несчастью. Их ноги продолжали двигаться, корябая землю широкими круглыми ступнями.

Однако авангард колонны по-прежнему не знал, что происходило сзади. Ветер относил от них дым и феромоны паники. Деревья двигались к завалу, пока не оказались на краю ложбины. Передние попытались поднять упавших, но не смогли этого сделать — попросту было негде развернуться.

— Сожги их всех! — закричал Рыжий Орк. К его воплю присоединился голос Уртоны.

— А какая от этого будет польза? — спросил Кикаха, с отвращением оглядев двух братьев. — Они не могут визжать, как вы, но тоже чувствуют боль. Разве не так, Уртона?

— Не больше, чем кузнечик. — ответил властитель.

— А ты был когда-нибудь кузнечиком? — спросила Анана.

В массе отступавших деревьев образовался проход около двадцати футов шириной, куда и бросился Кикаха. Остальные помчались следом. Внезапно раздался крик Маккея:

— Она падает!

Объяснять, что такое «она», не понадобилось. Люди бежали изо всех сил. Кикаха, возглавлявший отряд, довольно быстро остался позади. При спуске со склона у него разболелась нога. Отбитые легкие тоже давали себя знать. Анана схватила его за руку и потащила за собой.

Позади раздался грохот. Мимо пролетел гигантский ком жирной земли с пятнами рыжевато-ржавой травы, совсем близко шлепнулся наземь и при ударе разлетелся на куски. На Анану и Кикаху обрушилась волна мелкого крошева, где пыль, маслянистая земля и острые травинки превратились в сплошную массу. К счастью, удар оказался мягким — пластичный грунт поглотил почти всю энергию упавшей массы.

Они поднялись на ноги и обогнули кучу земли, под которой мог бы разместиться гараж для одной машины. Кикаха быстро оглянулся. Основная часть грунта упала позади. Из-под земли торчали обломанные ветви, щупальца и сучившие в воздухе ступни.

Опасность миновала. Кикаха остановился, и Анана устало прижалась к нему.

В сорока футах от них стояли Орк, Маккей и Уртон и разглядывали огромную кучу грунта, возникшую у основания холма. Вскоре с вершины рухнула новая лавина.

Сотня деревьев, оставшихся в живых, по-прежнему удирала прочь со скоростью, на которую были способны эти неуклюжие создания.

— Мы должны отсечь несколько деревьев из задних рядов, — сказал Кикаха. — Надо собрать как можно больше яблок. Они нам пригодятся, пока мы будем добираться до водоема.

От пережитых волнений путешественников бил озноб, но ситуация требовала действий. И они ринулись в погоню за деревьями. Анана метала топор, Маккей — шлем. Добытых фруктов оказалось больше, чем они могли унести. Каждый съел не меньше дюжины плодов.

Утолив голод и жажду, люди отправились к воде. Кикаха надеялся, что запомнил верное направление. В мире без солнца, где ландшафт менялся на глазах, заблудиться ничего не стоило. Гора, которую принимали за ориентир, становилась долиной в течение одного дня.

Анана шла рядом с Кикахой.

— Давай немного отстанем,— шепнула она.

Кикаха замедлил шаг и подождал, пока остальные не опередили их ярдов на сорок.

— Ты что-то хотела сказать?

Она подняла лучемер и показала нижнюю часть рукоятки. На регуляторе мощности мигал красный огонек. Она повернула диск, и огонек погас.

— Заряда хватит только на один хороший выстрел. Если цель будет находиться на расстоянии шестидесяти футов, лучемер проработает всего три секунды. Конечно, заряд можно немного сэкономить, переведя мощность в режим слабого ожога или «оглушения».

— Не думаю, что, узнав об этом, твои родственники попытаются нас убить,— сказал Кикаха.— Они нуждаются в нашей помощи — во всяком случае пока. Но когда мы найдем дворец Уртоны, нам придется держать ухо востро. Сейчас меня беспокоит только то, что без лучемера мы, возможно, не справимся с другими проблемами.— Он замолчал и посмотрел через плечо Ананы.— Например, с ними.

Она оглянулась.

На вершине хребта, который находился в двух милях, вырисовывались очертания длинного каравана. В розовой дымке Анана разглядела фигуры людей и крупных животных.

— Местные,— произнес Кикаха.

Глава 5

Трое мужчин с тревогой смотрели на приближавшуюся парочку.

— Какого черта вы там шушукаетесь? — визгливо крикнул Рыжий Орк.

Кикаха засмеялся.

— Довольно забавно путешествовать с такими параноиками, как вы. Мы обсуждали их.— Он махнул рукой в сторону горного хребта.

Увидев караван, Маккей застонал.

— Что же теперь будет?

— Уртона, твои аборигены враждебно относятся к пришельцам? — спросила Анана.

— Не знаю,— ответил властитель.— Мне только известно, что у них племенной уклад жизни. Обычно я использовал для прогулок флайер и, наблюдая за ними, никогда не видел, чтобы два племени встречались друг с другом без конфликтов. Однако территориальных споров у них нет. В этом мире такое просто невозможно.

Анана с улыбкой взглянула на Уртону.

— Слушай, дядя, а как они отнесутся к нам, если мы представим им тебя как властителя этого мира? Ведь именно ты обрек этих людей на адские муки, выкрав их предков с Земли.

Уртона побледнел.

— Они привыкли к Лавалитовому миру. Откуда им знать, что где-то есть места получше.

— В мире Ядавина люди живут тысячу лет. А что ты скажешь о своих подданных?

— Жизнь туземцев длится около сотни лет, но зато они не страдают от болезней.

— Я думаю, они заметили нас,— произнес Кикаха.— В любом случае нам предстоит идти в том же направлении.

Они вновь отправились в путь, время от времени поглядывая на гряды. Через два часа караван скрылся за горой. Гряда не меняла формы почти весь день. Очевидно, это была одна из тех областей, где топологические мутации шли не так быстро.

Наступила еще одна «ночь». Ярко-красное небо покрылось темными горизонтальными полосами разной ширины, каждая из которых имела собственный оттенок. Полосы начали расширяться и темнеть, а затем слились друг с другом, и тускло-красное небо стало похоже на огромный кусок воспаленной плоти.

... Люди находились на плоской равнине, края которой скрывались за горизонтом. Горы исчезли, то ли осев как пена, то ли скрывшись в розовой мгле. Вокруг бурлила жизнь. Неподалеку, на безопасном расстоянии, паслись сотни или тысячи животных: антилопы разных размеров и видов, газели, стадо слонов без бивней и несколько гигантских мусоидов.

Уртона сказал, что по соседству могут бродить крупные хищники кошачьей породы и дикие собаки. Но на голой равнине кошкам трудно ловить добычу, и они, очевидно, ушли в другие места... Из хищников люди увидели только маленьких гепардов, от которых убегали лишь страусоподобные птицы.

Кикаха стал медленно подбираться к антилопам, надеясь, что животные подпустят его на расстояние выстрела. Однако те испуганно разбегались в стороны.

Внезапно издалека донесся безумный стук копыт, и среди животных началась паника. Тишина взорвалась топотом удиравшего стада. Пыли не было; маслянистая почва сохраняла влагу, хотя встречались места, где в ходе быстрых мутаций подземный жар превращал поверхность земли в сухую корку.

Кикаха замер на месте. Мимо него проносились тысячи бегущих и прыгающих животных. Когда их лавина начала редеть, он сразил стрелой пятнистую газель. Анана, стоявшая в двухстах ярдах, закричала и побежала навстречу. А потом Кикаха увидел тех, кто так ее встревожил. Послышался торопливый топот, и из сумеречной дымки появилась группа длинноногих бабуинов. Их задние и передние конечности имели одинаковую длину, поэтому «руки» ничем не отличались от «ног».

Это были крупные животные, и их вожак, возможно, тянул на все сто фунтов. Они промчались мимо людей с открытыми ртами. С длинных и острых клыков стекала слюна. Стая насчитывала около сотни обезьян. Детеныши сидели на спинах матерей, цепляясь за длинные волосы.

Когда последний бабуин исчез во мгле, Кикаха облегченно вздохнул. Уртона сказал, что в любое другое время обезьяны без колебаний напали бы на их отряд. К сча-

стью, наметив жертву, они уже не меняли решения, и теперь их занимала только охота на антилоп. Но если бабуины упустят добычу, они могут вернуться, чтобы поужинать людьми.

Кикаха разделал ножом газель.

— Меня тошнит от сырого мяса,— заворчал Орк.— Я очень голоден, но от одного вида этих кровавых кусков мой желудок выворачивается наружу!

Кикаха усмехнулся и предложил ему сочившуюся кровью лопатку.

— Что ж, если хочешь, можешь стать вегетарианцем. Орехи для «крепких орешков», фрукты для «фруктов», а ягоды — тебе. Только не перепутай их с дерьмом бабуинов.

На лице Маккея появилась гримаса отвращения.

— Мне не нравится ни то ни другое. Такое впечатление, что это мясо живое. Я его глотаю, а оно ползет обратно.

— Попробуй одну из этих почек,— сказал Кикаха.— Они очень вкусные и мягкие. Или тебе предложить яичко?

— Ты просто отвратителен,— возмутилась Анана.— Сидишь тут, остришь, а у самого с подбородка стекает кровь...

Однако взяла предложенный кусок и безропотно стала жевать.

— Неплохо, правда? — с улыбкой спросил Кикаха.— Голод меняет вкусы не хуже моды.

Какое-то время все молча ели. Насытившись, Кикаха встал, попросил у Ананы топор и стал отрубать рога газели: тонкие прямые наросты длиной фута два. Отделив их от черепа, Кикаха сунул рога за пояс.

— Теперь остается найти подходящие ветви,— сказал он.— Из этих штук мы сделаем наконечники для копий.

В темноте послышался злобный клекот. Люди вскочили на ноги и стали озиаться. Клекот стал громче, и из темно-красной мглы проступили очертания гигантской фигуры. Огромная птица напоминала моа. Во всяком случае, Кикаха назвал ее именем этой вымирающей новозеландской птицы. Достигая в высоту двенадцати футов, она имела рудиментарные крылья, длинные толстые ноги

с двумя когтями и мощный клюв, похожий на кривую турецкую саблю.

Кикаха бросил в ее сторону две ноги и голову газели. При слабой гравитации куски упали очень далеко. На Земле это показалось бы просто невероятным. Заметив летевший в нее череп, птица отскочила футов на сорок, но затем, осмотрев людей круглым блестящим глазом, вприпрыжку побежала к подачке. Еще раз убедившись в том, что люди не представляют опасности, она подхватила клювом кровавые куски и убежала.

Кикаха поднял переднюю ногу газели и предложил спутникам прихватить с собой запас мяса.

— Будет чем перекусить перед сном. Много не берите — на такой жаре мясо быстро испортится.

— Эх, парень, сейчас бы воды, — пожаловался Маккей. — Хочется не столько пить, сколько смыть с себя эту кровь.

— Потерпи немного, — ответил Кикаха. — Где-то там, впереди, водоем. К счастью, мухи здесь по ночам не летают. Но если мы не доберемся до воды к утру, нас покроет облако насекомых.

Они снова отправились в путь. По расчетам Ананы, отряд удалился от холма на десять миль. До водоема оставалось около двух часов ходьбы, если только расстояние правильно оценили. На исходе третьего часа, так и не обнаружив никакой воды, Кикаха попытался успокоить спутников.

— Возможно, она дальше, чем мы думали, — говорил он. — Или нас немного повело в сторону.

Равнина начала опадать в направлении движения путешественников. После первого часа они шли по широкой ложбине, глубина которой не превышала четырех футов. К концу второго часа края углубления оказались на уровне их голов, а когда они остановились передохнуть, овраг сузился до полумили и углубился на двенадцать футов.

Откосы ложбины становились все круче, но по ним еще можно было забраться вверх — во всяком случае пока.

Кикаха заметил, что вся живность и ходячие растения стремятся выбраться из оврага.

— Думаю, нам лучше вытащить свои задницы на равнину, — сказал он. — Мне что-то здесь не нравится, и я больше не хочу оставаться в этой яме.

— Мы только потеряем время и удлиним путь, — возразил Уртона. — Я устал, и мне не по душе твоя затея.

— Хорошо, оставайся здесь, — ответил Кикаха. — Пойдем, Анана.

Буквально через миг он почувствовал под ногами влагу. Другие, с криками вскочив с земли, тревожно озирались. По дну оврага струилась вода, которая в сумраке выглядела черной. Не прошло и нескольких секунд, как она добралась до их лодыжек.

— Ничего себе! — закричал Кикаха. — Ложбина соединилась с морем. Бежим отсюда ко всем чертям!

До ближайшего откоса было шагов шестьсот—семьсот. Кикаха отбросил ногу антилопы и побежал к пологому склону. За спиной у него болтались колчан и лук, на плече висел футляр с инструментом. Остальные снова оказались впереди. Анана, в который уже раз, схватила Кикаху за руку и потащила за собой. Когда они одолели полпути, уровень воды поднялся до колен. Бежать становилось труднее, но они упорно продвигались вперед. Взглянув влево, Кикаха увидел огромную, стремительно приближающуюся волну. Черный блестящий гребень раза в два превышал человеческий рост.

Первым по склону поднялся Уртона. Упав на колени, он протянул Маккею руку и вытащил его на край откоса. Рыжий Орк попытался схватить негра за ногу, но не дотянулся, соскользнул вниз и с яростным криком вновь начал карабкаться по склону. Маккей бросился было на помощь, но Уртона велел ему не суетиться, и негр покорно сел рядом.

Тем не менее Орк выбрался из оврага. К тому времени вода дошла Кикахе и Анане до пояса. Добравшись до склона, они начали взбираться наверх, но Кикаха поскользнулся и упал на спину. С трудом поднявшись на ноги, он почувствовал, как задрожала земля. Уши заполнил звук, предвещавший приближение огромной массы воды.

Кикаха подтолкнул Анану наверх и, подпрыгнув, уцепился за траву. Анана схватила его за запястье и потянула

к себе. Нашупав опору, Кикаха перевел дух и начал карабкаться по склону. Трое мужчин, стоя на коленях у края оврага, наблюдали за муками своих спутников. Кикаха выругался и велел им помочь Анане.

Орк пожал плечами. Его брат злорадно усмехнулся. Внезапно Уртона подскочил к Орку и толкнул его в спину. Тот упал и откатился от края обрыва. Маккей склонился к Анане и выхватил у нее из-за пояса лучемер. Сделав последний рывок, она выбралась на край, и в этот момент негр столкнул ее вниз. С пронзительным криком Анана упала в воду.

Уртона протянул руку к Кикахе и закричал:

— Рог Шамбаримена! Отдай его мне!

Внезапная смена событий ошеломила Кикаху. Он ожидал вероломства властителей, но не так скоро.

— Пошел ты к черту, Уртона!

В этот напряженный момент Кикаха не мог обернуться и посмотреть на Анану. Однако слышал где-то рядом ее напряженное дыхание. По всей вероятности, она снова карабкалась на откос. Рыжий Орк куда-то исчез.

Кикаха сорвал с плеча ремень, к которому крепился футляр. Уртона победно усмехнулся, но улыбка сползла с его лица, когда Кикаха отвел руку за спину и футляр повис над водой.

— Вытащи Анану на берег! Живо! Или я брошу рог!

— Пристрели его, Маккей! — закричал Уртона.

— Вот же дьявол! Послушай, босс! Ты мне так и не сказал, как действует эта штука!

— Ты просто глупая скотина!

Уртона повернулся к негру, намереваясь вырвать у него оружие. Понадеявшись на Анану, Кикаха швырнул футляр вниз, а сам, перекатившись через край, рванулся к Маккею и Уртоне. Негр наотмашь ударил его лучемером по голове. Кикаха покачнулся и упал.

Несколько секунд он вообще ничего не соображал и даже не чувствовал рук и ног. Но вибрация почвы вернула ему частичку сознания. Кикаха не знал, отчего тряслась земля — скорее всего, от приближения гигантской волны, если только это ему не показалось. От удара по голове и не такое могло померещиться.

«Да и черт с ним! Там же Анана...»

Не успел он подняться на ноги, как кто-то ударил его в челюсть, и через миг Кикаха оказался в воде.

Холодная пучина немного привела его в чувство. Кикаху подбрасывало вверх, затягивало вниз и кружило в водоворотах. Сражаясь за глоток воздуха, он отчаянно пытался вырваться на поверхность. Рука скользнула по твердому выступу дна, потом поток вынес его на поверхность и закружил колесом на гребне вала. Верх и низ смешались в непрерывной круговерти, и вскоре мощное течение вновь прижало его ко дну и потащило вперед.

Кикаха понял, что ему пришел конец. Легкие пронзила боль. В голове шумело, и он больше не мог задерживать дыхание. Но рот все же раскрылся, и в этот момент Кикаху вытолкнуло наверх, и он успел несколько раз вздохнуть.

Течение вновь затянуло Кикаху на дно, а потом что-то ударило его по голове.

Глава 6

Он медленно открыл глаза. Небо начинало покрываться горизонтальными полосами, где темно-красные оттенки чередовались с огненно-алыми лентами. Наступал «рассвет».

Кикаха лежал на мелководье. Перекатившись на бок, он встал на четвереньки. Голова раскалывалась от боли. Ребра ныли так, будто он выстоял на ринге двенадцать раундов против профессионального боксера. Кикаха осторожно поднялся на ноги и осмотрелся. Он находился на берегу канала. Очевидно, его выбросило сюда волной, и он остался лежать в огромной луже вместе с дюжиной трупов больших и малых животных. Как видно, им тоже не удалось вовремя выбраться из оврага.

Поодаль виднелась скала — вернее, круглая гранитная глыба размером с дом. Она напомнила ему тот валун, который перенесся с ним из вселенной Ананы. В Лавалиновом мире не было таких скалистых пластов, какие встречались на Земле, однако здесь то и дело встречались глы-

бы и камни, которые Уртона ради забавы разбросал по всей планете.

Анана считала, что в некоторых из них властитель спрятал замаскированные врата. Скорее всего, они активировались определенным словом или прикосновением к особому участку камня. Врата могли перенести человека не только во дворец Уртоны, блуждавшего по просторам Лавалитового мира, но и в другую «карманную» вселенную. Сам Уртона на вопросы о вратах отвечал презрительным молчанием.

Будь у него сейчас рог Шамбаримена, Кикаха проверил бы эту скалу за пару минут. Потребовалось бы только протрубить семь нот в определенной последовательности. Но рога не было. Если Анана не выбралась вместе с ним на край склона, значит, инструмент унесло потоком. В лучшем случае чудесный рог находился теперь у Уртоны.

В миле от глыбы виднелась коническая гора с глубокой впадиной, похожей на кратер. На Земле она могла бы оказаться вулканом, но на этой планете таких просто не существовало. Гора довольно долго не меняла форму.

Чуть дальше вдоль канала тянулись высокие холмы. Равнина вокруг них менялась на глазах, а значит, мутации почвы в этом районе проходили с ускорением.

Лук и колчан исчезли. Очевидно, Кикаха потерял их, когда поток ташил его по дну. Однако пояс с ножнами остался, а вместе с ними и охотничий нож. Рубашку сорвало, майка превратилась в лохмотья. На штанах зияли дыры. Ботинки разваливались на части.

Кикаха выругался и побрел по берегу у самой воды, высматривая тела своих спутников. Никого не обнаружив, он немного воспрянул духом: появилась слабая надежда, что Анана еще жива. Если жив он, то и она могла уцелеть.

Воодушевленный, Кикаха попытался насвистеть какой-то мотив, но мелодия получилась слишком уж тоскливой. Он с трудом отрезал ногу антилопы и снял с нее кожу. С трудом, потому что ему досаждал рой больших черных мух, облепивших труп. Укус даже одной мухи был достаточно болезненным, но после сотни укусов у человека возникало ощущение, будто кожу сдирают наждачной

бумагой. Каждый раз, когда Кикаха двигал рукой, поворачивал голову или менял положение, мухи с жужжанием поднимались в воздух. А потом снова садились на него и ползали по телу, выбирая лакомый кусочек.

Наконец Кикаха отправился в путь, взвалив на плечо отрезанную ногу антилопы. Половина мух осталась на трупe животного, остальные последовали за ним, найдя освежеванную ногу более съедобной. И ему то и дело приходилось колотить себя по лицу, сгоняя надоедливых насекомых. Не в силах больше сдерживать гнев, Кикаха проклял Уртону. Создавая свой мир и разрабатывая его экосистемы, властитель мог бы обойтись без мух.

Впрочем, подобный упрек не раз выражали и жители Земли.

Сражаясь с потоком, Кикаха вдоволь наглотался воды, однако вскоре жажда снова напомнила о себе. Встав на колени, он обеими руками зачерпнул прохладную влагу. По словам Уртоны, на его планете даже океанская вода была пресной и пригодной для питья. Кикаха съел немного мяса, пожалев о том, что не может сбалансировать диету фруктами и овощами.

На следующий день он повстречал группу подвижных растений. Стволы, покрытые красными, белыми и синими спиральными полосами, достигали в высоту шести футов. С ветвей свисали какие-то оранжевые фрукты. В отличие от деревьев, которые Кикаха встречал накануне, ноги этих растений имели коленный сустав, а вместо щупалец они обладали своим собственным методом защиты.

К счастью, приближаясь к ним, он вел себя осторожно. У каждого растения посреди ствола располагалось несколько отверстий. Едва Кикаха направился к деревцу, которое отстало от группы, как оно тут же развернулось и нацелилось в него одним из своих отверстий. Отсутствие глаз компенсировалось острым слухом. Или, возможно, растение имело какое-то акустическое устройство, напоминавшее эхолот летучих мышей.

Каким бы ни был этот биологический механизм, деревце медленно разворачивалось, не позволяя человеку подойти к стволу с другой стороны. Кикаха приблизился

еще на несколько шагов и остановился. В отверстии появилось что-то темное и пульсирующее, а затем оттуда высунулась черно-красная масса плоти. В ее центре торчала короткая трубка из хряща или кости, которая слишком уж походила на оружие.

Кикаха бросился на землю, отбив ребра и поцарапав щеку. Раздался хлопок. Что-то пролетело над его головой. Он перекатился в сторону, вскочил и побежал за снарядами. Через десять секунд Кикаха держал в руке оперенный костяной дротик, острие которого без труда вонзилось бы в тело. На игольчатом конце поблескивал тонкий слой зеленоватого вещества.

Вряд ли пневматический самострел использовался только для обороны. А значит, растения охотились на зверей и питались мясом.

Сохраняя безопасную дистанцию, Кикаха обошел растения стороной. Деревце, выпустившее дротик, с громким чмоканьем втягивало в себя воздух. Остальные поворачивались, нацеливая на человека свои смертоносные дупла.

Деревья не имели ни глаз, ни щупалец. Но они «видели» человека и, вероятно, знали какой-то способ поглощать мясо жертвы. Кикаха решил посмотреть, что случится дальше. И ему не пришлось долго ждать.

Растения двинулись к трупам антилоп, лежавшим на берегу канала. Широко расставив «ноги», плотоядные хищники садились на тела животных и замирали в неподвижных позах. Присмотревшись, Кикаха понял, как они ели. Из нижней части ствола растения выдвигалась пара подвижных губ, которые без всяких усилий вырывали из туши большие куски мяса. Скорее всего, на губах располагались крошечные, но острые зубы.

Уртона ничего не говорил об этом виде плотоядных деревьев. Возможно, он промолчал в надежде на то, что Кикаха и Анана проявят неосторожность и погибнут от смазанных ядом дротиков.

Пора было отправляться в путь. Кикаха вновь почувствовал себя достаточно сильным для долгого перехода. Но сначала требовалось найти какое-то оружие. Вернее, не найти, а собрать. Для этого он подбежал к растениям

поближе и упал на землю. Подобный маневр был не только смертельно опасен, но и причинял физическую боль, но выбирать не приходилось. Отыскав в траве дюжину дротиков, Кикаха оторвал от брюк небольшой лоскут и завернул в него ядовитые снаряды. Сунув сверток в задний карман и беспечно помахав на прощание деревьям, он зашагал по берегу канала.

Животных становилось все больше. Они чуяли воду и сбегались к ней отовсюду. Кикаха сделал крюк, обходя стадо из тридцати слонов. Толстокожие гиганты всасывали воду хоботами, а затем струей направляли ее себе во рты. Детеныши обливали друг друга водой и резвились на берегу. Крупная слониха — возможно, вожак — проводила чужака настороженным взглядом, но не стала отгонять его от стада.

Эти животные отличались от африканских слонов не только отсутствием бивней, но и несколько иной комплекцией: их ноги были более длинными, а тела — менее массивными.

Через полчаса Кикаха встретил еще одно стадо слонов, которое паслось в «роще» дротиковых растений. Толстокожие создания лениво бродили под градом крошечных стрел и, по-видимому, совершенно их не замечали. Скорее всего, яд дротиков на них не действовал. Взрослые слоны сбивали деревья с «ног», а потом отдирали от стволов короткие ветви и совали хоботами в огромные пасти. Мощные челюсти размалывали покрытые корою тела. Желтые зубы перетирали плоть и древесину. Еда доставляла слонам поистине экстатическое наслаждение. А затем растительно-протеиновая пища исчезала в гигантских глотках.

Детеныши-сосунки довольствовались упавшими кусками.

Некоторые из растений черепашным шагом отходили от стада слонов, и их никто не преследовал. Но по воле случая они стали добычей гигантских мусоидов, которые тоже были невосприимчивы к яду дротиков. Самцы с синими гривами и голубыми хвостами напоминали безрогих канадских лосей. Они поедали растения не хуже слонов.

Оказавшись неподалеку от «лосей», Кикаха заметил одну интересную особенность. Добравшись до органа, который содержал дротики, они отбрасывали его в сторону. Все остальное, в том числе и мясистые «ноги», шло в раздутые животы.

Кикаха улучил момент и подхватил одну из кожистых сумок. Вскрыв ее, он обнаружил внутри дюжину дроти-ков — каждый находился внутри маленькой трубки. Он сунул сумку за пояс и отправился дальше.

Несколько раз его путь пересекали стаи рыжевато-красных саблезубых кошек, не уступавших по размерам африканским львам. Они замечали Кикаху, но не интересовались им. Их даже не прельщала близость многих парнокопытных. Очевидно, в тот момент они нуждались только в воде.

Мимо Кикахи пробежала стая диких собак. Их красные языки вываливались из пастей, а глаза изумрудно-зеленого цвета злобно мерцали. Животные достигали в холке двух с половиной футов, немного походили на гепардов, но пятнистые шкуры придавали им сходство с леопардами.

Однажды он натолкнулся на семейство животных, которые выглядели так, будто к торсам больших кенгуру прикрепили головы гигантских кроликов. Судя по острым плоским зубам, они были грызунами. На животах самок, как у всех сумчатых животных, располагались покрытые шерстью карманы, откуда высовывались мордочки юных «кенгуроликов».

Изучая местную фауну, Кикаха не забывал посматривать и на воду. Однажды ему показалось, что посреди канала плывет человеческое тело. Сердце Кикахи громко забилося. Однако, приглядевшись, он понял, что это какой-то безволосый водяной зверек. Его раздвоенный хвост походил на пару человеческих ног. Внезапно он исчез под водой и через несколько секунд вновь появился на поверхности, сжимая зубами рыбу, которая извивалась под его длинными усами. Добыча, издававшая визгливые булькающие звуки, выглядела довольно странно: четыре толстые короткие ножки, рыбья голова и вертикальный плавник, доходивший до хвоста.

Уртона рассказывал, что все рыбы этого мира являлись амфибиями. Исключение составляли обитатели побережья и морских островов, поскольку области морей и океанов не подвергались пространственным метаморфозам. Остальным представителям животного и растительного царств приходилось перемещаться с места на место, иначе им грозило бы вымирание. Это правило не касалось только травы. Трава оставалась неподвижной.

Через час из-за горизонта появилась одна из причин, порождавших в Лавалитовом мире непрерывную миграцию. Красноватый спутник медленно поднимался вверх, заполняя собой половину небосвода. Временная луна находилась не прямо над головой, поэтому Кикаха мог видеть ее очертания. Небесное тело походило на две выпуклые линзы, сложенные вместе, поэтому контур представлял собой удлинённый овал. Спутник медленно вращался вдоль продольной оси и за два часа поворачивался не больше чем на два градуса.

В конце концов Кикахе надоело смотреть на луну.

Уртона говорил, что это довольно небольшой осколок. Маленькие луны возникали после каждых двенадцати крупных расколов. И хотя спутник выглядел огромным, на самом деле он был невелик — около сотни километров в длину. Он казался таким большим потому, что находился очень близко от поверхности.

Из школьных занятий и многочисленных книг Кикаха вынес кое-какие сведения о физических законах небесных тел. И знал, что ни один объект подобной массы не мог парить так медленно вблизи от планеты. Во вселенной Земли он давно бы упал со своей орбиты.

Однако понятия Кикахи о возможном и невозможном претерпели большие изменения, после того как много лет назад он прошел через врата в мир Ядавина. Теперь же, во вселенной Уртоны, ему еще раз пришлось расширить диапазон своих знаний. Технология властителей позволяла создавать стабильные структуры с различными пространственно-временными законами. Их ученые не знали ограничений в преобразованиях энергии и материи.

Когда-нибудь и жители Земли достигнут таких же высот науки — если только доживут до этого времени. Они

тоже начнут создавать внутри своей вселенной пузыри пространственно-материальных матриц, а затем творить миниатюрные «карманные» миры. Однако до той поры им предстояло развенчать иллюзию бесконечного пространства и перенести глубокое потрясение, обнаружив за пределами Солнечной системы конечный рубеж своей вселенной.

Кикаха еще раз взглянул на луну. Когда же она упадет на планету? На его вопросы Уртона ответил, что не помнит формулы планетарных расщеплений. Возможно, он действительно забыл ее. Луна появлялась на небе почти ежедневно, а это, по словам Уртоны, говорило о том, что они находились недалеко от полюса — просто полюса, поскольку сторон света здесь не существовало. Дело в том, что каждая луна вращалась вокруг планеты по спиральной орбите, которая относилась к одному из двух полюсов.

Кикаху тревожила эта огромная штука, парившая в небе. Судя по ее размерам, она вот-вот должна была упасть. Орбита луны могла найти свое завершение уже на следующем витке. А падать она будет очень быстро. Уртона рассказывал о случае, когда луна, оказавшись в двенадцати тысячах футов от поверхности, начала снижаться со скоростью полфута в секунду. Центробежная сила замедлила падение, и в последний момент не возникло ни взрыва, ни ударной волны. Столкновение с планетой больше походило на «присоединение», чем на удар.

Тем не менее энергия поглощалась не только землей, но и воздухом. Падающее тело создавало вихри, которые могли зажарить любую живую тварь в пятидесяти милях от зоны столкновения. Кроме того, удар вызывал мощное землетрясение.

Между тем на луне обитали животные, птицы, рыбы и растения — те флора и фауна, которые в момент расщепления находились на территории отделившегося куска планеты. Те из них, которые при столкновении окажутся на нижней части спутника, будут погребены под землей. Счастливики, попавшие на верхнюю часть, получают пятидесятипроцентный шанс на выживание — если только не будут находиться вблизи от краев.

Уртона говорил, что отколовшиеся куски никогда не падали рядом с океанами. Там располагались относительно стабильные зоны, где изменение прибрежных территорий происходило очень медленно.

Кикаха надеялся, что где-то рядом находился один из пяти океанов.

Мимо него проносились птицы и крылатые млекопитающие. По численности они превосходили всех других представителей животного царства. Небо темнело от пролетающих стай, которые насчитывали по нескольку сотен тысяч птиц. Большую часть видов и пород Уртона заимствовал с Земли. Некоторых птиц Кикаха видел только в мире Ядавина. Но встречались и совершенно незнакомые, причем такие странные и гротескные, что в их родословной явно не обошлось без уродцев из лабораторий Уртоны.

Несмотря на различия в происхождении, их компанию объединял неумолкавший гвалт — прямо как на птичьих базарах Земли. Воздух звенел от свиста, щебета, трелей, карканья, уханья и пронзительных криков. Многие из них ловили рыб, ныряя в воду с высоты или лениво плавая на поверхности. Другие гонялись на мелководье за тварями, похожими на лягушек. Некоторые гордо восседали на слонах и гигантских «лосях», склевывая с их спин жуков и паразитов. Мелкие пичуги доставали пищу из зубов огромных крокодилов. Сотни птиц сидели на ветвях различных растений, поедая фрукты и семена. Деревья против этого не возражали. Но иногда вес птиц оказывался слишком большим. Растение теряло равновесие и падало на землю, а стая, испуганная резким шумом, взмывала вверх, как дым над горящей рошей.

Деревья с щупальцами спешили поднять беспомощных собратьев. Остальные виды оставляли упавших на волю судьбы. Чуть позже поваленными растениями лакомились слоны и мусоиды.

Прошло около трех часов, и небесное тело, умчавшись вдаль, превратилось в крохотную точку. Луна была единственным телом, которое отбрасывало тень на поверхность планеты, но и она казалась бледным призраком в сравнении с тенями на Земле. Тем не менее ее физическая

бледность с лихвой компенсировалась эмоциональным мраком беспокойства и паники. И никакая тень в родном мире Кикаха не вызывала подобных чувств. Такие ощущения на Земле порождали лишь извержение вулкана, разрушительное землетрясение или ревущий ураган.

Пока луна пересекала небосвод, Кикаха следил за поведением птиц и животных. Они не проявляли признаков тревоги, а это значило, что спутник не представлял для них угрозы — вернее, не представлял до определенного времени.

Неужели Уртона наделил их неким инстинктом, который подсказывал им, в какое место упадет обломок? Очевидно, в слиянии и расщеплении небесных тел имелся какой-то порядок. Но многие существа создавались в других мирах, и вряд ли Уртона вносил в их психику свои поправки. Без длительного эволюционного процесса в условиях этой планеты у них не могли развиваться подобные инстинкты.

Хотя, возможно, завезенные существа наблюдали за представителями местной фауны и подражали их поведению. Кикаха решил расспросить об этом Уртону при первой же встрече — прямо перед тем, как его убить.

Отогнав мух, он отрезал несколько ломтиков от ноги антилопы и не спеша пообедал. Мясо стало жестким, поэтому, насытившись, Кикаха выбросил остатки. На них тут же набросились несколько алых ворон. Но едва они обступили добычу, их пир прервали два больших пурпурных орла с зелеными крыльями и желтыми лапами.

Взглянув на птиц, Кикаха заинтересовался, где они высиживают яйца. В этом мире ни одно гнездо не гарантировало безопасности. Расщелина на склоне холма могла закрыться за несколько дней, а гора — превратиться в равнину.

Кикаха знал, что со временем получит полное представление о зоологии Лавалитового мира — если, конечно, останется жив.

Весь «день» он продолжал идти по берегу у самой кромки воды. В начале «сумерек» канал начал расширяться. Увидев птиц, клевавших что-то в густой траве, Кикаха

нашел там несколько опавших плодов, по вкусу напоминавших папайю.

Посреди «ночи» мимо него проскакали какие-то маленькие кенгуролики, которых преследовала пара длинноногих бабуинов. Кикаха метнул нож в зазевавшегося кенгуролика, и животное упало. Бабуины остановились, решив заявить свои права на эту легкую добычу. Вытащив нож из шеи трупа, Кикаха угрожающе двинулся на приматов. Те затаивались и показали ему ужасные клыки. Одна из обезьян попыталась обойти человека сзади, вторая сделала ложный выпад.

Кикахе не хотелось вступать в схватку. Отрезав ноги кенгуролика, он оставил тушу бабуинам и поспешил уйти. Приматов это вполне устроило.

Найти безопасное место для сна так и не удалось. Вокруг рыскали голодные хищники, и, кроме того, Кикаху всю «ночь» тревожила угроза разлива. Дважды он просыпался в воде, погруженный в нее на несколько дюймов. С каждым разом Кикаха все дальше и дальше отходил от канала. Наконец он подошел к подножию ближайшей горы. Та была лишь небольшим холмом, когда он впервые увидел ее. На откосе виднелось несколько больших камней. Кикаха лег чуть выше одного из них, решив использовать валун вместо будильника. Он надеялся, что камень покатится вниз, если пологий склон станет слишком крутым. К тому же ночные хищники резвились только в долине. Большие коты, собаки и бабуины гонялись внизу за парнокопытными и прыгающими животными.

Он часто просыпался от рева, лая и рычания, которые доносились со стороны канала. Но вблизи царил тишина. Впрочем, большую часть криков Кикаха, скорее всего, слышал в своих кошмарных снах.

Перед «рассветом» он вскочил от страшного грохота. Сердце бешено заколотилось. Неужели землетрясение? Нет, земля не дрожала. И тут Кикаха увидел, как камень пополз вниз. И не только этот камень. Около полудюжины валунов покатились по крутому склону, подскакивая на буграх. Набрав скорость, они с плеском запрыгали по мелководью.

К тому времени всю поверхность долины покрывала вода, бурлящая от обилия жизни. Миллионы рыбообразных амфибий устремились на нерест.

Кикаха с радостью вздремнул бы еще часок, но он вот-вот мог скатиться вниз. Склон горы становился отвесным.

Спустившись к подножию и зайдя по колено в плес, он согнулся и напился воды. Несмотря на обилие рыб и амфибий, она по-прежнему оставалась свежей. Одна из птиц, похожих на фламинго, преследовала хвост какого-то зверька, ловко удиравшего от нее под водой. Птица замерла на месте и сердито закричала, когда Кикаха, не обращая на нее внимания, вонзил нож в добычу и вытащил из воды небольшое существо — нечто среднее между сомиком и крохотным тюленем. От покрытого тиной зверька приятно пахло форелью.

Подождав немного, Кикаха понял, что уровень воды стабилизировался — во всяком случае пока. Он искупался, позавтракал «тюленем», а затем снова побрел по воде вдоль подножия горы. Небольшой подъем вывел его на сухой перешеек.

После «полудня» ландшафт изменился. Один край равнины опустился примерно на десять градусов, и вода хлынула в низину. Через три часа почва начала наклоняться в другую сторону. Кикаха доел остатки «тюленя» и бросил кости в мокрую траву. К ним тут же слетелись алые вороны, чтобы за трапезой обсудить последние новости.

Луна больше не появлялась. Кикаха надеялся, что она упадет где-нибудь подальше. После столкновения спутник превратится в огромную горную цепь, превосходящую по размерам Гималаи. Уртона говорил, что полное слияние с планетой завершается через несколько месяцев, после чего место стыковки определить уже невозможно.

Еще через какое-то время от другого конца планеты оторвется новый обломок. И на этот раз кусочек будет побольше. Его размеры составят одну шестнадцатую часть всей планеты.

Боже, помоги тем, кто окажется тогда на нем. Боже, помоги им, когда этот кусок начнет падать на материнскую планету.

Одна шестнадцатая часть Лавалитового мира! Клиноподобная масса, тонкий конец которой будет выдран из центра планеты. По грубым меркам, свыше 67 700 000 000 кубических километров.

Кикаха содрогнулся, представив себе катаклизмы, землетрясения и потрясающую дыру. А после этого начнется процесс восстановления. Края колоссального отверстия стянутся. Подвижки земных слоев заполнят гигантскую бездну. Хотя последствия подобных преобразований просто не поддавались воображению. Даже странно, что на планете сохранилась жизнь — причем в таком изобилии.

Перед наступлением «сумерек» он вошел в широкий проход между двумя монолитными горами, не менявшими форму в течение всего дня. Канал пролегал по центру ущелья, и края берегов лишь на несколько дюймов возвышались над поверхностью воды. Между отвесными склонами и каналом тянулись узкие полоски суши, на каждой из которых уместилась бы шеренга из десяти человек. Кикаха шел вдоль берега, время от времени посматривая на откос горы справа.

Отвесная стена медленно забирала влево, и вслед за ней плавно поворачивало русло канала. Кикахе не хотелось останавливаться здесь на «ночь», поскольку на таком узком пространстве ему бы не удалось уклониться от встречи с большими хищниками. А если бы здесь пронеслось стадо антилоп или более крупных животных, они растоптали бы его копытами.

Проходя мимо больших кошек и диких собак, он замедлял шаг и прижимался к отвесному склону. К счастью, те не обращали на человека внимания или, попросту, боялись его. Возможно, они уже сталкивались прежде с людьми и теперь старались держаться от них подальше. Как видно, местные «гомо сапиенс» представляли для зверей серьезную угрозу. Впрочем, хищники могли считать Кикаху странным существом, от которого лучше держаться на безопасной дистанции.

В любом случае, застав его спящим на земле, они бы не устояли перед соблазном отведать человеческого мяса. Поэтому, преодолевая усталость, Кикаха продолжал идти. Перед «рассветом» он едва не валился с ног. Мышцы болели. Желудок громко урчал, требуя пищи.

Наконец ущелье закончилось. Перед Кикахой простиралась огромная равнина, и канал, рассекая ее на две части, тянулся к далеким коническим горам, видневшимся у самого горизонта. Повсюду паслись стада животных и мелькали стаи птиц. То здесь, то там вразвалку передвигались рощи шагающих растений. Прямо-таки мирная идиллия на лоне природы. Кикаха не заметил ни одного хищника. Если они тут и были, то вели себя достаточно тихо.

Взглянув на далекие горы, Кикаха прикинул длину канала. Он полагал, что поток отнес его не больше чем на десять миль, но, оказалось, речь могла идти о сорока—пятидесяти милях.

Он представил, как земля внезапно треснула по прямой линии, словно ее рассек топор какого-то колосса. Вода хлынула из моря в образовавшийся ров. Гигантский вал понес Кикаху к дальнему концу канала и там выбросил на берег. Ему еще повезло, что на дне не оказалось больших камней. Он тысячу раз мог утонуть в шальном водовороте.

Хотя о везении и удаче говорить не приходилось. Это просто чудо, что он остался живым.

Кикаха спустился по пологому склону на равнину, но, не пройдя и сотни ярдов, резко остановился. Его встревожил стук копыт. Обернувшись, он увидел около двух десятков мусоидов, которые, выскочив из-за выступа горы, неслись к нему. На «лосях» сидели всадники, вооруженные длинными копьями.

Едва Кикаха повернулся, как они прокричали свой клич и пустили животных в галоп.

Бежать не имело смысла. Оставалось только стоять и ждать. Этот сет был явно не в его пользу. Да и на теннис это мало походило.

Глава 7

Мусоиды относились к какому-то мелкому виду. Они лишь раза в три превосходили по размерам породистую лошадь, в остальном животные ничем не отличались от своих диких сородичей и имели тот же окрас — чалые, чер-

ные, каштановые и пегие. Сбруя состояла из поводьев уздечек и кожаных седел со стремянами.

Обнаженные до пояса воины носили широкие кожаные штаны. В длинных волосах у некоторых торчали прямые разноцветные перья. Однако, судя по светлой коже и бородатым лицам, они не имели к индейцам никакого отношения. Когда воины приблизились, Кикаха разглядел на их телах племенные шрамы и боевую раскраску.

Многие копья представляли собой заостренные шесты, просушенные для прочности на огне. Другие имели наконечники из кусков кремня и сланца или насадки из рогов антилоп и львиных клыков. По-видимому, о луке и стрелах в этом мире еще не знали. Основным вооружением являлись каменные топоры и тяжелые боевые бумеранги. На ремнях, привязанных к седлам, висели круглые, покрытые кожей щиты. Однако туземцы считали, что разберутся с незнакомцем без их помощи. И они были правы.

Несколько воинов остановили своих животных прямо перед Кикахой. Другие разъехались и окружили его со всех сторон.

Вождь — седой коренастый мужчина — направил мусоида к Кикахе. «Лось» покорно двинулся к незнакомцу, но, судя по его округлившимся выпуклым глазам, идея хозяина ему не нравилась.

Из-за выступа горы в сопровождении вооруженных верховых выезжал караван. Женщины, дети и собаки следовали за мусоидами, которые тянули волокуши, нагруженные шкурами, деревянными шестами и небогатой утварью.

Вождь обратился к пленнику на незнакомом диалекте. Не ожидая, что его поймут, Кикаха тем не менее произнес фразы на двадцати различных языках, в том числе английском, французском, немецком, тишкетмоакском, хривакском и микенском, на диалектах верхнегерманской Дракландии и степных полуконей Лакоты, на языках властителей и хамшемов. Потом добавил несколько известных ему фраз на латыни, греческом, итальянском и испанском. Но вождь бесстрастно покачал головой.

Этого и следовало ожидать. Однако Кикаха надеялся, что их предки попали сюда с Земли. Жаль, что туземцы не говорили на каком-нибудь известном языке.

Впрочем, встреча имела и положительную сторону — его пока не убили. Хотя, возможно, его хотели сначала подвергнуть пыткам. Зная, как обращаются с пленными на уровне Америкиндии, Кикаха не испытывал особого оптимизма.

Вождь взмахнул оперенным копьем и что-то сказал сопровождавшим его воинам. Двое из них спешили и осторожно приблизились к Кикахе. Тот с улыбкой вытянул перед собой руки, показывая пустые ладони.

Однако его улыбка не успокоила туземцев. Нацелив копья в грудь пленника, они медленно подошли к нему.

Будь Кикаха покрепче, он попытался бы добраться до ближнего «лося» с пустым седлом. Но и тогда ему пришлось бы прорываться через кольцо из двадцати воинов. Бывали случаи, когда он сражался и с большим числом противников, но тогда в его мышцах играла сила и голод не подводил живот. Не то что теперь. После болезни и бессонной ночи он чувствовал себя уставшим и слабым.

Оба воина уступали ему в росте — первый был около пяти футов шести дюймов, второй — на пару дюймов выше. Этот юноша перебросил копье в левую руку и вытянул правую вперед.

Кикаха понял, что туземец требовал его нож. Пожав плечами, он медленно вытащил клинок из ножен.

Конечно, Кикаха мог бы метнуть нож в горло первого воина. Но рядом стоял второй. Хотя, если сбить его с ног, вырвать из рук копье и побежать... Кикаха решил, что ему лучше забыть об этом.

Воин взял нож и показал его остальным. Судя по лицам туземцев, они впервые видели оружие из металла. Вождь что-то сказал, и юноша, подбежав к нему, с почтением отдал клинок. Седобородый мужчина повертел его в руках, осторожно потрогал пальцем острое лезвие, а потом провел ножом по кожаному ремню, на котором крепился его боевой щит.

Лезвие без труда разрезало сухую кожу, и когда щит упал на землю, среди туземцев послышались удивленные возгласы.

Вождь задал Кикахе какой-то вопрос. Вероятно, ему хотелось узнать, где пленник добыл такую вещь. Кикаха

никогда не отказывался от лжи во имя спасения и указал на горы, к которым направлялся до встречи с туземцами.

Вождь задумчиво посмотрел на нож и отдал несколько приказов. Два спешившихся воина связали руки Кикахи кожаным ремнем. Отряд дозорных двинулся дальше, а вождь и двое его помощников спустились со своих «лосей». Через пятнадцать минут к ним подъехали первые волокуши каравана.

Объясняя племени ситуацию, вождь то и дело махал копьем в сторону далеких гор. Когда возбужденные голоса переросли в галдеж, он приказал всем замолчать и принялся отдавать распоряжения. К тому времени Кикаха подсчитал количество людей — тридцать мужчин, сорок женщин и двадцать детей. Итого, включая дозорных, девяносто человек.

Дети были разных возрастов — от грудных младенцев до почти возмужавших юношей и женственных девиц. Что касается женщин, то в общей массе брюнеток Кикаха заметил лишь несколько шатенок. Почти у всех были светло-коричневые глаза, хотя встречались карие и даже голубые. Некоторые из женщин выглядели довольно привлекательно. Все, от мала до велика, носили только короткие юбки из дубленой кожи. Дети ходили голышом, и их тела покрывал слой грязи. Впрочем, то же относилось и к взрослым. От них пахло так, словно они не видели воды месяц или два.

Тем не менее несколько «лосей» везли волокуши с большими кожаными мехами, в которых булькала вода. На остальных повозках лежали кучи шкур, корзины с сушеными фруктами, ветви деревьев и оружие. Кикаха не увидел ни тентов, ни навесов. А значит, во время дождей люди беспомощно терпели непогоду как гнев и кару небес.

Племя устроило небольшой привал. Женщины начали доить «лосих» и кормить уставших мусоидов. Кикаху окружили несколько воинов. Пока одни целились в пленника копьями, другие срывали с него одежду. Вождь забрал себе порванные джинсы и ботинки, готовые вот-вот развалиться на части. Осматривая трофеи, старик восторженно кряхтел, а потом попытался натянуть на себя джинсы,

но его широкие ягодицы и выпиравший живот в них просто не умещались. Он решил проблему, надрезав пояс штанов в нескольких местах. Ботинки, наоборот, оказались большими, однако вождь, не задумываясь, напялил их на ноги.

Найдя в заднем кармане пакет с отравленными дротиками, он раздал их воинам, чьи копья не имели кремневых наконечников. Те прикрепили дротики к своему оружию и стали забавляться, замахиваясь друг на друга копьями. Особенно им нравилось, когда напуганные люди отпрыгивали в разные стороны.

Кикахе оставили только дырявые жокейские трусы.

Чуть позже из стада вывели большую «лосиху». Животное оседлали, и Кикахе велели взобраться на нее. Устроившись в седле, он ухватился за поводья связанными руками. Вождь отдал приказ, и к лодыжкам пленника привязали кожаный ремень, протянутый под животом мусоида. Караван тронулся в путь. Пожилая женщина — единственная старуха, которую Кикаха увидел среди туземцев, — заиграла странную мелодию на флейте из длинной кости.

Они ехали около часа. Добравшись до канала, племя устроило стоянку — если так можно назвать простую и незатейливую процедуру привала. Кикаха по-прежнему сидел на «лосихе», забытый всеми, кроме одного охранника. Все остальные блаженствовали и купались.

Кикаха заподозрил, что его решили оставить в седле до самой «ночи». На него набросился рой голубых мух, и, когда охранник наконец развязал ремень на его ногах, Кикаха чувствовал себя как йог, неудачно переспавший на гвоздях. Он неловко спустился на землю и взглянул на худенького юношу, которому вождь поручил охрану. Тот стоял, опираясь на копьё, и ждал, когда его сменят. Парню тоже хотелось искупаться.

Кикаха жестом показал, что хочет пить. Охранник кивнул. Кикаха подошел к краю канала и встал на колени, чтобы зачерпнуть воды. И в следующий момент полетел в воду, сброшенный вниз оскорбительным пинком.

Когда Кикаха поднялся, все вокруг катались по земле от хохота. Он зашел в воду по грудь и осмотрел противоположный берег. До него было не больше трехсот футов,

и он мог бы доплыть туда даже со связанными руками. Однако его преследователи тоже умели плавать, да и их мусоиды неплохо держались на воде. Будь на том берегу роща или гора, он попытался бы бежать. Но равнина тянулась по меньшей мере мили на две. Преследователи могли бы догнать беглеца задолго до того, как он добрался бы до ближайших холмов.

Кикаха неохотно выбрался на берег и, подойдя к наглому юнцу, смерил его холодным взглядом. Тот захохотал, что-то произнес, и все снова согнулись пополам от смеха. Люди везде одинаковы: им нравится оскорблять тех, кто не может ответить.

Кикаха решил заняться изучением языка. Он указал на копье и поинтересовался его названием. Юноша сначала не понял вопроса, но, сообразив, о чем просит пленник, назвал копье словом «габол».

Как выяснилось позже, это слово не являлось общим названием. Оно означало копье, заостренный конец которого прокаливали для прочности на огне. Древко с каменным наконечником называлось «барос», с рогом антилопы — «ява», с львиным клыком — «градос».

Изучая язык туземцев, Кикаха обнаружил, что у них не было таких понятий, как человечество, раса или народ. Свое племя они называли словом «люди». Остальные племена являлись «врагами». Дети, независимо от пола, назывались «бесформенными». Взрослые мужчины определялись тремя терминами: один означал воина, убившего врага из другого племени; второй — юношу, который еще не прославил себя, пролив кровь; а третий термин предназначался для бесплодного мужчины. Последний мог быть героем, погубившим множество врагов, но все равно оставался бесплодным «таиру». Но и он мог стать «виру» — настоящим воином. Для этого ему требовалось выкрасть себе ребенка из другого племени.

Женщины тоже делились на три категории. Те, кто рожал детей, причислялись к высшему классу. Стерильные женщины, убившие не меньше двух врагов, относились к рангу пониже. Последнее место отводилось тем, кто не имел на своем счету ни рожденных детей, ни убитых

врагов. Таких называли «шонками» — это слово первоначально предназначалось для каких-то мелких грызунов.

Два «дня» и две «ночи» караван неторопливо двигался вдоль берега. Не считая далеких конических гор, канал оставался единственным элементом ландшафта, который не подвергался изменениям. Иногда он расширялся и мельчал, иногда становился узким и глубоким. Но его русло по-прежнему тянулось вперед, насколько хватало глаз.

Когда племя устраивало привал или двигалось со скоростью мили в час, мужчины уезжали на охоту. Довольно часто их сопровождали молодые женщины. В отличие от туземцев, живших в Многоярусном мире, женщины этого племени не утруждали себя делами по хозяйству. И не тратили сил на рукоделие, сбор трав и приготовление еды. Детей обычно сгоняли вместе, и их воспитанием занимались по очереди. Время от времени женщины вырезали бумеранги или древки для копий. Иными словами, они не знали, что такое домашнее хозяйство. Сильные и молодые особы принимали участие в охоте и набегах на другие племена.

Охота шла удачно, и воины привозили убитых антилоп, газелей, страусов и даже «моа». Один раз отряд убил молодого слона, который отбилсЯ от стада. Племя тут же двинулось в путь и, проехав две мили по равнине, расположилось станом у трупа животного. Мужчины разделявали тушу до костей, и все жадно поедали мясо, пока их животы не стали напоминать шары.

Мясо срезали кремневыми ножами. Позже Кикаха узнал, что эти камни встречались очень редко. Их россыпи появлялись на поверхности в процессе расщепления и отрыва гигантских кусков планеты. Из всех подземных даров местные туземцы использовали только камни и твердые минералы.

Мясной рацион разнообразили фрукты и орехи различных деревьев. Их обычно сбивали бумерангами. Охотники останавливались на безопасном расстоянии от шупалец и дротиков, а затем метали свое грозное оружие. И в этом искусстве им не было равных.

Кикаха имел врожденную склонность к изучению языков, богатый опыт лингвиста и хорошую память. Ему по-

требовалось чуть больше недели, чтобы научиться основам племенной речи. И хотя технология туземцев являлась примитивной даже в сравнении с пещерными людьми ледникового периода, говорили они на довольно сложном языке. Несмотря на небольшой запас слов этого диалекта, Кикаха сначала не улавливал оттенков смысла, которые передавались едва различимыми гласными звуками. Кроме того, он заметил особенность, с которой никогда прежде не встречался. При построении фразы последний согласный звук слова влиял на изменение первого согласного звука последнего слова. Но как и во всех живых языках, каждое правило имело множество исключений. И если учесть комбинации исключений и правила, то речь туземцев становилась для чужака настоящим камнем преткновения.

Кикаха вспомнил, что когда-то читал о сходном изменении согласных в языке кельтов. Однако сам не мог судить об этом сходстве.

Иногда ему казалось, что люди племени, называвшие себя «тана», действительно могли быть потомками древних кельтов. Но в таком случае ни один современный кельт не понял бы их языка. За многие тысячелетия речь претерпела значительные изменения. Например, самец-мусоид, используемый для езды, назывался «хикву». Но имело ли это слово какую-то связь с латинским «эквус»? Ту статью Кикаха читал очень давно, но, кажется, там говорилось, что слово «эквус» имело отношение к греческому «гиппос» и похожему слову на кельтском языке.

Об остальном оставалось только догадываться. Впрочем, от его предположений ничего не зависело, и он интересовался этим из чистого любопытства. Почему, к примеру, племя, перенесенное сюда с Земли, называло мусоида лошадью? Очевидно, потому, что слово «хикву» функционально напоминало им именно ее, а не какое-то другое животное, встречавшееся прежде.

В течение дня Кикаха либо ехал верхом на «мерке» — ездовой «лосихе», — либо лениво бродил вокруг лагеря и неустанно разыскивал знаки, которые могла оставить Ана-на. Слабое знание языка не позволяло ему задавать вопросы. Хотя, возможно, кто-то из туземцев видел светлокожих чужеземцев и странного черного человека.

На десятый день они проехали через проход между двумя высокими и неизменяющимися горами. Там, за пологим склоном и широким побережьем, начинался океан.

Склоны гор по эту сторону покрывали леса с настоящими — неподвижными деревьями. Увидев их, Кикаха едва сдержал восторженный крик. Высота деревьев достигала сотни футов, и многие из них напоминали сосны и дубы. Ближе к воде располагались ореховые и фруктовые рощи.

Кикаха не понимал, почему туземцы не ведут оседлый образ жизни. Почему скитаются по изменяющимся землям вдали от гор, окружающих море.

Пока караван спускался по склону, небо закрыли облака, и загредел гром. Тана остановились на полпути к подножию. Вождь Вергенгет собрал совет. Выслушав мнение нескольких воинов, он приказал поворачивать назад и возвращаться в долину по ту сторону гор.

Кикаха окликнул Люкио — молодую женщину, которая нравилась ему и фигурой и характером:

— Почему мы возвращаемся?

Люкио побледнела от страха. Ее глаза округлились, как у испуганной лошади.

— Мы приехали слишком рано. Гнев Властителя еще не утих.

В тот же миг блеснула первая молния. Дерево в двухстах футах раскололось посередине. Одна половина упала, другая осталась стоять.

Вождь выкрикивал приказы и торопил людей, но те не нуждались в понуканиях. Вскоре отступление превратилось в паническое бегство. Мусоиды помчались неудержимым галопом. Седоки неистово натягивали поводья. Волокуши подпрыгивали на кочках, теряя груз. Кикаха и Люкио остались вдвоем. Вернее, втроем. Под деревом, сжавшись в комочек, плакала шестилетняя девочка. Она лишь на минуту отошла от родителей, и тех унесли обезумевшие животные.

Несмотря на связанные запястья, Кикаха взял девочку на руки и быстро зашагал к проходу в горах. Люкио бежала впереди. В блеске молний и яростном шуме бури

ее фигура казалась маленькой и беззащитной. Позади раздался оглушительный раскат грома. Ребенок обвинил руками шею Кикахи и прижался лицом к его плечу.

Кикаха выругался. Ему еще никогда не доводилось попадать в такую жуткую грозу. Тем не менее сейчас он мог убежать от туземцев. У него впервые появилась возможность снова обрести свободу... но тогда пришлось бы бросить ребенка на произвол судьбы.

Из черных туч хлынул ливень, хлеставший по телу, словно плетью. Вода лилась как из ведра. Кикаха ускорил шаг и опустил голову. В зареве частых молний проступала фигура Люкио темным пятном. Женщина бежала впереди, подгоняемая страхом. Будь Кикаха покрепче и без ноши на руках, он бы вряд ли догнал ее теперь. Люкио бежала, как олимпийский чемпион.

Внезапно она поскользнулась на мокрой траве, упала и проехала на животе несколько футов. Едва Люкио поднялась на ноги, как послышались громкое шипение и оглушительный треск. Кикаху ослепила яркая вспышка. Несколько секунд он вообще ничего не видел. А молнии продолжали свой огненный танец, хотя уже и не так близко. Прозрев, он увидел, что Люкио снова лежит на земле. И не двигается.

Приблизившись к ней, Кикаха почувствовал запах горелой плоти. Девочка сильнее прижалась к его груди. Он опустил ее на землю и осмотрел почерневшее тело Люкио. Она была мертва. Кикаха схватил ребенка и побежал по склону холма. На фоне мелькавших вспышек он вдруг заметил гигантскую призрачную фигуру.

«Вот это да! — подумал он, замедляя шаг. — Такого не увидишь и в кошмарном сне. Не удивительно, что все племя бежало в панике, забыв о маленьком ребенке».

Фигура приблизилась, и Кикаха обнаружил, что это два существа, а вернее, Вергенгет на своем хикву. Вождю удалось укротить испуганного «лося», и он вернулся за отставшими. Победа над собственным страхом далась ему тяжелой ценой. Он весь дрожал от напряжения и с трудом удерживал мусоида от панического бегства. Бедное животное, очевидно, решило, что хозяин сошел с ума, потому

что только безумец мог вернуться в этот ревущий ад наполненного смертью побережья.

В тот миг Кикаха понял, почему Вергенгет стал вождь-дем.

Седая мокрая борода старика прилипла к груди. Ноздри яростно раздувались, а зрачки вращались, как у бешеного пса. Он прикусил губу с такой силой, что появилась кровь. Кикаха окликнул его и указал на труп. Вергенгет кивнул, давая понять, что он все уже увидел.

Вождь усадил ребенка в седло перед собой. Кикаха подумал, что туземец бросит его здесь. Да и зачем было рисковать своей шкурой и жизнью девочки из-за какого-то чужеземца?

Однако Вергенгет наклонился, протянул руку и помог Кикахе взобраться на хикву. Потом развернул мусоида к ущелью и пустил его в галоп. Животное помчалось вперед, как выпущенная из лука стрела. Несмотря на тяжелый груз, «лось» скакал все быстрее и быстрее, и вскоре они добрались до ущелья. Дождь остался позади. Гром и молнии по-прежнему бушевали, но уже на безопасном расстоянии.

Глава 8

Вергенгет передал девочку рыдавшей матери. Расстроенный отец поцеловал дочь, но на его лице застыло выражение висельника. Он стыдился своей трусости и того, что позволил страху овладеть собой.

— Мы останемся здесь, пока ярость Властителя не утихнет, — сказал вождь.

Кикаха спустился с животного. Следом за ним на землю прыгнул Вергенгет. Какой-то миг Кикахе хотелось выхватить нож из-за пояса вождя. Он мог бы убежать в грозу, и никто из туземцев не отважился бы броситься в погоню. Он спрятался бы в густых лесах побережья, и, если бы молнии обошли его стороной, люди племени уже никогда не нашли бы следов своего странного пленника.

Да, Кикаха мог убежать. Но кое-что удерживало его от решительных действий. И истина состояла в том, что ему не хотелось оставаться одному.

Большую часть жизни Кикаха был одинок — причем не из-за отсутствия таких качеств, как общительность и дружелюбие. Нет, он без труда сходился с людьми: сначала с детьми с соседних ферм, затем с ровесниками в сельской школе, а позже с другими студентами в колледже. Благодаря любопытству, атлетическим способностям и склонности к языкам он становился душой и лидером любой компании.

И еще Пол Финнеган любил читать. Он относился к породе тех ненасытных читателей, которые, выбирая между вечеринкой и книгой, всегда останавливались на последнем варианте. Ему просто не хватало времени. Сын фермера с детства обречен трудиться, и именно с тех пор Пол решил, что не будет фермером. Он тянулся к знаниям, настойчиво добиваясь хороших оценок в школе. Юный Финнеган мечтал о путешествиях по экзотическим странам. Ему хотелось стать зоологом или хранителем краеведческого музея. Он грезил о сказочных местах в глубинах Африки, Малайзии и Южной Америки. Но для этого требовалась степень магистра или доктора наук. И чтобы добиться ее, нужны были высшие баллы в школе и колледже. К тому же мальчику нравилось учиться.

Он читал все, что попадало в руки.

Одноклассники смеялись над ним, называя зубрилой и «букварем». Они шутили над ним без злобы и грубых насмешек, уважая его находчивость и быстрые кулаки. Но они не понимали этого странного и страстного желания учиться.

Если бы кто-то из посторонних людей наблюдал за Полом в возрасте от семнадцати до двадцати двух лет, он вряд ли заметил бы легкую отстраненность юноши от своих сверстников. Перед его взором предстал бы прекрасный спортсмен, краса и гордость школы, отличный ученик с репутацией крутого парня, который изъездил на мотоцикле все окрестные дороги и переспал на сене со всеми девочками в округе. В отличие от сверстников Пол с отвращением относился к спиртному, но, однажды выпив, попал за решетку за неподчинение дорожной полиции. Это событие буквально сломило его родителей. Мать

плакала, отец топал ногами от бессилия и ярости. А Пол без особого труда сбежал из тюрьмы, навестил знакомых и снова добровольно вернулся в заключение, до глубины души удивив надзирателей и полицейских.

Его приятели восприняли это как подвиг. Подружки ужасались и восхищались. Учителя тревожились и недоуменно разводили руками. Но судья, заставший Пола за чтением «Заката и падения Римской империи» незабвенного Гиббона, посчитал юношу пылким и одаренным романтиком, на которого повлияло окружение плохих товарищей. Обвинение сняли, но судья назначил Полу неофициальный испытательный срок. Юный Финнеган поклялся вести себя как добропорядочный гражданин и был верен данному слову на протяжении всего испытательного срока.

С тех пор Пол редко покидал ферму, стараясь не испытывать судьбу в лихих забавах друзей, хотя их баловство в основном объяснялось стремлением подражать своему отчаянному вожаку. Обиженные родители почти не разговаривали с ним. Он работал, учился и изредка охотился в лесу. Ему понравилось одиночество. Он предавался уединению так же беззаветно, как прежде общался с друзьями.

А потом, то ли от неосознанного желания наказать Пола за прежние проступки, то ли стараясь удержать его на пути истинном, чета Финнеганов открыла ему потрясающую тайну.

Он оказался приемным ребенком.

Новость ошеломила его. Как и многие дети, Пол прошел возрастной период, когда родители кажутся чужими и враждебно настроенными людьми. Он не стал цепляться за эти детские фантазии, возникавшие обычно после обид, ссор с отцом и других недоразумений. Но когда все его предчувствия оказались горькой правдой, он не мог поверить своим ушам.

По словам приемных родителей, настоящей матерью Пола была англичанка с причудливым именем Филея Джейн Фогг-Фог. При других обстоятельствах он посчитал бы это забавным. Но в тот момент Пол не находил здесь ничего смешного.

Родители Филеи Джейн вышли из рода английских мелкопоместных дворян, а ее прапрадед женился на парсиян-

ке. Парсы, насколько он знал, бежали из Персии под натиском мусульман и позже осели в Индии. То есть он на одну восьмую был индусом — не индейцем, среди которых его приемные родители имели нескольких предков, а настоящим азиатским индусом, пусть даже и с небольшими оговорками. Дело в том, что парсы обычно не вступали в брак с индусами.

Странная фамилия возникла по прихоти его бабушки Роксаны Фогг, которая вышла замуж за дальнего родственника, проживавшего в Америке. В начале семнадцатого века одна из ветвей Фоггов эмигрировала в Виргинию. На заре девятнадцатого века многие их потомки переехали в Техас, территория которого в то время принадлежала Мексике. Вот тогда от фамилии и отпала вторая «г». Дедушка Пола, Гардин Блез Фог, родился в независимом государстве — Республике Техас.

В двадцатилетнем возрасте Роксана Фогг вышла замуж за состоятельного англичанина. Когда ей исполнилось тридцать восемь, ее муж умер, оставив после себя двух детей. Через два года Роксана отправилась в Техас, чтобы присмотреть для сына какое-нибудь хорошее ранчо, которым тот мог бы владеть, достигнув совершеннолетия. Там она встретила некоторых родственников, среди которых оказался вольный стрелок Дикого Запада и герой Гражданской войны Дастин Эдвард Марсен Фог по прозвищу «Дасти».

А потом она познакомилась с Гардином Блезом Фоггом — прекрасным человеком, несколькими годами моложе ее. Они полюбили друг друга, и он вызвался сопровождать ее обратно в Англию. Несмотря на его варварское происхождение, Роксана получила единодушное одобрение семьи. Впрочем, у ее родных не оставалось выбора. Она заявила, что все равно выйдет за него замуж. К тому же Блез считался очень богатым судовладельцем. В скором времени он поселился в Лондоне, где открыл британский филиал своей компании. В возрасте сорока трех лет, удивив многих, в том числе и себя, Роксана родила девочку, которую назвали Филя Джейн.

Филя Джейн родилась в 1880 году. В канун двадцатого века она вышла замуж за английского врача — доктора

Реджинальда Сина, который через десять лет скончался при таинственных обстоятельствах, не оставив после себя потомства. Вплоть до 1916 года Филя жила одна. На одном из званых вечеров она встретила Парка Джозефа Финнегана — очень красивого и статного мужчину из Индианы. Фоггам он не понравился сразу по трем причинам: во-первых, своим ирландским происхождением; во-вторых, тем, что не принадлежал к членам епископальной церкви; а в-третьих, его часто видели по вечерам в игорных заведениях в компании дам сомнительного поведения.

Тем не менее Филя и Парк поженились. Они поселились в Терре-Хоте, хотя, по мнению ее родственников, люди в тех местах по-прежнему страдали от набегов краснокожих.

Филя с трудом привыкла к небольшому провинциальному городку. Но первые шесть месяцев супружеской жизни считала себя самой счастливой женщиной в мире, поскольку стала хозяйкой большого богатого дома, ни в чем не зная себе отказа.

Но вскоре ее жизнь превратилась в ад. Финнеган вновь увлекся женщинами, картами и вином. Игра в покер довела его до полного банкротства. И когда Филя Джейн в свои тридцать восемь лет объявила о беременности, он оставил ее, сказав, что уезжает на Запад за большими деньгами. С тех пор она больше ничего не слышала о муже.

Будучи слишком гордой, чтобы вернуться униженной в Англию, Филя нанялась экономкой к одному из дальних родственников мужа. Она считала это ужасным падением, но работала без жалоб, по-британски гордо поджимая верхнюю губу.

Когда Полу исполнилось шесть месяцев, в руках у Филя Джейн взорвался примус. Она потеряла сознание, начался пожар, и младенец погиб бы вместе с матерью, если бы один отчаянный парень не бросился в пламя и не вынес ребенка из горевшего дома.

Родственник, у которого они жили, скончался через несколько дней от сердечного приступа. Мальчика хотели отдать в приют для сирот, но его решил усыновить Ральф

Финнеган — фермер из Кентукки и двоюродный брат Парка. Приемная мать дала малышу второе имя, и его стали называть Полом Янусом Финнеганом.

Рассказ о тайне рождения произвел на юношу огромное впечатление. С тех пор он начал страдать от одиночества — или, вернее, от чувства, что его предали и бросили. Вызнав у приемных родителей все, что им было известно о матери, он больше никогда не говорил о ней. А когда Пола спрашивали о семье, он рассказывал о мужчине и женщине, которые вырастили его и воспитали.

Примерно через два года после этого события мистер Финнеган заболел и, промучившись шесть месяцев, умер от рака. Пол очень горевал о приемном отце, но беда не приходит одна. Через три месяца после похорон его приемная мать умерла от той же болезни. Проклятая опухоль извела ее болью. Пол едва успевал вести хозяйство, учиться и заботиться о больной. Она умерла во время приступа — за день до того, как он закончил среднюю школу.

К горю прибавилось чувство вины. Юноша считал, что рак у приемных родителей был каким-то таинственным образом связан с его арестом. Возможно, причиной их болезни стал стыд за его проступок. С точки зрения современной науки эта идея казалась абсолютно неправдоподобной. Но вина почти всегда имеет в своей основе нерациональный мотив. Бывали времена, когда Пол чувствовал себя виноватым даже в отказе отца от его настоящей матери и, следовательно, в ее последующей смерти.

Ему по-прежнему хотелось изучать зоологию или антропологию — он не менял своей мечты. Однако поступление в колледж пришлось отложить. Чтобы оплатить расходы на медицинскую помощь, оказанную приемным родителям, Пол заложил ферму и начал подрабатывать в Терре-Хоте механиком в ремонтной мастерской. Несмотря на безденежье и изнурительную работу, у него иногда оставалось время, чтобы развеяться и сбросить внутреннее напряжение. В такие вечера он заходил в бар Фишера, где его старые друзья любили просаживать деньги. Они усаживали девочку позади себя на мотоциклы и с ревом гоняли по ночным дорогам, а потом заканчивали

веселье на Индейском лугу, упиваясь пивом, устраивая драки и занимаясь любовью.

Одна из девушек упорно хотела стать его женой, и Полу с огромным трудом удалось от нее отвязаться. Он не желал проводить остаток жизни с женщиной, которая не разделяла его интеллектуальных интересов. Потом она забеременела, но, к счастью, не от него. Бедняжка решила начать новую жизнь и уехала в Чикаго. Вскоре после этого их компания распалась.

Пол снова остался один. Но ему по-прежнему нравилось гонять на «моторе» по сельским дорогам или скакать на лошади через луга. Так он находил выход своим чувствам.

К тому времени его навестил дядюшка, который работал в цирке: прекрасно бросал ножи, жонглировал и выполнял акробатические прыжки. Пол многому от него научился и увлекся метанием ножей. В минуты печали или горьких раздумий он выходил на задний двор и бросал ножи в цель из разных положений. Пол знал, что эта безвредная форма садизма понемногу рассеет вину, подавленность и обиду, которые по воле судьбы выпали на его долю.

Вот так незаметно пролетело пять лет, и ему внезапно исполнилось двадцать три. Ферму выкупить не удалось, и Пол продал ее, почти ничего на этом не заработав. Но он больше не хотел работать на ферме. К тому времени стало ясно, что поступление в колледж придется отложить на неопределенный срок. Тем не менее Пол по-прежнему мечтал освоить специальность антрополога — он решил остановить свой выбор именно на ней. Однако через год-второй Соединенным Штатам предстояло вступить в войну.

Пол поступил на военную службу в кавалерию, поскольку любил лошадей. Однако, к великому разочарованию юноши, вместо поводьев в его руки вложили рычаги, и Пол стал водителем танка. Потом он закончил трехмесячные курсы и сделался кандидатом в офицеры. Не имея за плечами колледжа, Пол все же сдал вступительные экзамены и успешно прошел обучение. И тут Перл-Харбор втянул страну в конфликт, и вскоре Пол Финнеган в составе Восьмой армии оказался на поле боя.

Однажды при прорыве сил Паттона, в период временного затишья Пол решил побродить по развалинам небольшого музея в немецком городке. Среди руин и битого кирпича он нашел любопытный предмет — серебристый полумесяц из какого-то странного сплава. Металл оказался настолько крепким, что удары молотка не оставили на нем следов, а ацетиленовая горелка не могла его расплавить. Пол прибавил этот полумесяц к своим сувенирам.

Уволившись из армии, он вернулся в родной городок, чтобы решить некоторые имущественные вопросы. Пол не собирался задерживаться там слишком долго. Однако через несколько дней его пригласили в адвокатскую контору, и мистер Табб, к огромному удивлению Финнегана, вручил ему чек на сумму в десять тысяч долларов.

— Это от вашего отца,— сообщил адвокат.

— Моего отца? — воскликнул Пол.— У него не было даже горшка, куда складывать деньги! Вы и сами знаете это.

— Я имел в виду не вашего приемного отца,— ответил мистер Табб.— Речь идет о настоящем родителе.

— Тогда скажите, где он живет. Я хочу прикончить этого подонка.

— Мне бы искренне не хотелось, чтобы вы попали туда, где он сейчас,— сказал толстый старина Табб.— Ваш отец находится в шести футах под землей — похоронен на церковном кладбище в Орегоне. Перед смертью он ушел в религию, моля о новой жизни. Впрочем, вы наверняка встречали таких ядущих огонь и алкающих серу аллилуйщиков. Тем не менее надо воздать ему должное — у старой бестии осталось немного совести. И он завещал вам все свое состояние.

Какой-то миг Пол хотел порвать этот чек в клочья. Но потом сказал себе, что старый Парк Финнеган действительно обязан ему многим. И хотя такая сумма не могла искупить вины отца, ее вполне хватало на то, чтобы получить докторскую степень.

— Я беру этот чек,— сказал он.— А банк примет его, если на нем окажется мой плевок?

— По закону банк должен принять чек даже в том случае, если вы подотрете им задницу. Ну что, сынок? По глоточку бурбона?

Поступив в университет Индианы, Пол снял в аренду небольшую удобную квартиру за пределами студенческого городка. Как-то раз он рассказал своему приятелю о таинственном полумесяце, найденном в Германии. Парень написал статью в городскую газету, и синдикат разнес эту историю по всей стране. Тем не менее ни один университетский физик не проявил к находке никакого интереса.

Через три дня после публикации к Полу приехал человек, который представился ему как мистер Ваннакс. Он довольно бегло говорил по-английски, но легкий акцент выдавал в нем иностранца. Ваннакс попросил показать ему полумесяц — Пол выполнил просьбу. Мужчина пришел в крайнее возбуждение и предложил за вещь десять тысяч долларов. Финнеган заподозрил неладное. На всякий случай он увеличил сумму до ста тысяч, и Ваннакс, немного вспыхив, пообещал принести деньги через двадцать четыре часа. Юноша понял, что владеет чем-то особенным — но чем именно, конечно же, не знал.

— Давайте увеличим сумму до трехсот тысяч долларов, и я отдам вам полумесяц, — сказал Пол. — А поскольку деньги действительно большие, мы можем отложить расчет на пару суток, чтобы вы успели собрать необходимую наличность.

— Но вы говорили, что мы остановимся на сотне тысяч!

Ваннакс начал буянить, и Полу пришлось выставить его за порог. Той же ночью странный покупатель пробрался в квартиру Финнегана и попытался похитить бесценную находку. Пол застал его на месте преступления в тот момент, когда злодей раскладывал на полу два серебристых полумесяца. Концы половинок сошлись, и получился идеальный круг.

Однако какими бы ни были планы незнакомца, Пол внес в них свои коррективы. Нацелив на грабителя пистолет, он заставил его отойти подальше от полумесяцев. Ваннакс попятился и словно в бреду начал предлагать Финнегану полмиллиона долларов. Подходя к преступнику, Пол случайно вступил в круг. Ваннакс в ужасе закричал, но было поздно. Внезапно и вор, и квартира исчезли. А еще через миг Финнеган оказался в другом мире.

Пол стоял в кругу из двух полумесяцев, похожих на те, которые только что переступил. Однако находились они в огромном величественном дворце, как будто возникшем из арабских сказок «Тысяча и одной ночи». Дворец венчал вершину мира, в который перенесся Финнеган. Именно здесь располагалась обитель властителя, создавшего вселенную Многоярусного мира.

Пол понял, что круг из полумесяцев служил «вратами», или проходом, в так называемое четвертое измерение. Лучшего термина ему придумать не удалось. Позже выяснилось, что Ваннакс был властителем, который по вине обстоятельств застрял на Земле. У него имелся один полумесяц, но для создания врат и перехода в следующую «карманную» вселенную требовалась вторая половинка.

А потом оказалось, что кроме Пола во дворец пробрались существа, называемые гворлами. Их послал сюда властитель другого мира, которому хотелось овладеть чудесным рогом Шамбаримена. Это устройство было сделано десять тысяч лет назад, когда мода на искусственные вселенные только начинала зарождаться. Используя его как вид звуковой отмычки, человек мог открыть любые врата, существовавшие между мирами.

Но тогда Пол об этом не знал. Прячась от страшных существ, он увидел, как один гворл, протрубив простую мелодию, открыл тем самым врата на нижний ярус планеты. Пол столкнулся с чудовищем в бассейн и, схватив инструмент, проскочил через врата на уровень Атлантиды.

С тех пор прошло много лет. Он перебирался с яруса на ярус, а за ним по пятам гнались неугомонные гворлы. Со временем Пол обрел известность во многих областях планеты. На уровне Дракландии его знали как барона Хорста фон Хорстманна. На уровне Американдии он заслужил прозвище Кикахи, которое ценил выше остальных своих имен. Пол Янус Финнеган остался в далеком прошлом. Воспоминания о родной вселенной потускнели, и он никогда не пытался вернуться на Землю. Его жизнь наполнилась тревогой и опасностью, но Финнеган полюбил новый мир всем сердцем.

А в это время на Земле отставной профессор Роберт Вольф из Финикса, штат Аризона, решил купить себе но-

вый дом. Осматривая подвальные помещения, он внезапно обнаружил в стенном шкафу открывшийся проход в другую вселенную. Заглянув в отверстие, Вольф увидел Кикаху в окружении страшных гворлов, которые в конце концов настигли беглеца. Кикаха не мог пройти через ворота, но бросил Вольфу рог, чтобы инструмент не попал в лапы мерзких чудовищ.

Не будь этого рога, профессор списал бы все на бред, галлюцинации и болезнь разума. Но серебристый инструмент являлся физическим доказательством того, что проход между мирами действительно существовал.

Вольф давно считал, что жизнь у него не сложилась. И наверное, поэтому без колебаний протрубил в рог, подобрал нужную мелодию и прошел через ворота в Многоярусный мир. Они вывели его на самый нижний уровень планеты, который сначала показался ему райским садом. Шло время, и Вольф молодел, постепенно возвращаясь к тому физическому состоянию, которое имел в двадцатипятилетнем возрасте.

А потом он встретил и полюбил женщину, которую звали Хрисеидой. Преследуя гворлов, Вольф отправился на следующий уровень и отыскал по пути Кикаху. После многочисленных и опасных авантур они добрались до дворца на вершине мира, и в конце концов Роберт Вольф оказался Ядавином — властителем и творцом этой маленькой, но чудесной вселенной.

Позже Вольф и Хрисеида пережили серию приключений, во время которых встретили других властителей. Роберт прошел через несколько «карманных» миров, преодолевая хитроумные ловушки, предназначенные для уничтожения его сородичей.

А тем временем Кикаха сражался со Звонарями — существами с искусственным интеллектом, которые внедряли свой разум в тела людей. Кикаха спас от гибели прекрасную властительницу Анану, и они полюбили друг друга.

Преследуя последнего уцелевшего Звоняря, Анана и Кикаха прошли через ворота на Землю, и родной мир показался Полу еще более отвратительным, чем он его помнил. Перенаселенные города задыхались от собственных

испражнений. За те двадцать лет, которые Финнеган провел в Многоярусном мире, Земля изменилась в худшую сторону.

Рыжий Орк, тайный владыка двух Земель, решил наказать Кикаху и Анану за то, что они вторглись в его владения. По воле обстоятельств властитель Уртона, также оказавшийся на Земле, стал их кровным врагом. Ему удалось захватить в плен Вольфа и Хрисеиду, но позже они сбежали от него и укрылись в Лавалитовом мире.

Закрыв глаза, Кикаха представил, как его друзья бредут теперь по изменяющейся поверхности этой странной планеты. Они надеялись на его помощь, а он, потеряв Анану и рог Шамбаримена, влачил свои дни в плену у дикарей. Чтобы вырваться из кошмара Лавалитового мира, Кикахе следовало найти дворец властителя и активировать врата. Но прежде предстояло отыскать Анану — живую или мертвую.

Кроме того, он ни за что не покинул бы этот мир, не узнав о судьбе Вольфа и Хрисеиды. Кикаха мог быть очень плохим врагом, но он всегда оставался хорошим другом.

Более двадцати лет независимый и уверенный в себе Кикаха скитался по уровням Многоярусного мира. Его считали великим воином свободного племени хроваков, и он часто называл этих индейцев своим народом. Но они погибли от рук беспощадных Звонарей, и теперь из близких людей у него осталась только Анана. Под его влиянием надменная и непокорная властительница превратилась в прекрасную душевную женщину.

Будь на то его воля, он променял бы жизнь вечного скитальца на тихое уютное гнездо. Они с Ананой могли бы поселиться среди людей, где их уважали бы и, возможно, любили. Они обзавелись бы хозяйством и усыновили нескольких детей. Какое счастье жить в собственном доме и в кругу своей семьи!

А теперь он лишился любимой женщины. И потерял то единственное средство, которое могло бы увести его из этого ужасного мира.

Вот почему Кикаха, всегда полагавшийся только на самого себя — Кикаха, который и в аду мог бы устроиться

со всеми удобствами,— страдал теперь от чувства одиночества.

И именно поэтому он решил примкнуть к тем жалким бедолагам, которые взяли его в плен. Он вновь хотел стать своим среди своих.

Конечно, они могли убить его и принести в жертву по правилам одного из ритуалов. Но боль одиночества тревожила Кикаху сильнее, чем возможные пытки и смерть.

Глава 9

На жалком и ограниченном языке тана он рассказал Вергенгету о своем желании стать одним из них. Вождя не удивили его слова. Он улыбнулся, и Кикаха заметил, что старый туземец доволен.

— Ты мог бы убежать от нас. Да и сейчас еще можешь,— сказал Вергенгет.— Я видел это намерение в твоих глазах. Но потом твое лицо закрылось, как сжатый кулак.

Теперь я скажу тебе, Кикаха, почему ты жил среди нас так долго. Обычно мы убиваем врагов без промедления. Но если пленник или пленница показывают себя в бою отважными воинами, мы в виде исключения подвергаем их пыткам. Однако бывали случаи, когда племя принимало человека в свои ряды, если он не входил в число наших заклятых врагов. Смерть — великий охотник. Она бьет часто и метко, и наши дети не успевают подрастать, чтобы прийти на смену погибшим воинам. Племя тана становится все меньше и меньше. Поэтому я буду рад увидеть тебя в рядах наших воинов. Ты показал свою смелость, и все мы благодарны тебе за спасение девочки, ибо жизнь детей для нас бесценна.

Кикаха почувствовал себя уже не так одиноко.

Через несколько часов буря утихла. Группа воинов отправилась к побережью и отыскала обгоревшее тело Люкио. Останки привезли в лагерь, и траурная церемония заняла у племени целый день. Женщины с воплями и зазываниями омыли тело и расчесали волосы. С наступлением «сумерек» труп положили на кучу шкур. Четверо молодых мужчин подняли на плечи погребальные носил-

ки и направились к небольшому холму, который находился в миле от стана. Там тело Люкио опустили на землю, и шаман Ошуллаин, запев монотонную песню, начал танец последнего прощания. Он размахивал трехзубым посохом, склонялся в ритуальных поклонах и пел печальную песню о женщине-птице, которая улетала вдаль. А потом все племя, за исключением нескольких верховых дозорных, отправилось обратно в лагерь.

На полпути Кикаха оглянулся. К трупам уже спускались стервятники, а с холма мчалась стая длинноногих бабуинов, которые намеревались отбить у птиц добычу. В четверти мили виднелся прайд безгривых львов. Огромные кошки мелкой рысью бежали к бабуинам. У тела Люкио собиралась чертовски неприятная компания. Обезьяны превосходили львов по численности, и между животными намечалась жестокая схватка.

По пути к стану шаман пропел короткую поэму, которую только что сочинил в честь Люкио. Эта песня должна была увековечить память о погибшей женщине в сердцах ее соплеменников. Какое-то время она будет на устах у каждого, а потом ее перестанут петь. Через неделю о Люкио забудут все, кроме ее ребенка и родителей. А вскоре насущные дела отвлекут и их от горя, и память об этой женщине угаснет без следа.

В ходу оставались лишь песни о великих героях, смерть которых служила примером для юных поколений. Об остальных туземцы забывали.

Весь следующий день караван стоял на границе прибрежных земель, ожидая какого-нибудь предвестия или знака. Вергенгет объяснил Кикахе, что сезон бурь всегда заканчивается вовремя. Однако на этот раз Властитель по какой-то причине продлил его, и племя получило жестокий урок за небрежную поспешность.

— Возможно, в тот день нам следовало принести Властителю жертву, — ворчал туземец, — и он удержал бы тогда свои молнии на небесах.

Кикаха не вмешивался в рассуждения вождя и, как обычно, уклонялся от споров на религиозные темы. Неверное слово могло обидеть туземца и заставить его отказаться от данных обещаний.

Вскоре вождь созвал людей и выступил перед ними с речью. Кикаха понял только половину слов, а об остальном догадался по тону и жестам. Великий Властитель забрал Люкио, но взамен одарил племя воином по имени Кикаха, говорил вождь. Тана чем-то рассердили Творца. Или, возможно, Люкио провинилась перед ним и вызвала его гнев. В любом случае Властитель больше на них не сердится. Поразив женщину молнией, он излил свой гнев и простил племя. А чтобы доказать народу тана свое благоволение, Властитель послал им великого воина Кикаху. И теперь племя обязано принять этот щедрый дар и возрадоваться милости Создателя.

Внезапно против Кикахи выступил Тоини — тот юноша, который столкнул связанного пленника в канал. По мнению Тоини, Властитель послал им Кикаху, чтобы племя тана принесло его в жертву. И только эта жертва могла бы успокоить гнев Властителя. Вот почему он поразил молнией Люкио.

Кикаха не понимал, почему Тоини настроен против него. Единственным объяснением была спонтанная антипатия. Некоторым людям требуется только миг, чтобы с первой минуты знакомства между ними возникла беспричинная и обоюдная неприязнь.

Речь юноши не вызвала большого восторга, но повлекла за собой довольно долгий спор. Во время перебранки вождь упрямо молчал. Очевидно, слова Тоини пробудили в нем какие-то сомнения.

Почувствовав, что публичное мнение может склониться в нежелательную сторону, Кикаха попросил у вождя разрешения обратиться к народу. Вергенгет призвал людей к молчанию.

Зная, что высота дает оратору психологическое преимущество, Кикаха взобрался на хикву.

— Я не хотел ничего говорить об этом, пока вы не примете меня в племя, — начал он, — но теперь мне ясно, что надо рассказать всю правду.

Он замолчал и осмотрел лица людей, словно сомневаясь в том, что с ними следует делиться своим знанием.

— Увидев среди вас людей, не понимающих воли Властителя, я понял, что вы должны услышать мой рассказ сейчас, а не потом.

Кикаха знал, что уже овладел вниманием собравшихся. Авторитетный вид и серьезный тон придавали вес каждому его слову, и люди думали, что он хочет поведать им о чем-то действительно важном.

— Незадолго до того как я увидел вас, мне повстречался один человек. Он приближался ко мне, паря над землей по воздуху. Он скользил на высоте в два моих роста, и под его ногами не было никакой опоры.

Многие из туземцев открыли рты. Глаза людей расширились, и только у Тоини они стали узкими, как щелочки.

— Я еще никогда не видел такого высокого человека. Его белую и чистую кожу можно сравнить только со свежим молоком, а красные волосы — с огнем пылающего дерева. Вокруг него сияло зарево, словно молния служила ему одеждой. И я не стал убегать от него, ибо не скрыться от этих глаз. Я не стал нападать на него, ибо нельзя поднять на такого человека ни руки, ни копья.

Приблизившись ко мне, он остановился и медленно опустил на землю. О люди тана, я храбрый человек, но он испугал меня. Я чувствовал благоговейный трепет. И, пав на колени, ждал, когда он заговорит со мной. Ни один из смертных не может парить по воздуху. Поэтому я знал, что это не простой человек.

Он подошел ко мне и сказал: «Не бойся, Кикаха. Я не причиню тебе вреда. В моих глазах ты достоин благословения и милости. Поднимись и посмотри на меня».

Я подчинился, но мой страх стал еще сильнее. Мы виделись впервые, а он знал мое имя. Я не мог понять, кто этот незнакомец, летавший по воздуху, как птица. Я не мог понять, кем был этот человек, чей голос проникал в глубины моего сердца.

Несколько женщин в толпе заплакали. Многие шептали молитвы. Они знали, кем был этот незнакомец, — вернее, думали, что знают.

— А потом человек сказал: «Я властитель этого мира, Кикаха». И мне с трудом удалось ответить ему: «О владыка! Я догадывался об этом!»

И сказал он: «Знай же, Кикаха! В скором времени ты станешь пленником тана. Если встретят они тебя добром, то будут достойными в моих глазах, ибо задумал я свер-

шить через них великое чудо. Ты же, Кикаха, будешь моим слугой — тем оружием, которым я исполню задуманное.

Если тана убьют тебя или предадут пыткам, я буду знать, что они не достойны моей милости. И тогда сотру их всех с лица земли. А в знак того, что око мое над ними, и в доказательство силы моей я поражу одного из них смертью огненной. Если же это их не убедит, то убью еще одного — того, кто будет противиться твоему вхождению в племя».

Слушая речь недруга, Тоини злобно усмехался. Кикаха знал, что мальчишка ждет случая, чтобы обвинить его во лжи. Но когда люди начали потихоньку отодвигаться от юноши, Тоини побледнел, задрожал и, заскулив, застучал зубами.

Кикахе не верил только шаман. Очевидно, он догадывался, что пленник лжет, спасая свою шкуру. Тем не менее как человек, умудренный опытом, он не спешил высказывать свое мнение и ждал дальнейшего развития событий.

— Тогда я сказал ему: «Благодарю тебя, Властитель, за честь и за то, что ты избрал меня своим слугой и оружием. Могу ли я спросить о деле, которое ты мне уготовил?».

И ответил он: «Я открою тебе это в нужное время, Кикаха. А пока давай посмотрим, как тана отнесутся к тебе. Если поступят они так, как я того хочу, отправлю их в путь к великой славе. И преуспеют они и разрастутся числом, как ни одно другое племя. Но если тана обойдутся с тобой дурно, я уничтожу и мужчин, и женщин, и детей, и животных их, и даже костей не останется, которые могли бы глотать поедатели падали».

После таких слов он повернулся, взмыл в воздух и исчез за изгибом горы. А еще через миг появились вы. Об остальном вам уже известно.

Эффект, произведенный этой ложью, оказался таким, что Кикаха едва и сам не поверил своим словам. Люди тянулись к нему со всех сторон, стремясь прикоснуться к его ногам, дабы почерпнуть ту силу, которую он получил в момент общения с Властителем, и просили Кикаху

считать их его сестрами и братьями. А когда шаман Ошуллаин протиснулся сквозь толпу и, приобщаясь к силе Властителя, прижал к лицу босую ногу Кикахи, тот понял, что одержал победу.

— А скажи, Кикаха,— громко спросил вождь,— не говорил ли Властитель, что ты будешь теперь вести наше племя?

Старый Вергенгет, как видно, тревожился о своем положении.

— Нет,— ответил Кикаха.— Властитель этого не говорил. Мне кажется, что по его замыслу я должен стать воином вашего племени. Если бы Властитель хотел сделать меня вождем, он бы так и сказал.

Вождь довольно улыбнулся.

— А что будет с беднягой Тоини? Ведь он сказал, что тебя надо пожертвовать Властителю?

— Я думаю, он знает, что вел себя недостойно,— ответил Кикаха.— Не так ли, Тоини?

Юноша упал на колени и, рыдая, запричитал:

— Прости меня, Кикаха! Я не знал, что делал!

— Ты прощен,— ответил Кикаха.— А теперь, о вождь, скажи, что мы будем делать?

Вергенгет решил, что, раз уж Властитель больше не сердится, племя может без страха войти в страну прибрежных земель. Кикаха надеялся, что сезон бурь действительно подошел к концу. Если они попадут еще в одну грозу, племя не простит обмана, и люди разорвут его на части.

Однако Кикаха чувствовал себя в полной безопасности. В самом худшем случае он мог придумать очередную ложь и объяснить туземцам причины немилости Властителя. Но если племя не поверит, то Кикахе на самом деле придет конец.

А вдруг они встретят Уртону — настоящего властителя этой вселенной?

Что бы ни случилось, Кикаха решил действовать по обстоятельствам. Если удастся отыскать весточку от Ананы или свидетельство того, что она пришла на побережье, он тут же уйдет от тана. Главное, чтобы она была жива.

Кикаха не сомневался, что Анана направится сюда. Они оба знали, где искать друг друга.

Уртона и Маккей тоже пойдут на побережье — здесь много воды, и земля относительно стабильна. А там, где будут они, Кикаха найдет и рог Шамбаримена.

Интересно, куда подевался Орк? Неужели он захлебнулся в водовороте? Или его выбросило на берег на безопасном расстоянии от Уртоны и Маккея?

Караван спустился с горы и приблизился к морю. Напоив «лосей», люди купались и предавались приятному безделью. Кое-кто из женщин и детей отправились в лес собирать орехи и ягоды. Мужчины бродили среди волн, тыча копьями в ярких рыб, однако везло немногим.

На обед Кикаха получил кусок сырой рыбы и с аппетитом съел его, предварительно обследовав на наличие червей. А потом тана собрали караван и отправились в путь по белой полосе песчаного пляжа. Они вышли на берег с правой стороны канала и поэтому повернули направо. Чтобы пересечь канал у самого устья, им пришлось бы проплыть не меньше четверти мили. Конечно же, ни у кого из туземцев такого желания не возникало.

В пути они видели множество деревьев, поваленных молниями. То здесь, то там валялись группы животных, покрытые чешуйчатыми амфибиями. Маленькие существа скалили на людей зубы. С их мордочек стекала кровь, хвосты молотили по сторонам, отгоняя соперников. Вокруг слышалось хрюканье, чавканье и хруст костей. Возле туш собирались полчища птиц, и от гомона то и дело закладывало уши.

Когда племя наткнулось на сраженных молнией слониху и слоненка, люди отогнали морских, земных и воздушных тварей, а затем устроили «праздник живота». Кикаха тоже отрезал несколько больших кусков, но не стал торопиться с едой. С наступлением «ночи» он собрал кучу ветвей, а затем соорудил лучковую дрель, с помощью которой собирался добыть огонь. Вокруг него собралась толпа любопытных. Вскоре трение породило дым. Кикаха подбросил сухой травы, и на ветках заплясали язычки огня.

Попросив у кого-то кремневый нож, он нарезал мясо небольшими кусками. Потом поджарил вырезку, немного остудил ее и с аппетитом принялся за еду. Вождь и шаман охотно согласились разделить с ним трапезу. Жареное мясо вызвало у них подозрение, но привлекательный аромат рассеял страх перед неизвестным.

— Это Властитель научил тебя вызывать большой жар? — спросил Ошуллаин.

— Нет. Там, откуда я пришел, люди считают огонь обычным делом... Мы называли этот жар огнем. Вашим предкам он тоже был известен, но потом вы забыли о нем.

Я думаю, что перед тем, как найти страну прибрежных земель, племя тана обитало среди переменчивых гор и равнин. За многие поколения ужас перед ходячими деревьями заставил людей забыть об огне*. Но я не могу понять, почему вы не открыли этот способ заново, когда нашли страну с простыми и добрыми деревьями.

Он не стал говорить о том, что огонь умели разводить и более примитивные племена. Вергенгет мог счесть это оскорблением. А обижать вождя сейчас не стоило.

Кикаха подумал об Уртоне. Каким же садистом был властитель! Если он решил создать себе мир и поместить туда людей, зачем ему понадобилось лишать их возможности развиваться? Потенциал «гомо сапиенс» не мог проявить себя на планете без металлов. Непрерывная мутация почвы, необходимость постоянно перемещаться в поисках пищи и воды низводили людей почти до животного уровня.

Тем не менее они остались людьми. У них имелась культура — причем более развитая, чем он ожидал. Освоившись с языком, Кикаха постиг богатство эпоса и обычаев племени.

— Ночью огонь помогает отгонять прочь больших зверей, — сказал он. — Если хотите, я научу вас поддерживать его долгое время.

* Ранее Фармер рассказывал о том, что туземцы укрепляли концы копий, высушивая их над огнем.

Вождь опустил голову и задумался. Кроме еды он теперь переваривал новую идею. И она, очевидно, вызывала у него какие-то опасения. Помолчав, он посмотрел в глаза Кикахе:

— Если ты действительно любимец Властителя и наше племя стало твоим, я могу доверять тебе, верно? Скажи, ты не причинишь нам зла?

Кикаха заверил его, что не посмеет нанести тана вред... если только Властитель не прикажет.

Вождь поднялся с корточек и отдал необходимые указания. Вскоре по периметру лагеря запылала дюжина больших костров. Однако никто из туземцев не спал. Большие кошки и дикие собаки рыскали вокруг стана, сверкая глазами в отраженном свете. Кроме того, тана боялись, что костры набросятся на них, когда они пойдут спать. Кикаха решил подать пример. Он растянулся на земле и закрыл глаза. Его притворный храп свидетельствовал о том, что он не боится ни огня, ни животных. Чуть позже заснули дети, а потом и взрослые понемногу поверили в свою безопасность.

Утром Кикаха показал женщинам, как готовить жареную пищу. Половина племени с энтузиазмом приняла новый способ. Остальные по-прежнему питались сырым мясом. Однако Кикаха знал, что вскоре племя привыкнет к огню и по старинке будут жить лишь несколько консерваторов.

Впрочем, он немного жалел, что познакомил их с приготовлением пищи на огне. Когда сезон бурь начнется опять, племя снова уйдет с побережья, и там, за горами, нехватка дров заставит их отказаться от огня. Люди вновь станут питаться сырым мясом. Сердца их наполнятся досадой, и тогда с обидой и гневом тана начнут проклинать судьбу.

Как видно, игры в Прометея не всегда приносят пользу.

Впрочем, это их проблема. Кикаха не собирался покидать побережье вместе с племенем.

«Утром» караван двинулся в путь. Вергенгет подгонял людей, и все понимали, что осталось преодолеть послед-

ний отрезок пути. Вождь нервничал, опасаясь встречи с другими племенами. Ему не хотелось сталкиваться с врагами на морском берегу.

К концу «дня» путешественники достигли цели. В полумиле от моря располагался высокий холм. Метаморфозы почвы в этих местах происходили очень медленно, поэтому холм в течение многих лет почти не менял формы.

На вершине виднелась куча бревен, оставшихся от прошлогодней ограды. Мутации холма покорежили возведенный племенем частокол. Лоза, скреплявшая столбы, перетерлась. Но люди не унывали. Все племя принялось за работу, выкапывая палками и каменными лопатками новые ямы. Бревна снова установили по кругу, и к концу третьего дня деревянная ограда была восстановлена. Вдоль стен туземцы соорудили множество низких навесов, под которыми они спали и спасались от проливных дождей.

С наступлением «сумерек» племя укрывалось за стенами крепости. Днем тана охотились, ловили рыбу, собирали ягоды, орехи и фрукты. Двое дозорных вели наблюдение за окрестностями, предупреждая сородичей о появлении опасных зверей и еще более опасных людей.

Однако прежде чем предаться безделью и обрасти понемногу жирком, туземцы решили произвести праздничную церемонию и принять Кикаху в племя.

Такая великая честь требовала от посвящаемого больших усилий. После долгого танца, многочисленных песен и поэм, исполняемых под бой барабанов и визг костяной флейты, вождь вырезал кремневым ножом на груди Кикахи священный символ племени. И тот, как подобало великому воину, не издал при этом ни звука.

Затем ему пришлось пройти сквозь строй мужчин, которые тыкали и били его длинными палками. А потом он боролся с Мекдиллонгом — самым сильным из воинов тана. К тому времени Кикаха полностью оправился от ран. И он знал сотню приемов, о которых Мекдиллонг даже не подозревал. Чтобы подзадорить племя, Кикаха сражался вполсилы. Всем казалось, что Мекдиллонг вот-вот одержит победу. Но, устав барахтаться на земле, Ки-

каха провел бросок через бедро, и бедняга Мек скорчился на боку, хватая ртом воздух.

Худшей частью испытания оказалась проверка его мужских достоинств. Импотентов изгоняли из племени, и те скитались в одиночестве, пока не погибали от тоски или когтей жестоких хищников. Но поскольку Кикаха не принадлежал к тана, его бы попросту убили. Впрочем, вряд ли — ведь он являлся посланцем самого Властителя. Однако вождь сказал, что любимец Создателя не может потерпеть неудачу в таком простом деле.

Кикаха не стал оспаривать логику вождя. Тем не менее ему не понравился этот обычай. Не каждый мужчина оказался бы на высоте, узнав, что в случае неудачи его ожидает изгнание или смерть. А нервозность и страх порождают импотенцию.

Хорошо, что тана не требовали публичной проверки, как это практиковалось в других племенах. Кикахе позволили уйти под навес, увитый ветвями с густой листвой. Он выбрал для испытания самую симпатичную женщину в племени, и она вышла от него через несколько часов, усталая и очень довольная. Немного передохнув, красавица объявила, что с проверкой претендент справился превосходно.

С удовольствием используя предоставленную возможность, Кикаха почувствовал угрызения совести, хотя знал, что Анана не стала бы раздувать большой скандал из-за такой незначительной измены. К тому же он находился в почти безвыходном положении, и его буквально вынудили к этому.

А потом Кикаха решил, что Анане лучше не знать об этом... если только она еще жива.

Испытания подошли к концу. Вождь и шаман пропели по очереди священную песню посвящения, а затем начался всеобщий праздник. Люди объедались до такого состояния, что не могли двигаться.

Отправляясь спать, Вергенгет сказал, что Кикаха должен взять себе жену из числа избранных для этого женщин. Пять девушек племени, достигших брачного возраста, заявили о своем желании получить его в мужья. Теоретиче-

ски женщина могла отвергнуть притязания любого поклонника. Однако в реальности все происходило немного иначе. Потребность в воспроизводстве племени вынуждала женщин выходить замуж сразу после достижения зрелости. Если девушке везло и за ней увивались несколько поклонников, она имела неоспоримое право выбора. Но обычно ей доставался тот, кто просил ее руки.

Такое же давление оказывалось и на мужчин. Даже если юноше не нравилась ни одна из доступных женщин, ему все равно приходилось выбирать себе жену из предложенных кандидаток. Эти жесткие меры позволяли поддерживать численность племени на должном уровне.

Две из пяти невест выглядели довольно мило. Одна из них, красивая и озорная бесстыдница, буквально сочилась соком переполнявшей ее страсти. Всем своим видом она давала понять, что если кого и надо брать в жены, так только ее. Конечно, она ожидала чего-то лучшего, но раз уж вождь просит... Хотя, по словам Вергенгета, все пять девушек пылали к Кикахе безудержной любовью.

Будь его воля, Кикаха выбрал бы себе женщину, с помощью которой ему пришлось бы доказывать свою мужскую статью. Но ему одолжили ее лишь на время церемонии, и, если бы Кикаха осмелился искать повторной встречи, муж этой женщины стал бы его заклятым врагом.

Однако уже сейчас женщина Шима начинала создавать проблемы. Она сказала Кикахе, что хочет еще раз вкусить его любви. Но им не удалось бы сделать это незаметно. Уйди они в лес, половина племени прибежала бы следом, чтобы в нужный момент помочь советом и подбодрить задорным хохотом.

Впрочем, он бывал и не в таких переделках.

Кикаха задумался. Посреди стана на высоких столбах возвышалась смотровая площадка, на которой мелькала фигура дозорного. Еще один наблюдатель сидел на вершине гигантского дерева. Остальные тана храпели под своими навесами. В этот миг Кикаха мог бы открыть ворота и убежать в лес. Пока дозорные разбудят племя, он углубится в чащу, и тогда им уже никогда не поймать его — особенно после такого обжорства.

Кикахе не терпелось отправиться на поиски Ананы, но в то же время ему хотелось остаться с этими наивными и простодушными людьми. Он страшился одиночества, и тоска по родному крову уже который раз одерживала верх. Кикаха знал, что это момент слабости. Но бывало и так, что момент затягивался на года.

По логике, ему следовало дожидаться ее прихода. Отправившись на поиски, он мог пойти в неверном направлении. А значит, ему пришлось бы обойти это море вокруг. Судя по рассказам туземцев, оно могло быть таким же большим, как озеро Мичиган или Средиземное море. Более того, если Анана отправится в том же направлении, она все время будет оставаться позади него. И главное, он не знал, жива ли она теперь...

Кикаха решил немного подождать и получше изучить ближайшие окрестности. Кроме того, он надеялся, что следующие несколько дней подскажут ему дальнейший план действий.

Зевнув, Кикаха направился к навесу. Рядом послышалось тихое хихиканье. Обернувшись, он увидел Шилу и Гвин — двух красавиц, предоставленных ему на выбор. Их обычно впалые животы выпячивались от обильной пищи, но стройные фигурки свидетельствовали о воздержании и умеренности будущих невест. Впрочем, сейчас им полагалось спать в своих постельках.

Шила улыбнулась и смущенно подошла к Кикахе.

— Гвин и я знаем, что ты женишься на одной из нас.

— И откуда вам это известно? — с усмешкой спросил он у девушки.

— Мы самые красивые и желанные. Нам подумалось, что возможно... — Она снова хихикнула и прикрыла ладонью лицо. — Мы решили дать тебе возможность узнать нас поближе. И тогда ты выберешь ту, кто окажется лучше.

— Вы, наверное, смеетесь надо мной, — ответил Кикаха. — У меня был трудный день — все эти обряды, полдня на ложе с Шимой, потом праздник...

— О-о! Мы думаем, ты справишься. Ты великий виру. И в любом случае никогда не вредно попробовать, правда?

— Я не знаю, можно ли так,— уступил Кикаха и обнял обеих девушек за талии.— Под моим навесом нас заметят. Куда мы можем пойти?

Ранним утром его сон нарушили громкие крики. Кикаха приподнялся на локте и осмотрелся. Обе девушки все еще спали. Он выполз из-под навеса и вскочил на ноги. Вокруг сновали встревоженные туземцы. Многие из них протирали глаза и спрашивали друг друга о причине суматохи. Человек на смотровой площадке что-то кричал, указывая в направлении моря. Дозорный на дереве тоже кричал и махал руками.

Щурясь от сна, вождь толкнул в бок Кикаху.

— О чем говорит Опвел?

Кикаха ответил, что из-за криков не слышит слов дозорного. Вергенгет поднял вверх правую руку, и через минуту в лагере воцарилась тишина. Охрипший Опвел передал им весть дозорного с дерева:

— По берегу бегут мужчина и женщина. Их преследуют воины из племени таонов. Они скоро настигнут двух беглецов.

— Скажи, у этой женщины длинные волосы цвета воронова крыла? — прокричал Кикаха.

— Да!

— А волосы мужчины желтые или рыжие?

— Один говорит, что мужчина чернокожий. У него курчавые волосы, которых мы еще никогда не видели.

— Анана! Анана и Маккей! — со стоном произнес Кикаха и бросился к воротам.— Анана!

Вергенгет прорычал приказ, и двое мужчин схватили Кикаху. Вождь гневно толкнул его в грудь и, задыхаясь от ярости, закричал:

— Ты сошел с ума! Тебе не устоять одному против многих! Таоны убьют тебя!

— Отпусти! — взмолился Кикаха.— Там моя женщина! Я должен ей помочь!

— Не глупи,— укорял его Вергенгет.— У тебя нет ни одного шанса.

— Значит, ты предлагаешь мне сидеть здесь и смотреть, как ее будут убивать?

Вождь повернулся и что-то прокричал Опвелу. Тот передал его слова Олину, а чуть позже сообщил ответ:

— Олин говорит, что насчитал двадцать воинов.

Вождь потер ладони и улыбнулся:

— Это хорошо. Нас больше, чем их.

Он начал отдавать приказы. Люди хватали оружие, седлали «лосей» и вели животных к воротам. Кикаха вскочил на своего мусоида и, как только створки открылись, помчался вниз по склону. За ним неслись Вергенгет и остальные воины.

Глава 10

Свалившись в канал, Анана снова начала карабкаться вверх. Вода доходила ей до груди, но она цеплялась за траву, перебирала ногами по скользким выступам и упорно взбиралась по склону.

Где-то над ней послышались крики, и что-то больно ударило ее по спине. Она едва не сорвалась вниз и, обернувшись, увидела футляр, в котором хранился рог Шамбаримена.

Сбоку неотвратимо надвигалась черная стена воды. У Ананы оставалось в запасе каких-то десять—двенадцать секунд, но ее ужасала мысль о потере рога. Без него им не выбраться из этого ужасного мира, и вместе с инструментом пропала бы их последняя надежда.

Она соскользнула в воду и поплыла за футляром, который относил течением. Сделав несколько гребков, Анана поравнялась с ним, ухватила за ремень и поплыла к берегу. Уровень воды поднялся еще больше, и она уже не могла нащупать ногами дно. Ей удалось ухватиться за пучок травы. Зажав зубами кожаную ручку футляра, Анана быстро карабкалась по откосу.

Земля дрожала от огромной массы воды, которая мчалась на нее гигантским валом. Но Анана не теряла времени на ахи и вздохи. Футляр мешал двигаться и оттягивал голову назад, и все же она упорно взбиралась по скользкому склону.

Цепляясь за край откоса, Анана заметила мелькнувшее в воздухе тело. Рев воды заполнил пространство, и она

не слышала ни всплеска, ни крика. Но кто же упал? Неужели Кикаха? Она тревожилась только о нем.

А потом все утонуло в реве и оглушительном грохоте. Анана подтянулась на руках, занесла ногу, пытаясь выбраться на берег, и тут ее накрыло волной. Поток подбросил Анану, вырвал траву из побелевших пальцев и потащил в бурлящую пучину.

Тем не менее ей удалось удержать футляр. Анану несло вперед, но довольно далеко от передней линии волны. Ее несколько раз затягивало под воду, но тут же выбрасывало на поверхность. Футляр помогал держаться на плаву, и она почти не тратила сил.

Через несколько минут ее вынесло на берег. Какой-то миг ей казалось, что она вот-вот соскользнет обратно в воду, но Анане удалось проползти вперед и откатиться подальше от края откоса.

Она отбросила футляр и, дрожа, поднялась на ноги.

В полумиле от нее виднелись три фигуры. Анана узнала Уртону, Маккея и Орка.

Кикахи среди них не было. Значит, его-то и столкнули в поток. Теперь Анане стало ясно, почему он бросил ей рог. Она догадалась, что Кикаха поклялся утопить инструмент в канале, если ей не помогут выбраться на берег.

И тогда злодеи накинулись на него. Он швырнул ей футляр, а сам упал в поток. И вряд ли это случилось по его собственной воле. Они столкнули Кикаху в воду — оглушили и сбросили.

Анана осмотрела канал, но не заметила ничего похожего на тело.

Либо Кикаху затянуло под воду, либо он уже утонул.

Что бы там ни произошло, она не могла поверить в смерть Кикахи, который прошел через столько бед, который так яростно сражался за жизнь, хитрил и выкручивался из любой неприятности... Но каждый мужчина и каждая женщина когда-нибудь умирают.

Нет, она не могла отказаться от надежды. Скорее всего, он воевал теперь с потоком, и где-то там, за розовой дымкой, его все дальше и дальше уносило от опечаленной Ананы.

Она решила пройти до конца канала и найти Кикаху — живым или мертвым.

Внезапно Рыжий Орк побежал в сторону моря, то есть в противоположном направлении. Маккей погнался за ним, но остановился. Возможно, он понял, что долгового властителя не догнать, или его заставил вернуться Уртона. Как бы там ни было, оба зашагали к Анане. Увидев в ее руках футляр, Уртона задумал овладеть заветным рогом.

Анана побежала. Через какое-то время она начала задыхаться, но вскоре пришло второе дыхание. Она понимала, что не сумеет сбить со следа преследователей здесь, у канала. Конечно, у них не хватит сил, чтобы догнать и схватить ее прямо сейчас, но они будут преследовать свою жертву до тех пор, пока та не свалится с ног от усталости. И тогда они убьют ее и завладеют рогом.

Анана знала, что не уступает мужчинам в выносливости. И не сомневалась, что они устанут гораздо быстрее ее. Но Уртона мог наверстать упущенное за счет сна и застать ее где-нибудь спящей.

Нет, пока она будет оставаться у канала, от погони не оторваться. Анана решила пересечь равнину и направиться к горам. А потом можно было вернуться обратно к каналу.

При таких переменчивых ориентирах заблудиться ничего не стоило, но Анана нашла риск оправданным.

Она повернула и побежала через равнину. Мужчины помчались наперерез, быстро сокращая разрыв в расстоянии.

Да, об этом она не подумала.

Ей захотелось увеличить скорость, но, преодолев страх, Анана не стала растрачивать силы. Пока она будет оставаться за пределами действия лучемета, с ней не случится ничего плохого.

Атмосфера планеты не позволяла точно оценить расстояние. Почти полное отсутствие пыли делало воздух кристально чистым, а отсутствие теней смягчало контуры объектов. Анана полагала, что до ближайшей горы не больше пяти миль. Та быстро меняла форму, но была еще доста-

точно высока, чтобы не ссохнуться в пригорок, когда Ана-на доберется до нее.

На пути к горе располагались рощи подвижных деревьев. Их небольшие группы не представляли серьезного препятствия. Вокруг паслись стада газелей и антилоп. В полумиле слева к одной из рощ направлялось семейство слонов. С другой стороны виднелись гигантские мусоиды. В четверти мили от Ананы к антилопам подкрадывалась парочка львов. В качестве прикрытия они использовали рощу шагающих растений.

Высоко в небе парил «моа». Вряд ли это существо выслеживало дичь, но линия его полета пролегла вблизи Ананы. Впрочем, теперь он понесся к другой стороне горы.

Анана оглянулась. Мужчины бежали к ней под небольшим углом. Возможно, они надеялись, что она запаникует и растратит силы в отчаянном броске.

Анана перешла на быстрый шаг. В таком темпе она могла двигаться довольно долго. За многие тысячи лет жизни она редко теряла спортивную форму. Ее выносливость и закаленные легкие могли бы удивить бывалых марафонцев. Анана доводила до совершенства любой физический потенциал, которым обладала. Однако теперь ей стало ясно, что предел есть даже у нее.

Одна миля.

Две мили.

Тело покрывал соленый пот. Дышалось уже не так легко, но она знала, что сил еще хватает. Ноги двигались быстро и плавно. Анана чувствовала, что доберется до горы и, возможно, даже одолеет обратную дорогу.

Несмотря на выносливость и ловкость, ее дядя часто предавался лени. Тот жир, который он поднакопил на Земле, давно иссяк от тягот Лавалитового мира и нехватки пищи. Кроме того, Анана сомневалась, что Уртона поддерживал себя на Земле в хорошей физической форме.

Негр имел мощное сложение, однако и он не привык бегать на дальние дистанции. Бросив беглый взгляд через плечо, Анана увидела, что он намного отстал от Уртоны. Впрочем, ее дядю подгонял достойный стимул. Он знал, какое сокровище племянница держала в руках.

Футляр и его содержимое весили около четырех фунтов. Анана решила избавиться от лишнего груза. Замедлив шаг, она открыла защелки, вытащила рог и выбросила футляр. Это позволило ей увеличить скорость. За десять минут Уртон потерял пятьдесят ярдов. Маккей все больше отставал от своего хозяина.

Еще одна миля.

У Ананы появилось желание выбросить нож и метательный топор. Но она тут же отогнала эти мысли. Рано или поздно погоня прекратится, и тогда ей понадобится оружие. К тому же пара мужчин — почти ничто в сравнении с крупными хищниками. Смешно идти против льва с ножом и топором, но вряд ли зверю захочется связываться с опасным противником, когда рядом пасутся стада безвредных антилоп.

Анана пробежала еще полмили и оглянулась. Уртон и Маккей превратились в крохотные фигурки. Замедлив темп, они упорно продолжали погоню, хотя оба понимали, что беглянку им не догнать. Анана знала, что они не остановятся, пока видят ее.

Львы исчезли за группой деревьев, которые медленно двигались к каналу. Встречный ветер нес молекулы воды, которые оседали на чувствительных сенсорах растений. Добравшись до берега, деревья выстроятся в ряд, опустят щупальца в воду и будут засасывать бодрящую жидкость.

Анана приблизилась к антилопам, и те перестали пастись. Их головы приподнялись, черные глазки заблестели. Еще мгновение, и они все как один помчались прочь. Отбежав на полсотни ярдов, животные успокоились и начали щипать траву. Очевидно, такое расстояние их устраивало.

Когда Анана оказалась в центре стада, антилопы запаниковали и бросились бежать. Повсюду мелькали высокие рога с загнутыми кончиками. Анана остановилась, а потом присела. Большие и пестрые черно-коричневые тела перепрыгивали через нее и с шумом проносились мимо. Но панику вызвала не она. Антилопы считали ее неопасной. Они просто предпочитали держаться подальше от человека.

Рядом промчалась коричневатого-желтого молодого антилопа. Внезапно из-за деревьев выпрыгнул лев и бросился вдогонку за животным. Лыица бежала параллельно. Она уступала самцу по размерам, но была значительно быстрее. Лев отогнал антилопу от стада. Та повернулась влево, но, увидев вторую кошку, метнулась в сторону. Уходя от новой опасности, она все больше теряла свое преимущество.

Рычание самца заставило антилопу еще раз изменить направление. Лев отвлек внимание животного, и к жертве помчалась лыица. Анана знала, что охота не продлится долго. Пройдет несколько секунд, и кошки убьют свою жертву. Если же их силы иссякнут, антилопа вернется в стадо. Однако это казалось почти невозможным. Будь у нее хоть капелка ума, она бежала бы по прямой. Но зверь постоянно петлял, и лыица приближалась все больше и больше. Вскоре, конвульсивно взмахнув копытами, животное погибло. Самка, упоенная победой, вцепилась в шею поверженной добычи.

Лев взревел и побежал трусцой. Его бока раздувались, стекала слюна с клыков, зеленые глаза сверкали. Самка с рычанием отступила, и он начал потрошить труп. Лыица устроилась по другую сторону тела, время от времени вырывая из туши большие куски.

Стадо остановилось. Антилопы вновь шипали траву, понимая, что пока бояться нечего. Судьба молодого животного их абсолютно не волновала.

Львы пировали в сорока шагах от Ананы, не обращая на нее никакого внимания, и она, сделав небольшой крюк, обошла хищников стороной.

Навстречу двигалась небольшая роща. Таких деревьев Анана еще не видела. Стволы высотой футов двенадцать, словно вывеску парикмахера, украшали белые и красные спиральные полосы. С коротких толстых ветвей свисали широкие зеленые листья, формой напоминающие сердечки. Помимо шупалец деревьев имели круглые многофасеточные «глаза». Но в отличие от других растений этих зеленых, как изумруды, очей было очень мало — всего по четыре штуки на каждом стволе.

Львы, подкрадываясь к антилопам, скрывались за деревьями без всякой опаски. Возможно, растения не пи-

тались плотью и не представляли угрозы. Или это объяснялось каким-то древесно-львиным симбиозом. Неужели Уртона внедрил в них инстинктивный механизм, благодаря которому растения игнорировали львов и считали врагами только людей? Впрочем, это вполне соответствовало бы нраву дядюшки. Любой кочевник, увидев зверей посреди рощи, посчитал бы, что тоже может бродить среди деревьев. И погиб бы, войдя в шагающий лес.

На какой-то миг у Ананы возникло желание рискнуть. Вбежав в рощу, она могла бы поиграть с преследователями в прятки. Но от такой игры она в принципе ничего не выигрывала. К тому же деревья могли оказаться плотоядными.

Анана оглянулась. Двое мужчин приближались. Она перешла на легкий бег. Подбежав к роще, Анана обогнула ее слева. Ее немного смущало то обстоятельство, что Уртона и Маккей могли проскочить лесок напрямую.

«Нет,— решила Анана.— Они так не сделают. Вряд ли Уртона помнит все тонкости поведения животного и растительного мира. Кроме того, он подумает, что я спряталась среди деревьев. Им придется разделиться, чтобы перекрыть мне пути. Маккей побежит вокруг рощи с одной стороны, а Уртона — с другой. Осматривая ряды деревьев, преследователи потеряют массу времени, и когда доберутся до конца рощи, я уже буду у самой горы.

Значит, надо обогнуть лесок и под прикрытием деревьев еще больше увеличить разрыв. На какое-то время они потеряют меня из виду, и я получу неплохое преимущество».

Анана побежала к горе.

Однако ей пришлось замедлить темп. В полумиле от нее к роще приближалась стая из двадцати бабуинов. В эскорте шли самцы; многие самки несли на спинах детенышей. Анану пробрала холодная дрожь. Неужели они избрали ее добычей? Или их привлекло рычание львов, терзавших убитую антилопу?

Переложив рог в левую руку, Анана вытащила из-за пояса топор. Если она пойдет дальше, их пути пересекутся. Анана замерла на месте. Приматы молча двигались к роще, дружно топая широкими короткопалыми лапами, и напоминали группу солдат на марше.

Бабуины бегали не так быстро, как копытные животные равнин, но благодаря длинным и сильным лапам без труда догоняли детенышей антилоп или раненых животных. Приблизившись к стаду, они обычно растягивались в линию. Вожак бросался на добычу, а бешеные прыжки и лай других обезьян обращали стадо в паническое бегство. Бабуины прыгали на пробежавших мимо антилоп, ловко уворачиваясь от острых рогов и копыт. Тем временем основная часть стаи сжимала кольцо вокруг намеченной жертвы. Как правило, это был теленок или хромавшее животное. Несколько грузных и мощных самцов набрасывались на добычу. Антилопу валили на землю, и тогда к ней подступали остальные. Мамаши с детенышами во время охоты держались в стороне.

В двадцати шагах от Ананы вожак залаял, и стая замедлила движение. Неужели обезьяны решили, что с человеком легче справиться, чем с голодными львами?

Нет, они по-прежнему двигались к роще марширующих растений.

Анана подождала, пока последняя из обезьян не прошла мимо, и побежала к горе.

Внезапно позади слышались крики и шум. Анана замедлила бег и обернулась. С ее губ сорвалось проклятие. Из рощи выскочили Уртон и Маккей. Вопреки ее ожиданиям, они не стали обходить растения, а побежали напрямик. Как видно, Уртон помнил, что эти деревья не опасны для людей. Надеясь застать Анану врасплох, мужчины бежали изо всех сил.

Да, они действительно удивили ее. Но и им тоже пришлось поудивляться. Выскочив из-за деревьев, они направились на передние ряды бабуинов. Вожак стаи бросился на Уртону, а трое больших самцов метнулись к Маккею.

Дяде ничего не оставалось делать, как только применить лучемер. Вожак упал, рассеченный надвое с головы до ног. Две дымящиеся половинки разлетелись в стороны на несколько шагов. Если бы Уртон промедлил еще секунду, бабуин вцепился бы ему в горло.

Анана покачала головой. Дела становились все хуже и хуже.

Вскоре властителю пришлось еще раз потратить драгоценную энергию лучемета. Маккей оказался в кольце разъяренных обезьян. Негр пригнулся, готовясь к схватке, и крикнул Уртоне, чтобы тот стрелял немедленно. Властитель колебался — он не хотел прибегать к лучемету, поскольку берег заряд для племянницы. Но, видимо, Уртоне побоялся продолжать погоню в одиночку. Три самца полетели кувырком, и обрубки их обгоревших тел упали прямо у ног Маккея. Черная кожа наемника стала серой.

Остальные бабуины грозно зарычали и подняли крик. Однако их ярость уступила место страху, и они не осмелились снова напасть на людей.

Анана повернулась и побежала к горе. Минут через десять она оглянулась и увидела, что преследователи остались почти на том же месте. Боясь повернуться спинами к обезьянам, они медленно отступали. А стая следовала за ними на безопасном расстоянии, ожидая случая, чтобы наброситься на них. Надеясь испугать бабуинов, Уртоне с криком махал лучеметом и каждые несколько секунд делал ложный выпад, но обезьяны, отступив назад, рычали, лаяли и снова шли за людьми.

Анана усмехнулась. Появилась реальная возможность оставить их далеко позади.

Добежав до подножия крутого склона, она решила передохнуть. К тому времени бабуинам надоело преследовать людей. Уртоне подстрелил еще одного самца, и эта потеря охладила пыл разъяренных животных. Собравшись вокруг упавшего сородича, они начали терзать обгоревшее тело. Часть стаи побежала к роше, где лежали еще четыре трупа. Наперерез им летел гигантский саблеклювый «моа», очевидно, тоже надеявшийся урвать свою долю. Предвкушая кровавый пир, в небе кружили стервятники.

Склон горы поднимался под углом в сорок пять градусов. Его поверхность покрывали огромные выступы, похожие на застывшие пузыри. Наметив путь между ними, Анана пригнулась и одолела первую сотню ярдов. Здесь не было ни кустов, ни деревьев, за которыми она могла бы

спрятаться, поэтому карабкаться таким образом пришлось до самой вершины. Анана все еще надеялась найти какое-нибудь укрытие. Однако чем выше она поднималась, тем меньше ей верилось в успех. Впрочем, если она спустится вниз по противоположному склону и добежит до следующей горы, Уртон и Маккей потеряют ее из виду.

Пик возвышался над равниной на полторы тысячи футов. Достигнув вершины горы, Анана едва дышала. Ноги казались тяжелыми, будто их покрывала толстая корка цемента. Все тело дрожало от усталости. В груди горело. Впрочем, двое мужчин были в таком же — если не в худшем — состоянии.

Когда Анана начинала подниматься, вершина горы походила на острый конус сливочного мороженого. Теперь ее кончик оседал и превращался в плато, которое уже расширилось до шестидесяти футов в диаметре. От земли веяло жаром, что указывало на возрастающую скорость мутаций.

Уртон и Маккей взбирались по склону. Одолев четверть пути, они сели передохнуть. Прямо над ними быстро набухал бугор маслянистой земли. Через несколько минут их фигуры скрылись из поля зрения Ананы.

«Если этот протуберанец будет и дальше разрастаться, им придется обходить его, — подумала Анана. — А значит, они еще больше отстанут от меня».

Пользуясь возможностью, она решила осмотреть ближайшие окрестности. Но напрасно она напрягала зрение, пытаясь отыскать фигуру Кикахи. Канал тянулся через всю равнину, и даже с такой высоты она не видела ни конца его, ни начала. Милях в двадцати разрастались молодые горы. Они ограничивали обзор и не позволяли выяснить, насколько далеко уходила узкая полоска воды. Анана печально вздохнула.

А куда подевался Рыжий Орк? За перипетиями погоны она совсем забыла про него. Но где бы он ни находился, Анана его не видела.

По другую сторону вздымались горные кряжи. Горбы вершин сменяли друг друга. Хребты соединялись, образуя сплошную цепь, но местами в них виднелись проходы.

На одном из склонов выделялась зеленая полоса, которая резко контрастировала с рыжеватой травой. Полоска медленно сместилась вниз, и Анана узнала в ней армию мигрировавших деревьев. По ее подсчетам, они находились на расстоянии пяти-шести миль.

На склонах гор и в долинах виднелись темные рваные пятна. Это были стада антилоп и других травоядных животных, которые в Лавалитовом мире обитали и на равнинах, и в горах. В случае необходимости они могли карабкаться по склонам не хуже горных козлов.

Переведя дух, Анана решила немного подождать и посмотреть, что предпримут ее преследователи. Подъем на вершину мог показаться им утомительным. Она могла бы попробовать сбить их со следа, спустившись по боковому склону. Впрочем, Уртон не так глуп, чтобы не взять в расчет такую возможность.

Допустим, они разделятся и будут обходить гору с двух сторон, чтобы встретиться посередине. Тогда она выждет момент и спустится на равнину.

Однако, если они не предпримут каких-то действий в ближайшие полчаса, ей придется придумать что-нибудь другое. Плато расширялось и опускалось вниз — вернее, оседало. Если Анана упустит момент, то окажется на равнине.

Впрочем, нет. Процесс усадки займет день, а то и два. Дядя не станет ждать так долго. Он и его головорез должны что-то предпринять, иначе не видать им рога как своих ушей.

Анана почувствовала голод и жажду. Карабкаясь к вершине, она надеялась найти на другой стороне водоем. Но, судя по тому, что она видела, за водой придется возвращаться к каналу. Вряд ли эти клочья облаков превратятся в густые и черные дождевые тучи.

Анана ждала и наблюдала. Край плато, на котором она сидела, медленно нависал над склоном. Остаться на нем становилось опасно — через час-другой он мог рухнуть под собственным весом. Вершина превращалась в блин, насаженный на кончик конуса. Любое промедление грозило плохими последствиями. Анана могла сорваться вниз вместе с огромным куском земли.

Однако такое положение дел давало ей преимущество. Комочек обещал упасть солидный, а мужчинам внизу наверняка не хотелось бы оказаться на пути стремительной лавины. Значит, они отступят на равнину. И если Ана не очень повезет, их накроет комьями земли.

Она подбежала к противоположной стороне площадки, диаметр которой доходил уже до ста футов. Сбросив вниз рог и топор, Анана легла на край выступа, а затем повисла на руках. Ее ноги болтались в воздухе, и она знала, что придется падать. Но выбора не было. Анана разжала пальцы. Склон по-прежнему сохранял наклон в сорок пять градусов. Большую часть пути она проехала на спине. Анана хваталась за траву, но та обжигала руки. Штаны на ногах и ягодицах почти дымились. Ей казалось, что ткань вот-вот загорится. Но в конце концов Анане удалось остановиться.

Подобрав топор и рог, она начала спускаться. Одолев половину пути, Анана поскользнулась на траве, упала на спину и прокатилась несколько ярдов. И тут мимо пролетел огромный ком земли. Немного левее — и он бы раздавил женщину своей массой.

У самого подножия Анана бросилась бежать. По склону катились глыбы спрессованного грунта. Одна из них пролетела над ее головой, подскочив на небольшой полукруглой выпуклости.

Сбежав с горы, Анана помчалась через небольшую долину, стараясь выбраться из опасной зоны. Позади катились комья земли.

Наступала «ночь». Анане очень хотелось пить. Ей казалось, что она умрет, если не доберется до воды в ближайшие полчаса. К тому же она безумно устала.

Анана решила вернуться к каналу. Другого выхода не оставалось. К счастью «сумерки» сгушались, и на расстоянии в тысячу футов, а возможно, и в пятьсот предметы сливались с красноватой мглой. Анана надеялась незаметно проскочить мимо своих преследователей. Те, вероятно, поджидали ее на другой стороне горы, но она не собиралась возвращаться старой дорогой. Вместо того чтобы побежать напрямик к воде, Анана сделала крюк и обошла стороной опасное место.

Обогнув подножие горы, она быстрым шагом направилась к каналу. Повсюду лежали глыбы земли размером с одноэтажный дом. Проходя мимо одной из них, Анана заметила какое-то движение. Взвизгнув, она отпрыгнула в сторону, молниеносно выхватила топор и метнула в длинное низкое существо.

Топор попал в цель и отскочил. Тварь поднялась на короткие изогнутые ноги, зашипела и побежала прочь. Однако удар оглушил животное. Зверь шатался и двигался с какой-то сонной медлительностью. Анана подобрала топор и, немного успокоившись, метнула его еще раз. Лезвие впилося в спину существа.

Вытащив из-за пояса нож, она подошла к своей добыче. Рептилия достигала в длину более двух футов и походила на ящерицу. Анана перерезала ей горло и, подняв зверя за хвост, напилась крови, хлеставшей из раны. Драгоценная жидкость стекала по подбородку, горлу и груди, но большая часть попала-таки в рот.

Сняв с «ящерицы» шкуру и отрезав часть тушки, Анана съела теплое мясо и почувствовала прилив сил. Пить хотелось по-прежнему, но она чувствовала, что может перетерпеть эту жажду. Анана вновь получила преимущество перед своими преследователями — если только тем тоже не удалось кого-нибудь убить.

Пока она шла через равнину, тьма сгущалась все сильнее. Прохладный ветер принес дождевые облака, и буквально через десять минут с небес хлынули потоки воды. Единственным источником света были молнии, которые крест-накрест полосовали воздух. Какой-то миг Анане хотелось отступить к горе. Однако ситуация требовала решительных действий, и Анана упорно двигалась вперед, почти ослепнув от вспышек молний и оглохнув от раскатов грома. Время от времени она оглядывалась через плечо, но видела лишь животных, которые безумно метались по равнине и пытались скрыться от ослепительных стрел небесного охотника.

Приблизившись к каналу, Анана оказалась по колено в воде, где в любую секунду могла получить электрический удар. Но возвращаться не имело смысла.

Ближняя сторона канала опустилась на несколько дюймов. Вода вышла из берегов и хлынула на равнину. Рядом с Ананой плескались четырехногие рыбы и какие-то мелкие твари с белесыми щупальцами. Она пронзила ножом две небольшие амфибии, освежевала одну из них и съела. Отрезав другой голову и выпотрошив тушку, Анана прихватила ее с собой. Мясо могло пригодиться на завтрак и даже обед.

К тому времени буря начала затихать. Через двадцать минут облака разметало по небу. Стоя в воде, Анана размышляла, в какую сторону идти. Может быть, к дальнейшему концу канала в надежде найти Кикаху? Или отправиться к морю?

Насколько она знала, протяженность канала могла составлять около сотни миль. Кроме того, канал мог вскоре закрыться или расшириться, превратившись в озеро. Что касается Кикахи, то здесь имелось три варианта: он либо жив, либо ранен, либо мертв. Если Кикаха ранен, ему нужна помощь. Если умер, она найдет его кости и со скорбью смирится с печальной участью.

С другой стороны, можно отправиться к морю через горный проход и подождать его там. Если Кикаха жив, он рано или поздно придет туда.

Впрочем, дядя и негр тоже пойдут к морю. А значит, выждав удобный случай, она может устроить засаду и отобрать лучемер.

Внезапно Анана пригнулась и медленно повернула голову. Из темноты появились две фигуры. Они находились слишком далеко и на фоне красноватой мглы казались лишь темными пятнами. Но она не сомневалась, что это люди. Более того, они могли оказаться ее преследователями.

Если бы Анана отправилась на поиски Кикахи, то наткнулась бы на эту пару. И теперь у нее оставался единственный путь — к далеким горам, вернее, к морю.

Анана побежала по колено в воде. Время от времени она оглядывалась назад. Смутные очертания фигур маячили за спиной, но не приближались.

Прошло какое-то время, измеримое лишь нараставшей усталостью. Она подбежала к полноводному каналу, русло которого стало намного шире, нырнула в воду, переплыла на другую сторону и вскарабкалась на берег. Чуть позже послышался всплеск. Уртона и Маккей плыли следом. На миг ей показалось, что она никогда от них не отделается — даже в такой темноте.

Анана повернулась и побежала к горам. Теперь она двигалась волчьей рысью — сотня шагов бегом, сотня — быстрым шагом. Отсчет помогал идти и отвлекал от усталости. Очевидно, ее преследователи делали то же самое. Однако им не удавалось увеличить скорость и закончить эту затянувшуюся погоню.

Шлепая по воде, Анана двигалась по затопленной равнине. Одолев проход между двумя горами, Анана вышла на другую равнину. Через милю на ее пути возникло еще одно русло, соединявшееся с каналом. Метаморфозы почвы привели к появлению многочисленных изломов, которые протянулись от моря в глубины континента за большими округлыми горами. С высоты птичьего полета этот район походил на многоножку, где горы являлись телом, а русла каналов — длинными щупальцами.

Ширина протоки не превышала трехсот ярдов. Однако Анана так устала, что уже не могла плыть. Лежа на спине, она вяло двигала ногами и, чуть-чуть подгребая, удерживалась на поверхности.

У другого берега было неглубоко — по пояс. Переводя дух, Анана пристально вглядывалась в темноту. Она больше не видела и не слышала своих преследователей. Неужели они побежали в другом направлении? Если это так, ей следовало немного подождать, а затем вернуться к каналу.

Примерно через пять минут послышалось тяжелое дыхание двух мужчин. Анана присела, погрузившись в воду до носа. Во мраке «ночи» на противоположном берегу появились два темных пятна. Она слышала каждое их слово.

С трудом отдышавшись, дядя сказал:

— Как думаешь, мы оторвались от них?

«От них?» — с удивлением подумала Анана.

— Говори тише, — ответил Маккей, и они зашептались.

Какое-то время мужчины стояли на берегу и обсуждали ситуацию. Внезапно раздался крик. И этот крик исходил не от них. Потом послышался приглушенный топот, и за двумя мужчинами возникли две гигантские фигуры. Уртону и Маккей застыли на месте. В тот же миг полосы «рассвета» обесцветили багровое небо.

— Поплыли, хозяин! — закричал Маккей.

— Нет, — отозвался Уртон. — Я слишком устал. Мы прикончим их лучеметом.

Небо быстро светлело. Двое мужчин и фигуры за ними все отчетливее проступали из красноватой мглы, но Анана знала, что ее еще не заметили. Над водой остались только ее нос и глаза. Цепляясь одной рукой за подводную траву, в другой она держала заветный рог. Контуры гигантских фигур стали четче, и Анана увидела людей, сидевших на мусоидах. В руках туземцев были длинные копья.

Она услышала голос Уртона, но слов не разобрала. Скорее всего, он прокричал какое-то проклятие. На берегу появился отряд всадников. Часть его скрылась из виду, перекрывая пешим путь к отступлению. Другие выстроились вдоль канала индейской колонной.

Уртон поднял лучемет, и два ближайших мусоида упали на землю с отрезанными ногами. Один из седоков свалился в канал. Второго воина Анана не видела.

Послышались крики. Ужасная расправа произвела на туземцев огромное впечатление, и они торопливо исчезли за бугром. Внезапно с другой стороны на Уртону и Маккея помчалась пара всадников. Они грозно размахивали копьями и что-то кричали на языке, которого Анана не понимала.

Один из воинов вырвался вперед и вдруг упал. Его голова отлетела в канал, а тело повалилось на землю, орошая берег кровью, хлеставшей из шеи. Через миг под вторым всадником рухнул «лось». Туземец покатился по земле. Маккей ударил его ребром ладони по шее и поднял упавшее копьё.

И тут, издав крик отчаяния, Уртон швырнул лучемет на землю и кинулся к копьё обезглавленного воина.

Батарея иссякла. Лучемер превратился в никчемную железку. Уртон и Маккей стояли в кольце врагов, и в исходе битвы можно было не сомневаться.

Атака началась с двух сторон. Четверо всадников помчались к Маккею и Уртоне. Те метнули в животных копья, и раненые мусоиды столкнули их в канал. Диかり спешили и попрыгали в воду за своими жертвами. Остальные туземцы подъехали к берегу и остановились, подбадривая соплеменников свистом и воплями.

Дядя и его помощник сражались на славу, однако неравенство сил давало себя знать. Вскоре их вытащили на берег, избили до беспамятства и связали кожаными ремнями. Когда они пришли в себя, всадники погнали их вдоль канала, подталкивая в спины тупыми концами копий.

А потом из розовой дымки показались первые волокуши длинного каравана, который растянулся на берегу, и окрестности огласились криками людей и ревом животных. Туземцы спешили, чтобы погрузить на повозки мертвые тела людей и мусоидов. Трупы взвалили на поклажу и привязали к волокушам ремнями. Очевидно, их предполагалось использовать в качестве пищи. Насколько Анана знала, здесь не брезговали мертвечиной. Уртон говорил, что некоторые кочевые племена считали каннибализм вполне обычным делом.

Когда дядю и Маккея провели мимо Ананы, она почувствовала, как вокруг ее лодыжки обвилось что-то скользкое, и едва сдержала крик. Но когда в ногу вонзились острые зубы, ей стало ясно, что пора переходить к действиям. Нырнув под воду, Анана достала нож, изловчилась и несколько раз воткнула клинок в мягкое пупырчатое тело. Хватка ослабла, и зубы разжались. Однако через несколько секунд тварь набросилась на другую ногу Ананы.

С большой неохотой выпустив из рук инструмент и амфибию, Анана ощупью нашла то место, где щупальце соединялось с телом, и отхватила отросток ножом. Тварь тут же скрылась в синеватом омуте. Обе ноги Ананы казались сплошной открытой раной. И еще ей нужно было сделать вдох. Она медленно приподняла голову и посмотре-

лась. В нескольких футах от нее в воде билось большое пупырчатое тело, и темная кровь хлестала во все стороны.

Анана нырнула и, ощупав дно, нашла рог. К тому времени дикари заметили раненое существо. И конечно же, увидели голову Ананы. Две женщины закричали, указывая на нее руками. В Анану полетели копья. Некоторые из них падали совсем рядом*. Судя по всему, туземцы решили взять незнакомку в плен. Четверо воинов, спрыгнув в воду, поплыли к ней.

Анана забросила рог на берег и начала взбираться по крутому откосу. Дикари не могли преследовать ее на своих животных. Большие «лоси» не поднялись бы на такой крутой склон. Анана еще успела бы скрыться. Однако, выбравшись на берег, она увидела, насколько серьезны ее раны. Кровь текла по ногам, и Анана поняла, что с такими ранами ей далеко не убежать.

Тем не менее... Она сжала топор в одной руке, а нож — в другой. Первый мужчина, поднявшийся на склон, упал с расколотым черепом. Второй покатился вниз по откосу, лишившись двух пальцев. Двое других решили, что лучше отступить. Они нырнули в воду и, проплыв сотню ярдов в разные стороны, одновременно начали взбираться на берег. Анана могла атаковать только одного из них. Тот, на кого она набросилась, снова спустился к воде, а второй в это время помчался к ней, размахивая копьем.

Через канал к месту схватки плыли еще с десятков воинов. Половина из них выбралась на берег ниже по течению на безопасном расстоянии в пару сотен ярдов. Другие заходили ей в тыл с противоположного направления. Бежать Анана не могла — давала себя знать потеря крови. В какой-то миле от нее начинались горы. Но у нее не стало бы сил уйти от погони.

Пожав плечами, Анана сорвала с себя потрепанную рубашку, разорвала на полосы и перевязала раны. Она надеялась, что щупальца твари не были ядовитыми.

* А ширина канала триста ярдов, то есть 275 метров. Даже при слабой гравитации это слишком большое расстояние для прицельного метания копья.

Рог и топор она оставила на траве, а нож положила во внутренний карман на правой штанине. Анана специально пришила его перед путешествием на Землю — всего лишь месяц назад, хотя иногда ей казалось, что с тех пор прошло не меньше года.

Потом она села на землю и, скрестив руки на груди, стала ждать приближения туземцев.

Глава 12

Тощие и смуглые дикари чем-то напоминали людей, обитавших на средиземноморском побережье. Тем не менее Анана не могла соотнести их язык с каким-нибудь из известных ей наречий. Очевидно, их предки говорили на диалекте, который угас после экспансии европейцев и семитов на берегах Средиземного моря.

Племя насчитывало девяносто одного человека: тридцать три мужчины, тридцать восемь женщин и двадцать детей. Сто двадцать мусоидов делились на ездовых и гужевых животных.

В отличие от других воинов вождь носил юбку из сыромятной кожи. Остальные мужчины довольствовались юбочками из перьев. Лица дикарей были украшены тонкими костяными палочками, вставленными в носовые перегородки. У многих на груди вместо ожерелий болтались высушенные кисти человеческих рук. Седла украшали черепа людей и животных.

Анану связали и, едва не утопив, переправили на другую сторону канала. Когда пленницу бросили на землю, на нее тут же набросились женщины. Те, что помоложе, били ее руками и ногами, а более зрелые матроны сдирали с нее джинсы и ботинки. Через минуту избитая и совершенно голая Анана провалилась в черноту беспамятства.

К вождю, шатаясь, подошел мужчина, которого Анана лишила двух пальцев. Он морщился от боли и прижимал к груди изуродованную кисть. Предводитель выслушал его просьбу и покачал головой. Воин попытался настаивать, но вождь велел ему замолчать и успокоиться.

Уртона и Маккей, сутулясь, сидели на земле. Оба выглядели еще жалче, чем Анана.

Вождь забрал себе топор и рог. Его жена, отобрав у товаровок одежду пленницы, влезла в потертые джинсы. К счастью, она не обратила внимания на нож во внутреннем кармане. Анана тешила себя надеждой, что дикарка не станет проверять увесистую выпуклость на штанине. Впрочем, зная, что человеческому любопытству нет предела, она уже смирилась с потерей.

Когда после долгих споров туземцы закончили раздел трофеев, вождь громко отдал какой-то приказ. Убитых воинов отвезли на волокушах за милю от лагеря. Оставив с пленниками надежную охрану, все племя ушло провожать погибших сородичей в последний путь. Церемония длилась полчаса. Мужчины выли. Женщины плакали. Шаман скакал под грохот тыквы, заполненной галькой и костями. А потом, пропев несколько заунывных песен, туземцы вернулись к каналу.

У Ананы немного отлегло от сердца. Эти люди не ели своих сородичей, а значит, не были каннибалами.

Жена одного из погибших воинов со свирепыми криками бросилась к пленнице. Растопырив пальцы, она вознамерилась было расцарапать незнакомке лицо. Но, лежа на спине, Анана ударила ее ногами в живот. Все племя зашлось от хохота, наслаждаясь криками и муками корчившейся женщины. Отдышавшись, вдова вскочила на ноги и попыталась возобновить атаку, но вождь велел двум воинам оттащить ее.

К тому времени наступил «день». Наскоро перекусив мясом животных, убитых Уртоной, несколько воинов отправились в дозор на равнину. Остальные неторопливо и обстоятельно набивали животы. Приправой к сырому мясу служили орехи и ягоды, которые хранились в сумках из сыромятной кожи. Пленным не дали ни крошки. Впрочем, Анана не горевала об этом. Она ела несколько часов назад, а жестокие побои не прибавили ей аппетита. Безразличие дикарей даже немного порадовало ее. Если бы они собирались съесть своих пленников, то постарались бы их сначала откормить. Но на это потребовалось бы время, а время работало на нее.

Следующая мысль подпортила ей настроение. Возможно, туземцы решили приберечь их на ужин и потому удовольствовались пока мясом животных.

Утирая кровь с бороды и подбородка, к Анане подошел вождь. Его длинные волосы были собраны на макушке узлом, в котором торчали два красных пера. На грудь свисало ожерелье из человеческих пальцев. В пустой глазнице копошились мухи. Он остановился над ней, рыгнул и окриком созвал к себе все племя.

Когда дикарь снял юбку, Анане стало дурно. Племя вопило от восторга, подбадривая вождя и выкрикивая непристойности, которые Анана, к счастью, не понимала. А потом он сделал то, что она и предполагала. Понимая, что сопротивляться бесполезно, Анана неподвижно лежала на спине. Пока он кряхтел и тужился, в ее уме возникли шесть способов, которыми она могла его убить. Оставалось надеяться, что когда-нибудь у нее появится возможность воспользоваться одним из них.

Когда вождь встал и с довольным хохотом надел юбку, к пленнице подбежал шаман. Он тоже был не прочь поразвлечься. Но вождь оттолкнул его и что-то сердито прокричал. Возможно, он объявил ее своей собственностью. Анана облегченно вздохнула. Ей по горло хватило вождя, а шаман выглядел еще более грязным и омерзительным.

Чуть позже она встала и подошла к Уртоне. Тот отвернулся от нее с гримасой отвращения.

— Вот так, дядя,— сказала Анана.— Можешь радоваться, что ты не женщина.

— Я всегда гордился этим,— ответил тот.— Скажи, почему ты не бежала? Почему не боролась из последних сил? На твоем месте я бросился бы в канал и утонул, но не дался бы на поругание.— Он презрительно сплюнул и покачал головой.— Подумать только! Лебляббий обесчестил властительницу! Мне даже странно, что ты еще не умерла от стыда! — Уртоне замолчал и криво усмехнулся.— Но ты, наверное, привыкла спариваться с лебляббиями. У тебя и чести не больше, чем у обезьяны.

Анана ударила его ногой в челюсть, и он пришел в себя лишь через две минуты. Излив свою ярость, она почувст-

вовала себя немного лучше. Вот так бы она хотела ударить и вождя — причем не только в челюсть.

— Если бы не ты и не Орк, я бы не оказалась в этом бардаке, — сказала она стонущему дяде и, пропустив мимо ушей его проклятия, повернулась и ушла.

А потом племя двинулось в путь. Мясо вместе с грудками шкур сложили на волокуши. Караван вытянулся в линию. Впереди на гнедом мусоиде ехал вождь. Поскольку нападение слева было невозможно, весь эскорт выстроился справа.

За три часа до «сумерек» к каравану присоединились дозорные, которых утром послали на равнину. Анана не понимала их слов, но догадывалась, что, высматривая врагов, эти воины поднимались на одну из гор. Судя по их виду, они никого не заметили.

Почему же племя двигалось по «ночам»? Анана полагала, что причиной тому была сезонная миграция. Эти люди хотели первыми пробраться на побережье. Однако у других племен могли возникнуть похожие идеи. Естественно, начиналась конкуренция. Туземцы спешили, двигаясь к морю и днем и ночью. Кроме того, они боялись наткнуться на более сильных врагов, и это подгоняло их еще больше.

В «полдень», когда небо сияло ярче всего, караван остановился. Все, включая пленников, поели. Люди устало валились на траву и, прикрыв шкурами лица, пытались заснуть. Шесть воинов несли караул. Они проспали несколько часов на волокушах, но, заступив в дозор, выглядели так, будто и глаз не сомкнули.

Пленников связали так, чтобы они могли есть и пить без посторонней помощи. А когда племя отошло ко сну, их связали еще и по лодыжкам.

Анана дали юбку.

Она лежала рядом с дядей и Маккеем.

— Эти дикари, наверное, никогда не видели людей с черной кожей. Я уже устал от их взглядов, — жаловался Маккей. — Они щупают мои волосы и касаются плеч, словно это принесет им счастье. Будь моя воля, я показал бы им, какое счастье они могут получить от меня!

Уртона усмехнулся разбитым ртом. Удар древком копья лишил его двух зубов.

— Может быть, они и не видели черных,— зашепелявил он сквозь опухшие губы,— но на этой планете есть чернокожие племена. У меня тут собраны образцы всех земных рас.

— Интересно, что они сделали бы с тобой, узнав правду? — тихо прошептал Маккей.— Ведь это ты уготовил им такую собачью жизнь.

Уртона побледнел. Анана засмеялась и сказала:

— Когда я научусь говорить на их языке, они об этом узнают.

— Неужели ты выдашь дикарям своего родного дядю? — возмутился Уртона и, взглянув на нее, тихо добавил: — Впрочем, ты и не на такое способна. Только помни, девочка, я — единственный, кто может провести вас во дворец.

— Если только мы когда-нибудь найдем его,— добавила Анана.— Скажи, а эти дикари случайно не людоеды?

Увидев, как вздрогнул Уртона, она удовлетворенно закрыла глаза и попыталась заснуть. Буквально через несколько минут ее разбудил удар по ребрам. Вскочив, Анана увидела перед собой седовласую женщину — жену вождя, которая питала к пленнице особую неприязнь. А впрочем, такую ли уж и особую? Все женщины племени были готовы выцарапать Анане глаза. Хотя, возможно, они обращались так со всеми пленными женщинами.

Ни одна из туземок не согласилась обучать ее языку племени. И тогда Анана привлекла к этому молодого мускулистого парня, который не мог отвести от нее глаз. Окончательно очаровав его, Анана попросила юношу дать ей несколько уроков речи. Не прошло и нескольких минут, как она узнала, что его зовут Нарго.

Он охотно взялся за ее обучение. Анана шла пешком, а юноша ехал рядом с ней на «лосе» и перечислял названия предметов и имена людей, на которых она указывала. К концу «дня», когда караван остановился на очередной двухчасовой привал, Анана знала уже пятьдесят слов и могла составлять простые вопросы.

Ни Уртон, ни Маккей лингвистикой не интересовались. Они шли бок о бок, тихо переговариваясь. В их умах вырисовывались планы побега.

Наступили «сумерки», и племя вновь двинулось в путь. Вождь попросил Анану продемонстрировать, как действует рог. Она протрубила мелодию, которая открывала подпространственные врата — если только те находились где-нибудь рядом. Забрав у нее инструмент, вождь быстро освоился с кнопками и после нескольких неудач подобрал мелодию на слух. Он трубил ее не меньше получаса, пока шаман не прервал эту забаву. Анана не знала, о чем они говорили. Но скорее всего шаман напомнил предводителю, что звуки могут привлечь внимание врагов. Вождь пристыженно сунул рог в седельную сумку.

К изумлению Ананы, женщина, носившая ее джинсы, до сих пор не нашла в штанине спрятанный нож. Впрочем, дикарка никогда не видела такой одежды и, наверное, думала, что штаны специально утяжелены на одну сторону.

На «рассвете» караван остановился на отдых. Дозорные заняли посты, остальные заснули. Мусоиды жадно поглощали ветви деревьев. Вязанки ветвей везли на волокушах и спинах гужевых «люсей». Но запасы фуража почти иссякли, а значит, скоро людям предстояло отправиться за свежим кормом. Для этого надо было найти рощу шагающих растений, убить около сотни деревьев и обрубить ветви.

Незадолго до обеда вдали показался горный хребет. Черная щель отмечала проход, который вел на побережье. Однако Анана знала, как обманчиво здесь расстояние. Путь к хребту мог занять два, а то и три дня. Но, видимо, племя знало, сколько еще оставалось идти. Они знали, что звери не дойдут до моря, если их голод не будет удовлетворен.

Двадцать взрослых мужчин и четверо юношей уехали на равнину. Им повезло: неподалеку от канала они встретили рощу, спешившую к воде. По подсчетам Ананы, там было не меньше тысячи деревьев. Всадники подождали, пока растения приблизятся к руслу на четверть мили, а

затем, размахивая арканами, помчались вперед. Подъехав к деревьям, они образовали индейскую колонну и с гиканием закружили вокруг роши, словно банда краснокожих, напавших на фургоны переселенцев.

Хвойные растения высотой не более десяти футов напоминали по форме рождественскую елку. В нижней части толстых массивных стволов виднелись бугристые наросты, а чуть выше середины располагались кольца с гроздьями глаз. Каждое дерево имело длинные и тонкие зеленоватые щупальца, росшие из центральной части ствола. При приближении туземцев роща остановилась, и четырехногие деревья, стоявшие по периметру, повернулись, обратив к противникам бугристые наросты.

Немного раньше Анана заметила, что стадо диких мусоидов не стало приближаться к хвойным растениям. Видимо, «лосям» что-то в них не нравилось. И когда всадники закружили в двадцати футах от роши, она поняла причину этой антипатии. Из дуплистых стволов вырвались тучи смертоносных снарядов. Несмотря на расстояние, она услышала звук пневматических хлопков.

Имея богатый опыт встреч с такими растениями, люди знали, на какой дистанции выпущенные дротики уже не представляли опасности. Они скакали вокруг роши, постепенно приближаясь к деревьям с подветренной стороны.

Скорее всего, туземцам было известно, сколько снарядов имело каждое дерево. Они обменивались короткими фразами — очевидно, считая хлопки. Вождь стоял в стороне и тоже считал. Внезапно он прокричал какой-то приказ. Его слова передали по цепочке, и вскоре все воины имели необходимую информацию.

Всадники направили мусоидов к роще. А тем временем растения, словно вымуштрованные солдаты, готовились заменить отстрелявшихся сородичей деревьями с полным боекомплектом.

Однако роща промедлила с заменой рядов. Всадники подъезжали к деревьям почти вплотную и ловко бросали арканы из лыка. Кое-кто промахивался, но большинству удавалось зацепиться за ветвь или щупальце. «Лоси» отбежали, веревки натягивались, и петли сжимались. Пойман-

ные растения падали. Подгоняемые седоками мусоиды вытаскивали деревья за пределы досягаемости дротиков. Концы арканов крепились к колышкам позади седел. Вся оснастка, за исключением единственного случая, выдержала рывок. Оборвалась только одна веревка, и растение осталось лежать в десяти шагах от шеренги деревьев. И его было уже не достать.

«Лоси» остановились, седоки попрыгали на землю и подошли к упавшим растениям. Стараясь держаться подальше от извивавшихся щупалец, они освободили арканы и снова залезли в седла.

Процедура повторилась еще несколько раз. После этого роще позволили уйти к каналу. Туземцы достали из сумок кремневые и сланцевые инструменты, а затем начали срезать зеленые щупальца. Животные, чувствуя себя теперь в полной безопасности, набросились на беспомощные растения. Они хватали щупальца зубами и отдирали от стволов. Тем временем хозяева, орудуя каменными ножами и топорами, обрубали ветви.

Все племя, включая женщин и детей, столпилось вокруг добычи. Одни собирали срубленные ветви, а другие — укладывали вязанки на волокуши и спины животных.

Позже, когда Анана немного освоилась с произношением слов, она спросила юного Нарго об отравленных дротиках. Он кивнул и с усмешкой ответил:

— От гвонав ты станешь такой же твердой, как дерево.

Анана не знала, что означает слово «гвонав». Возможно, Нарго говорил о разновидности яда или называл этим термином снаряд. Но она поняла, что под дротик лучше не попадать.

После того как растения лишились ветвей, мужчины осторожно собрали дротики. Снаряд представлял собой тонкую четырехдюймовую иглу. На одном конце располагалось пушистое оперение. На острие поблескивал слой голубовато-зеленого вещества.

Несколько дротиков привязали к копьям вместо наконечников. Остальные снаряды сложили в сумку из сыромятной кожи.

Заготовив фураж, караван отправился в путь. Анана оглянулась и увидела, что роща хвойных растений добра-

лась до берега канала. Из нижней части каждого ствола высывался толстый зеленовато-белый патрубок, через который дерево засасывало воду. Задние ряды охраняли пьющих сородичей.

— Ты, наверное, здорово повеселился, придумывая их,— сказала она Уртоне.

— Да, делать этих убийц было интереснее, чем смотреть на них со стороны,— ответил тот.— Говоря по правде, создание Лавалитового мира развлекло меня больше, чем вся последующая жизнь на нем. Через четыре года мне стало скучно, и я решил завоевать другие вселенные. За все эти десять тысяч лет я возвращался сюда лишь несколько раз. Впрочем, ты и сама знаешь, как полезно иногда вспомнить старое.

— Когда ты возвращался сюда в последний раз?

— Кажется, пятьсот лет назад.

— Значит, все эти тысячелетия ты жил в каком-то другом мире? И он, похоже, был прекраснее да поразнообразнее, чем твоя вселенная.

— Конечно,— с гордой улыбкой ответил Уртоне.— Мне удалось захватить еще три мира, и я прикончил их создателей. Ты помнишь своих кузенов Бромииона и Антамона? А эту сучку Эфинту? Теперь они мертвы, и я, Уртоне, управляю их мирами!

— Даже сейчас? — с усмешкой спросила Анана.— А эта дырявая шкура — твой трон? Дядя, опомнись! Пока ты лишь пленник дикарей, и вместо почестей тебя ожидают смерть и пытки.

— Замолчи! — взревел Уртоне.— Или я убью тебя! Как смеешь ты смеяться надо мной, дикарская подстилка! Я еще вернусь сюда и уничтожу этих жалких подонков! Я уничтожу их мир! Я не оставлю от него камня на камне!

Глава 13

Анана задумчиво покачала головой.

— А ведь я когда-то была такой же, как ты. Теперь мне стыдно вспоминать тот кусок жизни, но даже тогда я чувствовала, что веду себя недостойно и мерзко. Наверное, это во мне говорили остатки совести, и где-то под

холодным слоем грубости и самодовольства мерцала искорка души. А потом эта искра разрослась в огромное пламя, и ее раздул лебляббий по имени Кикаха. Конечно, жаль, что он не властитель. Но Кикаха оказался настоящим человеком, и в этом он выше тебя и меня. А возьми, к примеру, этих жалких звероподобных дикарей. Они таскают тебя за собой на веревке и даже не знают, что пленили властителя своего унылого и безумного мира. Ты называл этих людей подонками, однако они человечнее тебя. Просто по прихоти своего властителя они немного отстали в развитии...

Уртона выругался и проворчал:

— О чем, во имя Ткача, ты говоришь?

Анана захотелось ударить его, но она сдержалась.

— Я вижу, тебе этого никогда не понять. Хотя кто знает? До меня ведь эта истина дошла. Правда, мне пришлось довольно долго прожить среди простых людей.

— Ты забываешь, что лебляббиев создали мы. Твой недоделанный Кикаха совсем задурил тебе мозги. Жаль, что распался наш Совет. На тебя бы быстро наложили проклятие, а то и убили бы в назидание другим.

Анана смирila его презрительным взглядом.

— Не задирай нос, дядя. Ты тоже потомок искусственных людей. Наших предков вырастили в биолaborаториях — вспомни, что об этом говорил Шамбаримен. Мы, властители, были созданы существами, намного превосходившими нас в развитии. Затем нам удалось сделать то же самое, и теперь мы считаем себя выше любого лебляббия. Но это иллюзия, Уртона!

Мы создали их по своему подобию. Так почему же они ниже нас? Эти существа такие же, как мы. Просто они еще не знают, что живут в искусственных мирах, созданных нами. Вернее, сделанных, а не созданных. Мы не творцы и почти ничем не отличаемся от писателей-фантастов или художников. Они тоже создают миры, хотя и не могут выйти за рамки собственного знания. Они слагают свои вселенные из элементов известного, изменяя лишь порядок, числа и координаты. Но разве эта перестановка делает их творцами?

Мы называем себя создателями миров, но на самом деле ничем не лучше поэтов, писателей, художников и скульпторов. Нам никогда не стать богами. Хотя некоторые из нас уже причислили себя к их числу.

— Избавь меня от своих лекций,— проворчал Уртон.— Мне плевать на твои попытки оправдать свою животную похоть.

Анана пожала плечами:

— Ты безнадежен, Уртон. Но в каком-то смысле ты прав. Сейчас не время для споров. Мы должны подумать о побеге.

— Да,— подхватил Маккей.— Как бы нам отсюда удрать?

— Что бы мы ни придумали, сначала нам надо вернуть топор и рог,— сказала она.— В этом диком мире мы без них пропадем. Но топор и рог у вождя, поэтому нам придется забрать их у него силой.

Анана решила не говорить о ноже, спрятанном в джинсах. Уртон и Маккей заметили его исчезновение, но она сказала, что потеряла нож, убегая от них к горе.

Чуть позже караульный развязал путы на ногах пленников, и они побрели с караваном вдоль берега. Анана вернулась к занятиям с Нарго.

Когда племя приблизилось к ущелью, вождь приказал остановиться. Причина такого решения была ясна, и Анана не стала задавать лишних вопросов. Там, за двумя горами, небо казалось черным от туч, и на побережье царил настоящий ад, в котором яростно сверкали молнии. Отправиться туда мог только самоубийца. Буря не утихала весь «день» и всю «ночь». Это удивило Анану, и она начала расспрашивать юношу.

— В стране прибрежных земель Властитель посылает вниз свои молнии и гром,— стал рассказывать Нарго.— Его небесные стрелы валят деревья и убивают любое существо, которое по своей глупости посмело войти туда против воли Создателя.

Мы отправимся на побережье только после того, как гнев Властителя утихнет. Если бы не его молнии, наше племя жило бы там все время. Прибрежные земли меняются очень медленно и почти незаметно. В море много рыбы, в лесах полным-полно птиц с вкусным мясом, и

растения не ходят, а стоят. Ты только представь! Орехи на неподвижных деревьях и ягоды, под тяжестью которых ветви отвисают до земли. Бери, что хочешь, и ешь, сколько сможешь! А какая там охота! Дичь сама идет в руки — не то что на открытых равнинах.

Если бы мы жили там все время, наши тела стали бы жирными и сильными. Женщины рожали бы много детей, и наше племя превратилось бы в могучий народ. Но Властитель по своей великой мудрости постановил, что мы можем жить на побережье лишь малое время. А потом собираются облака, бьют молнии, и нет на той земле места для тех, кто хочет остаться живым.

Конечно, Анана не поняла всего, что сказал Нарго, но уловила смысл по фразам, которые успела усвоить.

Встретив Уртону, она спросила его, почему он сделал такой климат на побережье.

— Во-первых, для забавы, — ответил властитель. — Мне нравилось прилетать в своем дворце к одному из морей и наблюдать буйство молний во всей их разрушительной силе. Там, за непробиваемыми стеклами, нежась в покое и уюте, я получал непередаваемое наслаждение при виде того, как вокруг меня сверкают и трещат гигантские разряды. В такие минуты я начинал чувствовать себя богом.

А во-вторых, если бы не сезоны бурь и смертельные молнии, люди заселили бы все побережья. Конечно, я мог бы наслаждаться тогда территориальными войнами, но мне хватало этих зрелищ и в сезоны затишья. Поселившись однажды на берегах морей, люди уже никогда не вернулись бы в зоны мутаций и катаклизмов.

Насколько я помню, в Лавалитовом мире имеется двенадцать областей относительного постоянства. Каждый океан и его прибрежные территории занимают около пяти миллионов квадратных миль. Поэтому на двести миллионов квадратных миль всей планеты приходится шестьдесят миллионов квадратных миль относительно стабильной топографии. Здесь не бывает отщеплений планетарных кусков, и они никогда не падают вблизи морей.

Из-за сезонов бурь на побережье можно жить лишь некоторое время. И если бы я их не предусмотрел, люди и животные заселили бы все берега.

Он замолчал, указывая на равнину. Обернувшись, Ана-на увидела, что все пространство заполнили стада животных — слонов, «лосей», антилоп и многих других больших и малых существ. Склоны гор темнели от птичьих стай. Небеса почернели от мириад летающих созданий.

— Они мигрируют из дальних и ближних мест, — сказал Уртон. — Им хочется насладиться покоем моря и неподвижных лесов. Они спешат туда, но знают, что с началом бурь им придется уйти с побережья.

Анана разрешили побродить вокруг лагеря, но когда она ушла слишком далеко, ее тут же заставили вернуться. Подойдя к вождю, она опустилась рядом с ним на корточки. Предводитель племени сидел на земле и колотил по ветке топором.

— Скажи, когда утихнет буря на побережье? — спросила Анана.

Его глаз удивленно округлился.

— Ты так быстро научилась нашему языку? Это хорошо. Теперь я могу задать тебе несколько вопросов.

— Но сначала ты должен ответить на мой вопрос, — возразила она. — Я спросила тебя первой.

Он недовольно нахмурился.

— Обычно молнии прекращались двумя днями раньше. Гнев Властителя утихал, и Создатель уходил в свой дворец до следующего сезона. Однако на сей раз его что-то очень рассердило, и Властитель никак не может успокоиться. Но я надеюсь, что скоро он устанет и удалится в свой чертог. У прохода собираются звери и птицы. Это очень опасно. Если начнется паника, нас могут раздавить бегущие стада. Спасаясь, людям придется прыгать в воду. А это плохо, потому что мы потеряем гревиггов и все свои припасы.

«Гревиггами» они называли нескольких мусоидов, в то время как слово «грегг» означало одного «лося».

— Почему твои воины не едут на охоту? — спросила она. — Вокруг так много животных, что их можно ловить голыми руками.

Вождь Тренн пожал плечами:

— Мы не глупцы. А теперь послушай мои вопросы. Из какого ты племени? И далеко ли оно от нас?

Анана стало интересно, поверит ли он ее словам, услышав правду. Впрочем, у племени вендов могли сохраниться какие-то предания о пришествии из другого мира.

— Мы появились оттуда... из другого места.

Она махнула рукой, указывая на красное небо, и мухи, встревоженные резким движением, взлетели вверх с недовольным жужжанием. Но тут же вернулись обратно, облепив ее тело, голову и руки. Анана отогнала их от лица. Вождь не обращал на насекомых никакого внимания, и они спокойно ползали по его телу и пустой глазнице. Возможно, он даже не осознавал их присутствия.

— Мы прошли через э-э-э...

Анана замолчала. Она не знала слова, которое означало бы врата. Скорее всего, туземцы даже не имели такого понятия.

— Мы прошли через проход между двумя... Я не знаю, как это сказать. Мы пришли с другой стороны неба... из другого мира, где небеса такого цвета, как эта птица.

Она указала на небольшую голубую пичугу, которая прыгала по берегу канала.

Глаз вождя расширился еще больше.

— О! Ты пришла из мира, где жили наши предки. Многие поколения назад Властитель изгнал их оттуда за то, что они согрешили. Но скажи, почему он отправил вас сюда? Чем вы так его рассердили?

Пока Анана думала, как ответить на этот вопрос, вождь окриком подозвал к себе шамана Шаканна. Маленький седобородый человек подбежал к ним, размахивая посохом, на конце которого вместе с перьями крепилась пустая тыкva. Тренн быстро пояснил ему суть дела, но Анана поняла из его речи лишь несколько слов. Шаканн присел на корточки рядом с вождем.

Сначала Анана хотела сказать, что они попали в этот мир случайно. Но она не знала слова, которое означало бы на их языке случайность. Возможно, у них даже не было такого понятия. Судя по тому, что она узнала от Нарго, эти люди не верили в случайные события. В их мире все управлялось либо волей Властителя, либо силами ворожбы.

А потом на нее нашло вдохновение. Во всяком случае, она надеялась на это. Ложь грозила стать причиной больших неприятностей. Не зная теологии дикарей, Анана могла оскорбить их религиозные чувства, нарушить какое-то табу или высказаться против догмы. Но она пошла на риск.

— Мы прогневали Властителя, и он изгнал нас сюда. Прощаясь, Творец сказал, что мы можем вернуться, если приведем к нему какое-нибудь достойное племя — например, ваше. И мы хотим вернуться в его небесный мир — туда, где жили до изгнания ваши предки.

Наступило долгое молчание. На лице вождя проступила радостная улыбка. Шаман нахмурился и дернул себя за бороду.

— И вы, значит, выбрали наше племя, — наконец произнес Тренн. — Но если Властитель хочет вернуть нас в сембарт...

— В сембарт?

Вождь попытался объяснить этот термин, и Анана поняла, что слово «сембарт» можно перевести как «рай» или «сад Эдема» — а проще, место, где можно жить хорошо и беззаботно.

Конечно, Земля — не рай, но, будь такая возможность, Анана с радостью бы отправилась туда.

— Если Властитель пожелал вернуть нас в сембарт, почему он сам не прилетел к нам на летающем облаке? Он мог бы сказать одно слово, и вихрь света перенес бы нас к нему.

— Дело в том, что он решил испытать вас сначала, — ответила Анана. — Если вы покажете себя достойными его милости, я выведу вас из этого мира.

Тренн быстро заговорил с Шаканном, и она уловила смысл лишь половины его слов. Вождь сокрушался, что племя не приняло пленников как уважаемых гостей. По его мнению, следовало постараться изо всех сил, чтобы исправить ошибку.

Однако Шаканн предложил не торопиться. Он хотел задать Анане несколько вопросов.

— Если ты действительно посланница Властителя, то почему не прилетела к нам в его шелбетте?

«Шелбетт», в свою очередь, означал вещь, которая летала. Легенды о древних временах гласили, что в прежние дни Властитель часто путешествовал по воздуху.

Быстро обдумав ответ, Анана сказала:

— Я делаю лишь то, что велит Властитель. Мы не смели спрашивать, почему он поступает так, а не эдак. Наверное, у него были какие-то причины не давать нам шелбетт. Возможно, он хотел узнать, какие вы на самом деле. Увидев нас в божественной повозке, вы приняли бы меня и моих спутников с почестями как посланцев Создателя. А ему хотелось знать, достойны ли вы жить в стране голубых небес.

— Пленять врагов, убивать их или брататься с ними достойно каждого воина. Неужели ты хочешь сказать, что мы относились к вам плохо? Любое племя поступило бы с вами точно так же.

— Властителю не важно, как вы отнеслись к нам сначала,— ответила Анана.— Он хочет знать, что вы будете делать, услышав о его великом замысле. Только это определит ваше место пред очами его.

— Любое племя, поверив в твою историю, стало бы чувствовать тебя и заботиться о твоих спутниках, как о детях. Но ведь люди могут обмануть вас. Они могут лишь притворяться хорошими из страха перед Властителем. Как же ты будешь судить об их достоинствах?

Анана вздохнула. Даже среди невежественных дикарей встречались смывленные люди, и шаман относился к их числу.

— Властитель наделил нас духовными дарами. Одним из них является способность смотреть в...— Она замолчала, не найдя нужного аналога слову «душа».— Смотреть внутрь человека и видеть, хорош он или плох. Поэтому мы знаем, когда люди говорят нам неправду.

— Очень хорошо,— сказал Шаканн.— Если ты действительно можешь чувствовать ложь, докажи мне свое умение. Я сейчас попрошу у вождя эту острую твердую штуку и расколю ею твой череп. Я очень хочу убить тебя! Скажи, мои слова лживы? Или я говорю правду?

Вождь запротестовал, но Шаканн перебил его:

— Подожди! Этот вопрос должен решить я, твой жрец. Ты управляешь жизнью племени, но дела Властителя защищаю я.

Анана старалась выглядеть спокойной, чувствуя, как по ее лицу и телу струится пот.

Судя по выражению физиономии вождя, он не собирался отдавать шаману топор. Да и Шаканна сейчас терзали сомнения. Шаман мог быть шарлатаном и лицемером, хотя лично она так не считала, поскольку лицемерие обычно порождается цивилизацией. Как и все целители, ведьмы и колдуны, независимо от их титула и сана, Шаканн верил в свою религию. И сейчас его мучил вопрос — действительно ли она послана Властителем в их убогий и опасный мир? Если она солгала и он позволит этой лжи остаться безнаказанной, Властитель может разгневаться на него и подвергнуть жестокому наказанию.

Шаман находился в такой же отчаянной ситуации, как и Анана. Она видела это по его глазам.

Неужели он на самом деле задумал ее убить? Шаман должен знать, что, если она окажется посланницей Властителя, его тут же поразит небесная молния. Вряд ли он отважится на такой риск.

— Ты сам не знаешь, чего больше в твоих словах — правды или лжи. Ты еще не решил, что будешь делать.

Шаман улыбнулся, и она немного расслабилась.

— Ты права. Но я не уверен в твоей способности видеть мысли людей. Любой проницательный человек мог бы догадаться о моих чувствах. Я задам тебе еще несколько вопросов.

Ты говоришь, что вы пришли от Властителя, и твои слова подтверждает оружие, которое разрезало людей и гревиггов на половинки. Твой спутник мог бы уничтожить им все племя. Скажи, почему он отбросил его, убив лишь некоторых из нас?

— Потому что так велел Властитель. Используя смертельный луч, мой спутник хотел показать вам, что мы пришли из другого мира. Но Властитель запретил ему убивать все племя. Кого мы повели бы тогда в сембарт?

— Хороший ответ. Возможно, ты действительно та, за кого себя выдаешь... или просто очень хитрая женщина. Скажи, как вы проведете нас в сембарт?

— Я не говорила, что поведу вас туда. Я сказала, что могу повести. Все зависит от вас самих и людей вашего племени. Сначала вы должны освободить нас от пут и оказать гостеприимство, достойное посланцев Создателя. И все же я отвечу на твой вопрос, шаман. Мы поведем вас в обитель Властителя. Там внутри есть проход, через который можно войти в сембарт. Мы откроем его для вас, и вы увидите голубое небо.

Шаман поднял густые кустистые брови.

— Ты знаешь, где находится обитель Властителя?

Анана кивнула:

— Это далеко. Но во время путешествия мы должны подвергнуть ваше племя проверке.

— Когда-то очень давно мы видели обитель Властителя, — сказал вождь. — Она летела над равниной, и при виде ее мы падали на землю от страха. Она была большая, как гора, и ее покрывали острые выступы, похожие на толстые и длинные палки. Блестящие камни сияли множеством цветных огней. И мы убежали, испугавшись, что Властитель обидит наше любопытство и он покарает нас молнией.

— Для чего нужна вещь, которая играет музыку? — спросил Шаканн.

— Она должна провести нас в обитель Властителя — вернее, во дворец. Мы называем это дворцом.

— Двоссом?

— У тебя хорошо получается. А этот рог... должен находиться у меня. Ты рискуешь навлечь на себя гнев Властителя. Ему может не понравиться твоя жадность.

— Вот! — сказал вождь, бросая ей инструмент. — Мне чужого не надо.

— Ты нанес мне большую обиду, изнасиловав меня. Не знаю, простит ли тебя Властитель.

Вождь в изумлении вскинул руки вверх.

— Но я же не сделал ничего плохого! Обычай требует, чтобы мы объезжали всех плененных женщин. Так поступают все вожди!

Анана по-прежнему мечтала отомстить за свою поруганную честь. Она еще не знала, остановиться ли ей на кастрации или вдобавок к этому выколоть ему последний глаз. Но если так требовал обычай... Возможно, он действительно не хотел делать ей ничего плохого. Если бы не обида, она и сама могла бы догадаться об этом.

В принципе он ей действительно ничем не навредил. Кроме глубокого отвращения она не получила ни психического расстройства, ни венерической болезни. Беременности она могла тоже не опасаться.

— Ладно,— сказала Анана.— Я не буду держать на тебя зла.

Тренн поднял брови, как бы спрашивая: «А разве ты его на меня держала?» Однако благоразумно воздержался от замечаний.

— Что ты можешь рассказать о своих спутниках? — спросил шаман.— Они твои мужья? Я спрашиваю об этом по той причине, что некоторые племена при нехватке женщин разрешают им иметь по несколько мужей.

— Нет. Эти двое находятся под моим началом.

Имея такую возможность, Анана не могла отказаться от главенства над своими спутниками. Уртона, конечно, будет рвать и метать. Но будет вынужден принять ее лидерство, потому что этого требовала история, которая могла спасти его жизнь. Он не посмеет разоблачить ее перед туземцами.

Анана вытянула руки, и Тренн, вытащив кремневый нож, разрезал кожаные путы. Она встала и велела позвать жену вождя. Тхикка подошла надменно и гордо, оттолкнув плечом Анану. Но когда муж объяснил ей ситуацию, грязное лицо женщины побелело от страха.

— Я не хочу обижать тебя, Тхикка,— сказала Анана.— Однако тебе придется отдать мне джинсы и ботинки.

Женщина не знала, что означают такие слова, поэтому Анана перешла на язык жестов. Когда жена вождя подчинилась, Анана велела ей отнести штаны к каналу и как следует выстирать их. Но, немного подумав, сказала:

— Подожди. Я сама сделаю это. Возможно, ты не знаешь, как стирать такие вещи.

Она испугалась, что женщина найдет нож.

Вождь созвал все племя и рассказал изумленным людям, кем оказались их бывшие пленники. Туземцы ахали и охали, кричали и воздевали руки к небу. А потом женщины, которые били Анану, упали на колени, моля о прощении, и она великодушно простила их.

С Уртоны и Маккея сняли веревки. Анана поведала им, как ей удалось добиться для них свободы. Но эта свобода имела кое-какие ограничения. Выделив гостям трех мусоидов, вождь приставил к ним своих людей, которые якобы охраняли их жизни и покой. Анана подозревала, что на этом настоял шаман.

— Мы можем убежать при первой же возможности, — сказала она дяде. — Но нам лучше остаться с ними, пока мы не найдем твой дворец. Отыскав его, мы как-нибудь перехитрим туземцев. Тем не менее я надеюсь, что поиски не затянутся. Мне бы не хотелось отвечать на вопросы, почему посланцы Властителя не могут найти такой большой дворец. — Она улыбнулась. — Ах да. Вы теперь находитесь в моем подчинении, поэтому попрошу вас вести себя соответственно. Мне кажется, шаман не совсем поверил в мой рассказ.

Уртона обиженно надулся.

— Похоже, это выгодная сделка, мисс Анана, — сказал Маккей. — Они перестанут бить нам морды. Мы будем ехать, а не идти. Трое их красоток уже признались, что хотят от меня детей. Я вижу, у них нет предубеждений к цвету кожи. Одним словом, мне это нравится.

Глава 14

Прошел еще один «день» и еще одна «ночь». Гром и молнии не утихали. Наблюдая через проход за адской бурей на побережье, Анана не понимала, как может там сохраниться что-то живое. Вождь рассказывал ей, что молнии валят лишь одну шестнадцатую часть всех деревьев и новая поросль быстро возмещает нанесенный урон. Мелкие животные пережидают ненастье в пещерах и норах, выползая оттуда только в период затишья.

А равнина к тому времени кишела зверьем, и от бесчисленных стад прибывающих животных ближайшие горы походили на пятнистых леопардов и полосатых зебр. Бабуины, дикие собаки, «моа» и большие кошки уже устали убивать. На равнине не осталось места. Стада теснились друг к другу. Напуганные антилопы и слоны все чаще давили хищников копытами и ногами.

Воздух дрожал от криков животных и птиц. Уши закладывало от воя, рева, щебета, мычания, лая и свиста.

Берега канала возвышались над водой на десять—двенадцать футов. Местность плавно поднималась к проходу в горах, и там высота берегов достигала максимальной точки — примерно сотни футов. Вожь приказал всем спешиться и отправил женщин с детьми на другую сторону канала. Он предчувствовал беду. Ведь в случае паники стада могли помчаться в их сторону. Женщины и дети безропотно прыгали в воду и, доплыв до противоположного берега, с трудом забирались на крутой откос.

Мужчины остались с гревиггами, едва удерживая взбужденных животных. Те мычали, вращали глазами и, скаля большие зубы, тревожно бегали по кругу. Туземцы успокаивали «лосей», но было ясно, что, если буря не утихнет, стада с равнины сметут их в воду или растопчут тысячами копыт. Воины нервничали не меньше животных. Они знали, что молнии не могут вырваться за пределы гор, но их тревожил тот «факт», что Властитель до сих пор не умерил свой гнев.

Анана переплыла канал вместе с женщинами и детьми. Ей не хотелось бросать своего грегга. Однако она решила не рисковать. На другую сторону перебрались лишь те животные, которым удалось подняться по крутому склону берега — бабуины, козы, небольшие антилопы и лисицы. Зато тут хватало птиц, большая часть которых носилась в воздухе. Чтобы перекрыть их щебет и свист, людям приходилось орать во все горло.

Уртона и Маккей сидели на своих «лосях». Им, как и остальным мужчинам, полагалось удерживать животных. Уртона не находил себе места — и не потому, что им грозила нарастающая опасность. Завладев рогом, Анана мог-

ла скрыться в любую минуту. На той стороне канала остались только женщины и дети, а значит, она могла бежать без помех. При других обстоятельствах Уртон погнался бы за ней, но теперь он не одолел бы и четверти мили — все пространство от канала и до подножия гор занимали стада животных.

Вот-вот должно было что-то произойти. Любая мелочь могла вызвать лавину из сотен тысяч копыт. Однако Анана знала, как выручить племя из беды. В принципе, она не имела причин заботиться об этих воинах. Если бы их втоптали в грязь копыта антилоп, она бы и глазом не моргнула. Еще два года назад ее не опечалила бы даже участь женщин и детей. Но теперь, каким-то необъяснимым образом, она чувствовала себя ответственной за их жизни. Более того, ей не хотелось, чтобы люди погибли.

Сунув рог за пояс, она переплыла канал и вскарабкалась на берег. Выкрикивая слова в ухо вождя, Анана изложила свой план. Она не просила, а требовала и вела себя как настоящая посланница Властителя. Если Тренн и обиделся на нее, то благоразумно решил не выставлять напоказ свое уязвленное самолюбие. Услышав приказ вождя, воины спустились с гревиггов. Возле «лосей» осталось несколько мужчин, остальные попрыгали с откоса в воду и поплыли на другую сторону.

Анана рассказала туземцам, что следует сделать. И даже помогла им рыть землю своим ножом. Несмотря на критическую ситуацию, вождь не захотел ронять свое достоинство, выполняя грязную работу, и бросил топор жене, приказав трудиться за двоих.

Остальные использовали кремневые и сланцевые орудия, а также концы заостренных палок. Густая трава мешала работать, ее корни переплетались глубоко под землей. Тем не менее дело быстро продвигалось. За полчаса туземцы прокопали на берегу желоб с наклоном в сорок пять градусов.

Затем мужчины вернулись назад, и мусоидов заставили спуститься с крутого откоса в воду. Воины плыли рядом с животными, направляя их к пологому подъему. Гревигам хватило ума понять, для чего нужен этот желоб.

Они взбирались по нему один за другим, торопливо карабкаясь на берег. Временами «лоси» съезжали вниз по мокрому грунту, но женщины подхватывали поводья и тянули животных вверх, а мужчины подгоняли мусоидов сзади.

К счастью, течение в канале было слабым, и гревиггов не сносило далеко от желоба.

А потом на другом берегу началась паника, и все, включая «лосей», затаили дыхание. Анана так и не узнала, что послужило причиной всеобщего бегства. Сквозь оглушительный гомон птиц до ее ушей донесся грохот бесчисленных копыт. Животные неслись по огромному кругу. Вскоре движение начало распадаться на отдельные спирали и потоки. Большая часть животных направилась к проходу. Остальные помчались к горам, которые замыкали долину с другой стороны. Пару дней назад эти горные хребты вновь восстановили свою коническую форму.

Первым через проход прошло стадо слонов. Сотни гигантов все больше и больше ускоряли бег, подгоняя друг друга диким ревом. Тех, кто оказался на краю канала, сталкивали в воду, и уцелевшие при падении животные настойчиво устремлялись к морю.

За слонами скакали антилопы. Их коричневые тела, черные ноги и красные головы с длинными прямыми рогами превратились в размытые пятна. Самые крупные из них достигали размеров скаковой лошади. Количество парнокопытных во много раз превосходило число слонов, и счет, возможно, шел на тысячи. Передние ряды ворвались в проход, но тут одно из животных упало. Антилопы поскакали через него, тоже падали, и куча тел росла на глазах. Звери все чаще и чаще валялись в канал.

Анана ожидала, что колонна свернет вправо и помчится вдоль подножия горы. Однако антилопы по-прежнему бежали в проход, и куча тел в конце концов преградила им путь. Обезумевшие животные прыгали на упавших сородичей и пытались пробраться через бляевшую массу. Но та брыкалась, мотала рогами и извивалась сотней придавленных тел. Все новые и новые жертвы подминались задними рядами, а на тех в свою очередь накатывались волны других животных.

Вода в канале бурлила от упавших зверей. Живые и полуогушенные антилопы плыли к морю. Мертвых сносило в другом направлении. А сверху валились новые сотни тел.

Анана окликнула вождя. Он ее не услышал. И немудрено — рев и топот животных заглушали гром по ту сторону прохода. Подбежав к нему, она крикнула ему в ухо:

— Через минуту канал заполнится телами! Звери ринутся на этот берег, и мы попадем под копыта!

Тренн кивнул, повернулся и замахал руками. Люди не слышали его криков, но прекрасно понимали жесты. Туземцы быстро прикрепили к упряжи пустые волокуши, навалили на них шкуры и пожитки, а затем вскочили на «лосей». Гревигти сходили с ума от страха. Они брыкались, поднимались на задние копыта и сбивали людей, которые пытались удерживать их. Обычно смирные и миролюбивые животные, они кусали теперь своих хозяев за руки и лица.

А в канал падало все больше и больше зверей. К тысячам антилоп прибавились слоны, бабуины, собаки и большие кошки. Несмотря на жестокий отпор, их теснили к берегу и сбрасывали в воду. Анана увидела огромную слониху, которая пыталась взобраться на крутой склон. На ее спине распластался лев, цеплявшийся когтями за толстые складки кожи.

К реву и крикам прибавилось хлопанье крыльев. Встревоженные птицы взмыли в небо и закружили над равниной, словно серый смерч. Среди них выделялись огромные существа, которых Анана видела впервые. Они напоминали кондоров, но размах их крыльев достигал двенадцати футов.

Многие птицы направились к горам. Стервятники и прочие пожиратели падали садились на трупы, плывущие по воде. Их стаи покрыли месиво тел, которое громоздилось в горном проходе. Они клевали мертвых и живых, отгоняя криками крылатых соперников, а те, кому негде было сесть, сгоняли более слабых ударами клювов.

Анана никогда прежде не видела такой сцены и надеялась, что больше не увидит. Впрочем, все к тому и шло.

Взлетевшие птицы еще больше напугали мусоидов, и те понеслись галопом. Часть их поскакала на равнину, часть — к горам, а остальные направились к проходу. Мужчины и женщины висли на узде. Их подбрасывало в воздух и волочило по земле. Многие не выдерживали и откатывались в стороны. Всадники изо всех сил тянули поводья, но это не помогало. Волокуши подпрыгивали на кочках позади обезумевших животных, и убогий скарб валился на землю.

Анана взглянула на Уртону. Он что-то кричал. Его лицо покраснело. Натягивая поводья, властитель мчался к проходу. Маккей, отпустив своего «лося» на все четыре стороны, стоял и смотрел на нее. Очевидно, негр решил следовать ее примеру. Анана кивнула и побежала к горам. Бросив взгляд через плечо, она увидела, что Маккей ринулся следом. Возможно, дядя приказал ему не спускаться с племянницы глаз. А может быть, он поверил в ее удачу и умение выходить из любых затруднений.

Неужели он надеялся отобрать у нее рог? Но чтобы сделать это, ему придется убить ее. Конечно, он больше и сильнее, но у нее имелся нож. Негр знал, как искусна она в обращении с ножом, не говоря уже о мастерстве во многих видах рукопашного боя.

К тому же, если Маккей попытается убить ее на виду у всего племени, он дискредитирует историю о том, что они посланы Властителем. А негр, конечно, не так глуп.

Ближайшая гора на этой стороне канала располагалась лишь в миле от берега. Ее четырехгранный монолит возвышался на две тысячи футов. Вокруг горы тянулся ров, глубина которого местами доходила до трехсот, а ширина до шестисот пятидесяти футов.

Анана остановилась на краю ложбины и повернулась. Через пять минут к ней присоединился Маккей. Ему потребовалось несколько минут, чтобы отдышаться.

— Это прямо беда какая-то, правда?

Анана молча кивнула. Она редко обсуждала очевидные вещи.

— Почему ты побежал за мной?

— Потому что у тебя рог, а ведь только с ним можно выбраться из этого проклятого места. И потом я знаю, что

если кто и выживет, так это ты. Мне тоже хочется жить, поэтому я решил держаться к тебе поближе.

— Неужели ты охладел к своему хозяину?

Он криво усмехнулся:

— С некоторых пор Уртона не платит мне деньги. И, похоже, не собирается платить. Босс сулит золотые горы, но я-то знаю, что, вырвавшись из этого мира, он тут же постарается отделаться от меня.

Анана задумалась. Доверять наемному убийце было бы глупо, но его помощь могла пригодиться.

— Я ничего не хочу обещать тебе, — сказала она. — Но если это будет в моих силах, я верну тебя на Землю, Маккей. Возможно, ты сам захочешь остаться в другом мире. Например, в Многоярусном мире Кикахи.

— Мне подойдет любая планета, лишь бы она оказалась поприятнее этой.

— Не торопись с выбором, пока не увидишь лучшее. Тем не менее я даю слово, что позабочусь о тебе. Однако до поры до времени ты должен притвориться, что верно служишь моему дяде.

— И рассказывать тебе о его планах и всяких штучках?

— Конечно.

Может быть, он и не обманывал ее. Но Анана подозревала, что Маккей ведет себя так по указке Уртоны.

К тому времени к ним присоединилась большая группа туземцев. Остальные — в основном мужчины — пытались поймать убежавших мусоидов. Несколько человек погибло. Многие получили ранения.

Животные на другой стороне канала успокоились. Те, кому посчастливилось уцелеть, рассеялись на широкой равнине. Места теперь хватало всем. Птицы слетались на трупы, как мухи на собачье дерьмо.

Анана пошла к каналу, племя последовало за ней. Кто-то радовался небывалому количеству мяса. Кто-то сожалел о том, что всего этого не съесть за два дня — ведь потом мясо испортится и станет горьким. Анана удивилась их внезапной разборчивости. Раньше они не были такими щепетильными и даже не пренебрегали трупами трехдневной давности.

На полпути к каналу Маккей остановился и сказал:

— Сюда едет вождь.

Анана взглянула в сторону горного прохода. По склону спускался Тренн. Его «лось» боялся возвращаться в долину, до вождь следил за животным. Анана с удивлением заметила, что черные тяжелые тучи над побережьем начали расходиться. Гром затихал. Молнии исчезли.

Через минуту на вершине подъема показались еще несколько всадников. Их мусоиды устало бежали трусцой. Когда она подошла к каналу, воины приблизились, и Анана узнала среди них Уртону. Увидев ее, он пустил своего грегга в галоп. Приблизившись, властитель поднял на дыбы покрытое пеной животное, а затем быстро спрыгнул на землю. Мусоид застонал, упал на колени и, повалившись на бок, умер.

На лице Уртона застыло странное выражение. Он побледнел, и его зеленые глаза расширились.

— Анана! Анана! — закричал он. — Я видел его! Я видел его!

— Что ты видел? — спросила она.

Уртон дрожал от возбуждения.

— Мой дворец! Он там, на море! И он удаляется от берега!

Глава 15

Если бы Уртон мог попасть во дворец, он бы не возвратился за Ананой.

— Как быстро он движется? — спросила она.

— В автоматическом режиме его скорость равна километру в час.

— Я понимаю, что прошло много времени. Но возможно, ты знаешь, куда он направляется?

Он развел руками в стороны и пожал плечами.

Ситуация казалась безнадежной. Время работало против них. При наличии инструментов они могли бы построить лодку, но и тогда им вряд ли удалось бы догнать дворец. Хотя, возможно, он кружил по морю, каждый раз возвращаясь на одно и то же место.

— Нам и так повезло, что дворец оказался здесь, — сказал Уртон. — Тем не менее он может покинуть море,

вылетев через один из проходов. Этот не подходит по ширине, но здесь много других ущелий.

Анана не доверяла объяснениям дяди. Прежде он утверждал, что дворец имел устройства, влиявшие на мутацию ландшафта. Приборы могли расширить любую расщелину до нужных размеров. Но с другой стороны, если бы Уртона знал, что дворец пройдет через этот проход, он не стал бы говорить племяннице о том, что видел его.

На этот раз они упустили шанс догнать дворец. Усилиями воли Анана отбросила бесплодные сожаления, однако Уртона был взвинчен до предела. Он непрерывно говорил о дворце и, наверное, видел его даже во сне. Чтобы еще больше завести дядю, Анана как бы невзначай высказала такую мысль:

— А вдруг Орк находился в это время на берегу? Он мог пробраться в твою обитель. Представляешь? Мы сидим здесь, а он уже проходит через ворота в какой-то другой мир.

Светлая кожа Уртоны стала еще белее.

— Нет! Это ему не удастся! Такое просто невозможно! Во-первых, он не посмел бы выйти к побережью во время бурь. Во-вторых, он просто не догнал бы дворец. Ему бы пришлось плыть за ним через все море. А в-третьих, он не знает кодового слова, которое открывает двери моей крепости.

Анана расхохоталась.

Уртона нахмурился:

— Ты сказала это, чтобы расстроить меня?

— Да, ты угадал. Но теперь, немного подумав, я убеждена, что Орк мог пробраться во дворец. В слепом отчаянии он не стал бы бояться молний.

В разговор вмешался Маккей:

— Не зная, что дворец находится там, он не пошел бы на риск. А как бы Орк узнал о нем, не оказавшись на побережье? Я думаю, он туда и носа бы не сунул в такую грозу.

— Орк мог увидеть его через проход, — быстро ответила Анана. — И ему хватило одного взгляда.

Сама она не верила в это, но в принципе такая возможность существовала. Оставив дядю наедине с Маккеем,

Анана задумчиво отошла в сторону. Рыжий Орк действительно мог попасть во дворец. Ее стремление подразнить Уртону привело к обратному результату: теперь уже тревожилась она.

Через несколько минут буря затихла. Гром перестал греметь, и тучи исчезли, словно их всосало в гигантский пылесос. Шаман и вождь, о чем-то переговорив друг с другом, подошли к Анане.

— Посланница Властителя, у нас появились вопросы, — сказал Тренн — Мы хотим знать, не возобновится ли гнев Создателя? И можем ли мы отправляться в страну прибрежных земель?

Она побоялась показать им свою неуверенность. Принятая роль требовала от нее осведомленности в планах Властителя.

Любая ошибка могла привести к утрате доверия.

— Гнев Властителя прекратился, — сказала она. — Теперь вам не грозят ни молнии, ни гром.

Она знала, что, если буря начнется снова, ей придется бежать.

Однако племя тронулось в путь не сразу. Туземцы ловили разбежавшихся «лосей», собирали разбросанные пожитки, а затем провожали на небесные равнины погибших сородичей. Лишь через два часа караван направился к проходу в горах, и Анана вновь увидела мирные неподвижные деревья. Ее сердце наполнила звонкая радость. Густой лес и открытое море предлагали ей два готовых пути для бегства.

Венды спустились по длинному пологому склону, который заканчивался песчаным пляжем. Вождь повернул влево, и караван последовал за ним. По словам Нарго, через полдня они должны были добраться до места назначения. Их стойбище находилось в пятнадцати минутах ходьбы от берега моря.

— А вы не боитесь, что другие племена тоже пойдут через этот проход? — спросила Анана.

— О-о, мы будем видеть их несколько дней, — ответил юноша. — Они пойдут по берегу моря к своим стойбищам. Нам повезло, что у прохода не оказалось других племен, ведь буря затянулась дольше обычного.

— Вы нападаете на них, когда они проходят мимо вашего поселения?

— Только в том случае, если имеем численное превосходство.

Задав еще несколько вопросов, Анана выяснила туземные правила войны. Обычно племена избегали открытых и затяжных сражений. Боевые действия ограничивались набегами одиночек или небольших групп по три—пять человек. Вылазки совершались в темный период суток, и в них принимали участие в основном молодые мужчины и женщины. Похвала и честь доставались тому, кто убивал вражеского воина, но самым великим героем считался тот, кому удавалось выкрасть ребенка и принести его в свое племя для усыновления.

Сам Нарго тоже оказался усыновленным. Его похитили, едва он начал ходить. Нарго ничего не помнил о похищении, но иногда ему снились кошмары, в которых его отрывали от женщины без лица.

Караван приблизился к месту, которое, на взгляд Ананы, ничем не отличалось от любого другого побережья. Однако туземцы, узнав свои владения, громко завопили от радости. Тренн повел их через лес, и вскоре они пришли к холму, который главенствовал над окружающей территорией. На его склонах и вершине лежали бревна — все, что осталось от прошлогодней ограды.

Племя восстанавливало укрепления несколько дней. Мужчины ловили рыбу, женщины и дети собирали орехи, ягоды и фрукты. Люди отъедались и отсыпались после долгого путешествия. Анана начала набирать вес и в конце концов почувствовала себя отдохнувшей. Но вернув утраченные силы, совершенно потеряла покой.

Уртона тоже не находил себе места. Анана часто видела, как он о чем-то говорил с Маккеем. Она догадывалась о теме их бесед, и негр, докладывая ей о планах дяди, лишь подтверждал ее предположения.

— Твой дядя решил подмыть отсюда при первой возможности. Но он не хочет уходить без рога.

— Он собирается забрать его у меня сейчас, или когда мы найдем дворец?

— Уртона говорит, что у нас будет больше шансов на успех, если ты пойдешь с нами. Но он знает, как ты хитра, и боится, что тебе удастся прижать его к ногтю, когда мы найдем дворец. Уртона еще не принял окончательного решения. Однако он хочет уйти как можно быстрее. С каждой минутой дворец улетает все дальше.

Маккей замолчал. Вид у него был такой, словно он что-то жевал, не зная, выплюнуть это или проглотить. Через минуту на его лице появилась улыбка.

— Мне надо кое-что тебе рассказать.— Он замолчал и потер подбородок.— Помнишь, Уртона говорил тебе и Кикахе, что ваши друзья тоже попали в этот мир? Я имею в виду Вольфа и его женщину Хрисеиду. Так вот, он вам лгал. Им удалось бежать. И сейчас они находятся где-то на Земле.

Анана задумалась. Никто его не заставлял рассказывать эти новости. Почему же он это сделал? Возможно, Маккей хотел заверить ее в своей дружбе и таким образом доказывал, что больше не работает на Уртону. А если негр просто выполнял указание дяди? В принципе, Уртона мог извлечь выгоду из этой двойной игры.

В любом случае, она не могла доверять Маккею полностью.

Анана вздохнула. Все властители, включая ее, страдали своеобразной паранойей и часто не могли отличить реальность от надуманных историй. Их тотальное недоверие превращалось в психический недуг.

Она пожала плечами, решив, что будет вести себя так, словно поверила в добрые намерения негра. Выглянув из-за большого дерева, за которым они сидели, Анана тихо шепнула:

— Сюда идет мой дядя, и он разыскивает нас. Если Уртона увидит тебя со мной, это вызовет у него подозрение. Тебе лучше уйти.

Маккей метнулся в гущу кустов.

Наконец Уртона нашел племянницу.

— Привет, дядя,— поздоровалась Анана.— Почему ты не пошел ловить рыбу? Тебя же просил об этом вождь.

— Я сказал, что мне сегодня нельзя ловить рыбу. Дикарь побоялся настаивать, поскольку считает меня одним

из посланников Властителя. Хотя, конечно, мой ответ ему не понравился. А где Маккей? Я ищу вас уже целый час.

Анана молча пожала плечами.

— Ладно, обойдемся и без него,— произнес Уртона, присаживаясь рядом с ней на корточки.— С этими дикарями мы потеряли много времени. Нам надо бежать, Анана. Бежать при первой же возможности.

— Нам? — спросила она, поднимая брови.— Ты думаешь, я с тобой куда-нибудь пойду?

Уртона начал сердиться.

— Неужели ты хочешь провести здесь остаток своей жизни?

— Конечно не хочу. Но сначала мне надо выяснить судьбу Кикахи.

— Неужели этот лебляббий так много значит для тебя?

— Да. Только не надо этих ухмылок. Если бы ты когда-нибудь испытывал любовь, тебе бы и в голову не пришло задавать мне такие вопросы.

Он взглянул на нее с недоверием:

— Так ты останешься здесь?

— Я задержусь лишь на время. Если Кикаха жив, он вскоре появится. Я подожду еще несколько дней, а потом отправлюсь искать его кости.

Уртона закусил нижнюю губу.

— Значит, ты не пойдешь с нами? — спросил он.

Анана промолчала, но властитель понял ее без слов.

Говорить было больше не о чем. Уртона поднялся.

— А ты не расскажешь вождю о том, что мы готовим побег?

— Не вижу в этом особого удовольствия,— ответила она.— Вот только... Как мне объяснить им ваш уход? Они считают вас посланцами Властителя, которые прибыли к вендам с особой миссией. Что же я им скажу после вашего трусливого побега?

Ее дядя снова прикусил губу. Он грыз ее уже десять тысяч лет. Она вспомнила, что еще ребенком заметила у него эту дурную привычку. Наконец Уртона улыбнулся:

— Скажешь, что Маккей и я отбыли с секретным поручением, цель которого ты не можешь раскрыть, по-

сколько это указание Властителя. И если ты скажешь им это, нам даже не придется бежать. Мы уйдем среди бела дня, и они не посмеют нам помешать.

— План хороший,— согласилась Анана.— Но вот только зачем мне все это? Я знаю, что ты сделаешь, если по какой-то случайности найдешь свой дворец. Ты прилетишь сюда и расправишься со мной. У тебя там есть несколько флаеров, и я уверена, что они оснащены прекрасным оружием.

Она попала в точку, и Уртона понял, что притворство ему не поможет.

— Поступай как знаешь,— сказал он.— Так или иначе я уйду от этих дикарей. Ты не посмеешь предупредить вождя о побеге, потому что тогда выплывет наружу твоя ложь. А месть за поруганную веру обычно бывает самой жестокой.

— Я не скажу ни слова,— заверила его Анана.— Но вот это ты не получишь.

Она подняла рог.

Уртона сощурился и поджал губы. Она знала, что дядя не уйдет без рога. Он охотился за инструментом по двум причинам, одна из которых была ей известна. О второй Анана только догадывалась.

Ни один властитель не упустил бы случая завладеть отмычкой, которая могла открыть любые ворота вселенной.

К тому же с помощью рога Уртона мог попасть во дворец из каких-то особых мест на этой планете. Вполне возможно, что ворота располагались в огромных камнях, которые встречались на склонах гор. Конечно же, не во всех, а лишь в некоторых. На пути к побережью Анана испробовала инструмент на четырех больших валунах, но ни в одном из них врат не оказалось. Однако они могли находиться в других камнях.

Если ее догадка верна, Уртона тем более не уйдет без рога. Он побоится, что племянница найдет врата и пробежится в его дворец.

Анана надеялась, что Уртона сообщит Маккею о дне побега. В деталях плана она не сомневалась: дядя попытается застать ее спящей, чтобы убить и забрать рог. Но

предупредит ли ее Маккей? Она не могла рисковать и полагаться на переменчивый нрав наемника.

— Подожди,— окликнула она Уртону.— Я пойду с вами. Так у меня будет больше шансов найти Кикаху. Мне надоело сидеть на этом холме.

Он даже не стал притворяться, что обрадовался ее словам. Уртону почувствовал западню. Будь она и впрямь искренней и правдивой, он все равно заподозрил бы неладное. Но и она теперь старалась понять, сказал ли он ей правду или только малую ее часть.

На красивом лице Уртоны появилась улыбка. В этой тысячелетней и смертельно опасной игре властители нередко использовали хитрости, заведомо обреченные на провал. Обе стороны просчитывали партию на много шагов вперед, и поединки порою напоминали религиозный ритуал.

— Мы сделаем это сегодня ночью,— сказала Анана.

Уртону согласился. Он ушел на поиски Маккея и через пару минут отыскал его у тропы. Негр оказался неподалеку, потому что следил за ними и ждал сигнала Ананы. Переговорив друг с другом около пятнадцати минут, они ушли на берег ловить рыбу. Анана отправилась собирать орехи и ягоды. Вернувшись с двумя полными сумками, она осталась в стане, хотя все женщины снова пошли в лес. Ей удалось незаметно утащить три кожаных меха для воды и отнести их под свой навес. Все остальное она решила раздобыть под покровом «ночи».

Племя пировало и танцевало весь вечер. Шаман пел молитвы о постоянном процветании. Сказитель вспоминал истории о героях прошлых дней. Ближе к «ночи», набив животы, люди начали расходиться под свои навесы. На страже остались четверо дозорных: один — на вершине дерева у самого моря; второй — на платформе в середине стойбища; и еще двое воинов, которые охраняли тропу на холм.

Уртону, Маккей и Анана обедаться не стали. Уйдя под свои навесы, они наполнили кожаные мешки копченой рыбой, мясом антилопы, фруктами и орехами. Воду в пустые мехи можно было набрать на берегу моря.

Когда над станом повисла тишина, Анана выползла из-под шаткого навеса. Сквозь приглушенный храп людей доносились крики ночных птиц и далекое львиное рычание. Взглянув на платформу, она не заметила там фигуры дозорного. Возможно, он тоже заснул. Полный желудок и дремота — две стороны одной монеты. Вроде хочется сделать доброе дело, а голова уже валится на грудь.

Уртоне и Маккей тоже выползли из-под своих навесов. Анана махнула им рукой, потом встала и в «полуночной» мгле направилась к бревенчатой ограде, откуда могла рассмотреть платформу и дозорного. Тот лежал на спине. Очевидно, он решил прилечь на минутку и, сам того не заметив, заснул. А ведь ему полагалось стоять и осматривать окружающий лес, пока его не сменят.

Двое мужчин пробрались в загон, где стояли мусоиды, и без лишнего шума оседлали трех животных. Анана принесла мехи для воды и набитую продовольствием сумку и привязала их к небольшой кожаной полочке позади седла.

— Я хочу забрать свой топор, — шепнула она Уртоне.

Тот недовольно сморщился, но кивнул. Они уже обсуждали этот вопрос. Дядя считал, что о топоре лучше забыть, но Анана настаивала на своем. Пока мужчины вели животных к воротам, она прокралась к большому навесу вождя. Раздвинув сучья, прикрывавшие вход, Анана пролезла внутрь. Под навесом было темно, как в угольной шахте, но громкий храп Тренна, его жены и сына компенсировал отсутствие света и позволял ориентироваться в пространстве. Анана поползла на четвереньках к дальнему углу, наткнулась на женщину, а потом почувствовала под рукой волосатую ногу вождя. Она отшатнулась и стала ощупывать траву рядом с телом. Через несколько секунд ее пальцы коснулись холодного железа.

Анана выползла из-под навеса, сжимая в руке металлический топор. В какой-то миг ей захотелось убить Тренна и отомстить за свое унижение, однако она подавила это желание. Его предсмертный хрип мог разбудить туземцев. Кроме того, она обещала ему простить обиду, которая терзала ее память. И все же... На Анану вновь на-

катила тоска по крови, которая могла бы смыть позор. Ей опять захотелось убить своего насильника. Но трезвый рассудок отменил этот нерациональный импульс.

Одностворчатые ворота были сделаны из заостренных жердей, к которым наискось и горизонтально крепились тонкие планки. Вместо запоров для соединения с бревенчатой стеной использовались многочисленные кожаные ремни. Несколько толстых полосок кожи служили замком. Анана развязала их, и двое мужчин тихо отворили ворота.

К счастью, беглецов еще никто не заметил. Однако дозорный мог проснуться в любую минуту. С другой стороны, он мог проспать на платформе всю ночь. В принципе, караульные менялись через два часа. Но в языке племени не существовало такого понятия, как «час», и каждый туземец оценивал время по внутреннему хронометру. Посчитав свой долг исполненным, дозорный обычно спускался на землю и будил человека, которому полагалось его менять.

Когда мусоиды прошли через ворота, беглецы бесшумно закрыли створку и вновь связали ремни замка. Потом все трое вскочили в седла и медленно поехали вниз по склону. «Лоси» фыркали, возмущаясь, что их разбудили посреди ночи. Беглецы остановились за сотню ярдов от того места, где, как они знали, находился первый часовой. Анана спешила и нырнула в кусты. Прокравшись вдоль тропы, она увидела фигуру юноши, который сидел под деревом. С его губ срывался тихий храп.

Она подошла к нему и оглушила парня обухом. Он упал на бок, и храп его стал намного громче. Анана вернулась назад и сообщила спутникам, что можно продолжать путь. Поравнявшись с юношей, Уртон хотел перерезать ему горло. Однако Анана сказала, что в этом нет необходимости, поскольку тот потерял сознание надолго.

Второй дозорный, отгоняя сон, лениво прохаживался вдоль тропы. Он спускался с холма на пятьдесят шагов, разворачивался и вновь взбирался по двадцатиградусному откосу, напевая себе под нос какую-то песню о героических подвигах Ширкуна.

В ночной тишине его крик могли слышать другие туземцы. Поэтому Анана решила убрать дозорного с дороги. Она выждала момент, когда он повернулся к ней спиной, подбежала к воину и оглушила его обухом топора. Путь к морю был свободен.

Увидев светлую полосу белого песчаного пляжа, беглецы остановились. Последний дозорный сидел на вершине гигантского дерева, которое возвышалось на краю леса.

— Нам не добраться до него,— сказала Анана.— Но он может кричать, сколько хочет. Никто уже не передаст его сообщений дальше.

Они смело поскакали по песку, однако ожидаемого окрика не последовало. Дозорный либо задремал, либо принял их за авангард другого племени, которое спешило добраться до своего стойбища. Впрочем, он мог даже узнать посланцев Властителя. Но кто из туземцев посмел бы задавать им вопросы?

Проехав около мили, они остановили мусоидов, наполнили мехи водой и продолжили бег. Правда, неторопливую рысь «лосей» трудно было назвать бегом. Трое людей погрузились в свои мысли. Маленький отряд молча скакал вперед.

Анана считала, что венды им больше не опасны. К тому времени, когда один из оглушенных воинов придет в себя и поднимет тревогу, беглецы будут уже далеко. Угроза теперь исходила только от Уртоны и Маккея. Дядя не задумываясь убьет ее, чтобы завладеть рогом. Но пока они не найдут дворец, она может не беспокоиться. Без нее Уртоне не выжить в этих местах.

«Рассвет» разбросал по небу первые бледные полосы. Стало светлее, и всадники перешли на легкий галоп. Отряд останавливался только для того, чтобы справить нужду, попить воды и напоить животных. С наступлением «сумерек» они въехали в лес, нашли ложбину, окруженную деревьями, и проспали там большую часть «ночи». Анана несколько раз просыпалась от воя собак и рыка огромных кошек. Однако хищники не смели подходить к людям слишком близко. На «рассвете» отряд двинулся

дальше. В «полдень» они выехали на пологий склон, который вел к проходу в горах.

Подстегнув «лося», Анана обогнала спутников на дюжину ярдов и резко развернула мусоида им навстречу, сжимая левой рукой рукоятку ножа. Если бы понадобилось, она могла бросить поводья и выхватить топор. Анана умела метать оружие обеими руками, и ее не смущали колья мужчин и тяжелые боевые бумеранги, торчавшие у них из-за поясов.

— Давайте прощаться,— сказала она.— Я собираюсь перебраться через горный проход и осмотреть долину. Мне надо найти Кикаху.

Уртона открыл рот, словно хотел возразить. Но потом улыбнулся и покачал головой:

— Сомневаюсь, что тебе это удастся. Взгляни туда.

Дядя указал рукой на склон горы.

Анана не собиралась поддаваться на эту уловку. Возможно, он пытался отвлечь ее, чтобы затем напасть. И все же, судя по тому, как расширились глаза Маккея, Уртона действительно увидел что-то достойное внимания. А если они сговорились заранее? Если Маккей притворяется?

Она еще раз развернула животное и взглянула в сторону горного прохода.

По пологому склону до самого моря тянулась широкая полоса рыжевато-красной травы. Она напоминала тропу, но являлась природным образованием. И теперь на ее фоне четко выделялись крошечные фигурки всадников, выезжавших из прохода. За верховыми воинами следовали женщины, дети и множество гужевых животных.

На побережье спускалось еще одно племя.

Глава 16

— Пора удирать! — сказал Маккей.

— Успеется,— ответила Анана.— Я хочу посмотреть, нет ли среди них Кикахи. Возможно, они захватили его в плен.

Закусив губу, Уртона взглянул на негра, потом на племянницу. Но, судя по всему, он решил, что сейчас не время убивать ее.

— Хорошо,— сказал Уртон.— Что ты собираешься делать? Поедешь к ним и скажешь, что должна проверить их повозки?

— Только без сарказма, дядя,— ответила Анана.— Мы спрячемся в лесу и понаблюдаем за ними.

Она направила грегга к деревьям. Мужчины поскакали за ней. Анана все время старалась держаться от них подальше. Подъехав к холму, с которого открывался вид на тропу, она остановилась. Уртон последовал было за ней, но она велела ему сохранять дистанцию. Он усмехнулся и остановил мусоида на склоне — чуть ниже ее. Какое-то время все трое сидели в седлах. Но потом, устав от долгого ожидания, Анана спешила, мужчины сделали то же самое.

— Они будут здесь только через час,— сказал Уртон.— А что, если эти дикари повернут направо? Тогда мы окажемся между вендами и этим племенем. И они нас в конце концов поймают.

— Если Кикахи среди них не окажется, я подожду, когда они проедут мимо, потом отправлюсь на равнину по ту сторону гор и попробую, его отыскать. Ваши намерения меня не волнуют. Можете уезжать прямо сейчас.

Маккей усмехнулся. Уртон заворчал. Все трое понимали, что, пока рог у Ананы, они неразлучны.

Гревигги хватали зубами кусты и побеги деревьев, жадно выдергивали их из земли и набивали пустые урчавшие желудки. Над животными и людьми роились большие зеленые мухи. Их было не так много, как на равнине, но и они умудрялись доводить Анану и двух мужчин до белого каления. В отличие от аборигенов беглецы по-прежнему реагировали на укусы насекомых. Они крутили головами, пожимали плечами, отмахивались и находились в непрерывном движении.

Внезапно стайка маленьких птах освободила их от этой напасти. Белогрудые голубые птицы, с широкими, почти утиными клювами, закружили вокруг, хватая насекомых на лету. Во время фантастических пируэтов и виражей они чудом не сталкивались с людьми и животными. Несколько раз их крылья касались лица Ананы. Через две минуты уцелевшие мухи куда-то умчались.

— Хорошо, что я придумал этих птиц,— проворчал Уртона.— Но если бы я знал, что окажусь в такой ситуации, мне бы и в голову не пришло создавать насекомых.

— Властитель мух,— хихикнула Анана.— И имя тебе Веельзевуб.

— Ты это о чем? — с удивлением спросил Уртона. Его лицо скривила усмешка.— Да-да, теперь я вспомнил.

Анана решила подняться на дерево, откуда тропа просматривалась как на ладони. Однако ей не хотелось предоставлять мужчинам какие-то преимущества. Уртона мог забрать ее грегга, и она осталась бы без средства передвижения. К тому же при спуске она оказалась бы беззащитной, и ее дядя наверняка не упустил бы такой шанс.

Наконец на тропе появилась первая группа верховых воинов. Анана так надеялась увидеть Кикаху, что буквально извелась от долгого ожидания. Она пристально рассматривала лица смуглых мужчин в оперенных головных уборах. Оружием и одеждой они ничем не отличались от вендов. На груди каждого воина болтались двойные ожерелья из верхних фаланг человеческих пальцев. Один из всадников держал поднятый шест с насаженным на него львиным черепом. Судя по отсутствию других штандартов, он и был вождем этого племени.

Тем не менее воины отличались от вендов более темной кожей, скуластыми широкими лицами и крупными крючковатыми носами. Их глаза имели слегка монгольский разрез. Они во многом походили на американских индейцев, и если бы вождя одели в другую одежду и посадили на лошадь, он вполне сошел бы за Сидящего Буйвола.

Воины проскакали мимо, и за ними, в сопровождении вооруженного эскорта, потянулась цепочка каравана. Женщины и дети погоняли гужевых мусоидов, которые ташили тяжелые волокуши. Единственной одеждой женщин были длинные кожаные юбки, края которых доходили до лодыжек. Местные красавицы собирали черные волосы в высокие узлы на макушках. Многие носили ожерелья из раковин. У некоторых в корзинах, привязанных к спинам, сидели маленькие дети.

Внезапно Анана тихо вскрикнула, заметив светлогожего, высокого и ярко-рыжего мужчину, который ехал на грегге. Увидев его, она почувствовала, как ее сердце вздрогнуло.

— Это не Кикаха! — успокоил Анану Уртона. — Они взяли в плен Рыжего Орка!

От разочарования ей стало дурно.

Увидев расстроенное лицо племянницы, Уртона удовлетворенно рассмеялся. И тогда Анана решила убить его при первой же возможности. Если он получал наслаждение от страданий других людей, то ему недолго осталось жить на белом свете.

Однако через минуту Анана упрекнула себя за этот чисто эмоциональный импульс. Она нуждалась в нем так же, как он нуждался в ней. И все же она надеялась, что однажды настанет момент, когда он ей не будет нужен.

— Успокойся, милая, — сказал Уртона. — Это всего лишь мой брат и твой дядя под собственным соусом. Что-то у него сегодня удрученный вид. Ты не знаешь, что с ним сделают дикари? Наверное, будут пытаться. Я бы с радостью пошел за ними и посмотрел на этот спектакль.

— Он не связан, — воскликнул Маккей. — Возможно, его, как и нас, приняли в племя.

Уртона пожал плечами:

— Жаль, конечно, но что тут поделаешь. В любом случае ему там не сладко. Он может провести с этими ублюдками всю оставшуюся жизнь. И мне даже начинает нравиться такое наказание — боль не очень сильна, зато ей не видно конца.

— Теперь мы знаем, что Кикахи с ними нет, — сказал Маккей. — Что будем делать дальше?

— Мы еще не видели их всех, — ответила Анана. — Возможно...

— Вряд ли одному племени удалось схватить их обоих, — нетерпеливо произнес Уртона. — Нам надо спешить, Анана. Если мы срежем угол через лес, то оставим их далеко позади.

— Я подожду, — ответила она.

Уртона возмущенно фыркнул и плюнул на землю.

— Меня тошнит от твоей болезненной страсти к лебляббиям.

Анана даже не потрудилась ответить. Однако вскоре караван проехал мимо, и она печально вздохнула.

— Теперь ты готова идти? — с усмешкой спросил Уртона.

Она кивнула и, помолчав, задумчиво добавила:

— А ведь Орк может знать, где искать Кикаху.

— Что? Но ты же не хочешь... Анана, не сходи с ума!

— Я собираюсь пойти за ними и вытащить Орка из беды.

— И все это только из-за того, что он может что-то знать о твоём чертовом лебляббии?

— Да!

Покрасневшее лицо Уртоны исказилось от ярости. Анана догадывалась, что помимо крушения надежд он испытывал сейчас страх и отвращение. Властитель не понимал ее любви. Он не понимал, как можно любить обычного землянина — потомка существ, выращенных в лабораториях. То, что его племянница связалась с таким ничтожеством, как Кикаха, наполняло его ужасом и отвращением. Уртону не пугал отказ Ананы следовать за ним, и он не боялся неожиданной атаки. Нет, его терзало предчувствие, что и он, возможно, будет соврращен какой-то смазливой лебляббией. Анана знала, почему его пугала эта непонятная любовь. Он боялся самого себя.

Впрочем, в своих рассуждениях она часто доходила до абсурда. Надо же! Уртона и любовь...

Какие бы чувства ни бушевали в груди ее дяди, он, видимо, совсем лишился рассудка. Его лицо превратилось в багровую маску гнева. В глазах появилось что-то хищное, тигриное. Он взревел и бросился на племянницу, сжимая древко копья с отточенным кремневым наконечником.

Уртону отделяло от Ананы десять шагов. Но он упал, не одолев и пяти. Копье выпало из рук. Властитель повалился спиной в густую траву. Из его солнечного сплетения торчала рукоятка топора. В тот же миг Анана выхватила нож. Маккей застыл на месте, неуклюже переминаясь с

ноги на ногу. Она по-прежнему не могла понять, на чьей же он стороне.

Судя по всему, его потрясла не столько сама стычка, сколько та быстрота, с которой она началась и закончилась. Кому бы он ни симпатизировал поначалу, теперь его жизнь целиком зависела от Ананы. Конечно, Маккей мог бы найти дворец и без ее помощи. Но он не сумел бы пробраться внутрь. И даже чудом попав туда, он все равно остался бы на этой планете, потому что не знал, как активировать врата.

Увидев испуг на его лице, Анана поняла, что негр над этим еще не задумывался. Пока он гадал, убьет она его или оставит в живых.

— Я думаю, мы с тобой заодно,— сказала она.— Во всяком случае, цель у нас одна и та же.

Он начал успокаиваться, но за минуту до этого его кожа казалась голубовато-серой.

Анана подошла к дяде и вырвала топор из его груди. Лезвие вошло неглубоко, и из раны потекла кровь. Рот Уртоны открылся, глаза остекленели, кожа стала бледно-серой. Однако он еще дышал.

— Конец долгих и неприятных отношений,— констатировала Анана, вытирая лезвие о траву.— И все же...

— Что? — шепотом спросил Маккей.

— В детстве я очень любила его. Тогда он был совсем другим — добрым и милым. Мы все тогда были другими. Кто же знал, что долголетие, солипсизм и скука превратят нас в бездушных чудовищ. Мы обладали такими силами, которых вы, земляне, даже представить себе не можете...

Ее голос утих, словно погрузился в невообразимо далекое прошлое.

Маккей по-прежнему старался не делать лишних движений.

— А что будет с ним? — спросил он, указывая на неподвижную фигуру.

Анана посмотрела вниз. Рой мух кружил над Уртоной и покрывал его рану зеленой жужжащей массой. Через какое-то время запах свежей крови привлечет сюда хищ-

ников, и тело ее дяди растерзают на части. Возможно, тогда он будет еще жив.

Ей вспомнились вечера на их родной планете, когда Уртона подбрасывал ее в воздух, целовал в пухлые щечки или приносил подарки. В те дни он только приступал к созданию своего первого мира. И вот владыку нескольких вселенных постиг такой жалкий конец... Он лежал на спине, его кровью питались насекомые, а где-то рядом уже крутилась стая собак, готовых вонзить в умиравшую плоть клыки и когти.

— Может быть, лучше прекратить его страдания? — спросил Маккей.

— Пока он жив, у него есть надежда, — сказала она. — И у меня нет желания резать ему горло. Я оставлю рядом с ним оружие и грегга. Если у него хватит воли и сил, он сможет воспользоваться ими. Возможно, я потом пожалею об этом, но сейчас...

— Он мне тоже не нравится, — сказал Маккей. — И все же, на мой взгляд, нехорошо подвергать его таким мучениям.

— И это говорит человек, убивавший людей за деньги? — спросила она. — Скольких ты погубил, чтобы получить свое вознаграждение?

Маккей покачал головой:

— Все это осталось в прошлом. На Земле у жизни другая цена. Но даже там я не находил смысла в жестокости.

— Мы люди, и нами обычно управляют эмоции, а не разум, — сказала она. — Поехали. Нам пора.

Анана прошла мимо Маккея, намеренно подставляя себя. Она сомневалась, что он нападет на нее, и Маккей действительно отступил на шаг, словно боялся ненароком прикоснуться к властительнице.

Они сели в седла, проскакали через лес к побережью и, срезав угол, обогнали караван на целую милю. Анана ни разу не оглянулась.

Выехав из леса, они увидели на берегу только птиц, лисиц и амфибий, которые поедали мелких рыб, выброшенных на берег. Оба «лося» фыркали и раздували бока. Долгий путь без сна и пищи лишил их сил.

Они напоили животных и позволили им общипать несколько кустов.

— Надо вернуться в лес,— сказала Анана.— Оставим мусоидов на какой-нибудь поляне, а сами спрячемся за деревьями у пляжа. В какую бы сторону они ни свернули, мы пропустим их и поедем следом на безопасном расстоянии.

С приходом «сумерек» племя выехало на морской пляж. Люди с радостными криками вбегали в волны, ныряли, плескались и веселились. Потом мужчины начали ловить копьями рыбу, а чуть позже племя устроило большой пир.

Когда наступила «ночь», дикари углубились в лес неподалеку от того места, где спрятались Анана и Маккей. Те предусмотрительно отошли подальше в чашу. Увидев, что туземцы укладываются спать, Анана немного успокоилась. Вряд ли племя стало бы разбивать здесь постоянный лагерь, но до «рассвета» их караван будет оставаться под защитой леса. Берег моря таил в ночное время большую угрозу — там могли проходить другие племена.

Не сомневаясь в добрых намерениях своего спутника, Анана тем не менее выбрала для сна такое место, где ее бы никто не нашел. Вернее, Маккей мог бы найти ее при большом желании, но, чтобы добраться до нее, ему пришлось бы залезть на дерево. Срубив несколько ветвей, она уложила их на два больших сука и устроила себе уютное гнездышко.

Как и во все прошлые «ночи», поспать спокойно ей не удалось. Анану пугали крики животных и птиц. Дважды она просыпалась в холодном поту от кошмаров.

Сначала ей приснился дядя — голый и истекающий кровью. Стоя над ней, он протягивал к ее горлу скрюченные пальцы, и из раны на его груди вылетали большие зеленые мухи. Застонав от ужаса, Анана проснулась.

А потом ей приснился Кикаха. Она брела по мрачной менявшейся равнине этого мира. Взглянув на затопленную низину, Анана увидела его побелевший труп. Зарыдав, она склонилась над ним, и Кикаха открыл глаза. Он вскочил и с усмешкой закричал: «Пошутил! Пошутил!» Кикаха все время ускользал от нее, а она бежала за ним и просила остановиться. Потом они мчались на коне, но

вороной жеребец под ними не скакал, а прыгал, как кенгуру. Проснувшись, Анана поймала себя на том, что по-прежнему двигала бедрами вперед и назад. Все внутри ее звенело от радости.

И она даже всплакнула, пожалев о том, что это только сон, а не явь.

Маккей спал там, где она его оставила. Стреноженные «лоси» объели все кусты на поляне. Анана склонилась над негром и коснулась его плеча. Он вынырнул из сна, как форель за стрекозой.

— Никогда больше не делай этого! — сказал он, нахмутив брови.

— Хорошо. Сейчас мы позавтракаем, а потом проведем племя. Ты не слышал каких-нибудь криков или голосов? Возможно, они уже поднялись.

— Когда я сплю, то ничего не слышу, — угрюмо ответил Маккей.

Подкравшись к большой поляне, на которой вчера располагалась стоянка туземцев, они нашли лишь кал «лосей» да обглоданные кости. А когда оба всадника выехали на белый песок, то увидели справа от себя крохотные фигурки последних рядов каравана.

Подождав, пока племя не скрылось из виду, Анана и Маккей поскакали следом. Через некоторое время они подъехали к реке, бравшей начало в море. Она впадала в канал, в который смыло волной Кикаху. Русло тянулось к горному проходу, и над водой все выше и выше вздымались крутые берега.

Анана и Маккей подогнали мусоидов к реке и переправились через нее. Добравшись до другого берега, они подплыли ближе к морю, выбрались и под уздцы вытянули «лосей» на песок. Далеко впереди виднелась цепочка каравана.

Анана оглядела пологий склон горы.

— Я хочу подняться к проходу и осмотреть равнину... Может быть, он там.

— Если Кикаха идет по следу вендов, его там не будет, — отозвался Маккей. — Скорее всего, он уже где-то на побережье.

— Я тоже так думаю. Но мне почему-то хочется подняться туда.

Анана направила мусоида вверх по склону и, проехав полпути, оглянулась. Маккей сидел на неподвижном грегге. Когда она оглянулась во второй раз, он медленно следовал за ней.

Оказавшись наверху, Анана остановила мусоида и осмотрела равнину. Ландшафт претерпел значительные изменения. Канал по-прежнему окружали относительно плоские участки земли, но через сто футов от каждого берега они резко обрывались вниз. Русло теперь пролегало по вершине хребта, по обеим сторонам которого зияли глубокие впадины. Каждая из них была с милю шириной. Вдоль краев громоздились горы всех размеров и форм. Одна из грибовидных вершин начала крошиться. По крутому склону покатались и запрыгали огромные глыбы. Некоторые из них, достигнув подножия, падали в ложбину.

Там, внизу, вдоль канала бежали несколько антилоп. Когда с грибовидной горы начали срываться комья земли, они помчались изо всех сил, но последним двум животным не повезло.

По другую сторону прохода тянулся пологий склон, рассеченный вдоль широким руслом. Неподалеку от Ананы белела куча больших и малых костей, которая ровной полосой тянулась вдоль всего пути к подножию горы.

Еще раз осмотрев этот дикий край, Анана тихо позвала:

— Кикаха, милый!

Она по-прежнему не могла поверить в его смерть.

Развернув мусоида, Анана махнула Маккею рукой, чтобы он остановился. Тот так и сделал, и она поскакала к нему. Внезапно земля задрожала. Грегг замер на месте как вкопанный. Несмотря на все понукания, животное упрямо отказывалось идти вперед. Анана спешила и попыталась повести его под уздцы. Однако «лось» упирался передними ногами. Взобравшись в седло, Анана решила немного подождать.

Склон горы, быстро меняя форму, оседал со скоростью около одного фута в минуту. Канал начал сужаться.

Берега двинулись друг другу навстречу, дно поднялось, и вода полилась через края.

От земли поднимался жар.

Маккей сражался со своим «лосем». Мусоид стоял на месте и, терпеливо перенося удары древком, отказывался подчиняться испуганному седоку.

Анана обернулась и посмотрела через проход на равнину. Хребет, по которому пролегал канал, постепенно перерастал в горный кряж. Вершины пиков только намечались, однако Анана догадывалась, что процесс мутаций будет продолжаться и вскоре они превратятся в гигантскую горную цепь. Животные в панике мчались по склонам, надеясь найти спасение в глубокой ложине.

Тем не менее две горы, между которыми располагался проход, оставались неподвижными.

Анана вздохнула. Набравшись терпения, она сидела и ждала окончания метаморфоз. По-видимому, грегг бывал уже в таких переделках и знал, как надо вести себя во время цикла мутаций.

Она чувствовала себя так, словно находилась в кабине лифта, который медленно спускался в жерло вулкана. Температура возрастала. Создавалась иллюзия, что горы перед ней поднимались вверх.

Изменения длились час. Канал исчез. Горная гряда, достигнув максимальной высоты, быстро оседала. Впадины выравнивались, и за проходом к побережью вновь простиралась широкая равнина. Животные, уцелевшие во время мутаций почвы, мирно пощипывали траву, и хищники крадучись подползали к мясу на копытах. Все пошло своим чередом.

Анана щелкнула языком, и грегг побежал к морю. Подождав ее, Маккей двинулся следом. Он не стал задавать лишних вопросов. Негр знал, что если бы она увидела Кикаху, то сказала бы об этом. Он покачал головой и проворчал:

— Сумасшедшая страна!

— Мы потеряли больше часа,— отозвалась Анана.— Однако я думаю, нам не стоит подгонять наших гревиггов. Они еще не совсем восстановили силы, поэтому их

лучше побережь. Мы найдем туземцев, когда стемнеет. Ночью они обязательно станут лагерем...

— И заберутся подальше в лес,— добавил негр.— Если мы проедем мимо них, утром они сядут нам на хвост.

Через три часа после того, как на небе потемнели светлые полосы, Анана увидела впереди неясный силуэт человеческой фигуры. Издав тихий горловой звук, она придержала грегга и быстро отъехала назад на добрую сотню ярдов. Обсудив с Маккеем ситуацию, Анана сказала, что возьмет дозорных на себя. Негр нахмурился, но она велела ему оставаться с «лосями».

— Надеюсь, ты уберешь охрану бесшумно,— сказал он.— Что мне делать, если кто-нибудь из них закричит?

— Подожди и посмотри, услышат его или нет. Если туземцы поднимут тревогу, хватай поводья моего грегга и скачи ко мне, как дьявол. Мы умчимся туда, откуда приехали. Скорее всего, племя расположилось в лесу, а на пляже оставили только одного или двух дозорных. Впрочем, я постараюсь не шуметь.

— Ты босс, тебе и решать,— сказал Маккей.— Удачи.

Прокравшись в лес, Анана быстро перебегала через поляны и осторожно прокладывала путь среди густых кустов. Вскоре она оказалась напротив дозорного — низенького коренастого мужчины, который что-то напевал себе под нос. В тусклом свете «ночи» она не могла разглядеть черт его лица, но заметила копье с кремневым наконечником и торчавший из-за пояса бумеранг. Воин медленно вышагивал взад и вперед, делая по двадцать шагов в каждую сторону.

Анана осмотрела пляж, но других караульных не обнаружила. Она не сомневалась, что дозорных как минимум двое и второй, очевидно, прятался где-то в зарослях у кромки леса.

Она подождала, пока мужчина не прошел мимо нее в сторону Маккея. Обогнув высокий куст, Анана метнулась к нему. Мягкий песок приглушал шаги. А затем обух топора опустился на голову воина, и тот, хрюкнув, упал на живот. Она прислушалась — тихо, шум упавшего тела не привлек внимания второго дозорного. Анана переверну-

ла туземца на спину, склонилась над ним и, рассмотрев лицо, прошептала проклятие.

Это был Обран — воин из племени вендов.

Удар надолго лишил его чувств, и, уверившись в этом, Анана торопливо вернулась к Маккею, который сидел в седле и держал в руке поводья ее мусоида.

— О господи! — воскликнул негр. — Ты меня напугала. Я не ждал тебя так быстро. Мне показалось, что это идет один из туземцев.

— Плохие новости. Здесь люди Тренна. Они пришли сюда, чтобы отыскать нас и отомстить за поруганную веру.

— Что за черт! Как же они оказались впереди нас? И почему их не увидели дикари из другого племени?

— Не знаю. Возможно, венды заметили караван первыми и, пользуясь возможностью, решили выкрасть нескольких детей. Но в таком случае они бы не устраивали здесь ночевки. Они крались бы теперь к стоянке своих врагов.

Скорее всего, дело обстояло так: после нашего бегства они устроили большой совет, а затем целый день взвинчивали свою ярость плясками и песнями. Каким-то образом венды оказались впереди. Возможно, они проскакали мимо, пока мы поднимались к проходу. Следы каравана ввели их в заблуждение, и туземцы не заметили нас. В конечном счете они теперь здесь, и нам надо побыстрее убираться. Подведи гревигтов к Обрану и убедись, что он еще не очнулся. Я пойду вперед и побеспокоюсь о других дозорных.

Вернувшись через пятнадцать минут, Анана взобралась в седло, и спутники медленно проехали мимо еще одного мужчины, лежавшего на песке. Ночная мгла окрашивала пляж в багровые тона. В чаще леса спали уставшие венды. А Анана и Маккей скакали во весь опор по берегу моря. Через десять минут они снова перешли на рысь.

Заметив темный силуэт, Анана остановилась и тихо спрыгнула на землю. Не прошло и получаса, как она свалила с ног еще трех туземцев, стоявших в дозоре у кромки леса.

Подавая ей поводья, Маккей покачал головой и пробормотал:

— Да, леди, ты меня удивляешь все больше и больше!

В первые дни их путешествия Маккей относился к ней с легким презрением. Он привык считать женщин слабой половиной человеческого рода, и Анана поначалу находила его надменность довольно странной. Она не ожидала такого предвзятого отношения от человека, чья раса из-за подобных предрассудков подвергалась репрессиям вплоть до 1970 года. Очевидно, он жил в окружении людей, которые воспринимали враждебность к женщинам как одно из свидетельств твердого характера. И, наверное, поэтому Маккей видел в женщине только рабское существо, годное лишь для утех и эксплуатации.

Анана не только потрясла его амбиции, но и заставила относиться к себе с должным уважением. Хотя он оправдывал это тем, что она неземная женщина.

Подъехав к последнему оглушенному дозорному, они привязали мусоидов к кустам, где животные могли утолить голод сочной и зеленой листвой. Прокравшись ползком в лесную чащу, Анана и Маккей наткнулись на спавших туземцев. К счастью, это племя не имело собак, иначе те предупредили бы людей о приближении незнакомцев. Взглянув на худые изможденные тела туземцев, Анана решила, что они съели своих собак во время долгого и трудного путешествия к побережью.

Медленно переползая от одного человека к другому, Анана и Маккей осматривали лица спавших туземцев. Внезапно в нескольких шагах от них седая женщина села и вытянула перед собой дрожащую руку. Оба лазутчика застыли на месте, не зная, что предпринять. Почмокав губами, женщина повалилась на спину и тут же захрапела. А еще через несколько минут они нашли Рыжего Орка. Он лежал на боку, окруженный пятью мужчинами, которые спали мертвецким сном. Его руки были связаны за спиной. На ногах виднелись кожаные путы.

Анана накрыла ладонью рот дяди, и Маккей взвалил тело властителя себе на плечи. Рыжий Орк начал извиваться и дергаться, вырываясь из крепких объятий, и ему почти удалось сползти на землю.

— Тихо, дядя! — шепнула Анана на его родном языке.

Орк притих. Заметив, что он дрожит, Анана добавила:
— Мы здесь для того, чтобы освободить тебя.

Она убрала ладонь и разрезала кожаные путы. Маккей поставил властителя на ноги. Орк быстро осмотрелся, перешагнул через спавшего воина и взял его копье. Все трое, сохраняя предельную осторожность, выбрались из лагеря и подошли к расседланному греггу. Анана повела животное к берегу. Орк прихватил седло и упряжь, а Маккей прикрывал тыл. Пробираясь к мусоидам, оставленным у кустов, Анана в двух словах рассказала Орку о том, что произошло.

Выбравшись из лесного полумрака, она взглянула на дядю и покачала головой. Его лицо и тело покрывали синяки и ссадины.

— Они били меня весь первый день,— прошептал он разбитыми губами.— Меня избивали все — даже женщины и дети. А потом, когда дикарям казалось, что я не так быстр и ловок, как им того хотелось, они колотили меня палками, словно цепного пса. С каким удовольствием я вернулся бы сейчас обратно и перерезал им всем глотки.

— Можешь делать, что хочешь,— сказала она.— Но сначала скажи: ты видел Кикаху? Возможно, ты что-нибудь слышал о нем?

— Нет, мне он на глаза не попадался, и если эти дикари что-то говорили о нем, я не понимал ни слова на их собачьем языке. За все время мне удалось выучить не больше дюжины слов.

— Просто ты не хотел их учить,— проворчала она.

В принципе, Анана ничего другого и не ожидала, но на душе у нее стало еще тоскливее.

Рыжий Орк склонился над оглушенным дозорным и, сдавив пальцами его горло, задушил беспомощного воина. Дрожа и задыхаясь от ярости, он поднялся с колен.

— Вот так! Это им от меня!

Его поступок вызвал у Ананы отвращение, однако она не произнесла ни слова. Как только Рыжий Орк оседлал животное и взобрался на него, она поскакала вперед. Около десяти минут они медленно удалялись от лагеря туземцев. Затем отряд перешел на галоп, а еще через пять

минут Анана замедлила бег, и остальные последовали ее примеру.

Орк поравнялся с ней и спросил:

— Зачем ты освободила меня? Неужели только для того, чтобы расспросить о своем лебляббии?

— Да, только для этого,— ответила она.

— Все равно я благодарен тебе за свободу... и за то, что ты не убила меня после расспросов о Кикахе. Но больше всего я благодарен тебе за смерть Уртоны. Да-да, благодарен, хотя ты сделала это не ради меня, а по собственным мотивам. Однако, девочка, ты должна была добить этого ублюдка. Он может выжить! Это крепкий и сильный стервец...

Анана выхватила из-за пояса топор и ударила Орка обухом по голове. Тот свалился с грегга и рухнул на песок.

— Зачем...— удивленно вскричал Маккей.

— Я ему не доверяю,— сказала она.— Мы вырвали его из рук туземцев, и теперь наши пути должны разойтись.

Орк застонал и попытался подняться. Ему удалось лишь сесть. Опираясь на локоть, он ошупал разбитую голову.

— Возьми его грегга с собой,— велела Анана Маккею.

Она пустила мусоида в галоп, а затем, немного успокоившись, перешла на рысь. Чуть позже ее догнал Маккей. В одной руке он держал поводья третьего «лося».

— Как ты удержалась, чтобы не убить его?

— Пару лет назад я бы так и сделала. Но теперь, когда Кикаха научил меня доброте, я стала такой же, как и все люди.

— Мне очень неловко видеть, как ты тоскуешь о нем,— сказал Маккей, и они надолго замолчали.

Анана решила отправиться на поиски Кикахи. Она хотела объехать вокруг моря и отыскать дворец Уртоны. Если бы ей удалось пробраться в него, она могла бы воспользоваться летательным аппаратом, который венды называли «шелбеттом». Без него на поиски Кикахи ушло бы несколько лет. Но ее план погони за блуждающим дворцом казался почти безнадежным делом. Как-то раз Кикаха сказал, что «проще цыпленку отрубить голову, чем им найти берлогу Уртоны».

Ну и пусть! А чем еще здесь заниматься, кроме поисков?

Какое-то время они вели гревиггов по мелководью. Отъехав от берега к лесу, Анана нарубила ветвей и замела оставшиеся на песке следы. Остаток ночи они проспали на вершине холма в лесной чащобе.

Утром гревигги повели себя злобно и агрессивно. Они устали и проголодались. Когда Маккей попытался их оседлать, мусоиды начали брыкаться, и Анана в конце концов решила дать им отдохнуть. Добрую часть дня животные объедали ветви ближайших кустов, а два их владельца по очереди наблюдали за окрестностями с вершины высокого дерева. Анана ожидала, что туземцы бросятся в погоню с раннего утра. Однако первая группа из двадцати воинов появилась только во второй половине «дня».

Она позвала Маккея и велела приготовить гревиггов. Как бы ни отнеслись к этому «лоси», людям пора было отправляться в путь.

Только теперь Анана поняла, что на мелководье следовало выехать сразу у лагеря туземцев. Если бы дикари не знали, в каком направлении начинать погоню, они могли бы отказаться от мести. В который раз за десять тысячелетий Анана промедлила с мерами предосторожности, и ей опять приходилось с риском для жизни исправлять свою ошибку.

Воины проехали мимо того места, где беглецы забрались в лес. Проскакав еще двести ярдов, их группа остановилась, и между двумя туземцами разгорелся спор. Один из них держал в руке шест, увенчанный львиным черепом, грозно размахивал им и указывал туда, откуда приехал их отряд. Очевидно, его слова убедили воинов. Они развернули гревиггов и рысью направились в лагерь.

Нет, не в лагерь. Анана увидела первые волокуши длинного каравана. Он медленно приближался, и воины скакали ему навстречу. Затем все племя собралось на берегу, и дикари устроили совет. Наконец караван двинулся дальше.

Когда Анана рассказала Маккею о том, что увидела, тот выругался и предложил:

— Давай останемся здесь и подождем, пока они не пройдут мимо.

— Спешить нам, конечно, некуда,— ответила она.— Но мы не будем дожидаться. Если поедем напрямик через лес, то опередим их на пару миль.

Это была теория, а на практике все получилось по-другому. Выехав из леса, Анана и Маккей едва не наскочили на двух всадников. Молодых воинов, видимо, выслали вперед на разведку. А возможно, юношам захотелось прокатиться с ветерком, и они мчались по берегу наперегонки. Увидев чужаков, туземцы повернули назад, чтобы позвать подкрепление.

Анана не видела караван, однако полагала, что он находится неподалеку, за изгибом берега. В любом случае она и Маккей опередили туземцев по меньшей мере на двадцать минут.

Им оставалось только пришпорить уставших животных. Какое-то время они скакали изо всех сил, затем перешли на рысь, а потом снова увеличили темп. До наступления «сумерек» Анана и Маккей лишь два раза делали короткие остановки. «Ночь» они провели в лесу, сменяя друг друга на вахте. «Утром» животные подчинились людям с явной неохотой. Тем не менее, сломив их сопротивление ударами палки, Маккей оседлал «лосей», и путешественники отправились дальше. Однако изможденный вид мусоидов убедил Анану в том, что животные не выдержат и дня такой гонки.

К «полудню» они увидели своих преследователей. Те упорно приближались, но вскоре их фигуры начали таять в сгущавшихся «сумерках».

— Бедные животные! — воскликнула Анана.— Еще одна такая пробежка, и они свалятся. Думаю, скоро мы их потеряем.

— Давай бросим «лосей» и скроемся в лесу,— предложил Маккей.

Она тоже подумывала над этим. Но туземцы, как и их земные собратья, умели читать следы. Рано или поздно они поймали бы беглецов.

— Ты хорошо плаваешь? — спросила она.

Маккей удивленно заморгал и ткнул пальцем в сторону моря:

— Ты считаешь, что лучше... так?

— Вряд ли туземцы плавают лучше нас.

— Но ты же не знаешь этого наверняка. Конечно, я могу поплавать, однако на целый день меня не хватит. К тому же там могут водиться акулы или другие твари, похожие на них.

— Ладно, будем ехать, пока животные не упадут. Если туземцы нас догонят, поплывем. По крайней мере я точно поплыву. Побережье в этом месте изгибается дугой. Отплывем подальше, а потом вернемся к берегу, когда караван уйдет вперед на несколько миль.

— Я на это не подписываюсь, — сказал Маккей. — Давай лучше спрячемся в лесу.

— Поступай как хочешь.

Анана вытащила рог из седельной сумки и перекинула через плечо заранее привязанный ремень. Инструмент весил немного и почти не мешал двигаться.

К «утру» отряд воинов приблизился настолько, что Ана-не и Маккею снова пришлось пустить «лосей» в галоп. Истощенные мусоиды не могли сравниться в скорости с холеными гревиггами дикарей, и вскоре стало ясно, что через несколько минут преследователи поравняются с ними.

— Спрыгивай скорее! — закричала Анана. — Спрыгивай, пока они не упали, или ты сломаешь себе шею!

Она натянула поводья. Мусоид, задыхаясь и роняя пену, перешел на легкую рысь. Анана выпрыгнула из седла, упала и тут же вскочила на ноги. Мягкий песок смягчил падение. Через несколько секунд к ней присоединился Маккей.

— Что дальше? — закричал он, вытирая с лица налипший песок.

Отряд воинов находился всего в сотне ярдах, и расстояние это быстро сокращалось. Увидев, что враги спешили, туземцы радостно завопили. Часть отряда поскакала к лесу, чтобы отрезать беглецам путь к деревьям. Анана бросилась в волны и, зайдя в воду по пояс, быстро сняла

ботинки и порванные брюки. Маккей не отставал от нее ни на шаг.

— Ты же говорил, что спрячешься в лесу.

— Я передумал. Мне будет скучно без тебя.

Они поплыли, делая длинные размеренные гребки. Ана-на оглянулась и увидела преследователей, столпившихся на берегу и вопящих от ярости и бессилия. Некоторые бросали им вслед бумеранги и копья, но оружие уже не долетало до беглецов.

— Смотри-ка, а ведь ты угадала,— сказал Маккей, когда они поплыли по-собачьи.— Туземцы боятся глубины. Или знают, как опасны эти воды. Помнишь, я говорил тебе про акул...

Анана плыла, направляясь к горизонту. Бросив через плечо случайный взгляд, она вдруг вскрикнула и остановилась.

Они отплыли от берега уже довольно далеко. Но если этот рыжеволосый мужчина, нападавший на туземцев, не был Кикахой, то она просто сошла с ума. Рыжий Орк не отважился бы на такой безумный поступок.

А потом Анана увидела еще один большой отряд, выезжавший из леса. Туземцы скакали за Кикахой, но она не знала, погоня это или дружеская помощь.

Впрочем, Кикаха не настолько импульсивен, чтобы напасть в одиночку на двадцать воинов. И все же Анану терзали сомнения. А вдруг он тоже убежал из плена и теперь по воле случая нарвался на их преследователей. Как в той истории, где в воде крокодил, а в зарослях голодный тигр... Что бы там ни случилось, она должна ему помочь.

Анана повернула к берегу.

Глава 17

Выезжая из леса, Кикаха ожидал увидеть преследователей Ананы далеко впереди. Но, к его удивлению, они оказались всего в какой-то сотне ярдах. Многие из них, спрыгнув с «лосей», стояли у самой воды и громко кричали, указывая в море.

Осмотревшись по сторонам, он не заметил ни Ананы, ни Маккея.

Здравый смысл требовал развернуться и скрыться в противоположном направлении. Однако туземцы, в которых он тут же узнал индейцев, не зря толпились на берегу. Очевидно, жертвы ускользнули от них в море. И хотя Кикаха не видел Маккея и Ананы, те находились где-то недалеко. А племя тана отставало от него всего на двести—триста ярдов.

Решив не выдавать своего присутствия боевым кличем, Кикаха бросил бумеранг и вышиб из седла седовласого мужчину, сидевшего на гнедом мусоиде. Не успело тяжелое оружие попасть в висок туземца, как Кикаха перебросил копье из левой руки в правую, пришпорил «лося» и поскакал к группе вражеских всадников. Несколько воинов, увидев его приближение, разъехались в стороны, но один из них, высокий пожилой туземец, промедлил и не успел увернуться. Копье вонзилось ему в горло, и мужчина упал на песок. Вырвав оружие из тела поверженного врага, Кикаха перевернул древко и, используя его как дубину, раздробил затылок воина, подскакавшего сбоку на мерке.

Промчавшись мимо изумленных туземцев, он сделал крутой поворот и предпринял еще одну атаку. На этот раз Кикаха не стал продираться через их отряд, а направил мусоида между индейцами и лесом. Заметив воина, метнувшего бумеранг, он пригнулся, и оружие прожужжало над головой. Конец бумеранга едва не угодил в плечо. Припав к спине «лося», Кикаха вонзил наконечник в спину туземца, который только что вскочил в седло и оказался на его пути. Мужчина перекатился через плечо своего хикву, упал под копыта, а копье осталось в руке Кикахи.

К тому времени на берегу показались первые тана, и завязалась жестокая битва.

Сражение предвещало быстрый успех. Индейцы уступали в численности и были деморализованы, поскольку их застали, если не голыми, то со спущенными штанами, что по сути дела являлось одним и тем же. Но пока

оставшиеся пять индейцев яростно и безнадежно отбивали атаки, к шуму битвы прибавились новые крики.

Кикаха оглянулся, и с его губ сорвалось проклятие. К ним приближался большой отряд индейцев, количество которых раза в два превосходило тана. Через восемьдесят секунд им предстояло отразить первый натиск этой мощной группы.

Кикаха поднялся на стремянах и осмотрел морские волны. Поначалу взгляд натывался только на крупных белых амфибий. Внезапно Кикаха заметил голову и руки, мелькавшие над водой, а еще через несколько секунд увидел второго пловца.

По берегу носились мусоиды, потерявшие всадников. Трое животных стояли у кромки леса. Ветви кустов интересовали их больше, чем дела людей.

Вспомнив о делах людей, Кикаха задумался. Должен ли он отдавать жизнь, сражаясь за тана? Нет, не должен. Прежде всего, он им ничем не обязан. Это верно, что они приняли его в племя и сделали своим кровным братом. Но если бы он отказался подчиниться, туземцы предали бы его смерти. Они не оставили ему выбора. И Кикаха не считал себя чем-то обязанным им.

Еще раз привстав на стремянах, он помахал копьем двум пловцам, которые покачивались на волнах. Из воды поднялась белая рука и махнула в ответ. Он знал, что это рука Ананы. Кикаха показал копьем, что им надо плыть под углом — подальше от места схватки. Анана и Маккей тут же последовали совету.

«Вот и хорошо,— подумал Кикаха.— Они выйдут из воды, поймут двух пасущихся “лосей” и незаметно скроются в чаще. Однако им потребуется какое-то время, а если индейцы победят тана, этого времени не будет. Значит, я должен постараться изо всех сил и затянуть сражение».

Прокричав боевой клич, Кикаха пустил мусоида в галоп. Его копьё вонзилось в шею краснокожего, который только что сбил дубиной молодого тана. Выдернув копьё, Кикаха выругался: кремневый наконечник слетел с древка. Однако сожалеть было некогда. Оглушив еще одного индейца ударом по затылку, он ткнул ему в живот копьём и вытолкнул полуживого воина из седла.

А потом что-то ударило Кикаху по голове, и он в беспомощности упал на землю. Копыта разъяренных мусондов взбивали вокруг него песок. Несколько раз они пронеслись в опасной близости от его головы и тела. Рядом упал Тоини — тот юноша, который доставил ему столько хлопот. Кровь струилась по его лицу и груди, но молодой тана продолжал сражаться. Он, шатаясь, поднялся на ноги, бросил бумеранг в гущу вражеских воинов и снова упал от удара копытом.

Кикаха сел и покачал головой. Тело покрывала кровь. Наверное, ему пробили череп. Но слабость теперь была плохим помощником. Рядом с ним верткий индеец сбил тана тяжелым бумерангом и, увидев рыжеволосого воина, развернул для атаки «лося». Кикаха уклонился от копья, схватил индейца за руку и стащил с седла. Тот с криком упал на противника, и оба покатались по песку.

Кикаха впился зубами в нос краснокожего, а затем, нащупав рукой нужное место, попытался слепить два яичка в одно.

Закричав от боли, индеец перекатился на бок. Кикаха, лежа на спине, подтянул ноги к животу и изо всех сил ударил в лицо врага. Тело воина обмякло, и он затих.

Копыто «лося», скользя по руке, больно оцарапало предплечье. Кикаха отпрыгнул в сторону и чудом уцелел, когда над ним столкнулись два всадника. На него полилась кровь и «лосиный» понос. Песок набился в рот и глаза. Он пробрался на четвереньках сквозь гущу сражения, и его снова сбило наземь что-то острое и тяжелое. Скорее всего, это было копыто мусонда. Полуослепленный, Кикаха пополз дальше. Прямо перед его лицом в песок вонзилось копьё. Резь в глазах стала невыносимой. Он с криком вскочил на ноги и побежал к воде.

Прохладная влага остудила жар тела и вернула Кикахе зрение. Вынырнув, он увидел двух всадников, которые неслись прямо на него. Тана и индеец колотили друг друга бумерангами, а «лось»-самец теснил испуганную самку к воде. Если бы Кикаха остался там, где стоял, то вновь оказался бы под копытами животных. Нырнув и проскользнув грудью по песчаному дну, Кикаха всплыл на поверх-

ность в двадцати футах от берега. Еще раз взглянув на всадников, он узнал тана, которого загнали в воду. Это был вождь Вергенгет. В одной руке он сжимал нож Кикахи, а в другой — боевой бумеранг. На него наседали молодой и сильный воин. Руки вождя двигались медленно, будто налитые свинцом. А краснокожий уже усмехался, предвкушая победу.

Оставаясь по пояс в воде, Кикаха направился к ним. Когда он приблизился к мерке вождя, Вергенгет получил болезненный удар по руке. Его бумеранг упал под копыта «лосей». Вождь сделал выпад ножом, но промахнулся. Индеец дважды опустил свое оружие на голову пожилого воина.

Нож полетел в воду, и Кикаха метнулся за ним. Ладонь, скользнув по дну, нащупала холодную сталь. И тут на Кикаху свалилось тело вождя. От удара перехватило дыхание. Он сделал судорожный вдох, и вода попала ему в горло. Кашляя и задыхаясь, Кикаха поднялся, но тут же упал, сбитый с ног краснокожим воином, который спрыгнул со своего «лося». Кикаха попал в тяжелый переплет. Не успев отдышаться, он вновь погрузился в воду, пытаясь найти выпавший при ударе нож.

Приземистый соперник почти не уступал ему в силе и ловкости. Сжимая горло Кикахи, он занес над его головой тяжелый бумеранг. Кикаха, открыв глаза под водой, увидел нависшую смерть. Он саданул индейца в пах правым коленом, но в воде удар получился не очень сильным. Тем не менее лицо краснокожего скривилось от боли. Он взвыл и разогнулся, отпустив горло противника.

Кикаха начал задыхаться. Он попытался сесть, и в это время его левая рука коснулась чего-то твердого. Пальцы скользнули по лезвию и сомкнулись на рукоятке ножа.

Индеец вновь склонился над ним, стараясь схватить врага за горло. На этот раз он предусмотрительно стоял боком.

Кикаха вонзил ему нож в живот — чуть выше пупка. Лезвие вспоролось плоть; воин выронил бумеранг, и рука, протянутая к горлу, вяло упала. Индеец ошеломленно взглянул на Кикаху и, схватившись за живот, повалился в воду.

Откашлявшись и отдышавшись, Кикаха осмотрел поле боя. Два мусоида, принадлежавшие вождю и индейцу, убежали; Анана и Маккей находились футах в четырехстах от берега и быстро приближались. Индейцы, похоже, одерживали верх в битве. Но тут из леса выбежали остальные тана, включая женщин и дозорных, которые спустились со своих смотровых площадок. И под натиском свежих сил краснокожие дрогнули.

Сняв с Вергенгета пояс и ножны, Кикаха нацепил их на себя, поднял бумеранг и побежал к берегу. По колено в воде он обошел сражавшихся воинов, выбрался на песок и быстро проскользнул к кустам, где собрались «лоси», потерявшие всадников. При его появлении они пугливо разбежались, но ему удалось поймать пару животных и привязать поводья к кустам. Мимо проскакал еще один хикву без седока. Кикаха позвал его, и мусоид остановился. Зацепив поводья за толстый сук упавшего дерева, Кикаха побежал к воде, чтобы помочь выбраться на берег обессиленным пловцам.

От усталости Анана и Маккей едва держались на ногах и судорожно глотали воздух. Кикахе пришлось поддерживать их. Добравшись до кустов, оба пловца упали на песок. Их груди вздымались, как мехи кузнеца.

— Надо вставать, ребята,— торопил Кикаха.— Отдохнете в седле. Наши хикву заждались.

— Хикву? — удивленно спросила Анана.

— Да, господа. Ваши кони готовы унести вас от опасности.— Он указал на животных.

Анана удалось улыбнуться.

— Кикаха! Ты когда-нибудь можешь быть серьезным?

Он поставил Анану на ноги, и та, заплакав, обвила руками его шею.

— Кикаха, милый! Я думала, что уже никогда тебя не увижу!

— Я тоже очень рад нашей встрече,— ответил он,— но буду еще счастливее, когда мы уберемся отсюда.

Они побежали к животным, отвязали их от кустов и, вскочив в седла, помчались галопом. Шум сражения и крики людей затихли вдали. Обогнув широкий изгиб бе-

рега, всадники потеряли туземцев из виду. И только тогда перешли на быструю рысь.

Кикаха рассказал Анане о своих приключениях, благо-разумно упустив кое-какие незначительные подробности. Она тоже поведала свою историю, подправив ее слегка в одном из эпизодов. Конечно, они еще о многом хотели сказать друг другу, но решили отложить эту тему до лучших времен.

— Я понял, вам довольно часто приходилось сидеть на деревьях. А вы не видели случайно дворец Уртоны? — спросил Кикаха.

Анана покачала головой.

— Тогда нам надо взобраться на одну из гор, которые окружают море. Некоторые из них достигают пяти тысяч футов. Если мы поднимемся на такую высоту, местность будет просматриваться... О черт! Как давно я не вспоминал этой формулы. Ага! Границы видимости расширятся до девяноста шести миль.

Впрочем, это не важно. Главное, что мы будем видеть чертовски далеко. А дворец, по словам Уртоны, довольно большой. Если учесть, что горизонт этой планеты находится ближе, чем на Земле, наша вылазка в горы может привести к неплохому результату.

Анана тут же согласилась. Маккей не возражал, понимая, что в данном случае его голос не имеет большого значения, и покорно последовал за спутниками в лес.

Им потребовалось три дня, чтобы забраться на вершину конического пика. Сам подъем не составлял большого труда, но путешественники не видели причин для спешки. И людям и животным хотелось отдохнуть. Кроме того, какое-то время приходилось тратить на охоту. Анана и Кикаха отправились к горе, а Маккей, стреножив «лосей», остался у подножия присматривать за животными.

Последняя сотня футов оказалась самой трудной. Гора заканчивалась острым шпилем, который наклонялся то назад, то вперед. Остальная масса горы лишь слегка изменяла форму. И хотя шпиль снизу казался иглой, на его вершине имелась площадка размером с большой обеденный стол. Они поднялись на нее и, посетовав на отсутствие бинокля, осмотрели бескрайнее море.

Через какое-то время Кикаха признался, что не увидел ничего похожего на дворец.

— Я тоже,— сказала Анана и повернулась, чтобы окинуть взглядом пространство за прибрежными горами. И вдруг ее пальцы сжали ладонь Кикахи.— Смотри!

Он взглянул в указанном направлении.

— Не знаю. Это похоже на большую темную скалу или холм.

— Но она движется! — настаивала Анана.— Неужели не видишь?

Если бы объект находился хотя бы на полмили левее или правее, они бы его не заметили. Он выполз из широкого прохода между двумя коническими горами и начал перемещаться по длинному пологому склону. До гор не меньше двадцати миль, прикинул Кикаха и представил себе огромные размеры объекта.

— А ведь эта штука действительно может быть дворцом! — воскликнул он.— Прощай, морская страна! Мы отправляемся в погоню!

Однако дворец находился слишком далеко, и это обстоятельство смиряло его ликование. К тому времени, пока они спустятся к подножию, доберутся до следующего прохода и одолеют его, летающая крепость унесется еще дальше. Кроме того, две горы не могли служить надежным ориентиром. Не успеют они подъехать, как обе вершины исчезнут, разделятся на четыре части или сольются в одну горную цепь. Слишком уж легко потеряться в мире, где нет ни запада, ни юга, ни востока, ни севера.

Впрочем, позади останется прибрежная гряда. А она почти не меняла формы.

— Вперед! — сказал Кикаха и стал спускаться с края узкой площадки.

Глава 18

Через одиннадцать дней они выехали на равнину. Кикаха надеялся, что дворец все еще оставался в зоне видимости. Конические вершины, между которыми он исчез, стали похожи на гигантскую грудь. Подножие горы окружала глубокая лощина. Проливной дождь, который прошел

днем раньше, заполнил ее водой, и всадникам предстояло проехать десять лишних миль, огибая этот огромный ров.

Когда они приблизились к горе, та превратилась в конус. Ров начал мелеть, выплескивая воду на равнину. Анана предложила взобраться на вершину, чтобы отыскать дворец и определить направление. Подъем означал дополнительную задержку. Однако это было необходимо. Летающая крепость могла двигаться по прямой или по кругу. Она могла свернуть в любом направлении и даже оказаться сзади. Как говорил Уртона, дворец в автоматическом режиме двигался наобум.

Забравшись на вершину, друзья внимательно осмотрели окрестности. Вокруг простирались изменяющиеся равнины и хребты. Повсюду паслись стада зверей, и почти на каждом склоне виднелись темные полосы шагающих рощ и лесов. Справа у подножия далекой горы тянулась цепочка каравана — вереница крохотных фигурок животных и людей, спешивших на побережье.

Все трое уже начали терять надежду, как вдруг Кикаха увидел точку, которая медленно перемещалась впереди и могла оказаться и дворцом, и армией деревьев.

— Если бы это были растения, ты просто бы их не заметил, — сказала Анана. — Объект должен иметь приличную высоту, чтобы просматриваться на таком расстоянии.

— Надеюсь, он ее имеет, — отозвался Кикаха.

Маккей застонал. Он устал подгонять себя и животных. Он устал гоняться за недостижимым. Он устал, устал, устал...

А потом они снова отправились в путь. Их маленький отряд двигался гораздо быстрее дворца, но им приходилось останавливаться для охоты, еды, питья и сна. Каждый час летающая крепость удалялась от них на километр. Ее медлительный полет чем-то напоминал тупую устремленность черепахи, которая выползла в полуденный зной поискать себе самца. К сожалению, дворец не оставлял следов — он парил в полуметре над поверхностью планеты.

Следующие три дня они двигались под проливным дождем. Этот холодный небесный душ постепенно превратился в пытку. Кроме того, вода заполняла широкие ложбины, вынуждая путников объезжать озера и терять при этом силы и время.

На шестой день они снова увидели дворец, а чуть позже лишились мусоида Ананы. Пока люди спали, на «лося» набросился лев, и хотя хищника довольно быстро отогнали, раненого хикву пришлось добить. Его мясом путники питались несколько дней, а Анана ехала поочередно с одним из мужчин. И это еще больше замедлило их движение.

К концу шестнадцатого дня Кикаха и Маккей поднялись еще на одну гору и без труда отыскали дворец. Он находился почти на том же расстоянии, что и в прошлый раз.

— Неужели мы будем гоняться за ним по всей планете? — сердито проворчал Маккей.

— Если понадобится, то будем, — ответил Кикаха. — Ты становишься слишком раздражительным, Мак, и начинаешь действовать мне на нервы. Я знаю, что наша жизнь — не сахар, и, наверное, у тебя уже несколько месяцев не было женщины, но лучше закуси губу и перетерпи, старина. Отпусти пару шуток, прогуляйся немного...

— Может быть, тебе еще спеть песенку и сплясать негритянский танец? — мрачно съязвил Маккей.

— Как хочешь. Только знай, мы с Ананой делаем для тебя все, что в наших силах. И я настаиваю, чтобы ты изменил свое поведение. Иначе ты можешь оказаться в затруднительном положении или даже умереть. У нас есть шанс вырваться из этого мира — хороший шанс. Ты можешь вернуться на Землю, хотя, на мой взгляд, туда лучше не возвращаться. Там твоя жизнь состояла из убийств, насилия и воровства. Но если ты окажешься в другом окружении, оно изменит тебя целиком. Вот почему я считаю, что тебе лучше не возвращаться на Землю.

— Ты хочешь сказать, что мое раздражение мешает нам добраться до этого чертового дворца? Но каким образом? — возмутился Маккей.

— Все взаимосвязано, — с усмешкой ответил Кикаха. — Пока ты для нас двойная обуза. Мы с Ананой могли бы двигаться быстрее, если бы нам не приходилось тащить тебя на нашем «лосе».

— Вашем? — вскипел Маккей, и его мрачность переросла в открытую ярость. — Это она сидит на моем грегге!

— Потише, Мак! Давай разберемся. На самом деле «лось» принадлежал индейцам. И теперь, раз уж на то пошло, наш спор может разрешить сила. Тебе пояснить мои слова?

— Ты решил отделаться от меня?

— По логике, мне бы так и следовало поступить. Но мы все еще верим, что ты можешь стать нашим товарищем,— ответил Кикаха и внезапно закричал: — Поэтому прекрати скулить и стонать!

Маккей усмехнулся:

— Ладно. Я признаю, что ты прав. Мы уже не дети, чтобы обижаться на жизнь. Но это...— Он вытянул руки, указывая на Лавалитовый мир.— Это для меня чересчур.

Маккей немного помолчал, а потом тихо добавил:

— Обещаю исправиться. Я же понимаю, что вам двоим от меня мало радости.

— Вот и договорились,— с улыбкой ответил Кикаха.— Слушай, а я тебе еще не рассказывал, как мне приходилось скрываться в винном погребе? Ну, брат, это была история! Помню, заняли мы один французский городок, и тут, как назло, немцы пошли в контрнаступление...

Пролетело два месяца. Дворец по-прежнему маячил впереди. К тому времени до него оставалось каких-то десять миль. Несмотря на расстояние, дворец поражал своими размерами. Он возвышался на 2600 футов, чуть-чуть не дотягивая до полумили. Сторона квадратного основания составляла тысячу двести футов.

Рассматривая его очертания, Кикаха смутно различал отдельные архитектурные детали. По словам Уртоны, дворец был похож на летающий городок из сказок «Тысячи и одной ночи». Его украшали сотни башен, минаретов, куполов и арок. Время от времени поверхность летающей крепости меняла цвет. А однажды она засияла всеми цветами радуги.

Когда маленький отряд спустился с горы, дворец парил посреди огромной равнины. Далекие хребты, окружавшие ее с трех сторон, постепенно выравнивались. Стада антилоп, бродившие по склонам, сбегали в низину и смешивались с другими животными.

— Осталось совсем немного,— сказал Кикаха.— До края равнины около тридцати миль, и я думаю, мы его теперь поймаем. Будем гнать животных, пока они не упадут, а потом побежим на своих двоих. Надо догнать дворца во что бы то ни стало.

Двое его спутников согласились, но без особого энтузиазма. Они потеряли в весе; щеки запали, у глаз появились темные круги. Тем не менее все трое понимали, насколько необходимо это последнее усилие. Как только дворец достигнет гор, он легко заскользит по склону, сохраняя ту же скорость, что и на равнине. А вот его преследователям придется замедлить темп.

Спустившись со склона, они пустили «лосей» в галоп. Те бежали изо всех сил, и, хотя были в довольно плохом состоянии, расстояние сокращалось на глазах. Заметив стремительное приближение всадников, стада антилоп и газелей в панике разбегались в стороны. Хищники спешили воспользоваться испугом травоядных. Собаки, бабуины, «моа» и львы прыгали на пробежавших животных и сбивали их с ног. А всадники мчались за неуловимой целью, не обращая внимания на рев, лай и крики.

Вскоре Кикаха увидел впереди группу странных существ. Эти подвижные растения отличались от тех, что встречались прежде. По сути, они выглядели как огромные бревна-многоножки. Бледно-серые стволы двигались горизонтально. Из них торчали короткие, похожие на обрубки, ветви, с которых свисало по шесть-семь черно-зеленых листьев ромбовидной формы. С обеих сторон стволы заканчивались многорожковыми структурами, напоминавшим канделябр. Проезжая мимо одного из «бревноидов», Кикаха заметил, что на концах канделябров находились глаза — огромные человеческие глаза с ресницами, радужной оболочкой и зрачками. Они разворачивались по ходу движения двух «лосей», как будто растение провожало их взглядом.

Многие из этих странных созданий находились у них на пути. Каждый «бревноид» имел открытый и закрытый конец ствола.

Направив хикву подальше от них, Кикаха обернулся к Анане, сидевшей за его спиной.

— Что-то мне не нравятся их взгляды! — крикнул он.

— Мне тоже!

Внезапно один из «бревноидов», находившийся в пятидесяти ярдах от них, побежал вперед, направив на всадников открытый конец ствола. Резко остановившись, он опустил другой конец к земле, и его передние ноги начали телескопически выдвигаться вверх.

У Кикахи возникло неприятное впечатление, что на него нацеливают пушку. И через миг из черного жерла приподнятого конца действительно вырвалось облако дыма. Какой-то темный предмет, описав в воздухе дугу, упал в двадцати шагах от людей и взорвался, едва коснувшись рыжеватой травы. «Лось» фыркнул и побежал быстрее, словно страх перед живым оружием придал ему новые силы.

В ушах зазвенело, и Кикаха наполовину оглох. Однако он тут же узнал этот запах дыма. Черный порох! — Кикаха, у тебя идет кровь! — закричала Анана.

Он не чувствовал, куда его ранило. Кроме того, ситуация была такова, что останавливаться не приходилось. Кикаха пришпорил хикву и, понукая животное, крикнул. Но его крик утонул в грохоте дюжины взрывов. На какое-то время их окутало облако черного дыма. Но они вырвались из него и поскакали дальше.

Кикаха ничего не слышал. Руки Ананы по-прежнему обнимали его за талию, и он чувствовал, как ее грудь прижимается к его спине.

Бросив взгляд через плечо, он увидел Маккея, который выехал из облака черного дыма. Внезапно следом за ним вылетел черный предмет, похожий на большую раковину. Упав позади отставшего всадника, он с грохотом взорвался, и в вихре дыма полыхнуло яркое пламя. Хикву негра подбросило в воздух. Задние копыта взлетели выше головы, и Маккея выбросило из седла. Он упал на землю и покатился кувырком, рядом с ним свалилось большое тело мусоида.

Маккей вскочил на ноги и побежал.

Натянув поводья, Кикаха остановил «лося».

Сквозь стелющийся дым он видел, как дюжина растений вновь поднимали открытые концы, нацеливая их

на людей Из стволоподобных жерл вылетели еще два снаряда и упали позади Маккея на расстоянии сорока шагов. Негр бросился на землю, но слишком поздно, чтобы уберечься от осколков. Тем не менее он поднялся на ноги и снова побежал.

На месте разрывов в земле остались две небольшие воронки.

Каким-то чудом «лось» Маккея не сломал себе ни шеи, ни ног. Он, шатаясь, поднялся, оскалил большие длинные зубы, а затем, выпучив от боли и страха глаза, промчался мимо Маккея. Тот прокричал вслед животному проклятие, которое Кикаха так и не услышал.

Анана соображала быстрее всех. Выпрыгнув из седла, она махнула Кикахе рукой, зная, что тот ничего не слышит. Кикаха ударил пятками по бокам «лося» и поскакал за обезумевшим мусоидом. Погоня продолжалась довольно долго и закончилась только тогда, когда хикву Маккея остановился. Пена, вылетающая изо рта, запачкала ему всю грудь. Потные бока раздувались, как кузнечные мехи. «Лось» повалился на землю, перекатился на бок и умер.

Его круп и ноги покрывала кровь.

Кикаха подъехал к Анане и Маккею, спустился на землю и торопливо осмотрел их кровоточившие раны. В спине у каждого торчало около двух десятков мелких колючек, впившихся в кожу. Только теперь он почувствовал, как из ран на правом предплечье по руке стекает кровь.

Схватив ногтями колючку, Кикаха вытащил ее, обтер пальцами кровь и осмотрел эту шестиконечную кристаллическую звездочку.

— Такой дьявольской шрапнели я еще не видел, — произнес он.

Но его никто не услышал.

Дым рассеялся, и растения, которые он тут же назвал дробоябрами, убедились в том, что их снаряды не попали в цель. Они медленно направились к ближайшему стаду, перебирая сотнями пар ног с плоскими стопами, и через пятнадцать минут Кикаха стал свидетелем новой атаки. Несколько растений окружили слоненка и, выпустив по два-три ядра, свалили его наземь. После этого

«бревноиды» вскарабкались на труп и начали терзать его саблевидными когтями. Верхние гибкие ветви засовывали куски мяса в небольшие отверстия по бокам стволов.

Хорошо, что «лось» Маккея упал довольно далеко, и эти твари его не заметили.

Около десяти минут все трое путешественников, морщась и ругаясь, выдирали друг у друга из тел «чертову шрапнель». После того как на раны были наложены широкие травинки, кровотечение остановилось.

— С каким удовольствием я привязал бы Уртону к одной из этих пушек, — сказал Кикаха. — Да чтоб ядро воткнулось как раз ему в голый зад. Только отъявленный садист мог придумать таких чудовищ.

Кикаха не представлял себе, каким образом эти существа могли превращать обычную пищу в черный порошок. Для изготовления взрывчатки требовались древесный уголь, сера, натрий или калий-нитрат. Еще одна тайна состояла в том, как твари «выращивали» раковины-ядра. Кроме того, им требовалось как-то воспламенять заряд.

Однако о научных исследованиях пришлось забыть. «Бревноиды» отняли у них полчаса, а Маккей остался без «лося».

— Теперь слушайте меня внимательно, — сказал Кикаха. — И давайте обойдемся без споров. — Он отдал поводья Анане. — Садись в седло и скачи за дворцом, как черт! Ты самая легкая из нас — значит, тебе и ехать. Выжми из мусоида все, что только можно. Сначала я думал, что нам с Маккеем лучше бежать, держась за стремяна. Но с такими ранами мы быстро истечем кровью, так что все надежды на тебя.

Поезжай, Анана. Если догонишь дворец, попробуй пробраться внутрь и остановить его. Шанс невелик, но лучшего не придумать. А мы пойдем за тобой следом.

— Хороший план, — сказала Анана. — Пожелайте мне удачи!

Она крикнула: «Хик-хи-и!», что на языке вендов означало «Вперед!», и мусоид помчался как стрела. Подхлестнув его поводьями, Анана пустила животное в галоп.

Маккей и Кикаха тронулись в путь. Зеленые мухи облепили их раны. Позади раздавалась канонада. Взяв в

кольцо небольшое стадо антилоп, дроболябры обстреливали животных ядрами.

Прошел час. Мужчины бежали трусцой, но тяжесть в ногах и хриплое дыхание все больше убеждали их, что пора переходить на шаг. Дворец становился все больше и больше. Они упорно догоняли его. Крошечная фигурка Ананы на скачущем мусоиде слилась с травой и затерялась на фоне огромной рыжеватой равнины.

Мужчины остановились и напились затхлой воды из меха, который Маккей снял с погибшего хикву.

— Эх, парень, если она не догонит дворец, мы останемся здесь на всю жизнь,— сказал Маккей.

— Эта махина может изменить маршрут и полететь к нам навстречу,— возразил Кикаха, но в его голосе больше не слышалось оптимизма.

Не успел он поднести мех к губам и сделать первый глоток, как земля под ногами задрожала. Не обращая на это внимание, Кикаха утолил жажду и передал мех Маккею. Однако в отличие от обычных мутаций почвы небольшая вибрация переросла в настоящее землетрясение. Мужчины с трудом держались на ногах. Поверхность равнины стала похожа на огромный кусок желе, который сотрясала рука гиганта. Эффект получался жуткий; людей стало мутить.

Маккей растянулся на земле. Кикаха решил, что ему лучше сделать то же самое. Он не хотел тратить силы на бесполезные попытки устоять на ногах. Тем не менее ему удалось повернуться лицом к дворцу. Взглянув в этом направлении, Кикаха понял, что их постигла неудача. Равнина казалась бушующим морем земли. И конечно же, Ана больше не могла преследовать дворец.

Толчки усиливались и учащались. Животные бежали с гор, считая их более опасным местом. Стаи птиц поднялись в воздух, и небесный бульон усеяли миллионы маленьких перчинок, которые вскоре образовали одно огромное облако. А потом вся эта армада полетела в сторону дворца.

Внезапно Кикаха увидел точку, которая приближалась к ним. Через несколько минут на спине крохотного мусоида он рассмотрел и Анану. Вскоре обе фигуры раздели-

лись и покатались по земле. Поднялась только Анана. Она побежала к спутникам — вернее, попыталась бежать. Позади нее вздымались волны земли, покрытые рыжевато-красной травой. Они подталкивали Анану, та падала на четвереньки, вставала и тут же падала снова. Кикаха поднялся на колени, чтобы не упустить ее из виду, но она исчезла за большим валом, словно маленькая лодочка, затерявшаяся в бушующем море.

— Мне плохо, — прохрипел Маккей, и его вырвало.

До этого момента Кикахе еще как-то удавалось сдерживать спазмы тошноты. Но потуги Маккея вызвали рвоту и у него самого.

В тот же миг его булькающий кашель потонул в ужасном грохоте. Казалось, весь мир трещит по швам. Впервые в жизни Кикаха испытал подобный ужас, но, несмотря на это, полуоглушенный и ошеломленный, он поднялся на четвереньки и пополз навстречу Анане. Кикаха не видел ее, но он мог видеть ту опасность, которая неудержимо надвигалась на них.

Поверхность долины разорвалась словно лист бумаги. Края расщелины начали расходиться в стороны как раз за тем местом, где он последний раз видел Анану. И ее в любую секунду могло втянуть в гигантскую трещину.

Вскочив на ноги, Кикаха закричал:

— Анана! Анана!

Он побежал к ней, но очередной толчок подбросил его с такой силой, что ноги взлетели в воздух. Упав на землю, Кикаха заскользил на животе по скату огромного вала. Вскочив, он вскарабкался наверх, и там, на вершине бугра, его взору предстало зрелище, которое могло свести с ума любого человека. Кикаха затряс головой. Но кошмар не исчезал. Далекие горы в одно мгновение провалились под землю, словно планета, раскрыв огромную пасть, проглотила их.

А потом он понял, что горы остались на месте.

Кикаха закричал от отчаяния. Земля, на которой он стоял, поднималась вверх.

Они оказались на том куске планеты, которому предстояло стать временным спутником. Их уносило к багровому небу — все дальше и дальше от желанной цели.

Дворец исчез внизу. Когда Кикаха видел его в последний раз, тот парил на другой стороне разлома — в какой-то миле от края бездны.

Глава 19

Отлетев от материнского тела на сотню миль, кусок планеты вышел на временную — и тем не менее стабильную — орбиту. Здесь ему предстояло пробыть около четырехсот дней, после чего меньшая масса должна была упасть на большую — а точнее, медленно опуститься.

Плотность воздуха не изменилась. Атмосферное давление на высоте 528 000 футов оставалось таким же, как на поверхности планеты. Уртона не стал вдаваться в физические принципы этого феномена. Вполне возможно, он и сам их не знал. В свое время он составил подробную спецификацию требуемой вселенной, а пара наемных ученых сделали за него всю остальную работу. Десять тысяч лет назад Черные Звонари нанесли властителям жестокий удар, погубив ученых и тем самым лишив их расу знания. Но уникальное оборудование действовало до сих пор и, вероятно, будет действовать до конца существования всех этих вселенных.

Когда обломок оторвался от планеты, с ним начали происходить большие изменения. За двенадцать дней клиновидный кусок превратился в шар, и этот процесс трансформации унес жизни многих существ, которым довелось оказаться на новой луне. Те, кто выжил, носились как уторелые, стараясь выбраться из зоны катаклизмов. Широкие провалы смыкались, как акульи пасти, погребая под землей растения и животных. Тепловая энергия, вызванная интенсивными преобразованиями, становилась иногда просто невыносимой. К счастью, ее смягчали непрерывные проливные дожди.

Две недели Кикаха и его спутники чувствовали себя как в турецкой бане. Они мечтали об отдыхе и полноценном сне, но им все время приходилось передвигаться, причем довольно энергично.

Их во многом спасала слабая гравитация. Спутник представлял собой одну шестнадцатую массы всей планеты,

поэтому поглощение энергии здесь происходило очень быстро и интенсивно. Кроме того, вокруг них валялось столько трупов и мертвых растений, что им почти не приходилось охотиться и добывать себе пищу. Особым предметом питания стали летающие семена. Пока спутник поднимался по спирали на орбиту, каждое растение рассеяло вокруг себя сотни семян. Благодаря волокнистым парашютикам и пуху их разносило ветром во все стороны — некоторые дрейфовали к материнскому миру, другие опали на поверхность луны. Несмотря на маленькие размеры, пара десятков семян заменяла любой высококалорийный овощ. В пищу годились даже пух и пленчатые крылышки.

— Природа и Уртона использовали катастрофу как стимул для размножения растений, — подытожил Кикаха.

Когда метаморфозы почвы затихли, а трупы стали смердеть, людям пришлось охотиться. Используя слабую гравитацию и совмещая бег с прыжками, они освоили новый способ передвижения. Однако животные, получив пропорциональное преимущество в скорости, по-прежнему оставались недостижимыми. Тогда Кикаха решил испытать болу, которую он сделал из трех черепов антилоп и кожаного ремня. Первая же попытка принесла успех. Оружие, раскрученное над головой, заскользило над землей и опутало ноги жертвы. Маккей и Анана изготовили себе такие же болы и быстро принаровились их метать. Благодаря им они даже поймали нескольких диких «лосей».

Семена, упавшие на поверхность луны, пустили корни, и вокруг зазеленела новая поросль. Почва в зоне будущих рощ побелела от поглощенных питательных веществ. У побегов вскоре отросли ноги, и растения, вытянув или оборвав корешки, двинулись на более плодородные земли. Чуть позже слабые ноги отпали, и их заменили новые, более сильные и длинные конечности. После трех перемещений, выпустив основные корни, растения оставались неподвижными до достижения полной зрелости. По земным стандартам все это произошло удивительно быстро.

Поросль оказалась любимым лакомством слонов, «лосей» и других животных. Тем не менее из уцелевших ра-

стений сформировались многочисленные рощи подвижных деревьев и кустов.

Помимо обычных проблем с бабуинами, собаками и хищниками кошачьей породы троих людей тревожили огромные птицы, которых они никогда до этого не видели. При сравнительно небольших телах размах крыльев достигал пятидесяти футов. На огненно-красной голове птицы выделялись круглые желтые глаза и длинный загнутый клюв зеленого цвета. Голубоватые крылья и синее тело контрастировали с ярко-желтыми короткими толстыми лапами. Птицы спускались на землю только после сумерек. Они сбивали с ног какое-нибудь животное и уносили свою жертву к далеким скалам. При сравнительно небольшой гравитации они могли бы поднять в воздух и человека. Дважды одна из них пыталась поймать Анану. В последний раз женщину спас лишь своевременный крик Кикахи. Анана упала на землю, и когтистые лапы пронеслись над ней всего лишь в нескольких дюймах.

— Я не могу понять, где она живет, когда здесь нет сателлита,— сказал Кикаха.— Если она опустится на поверхность планеты, ей уже никогда не удастся взлететь. Так чем она питается в паузах безлуния?

— Скорее всего, летает вокруг, перебивается за счет запасенного жира и ждет, когда от планеты отвалится новый кусок,— ответила Анана.

Они замолчали, представив себе стаю огромных птиц, которые парят в воздухе на высоте пятидесяти миль. Большую часть времени эти гиганты проводили во сне, ожидая момента, когда планета пошлет им мясо на блюде размером с огромную луну.

— Да, но им надо спариваться и выводить птенцов,— воскликнул Кикаха.— А значит, где-то в горах у них есть гнездовье. И мне бы хотелось узнать, где оно находится.

— Зачем тебе это?

— У меня возникла одна идея, но она может показаться вам слишком сумасбродной. Я пока не буду говорить о ней. Она приснилась мне прошлой ночью.

Внезапно Анана схватила его за руку и указала вверх. Он и Маккей подняли головы. В полумиле над ними парил дворец.

Они молча стояли, наблюдая за летающей крепостью, пока она не исчезла за высокими горами.

Кикаха печально вздохнул.

— Как видно, дворец в автоматическом режиме управления совершает облет каждого спутника. Уртона заложил это в программу для того, чтобы наблюдать за событиями на луне. Черт! Так близко, и так далеко.

Очевидно, катаклизмы на луне и гибель многих людей и животных приводили садиста-властителя в экстаз. Вряд ли он сам когда-нибудь спускался на поверхность луны.

«Интересно, — подумал Кикаха, — как Уртона удовлетворял свои сексуальные потребности? Наверное, похищал время от времени туземок, использовал их и отправлял на спутник. Или выбрасывал женщин с балкона дворца, а затем смотрел, как они падали сотню миль, и даже, возможно, летел следом, наслаждаясь их ужасом и криками.

Теперь это неважно. Уртона и его жертвы мертвы. Жаль, что и нам не выжить при спуске спутника на планету».

Анана вспомнила разговор, который состоялся за месяц до этих событий. Уртона рассказывал, что спутник перед спуском снова меняет форму. Превратившись из шара в параллелепипед*, спутник обычно делает еще пять витков вокруг планеты, а затем начинает спускаться по спиральной орбите к тому месту, где снова становится частью материнского мира.

При столкновении шанс на выживание имели только те животные, которые находились на верхней части луны. Остальным суждено было найти смерть под тоннами земли. Такая же участь ожидала и тех, кто обитал в зоне предстоявшего присоединения спутника. Однако Уртона предусмотрел для них небольшую возможность спасения. Он наделил животных инстинктом, который изгонял их из опасной области. Луна приближалась к планете несколько дней, и животные, отмечая определенные характеристики ее траектории, интуитивно знали, когда покидать свои места. К сожалению, убежать могли лишь те, кому посчаст-

* Ранее Фармер утверждал, что падающий спутник имел форму двух выпуклых линз, сложенных вместе. Очевидно, в лавалитовом мире небесный «кирпич» смотрелся снизу как вытянутый овал.

ливилось оказаться у внешних границ обреченной зоны. Остальным не хватало времени.

Медлительные растения даже не пытались бежать. Инстинкт заставлял их разбрасывать летающие семена, а затем они обреченно ждали падения сателлита.

Выслушав Анану, Кикаха начал перебирать все известные ему формулы для расчета орбиты. Он хотел определить, на какой стороне луны они окажутся, когда шарообразный спутник превратится в параллелепипед. В основном его интересовала верхняя грань небесного тела.

— Это пока невозможно узнать,— сказала Анана.— Нам остается надеяться только на удачу.

— Я полагался на нее и в прошлом,— ответил Кикаха.— Но пора брать дело в свои руки. Удача — штука скользкая, и на нее не стоит особо рассчитывать.

С тех пор дни и ночи напролет он размышлял над планом спасения.

Луна медленно вращалась, совершая полный оборот за тридцать дней. В небе висело огромное тело планеты, на котором зияла зараставшая рана, образовавшаяся при отрыве спутника. Возможно, им даже повезло, что они оказались на луне, а не рядом с колоссальной брешью, где теперь располагалась зона чудовищных мутаций. Когда облака рассеялись, они увидели гигантский разлом, уходивший к самому центру планеты. Размеры лавин поражали воображение. Пласты земли поднимались и оседали, как кипящее варево в котле. Смещение слоев и подгонка почвы сопровождалась мощными землетрясениями. Прибрежные области океанов страдали от цунами. А вместе с землей дрожали сердца и души обитателей Лавалитового мира.

— Я представляю, какое наслаждение испытывал Уртона, наблюдая за этим катаклизмом из своей летающей крепости,— сказал Кикаха.— Мне бы очень хотелось, чтобы он оправился от твоего удара, Анана. Тогда бы он оказался сейчас в эпицентре мутаций и познал весь тот ужас, который заставлял испытывать свои создания.

Однажды утром Кикаха рассказал друзьям о замысле, суть которого уловил во сне. Идея заключалась в том, чтобы удрать с луны, не дожидаясь ее падения. Анана и Мак-

кей нашли его план замечательным и тут же приступили к выполнению проекта. Прежде всего трое смельчаков отправились к гнездовью гигантских птиц, которых Кикаха прозвал голубыми рухлями*.

Взобравшись на вершину горы, они обнаружили пологую ложбину, в которой птицы отсыпались в течение дня.

Кикаха, Маккей и Анана спустились по склону и подкрались к трем спавшим рухлям. Каждый из них нанес точный удар заостренными копьями, пронзив мозг птиц через широкие глазницы. Затем они спрятались под крылом мертвой рухли и дождались, когда другие птицы улетят на охоту. Отрезав крылья и хвостовое оперение, трое людей отнесли свою добычу в лагерь.

— А зачем они нам? — спросила Анана.

— Из этих крыльев и перьев мы сделаем планеры. Нам останется только прикрепить их к деревянным фюзеляжам и...

— Извини, — с улыбкой произнесла Анана. — Ты никогда прежде не говорил мне, что имел дело с планерами.

— В общем-то, я не имел с ними дел. Но мне доводилось кое-что читать о планеризме, Я даже прошел начальный инструктаж в летном клубе. К сожалению, у меня тогда кончились деньги, и мне не удалось приступить к практическим занятиям.

— А я не летала на планерах около тридцати лет, — сказала Анана. — В свое время мне нравилось это занятие, и у меня за плечами не меньше трех тысяч полетов.

— Вот здорово! Значит, ты покажешь нам, как их делать, а потом научишь летать. В моем сне мы прикрепили к фюзеляжу хвостовые перья, затем привязали к костям крыльев деревянные планки и управляли ими с помощью сыромятных ремней...

— А как ты обеспечишь центрирование? — перебила его Анана.

— Перемещением веса — так, как это делали Джон Монтгомери, Перси Пилчер, Отто и Густав Лилиентелы. Они висели под крыльями на ремнях или на особом сиденье. Правда, Джон, Отто и Перси погибли.

* По аналогии с птицей Рух.

— Я рад, что тебе все это только приснилось,— сказал Маккей.

— Да? А ты разве не знал, что сны являются трамплином в реальность?

Маккей застонал:

— Черт! Я ведь догадывался, что ты говоришь серьезно.

Глядя на него, Анана едва удержалась от смеха.

— В принципе, мы могли бы сделать планеры из дерева и шкур антилоп,— сказала она.— Здесь, на луне, они летали бы за милую душу. Однако в условиях планетарного притяжения им не продержаться в воздухе и секунды. Поэтому не стоит ломать над этим голову.

Конечно, мы можем спрыгнуть со склона горы и пролететь какое-то расстояние, но при отсутствии восходящих потоков нам не удастся подняться на большую высоту. На луне нет вспаханных полей и асфальтированных магистралей, а значит, не будет и термальных потоков.

— Но какой тогда смысл спорить об этом? — спросил Маккей.

— В споре рождается истина,— ответила Анана.— Лучше давай спросим Кикаху, как он собирается преодолеть притяжение луны?

— Очень просто. Но сначала вспомните теорию относительности. Чем выше наша ракета взлетит с луны, тем ниже она опустится к поверхности планеты. Попад в поле планетарного притяжения, мы тут же начнем падать, а значит, нам уже не надо будет подниматься.

— Какая ракета? О чем ты говоришь? — забеспокоился Маккей.

И у него имелась причина для волнений. Этот рыжеволосый парень из-за своей страсти к риску не раз загонял его в опасные ситуации.

— Я расскажу вам, как это происходило в моем сне. Нам удалось найти и убить четверых дроболябров. Мы притащили их в лагерь, обрубив ветви и глазные стебли, а потом придали им обтекаемую форму...

— Подожди минуту,— вмешалась Анана.— Теперь я понимаю, что ты задумал сделать. Тебе захотелось превратить эти деревянные пушки в реактивные джозы. С их помощью ты решил поднять планер на необходимую высоту и преодолеть притяжение луны, верно?

Он кивнул. Анана захохотала.

— Но это же сон! — закричал Маккей.

Кикаха предпринял еще одну попытку:

— Послушайте, я все продумал. Это можно сделать. Единственное, что нам остается...

— Твой механизм пригоден только для полетов во сне, — сказала Анана. — Наяву же он не выдерживает ни малейшей критики. Как ты собираешься контролировать возгорание пороха? Подумай сам! Чтобы набрать достаточную высоту, тебе придется загнать в ствол целую бочку пороха. Но когда ты подожжешь фитиль, заряд взорвется, и взорвется сразу. Внезапное ускорение оторвет планер от ракеты, разрушит фюзеляж, а заодно убьет и тебя.

— Неужели это так нереально? — покраснев вскричал Кикаха. — Но нам нельзя сдаваться, Анана. Ты должна придумать способ, с помощью которого мы могли бы контролировать взрывы.

— У нас нет необходимых материалов. Успокойся, Кикаха. Это был прекрасный сон, но... только сон.

— Хорошо, что хоть у твоей женщины сохранился рассудок, — сказал Маккей. — Как ты только умудрился дожить до таких лет?

— Наверное, потому что многие из моих диких идей так и остались неисполненными. Я ведь только наполовину сумасшедший. И все же, ребята, нам надо убираться отсюда. Рано или поздно луна начнет менять форму, и, если мы окажемся на нижней стороне, нас просто расплющит в лепешку.

Наступило долгое молчание. Наконец Анана сказала:

— Ты прав. Пора что-то делать. Мы должны найти материалы для изготовления планеров — причем таких, которые могли бы летать в условиях планетарного притяжения. Но чтобы освободиться от гравитации луны, нам понадобится что-то еще. И я пока не вижу...

— Воздушный шар! — закричал Кикаха. — Он поднимет и нас и планеры!

Кикаха не сомневался в том, что они найдут подходящие материалы для изготовления летательных средств. Тем не менее он считал, что подъем надо отложить до финальной трансформации луны. Вытянутая форма сател-

лита сделала бы местную гравитацию более слабой, а значит, воздушный шар обрел бы большую подъемную силу.

Анана, оценив его предложение, напомнила мужчинам об опасностях, которым они подвергли бы себя во время катаклизмов. Во-первых, они могли погибнуть. Во-вторых, их мог подвести воздушный шар, и у них просто не осталось бы времени, чтобы собрать новые материалы. В-третьих, преобразования почвы создали бы целый букет непредвиденных проблем.

Кикахе пришлось согласиться с неоспоримой логикой Ананы.

Вскоре их разговор перешел на планеры. Немного подумав, Анана предложила использовать вместо них парашют «летающее крыло». Она объяснила, что этот тип парашюта совмещал в себе элементы планера, благодаря которым полет становился в какой-то степени контролируемым.

— Однако мы по-прежнему будем зависеть от материалов,— говорила она.— Воздушный шар можно сделать из шкур антилоп. С учетом слабой гравитации он вполне мог бы поднять нас на необходимую высоту. Но как мы будем скреплять полоски шкур? Сшивать их нельзя, иначе горячий воздух начнет выходить через отверстия и швы. А клейких веществ нам здесь, пожалуй, не найти. Одним словом...

Внезапно Маккей закричал. Анана и Кикаха повернулись и посмотрели в том направлении, куда он указывал.

Выползая из-за пирамидальной горы, к ним медленно приближался гигантский объект. Он величественно парил в двухстах футах над поверхностью равнины. И, взглянув на его очертания, Кикаха тут же узнал дворец Уртоны.

Через два часа летающая крепость поравнялась с ними. Чтобы рассмотреть ее сверху донизу, им пришлось отбежать в сторону. Однако зрелище стоило того. На первый взгляд казалось, что дворец вырезан из монолитной скалы или материала, похожего на камень. Каждые пятнадцать минут поверхность меняла цвет. Перебрав весь спектр, она вспыхивала радужным блеском голубого, белого, зеленого и розовато-красного оттенков, а затем цикл начинался сначала.

Над стенами возносились башни, минареты и шпили. Повсюду виднелись окна и двери — шести- и восьмиугольные, квадратные, круглые и ромбовидные. На плоском днище имелось несколько огромных иллюминаторов. Насчитав двести балконов, Кикаха сбился со счета.

— Я знаю, что нам туда не пробраться,— сказала Ана-на.— Но мне хочется испытать наш рог.

Она протрубила семь нот. Как они и ожидали, на стенах дворца не оказалось врат. Во всяком случае, сияющих пятен на них не появилось.

— Жаль, что вы не вытрясли из Уртоны кодового слова,— сокрушался Кикаха.— Вам надо было подержать его над костром, и он бы все сказал.

— В нашей ситуации это не помогло бы,— ответила Ана-на.

— Эй! — закричал Маккей.— Вон там! Смотрите!

В одном из окон нижнего ряда виднелось лицо — лицо человека.

Глава 20

Они видели лишь верхнюю часть фигуры, однако даже на таком расстоянии было ясно, что это не Уртона и не Рыжий Орк. Круглое огромное окно не позволяло судить о росте мужчины, но он был молод, красив и статен. Коричневые волосы, гладко зачесанные назад, придавали его лицу какое-то грустное выражение. А такого костюма Кикаха вообще никогда не видел. Ана-на сказала, что этот стиль исчез из моды властителей несколько тысячелетий назад. Жакет поблескивал пульсирующими огнями, словно ткань состояла не из нитей, а из тонких неоновых трубок. Кружевная рубашка имела открытый ворот.

Заметив их, мужчина перебежал к другому окну. Когда дворец пролетел мимо троих людей, незнакомец помчался вдоль застекленной галереи. Они видели его силуэт, мелькавший в окнах первого этажа. Выбившись из сил, мужчина прижал лицо к стеклу и печально махнул рукой. Через какое-то время он исчез из виду.

— Ты узнала его? — спросил Кикаха.

— Нет, но это ничего не значит,— ответила Ана-на.— Властителей все еще очень много. Кроме того, даже если

мы с ним когда-нибудь виделись, я могла забыть его. Десять тысяч лет — не шутка.

— То есть ты его не знаешь, — подытожил Кикаха. — А вдруг он вообще не властитель! Возможно, парень попал во дворец случайно и теперь не может выбраться. Ты же видела, как он заинтересовался нами. Но почему он не перевел управление на себя и не остановил дворец?

Анана пожала плечами:

— Откуда мне знать?

— В общем-то, я и не ждал от тебя ответа. Скорее всего, парень вообще не может управлять дворцом. А значит, он попал в ловушку. Точно — он либо пленник, либо слуга Уртоны.

— Есть и третий вариант. Допустим, он нашел центр управления, но боится войти туда, потому что знает о смертельной ловушке.

— Возможно, этот парень придумает какой-нибудь способ впустить нас во дворец, — сказал Маккей.

— К тому времени он уже не сможет нас отыскать, — возразила Анана. — Даже при большом желании.

— Почему? Летающая крепость совершает облет луны, — настаивал Кикаха. — И на следующем заходе он может...

Анана покачала головой:

— Сомневаюсь, что дворец будет оставаться на той же орбите. Скорее всего, он вращается по спирали.

На планете дворец передвигается лишь в нескольких футах от земли. Здесь же он по каким-то причинам парил в двухстах ярдах над поверхностью. По мнению Ананы, Уртона установил автоматический контроль для того, чтобы дворец мог сопровождать луну во время ее падения.

— Вот увидите, он будет спускаться вместе с ней, но на таком расстоянии, чтобы не пострадать при столкновении.

— Но тогда столкновение не должно быть слишком сильным. Возможно, поверхность планеты выгибается при этом на сотню-другую футов. А что, если луна упадет на горы?

— Даже представить себе не могу. И все же у Уртоны имелись какие-то причины поднимать дворец на такую

высоту. Жаль, но тем самым он вновь лишил нас возможности проникнуть в его крепость.

Дворец они больше не видели. По-видимому, он действительно совершал облет луны по спиральной орбите.

Встреча с дворцом послужила своеобразным стимулом. С тех пор путешественники не покладали рук ни днем, ни ночью. Большую часть времени занимала охота. Они убивали деревья и гонялись за антилопами. Потом мужчины обрубали ветви и обстругивали стволы, нарезали полосы из шкур убитых антилоп и выскабливали их ножами. Качество выделки оставляло желать лучшего, но Анана не унывала. Изготовив деревянные иглы, она сшивала шкуры друг с другом, а затем придавала широкому полотнищу треугольную форму. Чуть позже она натянула треугольный парус на деревянный остов, и в результате получился дельтаплан. Вместо тросов использовались ремни из сыромятной кожи.

Для управления планером Анана решила собрать деревянную трапецию. Но, несмотря на все усилия, им так и не удалось скрепить по углам три тонкие планки — вернее, крепление оказалось очень ненадежным и могло развалиться при резком рывке или продолжительной нагрузке.

И тогда вместо трапеции Анана остановила свой выбор на параллельных планках. По ее идее, пилот должен был пропустить первую пару планок под мышками, повиснуть на них и ухватиться руками за вторую верхнюю пару. Управление осуществлялось с помощью перемещения веса.

Собрав эту ветхую конструкцию, Анана нахмурилась.

— Я не знаю, выдержит ли каркас нагрузку. Надо устроить пробный полет.

На планете ей потребовался бы разбег, но гравитация луны во многом упростила задачу. Она заняла положение под планером, присела и, поймав порыв ветра, подпрыгнула вверх. Поднявшись футов на тридцать пять, Анана сделала изящный поворот, пролетела небольшое расстояние и приземлилась.

Когда двое мужчин подбежали к ней, она засмеялась и сказала:

— Господа, сенсация века! Состоялся успешный полет первого в истории этого мира шкуроплана.

Сделав еще несколько пробных прыжков, она довела дальность перелета до двух миль. Потом они вернулись в лагерь, пообедали, и Кикаха после подробной инструкции — возможно, двадцатой за эти дни — испытал себя в роли пилота. Затем его сменил Маккей. Мужчины вошли в азарт, и все трое посвятили полетам целый день.

— Завтра мы снова будем практиковаться на равнине, — сказала Анана, — а еще через день поднимемся в горы и освоим настоящий пилотаж. Вы должны привыкнуть к длительным полетам на большой высоте. Я не жду от вас профессионализма. Но вам следует обрести уверенность в своем умении управлять дельтапланом.

На пятый день практических занятий они перешли к виражам. Анана советовала приступить к поворотам только после хорошего разгона, поскольку планер при крене быстро терял ходовую скорость. Любая ошибка могла привести к падению. Однако Кикаха и Маккей неукоснительно выполняли предписания Ананы и раз за разом удачно спускались на грунт.

— Теперь нам надо найти подходящий обрыв, — сказала она. — К сожалению, на луне нет тепловых потоков, а вам для практики не мешало бы подняться повыше. Впрочем, я знаю, как это устроить.

Выслушав ее план, мужчины выразили свое согласие. Им оставалось только подождать, когда ближайшие горы обретут необходимую форму — пологий склон, по которому они могли бы подняться на вершину, и более-менее отвесный обрыв с другой стороны. К тому времени, когда это случилось, Анана построила для себя «летающее крыло». Грубые шкуры не позволяли парашюту раскрываться при прыжке. Поэтому она натянула полотно на легкий деревянный каркас, который одновременно обеспечивал и прочность структуры.

Они вскарабкались на вершину горы, и Анана без колебаний подошла к краю обрыва. Она подняла планер над собой, немного опустила носовую часть конструкции и, поймав ветер, прыгнула с высоты в четыре тысячи футов. Ее фигура, скользя в плетеное сиденье, помчалась вниз под вздувшимся «летающим крылом». В тот же миг гора дрогнула. Мужчины торопливо отступили от края откоса.

Вершина треснула, и огромный кусок земли сорвался в пропасть.

На этот раз Анана спускалась быстрее, чем на дельта-плане. Подтягивая или отпуская носовой ремень, она регулировала высоту полета, а затем, набирая скорость и используя крен, совершала плавные развороты.

Проследив за ее полетом, мужчины спустились в долину. На следующий день с горы спрыгнул Маккей, а еще через день «летающее крыло» испробовал Кикаха. Оба совершили удачную посадку. Их успехи радовали Анану, но она по-прежнему не верила в возможность спасения.

— «Крыло» слишком тяжелое, чтобы использовать его на планете. Нам нужен более легкий материал, иначе ничего не получится.

К тому времени шкуры на летательных аппаратах начали источать гнилостный запах, и их пришлось выбросить на съедение насекомым и собакам.

Сделав новое «крыло», Анана оснастила его рулевыми тягами и особым носовым клапаном. Поднявшись на небольшую гору, она совершила прыжок с тысячефутового обрыва. Внезапно ее атаковала гигантская птица. Рухля вцепилась когтями в «крыло» и, без труда удерживая добычу, направилась к горе, где находилось гнездовье.

Анана метнула топор, и острое вонзилось в шею птицы. Рухля отчаянно замотала головой, топор упал, но боль отвлекла птицу от ее жертвы. Она выпустила «летающее крыло», и Анана стала падать. Через миг рухля пришла в себя, помчалась следом, и в момент приземления Анане пришлось бы туго. Однако, к счастью пилота, птица прекратила погоню и, хрипло крикнув, отправилась на поиски менее опасной добычи.

Анана искала топор около часа, но, заметив «моа», который появился неподалеку, поспешила покинуть эту небольшую долину. На следующий день они вернулись туда вдвоем, и ближе к полудню Маккей отыскал топор за камнем, который возник из земли, как сказочный гриб.

Следующим этапом их деятельности стало создание небольшого воздушного шара. Но прежде им пришлось построить ветролом. Ветер, возникавший при проходе луны через атмосферу планеты, никогда не утихал. Его ско-

рость обычно достигала десяти миль в час. При таких условиях им бы не удалось заполнить шар горячим воздухом, поскольку баллон унесло бы черт знает куда.

Работа заняла несколько недель. Они копали грунт ножами и заостренными палками. Соорудив полукруглый вал из корней и стволов погибших растений, они обсыпали его землей и в конце концов довели высоту ветролома до шестнадцати футов.

Затем они отправились охотиться на антилоп. После двух дней выматывающей погони и перетаскивания туш из удаленных мест у них собралась большая куча шкур, многие из которых уже начали разлагаться.

На отдых не оставалось времени. Они скоблили жир, опаливали шкуры и разрезали их на полосы. Анана и Кикаха приступили к изготовлению оболочки. Маккей соорудил корзину и принялся за оплетку шара.

К концу ночи они едва шевелили руками от усталости. Покрасневшие глаза слезились от дыма. Тем не менее они развели огонь на земляном полу небольшой корзины. Мужчины, используя деревянные козлы, подняли оболочку таким образом, чтобы жар от костра поступал непосредственно в отверстие шара. Когда шар заполнился горячим дымом и начал подниматься в воздух, они связали концы оплетки под низом баллона, а затем отцепили от корзины якорные ремни. Шар взмыл вверх, и ветер понес его через равнину. Корзина накренилась, из нее посыпались пылавшие головешки. Остов короба задымился. Однако шар упорно увеличивался в размерах и поднимался все выше и выше.

Из швов вырывался голубовато-белый дым.

Анана покачала головой:

— Я знала, что ему не хватит прочности.

Воздушный шар продолжал подниматься. Корзина, висевшая на кожаных стропах, загорелась, и вскоре один ее конец оторвался от ремней. На землю посыпались остатки костра. Баллон поднялся еще на несколько футов, затем начал снижаться и, пролетев около пяти миль, упал за отрогом горного хребта. Устроив переполох среди бабуинов и диких собак, он обеспечил их пищей для долгого ночного пира.

— Жаль, что у нас нет кинокамеры,— сказал Кикаха.— История человечества еще не знала дирижаблей из сыромятных шкур.

— Вряд ли мы достанем для оболочки другой материал,— заметила Анана.— А шкуры животных быстро портятся.

— Я думаю, туземцы знают, как дубить шкуры,— воскликнул Кикаха.— Кроме того, они могут знать о легких породах древесины и других необходимых материалах. Давайте отыщем какое-нибудь племя и спросим об этом у них.

Через четыре недели они решили отказаться от поисков людей. Кикаха уговорил друзей подождать еще три дня, и буквально на следующее утро, забравшись на вершину небольшой горы, они увидели племя, которое двигалось через набухавшую равнину. В миле от задних волокуш каравана виднелась неподвижная фигура, сидевшая посреди бескрайнего моря травы.

Через несколько часов Кикаха, Маккей и Анана подошли к фигуре, накрытой одеялом из шкур. Кикаха прыгнул вперед, сорвал покрывало, и они увидели старую женщину, которая сидела на земле, скрестив исхудавшие ноги и покорно сложив руки на отвисшей груди. В кулаке старуха сжимала рукоятку кремневого скребка. Почувствовав, что с нее сорвали покрывало, она открыла глаза и заскулила от ужаса. Потом беззубый рот закрылся. Старуха улыбнулась изумленному Кикахе и, смежив морщинистые веки, запела жалобную песню.

Анана обошла вокруг нее и осмотрела изогнутую спину женщины, выпиравшие ребра, запавший живот и редкие седые волосы. Судя по шрамам на левой ноге, старуха когда-то попала в лапы льва. Три пальца отсутствовали, кожа бугрилась белыми наростами, а кость изогнулась под неестественным углом.

— Она слишком стара, чтобы работать и ходить пешком,— сказала Анана.

— Поэтому туземцы и оставили ее на съедение животным,— добавил Кикаха.— Смотри, они дали ей этот скребок. Как думаешь, для чего? Чтобы она могла перерезать себе вены.

— Наверное, ты прав, — ответила Анана. — Вот почему она улыбнулась, одолев свой испуг. Она думает, что мы убьем ее и освободим от страданий.

Потрогав пальцами покрывало, Анана улыбнулась:

— Я думаю, она знает, как дубить шкуры. Эта женщина может многому нас научить — если только она еще в своем уме.

Оставив Маккея присматривать за старухой, Кикаха с Ананой ушли на охоту. На исходе дня они вернулись с тушей убитой газели и полной сумкой ягод, собранных с растения, которое им удалось отсечь от рощи. На коже Кикахи виднелся длинный красноватый рубец от удара щупальцем. Они предложили женщине ягоды и воду, и та, после некоторых колебаний, приняла их с благодарной улыбкой. Кикаха расплющил камнем сочный кусок мяса, отдал отбивную старухе, а затем выкопал в земле небольшую ямку. Наполнив ее водой, он бросил туда несколько камней, раскаленных на огне, и добавил мелкие куски мяса. Суп получился теплым и жирным. Женщина выпила его без остатка.

Сменяя друг друга в дозоре, они провели эту ночь на равнине. Утром Кикаха приготовил в пустой тыкве новую порцию супа и накормил старуху. Убедившись, что незнакомцы не людоеды, женщина успокоилась и с удовольствием начала обучать их своему языку.

На следующий день Кикаха отправился вдогонку за караваном туземцев. Через двое суток он вернулся, принеся с собой кремневые наконечники для копий, каменные топоры, скребки и несколько боевых бумерангов.

— Я подкрался к ним ночью, — рассказывал он. — Они храпели после пира, объевшись подгнившим мясом дохлой слонихи. Спали даже дозорные. Мне оставалось только забрать то, что я хотел...

Обучение языку быстро продвигалось вперед. Через три недели они уже понимали веселые шутки Шубам. Она оказалась настоящим кладом полезной информации. На этот раз им действительно повезло — подобрав старуху, они обрели сокровище.

Получив точные инструкции, все трое принялись за работу. Пока кто-то из них оставался с Шубам, другие

собирали необходимые материалы. Она рассказала им об особых деревьях, в наростах которых содержался галлотанин или его эквивалент. Другой вид растений отличался необычайно легкой и прочной древесиной. Им удалось отыскать и убить несколько таких деревьев.

Кикаха сделал для Шубам костыль, чтобы она могла передвигаться. Анана ежедневно массировала полупарализованную ногу старухи. Женщина окрепла и начала набирать вес. Возможно, впервые в жизни она почувствовала себя важной персоной. Ей нравились эти двое мужчин и добрая красивая девушка. Но из ее груди по-прежнему вырывались печальные вздохи, а по щекам порою катились крупные слезы. Она скучала по своему племени и внукам. Но как и все туземцы Лавалитового мира, Шубам привыкла к тяготам жизни. Многие из того, что эти трое чужеземцев считали насущной необходимостью, она воспринимала как божественную роскошь.

Прошло несколько месяцев; Кикаха и его друзья работали с рассвета и до поздней ночи. Они изготовили три легких и крепких «летающих крыла», которые намного превосходили по качеству и надежности прежние образцы Ананы. К сожалению, их не удалось сделать складными.

Чуть позже Шубам рассказала им о дереве, кора которого содержала мощный яд. Кикаха и Анана отправились на поиски рощи. Через несколько дней они поймали арканами дюжину растений и после напряженной схватки убили их, едва избежав при этом контакта с ядовитыми щупальцами. Следуя инструкциям старой женщины, Анана собрала яд в пустую тыкву. Заметив сходство растений с тисом, Кикаха спел на радостях арию Робин Гуда. Сделав из ветвей три лука, он натянул на них тетиву из высушенных и скрученных козлиных кишок. Они оснастили стрелы кремневыми наконечниками, похищенными у туземцев, а яд придал их оружию воистину убойную силу.

Теперь они могли охотиться на слонов.

Несмотря на иммунитет толстокожих к дротикам многих растений, яд, извлеченный из «тиса», убивал их мгновенно. В конце следующего месяца Кикаха и Маккей заготовили необходимый запас оболочек слоновьих желудков. В расчете на квадратный ярд эти мембраны весили на две

трети меньше, чем шкуры газелей. Срезав с «летающих крыльев» старое покрытие, Анана заменила его на новое и более легкое.

— Теперь «крылья» выдержат любые виражи, — сказала она. — Им не страшна даже атмосфера планеты. Наконец-то я хоть в чем-то уверена. Со шкурами их просто не сравнить.

После долгой охоты и нескольких неудач они убили растение, которое обеспечило их голубоватым веществом. Оно накрепко склеило концы полос, составлявшие оболочку шара. Анана проверила несколько скрепленных мембран на жаропрочность. Она продержала полоски над огнем в течение двадцати часов, однако качество клея не ухудшилось. Лишь после тридцати часов постоянного нагрева он начал понемногу крошиться.

— Вот и прекрасно, — сказала она. — Надеюсь, мы будем лететь на шаре не больше часа. В любом случае нам придется ограничить вес топлива. По моим расчетам, час полета — оптимальный срок.

— Мы могли бы поднять на борт и больший груз, — сказал Кикаха. — Но надо подумать и о ней. — Он кивнул в сторону Шубам. — Она нам здорово помогла, и благодаря ее советам у нас появился реальный шанс улететь отсюда. Я просто не знаю, что теперь с ней делать. Мы не можем оставить ее здесь. И в то же время мне бы очень не хотелось брать Шубам с собой.

— Не волнуйся об этом, — сказала Анана. — Я уже с ней обо всем договорилась. Она знает, что мы скоро улетим. И Шубам благодарна нам за то, что мы подарили ей лучшие дни в жизни. Для нее это время было как сладкий сон.

— Неужели ты хочешь бросить ее на произвол судьбы?

— Я обещала помочь ей уйти из жизни.

Кикаха вздрогнул и поморщился:

— О Ганга Дин! Ты более человечна, чем я. Склоняю голову перед твоим мужеством. У меня бы на такое не хватило духу.

— Возможно, ты хочешь предложить что-то другое?

— Ладно, чему быть, того не миновать. Мне полагалось бы взять инициативу на себя, но я рад, что не буду делать этого.

Анана решила, что лучше сделать три маленьких шара вместо одного большого.

— И вот почему. Чтобы обеспечить одинаковую подъемную силу, материал большого баллона должен быть значительно крепче, чем у маленькой оболочки. Поэтому, сделав три малых шара вместо одного большого, мы выиграем в прочности и одновременно уменьшим вес. Каждый из нас совершит подъем на своем аэростате. А так как мы сократим подветренную площадь шаров, ими будет легче управлять.

Кикаха попытался оспорить это утверждение, но ему не хватило аргументов. Маккею тоже не хотелось подчиняться женщине, однако он признавал, что в делах воздухоплавания она была среди них авторитетом.

Заканчивая последние приготовления, они работали не покладая рук. Шубам оказывала им посильную помощь, и даже тень близкой кончины не затмевала ее радости. Наверное, в глубине души она чувствовала и страх и печаль разлуки, но ей не хотелось смущать остальных слезами и скорбным видом.

А потом наступил решающий момент. Три оболочки лежали на земле за валом ветролома. К каждой корзине с помощью строп крепились оплетка оболочки, изготовленная из свитых мембран. Концы оплетки заканчивались на круговой петле, ниже которой на стропях висела корзина. Такая конструкция обеспечивала наилучшую стабильность.

Сначала вместо круговой петли они хотели использовать деревянные кольца. Но для того чтобы вырезать ножами три массивных кольца, потребовалось бы много времени. Кроме того, деревянные кольца еще больше увеличили бы вес воздушного шара.

Концы строп крепились к углам и бокам треугольной гондолы, сделанной из кусков коры. Дно покрывал толстый слой земли, а в центре располагалась куча ветвей, под которую подложили сухую траву, древесные стружки и мох. Рядом лежали куски кремня, которыми следовало высечь искру.

Из-за мутаций почвы земляной ветролом разрушался уже четыре раза. Последний вал был сделан вдвое выше и вчетверо длиннее, чем предыдущие. Насыпь укрепили корнями и ветвями, которые поддерживались поперечными бревнами.

У открытого конца ограды установили три простейших подъемных крана, похожих на виселицы. К горизонтальным балкам на скользящих петлях крепились верхние части баллонов.

Одну за другой мужчины подтянули оболочки вверх, и те свободно повисли под перекладинами виселиц. Концы якорных веревок были привязаны к вертикальным столбам. Маккей заметно нервничал. Он выразил желание подняться в воздух первым. Его костер запылал. Дым повалил в кожаный патрубок, подвешенный к горловине шара.

Когда первая оболочка начала разбухать, Анана развела огонь в своей гондоле. Подождав несколько минут, Кикаха тоже зажег костер.

На небе появились первые полосы «рассвета». С равнины доносились лай, рев и ржание зверей, пробуждавшихся к новому дню. Там снова кто-то ел, и вновь кого-то ели. Скорость ветра достигала восьми миль в час. Погодка выдалась что надо.

Шар Маккея продолжал раздуваться. Как только стало ясно, что он может уже держаться в воздухе, Маккей поднялся по оплетке к горизонтальной перекладине и перерубил топором веревку, на которой раньше висела оболочка. После чего спрыгнул в корзину и, подождав еще несколько минут, вытолкал шар из-под стрелы подъемного крана.

Когда шар Ананы поднялся в воздух, она перерезала веревку на перекладине, и вскоре Кикаха сделал то же самое.

Шубам, которая лежала на боку у ветролома, поднялась, опираясь на костыли, подошла к Анане и что-то сказала. Анана обняла старую женщину и перерезала ей вены на запястьях. Кикаха хотел отвернуться, но устыдился своей слабости. Поступок Ананы заслуживал уважения, поэтому он не стал отводить взгляд от этого зрелища.

Шубам опустилась на землю и запела жалобную песню. Она даже не заметила, как Кикаха помахал ей на прощание рукой.

Смахнув с лица слезы, Анана занялась поддержанием костра.

— До встречи! — закричал Маккей. — Увидимся позже! Я очень надеюсь на это!

Перерубив якорные ремни, он быстро забрался в гондолу, подбросил в костер несколько ветвей и стал ждать. Шар подхватило порывом ветра. Корзина немного накренилась, затем выровнялась и начала набирать высоту.

Через несколько минут в воздух взмыл шар Ананы. Следом за ней взлетел Кикаха.

Он взглянул на раздувшуюся оболочку. «Летающее крыло» крепилось к оплетке почти у самого купола. Парашюты привязали к шарам еще до того, как разводить костры. На расстоянии это выглядело, наверное, так, будто на гигантскую лампочку сел огромный мотылек.

Кикаху возбуждал полет на аэростате — он словно парил на сказочном ковре-самолете. Однако ощущения движения не было, и он больше не чувствовал ветра. Шар двигался с той же скоростью, что и воздушный поток.

Над ним зависли два других шара. Анана помахала ему рукой, и Кикаха ответил ей тем же. А потом занялся костром.

Чуть позже Кикаха взглянул вниз. Шубам превратилась в крошечную фигурку и вскоре исчезла за краем ветролома. Обзор расширился. Горизонт отступил. Впереди тянулись вереницы гор и равнин, а между ними поблескивали лощины, заполненные дождевой водой.

Половину неба закрывало тело планеты. Огромная рана, возникшая после отрыва осколка, затянулась. Планета-мать ждала возвращения ребенка, предвкушая еще один гигантский катаклизм.

Мимо проносились стаи птиц и небольших крылатых млекопитающих. Они улетели с луны, а значит, до новых метаморфоз сателлита оставалось не так уж много времени.

Кикаха усмехнулся. Похоже, им троим удалось избежать довольно крупной неприятности.

Вскоре его шар пролетел сквозь облако крылатых семян. Они парили и кружились, как крупные белые снежинки.

Пламя костра пожирало дрова, и запасы веток быстро таяли. Однако чем меньше оставалось топлива, тем легче становился шар. Поверхность луны удалялась все быстрее и быстрее. На высоте пятнадцати миль Кикаха прикинул, что может подняться еще на пять-шесть миль.

Шар Маккея отнесло далеко в сторону. Анана находилась в полумиле от Кикахи, и это расстояние больше не увеличивалось.

Где-то на высоте двадцати миль Кикаха бросил в огонь последние дрова. Когда они прогорели, он сгреб горячие угли в одну небольшую кучу и накрыл их кожаным патрубком дымовой трубы. Это могло предотвратить быстрое остывание горячего воздуха.

Выбросив землю со дна корзины, он задумчиво осмотрелся по сторонам. Через несколько минут шар начнет спускаться на планету. Когда падение станет слишком быстрым, он воспользуется «летающим крылом». И тогда все будет зависеть от удачи, потому что мутация сателлита заранее поделит всех на живых и мертвых.

Внезапно ему в лицо ударил теплый воздух. Усмехнувшись, он помахал Анане рукой, хотя на таком расстоянии она не могла увидеть его жест. Быстрое изменение температуры указывало на то, что шар достиг так называемой «изнанки» гравитационного поля. Здесь энергетические структуры двух небесных тел стыковались друг с другом, и их диффузия приводила к нагреву воздуха. Восходящие потоки понесли шар вверх. Кикаха надеялся, что подъем продлится довольно долго.

Когда жар усилился, он отрезал ножом дымовую трубу и выбросил ее из корзины. Ситуация приближалась к критической точке. По идее, шар должен был упасть. Однако горячий воздух уносил его вверх быстрее, чем он спускался вниз. Струя восходящего потока поступала через отверстие внутрь оболочки, но на ней уже начинали появляться складки и морщины. Если она сплющится еще больше, падение станет неотвратимым. Представив себе

свист ветра в снастях, Кикаха встряхнул головой. Ему бы не хотелось услышать такое наяву.

Пол гондолы начал медленно крениться. Кикаха взглянул на шар Ананы. Ее корзину медленно заносило вверх и в сторону.

Они достигли зоны разворота. Теперь ему предстояло действовать быстро и смело, без колебаний и суеты.

Пролетавших мимо птиц разворачивало в воздухе. Однако стаи тут же восстанавливали порядок в своих рядах и продолжали спускаться на планету.

Кикаха вскарабкался по стропам на оплетку шара. Воздух стал еще горячее. Ему казалось, что за минуту температура поднялась от ста до ста тридцати градусов по Фаренгейту. Добравшись до парашюта, он вытер пот, стекавший в глаза, и начал срезать ремни, которыми «летающее крыло» крепилось к оплетке. К счастью, оболочка еще не нагрелась до такой степени, чтобы обжигать руки и ноги.

Тем не менее работа требовала невероятных усилий. Тонкие ремни не могли служить опорой. Кикаха цеплялся за снасть, с трудом просовывая стопы и ладони между веревками и оболочкой шара. Несколько раз его нога соскальзывала, и он повисал в воздухе на пальцах одной руки.

В процессе работы он даже не заметил, как шар закончил разворот. Диск планеты теперь находился прямо под ним, а чаша луны парила над головой.

Аэростат Маккея затерялся в просторах красного неба. Кикаха взглянул на шар Ананы, который завис неподалеку. Опустевшая гондола свидетельствовала о том, что Анана в данный момент освобождала парашют от крепёжных ремней.

Внезапно воздух стал прохладным. Снасти запели под напором ветра. Сморщившийся шар помчался вниз со скоростью, от которой замирало сердце.

Отвязав парашют, Кикаха просунул ноги в стремениные петли и перерезал веревку, которой нос «летающего крыла» крепился к шару. Ему оставалось отсоединить лишь задний конец парашюта, но для этого надо было спуститься вниз по оплетке. Анана много раз просила его и Маккея не спешить и делать все по порядку. Сначала

полагалось отсоединить верхний конец «летающего крыла», а затем нижний. В ином случае восходящий поток воздуха мог поднять парашют над шаром. Нос «крыла» тянуло бы вниз под тяжестью аэростата, а пилот болтался бы в оснастке, как лист на ветру. В такой ситуации он мог бы не добраться до крепежного ремня, поскольку ему пришлось бы преодолевать встречный напор воздуха.

— Конечно, у вас будет солидный запас времени,— говорила Анана.— До поверхности планеты восемьдесят миль, и вы, возможно, успеете исправить ошибку. Но, честно говоря, я в это не очень верю.

Кикаха спустился по оплетке к заднему концу «крыла» и отрезал последний крепежный ремень. Парашют подбросило вверх. От скорости у Кикахи замерло сердце. Шар остался далеко внизу и быстро исчез из виду. Ремни оснастки впились в тело.

Подтянув управляющую стропу, Кикаха приспустил нос «крыла» и перешел на быстрое нисходящее скольжение. Иначе говоря, он начал падать, но сравнительно медленно.

Кикаха торопливо осмотрелся по сторонам. Анана, похоже, потерялась в красном небе. Через минуту он обнаружил небольшой объект, который с равной вероятностью мог оказаться Маккеем, Ананой или одинокой птицей. Темная точка находилась значительно ниже его и немного левее. Увеличив угол наклона, Кикаха попытался приблизиться к ней. После долгой погони точка увеличилась и превратилась в прямоугольник парашюта.

Приоткрыв пропускной клапан, Кикаха уменьшил рабочую площадь «крыла». Скорость падения возросла, и вскоре он поравнялся с Ананой. Увидев его, она помахала крыльями. После нескольких маневров они сблизились до двадцати футов.

— У тебя все нормально? — крикнул он.

— Да!

— Ты видела Маккея?

Она покачала головой.

Через два часа Кикаха заметил крупный объект, который находился примерно в двух тысячах футах под ними. Он обрадовался, решив, что это Маккей. Однако очерта-

ния фигуры больше соответствовали птице, чем «летающему крылу». Объект быстро спускался вниз. Судя по траектории полета, он мог достичь поверхности гораздо быстрее Кикахи и Ананы.

Если это был Маккей, ему следовало немного побережиться. Впрочем, на вкус и цвет товарища нет. Возможно, ему понравилось летать с ветерком.

Через несколько секунд Кикаха и думать забыл о Маккее. Мимо промчалась стая гусей, а вслед за ней потянулись стаи больших и малых птиц. С луны улетали миллионы пернатых существ. Воздух потемнел от тел. Хлопот крыльев, крики, свист, карканье и трели оглушили Кикаху и Анану.

Их парашюты пронеслись сквозь клин журавлей, и те разлетелись в стороны: одни — вправо, другие — влево. Потом среди птиц началась паника. Кикаха подумал, что их напугали «летающие крылья», но через миг увидел истинных виновников переполоха. На них надвигалась армада гигантских рухлей.

Эти существа, размером с небольшой самолет, сопровождали их теперь, словно почетный эскорт. Одна из птиц поменяла курс и осмотрела бесстрастным желтым глазом Анану. Почувствовав недоброе, Анана закричала и замахнулась на рухлю ножом. Птица не спеша отлетела. Кикаха вздохнул с облегчением. Если бы эти гиганты предприняли атаку, им с Ананой пришлось бы несладко.

Однако у рухлей имелись какие-то свои дела. Они не стали спускаться следом за парашютами, и через некоторое время стая превратилась в маленькое пятнышко на небесном полотне.

Кикахе доводилось участвовать и в более длительных путешествиях, но ни одно из них не было таким болезненным. Наверное, поэтому оно и казалось невероятно долгим. Перед стартом Анана предупредила его и Маккея об опасностях длительного полета, и уже тогда ему не понравилось то, что он слышал. Однако реальность превзошла даже самые худшие опасения.

Если «летающее крыло» использовалось как планер, скорость снижения достигала четырех футов в секунду. В этом режиме им потребовалось бы двадцать часов, что-

бы достичь поверхности планеты. К тому времени на ногах могла появиться гангрена.

Если «крыло» использовалось как парашют, скорость снижения доходила до двадцати футов в секунду, то есть полет сокращался примерно до шести часов.

Отыскав друг друга в воздухе, Анана и Кикаха уменьшили несущую площадь «крыльев» и начали спускаться в парашютном режиме. В принципе, открывая особый клапан, они могли ускорять спуск, но эту процедуру приходилось выполнять только через определенные интервалы времени. При скоростном снижении возрастала нагрузка на стропы. Кроме того, резкий рывок во время торможения мог разорвать покрытие «крыла».

Когда до земли осталось каких-то десять тысяч футов, Кикахе начало казаться, что его руки и ноги вот-вот оторвутся от тела и улетят обратно на луну. Он висел, как марионетка, в стремленных петлях и лишь иногда поворачивал голову, чтобы взглянуть на Анану, которая держалась на одном уровне с ним, хотя из-за разности в весе должна была находиться гораздо выше его. Скорее всего, она подвергала себя дополнительному риску и чаще использовала пропускной клапан. Однако большую часть времени она висела на веревках, как кусок дохлятины.

Кикаху тревожила встреча с сильными восходящими потоками, которые могли замедлить падение. К счастью, его опасения не оправдались. Они продолжали спускаться с той же скоростью.

Под ними проносились горы и небольшие равнины. Когда до земли оставалось четыре тысячи футов, внизу появился огромный водоем. Дождевая вода заполнила широкую впадину, и здесь на какое-то время образовалось озеро. Вскоре один из краев впадины приподнялся, вода потекла через горное ущелье, и стремительный поток достиг врасплох небольшое стадо антилоп на другой стороне хребта. Обмелевшая часть водоема превратилась в царство амфибий, которые тысячами карабкались на берег и искали спасения в многочисленных лужах.

Кикаху заинтересовала причина их поспешного бегства. Через несколько минут он заметил под водой огромных животных, которые немного походили на крокодилов.

Они стремительно кружили по мелководью и зачерпывали пастями удиравшую добычу.

Окликнув Анану, Кикаха указал на монстров. Та прокричала, что им надо отлететь подальше от зубастых тварей и спрыгнуть в воду.

Кикаха с огромным трудом перерезал стременные петли и, выпустив стропы из рук, упал в холодную воду. Через две секунды новый всплеск отметил место падения его спутницы. Коснувшись дна, он попытался оттолкнуться, но у него ничего не получилось.

Ноги не желали подчиняться.

Сделав несколько гребков затекшими руками, Кикаха всплыл на поверхность и направился к берегу. Анана плыла впереди, и у нее тоже двигались только руки.

Выползая на траву, путешественники выглядели как русалка и водяной. Их ноги безвольно волочились по земле. После сильных и долгих болей нарушенная циркуляция крови восстановилась, и они, передохнув, поднялись на холм. Мимо пробежали длинные четырехногие существа с плавниками на чешуйчатых спинах. Зубастые твари делали ложные выпады, но приближаться боялись.

Кикаха и Анана едва держались на ногах. После нескольких месяцев, проведенных на луне, гравитация планеты изматывала силы. Тем не менее они продолжали идти. Им не хотелось оставаться на виду у крокодилов, которые теперь разгуливали на суше.

Сами того не ожидая, они перебрались на противоположный склон горы. Отыскав укромное местечко за большим валуном, уставшие путники легли на траву и закрыли глаза. Усталость заставила их забыть о львах, собаках и прочих хищниках, которые могли напасть на спящих.

«Лишь бы луна не упала,— подумал, засыпая, Кикаха.— А все остальное — ерунда...»

Глава 22

Они бежали по равнине, сохраняя темп, в котором могли одолеть еще несколько миль. Если не считать поясов, ножа и рога, Анана и Кикаха были такими же голыми, как в тот день, когда появились на свет. Тела покры-

вал пот. Дыхание со свистом рвалось из груди. На этот раз они действительно могли догнать дворец — если только им ничто не помешает.

Внезапно они увидели человека, который тоже гнал-ся за летающей крепостью. Он скакал на «лосе» в полумиле от них. По росту и рыжевато-бронзовым волосам Кикаха узнал в нем Рыжего Орка.

— Черт! Как он здесь оказался? Интересно, что Орк будет делать, когда догонит дворец. Он же не знает кодового слова.

— Я думаю, не знает, — задыхаясь, ответила Анана. — Но ему может открыть дверь или окно тот человек, которого мы видели.

К счастью, Орк не оборачивался. Через десять минут на нижнем балконе открылась стеклянная двустворчатая дверь. Он ухватился за поручень ограды, и кто-то помог ему забраться внутрь. «Лось» тут же перешел на легкую рысь и побежал к роще шагающих растений. Стеклянная дверь закрылась.

Кикаха надеялся, что незнакомец во дворце поможет и им. Впрочем, ему мог помешать Рыжий Орк.

Они медленно приближались к летающей крепости. Их босые ступни приминали траву. Грудь вздувалась и опадали. Пот струился с висков и бровей, стекая в глаза. Ноги с трудом подчинялись воле. Они чувствовали себя так, словно тела наполнялись ядом, который постепенно убивал мышцы. Хотя фактически так оно и было.

Будто для того, чтобы еще больше осложнить ситуацию, дворец свернул к горе, которая находилась в двух милях. Поднимаясь на любой склон, крепость сохраняла одну и ту же скорость. Но его преследователям пришлось бы карабкаться вверх. А это означало отсрочку на день или даже два.

Наконец правый край основания оказался на расстоянии вытянутой руки. Кикаха и Анана замедлили бег и попытались отдышаться. На равнине они могли сопровождать дворец шагом. Однако крепость приближалась к горе, а у людей уже не оставалось сил, к которым они могли бы прибегнуть в критический момент.

В нижнем углу располагалось высокое окно. Толстое стекло, резко изгибаясь, открывало вид на обе стороны.

Края плотно стыковались со стенами, не оставляя ни щелей, ни выступов, за которые можно было бы зацепиться.

Кикаха и Анана перешли с шага на трусцу. Через окна первого этажа, мимо которых они пробегали, просматривался освещенный коридор. На стенах, окрашенных в яркие цвета, висели прекрасные картины. У дверей, которые вели во внутренние комнаты, стояли статуи стройных дев. Потом они увидели большой зал, обставленный роскошной мебелью. В дальнем конце находился огромный камин, в котором горел огонь.

Куполообразный робот на колесах, около четырех футов ростом, занимался уборкой помещения. Металлическая многосегментная рука передвигала широкий диск, который полировал поверхность стола. Другой рукой он перемещал по ковру какое-то устройство — по всей видимости, пылесос.

Кикаха побежал изо всех сил. Анана едва поспевала следом. Они хотели добраться до фасада, прежде чем начнется подъем на гору. Передняя часть дворца по-прежнему будет парить в футе над склоном. Но остальная часть, сохраняя стабильное положение, поднимется на такую высоту, что до нее будет уже не дотянуться.

Перед самым подъемом Кикаха и Анана поравнялись с передним углом летающей крепости. Однако теперь им предстояло взбираться по склону.

По пути они заглядывали во все окна, мимо которых пробегали. Но, как видно, добрый незнакомец находился где-то в другом месте.

Пробежав мимо углового окна, Кикаха и Анана увидели балкон, за который можно было зацепиться. Он располагался на уровне первого этажа в центре передней стены. Очевидно, Уртона выходил сюда подышать свежим воздухом и полюбоваться видами планеты. Вне всяких сомнений, он учел и возможность появления незваных гостей. Вряд ли им удалось бы пробраться через стеклянную дверь. Однако тот юноша мог намеренно или по небрежности оставить ее незапертой. Почти не надеясь на такое везение, они решили залезть на балкон и немного передохнуть.

Еще немного — и им бы это не удалось.

Они бежали наискось по склону, стараясь все время оставаться впереди дворца. Подъем на гору лишил их последних сил. Наверное, поэтому Кикаха и упал. Он поскользнулся, покатился под основание дворца, но в последний момент ухватился за край. Подтянувшись на руках, Кикаха выскочил из узкой щели, отчаянно прыгнул вперед, и тут его запястье схватила Анана. Она протащила Кикаху по земле, упала на спину, но к тому времени он уже пришел в себя и быстро поднял ее на ноги. Они возобновили бег, не дав дворцу промчаться над ними.

Кикаха прыгнул, зацепился за крепление балкона и помог Анане перебраться через ограждение. Они долго лежали на металлическом полу, втягивая в себя воздух с такой жадностью, будто на всей планете его осталось на дюжину-другую вдохов. Отдышавшись, они сели и осмотрелись. Двустворчатая стеклянная дверь, ведущая в огромную комнату, не имела дверных ручек и, по-видимому, открывалась с помощью потайной кнопки или кодового слова.

Кикаха осмотрел стекло и, не заметив датчиков сигнализации, изо всех сил ударил рукояткой ножа по прозрачной поверхности. Материал не только выдержал удар, но даже не треснул. Кикаха этого не ожидал.

— Ладно, по крайней мере мы едем, — успокоил он себя.

Они осмотрели балкон, который находился двадцатью футами выше. К сожалению, добраться до него было невозможно.

— Неужели застряли? — воскликнул Кикаха. — Подумать только, какая ирония! После стольких усилий мы наконец догнали дворец Уртоны, и теперь нам предстоит умереть от голода перед этой дверью.

Их мучила жажда, и они едва держались на ногах от усталости. Тем не менее им не хотелось покидать дворец, за которым пришлось гоняться так долго.

Кикаха еще раз поднял голову и осмотрел набегавшие темные тучи.

— Вскоре пойдет дождь. Я думаю, он утолит нашу жажду. Что ты скажешь, если мы проведем здесь ночь? Возможно, утром у нас появится какая-то идея.

Анана согласилась, что лучшего пока не придумать. Через какое-то время начался ливень, который длился

несколько часов. Они напились дождевой воды; однако, когда тучи разошлись, вид у обоих был как у утопающих щенят. Кикаха и Анана дрожали от сырости и холода. К началу ночи им удалось обсохнуть и согреться, но они так и заснули в объятиях друг друга.

К середине следующего «дня» их желудки рычали, как голодные львы, за клеткой которых лежала куча мяса.

— Нам надо отправиться на охоту, иначе мы совсем лишимся сил,— сказал Кикаха.— При желании эту штуку можно догнать еще раз. Вот только зачем? Впрочем, если нам удастся сделать веревку с крюком, мы можем подняться на этот балкон или даже на следующий. А вдруг какая-то дверь окажется незапертой? Почему бы нам, в конце концов, не попробовать?

— Двери будут закрыты, Кикаха. Уртона не стал бы рисковать. Кроме того, когда мы сделаем веревку, дворец улетит далеко вперед, и, возможно, мы даже потеряем его из виду.

— Ты права,— сказал Кикаха.

Он повернулся к двери и застучал по ней кулаком. В центре большой комнаты виднелся фонтан. Из рога, который держал во рту мраморный тритон, струилась вода.

Внезапно Кикаха пригнулся.

— Стой! Не двигайся, Анана! Сюда кто-то идет!

Анана прижалась к ограждению. Она стояла сбоку и не видела того, кто вошел в комнату.

— Это Рыжий Орк! Он увидел меня! Попробуем его надуть! Спрячься под балконом! Там есть крепления, на которых ты можешь повиснуть! Не знаю, что он задумал, но если Орк выйдет сюда, ты можешь застать его врасплох. А я сыграю роль жертвенного козла!

Анана перелезла через ограждение и исчезла под балконом. Проследив за ней краем глаза, Кикаха повернулся к Орку и с нарочитым удивлением всплеснул руками.

Властитель был одет в роскошные одежды из яркого искрящегося материала. Наряд состоял из коротких штанов, доходивших до икр, алых туфель с загнутыми кончиками, двубортного френча, рукава которого расширялись книзу, и кружевной рубашки с широким отложным воротником, украшенным драгоценными камнями.

Орк улыбался и держал в руке довольно неприятный на вид лучемет.

Он остановился у двери и осмотрел балкон. Коснувшись рукой стены, властитель нажал на кнопку, и створки дверей скользнули в пазы стен.

Нацелив лучемет в грудь Кикахи, Орк ласково поинтересовался:

— А где Анана?

— Она умерла.

Властитель улыбнулся и нажал на курок. Кикаху отбросило от двери, и он ударился спиной об ограждение. Наполовину оглушенный, Кикаха смутно осознавал происходящее, но выглядел как настоящий труп. Орк вышел на балкон и перегнулся через перила.

— Залезай наверх, Анана, — произнес рыжеволосый властитель. — Я знаю, что ты здесь. И не забудь выбросить свой нож.

Через какое-то время Анана медленно перелезла через ограждение. Орк отступил к двери и направил на нее лучемет. Взглянув на Кикаху, она вздрогнула и встревоженно спросила:

— Он мертв?

— Нет, лучемет установлен на малую мощность. Я обнаружил вас еще прошлым вечером. На пульт поступил сигнал тревоги. Твой лебляббий оказался настолько глуп, что ударил по стеклу. А система сигнализации во дворце очень чувствительная.

— Так ты наблюдал за нами? Решил посмотреть, что мы будем делать?

Он заметил рог, висевший на ремне за ее плечом.

— Наконец-то он мой. Теперь я могу убраться с этой чертовой планеты.

Он нажал на курок, и Анана отлетела к ограждению. Кикаха почти пришел в себя, но по-прежнему чувствовал огромную слабость. Вот если бы Орк подошел поближе...

Однако властитель не собирался подходить. Он отступил назад, что-то сказал, и на балкон вышли два робота. На первый взгляд они выглядели как обычные люди, однако мертвые глаза и резкие ломаные движения, чуждые существам животного происхождения, не оставляли

сомнений, что под слоем кожи находится металл или пластик. Один из них забрал у Кикахи нож и выбросил оружие через ограждение. Другой снял с плеча Ананы музыкальный инструмент. Потом роботы схватили людей за лодыжки и втащили внутрь. У одной стены на высокой платформе с шестью колесами стояла большая полусфера из толстых перекрещенных прутьев. Робот поднял Анану и засунул в клетку через небольшое отверстие. Второй сделал то же самое с Кикахой. Дверь захлопнулась, и двое пленников оказались в куполе, который походил на огромную мышеловку.

Орк нагнулся и, включив какое-то устройство под платформой, с усмешкой сказал:

— Я подал на прутья ток, поэтому к ним лучше не прикасаться. Вас не убьет, но дернет основательно.

Он отдал роботам приказ, и те покатали клетку через комнату. Унося рог, Рыжий Орк вышел в широкий коридор с высоким потолком.

Кикаха подполз к Анане.

— С тобой все нормально?

— Через минуту приду в себя,— ответила она.— Страшно болит голова, и я чувствую сильную слабость.

— Я тоже,— шепнул Кикаха.— Но мы все-таки попали во дворец.

— Неужели ты никогда не думаешь о смерти? Знаешь, твой оптимизм временами... Ладно, забудь об этом. Интересно, что Орк сделал с тем парнем, который впустил его?

— Если он еще жив, то, наверное, сожалеет о своем добром поступке. Я думаю, этот юноша не властитель. Иначе он не позволил бы так просто обвести себя вокруг пальца.

Кикаха окликнул Орка и спросил его о незнакомце. Властитель ничего не ответил. Подойдя к развилке коридора, он остановился, повернулся к стене и тихо произнес кодовое слово. Часть стены отъехала в сторону. За ней открылся проход, который вел в пустую квадратную комнату. Скорее всего, это был лифт.

Рыжий Орк нажал одну из кнопок на приборной панели, и лифт помчался вверх. Когда кабина остановилась,

вспыхнувший на двери символ показал, что они находятся на сороковом этаже. Орк нажал еще на две кнопки и положил ладонь на рычаг управления. Лифт выехал в широкий коридор и заскользил над полом. Манипулируя рычагом, Орк свернул за угол и, пролетев по другому коридору около двухсот футов, остановился напротив массивной двери.

Властитель вытащил из кармана небольшую черную книжку, открыл ее и тихо прошептал какое-то слово. Дверная панель откатилась в сторону. Роботы втащили клетку в большую комнату и установили в центре помещения.

Орк произнес несколько невнятных слов. Странные механизмы, расположенные на стенах в десяти футах от пола, вытянули металлические руки, которые заканчивались стволами лучеметов. На каждой стене имелось по два робота-охранника, и все они целились в клетку с пленниками. Над лучеметами поблескивали линзы видеокамер.

— Эй, Кикаха! — с усмешкой сказал Рыжий Орк. — Ты хвастался, что нет такой тюрьмы, которая могла бы удержать тебя. Я решил проверить, насколько правдивы твои слова. Хотя не думаю, что тебе удастся похвастать об этом еще раз.

— Ты забыл сказать, что собираешься делать с нами, — скучающим голосом произнесла Анана.

— Вы подохнете с голода, — ответил Орк. — Но я буду давать вам воду, чтобы вы протянули недельку-другую. А потом в один из дней, о котором я вам пока ничего не скажу, эти восемь лучеметов разрежут вас на куски. И мне плевать, будете вы живыми или мертвыми к тому времени.

А тебя, Кикаха, я хочу предупредить особо. Если ты каким-то чудом действительно выберешься из клетки и ускользнешь от огня лучеметов, тебе все равно не выбраться отсюда. Из этой комнаты только один выход. И вам не удастся открыть дверь, пока вы не произнесете кодового слова.

Анана открыла рот, и Кикаха, увидев выражение ее лица, испугался, что она начнет умолять Орка о пощаде. Анана быстро опомнилась, и выражение мольбы исчезло с ее лица. Даже в такой безвыходной ситуации она не

собиралась унижаться перед своим дядей. К тому же это все равно бы не помогло. Тем не менее она едва не поддавалась панике.

— По крайней мере ты мог бы удовлетворить наше любопытство,— сказал Кикаха.— Кто тот человек, который впустил тебя? И что с ним случилось?

Нахмутив брови, Орк кивнул и тяжело вздохнул:

— Этот тип сбежал от меня. Как только мне под руку попался лучемер, я решил посадить его за решетку. Но он удрал через проход, о котором я даже не подозревал. Наверное, сейчас этот лебляббий уже прошел через врата в другой мир. Во всяком случае, мониторы не выявили его присутствия.

Кикаха усмехнулся:

— Спасибо за ответ. Но кто этот человек?

— Он представился землянином. Его английская речь звучала очень необычно. Она походила на язык Англии семнадцатого или восемнадцатого века. Лебляббий так и не назвал своего имени, но из его бессвязной речи я понял, что он бежал из мира Валы и, попав в ловушку, оказался во дворце Уртоны. Какое-то время этот землянин искал здесь врата в другую вселенную. И надо признать, его записная книжка мне очень пригодилась. Увидев меня верхом на «лосе», он деактивировал защиту нижнего балкона и помог мне пробраться во дворец. Цвет моих волос убедил его в том, что я не туземец Лавалитового мира. По правде говоря, у меня сложилось впечатление, что этот лебляббий немного не в себе.

— Да он просто сумасшедший, если доверился тебе, властителю,— сказала Анана.— А он не говорил о том, что видел меня, Кикаху и Маккея? Мы встречались с ним на луне. И он даже помахал нам ручкой.

Орк удивленно поднял брови:

— Вы были на луне? Но как вам удалось остаться в живых при падении? Хм-м! Он мне об этом ничего не говорил. Хотя, возможно, он рассказал бы мне о вас позже, если бы я дал ему немного времени.— Помолчав, он усмехнулся и с издевкой произнес: — Да, чуть не забыл! Если вы совсем уж проголодаетесь, можете съесть друг друга.

Увидев ошеломленные лица пленников, Орк захохотал. Чуть позже, утерев набежавшие слезы, он вытащил из ножен небольшой кинжал. Шестидюймовое лезвие казалось сделанным из золота. Орк бросил его через прутья к ногам Ананы.

— Если вам захочется пожертвовать друг другу кусок ноги или, возможно, палец, воспользуйтесь этим ножом. Только не думайте, что им можно замкнуть прутья. Он не проводит электрический ток.

Кикаха даже рассердился.

— Если бы не Анана, я мог бы подумать, что все властители достойны лишь смерти и позора. Но теперь мне ясно одно: в тебе нет ни капли порядочности. Ты абсолютно бесчеловечен.

— Если ты хочешь сказать, что я не похож на лебляб-биев, то это действительно так.

Анана подняла нож и коснулась лезвия пальцем. Поверхность выглядела гладкой как сталь, но на ощупь казалась немного шероховатой.

— Теперь мы не умрем от голода,— сказала она.— Твой нож избавит нас от мучений!

Орк фыркнул и пожал плечами:

— Это уж дело ваше.

Он отдал роботам приказ, и те последовали за ним в кабину лифта. Повернувшись к пленникам, властитель помахал им на прощание рукой, и затем дверь с грохотом закрылась.

— Будем надеяться, что англичанин вернется,— сказал Кикаха.— Возможно, ему удастся нас освободить. Дай-ка мне нож.

Однако мысли Ананы работали в том же направлении. Она попыталась расковырять отверстие вокруг прута решетки. Через десять минут Анана отложила нож в сторону.

— Ни одной царапины. Металл решетки крепче, чем лезвие ножа.

— Естественно. Но мы должны отсюда удрать. И это надо сделать не откладывая, пока мы еще не ослабели и не стали вырезать друг из друга ломтики мяса. Слушай, а ты меня не съешь?

Анана вздрогнула и с укором посмотрела на Кикаху. Тот покраснел и смутился.

— Прости! Это одна из моих неудачных шуток.

Внезапно часть пола позади Кикахи приподнялась вверх. Анана ахнула, и Кикаха быстро обернулся. Из основания платформы медленно выступил куб. Верхняя крышка откинулась, хотя внутри они не увидели ни одного шарнира. Вся эта конструкция оказалась резервуаром с водой.

Не зная, как долго куб останется открытым, они быстро напились и начали ждать. Через две минуты крышка закрылась, и резервуар погрузился обратно в пол. Он появлялся через каждые три часа. Не имея ни чашек, ни кружек, пленники опускались на четвереньки и пили воду, как животные. Через четыре часа из отверстия поднялся пустой резервуар. Они использовали его для экскрементов. Когда емкость с водой выползла из пола в очередной раз, они увидели, что ее даже не потрудились почистить.

— Я думаю, Орк в восторге от этого спектакля,— сказал Кикаха.

Освещение комнаты не меняло интенсивности, и вскоре Кикаха начал терять чувство времени. По мнению Ананы, они провели в клетке уже пятьдесят восемь часов. Их запавшие животы лишь изредка издавали какие-то жалобные звуки. Ребра выпирали, щеки ввалились, руки и ноги исхудали. С каждым часом пленники Орка чувствовали себя все слабее и слабее. Полная грудь Ананы отвисла, как у немощной старухи.

— На своем жире нам не продержаться,— сказал Кикаха.— Черт! Сколько всего случилось в прошлом, но так тошнить мне еще не приходилось.

Теперь они редко говорили друг с другом. Иногда кто-то находил достойную тему, и разговор затягивался на час или два. Но большую часть времени комнату заполняла тишина — тишина, созвучная с безмолвием обреченных на смерть людей.

Кикаха попытался всунуть лезвие ножа в щель между полом и резервуаром с водой. Он не знал, что из этого получится, но ему больше ничего не приходило в голову. Несмотря на все его усилия, лезвие в щель не вошло.

По оценкам Ананы, они находились в клетке уже около семидесяти часов. Пленники старались не говорить о еде

и тем более о последнем совете Орка. Они знали, что никогда не пойдут на такой ужасный поступок. Кроме того, они не хотели доставлять удовольствие своему мучителю, который наверняка следил за ними через видеосистему.

Им снилась только еда. Кикахе грезилося блюдо с куском жареной свинины и картофельным пюре. Он потянулся к пирогу из ревеня, и тут его разбудил какой-то шелкающий звук. Сон рассеял легкое удивление и начал снова затягивать разум в оргию пира, но искорка тревоги превратилась в пожар. Кикаха вскочил, будто кто-то пронес мимо его носа горячее печенье.

Неужели Орк придумал новую пытку? Это казалось невозможным, однако...

Он поднялся на четвереньки и подполз к решетчатой дверце. Она открылась от легкого толчка. И Кикаха понял, что его разбудил звук шелкнувшего замка.

Глава 23

Пока пленники выбирались из клетки, автолучеметы на стенах не выпускали их из-под прицела. Кикаха пошел к двери. Все восемь стволов выстрелили. Их алые лучи скрестились впереди и позади него. Обычно лучи роботов-охранников оставались невидимыми для человеческого глаза. Но на этот раз Орк придал им окраску, чтобы пленники могли видеть, насколько близко они проходили от тела. И ужасное зрелище действительно потрясало.

— О нет! — застонала Анана. — Неужели он выпустил нас только для того, чтобы подразнить надеждой?

Кикаха усмехнулся:

— Возможно. Но почему тогда Орк расфокусировал лучеметы?

Едва он сделал еще один шаг, как лучи снова скрестились в опасной близости от его тела.

— Не бойся, Анана! Автолучеметы установлены так, чтобы не попадать в живую цель. Это просто еще одна из утонченных жестокостей Орка.

Кикаха упорно приближался к двери. Анана следовала за ним по пятам. Четверо роботов-охранников повернулись к ней. Их лучи проходили в нескольких миллиметрах

от ее тела. Эти алые полосы нервировали Анану. Ей казалось, что огонь лучеметов становится более прицельным. А когда двое пленников подошли к двери, лучи стали проходить рядом со щеками, почти касаясь лица.

Будь стены и пол из обычного металла, в них зияли бы теперь рваные дыры. Но лучи не оставляли никаких следов, а значит, материал перекрытий был невероятно прочным.

Когда Кикаха оказался в нескольких шагах от двери, на нее обрушилась огневая мощь лучей. Их контакт с металлической панелью создавал легкое шипение, словно ядовитая змея предупреждала людей о готовности нанести смертельный удар.

Двое пленников застыли на месте. Алые полосы, озаря пространство, полосовали воздух.

— Что-то здесь не так,— сказал Кикаха.— Нам не следует касаться двери. Я чувствую какую-то ловушку.

Он повернулся и подошел к ближайшему лучемету. Робот-охранник стрелял теперь прямо перед собой, принуждая замедлять движение. Тем не менее луч неизменно пролегал в паре дюймов от тела.

Когда Кикаха остановился перед лучеметом, ствол нацелился ему в грудь. Он быстро шагнул в сторону, выходя за пределы видимости электронного прицела. За ним по-прежнему следили трое других роботов-охранников, но они больше не стреляли.

Выкрутив толстый штифт из шарнира механической руки, Кикаха снял лучемет с подставки и оборвал провода, подходившие к рукоятке. Увидев это, Анана занялась разоружением других роботов. Их по-прежнему обстреливали уцелевшие автолучеметы, но алые полосы проходили мимо. Вскоре все восемь роботов стали безвредным металлоломом.

— Пока мы делаем только то, к чему нас вынуждает Орк,— сказал Кикаха.— Он запрограммировал эту ситуацию. Но зачем?

Пленники подошли к двери, и она открылась от легкого толчка. Выглянув в коридор и никого там не увидев, Кикаха, а за ним и Анана побежали к развилке и, свернув за угол, оказались перед открытой дверью лифта.

Кабина поджидала их, будто бы нарочно оставленная Орком.

У обоих возникли подозрения. Лифты часто использовались в качестве ловушек. Кабина могла остановиться между этажами или упасть на дно шахты.

— Мне кажется, он хотел заставить нас воспользоваться лестницей, — сказал Кикаха. — Поэтому ловушка окажется, скорее всего, на одной из лестничных клеток.

Они вошли в кабину и нажали на кнопку первого этажа. Через несколько минут, пробежав вереницу комнат, коридоров и залов, Анана и Кикаха оказались в большом роскошном кабинете. У огромного стола из полированного оникса стояли два куполообразных робота. Перейдя на язык властителей, Анана приказала им принести еду. Через пять минут перед людьми появились подносы с горячей пищей. Они съели столько, что их вырвало. Но Кикаха и Анана начали наполнять желудки опять. Через два часа они заказали еще один обед. Анана приказала роботу показать им жилые помещения. Там они приняли горячую ванну, а потом уснули в постели, которая парила в трех футах над полом. Комнату наполняли звуки тихой и приятной мелодии.

Они проснулись от легкого стука в дверь. В комнату вкатился робот, подталкивая перед собой столик, на котором стояли подносы с горячей пищей и бокалами апельсинового сока. Завершив завтрак парой ломтиков мускусной дыни, беглецы прошли в ванную, приняли душ, а затем примерили одежду, которую принес механический слуга. Все вещи пришлись впору.

Кикаха не мог понять, как с них сняли мерки. Впрочем, это его теперь не очень интересовало. У него возникло предчувствие надвигающейся беды.

— Такая чрезмерная забота начинает меня беспокоить. Мы укрепим, восстановим силы, а затем Орк снова посадит нас в клетку. Неплохая забава, верно?

В дверь снова постучали. Анана разрешила войти, и на пороге появился человекообразный робот. Подойдя к Кикахе, он передал ему записку. Развернув ее, тот прошептал проклятие.

— Написано по-английски. Я не знаю, чьих это рук дело, но мне кажется, что Орк задумал новую шутку. Здесь всего три слова: «Посмотрите в окно».

Изнывая от тревоги и любопытства, они пробежали через несколько комнат и в конце концов оказались в длинном боковом коридоре. Обзорные окна заполняло безмерное пустое пространство. Сбоку они увидели крошечный шар, который медленно удалялся в космическую бездну. И этим шаром была планета Уртоны.

— Вот же гад! — возмутился Кикаха. — Он направил дворец в пространство! Как только мы достигнем границ Лавалитового мира, летающая крепость взорвется! Нам надо как-то вернуться на планету!

— Орк наверняка дезактивировал все врата, — сказала Анана.

Робот, следовавший за ними следом, издал тихое покашливание. Он напоминал учтивого дворецкого, которому хотелось привлечь внимание хозяев. Люди повернулись к нему, и робот передал Кикахе еще одну записку.

— Хозяин велел мне сказать вам, сэр, — сказал он на чистом английском языке, — что это сообщение немного вас подбодрит.

Кикаха прочитал записку вслух:

«Вскоре эта гробница Уртоны полетит обратно на планету. Надеюсь, она взорвется вместе с вами».

— У тебя есть для нас другие сообщения? — спросил у робота Кикаха.

— Нет, сэр.

— Ты можешь привести нас к центральному пульту?

— Да, сэр.

— Тогда веди нас, верный Мак Дафф.

— Сэр, что означает термин «макклафф»?

— Отменяю это слово. И скажи мне, как тебя зовут?

Я хочу знать, как к тебе обращаться.

— Первый, сэр.

— Так ты тоже тут первый?

— Нет, сэр. Не «тоже тут первый». Я Первый.

— Ради Илмарволкина, перестань паясничать! — вскричала Анана.

Робот привел их в большую комнату, где стоял четырехместный электромобиль. Первый сел на место водителя, люди устроились на задних сиденьях, и машина беззвучно помчалась вперед. Проскочив несколько коридоров, они въехали в кабину большого лифта. Робот нажал несколько кнопок, и кабина поднялась на тридцатый этаж. Проехав по широкому коридору четверть мили, машина остановилась перед массивной дверью.

— Вход в зал управления, сэр.

Робот вылез и остановился у двери. Кикаха и Анана последовали за ним. Дверная панель была накрепко приварена к стенам.

— Это единственный вход?

— Да, сэр.

Очевидно, Орк позаботился о том, чтобы они никогда не попали в центр управления. Кикаха догадывался, что властитель удалил из дворца все мощные устройства, которые могли бы вырезать отверстие в стенах или двери. А если он просто издевается над ними? Возможно, Орк намеренно оставил в соседних комнатах какие-то инструменты, чтобы они с Ананой в конце концов прорвались в центр управления. Но что ожидало их там — ловушка или разбитые пульта?

Они нашли окно и осмотрели красное пространство.

— До планеты еще далеко, и у нас есть солидный запас времени,— сказал Кикаха.— Мы можем поесть, попить и заняться любовью. Давай сначала восстановим силы, а потом уж и решим, как выбраться отсюда. Наверное, Орк думал, что мы будем страдать и сокрушаться о близкой смерти. Но он просто нас плохо знает.

— Смотри, стены и дверь сделаны из импервиума, как в той комнате, где стояла наша клетка,— сказала Анана.— Лучеметы тут не помогут. Я не знаю, как ему удалось приварить дверь к стенам, но он это сделал. К пультам нам не пробраться. Мы должны придумать что-то другое.

Прежде всего они отправились осматривать дворец. Им потребовалось бы несколько дней, чтобы объехать на электромобиле коридоры и залы этой огромной крепости. Однако робот, по приказу Ананы, привез их в ангар, где располагались пять флаеров. Орк даже не подумал закрыть

туда дверь. Хотя на его месте Кикаха отправил бы флаеры в полет, переводя их в режим автопилота.

Через час Анана и Кикаха обнаружили мощную силовую установку. Генератор энергии питал механизмы, которые создавали вокруг дворца искусственное гравитационное поле. Если бы не эти устройства, люди парили бы теперь в невесомости.

— Странно, что Орк не выключил генератор,— сказала Анана.— Этим он мог бы сделать наше положение еще более неприятным.

— Никто не идеален,— ответил Кикаха.

Поиски закончились неудачей. Они не нашли инструментов, которые могли бы сокрушить импервиум. И как бы им ни хотелось попасть в центр управления, это оказалось абсолютно невозможным.

Обсудив ситуацию, они решили подготовить пути спасения. Будучи экспертом в вопросах воздухоплавания, Анана вызвала нескольких роботов и дала им подробные инструкции по изготовлению двух парашютов из шелковых занавесей.

— Конечно, можно прыгнуть с того балкона и спуститься вниз,— соглашался с ней Кикаха.— Но тогда нам придется провести в этом безрадостном мире всю жизнь. Я согласен, это лучше, чем смерть. Но разница не так и велика.

Они знали, что в плитах пола, в стенах и, возможно, на потолке имелось не менее тысячи врат. Однако для их активации требовались кодовые слова или рог Шамбаримена. Кикахе вспомнилась фраза Орка о тайном проходе, через который убежал англичанин. Вряд ли им удалось бы найти этот лаз, да и времени на поиски почти не осталось. Однако Кикаха на всякий случай спросил об англичанине у роботов — Первого и Второго. К его восторгу, оба оказались свидетелями поспешного бегства. Роботы привели людей к ничем не приметной стене, и когда Кикаха нажал на указанную панель, его взору открылся металлический желоб, круто спускавшийся вниз и загигавшийся влево.

— Пойду проверю,— сказал он Анане.

Прыгнув в отверстие, Кикаха заскользил по желобу, а затем, как снаряд, влетел в узкий, тускло освещенный

коридор. Он тут же вернулся к скату и крикнул Анане, что собирается осмотреть тайный проход. Однако, свернув за угол, Кикаха наткнулся на металлическую перегородку.

Простучав и осмотрев стены тупика, он вернулся к желобу и, держась за его поднятые края, вскарабкался наверх.

— Возможно, там есть еще одна откидная панель, которую я не заметил,— сказал он Анане.— Хотя мне кажется, англичанин прошел во врата, расположенные в конце коридора.

Они послали роботов на склад, приказав принести им дрель и тяжелый молоток. Кикаха уже пробовал сверлить стены желанного центра управления, но сверло не оставляло на импервиуме никаких следов. Тем не менее он надеялся, что пластиковые переборки обнаруженного им коридора окажутся не такими крепкими. Когда роботы вернулись, Кикаха и Анана спустились по желобу и, выбрав для пробы одну из боковых стен, начали сверлить в ней круг из множества отверстий. Затем Кикаха взял кувалду и несколькими ударами пробил небольшую дыру.

Через пролом в полутемный коридор устремился яркий свет. Кикаха осторожно заглянул в отверстие и от удивления открыл рот.

— Глазам не верю! Рыжий Орк!

Глава 24

В середине большой пустой комнаты располагался прозрачный куб, ребро которого равнялось двенадцати футам. Внутри находились стол, стул и узкая кровать. На полу у стены виднелся небольшой красный контейнер. От одной из стен комнаты к кубу тянулась толстая пластиковая труба. Она проходила через отверстие в прозрачной перегородке и кончалась в красном контейнере. Очевидно, по ней подавалась вода и какая-нибудь питательная масса. Внутри пластиковой трубы находился небольшой патрубок, через который подавался воздух.

Рыжий Орк сидел на стуле у стола, не замечая, что за ним наблюдают из дыры в стене. Звуконепроницаемые плоскости куба заглушили вой дрели и удары кувалды. На

столе перед ним лежали рог и лучемер. Из всего этого Кикаха сделал вывод, что стены куба не поддавались воздействию лазерного луча.

Тайный владыка двух Земель выглядел довольно удрученным. И немудрено: он отыскивал центр управления и врата, ведущие в другую вселенную; он завладел рогом Шамбаримена — величайшей ценностью, о которой мечтал любой властитель; заманил в ловушку двух своих заклятых врагов и уготовил им верную смерть. Но Уртона перехитрил его, и Рыжий Орк, пройдя через врата, оказался не в другой вселенной, а в этой прозрачной тюрьме.

Он был заперт в комнате, о которой никто не знал, а дворец все приближался и приближался к планете Уртоны. Орк выл от злобы и отчаяния, понимая, что ему суждено погибнуть при столкновении. Какая ирония — вырыть другим яму и оказаться в ней самому.

Кикаха и Анана расширили отверстие в стене и пробрались внутрь. Увидев их, Орк вскочил со стула. Его лицо побледнело. Он знал, что пощады не будет. Впрочем, в его положении внезапное появление врагов означало лишь более быструю смерть.

Однако у Ананы и Кикахи имелось на этот счет свое мнение. Они уже поняли, что если Орку не удалось выбраться из куба, то и им не добраться до него. В отличие от властителя у них даже не было лучемера. Но труба, которая поддерживала жизнеобеспечение Орка, оказалась медной. Кикаха отдал приказ, и роботы, доставив со склада заказанные инструменты, быстро и ловко отсоединили трубу от прозрачного куба.

В стенке осталось отверстие, через которое Орк мог получать воздух и общаться с племянницей и ее любовником. Зная, что властитель без колебаний воспользуется оружием, Кикаха и Анана решили держаться подальше от этой круглой дыры.

— Правила игры поменялись, Орк! — крикнул Кикаха. — Ты нужен нам, а мы нужны тебе. Если ты согласишься на взаимную помощь, я обещаю отпустить тебя на все четыре стороны. Мы не причиним тебе вреда. И учти: отказавшись, ты обречешь себя на верную смерть. Конечно, нам тоже будет несладко, но ты от этого мало что выиграешь, правда?

— Я не верю, что ты сдержишь слово,— мрачно произнес властитель.

— Если это твой ответ, пусть все так и остается. Но знай: мы не собираемся умирать вместе с тобой. Мы сделали себе парашюты. Из-за твоего упрямства нам придется задержаться в этом мире, но мы будем живы.

— Парашюты? — разочарованно спросил Орк.

Судя по выражению его лица, он не учел такой возможности.

— Да. Как говорят древние индейцы, шкуру с кошки можно снимать по-разному. И уж будь спокоен: мы с Ананой знаем, как выбраться из этой переделки. Тем не менее нам нужна информация. Возможно, тебе захочется обменять ее на жизнь? Или ты так и будешь дуться до самой смерти, как избалованный ребенок?

Скрипнув зубами, Орк кивнул:

— Ладно. Что вам от меня надо?

— Нас интересует все, что случилось с тобой после того, как ты вошел в центр управления. Постарайся вспомнить каждую мелочь.

Рыжий Орк рассказал о том, как проверил огромный зал и сотню пультов. Опросив двух роботов, властитель нашел несколько врат, которыми мог воспользоваться. Орк действовал очень осторожно. Активировав врата, он прежде послал через них роботов, и если бы Уртона установил там какие-то ловушки, в них попали бы его механические слуги.

Первый подпространственный проход имел связь с сотней врат, которые были спрятаны в больших валунах, разбросанных по всей планете. Скорее всего, Уртона узнавал их по каким-то особым приметам. Странствуя по изменяющимся равнинам вместе с остальными, он надеялся отыскать одну из этих глыб. С помощью одного-двух кодовых слов Уртона мог перенестись во дворец, но ему не повезло.

Трое врат вели в другие миры: первые — в мир Ядавина, вторые — на Землю номер один, а третьи — во вселенную погибшего Уризена. Там имелись и другие врата. Однако Орк, не желая рисковать понапрасну, воздержался от их активации. До той поры он не замечал никаких

ловушек. А врата на Землю номер один казались ему лучшей наградой за все пережитые страдания.

Уверившись, что путь на Землю открыт, Орк приказал роботам запечатать вход в центр управления.

— И тогда, просчитав наши действия, ты постарался создать нам побольше неприятностей? — спросила Анана.

— А что тут такого? — с удивлением ответил Орк. — Можно подумать, вы поступили бы со мной по-другому...

— Пару лет назад я вела бы себя подобным же образом. Впрочем, оставим это. Выпустив нас из клетки, ты оказал нам большую услугу, дядя. Тебе захотелось усугубить нашу смерть ужасом неотвратимой гибели, и ты сделал все, чтобы мы не выбрались из дворца. Тем не менее я благодарю тебя за предоставленную свободу.

— Он оказал услугу не только нам, но и себе, — добавил Кикаха.

Запрограммировав орбиту дворца, Орк активировал врата, ведущие на Землю номер один. Через дыру между вселенными он увидел небольшую пещеру. В проеме входного отверстия просматривались горы, покрытые лесами, и широкая долина, уходившая в туманную даль. Он узнал пещеру в Южной Калифорнии, через которую Кикаха и Анана прошли однажды в его владения.

Ловушка Уртоны оказалась настолько хитрой, что Орк потерял свою хваленую бдительность. Предусмотрев возможную проверку, Уртона настроил устройство западни таким образом, что она не реагировала на неодушевленные предметы. И когда Орк послал через врата одного из механических слуг, тот дошел до отверстия пещеры, осмотрел отвесный склон и вернулся обратно.

Удовлетворенный, Орк приказал роботам опечатать центр управления, и те приварили дверь к стенам специальным флюсом.

— Я прошел через врата, но этот мерзкий хореk просчитал мои действия на десять шагов вперед. Он знал, что любой властитель пошлет перед собой какую-то жертву. И эта ловушка беспрепятственно пропускала роботов.

— Да, Уртона всегда славился подлостью и коварством, — сказала Анана. — Однако вся его сила основывалась только на технологическом оборудовании. И оставшись

с голыми руками, он тут же растерял свое мнимое богоподобие.

Она замолчала, а потом тихо добавила:

— Так же, как и ты, дядюшка.

— Я никогда не поступал так гнусно! — закричал Орк, и его лицо покраснело.

Кикаха и Анана захохотали.

— Ладно, дядя, хватит шуток, — сказала она. — Наверное, ты просто забыл, где сейчас находишься.

Орк продолжил рассказ.

Едва он сделал несколько шагов к отверстию пещеры, как его втянуло в энергетический вихрь. Через секунду он оказался в этом кубе.

Кикаха и Анана отошли в угол комнаты и тихо зашептались.

— Судя по всему, наш таинственный англичанин обнаружил в конце коридора какие-то врата, ведущие в другую вселенную, — сказал Кикаха. — Очевидно, ему удалось отыскать кодовую книгу Уртоны. А там, где прошел один, пройдут и другие — для этого нужен только рог. Пока нам до него не добраться, но мы можем попросить Орка протрубить ту самую мелодию. И тогда, записав ее на магнитофон, мы используем запись для активации врат.

— У тебя ничего не получится, — ответила Анана. — Такое уже пробовали делать раньше, и не ты первый, кому эта мысль приходила в голову. Механизм инструмента создает особые модуляции, которые не сохраняются при записи.

— Вот этого я и боялся, — сказал он. — Но мне надо было убедиться наверняка. Послушай, Анана! Мы знаем, что дворец любого властителя имеет огромное количество врат. И даже в этой комнате их, возможно, не меньше дюжины. Логично заключить, что большая часть врат предназначалась для быстрых переходов из одних помещений в другие. В случае внезапного нападения Уртона мог перехитрить любого преследователя, который задумал бы гоняться за ним по дворцу.

Кроме того, здесь есть врата в другие миры. Уртона приберегал их для особо критических ситуаций. Нашему англичанину удалось отыскать один из таких проходов. И я думаю, что он...

— Мне кажется, ты ошибаешься,— перебила его Анна.— Эти врата могут вести в центр управления или в какое-то другое помещение.

— Нет. Орк использовал систему внутреннего обнаружения. Если бы англичанин спрятался во дворце, датчики биомассы указали бы его местонахождение.

— А если Уртона учел возможность захвата центрального пульта? Он наверняка оставил несколько комнат без датчиков биомассы.

— Я считал себя первым среди ловкачей, но вижу, о хитрейшая из властительниц, ты просто дала мне фору. Ладно, подожди минуту. Я задам Орку несколько вопросов.

Он подошел к кубу. Властитель встревоженно спросил:

— Ну и что вы решили?

— Ничего такого, что могло бы тебе помочь,— с усмешкой ответил Кикаха.— Мы просто стараемся держаться подальше от твоего лучемета. Скажи, ты что-нибудь знаешь о дополнительной системе внутреннего обнаружения? Меня интересуют датчики, не указанные на основной схеме.

— А зачем тебе это нужно?

— Черт возьми! — закричал Кикаха.— У нас не так много времени, чтобы тратить его впустую! Если бы не рог, мы давно бы ушли отсюда.

— Да, такая система есть,— нерешительно сказал Орк.— Я обнаружил ее совершенно случайно. При проверке сервисных пультов мое внимание привлекла странная схема, на которой были отмечены лишь некоторые комнаты дворца. Позже я выяснил, что датчики биомассы, указанные на ней, не значились на схемах основной системы. Но поскольку в тот момент мне никто не угрожал, я не стал заниматься осмотром помещений. Да и кто мог знать об этих тайниках Уртоны?

— Надеюсь, у тебя хорошая память. Где находятся пульты дополнительной системы?

— У меня отличная память,— надменно ответил Орк.— Я властитель, а не какой-то там недоносок-землянин.

Кикаха поморщился и покачал головой. Властители действительно отличались от обычных людей — почти все

они оказывались высокомерными ничтожествами. Впрочем, это не раз спасало ему жизнь. Если бы властители не тратили свою энергию на поддержание самовлюбленности, Кикаха вряд ли уцелел бы в схватках с ними. Надменность и самодовольство снижали их эффективность на девяносто девять процентов.

Кикаха тоже имел амбиции и апломб, но в отличие от властителей знал чувство меры.

Орк запомнил лишь несколько комнат из увиденной им схемы. И он не чувствовал вины в своем чрезмерном хвастовстве. Тем не менее властитель указал три помещения, где располагались пульта дополнительной системы обнаружения. Он подсказал Кикахе, как запустить их в действие и войти в режим управления.

Решив использовать все доступные источники информации, Кикаха подозвал к себе Первого и Второго и задал им вопрос о датчиках биомассы. Роботы знали только об основной системе обнаружения. По-видимому, Уртона предпочитал держать секретные сведения в уме.

Будь Кикаха хозяином дворца, он построил бы в роботов систему безопасности. На определенные вопросы его механические слуги просто отказывались бы отвечать или делали вид, что не знают ответа.

Немного подумав, Кикаха решил, что роботам действительно ничего не известно о потайных комнатах. Они уже несколько раз снабжали его информацией, которую Уртона счел бы нежелательной для своих врагов.

Взяв с собой Первого, Кикаха отправился на поиски пульта. Анана осталась присматривать за дядей. В принципе, они понимали, что Орку из куба никуда не деться, но рисковать больше не хотелось.

Пульт дополнительной системы обнаружения находился в замурованной комнате на десятом этаже. Не зная кодового слова для активации врат, Кикаха приказал Первому разрушить часть стены. Вскоре они вошли в программу слежения и проверили весь дворец. Скорость осмотра оказалась настолько высокой, что Кикаха увидел на экране только мелькание кадров. Однако компьютер в корпусе Первого уже анализировал полученную информацию.

— Дополнительная система охватывает сто десять комнат-тайников,— сообщил робот после завершения операции.

Кикаха тяжело вздохнул.

— В одной из них может находиться человек,— сказал он.— Неужели мы должны пройти все сто десять комнат, чтобы отыскать его?

— Это один из методов.

— А есть другой?

— Мы можем подключить этот пульт к центральной системе управления. Воспользуйтесь данным переключателем.

Первый показал на ничем не приметный тумблер.

— Теперь вы можете работать с видеосистемой центрального пульта. Чтобы подключить ее к линии видеокамер потайных комнат, вам необходимо нажать на кнопку под этой фальшпанелью. О ней знал только хозяин. Человек по имени Орк был введен в заблуждение неверной надписью. Он думал, что кнопка контролирует энергию резервного генератора.

— А как эта информация стала известна тебе?

— Я выяснил систему соединений при наладке сервисных дисплеев.

— Почему ты не рассказывал мне об этом раньше?

— Вы не спрашивали, сэр.

Подавив стон, Кикаха пожал плечами. В каждом роботе уникальный интеллект уживался с еще более феноменальной глупостью.

— Подключи монитор к видеосистеме. Я хочу осмотреть центр управления.

— Да, сэр.

Первый подошел к приборной панели и нажал на клавишу, обозначенную словом «Теплота». Оставалось только гадать, о какой теплоте могла идти речь. Очевидно, Уртона посчитал такую надпись наиболее подходящей для того, чтобы сбить с толку несведущего оператора. На панели замигали цветные огоньки; система автоматически произвела необходимые переключения, и перед Кикахой засветился один из больших мониторов.

Наверное, видеокамера находилась под потолком, и поэтому комната просматривалась сверху. Кикаха увидел

широкую стойку с пятью или шестью пультами. Перед одним из них спиной к Кикахе сидел мужчина.

На секунду Кикаха подумал, что это и есть тот самый англичанин. Но мужчина выглядел выше и старше, чем описанный Орком незнакомец. Его волосы были желтыми, а не коричневыми.

Взглянув на монитор, стоявший перед мужчиной, Кикаха увидел на экране себя и робота. В тот же миг оператор вскочил на ноги и, отшвырнув кресло, яростно помахал кулаком в сторону видеокамеры, которая передавала его изображение.

Узнав Уртона, Кикаха тихо прошептал проклятие.

Глава 25

Властитель был одет лишь в рваную набедренную повязку из собачьей шкуры. Чуть выше солнечного сплетения виднелся продольный шрам от раны, нанесенной топором. Волосы, ниспадая с плеч, прикрывали верхнюю часть груди. Кожа лоснилась от липкой грязи Лавалитового мира, а шишка на лбу свидетельствовала о плотном контакте с каким-то твердым объектом. Сломанный нос превращал высохшее лицо в уродливую маску.

Сбросив оцепенение, Кикаха начал действовать. Он подбежал к видеокамере и разбил объектив. Но голос Уртоны звучал из динамиков монитора:

— Первый! Убей его! Убей его!

— Кого мне убить, хозяин? — бесстрастно ответил робот.

— Ах ты, металлический идиот! Убей этого человека! Кикаху!

Отключив монитор, Кикаха быстро отпрыгнул в сторону. Первый приближался к нему, вытянув руки с полусогнутыми пальцами.

Кикаха вытащил нож. К его изумлению, голос Уртоны теперь доносился из неподвижных уст робота:

— Я вижу тебя, лебляббий! Сейчас ты будешь мертв! Мертв!

Секунду Кикаха не понимал, каким образом властитель наблюдал за происходящим в комнате. Потом ему стало

все ясно. Уртон переключился на передатчик в корпусе робота и говорил теперь через него. Скорее всего, он наблюдал за намеченной жертвой через глаза Первого.

Кикаха решил, что это не так уж и плохо. Поскольку Уртоне приходилось наблюдать за схваткой из центра управления, он не мог пройти сюда через врата.

Прыгнув к роботу, Кикаха остановился, бесцельно махнул ножом и отскочил назад. Ему хотелось проверить реакцию Первого. Однако робот даже не сделал попытки парировать ложный выпад. Он грозно и неумолимо надвигался на человека.

Кикаха поднырнул под руку Первого и молниеносно нанес удар ножом. Ему повезло — кончик лезвия разбил защитный экран, выглядевший как человеческий глаз. Но разрушил ли он объектив, который находился за ним?

На проверку не оставалось времени. Кикаха вновь провел стремительную атаку — на этот раз слева. Робот только начал поворачиваться, а нож уже разбил ему вторую глазницу.

Кикаха понял, что Первый, несмотря на невероятную силу, уступал человеку в быстроте реакции. А ключом к победе всегда являлась скорость, а не сила. Забежав за спину робота, Кикаха остановился. Первый продолжал идти вперед. Но если робот ослеплен и Уртон знает об этом, следует что-то предпринять.

Кикаха быстро обернулся. Голая стена могла скрывать врата, однако Уртон не стал бы рисковать, вступая в битву на открытом пространстве. Если он и мог появиться, то только из-за какого-то укрытия — например из-за пульта. Между стойкой и стеной оставалась довольно широкая щель.

Забежав за пульт, Кикаха приготовился к бою. Прошло несколько секунд... минута. Уртон медлил. Возможно, он решил вооружиться? Если эта догадка верна, то властителю придется отправиться в тайный арсенал, поскольку Орк уничтожил все оружие, которое ему удалось найти.

Неужели Уртон останется в центре управления? В принципе, он мог командовать оттуда другими роботами, а их во дворце не меньше двадцати. Если все они соберутся в этой комнате...

Еще властитель мог пройти через врата в соседнее помещение. Возможно, он уже крадется к своему врагу? Но в таком случае у него должен быть при себе лучемер.

Послышался глухой удар. Очевидно, Первый сослепу налетел на стену. Не смея выглянуть и осмотреться, Кикаха надеялся, что шум исходил от робота.

Внезапно справа от него на стене появился огромный круг мерцающего света. Через миг он превратился в отверстие, в которое мог бы войти даже самый высокий человек. Увидев в проеме Уртона, Кикаха прыгнул на него, сбил с ног, и, когда врата за ними закрылись, они оба оказались в центре управления.

Кикаха упал на властителя, сжимая запястье руки, которая держала лучемер. Другой рукой он приставил лезвие ножа к яремной вене врага. При падении Уртона ударился затылком об пол и на миг лишился чувств. Кикаха воспользовался этим. Выкрутив властителю запястье, он откатился в сторону и, схватив оружие, поднялся на ноги.

Уртона со стоном попытался встать, но Кикаха велел ему оставаться на месте.

Из-за приборной стойки вышел робот Шестой. По указанию Кикахи Уртона приказал механическому слуге прекратить какие-либо действия. Робот покорно отступил к стене.

— Вот уж не думал, что настанет день, когда я буду рад тебя увидеть, — с усмешкой сказал Кикаха. — Ты станешь у нас той лапой, которая вытащит каштаны из огня — для меня и Ананы.

Судя по виду Уртоны, он все еще не мог поверить тому, что с ним произошло. И его можно было понять. После многих бед и долгих скитаний ему в конце концов удалось отыскать валун с вратами. Он думал, что Анана, Кикаха и Орк затерялись где-то на окраинах его мира и, возможно, кто-то из них уже погиб. Уртона вновь завладел своим дворцом.

Он едва не сошел с ума, обнаружив наглухо заваренную дверь. Его опередили. Какой-то властитель из другого мира пробрался во дворец и отправил летающую крепость в долгое падение на планету.

Чуть позже он узнал, что во дворце собрались все его враги. Каким-то чудом им удалось проникнуть сюда, но кто-то из них преградил остальным путь к аппаратуре управления. Прежде всего Уртона аннулировал нестабильную орбиту крепости и, обезопасив себя на какое-то время, подключился к основной системе обнаружения. Один из мигавших на пульте красных огоньков подсказал ему, что кто-то попал в ловушку. Он проверил эту комнату и обнаружил в кубе Рыжего Орка.

У Кикахи похолодело внутри. Значит, Уртона видел и Анану. Неужели он приказал Второму убить ее?

Услышав вопрос Кикахи, властитель замотал головой, будто пытался стряхнуть с себя навалившиеся проблемы.

— Нет,— ответил он.— Я видел ее, но она в тот момент не представляла для меня опасности. Мне захотелось выяснить точное количество людей, проникших в мой дворец. Я задействовал дополнительную систему обнаружения и засек тебя. Но тут ты подключился к центру управления... Проклятие! Ну почему я не увидел тебя несколькими минутами раньше?

— Да, расчет времени — большое дело,— улыбаясь, сказал Кикаха.— Давай договоримся, Уртона. Ты, наверное, думаешь, что я хочу убить тебя или заморить голодом в клетке на колесах. Это, конечно, неплохая идея, но я предпочитаю десять раз подумать, прежде чем воплощать подобное в жизнь.

Мы с Ананой пообещали Орку отправить его на Землю, если он нам поможет. И на этот раз я не могу сказать о нем ничего плохого. Помощь была невелика, но он старался изо всех сил.

Теперь я предлагаю тебе такое же соглашение. Мы оставим тебя живым. Ты даже можешь не опасаться пыток. Нам нужно лишь вытащить из ловушки Орка, чтобы я мог получить обратно рог. Но прежде мне хотелось бы убедиться в твоих словах по поводу Ананы. И да поможет тебе Бог, если ты солгал.

Установив оружие на «оглушающую» мощность, Кикаха встал за спиной властителя. Если бы Уртона повернулся и попытался выхватить у него лучемет, он бы до него попросту не дотянулся. Хозяин дворца включил пульт,

и видеосистема наблюдения показала им комнату с прозрачным кубом. Орк по-прежнему сидел в своей тюрьме; Анана и Второй стояли у стены неподалеку от отверстия.

Кикаха окликнул Анану. Она вздрогнула и посмотрела вверх на объектив видеокамеры. Он попросил ее не пугаться и в нескольких словах рассказал о том, что с ним произошло.

— Пока ситуация складывается не так уж и плохо,— сказал Кикаха.— Орк, ты слышишь меня? Сейчас твой брат перенесет тебя через ворота в центр управления. Но сначала положи лучемер на стол. И не пытайся хитрить — мы следим за тобой. Теперь возьми рог. Вот так, хорошо. Отойди в тот угол, куда тебя перебросили ложные ворота*. Стой спокойно и не двигайся, иначе потеряешь ногу или что-нибудь еще.

Уртона потянулся к кнопке, но Кикаха остановил его:

— Не спеши! Я скажу тебе, когда нажимать на эту кнопку. Анана, слушай меня внимательно. Ты знаешь, куда я пошел. Отправляйся в ту комнату и встань у стены за пультом. Мы откроем тебе ворота, и ты пройдешь в центр управления. По пути тебе встретится слепой робот. Это бедолага Первый. Можешь не беспокоиться, он теперь неопасен.

Уртона с большой неохотой подошел к пульту в конце огромного зала. Он дрожал, на скулах играли желваки. Побелевшие пальцы вцепились в край стола.

— Ты должен прыгать от радости,— сказал Кикаха.— Мы дарим тебе жизнь. А значит, у тебя появится возможность сделать ответный ход.

— Неужели ты думаешь, что я тебе поверю?

— А почему нет? Разве я когда-нибудь тебя обманывал?

Он велел властителю показать ему кнопки, которые должны были вернуть Орка в центр управления. Уртона

* Фармер вновь допускает сюжетную ошибку. В кубе находились ворота. У Орка был рог, который открывал любой подпространственный проход (во всяком случае, так заявлялось раньше). Почему же он им не воспользовался?

отошел в сторону, уступая место Кикахе. Однако тот покачал головой.

— Нет, Уртона. Эта честь предоставляется тебе.

На кнопки управления в момент нажатия мог подаваться ток высокого напряжения, а Кикаха никогда не рисковал понапрасну.

Уртона разочарованно вздохнул. Он щелкнул продолговатым тумблером, нажал на пару кнопок и отступил от пульта. Слева на стене появился мерцающий круг. Из него выползла полусфера, покрытая мелькавшими разноцветными пятнами. Она рассыпалась на полосы света, и они увидели Орка, который стоял у стены.

— Положи рог на пол и подтолкни его ко мне ногой, — велел Кикаха.

Властитель подчинился. Посматривая на обоих братьев, Кикаха медленно присел и поднял рог.

— Вот и хорошо! Он снова у меня!

Через пять минут к нему присоединилась Анана. Уртона открыл ей врата, которыми незадолго до этого воспользовался Кикаха.

Оба властителя выглядели так, словно ожидали смерти. Они не сомневались, что их ждет жестокая расправа. Такое недоверие к его честному слову могло бы рассердить Кикаху. Однако он не привык идти на поводу эмоций. Жизнь привила ему иммунитет от самодовольства и психопатии. Впрочем, он часто сомневался, что между этими двумя понятиями есть какая-то разница.

— Прежде чем мы расстанемся, мне бы хотелось прояснить некоторые вещи, — сказал Кикаха. — Уртона, что ты знаешь об англичанине, который предположительно родился в восемнадцатом веке? Этот человек помог Рыжему Орку пробраться в твой дворец.

Уртона удивленно вскинул брови:

— Разве здесь был кто-то еще?

— Твой ответ говорит о многом. Ладно. Возможно, я встречу его в другой раз. Послушай, Уртона. Твоя племянница рассказывала мне о преобразователе, который питает энергией эту сказочную летающую крепость. Анана сказала, что такой генератор можно ввести в режим перегрузки, но как только ситуация приблизится к критиче-

ской, аварийный регулятор автоматически отключит всю систему. Это верно? Так вот, я хочу, чтобы ты удалил аварийный регулятор. Режим перегрузки должен достичь пика ровно через пятнадцать минут. Поторопись, Уртона! Время уже пошло!

Властитель побледнел.

— Но зачем? Неужели ты... Ты решил взорвать нас вместе с дворцом?

— Нет. Когда он взорвется, ты будешь уже очень далеко отсюда. Я просто хочу разрушить твой дворец, чтобы им больше никто не воспользовался.

Уртона знал, что произойдет, если он откажется выполнить приказ. Под пристальным оком Ананы он зашелкал переключателями, и на пульте замигала большая красная лампа. На дисплее появилось слово «ПЕРЕГРУЗКА». Пронзительно завывла сирена.

Анана нервничала. Кикаха улыбнулся ей, хотя ему тоже было не по себе.

— Теперь открывай врата на Землю и в мир Ядавина.

Запомнив последовательность нажатых кнопок, Кикаха мог в любую минуту подключить к линии регулятор перегрузки. Он ни на миг не забывал о хитрости Уртоны.

— Я знаю, ты не можешь обойтись без вероломства и подлости,— сказал ему Кикаха.— Но лучше придержи свою природную злобу. Мой лучемер наготове, поэтому двигайся медленно. Если я почувствую подвох, ты не проживешь и секунды.

Уртона молча кивнул.

На огромной стене появились сияющие круги. Светлые блики исчезли, и на их месте возникли два прохода. Один вел в ту самую пещеру, через которую Кикаха и Анана прошли в Южную Калифорнию. Другой проход выходил на склон горы. По краю лесной долины протекала широкая зеленая река. Вдали на отвесной скале виднелся замок, а у подножия горы раскинулась деревенька, и дым из труб поднимался в ярко-зеленое небо.

Сердце Кикахи дрогнуло от радости.

— Похоже на Дракландию. Это третий уровень, который находится на вершине Абхарплунты. Ты когда-нибудь там бывал?

— Я часто совершал вылазки в Многоярусный мир,— сказал Уртона.— Мне хотелось собрать о нем побольше информации, а затем...

— Одолеть Ядавина? Забудь об этом. И слушай мой приказ, Уртона. Активируй врата, через которые ты пришел сюда с поверхности своей планеты.

Уртона вздрогнул и закричал:

— А как же твое слово? Мы же договорились... Неужели ты задумал отправить меня туда?

— Почему бы и нет? Ты создал этот мир. Вот и наслаждайся им до конца своей жизни. Ты боишься, что она будет короткой и жалкой? Но наказание должно соответствовать преступлению. Во всяком случае, так говорят земляне.

— Это не справедливо! — возразил Уртона.— Ты отпускаешь Орка на Землю, а меня оставляешь здесь! Земля, конечно, не первый класс, но по сравнению с этой планетой она — суший рай...

— Посмотрите, кто заговорил о справедливости! Неужели ты опустишься до мольбы? Ты — властитель среди властителей!

Уртона расправил плечи.

— Этого ты от меня не дождешься! И если ты думаешь, что мы видимся в последний раз...

— Вот и хорошо. Только запомни, Уртона. Я тоже буду ждать нашей следующей встречи. Готов поспорить, что ты спрятал в валунах врата в другие миры. Но это тебе не поможет. Неужели ты думаешь, что застанешь меня когда-нибудь врасплох? Нет, приятель, шутишь! Ищи свой валун! Удачи! Мне тоже иногда бывает скучно. И я не прочь сразиться в смертельном поединке. А теперь убирайся отсюда!

Уртона пошел к стене.

— Кикаха! Останови его! — закричала Анана.

Он и сам уже почувствовал свою ошибку.

— Стой, Уртона! Стой на месте, или я буду стрелять! Уртона остановился лицом к стене.

— Что ты хотела, Анана?

Она взглянула на огромное табло электронных часов.

— Неужели ты не понимаешь? Как мы узнаем, что он нас не обманул? А вдруг Уртона произнесет напоследок какое-нибудь кодовое слово? Давай отложим его переход на самый последний момент. Сначала мы отправим на Землю Орка, закроем за ним врата, а затем уйдем в Многоярусный мир. Вот тогда пусть Уртона и начинает действовать. Если у него останется лишь несколько секунд, он уже не успеет натворить нам гадостей.

— Да, ты права,— сказал Кикаха.— Мне так хотелось вернуться назад, что я поторопился.

Он окликнул хозяина двorca:

— Уртона, повернись и подойди сюда.

Кикаха не расслышал того, что ответил ему властитель. Голос прозвучал очень тихо. Однако чувствительные датчики уловили кодовое слово, и огромный зал наполнился шипением. Из десятков тысяч крохотных отверстий, покрывавших пол, потолок и стены, в помещение вползало облако зеленоватого газа.

Вдохнув едкий дым с кисловатым металлическим запахом, Кикаха с трудом подавил кашель. Он задержал дыхание и направился к властителю. На глаза набежали слезы. Кикаха зажмурился, и в этот момент Уртона куда-то исчез. Рыжий Орк тоже пропал из виду. В густом зеленом тумане Кикаха различал лишь смутную фигуру Ананы. Одной рукой она зажимала нос, другой — закрывала рот, советуя ему тем самым не вдыхать отравляющий газ. Однако она немного опоздала со своим предупреждением.

Кикаха почувствовал слабость во всем теле. Он понял, что упадет в обморок, если не прочистит легкие глотком свежего воздуха. Тем не менее газ абсолютно не действовал на кожу. И в этом не было ничего странного. Иначе Уртона попал бы в смертельную западню.

Анана махнула рукой и исчезла в зеленой мгле. Она побежала к вратам в Многоярусный мир. Кикаха последовал за ней. Глаза щипало. По щекам текли слезы. Он мельком заметил фигуру Рыжего Орка, который исчез в проходе, ведущем на Землю номер один. Впереди Ананы показалась спина Уртоны. Властитель прыгнул в проем отверстия и оказался в мире зеленых небес.

Кикаха слабел с каждой секундой. Позыв кашля едва не разрывал грудь. Но он понимал, к чему может привести еще один глоток этого газа. Подавив дыхательный рефлекс, Кикаха прошел через врата.

Он ничего не знал о высоте и крутизне склона. Однако любое промедление грозило гибелью. Об осторожности пришлось забыть. Упав на ягодицы, Кикаха покатился по россыпи острых камней. Каких-то двести футов склон шел под углом в сорок пять градусов, а затем резко обрывался. Перекатившись на живот, Кикаха начал цепляться за камни. Они ранили грудь и руки, однако он не обращал на боль никакого внимания.

Кашель прорвался сквозь плотно сжатые губы. Но теперь Кикаха уже не боялся этого. Он выбрался из зеленого облака, которое медленно выползло из отверстия на поверхности горы.

Встав на четвереньки, Кикаха начал карабкаться вверх. Любое неосторожное движение могло вызвать оползень. Мелкая галька разъезжалась под ногами и со звонким перестуком катилась вниз. Приподняв голову, он увидел Анану. Она добралась до скалистого выступа, который нависал над отверстием врат. За ее поясом поблескивал рог Шамбаримена. На бледном лице застыло выражение ужаса.

— Быстрее, Кикаха! Торопись! — закричала она. — До взрыва генератора осталось несколько секунд!

Он велел ей уходить, не дожидаясь его. Кикаха знал, что на подъем потребуется не меньше минуты. Анана, видимо, хотела спуститься и оказать какую-то помощь, но после его слов взобралась на выступ и исчезла из виду. Срезая угол, Кикаха попытался преодолеть широкую полосу оползня. Он дважды скатывался вниз, но каждый раз ему удавалось остановить внезапное скольжение.

Наконец предательский щебень остался позади. Поднявшись на ноги, Кикаха ухватился за траву и одним рывком добрался до нависавшей скалы. Придерживаясь за нее одной рукой, он отбежал подальше от отверстия, а затем залез на выступ и начал карабкаться выше.

Гора вдруг дрогнула и загудела. Кикаха перекатился на плоский участок скалы. Каменистая осыпь ниже отвер-

ствия врат с громким грохотом сползла в пропасть, оставив после себя голый и чистый склон. По нему словно прошла метла гиганта.

Когда грохот камнепада затих, наступила тишина. Далекие крики птиц звучали, как финал феерической симфонии.

— Все кончилось, Кикаха, — сказала Анана.

Он повернулся и увидел ее в трех шагах от себя.

— Как только генератор разрушился, врата закрылись. Мы ощутили лишь малую часть взрыва. Иначе бы вся гора взлетела на воздух.

Кикаха спустился к краю пропасти и осмотрел груды серых камней. Внизу что-то белело. Неужели рука?

— А где Уртон? Ему удалось спастись?

Анана покачала головой:

— В отличие от нас он спускался вниз. Когда я видела его в последний раз, Уртон карабкался по отвесной скале, и ему оставалось каких-то двадцать футов до пологого склона. Но потом на него посыпались камни.

— Давай спустимся и проверим, действительно ли он мертв, — сказал Кикаха — Его последняя выходка аннулирует все наши обещания.

Уртон погиб под камнепадом. Оставалось лишь навалить на тело побольше камней, чтобы труп не растерзали птицы и звери.

Глава 26

Прошел месяц. Они по-прежнему оставались в горах. Перебравшись на другую сторону хребта, Кикаха и Анана нашли уединенную долину. За все это время туда лишь два раза забредали охотники из речной деревушки, которую они видели в проеме врат. Однако Кикаха решил, что пока лучше не встречаться с другими людьми.

Они решили построить хижину. Изготовив из ясеня лук и стрелы, Кикаха приделал к ним кремневые наконечники, а затем подстрелил несколько оленей, которых тут водилось в избытке. Выдубив шкуры, они нашли в лесной чаще небольшую поляну и установили вигвам. В двухстах ярдах ниже по склону протекал ручей. Помимо прохладной чистой воды он обеспечивал их рыбой.

Анана сшила одежду и одела из оленьих и медвежьих шкур. Теперь им больше не приходилось дрожать от утренних заморозков. Они отдыхали, набирались сил и по нескольку часов выполняли физические упражнения. Им нравилось бродить по лесу и горам, собирать ягоды и орехи, заниматься любовью под звонкие песни ручья. Они понемногу набирали вес. Впрочем, после такого долгого периода бед и лишений невинно было и отъестся. Иногда они пробирались по ночам в деревню и воровали хлеб и масло. Это помогло им разнообразить не только рацион, но и досуг.

Подслушав разговор двух жителей деревни, Кикаха убедился в том, что они попали в Дракландию. Из разговора же он узнал, что деревня принадлежит барону Ульриху фон Найфену.

— Его покровителем является герцог Вильгельм фон Хартмот. И теперь я представляю, где мы находимся. Эта река впадает в полноводную Пфав. Спустившись по ней на триста миль, мы окажемся во владениях барона Зигфрида фон Листбета — а он мой хороший друг и должен таким остаться. Я подарил ему свой замок, и он женился на моей бывшей супруге. Да-да, мы развелись. Она оказалась не той Исот*. Мы немного не ладили: она не выносила моих долгих отлучек.

— А как долго они длились?

— Иногда пару месяцев, а иногда и несколько лет.

Анана засмеялась:

— С этого дня, когда выйдешь погулять, будешь брать меня с собой.

— Ладно. С тобой можно идти хоть на край света — не то что с Исот.

Они решили погостить месяц у фон Листбета, а потом Кикаха хотел спуститься на следующий ярус планеты и отыскать племя, которое приняло бы их. Он был просто влюблен в свою Американдию. Его влекли высокие горы, непроходимые леса и огромные прерии. Он тосковал о

* В книге «Личный космос» Филип Фармер называл ее Лизой. Причем Кикаха тогда был абсолютно уверен в трагической гибели фон Листбета и своей бывшей жены.

больших реках и звонких ручьях. Ему грезились гигантские бизоны, мамонты, антилопы, медведи, саблезубые тигры, дикие лошади, бобры и миллионы птиц. На просторах этого уровня могли уместиться Северная и Центральная Америки. Там обитали дикие кентавры, большие народы и малые племена. И там еще были места, где не знали имени Кикахи-Ловкача.

Однако прежде они хотели побывать во дворце на вершине Многоярусного мира. Там, на верхнем уровне этой Вавилонской башни, им снова предстояло пройти через ворота на злосчастную Землю номер один — злосчастную, потому что они оба составили о ней ужасно плохое мнение. Перенаселенная и загаженная планета могла в любое время погибнуть в атомной катастрофе.

— Я надеюсь, что, когда мы попадем во дворец, нас встретят Вольф и Хрисеида, — мечтал Кикаха. — Тогда мы могли бы забыть о Земле. Вот было бы здорово, правда?

Они сидели на скале и смотрели на долину, по которой текла река. У подножия горы виднелась роща берез, из которых можно было сделать каноэ. В деревне пекли хлеб, и к зеленому небу поднимался белый дым. Воздух пьянил чистотой и свежестью, а земля не ходила ходуном в потугах мутаций.

Мимо пронесся черный орел. Два ястреба, покачиваясь на ветру, летели к реке за рыбой для своих птенцов. Неподалеку, в ягодных кустах ворчали гризли.

— Анана, посмотри вокруг! Разве можно не любить этот мир? Пусть Ядавин считает себя его властителем, но на самом деле это мой мир! Мир Кикахи!

Книга шестая
Гнев Рыжего Орка

Посвящается доктору Э. Джеймсу Джаннини, члену Американской ассоциации психиатров, профессору психиатрии в Университете штата Огайо, консультировавшему меня при написании этого романа.

В 1977 году доктор Джаннини работал штатным психиатром в Йейле, где к нему и пришла идея терапии, которая в этой книге называется «многоярусной». Эта идея получила развитие с 1978 года, когда доктор начал заниматься частной практикой в Янгстауне, штат Огайо. В письме от 28 декабря 1978 года он сообщает мне, что применяет новый метод психотерапии для лечения неблагополучных подростков. Этот метод основан на моем научно-фантастическом пятитомном цикле «Многоярусный мир». Пациенты-добровольцы, прочтя эту серию, выбирают себе персонаж или несколько персонажей, отождествляют себя с ними и стараются, образно говоря, ими стать. Цели и методы такой терапии и явились предметом этой книги.

В настоящее время доктор Джаннини и его коллеги готовят к публикации отчет, где та же терапия и ее результаты будут описаны с профессиональной точки зрения.

Веллингтоновский медицинский центр, Бельмонт-Сити, графство Тара, а также все люди и события в романе являются вымышленными.

Приношу благодарность Дэвиду Мак-Клинтоку из Уоррена, штат Огайо, за предоставленные им сведения по району Янгстауна.

Глава 1

26 ноября 1979 г.

Джим Гримсон никогда не намеревался съесть яйца своего отца.

Ему и не снилось, что он станет любовником двадцати своих сестер. Он не мог предвидеть, что однажды, летя на белом «Скакуне», спасет свою мать от заточения и гибели.

Как мог он, которому в октябре 1979-го было всего семнадцать, знать, что сотворит вселенную, насчитывающую с виду десять миллиардов лет?

Хотя отец постоянно обзывал его тупицей и учителя, видимо, придерживались того же мнения, Джим был настоящий книголюб. И знал современную теорию о том, как будто бы возникла Вселенная. Сперва, еще до начала времен, существовало одно только первичное яйцо. За его пределами не было ничего, даже космоса. Вся будущая Вселенная, созвездия, галактики и так далее — все это помещалось в сфере размером с глазное яблоко. И эта сфера до того перегрелась и набухла, что наконец лопнула. Это называют Большой Взрыв. Много эпох спустя разлетевшаяся материя превратилась в звезды, планеты и в жизнь на Земле.

Эта теория ЛЖЕТ, ЛЖЕТ, ЛЖЕТ!

Не только материю можно подвергнуть предельному нагреву и сжатию. Душу тоже можно сдавить так, что дальше некуда. А потом — БАБАХ!

Боже ж ты мой! Меньше чем месяц тому назад Джим неохотно пришел в психиатрическое отделение Веллингтонской больницы Бельмонт-Сити, графство Тари, штат Огайо. И стал, помимо всего прочего, властителем в нескольких вселенных, странником во многих и рабом в одной.

Сейчас он вернулся назад на родную Землю, в свою больницу. Леденя от горя, стора от гнева, он шагал взад-вперед по запертой палате.

Психиатр Джима, доктор Порсена, говорит, что путешествия Джима в иные миры происходят лишь в воображении, хотя это не значит, что они нереальны. Мысли — это не призраки. Они существуют. Стало быть, они реальные.

Сам Джим знал, что все пережитое им в карманных вселенных столь же реально, как та боль, которую он испытал не так давно, треснув кулаком о стену своей спальни. И разве его исполосованной в кровь спины недостаточно, чтобы изгнать все сомнения, которые может вызвать его рассказ? Да где там — доктор Порсена у них ученый, рационалист, реалист, и все загадочные явления найдут у него непогрешимо логическое объяснение.

Джим вообще-то любил доктора. Но сейчас он его ненавидел.

Глава 2

3 ноября 1979 г.

— Все другие пациенты, — сказал доктор Порсена, — уже перепробовали различные методы терапии. И эти методы им не помогли, хотя частично это можно приписать враждебному отношению данных больных к психотерапии любого вида.

— Как гласит древняя китайская пословица, — сказал Джим Гримсон, — «надо быть чокнутым, чтобы обратиться к психиатру». А еще в Поднебесной Империи говорят: «Шиза — это вовсе не то, что тебе приглюковалось».

Л. Роберт Порсена, доктор медицины, дипломированный психиатр, заведующий психиатрическим отделением Веллингтоновской больницы, слегка улыбнулся. Думает, наверно: еще один умник на мою голову. Эти цитаты со стенки в туалете я сто раз уже слышал. Тоже мне, «Поднебесная Империя». Выпендривается, хочет показать мне, что он не просто очередной темный, прыщавый, обкуренный, ушибленный рок-музыкой сопляк, который слетел с катушек.

А может быть, доктор ничего такого не думает. Трудно сказать, что происходит за этим красивым лицом — вылитый бы бюст Юлия Цезаря, если бы не черные, как у Фу Манчу, усы и не подстриженные по моде, точно лакированные волосы. Доктор все время улыбается. Его яркие синие глаза напомнили Джиму песню Болванщика из книжки Кэрролла про Алису:

Ты мигаешь, Филин мой! Я не знаю, что с тобой!
Высоко же ты над нами, как поднос под небесами!*

Подростки, лечившиеся у доктора Порсены, говорили, что он шаман, вроде чудотворца, первоклассный медик, владеющий магией и управляющий духами.

Доктор начал что-то говорить, но его прервал селектор на столе. Порсена нажал клавишу и сказал:

— Винни, я же просил — никаких звонков.

Но у Винни, красивой чернокожей секретарши, сидевшей за стеной, очевидно, было что-то срочное.

— Извини, Джим, — сказал доктор. — Это займет не больше минуты.

Джим почти не прислушивался к разговору — он смотрел в окно. Психиатрическое отделение и кабинет Порсены помещались на третьем этаже. Окно, как и все окна здесь, загораживала крепкая решетка. Сквозь просветы между домами Джим видел здания на набережной — а за ними река Тари, которая милей южнее впадает в реку Махонинг.

* Л. Кэрролл. «Приключения Алисы в Стране чудес». Пер Н. Демуровой. (Примеч. ред.)

А вон шпили Св. Гробиана и Св. Стефана. Может быть, мать побывала сегодня на ранней мессе. Теперь это единственное время, когда она может зайти в церковь — ведь она работает на двух работах, частично из-за него, Джима. Пожар уничтожил все, кроме дедова портрета, который вынесли из дома вместе с Джимом. Родители переехали в относительно дешевую меблированную квартиру за несколько кварталов от старого дома. Слишком близко к венгерской колонии на вкус Эрика Гримсона. Такая неблагодарность как раз в характере отца. Родственники Евы — а фактически вся мадьярская община — собрали деньги, чтобы помочь их семье в бедственном положении. Устроили лотерею и собрали. Это было здорово — ведь благотворительные пожертвования стали редкостью в последние годы из-за экономического кризиса в районе Янгстауна. Но родные Евы, ее друзья и ее церковь — они выстояли.

Хотя Ева и стала наполовину отверженной из-за своего замужества, она остается своей, венгеркой. И теперь, когда она в беде, ей представился случай осознать свою ошибку и должным образом покаяться.

В свое время у Гримсонов не хватило средств на страховую полис, который теперь мог бы покрыть все убытки, связанные с ущербом собственности или ненадежностью фундамента. Страховка от пожара имеется, но в ней не предусмотрена выплата, если пожар произошел по Божьей воле. Окончательного решения еще не вынесли.

Эрик Гримсон не мог бы позволить себе адвоката, но один из Евиных кузенов, юрист, взялся вести это дело. Если выиграет, то получит десять процентов от выплаченной страховки, а если проиграет, то ничего не получит. Своим временем он жертвует исключительно из клановой солидарности и потому, что ему жалко двоюродную сестру. То, что она вышла не за мадьяра, который к тому же нищий, лодырь и атеист, хотя и считается протестантом, само по себе уже скверно. Но потерять дом, все имущество и вдобавок иметь сына-психа — это уж слишком. Для адвоката у него доброе сердце.

Лечение Джима оплачивается по медицинской страховке, но квартальные взносы все равно очень высокие. Ева Гримсон взяла еще одну работу, чтобы их платить. Оба

раза, когда она навещала Джима, вид у нее был очень усталый. Она вся исхудала, щеки ввалились, и глаза обведены черными кругами.

Джим почувствовал себя таким виноватым, что предложил бросить лечение. Но мать на это не согласилась. Ведь перед сыном стоит выбор — пройти курс лечения или сесть в тюрьму. Окружной прокурор намеревался судить его как совершеннолетнего, что означало бы более суровый приговор. Мать готова на все, лишь бы не допустить этого. Кроме того — хотя она этого не говорит, но скрыть не может, — она верит, что Джим по-настоящему сумасшедший и останется таким, пока не полечится у психиатра.

Отец к Джиму не приходит. Джим не стал спрашивать у матери, почему Эрик Гримсон держится от него подальше. Во-первых, он и сам не желает видеть отца. А во-вторых, он знает: Эрик глубоко стыдится того, что у него сын ненормальный. Люди могут подумать, будто у них это в роду. Может, у Евы в роду так и есть — венгры все сумасшедшие. Но у Гримсонов-то ничего такого не бывало!

Вообще-то Джиму очень повезло, что его так быстро приняли на лечение. Из-за нехватки фондов в районе программы на психически больных здорово урезали. По идее, Джиму полагалось бы выстоять длинную очередь. Он не знал, каким образом попал в разряд блатных.

Он подозревал, что это дядя Сэма Вайзака, судья, использовал свое влияние. А может, и материн кузен-адвокат поднажал, не обязательно законным путем. И хотя доктор Порсена не распространяется о том, почему Джим перескочил через головы остальных, он, возможно, тоже приложил к этому руку. У Джима создалось впечатление, что доктор считает его случай очень интересным из-за старой истории со стигматами и галлюцинациями.

А может, Джим чересчур много о себе понимает. Кто он такой — просто псих из семьи рабочих, беспородный метис.

Доктор Порсена наконец повесил трубку.

— Мы говорили, что все пациенты, участвующие в нашей программе, пробовали раньше другие методы те-

рапии. И не достигли успеха, поскольку враждебно относились к психотерапии любого вида. Тебе же я предлагаю — здесь у нас не существует никакого принуждения или насилия — сразу попробовать метод лечения, в котором мы добились больших успехов.

Доктор Порсена говорил очень быстро, но четко. Его речь отличалась почти полным отсутствием всяких пауз и междометий. Никаких «э-э», «м-м», «ну», «значит».

— Это нелегко; легкого лечения не бывает. Кровь, слезы, пот и все такое. И, как во всякой терапии, успех зависит в основном от тебя. Мы никого не лечим. Больные лечатся сами под нашим руководством. Это значит, что тебе нужно захотеть справиться со своими проблемами, по-настоящему захотеть.

Доктор ненадолго замолчал. Джим обвел глазами кабинет. Комната казалась ему просто роскошной: толстый ковер на полу (персидский, наверно), мягкие кожаные кресла и диван, большой письменный стол из какого-то блестящего твердого дерева, классные обои, множество дипломов и грамот на стенах, ниши с бюстами знаменитых людей и картины, то ли абстрактные, то ли сюрреалистические,— Джим неважно разбирался в искусстве.

— Ты все понимаешь, что я говорю? — спросил Порсена.— Если что-то недопонимаешь, так и скажи. Мы все здесь для того, чтобы учиться,— и больные, и врачи. Нет никакого стыда в том, чтобы проявить свое незнание. Я в своем сознаюсь довольно часто. Я не все знаю. Всего никто не знает.

— Нет, я все понимаю. Пока. Ведь вы не говорите со мной односложными словами, как положено по новомодным психологическим закидонам. Я это оценил.

Доктор Порсена положил ладони на раскрытую папку с историей болезни Джима. Руки у него были тонкие, изящные, с длинными пальцами. Джим слышал, что доктор отличный пианист, он играет классическую музыку, но может слабая и джаз, и дикси, и рэгтайм. И даже роком не брезгует.

У него только две руки, а надо бы четыре. Он очень загружен, чего и следовало ожидать. Кроме заведования отделением, он ведет и частную практику — у него каби-

нет через квартал отсюда, на Сент-Элизабет-стрит. Еще он возглавляет ассоциацию психиатров северо-восточного Огайо и преподает в медицинском колледже.

Достижения Порсены внушали Джиму почтение. Но больше всего его впечатлял докторский серебристый «ламборгини» 1979 года. Обалденная тачка!

Доктор перевернул страницу, пробежал пару строк и откинулся на спинку стула.

— Ты, похоже, начитанный парень, — сказал он, — хотя и предпочитаешь фантастику. Так часто бывает у молодежи. Я был поклонником научной и сказочной фантастики с тех пор, как научился читать. Сначала были книжки о стране Оз, сказки братьев Гримм и Лэнга, «Алиса» Льюиса Кэрролла, гомеровская «Одиссея», «Тысяча и одна ночь», Жюль Верн, Герберт Уэллс и научно-фантастические журналы. Толкиен меня прямо-таки пленил. Потом, когда я жил в Йейле, я прочел серию романов Филипа Хосе Фармера «Многоярусный мир». Знакомы тебе эти книги?

— Да, — выпрямился Джим. — Я их люблю! Кикаха — то, что надо! Только какого черта Фармер не пишет окончание?

Порсена пожал плечами. Он был единственный известный Джиму человек, у которого этот жест выглядел изящно.

— Суть в том, что тогда же, в Йейле, я прочел и биографию Льюиса Кэрролла. И от одной фразы по поводу главы из «Алисы в Стране чудес», озаглавленной «Бег по кругу и длинный рассказ», у меня в уме что-то забрезжило. В тот миг и родилась идея о многоярусной терапии.

— Многоярусной? А, потому что «Многоярусный мир»?

— Название не хуже других, а то и получше, — улыбнулся доктор. — То был лишь проблеск идеи, зигота мысли, пламя свечки, которое вполне могли задуть буйные ветры внешнего мира или здравого смысла, логики, отвергающей божественное озарение. Но я раздул эту искру, сберег ее, взлелеял, и она разгорелась ярким пламенем.

Да, мужик что надо, подумал Джим. Не зря его зовут Шаманом.

Но взрослые так часто подводили и обманывали Джима, что он не спешил полностью довериться психиатру. Там видно будет. Посмотрим, какие дела последуют за словами.

С другой стороны, Порсене еще нет тридцати. Старый, но не совсем еще. Молодой старик.

Хорошо, что Джим занимался в биологическом классе. А то бы он не понял, что такое «зигота мысли». Зигота — это клетка, образованная от слияния двух гамет. А гамета — это репродуктивная клетка, способная слиться с другой и тем положить начало новому существу.

Джим тоже был когда-то зиготой. Как и Порсена. Как и большинство живых существ.

Слушая объяснения доктора, Джим уяснил, что в психотерапевтическом смысле он — гамета. А цель терапии — превращение в зиготу. В новую личность, созданную из старой и еще из одной, пока еще вымышленной.

Глава 3

— Пациенты, получающие многоярусную терапию, — это небольшая элитная группа, сформированная из добровольцев, — сказал доктор Порсена. — Они обычно начинают с первого тома, «Создатель вселенных», а потом по порядку прочитывают все остальные. Потом выбирают какой-нибудь персонаж и пытаются СТАТЬ этим персонажем. Они усваивают все умственные и эмоциональные черты своей ролевой модели — и хорошие, и плохие. На следующем этапе терапии они начинают избавляться от плохих черт своего героя, но хорошие сохраняют. Это похоже на то, как змея сбрасывает кожу. Бесконтрольные галлюцинации, нежелательные эмоциональные факторы, которые привели его или ее сюда, постепенно сменяются контролируемыми галлюцинациями. То есть теми, которые пациент принимает на себя, когда становится, в определенном смысле, персонажем серии Фармера. Содержание терапии далеко не исчерпывается этим, но это ты поймешь лишь со временем. Пока все ясно?

— Пока да, — сказал Джим. — Неужто это правда сбывается?

— Коэффициент неудач феноменально низок. В твоём случае, хотя ты серию и читал, тебе придется перечитать ее. «Многоярусный мир» станет твоей Библией, ключом к твоему здоровью, если ты поработаешь над ним как следует.

Джим помолчал. Он вспоминал серию и думал над тем, какого героя — некоторые из них были совсем уж злобные — ему выбрать. Кем стать, как говорит доктор.

В основе серии лежала мысль, что когда-то, много тысяч лет назад, существовала только одна вселенная. И только на одной планете в этой вселенной существовала жизнь. В конечном итоге эволюции там появился вид, напоминающий людей. И этот вид достиг знания, неизмеримо более высокого, чем все достигнутое на Земле. Благодаря своим знаниям люди той планеты получили возможность создавать искусственные карманные вселенные.

Таковыми учеными и могущественными были эти существа, что могли приспособливать законы физики к каждой отдельной искусственной вселенной. Например, ускорение свободного падения могло отличаться от величины, существовавшей в первоначальном мире. Или, скажем, карманный мир мог состоять из единственного солнца и единственной планеты. Взять Многоярусный мир. Это была планета размером с Землю, сделанная в форме ступенчатой Вавилонской башни. Крошечное солнце и крошечная луна вращались вокруг нее.

В другой вселенной планета — тоже единственная — вела себя, как пластмасса в лавалитовой колбе. Ее форма все время менялась. Горы росли и рушились на глазах. Руслу рек прокладывались за несколько дней, а потом исчезали. Моря наполнялись и высыхали. От планеты отрывались куски — точно как от термопласта в жидкости лавалитовой колбы — и кружили вокруг нее, меняя форму, а затем медленно сливались опять с основной массой.

Многие властители, как стали называть себя эти люди, покинули старый мир и поселились в искусственных карманных вселенных, которые сами сотворили. Потом война сделала старую планету непригодной для жизни и унич-

тожила всех, кто оставался там. Спаслись только властители, обитавшие в карманных мирах.

Прошли тысячелетия, и властители, жившие в мирах, уже существовавших во время войны, создали новые искусственные вселенные. И заселили их существами, которых производили в своих лабораториях. На этих планетах, помимо властителей, жили другие виды людей; все эти низшие разновидности создавались в лабораториях, хотя моделями служили сами властители.

В эти карманные миры можно было попасть через «врата». Это были проходы меж измерениями, снабженные различными видами кодов. Пришло время, и властители вступили в эпоху упадка, утратив знание, позволявшее создавать новые вселенные. Сыновьям и дочерям властителей нужны были свои миры, а возможности создать их больше не было. Тогда, что было неизбежно, между ними началась борьба за власть над тем ограниченным числом миров, что уже существовали.

К началу романа «Создатель вселенных», в поздние 1960-е годы, многие властители были убиты или лишены своих владений. Даже те, кто имел собственные вселенные, стремились завоевать другие. Властители могли жить, не старея, сотни тысяч лет, что сделало их в большинстве своем пресыщенными и обратило ко злу. Вторжение в другие миры и убийство других властителей сделалось для них игрой по-крупному.

Если они не могли творить, то могли уничтожать.

Игра в «Крепости и драконы», столь популярная среди молодежи, явно происходила из «Многоярусного мира». Врата, ловушки, поставленные властителями в этих вратах, изобретательность, необходимая для того, чтобы пройти, и опасные миры, в которых оказываешься, приняв неверное решение,— все в книгах было точно как в игре. Джим удивлялся, почему фермеровскую серию не приспособили для этой игры.

Еще больше его удивило, что серию стали использовать в психотерапии. Но вообще-то придумано великолепно. Джима это привлекало куда больше, чем обычные виды лечения — фрейдовский, юнговский психоанализ

и прочие. Хотя Джим не слишком много знал о различных психиатрических школах, они все равно ему не нравились.

Надписи со стенок туалета вспыхнули в его сознании.

«Стать психом — чем не кайф». «Лучше через край, чем за борт». «Шизофрению не подцепишь на сиденье унитаза».

Доктор Порсена взглянул на свои настольные часы. Марионетка времени, подумал Джим. Доктора и адвокаты, точно поезда, движутся по ньютоновскому времени. Об эйнштейновском они и понятия не имеют. Ни тебе побездельничать, ни потрепаться, послав к черту относительность. Зато они успевают кое-что сделать.

Психиатр встал и сказал:

— К делу, Джим. Эксельсиор! Все дальше и выше! Младшенький Вуниер выдаст тебе книги. И ознакомит тебя с правилами нашего распорядка. Да минуют тебя стальные когти Клоно, и да пребудет с тобою Сила. Увидимся позже.

Джим вышел из кабинета, уверившись, что доктор — определенно молоток. Сила, говорит. Ну, это из «Звездных войн», каждый американский пацан это знает. А вот Клоно... Многим ли известно, что Клоно — это божество, в которое верят космонавты: у него золотые жабры, бронзовое брюхо, иридиевые кишки. Его именем клянутся космопроходцы в серии Э. Э. Смита про Ленсмена.

Младшенького Вуниера Джим нашел на посту дневного дежурного около лифтов. Младшенький Вуниер! Ничего себе имечко родители дали парню. Испортили ему всю жизнь. Точно она и без того недостаточно испорчена. У восемнадцатилетнего парня волосы как у невесты Франкенштейна, спина как у горбуна из «Собора Парижской богородицы», ноги он волочит как Игорь*, а лицо как у Безобразной Герцогини из первой книги про Алису. Кроме горба, его давит еще и пристрастие к наркотикам. Он сидел на амфетамине. Остается надеяться, что его замели до того, как он сжег себе мозг.

А хуже всего то, что он все время пускает слюни.

* Слуга доктора Франкенштейна из одноименного фильма. (Примеч. пер.)

Надо же — а ведь Джим Гримсон считал себя самым несчастным человеком на свете!

Джим жалел беднягу, но выносить его не мог.

Ну и кого же выбрал себе Младшенький Вуниер ролевой моделью? Кикаху, красивого, сильного, ловкого и находчивого героя. Хотя Джим полагал, что ему скорее следовало бы выбрать Теотормона. Это такой властитель, которого собственный отец захватил в плен и в своей лаборатории жестоко превратил в чудовище с рыбьими плавниками и уродливым, звериным лицом.

Вуниер сходил в кладовую и вынес Джиму пять книжек в бумажной обложке.

— Читай и плачь, — сказал он.

Джим сунул стопку книг под мышку. Спасут они его? Или только поманят, как манило все остальное, а в результате — новый облом?

Вуниер отвел Джима в его комнату по пустому в этот час коридору. Все или в своих комнатах, или в рекреации, или на индивидуальной и групповой терапии. В длинных широких коридорах с белыми стенами и серым полом шаги их двоих отдавались эхом. Джима пока что поместили в одноместную палату, маленькую и имеющую самый больничный вид. Но даже крохотный стенной шкафчик, который там имелся, был слишком емок. Вся одежда, которую имел Джим, была на нем, да и ту принесла ему мать, а ей дала миссис Вайзак. Сэмовы вещи были тесноваты Джиму, и обувь позорная, «оксфорды» с квадратными носками — Сэм надел бы такие только под страхом смерти, что его мать, возможно, ему и посулила.

— Книги можешь положить сюда. — Вуниер показал на нишу в стене. — А теперь я прочту тебе правила.

Он прислонился к стенке, поднес листок обеими руками к самому лицу и начал читать вслух, брызгая слюной на бумагу.

Елки зеленые, подумал Джим. Чисто гейзер.

Он сел на единственный стул — деревянный, со съемным сиденьем. Сейчас бы сигарету. Зубы у него ныли, нервы были натянуты, как телефонные провода, и настроение срочно нуждалось в починке.

Вуниер все бубнил, точно буддийский монах, выпе-
вающий сутру о лотосе. Пациент обязан содержать свою
комнату в чистоте и порядке. Пациент обязан ежедневно
принимать душ, следить за чистотой ногтей и так далее.
Телефоном можно пользоваться только на посту дневного
дежурного, и нельзя занимать его дольше четырех ми-
нут. Курить разрешается только в холле. Писать на стенах
запрещено. Пациенты, попавшиеся с непрописанными
им наркотиками, со спиртным или с телкой (как выра-
зился Вуниер), выкидываются к чертовой матери.

— А когда дроишь,— добавил он,— не делай это в ду-
ше и вообще при людях.

— А перед зеркалом можно? — спросил Джим.— Это
как — при людях или нет?

— Остряк-самоучка,— буркнул Вуниер.— Знай выпол-
няй, что тут написано, и все будет прекрасно.

Он доволот ноги до стены напротив и содрал с нее
какой-то листок с печатным текстом. Джим успел прочесть,
прежде чем листок отправился в корзину:

НЕ БОЙСЯ ИСКУЛАПА.

Был там и рисунок.

— Какой-то умник лепит такое во всех комнатах,—
сказал Вуниер.— Мы зовем его Алыи Буквовщик*. Зад-
ница у него будет алая, если попадетсЯ.

Теперь на стене остались только несколько изречений
в рамочках, похожие на вырезки из «Саттердей ивнинг
пост», да календарь.

— А мантры? — спросил Джим.— Они висят во мно-
гих комнатах.

— Это нормально, это входит в терапию. Некоторым
они нужны, чтобы проникнуть в Многоярусный мир.—
Вуниер помолчал и спросил: — Ты решил уже, кого вы-
берешь?

Он явно напрашивался на разговор. Одиноко ему, на-
верно, бедняге. Но Джим не желал жертвовать собой ра-

* Намек на роман классика американской литературы Натаниэля Го-
торна (1804—1864) «Алая буква». (Примеч. ред.)

ди человека, с которым у него не было никакой охоты говорить.

— Нет,— сказал он, встав, потом снова хлопнулся на стул и заглянул под кровать.— А это что такое?

Вуниер раскрыл глаза и тоже хотел заглянуть под кровать, но передумал.

— Ты о чем?

— Там шевелится что-то. Я думал — это тень, но оно очень темное, чернее тени. Наверно, если сунуть туда руку, она отмерзнет и уплывет в четвертое измерение. Наверетено похоже. С фут длиной. Вот — опять шевелится!

Вуниер стрельнул глазами в сторону кровати и устоялся на Джима.

— Ну, мне пора,— сказал он. И с деланной небрежностью добавил: — Ты уж сам займи своего гостя.— А потом убрался из комнаты очень быстро.

Джим громко засмеялся, как только решил, что Вуниер его не услышит. То, что он будто бы видел, Джим позаимствовал из романа Филипа Уайли — название он позабыл,— но не знал, правда ли Вуниер поверил, что под кроватью что-то есть, или просто испугался, что на Джима «накатило».

Через минуту, однако, настроение Джима сделалось каким-то полосатым — и черным, и красным. Точно фазы тока. Депрессия, перемежающаяся со злостью. Психологи говорят, что депрессия — это злость, направленная против себя самого. Как же можно тогда за одну минуту испытать обе эти напасти — словно выключателем щелкают туда-сюда? Пожалуй, он и правда вот-вот сберендит.

МАНИАКАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ВЫЗЫВАЕТ СИЛЬНУЮ ДЕПРЕССИЮ.

Надо будет прилепить это в туалете. Он докажет им, что их чертов неуловимый Алый Буквощик — не единственный, кто способен нанести удар из тьмы.

У него даже своей одежды нет. И денег нет. Отними у мужчины или женщины все имущество и деньги — и вот перед тобой человек, лишенный всякого мужества и всякой женственности. Это уже и не человек. Если он только не индийский факир и не йог, не часть общест-

ва, в котором такие люди считаются святыми. В этом мире человека делают одежда и деньги — здесь только король может ходить голым, оставаясь человеком.

У него нет ничего.

Все так же сидя на стуле и глядя в ничто на ничто, глядящееся в зеркало, Джим почувствовал, что чернота уходит. Она сменилась красным — красным, захлестнувшим каждую клеточку тела и мозга.

Но у человека, который испытывает гнев, кое-что уже есть. Гнев — это позитивная величина, даже если ведет к негативным действиям. В одном стихотворении, которое он читал когда-то давно, говорилось — как же? Джим не помнил наизусть... Ярость сделает свое там, где разум бессилён.

Джилмен Шервуд, один из больных, просунул голову в дверь.

— Эй, Гримсон! Через десять минут групповая терапия!

Джим кивнул и встал со стула.

Он знал теперь, кого выберет. Кем станет.

Это будет Рыжий Орк, властитель-злодей, самый опасный враг Кикахи. Подлый и свирепый сукин сын. Всех лягает в зад, потому что у самого задница красная.

Глава 4

3 октября 1979 г., Хэллоуин (канун Дня всех святых)

Что-то разбудило Джима еще до того, как зазвонил будильник. Мутными со сна глазами он посмотрел вверх. Трещины на потолке медленно складывались в карту хаоса. Или это начальный набросок какого-нибудь зверя или загадочного символа? Новые трещины ответвились от старых с тех пор, как он вечером лег спать.

Звон будильника заставил его подскочить. Дзы-ынь! Проснись и пой! Подымайся, ленивец! Двигай! Двигай! В атаку, вперед!

Утреннее солнце светило сквозь тонкие желтые занавески, и видно было, как из трещин сыплется белая пыль.

Земля под домом шевельнулась и тряхнула его кровать. Прямо под ним, в давно заброшенных горных выработ-

ках под Бельмонт-Сити, что-то сдвинулось или осыпалось, и дом Гримсонов еще чуть-чуть просел или покосился.

Три месяца назад за четыре квартала от их дома два соседних здания провалились во внезапно открывшуюся яму два фута глубиной. Теперь они стояли, прислонясь друг к другу, а веранды с них и спереди и сзади сорвало. Раньше между ними было шесть футов расстояния, а теперь их втиснуло в дыру рядом, и они торчали, точно две очень большие и очень твердые свечки у великана в заднице.

Толчок, происшедший минуту назад, выдернул Джима, словно форель на крючке, из кошмара. Но Джим стонал и скулил во сне не потому, что увидел какое-то чудовище. Это был черный на черном сон, где ничего, совсем ничего не происходило.

Джим приказал себе поднять свои усталые кости с постели. «С песней на устах». Угу. С песней вроде «Хмурого воскресенья». Только сегодня-то среда, день всех душ.

Комната была очень мала. Семь больших плакатов были припилены к выцветшим обоям с красными розами на светло-зеленом фоне и к обратной стороне двери. Самый большой изображал Кейта Муна, великого и недавно сошедшего с ума барабанщика группы «Ху». А самый яркий представлял пятерых членов «Хот Вотер Эскимос», местной рок-группы. «План» Диллард блюет в саксофон; Вероника Паппас, «Поющая дырка», кажет микрофон из-под кожаной мини-юбки; Боб Пеллегрино, «Птичкина кака», производит мастурбацию барабанной палочке; Стив Ларсен, «Козел», взвалил на горб гитару; Сэм Вайзак, «Ветряк», брякает по клавишам. Над этой мерзкой компашкой висела дюжина коровьих колокольчиков, вместе напоминающих НЛО в полете. Вблизи и при ярком свете можно было разглядеть тонкие проволоочки, прикрепляющие их к потолку.

Джим в рваной зеленой пижамной куртке, красных пижамных штанах и черных носках вылез из постели и открыл дверь. Точно, она открывается туже, чем вчера. Джим прошел налево по темному холлу. Тускло-зеленый ковер на полу совсем протерся. В тесной ванной Джим зажег свет. Взглянув в зеркало, он поморщился. Под ко-

жей назревал третий прыщ. Рыжие усики еще немного подросли со вчерашнего дня. В уикенд придется побриться. Тупое лезвие (отец их хранит, потому что новые слишком дорого стоят) поцарапает его, сдерет корочку со свежесдавленных прыщей, и из них пойдет кровь.

Джим помочился в раковину. Так он помогал своему отцу, Эрику Гримсону. Эрик всегда разорялся, что, если часто спускать воду, слишком много надо платить по счету. А еще это была маленькая, хоть и тайная месть Джима их домашнему тирану, в каждой бочке затычке.

Стоя над раковиной, Джим изучал себя в зеркале. Большие синие глаза у него от обоих родителей: и от норвежца-отца, и от венгерки-матери. Рыжеватыми волосами, длинной челюстью и выступающим подбородком наделил его Эрик Гримсон. Маленькие уши, длинный прямой нос и слегка восточный разрез глаз — это дары матери, Евы Наги-Гримсон. Рост шесть футов и полдюйма — это от отца. Джиму надо подрасти еще на три дюйма, чтобы сравняться с виновником своих дней. Старик у него жилистый и узкоплечий, но Джиму широкие плечи достались с материнской стороны. Братья у матери хоть и малы ростом, зато крепкие и мускулистые.

Боже ж ты мой! Избавиться бы от проклятых прыщей — и он был бы очень даже ничего. Мог бы даже добиться какого-то успеха у Шейлы Хелсгетс, у самой красивой девочки в Бельмонтской Центральной средней школе, предмета его воздыханий. Джим все собирался посмотреть в словаре, что в точности означает «предмет воздыханий». Джим понимал это выражение так, что любовь у него безответная, что он для нее значит не больше, чем для спутника на орбите задевающий его радарный луч.

Единственные слова, с которыми она когда-либо обращалась к нему, была просьба держаться от нее с подветренной стороны. Это обидело Джима, но не настолько, чтобы он перестал ее любить. Он стал мыться два раза в неделю — серьезная жертва с его стороны, если учесть, как мало у него времени на разные пустяки.

Уж эти прыщи! И зачем только Бог, если он есть, проклял ими подростков?

Поплескав водой на лицо и на пенис и вытерев их полотенцем, которым, по идее, вытирается только отец, Джим направился на кухню. Несмотря на темноту в холле, на ковре была заметна белая пыль от штукатурки. Придя на кухню, Джим увидел новые трещины на позеленевшем потолке. На газовой плите и покрывающей стол клеенке тоже лежал тонкий слой белой пыли.

— Скоро провалимся в дыру, — пробурчал он. — Прямиком в Китай. Или в ад.

Он торопливо принялся готовить себе завтрак. Открыл дверцу сорокалетнего холодильника, в котором охлаждающая спираль напоминала марсианскую сторожевую башню, и достал из него банку майонеза, польскую колбасу, польский консервированный перец, такой острый, что на выходе обжигает задний проход, половинку почерневшего банана, увядший салат и холодный хлеб. Закрыть дверцу он забыл. Пока закипала вода на чашку растворимого кофе, Джим нарезал колбасу и банан и состряпал себе сандвич.

Он включил радио, купленное отцом его отца в день появления на рынке первых транзисторных приемников. Старый ламповый «Дженерал Электрик» пылился на битком набитом чердаке вместе с кипами старых газет и журналов, поломанными игрушками, поношенной одеждой, битой посудой, ржавыми столовыми приборами, облысевшими подметальными щетками и перегоревшим пылесосом «Гувер» выпуска 1942 года.

Эрик и Ева Гримсон не в силах были расстаться ни с чем, кроме пищевых отходов, да и те не всегда выбрасывали. Лишиться своего добра для них все равно что отдать кусок собственного мяса. Большинство людей оставляет прошлое позади. Его родители громоздили его у себя над головой.

Джим откусил большой кусок сандвича, сопроводив его куском польского перца. С огнем во рту и слезящимися глазами он выключил газ и вылил кипяток в чашку. Пока он размешивал кофе, ВИЭК, единственная рок-станция в Бельмонт-Сити, врубилась на конце сообщения о погоде. А потом запустила шестнадцатый номер местного

недельного хит-парада. «Твоя рука — не то, что надо мне!» Первая песня «Хот Вотер Эскимос», которую Джим слышал по радио. Ей же суждено было стать и последней.

Наливая в стакан холодную воду из-под крана, он услышал рычание, исходившее не из радио. Приемник умолк. Пару секунд было тихо, только вода бежала. Потом за спиной у Джима снова раздался рык.

— Черт! Сто раз говорил, чтобы оно у тебя не орало! Ей-богу, я выкину это проклятое радио в окошко! И закрой этот поганый холодильник!

Голос был тихий, но густой и принадлежал отцу, его законному властелину. В детстве этот голос наводил на Джима страх и трепет — ребенку казалось, что он нечеловеческий. Джиму и до сих пор так казалось.

Однако были ведь и моменты, когда он любил этот голос, смеялся, слыша его. Вот это и путало отношение Джима к отцу. Но сейчас всякая путаница отсутствовала.

Джим выпрямился, закрыл кран и отпил из стакана, медленно оборачиваясь. Эрик Гримсон был высокий, краснолицый, красноглазый, с набрякшими веками, мордастый и пузатый. Лопнувшие сосуды на его носу и щеках напомнили Джиму о трещинах на потолке.

Иисус, Мария, Иосиф!

Опять конфликт поколений, как выражается школьный психолог. Опять сцепляться рогами с этим говнюком, как выразился про себя Джим.

Папаша сел, поставил локти на стол и упер подбородок в ладони. Какой-то миг казалось, что он сейчас заплачет. Потом он стукнул ладонями по столу, аж сахарница подскочила. Он жег Джима взглядом, но руки у него тряслись, когда он зажигал спичку и закуривал.

— Ты нарочно сделал громко, так ведь? Чтобы не дать мне спать. Богу известно, и вам с матерью тоже известно, как мне нужен сон. Но разве ж ты дашь поспать? И почему! Из чистой вредности, из подлого чувства противоречия, которое у тебя от матери, вот почему! Сказано тебе — закрой холодильник! Ах ты... змей! Змей зловредный, вот ты кто!

Он опять хватил рукой по столу. Облако пивного перегара, идущее от него, заставило Джима сморщиться.

— Больше я твоих пакостей терпеть не стану! Богом клянусь, выкину это поганое радио в окошко! И тебя следом!

— Давай выкидывай! — сказал Джим. — Не больно меня это колышет!

Он не боялся, что отец поймает его на слове. Как бы ни был зол Эрик Гримсон, он не станет уничтожать ничего, что стоит денег. Эрик поднялся со стула.

— Пошел вон! — заорал он. — Вон, вон, вон! Чтоб я не видел тут твою паскудную рожу, выродок патлатый! Катись, или я погоню тебя до самой школы пинками в зад! Катись сию минуту!

Старик нарывается, чтобы я его ударил, подумал Джим. Тогда он переломает сыну пару костей, пустит ему кровь из носа, двинет его в живот, пнет в мошонку, врежет по почкам.

Сделает как раз то, что и он хотел проделать со своим стариком — и проделает когда-нибудь.

— Ладно! — заорал Джим в ответ. — Ухожу, забулдыга, нищесброд, пожизненный кандидат на пособие, паразит, лодырь, неудачник! А холодильник сам закрывай.

Бетономешалочный голос Эрика стал еще ниже, но громче. Лицо у него побагровело, рот широко открылся, обнажив кривые, желтые от табака зубы. Глаза выкатились, точно два кровавых сгустка.

— Ты как с отцом разговариваешь! Ты, паршивый хиппи, вонючий... вонючий...

— Розовый комми, — подсказал Джим, пробираясь мимо отца лицом к нему. Сын приготовился в случае чего дать сдачи, но его пробирала дрожь.

— Вот-вот! В самую точку! — проревел отец.

— Но Джим уже бежал через холл. У самой двери в свою спальню он увидел, как открылась дверь в дальнем конце коридора. Из узкой щелки вырвался мерцающий свет и сильный запах ладана. Выглянула мать. Она, как обычно, молится и перебирает четки, стоя на коленях перед статуэтками в своей комнате. Она прекрасно слышит, как они ругаются, но вместо того, чтобы выйти и заступиться за сына, прячется за дверью и ждет, когда воцарится мир и покой, хотя бы относительный.

— Скажи Богу, пусть вставит себе! — крикнул Джим.

Мать ахнула и скрылась, медленно и бесшумно приотворив за собой дверь. Вот такая у него мать. Медленная и беззвучная, тихая и кроткая. И проку от нее не больше чем от тени, на которую она смахивает. Она так долго жила среди призраков, что сама стала призраком.

Глава 5

Джим, уже одетый и со школьной сумкой в руке, выскочил из дома. На пороге, изрыгая оскорбления и угрозы, стоял отец. Нет, он не собирался преследовать сына за пределами своей территории, на которой чувствовал себя в безопасности. Здесь, у себя, он царь, бог и воинский начальник. Хотя его земля на самом-то деле не его, а банковская, если уж соблюдать точность. А если туннели и шахты под домом будут все так же оседать, она скоро станет просто мать сырой землей.

Небо было ясное, и солнце обещало прогреть воздух градусов до семидесяти с лишним. Отличный денек для Хэллоуина, хотя по радио и сказали, что попозже соберутся тучи.

Это только внешне. Вокруг Джима гроыхал гром, точно сердитый людоед швырял на своей кухне горшки и сковородки. Черные тучи неслись по его персональному небу, предвещая, что дальше будет еще хуже.

Эрик Гримсон продолжал кричать и тогда, когда сын отошел на квартал от дома. Пара соседей высунули головы за дверь посмотреть, что за гвалт. Джим летел вперед, размахивая сумкой, где лежали пять учебников, в которые он накануне вечером и не заглядывал, карандаши, шариковая ручка и две тетрадки, в которых Джим в основном пытался писать стихи. Еще там лежали три потрепанные и грязные книжки в бумажных обложках: «Нова-Экспресс», «Венера в раковине»* и «Древний Египет».

Мать не успела приготовить Джиму завтрак. Ну и ладно. Все равно желудок жжет, точно кулак, в котором зажата раскаленная докрасна колючая проволока.

* «Нова-Экспресс» — роман У. Берроуза; «Венера в раковине» — роман Ф. Х. Фармера. (Примеч. ред.)

Чересчур много, чересчур долго.

Когда же Большой Взрыв разнесет его в клочья?

Он уже грядет, он уже грядет.

В тетрадке было последнее стихотворение Джима, «Ледники и новые звезды».

Гори, гори, гори, гори!
Ничто не покажет, как я накален.
Слова — лишь тени; ярость — вот суть.
Дядя Сэм мой огонь прихлопнет,
Дядя Сэм — ползуший ледник,
В нем пять миль высоты, он горы
Состругивает под гребенку.
Ледник хочет, чтоб все было плоско,
Он хочет всякий огонь загасить.
Папа с мамой — ледовые горы,
Идут на меня охладить мой огонь.
Гигантский айсберг Белого дома,
Тролли из ФБР,
Бесы из ЦРУ,
Оборотни-легалы окружают меня.
Морозильник тюрьмы мой огонь заморозит.

Ахав* преследует Моби Дика,
Белого, как здоровенный член,
Ахав срывает маску с Бога,
Он — снаряд, готовый взорваться,
Но он только свечка по сравнению со мной.

Эру за эрой, век за веком
Старый диспетчер Время при деле,
Экспресс «Солнце» знай себе шпарит
К станции под названием Новая,
Взрывает, сжигает, испепеляет,
Усеет Плутон осколками Марса,
Ледник отдаст мой застывший труп,
Ледник, как и все кругом, загорится,
Застывший труп снова вспыхнет огнем.
Праведный огонь не загасишь.
Гори, гори, гори, гори!

Здесь было сказано все, однако не совсем все.

* Герой романа Г. Мелвилла «Моби Дик», капитан, преследующий легендарного белого кита. (Примеч. пер.)

Вот почему кино, живопись и рок — особенно рок — иногда лучше слов. Они высказывают то, чего нельзя высказать. Лучше, чем слова.

Улица вокруг Джима на миг заколебалась. Стала мерцающей и зыбкой, как мираж в пустыне. Потом остыла и сделалась опять незыблемой. Корнплантер-стрит стала такой же прочной, как пару секунд назад. И такой же убогой. В семи кварталах от Джима над крышами маячили черные гигантские трубы и верхние этажи сталепрокатного завода Хелстетса. Гиганты были мертвы, ведь из них не валил больше черный вонючий дым. Джим помнил их живыми, хотя это было давным-давно, точно в прошлом веке.

Дешевая заграничная сталь задушила металлургию района. С той поры — так казалось Джиму — и начались несчастья его родителей, а стало быть, и его несчастья. Плавильные печи, извергая на город грязь и отраву, извергали также и благосостояние. А вместе с чистым воздухом пришли бедность, отчаяние, ярость и насилие. Хотя горожане могли теперь рассмотреть дом в двух кварталах от себя, своего будущего они разглядеть не могли и как будто не очень к этому стремились.

Эта улица и весь город были настоящей «Улицей Отчаяния», о которой поет Боб Дилан.

Джим вез по растрескавшемуся тротуару свои грязные, потертые ботинки. Он шел мимо двухэтажных бунгалов, построенных сразу после войны. Перед некоторыми из них были палисадники; заборчики кое-где были выкрашены белой краской и не так давно подправлены. Внутри загородок были кое-где красивые газоны. А там, где травы было мало или вовсе не было, стояли на кирпичках старые машины или разобранные мотоциклы.

Утреннее солнце сияло на безоблачном синем небе. Но Джиму давно уже казалось, что свет в Бельмонт-Сити не такой, как везде. Здесь он был особенно резким и в то же время точно песок. Как может солнечный свет в чистой атмосфере напоминать песок? А вот поди ж ты. Джим не помнил, с каких пор ему стало так казаться. Вроде бы с тех, как у него начали расти волосы на лобке. Бздынь! И вот Он, необоримый Он. Бздынь! Он встает и

раздувается, как рассерженная кобра, ни с того ни с сего — был бы хоть малейший намек на секс. Что угодно — фильмы, фото, реклама, шальные мысли, возникающие в уме образы — пробуждает Его к жизни, точно колдунья при помощи волшебной палочки. Бздынь! А вот и Он, хочешь красней, хочешь — нет.

Тогда-то дневной свет в Бельмонт-Сити и стал резким и песчаным.

Или нет?

А может, это началось, когда Джима посетило первое «видение». Или когда на нем впервые появились «стигматы».*

За полквартала впереди по Корнплантер-стрит Джим увидел своего закадычного дружка, Сэма Вайзака (Ветряка). Сэм стоял у белого штaketника в своем палисаднике. Джим прибавил шаг. Только дед, Рагнар Гримсон, норвежский моряк и механик по локомотивам, да Сэм Вайзак любили Джима по-настоящему. Все они были точно камертоны, настроенные в унисон. Но дед уже пять лет как умер (может, это тогда свет стал резким и песчаным), и теперь только Джим и Сэм звучали на одинаковой частоте.

Сэм был ростом шесть футов и очень тощий. Его худая и заостренная физия могла бы послужить моделью для Койота из мультика «Догонялки». У Сэма был в точности такой же голодный и отчаявшийся вид, но в близком посаженных, темно-карих глазах не наблюдалось, как у Койота, неугасимой искорки надежды. Блестящие черные волосы стояли на голове шапкой, почти как «африканское солнце».

— Какие люди! — закричал Сэм, завидев Джима. Голос у него был пронзительный и плаксивый. Он проделал танцевальную дорожку, сопроводив ее пением первых шести строк из одного стихотворения Джима. Джим считал, что стих хороший, но «Хот Вотер Эскимос» отвергли его как «не совсем рок». Первая строчка в нем — это фраза, которую сибирские шаманы произносят во время маги-

* Психопатическая реакция, при которой у фанатично верующих появляются раны на тех же местах, что у распятого Христа. (Примеч. пер.)

ческих обрядов, слова, превращающие хаотические силовые линии в могущественные орудия добра или зла.

Целиком песня звучала так:

АТА МАТУМА М'МАТА!
Ты в проблемах, как в дерьме?
Зови сибирского шамана.
Он гарантирует результат,
Он поет, как пел в каменном веке:
АТА МАТУМА М'МАТА!
Нужны магические предметы,
У Неймана Маркуса их не купишь.
Перо ангела, зуб Дракулы,
Малярия белого мишки,
Сдержанное слово политика,
Вопль капитана Крюка у писсуара,
Сера из уха доктора Спока,
Зрительский рейтинг феи Динь-Динь*,
Сок томатный с резусом минус,
Джека-Потрошителя нежные чувства,
Игольное ушко, где богач застрянет,
Пупки наших предков Адама и Евы,
Виза со штампом самого Сатаны.
Смешай все это, как Бетти Крокер,
Кипящее варево остуди.
Когда остынет и вззоет в голос,
Выпей его, выпей его!
АТА МАТУМА М'МАТА!

— Не помогает заклинание, Сэм,— сказал Джим.— Я в полном провале. И злой, как собака, прямо фитиль в заднице.

Миссис Вайзак смотрела на него в окно. Она была большая, с грудями, как у Матушки-Земли — настоящая могучая Мать. Это она заправляла всем в семье, не то что мать Джима. Мистер Вайзак, и сам не слабак, был тенью своей жены. Она повернется — и он повернется. Она скажет — он кивнет.

Миссис Вайзак глядела как-то странно. Может, она хотела бы, чтобы Джим тоже был ее сыном? Ее бы воля — она бы завела по меньшей мере шестерых, целый род,

* Капитан и фея Динь-Динь — персонажи сказки Дж. Барри «Питер Пэн». Доктор Спок — персонаж популярного научно-фантастического телесериала «Звездный путь». (Примеч. ред.)

плодоносила бы, как дерево. Но после первого же ребенка, Сэма, ей удалили матку. Мистер Вайзак, будучи в безжалостном настроении, что случалось с ним часто, говорил, что Сэм отравил ей утробу.

А может, она так странно смотрит, потому что думает, что у Сэма друг со странностями? Не всякая мать захочет, чтобы с ее сыном водился мальчик, у которого бывали какие-то видения и появлялись стигматы.

Мать Джима — дело другое. Сначала ей думалось, что Джим — новый святой Франциск, из-за нездешних вещей, которые он видел, и его необъяснимых кровотечений. Но когда Джим подрос, она перестала мечтать о его канонизации. Теперь она спрашивала себя, уж не совокупилась ли она с дьяволом во сне и не от этого ли родился Джим. Вслух она об этом никогда не говорила, зато отец говорил. И Джим был уверен, что отец повторяет ее слова. Правда, папаша и сам мог выдумать. Если он мучил сына не весь день напролет, так только потому, что у него были другие дела. Например, выпивка и игра.

Джим помахал миссис Вайзак рукой. Она отпрянула, словно испугалась, но тут же вернулась к окну и помахала в ответ. Поскольку она никого не боится — вот бы и его мать была такой, — то, наверное, думала о нем что-нибудь плохое. И ей стало стыдно. Или он слишком чувствительный и слишком много о себе понимает? Так говорили ему и отец, и куратор в школе.

Джим и Сэм пошли своей дорогой. Сэм мотнул головой, и его афрошевелюра качнулась, словно плюмаж на шлеме троянского воина.

— Ну? — проныл он Джиму в ухо.

— Чего ну?

— Господи Иисусе, ты говоришь, что в полном провале, и мы целый квартал прошли, а от тебя ни слова! Чего стряслось-то? Все та же история? Ты и твой старик?

— Угу. Извини. Я задумался, ушел в себя. Как-нибудь уйду и не вернусь. А зачем? Вот тебе моя жалкая и печальная повесть.

Сэм слушал его, вставляя временами только: «Офонареть, парень! Офонареть!» Когда Джим закончил, Сэм сказал:

— Вот гадство, да? Ну что тут сделаешь? Да ничего — таков закон предков. погоди, вот будет тебе восемнадцать, тогда сможешь послать своего старика к такой-то матери.

— Если мы до того не поубиваем друг друга.

— Ага. Конец фильма! Продолжения не последует. Злишься? Слушай, мы с мамашей утром поругались, прямо как ты с отцом. Только у матери тема одна — музыка. «Я работала так, что задница отваливалась,— говорит она,— ради того, чтобы ты мог учиться музыке, и теперь ты умеешь играть на фортепиано и на гитаре. Но я не для того мыкалась продавщицей в бакалейном, сидела с детьми и бог знает чем еще занималась, каждый пенни считала, чтоб ты стал рок-музыкантом. А теперь еще вырядишься как панк, будешь точно пьяный головорез-краснокожий и опозоришь меня с отцом, наших друзей и отца Кохановского! Святители небесные, Дева Мария, помогите мне! Я-то хотела, чтобы ты играл классику, Шопена и Моцарта, чтобы я могла тобой гордиться! Погляди на себя!» Ну и прочее. Все то же дерьмо. Я и ляпнул то, чего не следовало,— но у меня уж тогда прямо в глазах помутилось.

Сэм описал несколько кругов обеими руками, в одной из которых был мешочек с завтраком. Ветряк заработал.

— «Задница, говоришь, отваливалась?» — говорю я ей. — А это что, верблюд?» — И показываю на ее мощную казенную часть. Прости мне, Боже, я ведь люблю мать, хоть она и проедает мне плешь. В общем, пришлось спасаться бегством. Она швыряла в меня посуду и гонялась за мной с метлой. Я пронесся по всему дому и вылетел на задний двор, а она знай вопит, а старик ржет как сумасшедший, прямо по полу катается — рад, что досталось еще кому-то, кроме него.

Джима обидело, что... Сэма не очень трогают его проблемы с отцом. А Джим-то ему открылся, ища всем существом поддержки, понимания и совета. Вот тебе и друг, ближе которого нет. Игнорирует абсолютно не терпящий отлагательства кризис своего друга и говорит о собственных трудностях — Джим и так о них слышит слишком часто.

Они свернули с Корнплантер-стрит на Питтс-авеню. По ней еще шесть кварталов до Бельмонтской Центральной средней школы. Мимо них проносились машины со школьниками. Никто из машин не помахал двум пешеходам и не окликнул их, хотя все их знали. Джим чувствовал себя отверженным, прокаженным, хотя единственная его кожная болезнь — это прыщи. От этого его настроение сделалось еще чернее, его гнев еще краснее.

Иисусе Христе! Эти снобы не имеют никакого права смотреть на него сверху вниз из-за того, что у него отец безработный, что Гримсоны нищие и живут в непрестижном рабочем районе. Они, у кого есть машины, сами не больно-то богатые, кроме Шейлы Хелсгетс, да и у ее семьи дела не очень-то хороши. Закрытие стальных заводов подкосило и ее отца. Он, наверно, сейчас стоит не больше какого-нибудь миллиона, да и то в недвижимости и акциях, которые упали в цене. Джим, по крайней мере, так слышал.

Сэм не имел понятия, как безумно и безнадежно влюблен Джим. Джим скрывал кое-что от своего кореша — не хотел, чтобы над ним смеялись. Например, свою страсть к Шейле Хелсгетс, или то, что он вперемежку с рок-текстами пишет «настоящие» стихи, или что он много читает и словарь у него гораздо богаче, чем у Сэма и других ребят из их компании, хотя он не всегда знает точно значение того или иного слова.

— ...сигаретку? — спросил Сэм.

— А, что?

— Господи Боже! Очнись! В космосе ты, что ли? Вернись на грешную землю. Я спрашиваю — хочешь забить гвоздок себе в гроб?

Сэм держал в немытой руке с грязными ногтями два «кэмела» без фильтра. Джиму следовало быть благодарным — у него не было денег, чтобы купить целую пачку. Но ему почему-то не хотелось курить.

— Да ну ее! А допинга, случайно, нет?

Сэм сунул одну сигарету в угол рта, другую спрятал в карман своей черной рубашки и полез в наружный карман синего пиджака. Оттуда он извлек три капсулы.

— На. «Черные красотки». На воздушном шаре до луны с гарантией. Только осторожней при посадке.

— Спасибо. Одну возьму. Будет за мной.

— С тебя теперь семь долларов причитается, — сказал Сэм и тут же добавил: — Это я просто бабки подбиваю. Не к спеху. Ты знаешь, у меня тебе кредит всегда открыт. И сигареты я тоже в счет не включаю. Когда у тебя будут, ты меня выручишь. Ты сам говоришь, что мы Дамон и Пифий, или как их там звать.

Джим положил капсулку в рот и проглотил всухую, собрав во рту побольше слюны.

Бифетамин сработал быстрее, чем обычно. Ап — и там, где была усталая кровь, как говорится в рекламе, потекла река расплавленного золота. Она прошла по его венам, не говоря уж об артериях, и каждая молекула норовила обогнать других, чтобы попасть сначала к сердцу Джима, а потом выйти на очередной головокружительный виток. Резкий песчаный свет стал мягким и густым.

Сэм тоже сунул «черную красотку» в рот и тут же закурил. Он глубоко затянулся, выдохнул дым и догнал Джима. Джим смотрел по сторонам, точно первый раз видел все это. Он видел верхушку школы над убогими домишками (Питтс-авеню — тоже трущоба будь здоров). Дальше, к северо-востоку, стоит трехэтажное здание из бурого кирпича с тосканскими колоннами — Веллингтоновская больница. На юго-востоке торчит шпиль Св. Стефана, это самая середка венгерского квартала. Его мать всегда проходит мимо Св. Гробиана, ирландской церкви, и ходит к Св. Стефану, хотя это лишняя миля пути.

Если оглянуться на север, там виден купол муниципалитета. Вот где работа кипит — и по большей части грязная, если верить запойному дядьке Сэма Вайзака, судье.

Питтс-авеню идет строго на север и кончается у подножия Золотого Холма. Там, в поднебесье, расположены дома королей и королев Бельмонт-Сити. Они там потягивают свои martini, считают свои денежки и глядят сверху вниз на быдло, на пролетариат, на соль земли, на тех, кто наследуют — не капиталы, а землю, сырую землю.

Отец Джима особенно зол на обитателей Золотого Холма за то, что там работает его жена. Она занята неполный день, и богачи не бог весть сколько платят (жмоты не-

счастливые!), но лучше такой заработок, чем никакого. Ева Наги-Гримсон работает в одной маленькой фирме и ходит убираться по понедельникам, средам и пятницам. Чеки Эрика по безработице давно перестали поступать. Он не хотя подал на пособие по бедности и получает его. Он принадлежит к поколению, которое считает позорным жить на пособие. Он считает также, что жена не должна работать. Это унижает мужа. Он потерпел крушение как мужчина и добытчик.

Джим мог понять, почему его отец корчится от стыда, отчаяния и обманутых надежд. Но зачем ему обязательно надо вымещать это на жене и сыне? Может, он думает, что им нравится мерзость, в которой они живут? Разве они виноваты во всем плохом, что случилось с ними в жизни?

Так почему отец тратит горькие деньги, которые зарабатывает его жена, на выпивку? Почему бы ему не сняться с якоря, не бросить свой обреченный дом, не увезти семью хоть в Калифорнию или еще куда-нибудь, где он мог бы получить работу? Правда, тогда ему пришлось бы пойти против жены. Она мирилась со всем, что он делает, какие бы пакости он ни творил, никогда не жаловалась и не спорила. Только однажды, когда он предложил уехать из Бельмонт-Сити, она твердо заявила, что не послушает его. Что никуда не уедет от клана Наги и своих друзей.

«Господи Иисусе! — закричал тогда Эрик. — Если ты дружишь с венгром, тебе и врагов не надо!»

Джим и Сэм были уже в двух кварталах от Центральной школы, огромного старого трехэтажного здания из красного кирпича. По крайней мере, думал Джим, это мое тело в двух кварталах от нее. А где же дух-то? Везде. Надо его словить.

День, в котором ты живешь, — это настоящее. Но прошлое постоянно с тобой. Оно запускает свой острый ноготь в ткань твоего мозга, отковыривает кусочек, нажимает на нерв, чтобы напомнить тебе, что основа жизни — это боль, а потом ощупывает все твое тело: трогает член, делает тебе проктологический осмотр, лапает твое обнаженное сердце, заставляя его биться, как крылышки колибри, завязывает твои внутренности морским узлом, блюет

горячей кислотой тебе в желудок, взбивает кошмары вечничком старого Морфея, древнегреческого бога сна.

Хорошее название для стиха: «Мертвая рука прошлого». Хотя нет. Это штамп, пускай даже большинство рок-авторов штампами не гнушается. Прошлое все-таки — не мертвая рука. Ты носишь его с собой, как нечто живое, как ленточного червя какого-нибудь. Или как хайнлайновского слизняка* с Титана, с ледяной луны Сатурна, паразита, который впускает щупальца тебе в спину и высасывает из тебя жизнь и мозги. Или как лихорадку, от которой никакие пилюли не помогают — жар пройдет, только когда ты загнешься, а тогда уж и пилюли не нужны.

— ...искали на сегодня халтурку, да дохлый номер, — говорил Сэм. — Как-то в субботу нас пригласили в «Уистл-дик Таверн» на Муншайн-ридж, но там территория деревенских, красношеих, и пришлось нам играть этот жуткий кантри-вестерн. Лучше б отказались. В общем, сегодня ни фига не светит, и чаша терпения моего переполнилась. В Хэллоуин надо балдеть. Помнишь, как мы перевернули сортир старого Думского, когда нам было пятнадцать? А может, четырнадцать. Ну, помнишь, как Думский выскочил из дома, орал и палил из дробовика? Эх, и драпали же мы!

— Хорошее дело, — сказал Джим. — Я могу позвонить на работу и сказать, что болею. А выгонят, так и черт с ними.

Глава 7

Перед тем как присоединиться ко всей компании, Сэм сунул Джиму квадратик жвачки.

— На. А то от тебя такой дух, что Кинг Конга свалит.

— Спасибо. Это, наверно, польская колбаса, уж больно в ней чесноку много. Да и желудок у меня не в порядке.

Их поджидали трое парней. Хаким Диллард, План, коренастый чернокожий малый, страдающий хронической желтухой. Боб Пеллегрини, Птичкина Кака, здоровый, с черными усами, как у моржа, и одним стеклянным гла-

* См. роман Р. Хайнлайна «Кукловоды». (Примеч. ред.)

зом. Стив Ларсен, Козел. Все обменялись рукопожатием, и Джим отметил, что на сто процентов естественно это делает только План. Козел принес самокрутку с марихуаной, и все по очереди потянули из нее, следя за главным входом: не покажется ли директор, Джесс Бозмен (Железные Штаны) или кто-то из стукачей-учителей.

— Эй, слышали, что сделал «Кисе» в номере пеорийского отеля?

— Меняю допинг на тормоз.

— Говорят, Мик Джаггер подцепил триппер от жены мэра.

— А старик говорит: «Только выстриги этот гребень на башке, я тебе яйца отрежу».

— Думаешь, Лам закатит сегодня контрольную?

— А я себе думаю: да пошел ты в задницу со своим равнобедренным треугольником. Дайте определение — как же, я выговорить-то это слово не могу. Но виду не подаю. Мистер Словацкий, говорю, в геометрии я не Копенгаген. Это для республиканцев, а мои все сроду за демократов голосуют.

— ...и послали опять к Железным Штанам. А его и нет в кабинете. Секретаршу, поди, трахал в копировальной.

— А он и говорит: «Ну пускай ты длинный, пускай ты черный, но чего ж ты пучеглазый-то такой?»

— Не будь ты моим сраным корешом, врезал бы я тебе за расистские анекдоты. Вот я тебе расскажу про белую бабу — ей мышка залезла в одно место, она и пошла к черному доктору. А он говорит...

Усиленно треща языками, хихикая, хлопая друг друга по задам, боксируя с тенью, компания ввалилась в вестибюль. Джим молчал, отделиваясь односложным бурчанием или через силу усмехаясь. «Черная красотка» не действовала, как ей положено. Тот, кто продал ее Сэму, наверно, надул его. Там, наверно, бифетамина всего ничего, а остальное аспирин или что-то вроде.

На пути к своему шкафчику он увидел Шейлу Хелсгетс. Она стояла, прислонившись к стене, улыбалась и говорила с Робертом Бейсингом (Тараном), очень высоким и очень красивым блондином, первым нападающим Центральной, капитаном футбольной и риторической команд.

Человек с большой буквы. Денег полно, водит «мерседес-бенц», живет на Золотом Холме. Средний балл — «А». Чистое загорелое лицо. Он, понятно, клеится к Шейле. Но надежные источники сообщают, что он ей пудрит мозги. Его даже видели в ночном клубе в соседнем городе, Уоррене, с Энджи Кэлорик, Минетчицей.

Джим посмотрел, как он гладит Шейлу по выпуклому задку, и его потянуло блевать.

Он изо всех сил хлопнул дверью шкафчика. Шейла отвела взгляд от Бейсинга и посмотрела на него. Ее улыбка исчезла. Потом она обернулась к Победителю и заулыбалась снова.

Шейла, бэби, ты думаешь, он сам Иисус Христос? Хотел бы я распять его, предпочтительно ржавыми гвоздями, и забил бы я их не только в руки да ноги. Да что толку. Все равно бы она смотрела на меня как на прокаженного. «Нечист он! Нечист!»

Джим тихо напевал себе под нос, идя через холл к биологическому кабинету № 201. Это было его собственное произведение «Смотрю на тебя снизу вверх».

Посылай мне
Зуд, цингу, прыщи и блох,
Брюхо мне набей бобами —
Газ тебе же вдарит в нос.
Раздави меня — будет лепешка,
Выжми досуха — будет шелуха.
Где уж нам уж, класс не тот!
Небо-молот долбит в темя,
Перхоть сыплется с башки.
К ногтю, к ногтю, к ногтю, к ногтю.
Льются камни и свинец.
Черви, мошки, мертвецы,
Бог и дьявол, миссис Гранди —
Всякий смотрит свысока,
Я в земном ядре и глубже.
Всякий путь отсюда — вверх.
Правда, что ли? Я не верю.
По мне, все дороги — вниз.
Растерзай меня презреньем,
Душу в клочья изорви.
Над клочками зажги свечку
И обедню отслужи.
Посылай мне
Зуд, цингу, прыщи и блох.

Он вошел вслед за Бобом и Сэмом в большую классную комнату и сел в углу заднего ряда вместе с другими недотепами. Тут, как всегда, громко трепались, подначивали друг дружку, пускали бумажные самолетики и плевались жеваными шариками. Потом, точно нож гильотины, упала тишина, и все замерли — это вошел пожилой, но малопочтенный мистер Льюис Ханкс (Святоша). Мрачный, сварливый и религиозный до омерзения — таков был мистер Ханкс. Добавьте к этому, что он был сторонником библейской теории создания мира, а закон обязывал его преподавать эволюцию, хотя она и называлась скромно «развитием», — и получится озлобленный и несчастный седовласый старец.

Ханкс произвел переключку с таким видом, точно зачитывал список душ в Судный день. Произнося очередную фамилию, он взглядывал на ее носителя из-под очень толстых очков. Он делал гримасу, называя школьника, которого не любил, и слегка улыбался, называя того, кому не грозит попасть в ад для двоечников. Улыбнулся он ровным счетом три раза.

Поручив одному из фаворитов отнести список отсутствующих в кабинет директора, Ханкс начал свою лекцию. Она продолжала предыдущую, и ее темой была система размножения лягушки. Джим сначала старался слушать и записывать, потому что его это интересовало. Но у него болел желудок и голова тоже. К тому же у Ханкса был бубнящий и в то же время скрипучий голос. Джиму казалось, что он едет в запряженной волами телеге с немазыным колесом по плоской безлесной равнине. Вид нагонял на него дрему, но скрип колеса не давал уснуть.

Сэм Вайзак, сидящий рядом, нагнулся к Джиму и шепнул:

— Сейчас засну. Слабо сказать ему, что он лажу гонит? А то помереть можно со скуки.

— Возьми да скажи сам, — шепнул в ответ Джим.

— Да я же в этом ни фиги не смыслю и смыслить не хочу. Это ты у нас эксперт. Давай начинай. Старине Сэму охота поглядеть фейерверк. Уважь!

Внезапная тишина насторожила Джима. Он выпрямился и посмотрел на мистера Ханкса. Старикан жег его

взглядом, и все поворачивали головы к Джиму и Сэму. Сердце у Джима понеслось вперед, как белка в колесе. Оно бежало и бежало, только чтобы остаться на прежнем месте, и топот его ног по металлу звучал, как барабанная дробь.

— Ну все, началось!

— Итак, мистер Гримсон, мистер Вайзак,— проскрипел Ханкс,— поделитесь с нами своими соображениями по данному предмету.

— Мы ничего не говорили,— сказал Джим таким же скрипучим голосом. Он злился, что его засекли, и злился на себя за то, что боится выступить против Ханкса. Старикан точно сделает из него дурака.

— Ничего, мистер Гримсон? Ничего? Значит, вы отвлекли меня и весь класс лишь ради того, чтобы произвести бессмысленные звуки? А возможно, вы просто подражали обезьянам, от которых, по вашему мнению, вы произошли? Вы имитировали обезьян, это так?

Сердце Джима забилося еще сильнее, и желудок подскочил и снова ухнул вниз, переливая кислоту из конца в конец. Но Джим, стараясь не подавать виду, встал. Он постарался также овладеть голосом.

— Нет,— сказал он и прочистил внезапно сжавшееся горло.— Нет, мы не подражали обезьяньему языку. Мы...

— Обезьяний язык? У обезьян нет никакого языка!

— Ну, я хотел сказать — обезьяньим сигналам.

— Уу-оо! — прошептал Сэм, корчась от беззвучного смеха.

— Когда ваш обезьяноподобный сотоварищ оправится от своего припадка, можете продолжать,— сказал Ханкс. Он глядел на них сквозь толстые очки так, будто очки — телескоп, а он астроном и только что открыл какой-то жалкий астероид, которому нечего делать в этой точке пространства.

Сэм перестал трястись и закусил губы, чтобы не прыснуть вслух. Джим снова прочистил горло.

— У меня... у меня возникли кое-какие мысли по поводу того, что вы сейчас сказали — о развитии, то есть о возникновении, жизни в первичном растворе и о статическом... то есть о статистическом неправдоподобии это-

го. Но мне нужно еще подумать, прежде чем сказать что-нибудь. Сейчас я хотел бы сказать про то, о чем вы говорили на прошлой неделе. Помните? Вы, то есть мы, говорили, почему, например, человеческие и собачьи зародыши так похожи. На ранних стадиях развития, во всяком случае. Вы объясняли, в свете теории развития, почему у человеческих эмбрионов имеются хвосты. Сами вы, очевидно, в эту теорию не верите. Потом вы пытались объяснить, почему, если Создатель сотворил все живые существа всего за пару дней... вы пытались объяснить, почему тогда у всех самцов имеются соски, хотя они в них и не нуждаются... и почему у нелетающих насекомых есть крылья.

В горле у него пересохло. Ханкс ухмыльнулся как нельзя более подло. Все смотрели на него, Джима. Кто-то хихикнул, когда он упомянул о сосках.

— И почему у змей имеются рудиментальные... рудиментарные... конечности, хотя они им не требуются так же, как самцам соски, а нелетающим насекомым — крылья. Не было бы ни этих сосков, ни конечностей, ни крыльев, если бы все были созданы в один день. А вы сказали, что крылья, соски и конечности были созданы ради симметрии. Создатель, мол, был художник и сварганил всех симметричными.

Джим сказал о Создателе «сварганил», чтобы позлить Ханкса. Теперь его голос окреп, стал глубже, и говорил он почти без запинок. Его несло. К черту последствия!

— Но эта «симметрическая» версия, прошу меня извинить, мистер Ханкс, звучит неубедительно. В ней нет логики. Я, по крайней мере, так думаю. Объясните мне вот что, сэр. Если Создатель был таким приверженцем симметрии, почему же он в день творения не снабдил самцов женскими гениталиями и наоборот? Почему у нас, мужчин, нет также влагалищ, а у женщин — мужских половых органов?

Смех в классе. Мистера Ханкса прорвало:

— Заткнись и сядь!

— Но, сэр!

— Я сказал, заткнись и сядь!

Джиму следовало бы радоваться — ведь он восторжествовал. Но его трясло от злости. Ханкс — точно как отец. Проиграв в словесной битве, он отказывается слушать дальше и пускает в ход право затыкания рта, которое взрослые используют против детей. И бессмысленно апеллировать к высшему суду, потому что Ханкс — сам член этого суда.

К счастью, как раз вовремя прозвенел звонок с урока. Ханкс выглядел так, словно его вот-вот хватит удар, однако он не велел Джиму прийти к нему в кабинет после уроков. Джиму казалось, что его собственные сосуды тоже, того и гляди, лопнут. Но спустя несколько секунд, выйдя в холл, он начал испытывать и радостное волнение наравне с бешенством. Он показал-таки старому пердуну, ходячему ископаемому, ку-клукс-кланцу — христианцу.

Боб Пеллегрино и Сэм Вайзак шли рядом с ним в толпе. Боб сказал:

— Что толку, если ты выигрываешь каждый спор с этой падалью. Вкатит он тебе пару, и всех дел.

Джим был согласен с эпитетом, которым Боб наделил Ханкса. Для молодежи все, кому за шестьдесят, — это падаль, гниль. Пускай старик тщательно соблюдает личную гигиену — его загрязняет близость к смерти. Старуха Смерть — воплощение распада и заражает всех, кто приближается к ней.

Но одного Джим не знал, и ему суждено было узнать это лишь намного позже. Он не знал, что Ханкс гораздо ближе к истине, чем сторонники эволюции.

Глава 8

Пришел час ленча. У Джима не было денег на еду, а его злость достаточно улеглась, чтобы он ощутил сильный голод. Сэм Вайзак поделился с ним своим завтраком, а Боб Пеллегрино дал ему половинку сэндвича с тунцом и половинку маринованного огурца. Джим окончательно остыл во время урока мистера Лама — английский повышенного уровня с написанием сочинений. Это был единственный предмет, по которому Джим имел среднее «В».

Ну, почти «В». Вот напишет несколько сочинений на «А», и получится «В» среднее. Но если Джим не усвоит наконец разницу между обособленным причастием и обособленной частицей, зачета ему не видать.

«Я знаю, что от этого вы не станете писать лучше,— сказал Лам,— и что эти академические знания вам никогда не понадобятся. Но это не так уж сложно понять, а вы парень неглупый, что бы ни говорили другие учителя. Я вас не аттестую, пока это правило не вьестся в вашу плоть. Я не в курсе современных достижений физики и не знаю, что это за “обособленная частица” такая».

На следующей перемене Джим с Сэмом пошли в туалет. Миновав пожилого вахтера у дверей, они вошли. Там былолюдно, шумно и воняло. Около умывальников привалились к стенке Фрихоффер (Шелбан) и его дружки, Долкин и Скарга. Они передавали друг другу бычок с травкой, точно им наплевать было, если вахтер их заловит, да им и было наплевать. Фрихоффер был здоровяк ростом шесть футов четыре дюйма, весил почти триста фунтов, у него был двойной подбородок, тугое пузо, морда, как у хрюшки, и глазки, как у хорька. Иссиня-черную щетину на роже следовало сбрить еще три дня назад. Сальные черные волосы были связаны в хвост. Рубашку в красную и черную полосу он заляпал желтком.

Долкин и Скарга оба были коротышки, но очень крепкие, а их желтые шевелюры напоминали вороныи гнезда.

Фрихоффер и его дружки не трясли никого только потому, что в уборной было чересчур много народу. А то беда бы робким первогодкам и зубрилам. Джим за четыре года в Центральной отдавал им деньги по меньшей мере дюжину раз. Но в этом году они ни разу не поймали его одного в туалете, и в последний раз, расставаясь со своими кровными, он сказал Фрихофферу: «Больше не дождешься!»

Облегчившись у писсуаров, Джим и Сэм пошли к выходу. Фрихоффер подставил ногу, Джим упал и стукнулся головой об дверь. Боль сработала как детонатор. Джим взвыл, выругался, вскочил и обернулся назад, выбросив вперед правый кулак. Он не думал о том, что делает; он вряд ли сознавал, что делает это. Кулак вошел в толстое

пузо. Смех Фрихоффера перешел в глухое урчание, и Щелбан скрючился пополам.

Джим, несомый красной волной ярости, как серфингист, двинул коленом Щелбану в подбородок. Щелбан свалился на кафельный пол, но тут же привстал на четвереньки. Джим рявкнул:

— Попробуй еще тронь, рожа гнойная!

— Пошли отсюда, Джим,— сказал Сэм.

Фрихоффер поднялся на ноги.

— Это тебе так не пройдет, говнюк!

Долкин и Скарга придвинулись поближе. Сэм потянул Джима за руку.

— Пошли отсюда, Христа ради!

— Тут не место! — проревел Фрихоффер. — Но если ты, Гримсон, мужик, то приходи после школы к Прейвиту! Там у тебя не будет шанса ударить меня, когда я не смотрю! Я из тебя мясной фарш сделаю, если не сдрейфишь выйти против меня — а я думаю, сдрейфишь!

Джима начало трясти, но он спросил:

— Честный бой? Мужик с мужиком? Только кулаки?

— Да! Честный! Только кулаки! Мне больше ничего не надо, чтобы размазать тебя по стенке, кисель сопливый!

— Неохота руки об тебя марать, но я это сделаю, ты, куча дерьма,— сказал Джим. И с Сэмом позади не спеша вышел из туалета.

— Господи Боже! — сказал Сэм. — Что это на тебя нашло?

— Да не могу я больше терпеть этого стервеца!

— У тебя, видать, крыша поехала. Ничего толком не соображаешь. Ты ж знаешь, что он не будет честно драться, и Долкин со Скаргой тоже на тебя налетят.

— Ну а ты что бы сделал на моем месте? — рявкнул Джим.

— Я? Молчал бы в тряпочку. Я пока в своем уме!

— Ты пойдешь туда, или мне одному с ними разбираться?

— Пойду, пойду. Не брошу тебя, старичок. Только скажу еще Бобу и остальным. Чем больше нас будет, тем лучше. Тебе понадобится поддержка. И кирпич прихвачу. Только это сплошная дурь!

К концу занятий вся школа уже знала о предстоящей драке. Джим все еще был зол, но не настолько, чтобы не начать бояться. Совет Сэма не связываться со Щелбаном казался ему все более здравым. Но он не собирался идти на попятный. Все подумают, что он наклак в штаны.

Кондитерская-аптека Прейвита находилась в одном квартале от школы. Джим, сопровождаемый толпой учеников, вошел в проулок за этим старым кирпичным домом. С ним были Вайзак, Пеллегрини и Ларсен. Джим надеялся, что Фрихоффер не явится. Но нет. Вот он, Щелбан, прислонился к стенке у задней двери, с зубочисткой в толстых губах, точно все ему нипочем. А рядом Долкин и Скарга.

— Ишь, сортирный грабитель, гроза нужника! — крикнул Джим — начал он подобающе громко и твердо, но под конец дал петуха. Он остановился в дюжине футов от Фрихоффера, а толпа образовала позади полукруг. Три кореша остались рядом с Джимом.

Щелбан хмыкнул, все так же опираясь о стену.

— Гроб готовь, трепач.

Джим бросил наземь сумку с книгами, завопил и ринулся вперед. Фрихоффер выпрямился, выпучив глаза. Джим добежал до него и взвился в воздух. Он видел каратэ в кино, но сам пока не пробовал. Теперь или никогда, победа или смерть. Подпрыгнув в почти горизонтальном положении, он съездил ботинком Щелбану по носу. Он метил в подбородок, но и так получилось неплохо. Голова Щелбана отскочила назад, и он повалился на стену. Из носа хлынула кровь.

Джим тоже упал — он старался собраться в комок, но рухнул тяжело, на бок. Боль прошла плечо, и дыхание прервалось. Но он все-таки встал и атаковал Фрихоффера, нагнув голову. Голова ткнулась в мягкий живот. Снова вспыхнула боль — на этот раз в шее.

Фрихоффер ахнул. Кровь отхлынула от его лица, и он согнулся, держась за живот. Атака застала и его, и обоих его дружков врасплох. Но теперь Долкин со Скаргой очухались и кинулись на Джима, который еще не отдышался. Сэм Вайзак, хотя драться и не любил, в деле показал себя молодцом. Он вынул из-под пиджака кирпич и двинул им Долкина сбоку по голове. Тот опустился на колени, прижимая руку к пострадавшему месту. Скарга достал из

кармана кулак, сверкнувший медными костяшками, и отвел руку назад, чтобы врезать Джиму по ребрам. Но тут Боб Пеллегрино дал ему в челюсть, а Сэм стукнул по плечу кирпичом. Скарга повалился, вопя от боли, и попытался уползти в толпу. Пеллегрино с размаху пнул его в зад, а Стив Ларсен навалился сверху и придавил Скаргу к земле.

Щелбан был таким мясистым, что большого ущерба не потерпел. Он отнюдь не собирался выходить из боя. С ревом он налетел на Джима, обхватил его руками и повалил на твердую черную мостовую. Руки у Джима оставались свободными, и он мог бить Фрихоффера, катаясь с ним по земле, хотя и не сильно. Получив удар в живот, Джим заорал, но боль придала ему сил, и он вырвался. Он еще лежал на земле, когда Фрихоффер встал и занес над ним ногу.

Джим лягнул первый и попал Щелбану в пах. Тот с воплем схватился за причинное место и упал. Не успев еще коснуться земли, он изверг из себя желтую рвотную струю. Джим откатился и не попал под трехсотфунтовую тушу. Но блевотина окатила его волосы и левую сторону лица и тела.

Он встал. От вони, от ощущения на себе липкой жижи и от мысли о том, что она вышла из брюха Щелбана, его самого вывернуло. Он нагнулся над Фрихоффером и блевнул ему прямо в лицо.

Некоторые зрители пришли в восторг, других замутило, а кое-кого стошнило тоже. Их пример оказался заразительным. Но ни те ни другие не успели особенно проявить свою реакцию. Вблизи слышался вой полицейских сирен, и большинство собравшихся торопливо покинуло сцену.

Глава 9

Когда черно-белая патрульная машина въехала в переулок, Щелбан грозился, рыдая и втягивая в себя воздух:

— Я тебя еще достану! Возьму у старика дробовик и вышибу твои свихнутые мозги, а поляку засуну его кирпич в задницу и тоже пристрелю!

Долкин и Скарга удрали. Боб Пеллегрино и Стив Ларсен неохотно ушли, когда Джим сказал, что им нечего мешаться в это дело. Но Сэм остался при Джиме.

— Врешь! — сказал Джим. Он тоже задыхался, но далеко не так, как Фрихоффер. — Ты получил свое, рвотный порошок! Кончилось твое царство террора! Увижу еще, как ты вытрясаешь деньги из малолеток, тут же тебе и врежу! Так врежу, что в штаны натюришь!

Он так трясся, точно все мускулы норовили оторваться от костей, но чувствовал себя так, будто несется на гребне прибоя. Волна вздымала его все выше и выше — вот сейчас оторвется и воспарит в густую синеву. В драке он излил почти всю ярость и стремление к насилию, которые обуревали его весь день.

Тут появились полицейские. Они шли не спеша, поглядывая по сторонам, но уже усмехались. Они испытывали облегчение от того, что не придется разгонять групповую свалку. Наверно, тот, кто сообщил о драке, сильно преувеличил. Старый Прейвит? Возможно. Во всяком случае, их полицейский участок испытывает недостаток в людях и завален работой, как и все участки в нищем Бельмонт-Сити. Чудо, что патруль вообще приехал.

И хорошо, что Сэм не ушел вместе с другими. Его фамилия полицейским была знакома. Один из них знал, что Сэм — племянник Станислава Вайзака, ночного судьи, и Джона Красинского, олдермена. Оба патрульных отнеслись к инциденту просто как к чересчур горячей разборке между старшекласниками.

В нормальных условиях полицейские поставили бы их у стенки и обыскали. Но патрульным не хотелось пачкаться в вонючей массе и вообще подходить к Гримсону и Фрихофферу ближе, чем необходимо. Не добились они и правдивых показаний о причине драки. Джим не стал ничего говорить о грабительской деятельности Фрихоффера или о том, что тот грозился убить их с Сэмом. Щелбан рад был бы обвинить Джима во всех смертных грехах, но и он подчинялся неписаному закону: никого не закладывая легавым. Полицейские хорошо понимали, что им врут, но не придавали этому значения. Отпустив этих троих с предупреждением, они избегнут возни с бумагами

и не поссорятся с судьей Вайзаком и олдерменом Красинским. Родителям, конечно, надо будет сообщить.

Итак, идите, ребятки, и не грешите больше. И Бога ради, постирайте свои вещи и помойтесь. Брысь! Брысь!

Перед тем как уйти, один из полицейских нахмурился и сказал:

— Гримсон? Где это я мог... а, да. Я как-то забрал твоего старика за пьянство и нарушение порядка. Но было что-то еще. Ага! Это не о тебе писали пару лет назад? Будто бы у тебя были какие-то странные видения и кровь шла из ладоней и лба. Большая шумиха была, правда? Одни думали, что ты святой, а другие — что у тебя не все дома.

— Это было давно, когда я был маленький, — нехотя ответил Джим. — С тех пор все прошло. Да и тогда ничего особенного не происходило. Газета все преувеличила. Им лишь бы сенсация.

Он вспомнил доктора, который осматривал его после появления стигматов. Старый доктор Гудбон.

— Это просто чересчур активное воображение вместе с склонностью к истерии, — сказал он матери Джима. — Странные вещи, которые он видит, его стигматы — все это можно объяснить и без привлечения сверхъестественного. Обычными такие случаи не назовешь, но они часто описываются в медицинской литературе. Все это психология. Разум способен на странные поступки. Даже кровотечение — чисто физическое, казалось бы, явление — может быть вызвано им. Особенно когда речь идет о детях, подростках и истерических женщинах. Очень возможно, что маленький Джим это перерастет и станет вполне нормальным человеком. Надо будет только понаблюдать за ним. Не волнуйтесь.

Это должно было успокоить мать — да, возможно, и успокоило. Но и разочаровало тоже. Она-то была убеждена, что видения и стигматы — знак Божий и Джиму суждено стать святым.

Полицейский взял с них слово, что они не станут опять драться и сразу разойдутся по домам. Поступил новый вызов, и патрульные поспешно уехали. Фрихоффер, похоже, был не прочь попугать Джима и Сэма еще, но по-

вернулся и пошел прочь по переулку. Джим осмотрелся в поисках своей сумки. Она исчезла.

— О господи, этого не доставало! — закричал он. — Книжки сперли... Придется ведь новые покупать!

Отец от этого еще больше взбесится, он и так еле-еле раскошелился на учебники в начале семестра. Эрик Гримсон из-за этого разорется куда сильнее, чем если бы Джим просто подрался. А Еве придется выделить деньги из своего заработка уборщицы. Нет, где там. Отец велит, чтобы сын сам заплатил. А где ему взять?

Кончится эта плохая полоса или нет?

Мать еще не вернулась с Золотого Холма, когда Джим добрался до дома. Но отец его ждал и сразу начал орать, чтобы Джим положил все, что на нем, в стиральную машину, а сам принял душ. Прямо сейчас. Возможно, подобный шок его убьет, но и Джиму, и миру от этого будет только лучше. Джим попытался объяснить, почему он дрался, но Эрик его не слушал. Он стоял над входом в подвал, пока Джим снимал с себя одежды и засовывал их в старую стиральную машину.

— Это лишний расход мыла, воды и газа, а счета и так достаточно высокие, хотя не могу сказать, чтобы ты особо перегружал счет за воду. Может, это как раз Богом посланный случай заставить тебя принять душ.

Джим сначала переоделся в чистое и только потом решился сказать отцу о пропавших книгах. Но когда он неохотно вышел из своей комнаты, то обнаружил, что отца уже нет. Ушел куда-то — возможно, в «Таверну Текса» за пять кварталов от них. Потратит на выпивку деньги, на которые можно было бы купить учебники. Это напомнило Джиму, что он забыл позвонить в кафе быстрого обслуживания, где работал. Если он скажет менеджеру, что заболел — а он это проделывал чересчур часто, — то его могут и уволить.

Ну и что?

А то, что другую работу непросто будет найти.

Но Джим обещал Сэму, что пойдет вечером праздновать Хэллоуин, да и сам не хотел пропускать удовольствие.

Если удастся отозвать мать в сторонку, чтобы отец не видел, то, может, она и даст сыну на карманные расходы. Вытащит из тайника какого-нибудь; она всегда так делает. Но Джим-то знает, как ей это тяжело. Хотя она и не станет жаловаться, от взгляда ее больших печальных глаз, от всего ее прибитого, разочарованного, выражающего скрытый упрек вида Джим почувствует себя попрошайкой, паразитом, кровопийцей, никчемным типом и самым паршивым из сыновей.

От ее молчания и тихих повадок ему было гораздо хуже, чем от воплей и проповедей отца. В сварах с отцом хотя бы можно было выпустить пар. Но ее нежелание бороться подрывало дух Джима. Так, наверно, чувствует себя термит, который жует-жует дерево, а потом раз — и наткнется на железо.

В доме было тихо, лишь порой слышались какие-то слабые стоны или шорохи. Это, наверно, потихоньку перемещается земля в туннелях и шахтах под домом. Предупреждение беззаботным людишкам наверху о грядущей катастрофе. А может, это, как в поэме Колриджа «Кубла Хан», «голоса предков, предвещающие войну»? Или тролли работают в заброшенных угольных шахтах, приближая разрушение Бельмонт-Сити?

Ну я и тип, подумал Джим. Мозг у меня, точно пуля, не попавшая в цель — отскакивает рикошетом от чего придется, создает сотню сценариев, только один из которых может быть реальным. Я скроен, чтобы быть писателем или поэтом, а не гаражным механиком.

Он сидел на стуле в гостиной, лицом к фальшивому камину, над которым на полке лежали два стеклянных шара с рождественскими сценами внутри (если перевернуть их вверх ногами, а потом опять поставить, то на домики и крохотные фигурки начнет падать снег), стояли статуэтки Девы Марии и св. Стефана, две ароматические свечи, жестянка с политурой, пепельница, полная окурков, и музыкальная шкатулка с кружком белых, но пожелтевших от никотина балеринок на крышке.

Над камином висела большая фотография Рагнара Фьялара Гримсона, любимого дедушки Джима, умершего

пять лет назад. Рагнар, хотя и улыбался, выглядел так же свирепо, как его тезка — легендарный предводитель викингов Рагнар Лохматые Штаны; дед уверял, что происходит от него. Белая косматая борода падала деду на грудь. Белые брови были густые и грозные, как у Бога-Отца (если он есть), а голубые глаза не уступали остротой боевому топору пирата-норвежца. Когда старик умер, его сын, Эрик, снял большую картину с Иисусом, несмотря на слабые протесты жены, и повесил на ее место портрет своего отца.

Достойная замена — так думал Джим.

Старый норвежец был настоящим мужчиной. Он путешествовал по морю и по суше, испытал много приключений, был крут, никогда не ныл, все ему удавалось, он приобрел самоучкой большое образование, много читал, цитировал Шекспира, Мильтона и древние скандинавские саги, но комиксы тоже любил и читал их Джиму, когда тот еще не умел читать; он был упрям и полагал, что его путь — единственно верный, но не терял при этом юмора, а еще считал, что нынешнее поколение — сплошь дегенераты.

Хорошо, что старый Рагнар умер. Какое отвращение внушал бы ему теперь его сын, а пуще того — его внук. Что до невестки, Евы, то Рагнар никогда ее не любил, хотя всегда был с ней вежлив. Она его боялась, а он презирал людей, которым внушал страх.

Деда поначалу обеспокоили видения, сны и стигматы Джима. Но вскоре он решил, что это совсем не обязательно признаки психического расстройства. Просто Джим — любимец судеб, это они дали ему второе зрение, дар, который шотландцы называют «фей». Джим видит то, что скрыто от других. Будучи атеистом, старик все же верил, или утверждал, что верит, в Норн, трех богинь судьбы языческой Скандинавии. «Даже и сегодня в захолустных лесных утлах можно найти норвежцев, которые верят в судьбу больше, чем в своего лютеранского Бога».

Дед брал ручонки Джима в свои огромные, искореженные работой руки и поворачивал так, чтобы белые пятнышки у Джима на ногтях блестели на свету. Джим хо-

рошо знал о них и немного стеснялся, что другие их тоже видят. Но Рагнар говорил: «Эти знаки викинги называли норнаспорами. Их дали тебе Норны, чтобы показать свою благосклонность к тебе. Ты счастливее. Будь эти пятнышки темными, тебя всю жизнь преследовало бы злосчастье. Но они белые, а это значит, что тебе в жизни будет сопутствовать удача».

Судьба... Мистер Лам много раз говорил на уроках английского: «Характер — это судьба». Это цитата из Гераклита, древнегреческого философа. Запомните это правило и живите согласно ему. «Характер — это судьба».

Это произвело на Джима глубокое впечатление. Дед, с другой стороны, полагал, что характер человеку дается судьбой. Где бы ни заключалась истина, Джим знал: он обречен быть вечным неудачником. Мало ли что говорил старый Рагнар о норнаспорах. Джим Гримсон — безнадежный случай, кто угодно, только не герой. Как сказал ему школьный психолог, у него заниженная самооценка, он способен общаться лишь с немногими из своих сверстников, такими же неблагополучными, как и он, не умеет вести себя с вышестоящими лицами, ненавидит власть в любой форме, не стремится к успеху — короче, шпарит без тормозов по крутой дорожке в ад. Сказав это, психолог добавил, что у Джима все-таки большой потенциал, хотя характер у него хаотический и пораженческий. Он вполне способен поднять себя за волосы. Ну уж это психик определенно лажу гнал.

Джим вздохнул и только теперь заметил, что вокруг что-то не так — точнее, чего-то не хватает. Только через минуту он понял, что окружен полной тишиной. Неудивительно, что он чувствовал себя не в своей тарелке.

Он пошел на кухню и включил радио. На ВИЭК был «Час золотого ретро», и они передавали «Долой с катушек», альбом 1966 года, в котором Фрэнк Заппа впервые выступил вместе с «Мазерс оф Инвеншен». Джиму тогда было четыре года — глубокая старина.

Не успел альбом кончиться, как вернулся Эрик Гримсон — и разверзлись врата ада.

В 6.19, через час после захода солнца, Джим поднял окошко своей комнаты и вышел наружу. Полчаса назад он поужинал тем, что украдкой принесла ему мать.

Ева пришла домой за несколько минут перед мужем и принялась готовить ужин. Она попросила Джима убавить звук в радио, и он убавил. Он ничего ей не сказал о своих дневных несчастьях. Эрик Гримсон появился в полшестого, краснорожий и изрыгающий такой перегар, что дракона мог бы свалить. Первым делом он выключил радио, проорав, что не потерпит этого дерьма, когда он дома. А потом, конечно, прицепился к Джиму. Ева никак не могла понять, в чем дело, пока муж не рассказал ей о телефонном звонке из полиции, о том, что Джим подрался с Фрихоффером-младшим и пришел весь в блевотине.

Где одно, там и другое — так всегда бывает, — и вскоре отец и сын всюю кричали друг на друга. Мать стояла у плиты спиной к ним, сгорбив плечи, и молчала. Только вздрагивала порой, точно что-то внутри кусало ее. Наконец Эрик велел сыну отправляться в свою комнату. И черта с два ты будешь сегодня ужинать, добавил он.

Теперь в доме настала тишина. Джим взял с полки потрепанную пожелтевшую книжку в мягкой обложке — «Франкенштейн» Мэри Шелли, и попробовал почитать. Точнее, перечитать. Он как раз был настроен на эту историю о монстре, созданном из мертвых человеческих тел, об изгое, ненавидимом всеми и ненавидящем всех, об отверженном, убивающем людей, рожденных естественным путем, а в конце концов и своего создателя, в некотором смысле своего отца.

Но по-жуткому старомодный язык, которым была написана книга, всегда мешал ему, а в этот раз определенно раздражал. Джим бросил книгу на пол и стал бродить туда-сюда по тесной комнате. Вскоре в гостиной заверещал телевизор. Эрик Гримсон сидит там, с банкой пива в руке, и пялится в ящик для идиотов. Через несколько минут в дверь к Джиму постучали. Он открыл и увидел мать с подносом.

— Не могу я допустить, чтобы ты остался голодным,— прошептала она.— Держи. Когда доешь, поставь под кровать, я приберу — ну, ты знаешь...

— Знаю. Спасибо, мама.— Джим принял у матери поднос и поцеловал ее потный лоб.

— Хотелось бы мне...

— Я знаю, мама. Мне бы тоже хотелось. Только...

— Все могло бы...

— Может, когда-нибудь...

Вот так они обычно и говорят друг с другом — обрывками. Джим не знал почему. Может, потому, что давление, оказываемое на них, вынуждает их к этому. Кто его знает.

Джим закрыл дверь и умял картофельное пюре с подливкой, поджаренную ветчину, бобы, сельдерей и черный венгерский хлеб. Спрятав поднос под кровать, он потихоньку вышел в холл и воспользовался ванной. А через час после заката вылез из окна. Если отец обнаружит, что его нет, тем хуже.

Днем температура держалась на семидесяти и выше, но теперь упала ниже шестидесяти. Хотя пронизывающий западный ветер немного утих, в воздухе все-таки чувствовался холод. Начинали собираться тучи. Половинку луны затягивала тонкая дымка. Хорошая ночь для Хэллоуина.

Джим пригнулся, проходя мимо окна гостиной. Телевизор продолжал верещать. Выйдя на тротуар, под яркий свет фонаря, Джим увидел, что трещины на цементе стали шире. Он не знал, когда это случилось, но ему показалось, что их больше и они шире, чем когда он входил в дом. Правда, тогда он был слишком взвинчен, чтобы обращать на них внимание.

Ему встретилась компания ребятишек, одетых ведьмами, демонами, клингонами*, скелетами, привидениями, Дракулами, чудищами Франкенштейна, роботами, Дартами Вэйдерами, а один вырядился панком: раскрашенное лицо, сережки, гребень на голове — так, наверно, его родители представляют себе монстра. Другой был одет, как гигантский мозг, и Джиму эта идея понравилась. Все

* Злобные инопланетяне из сериала «Звездный путь». (Примеч. ред.)

самое ужасное, что есть на этом свете, кроется в человеческом мозгу.

Ребята шли к их дому, поэтому Джим прибавил шаг. Отец на звонок не выйдет, но мать может заметить сына, когда будет бросать с веранды конфетки «Херши» детям в мешочки. (В этом квартале много не соберешь.) Мужу-то она ничего не скажет, если он только не спросит, видела ли она Джима. Тогда она сочтет себя обязанной сказать правду. Иначе святые, не говоря уж о нечистой силе, могут ее наказать.

Сэм Вайзак ждал его на передней веранде своего дома. Он курил сигарету — значит, его мать чем-то занята на задах дома и не видит его. Детей наделит леденцами, не в пример Эрику Гримсону, отец Сэма. Он будет ворчать, что ему не дают смотреть телевизор, но все-таки выйдет к ним. Ему наплевать, что сын курит — лишь бы его самого не трогали по этому поводу.

Сэм дал и Джиму сигарету, и они зашагали по улице, обсуждая драку со Шелбаном и его друзьями. Потом Сэм сунул Джиму допинг. Джим чувствовал себя как никогда вправе подвинтить настроение и нервы. Наркотик проник в самый центр его мозга, как ядерная ракета, поразившая цель. Никогда еще на Джима не действовала так внезапно и так сильно такая маленькая доза. Он раскрылся нараспашку — стены замка рухнули, и часовые уснули.

Несколько дней спустя он сумел восстановить лишь отдельные ломти того, что происходило в последующие шесть часов. Весь остальной кошмарный пирог пропал — его съели «черные красотики», самокрутки с марихуаной, пиво, виски и «ангельская пыль», щедро предоставленные ему друзьями. Раньше Джим, как бы велико ни было искушение, всякий раз отказывался даже попробовать «ангельскую пыль» — фенциклидин*. У троих его приятелей от этой дряни начались конвульсии, а потом они впали в глубокую кому. Но более легкие наркотики и спиртное смыли весь страх.

* Транквилизатор для животных. Очень мощный и весьма токсичный наркотик. (Примеч. ред.)

Джим и Сэм зашли сначала к Бобу Пеллегрино и дождались Стива Ларсена и Плана Дилларда, а потом все вместе сели в «плимут» Боба 1962 года, который, как ни странно, еще бегал. На пути в кафе Родфеттера Боб открыл четвертушку самогона «Белый мул», а Стив представил шестибаночную упаковку «Будвейзера», которую купил ему старший брат. Они уже истребили половину самогонки и все пиво, когда с воплями и улюлюканьем подкатили к кафе. Еще они выкурили половину самокрутки, и каждый проглотил по «черной красотке».

Заведение Родфеттера, драйв-ин, было только для своих, для детей работяг, которые учились в Центральной. Несколько часов Джим и его друзья хохмили там и валяли дурака. Но в машину, не в пример другим, почти ничего не заказывали. Вне их маленькой группы ни друзей, ни даже близких знакомых у них не было. Они были парии, неприкасаемые и несносные, и делали вид, что гордятся этим.

Джим не помнил, сколько они там пробыли. За этот расплывчатый промежуток времени он опять курил травку и пил теплое пиво, которое Пеллегрино достал из багажника. Потом заявили Вероника Паппас, Сандра Мелтон и Мария Тамбрилл. Вероника была солисткой «Хот Хотер Эскимос», Мария — ее дублершей, а Сандра — менеджером группы. Ее кличка была «Чокнутая», но близкие друзья пользовались прозвищем только в отсутствие Сандры, иначе она обижалась. Если только не находилась в одной из своих густо-черных, очень густых и очень черных, депрессий — глубже, чем на илистом дне Тихого океана, дальше, чем на мертвой холодной планете Плутон.

Этим вечером она пребывала в очень разговорчивом и крайне переменчивом настроении.

Где-то в течение вечера, когда одни сидели на капоте «плимута», а другие опирались на него, Стив Ларсен показал им несколько кусочков сахара с ЛСД.

— Я их копил, — сказал он. — Берег для особого случая. Сегодня как раз та ночь — Хэллоуин. Полетим на метлах вместе с ведьмами до самой луны.

Джим еще, помнится, сказал, что это галлюциноген, хотя ему стоило труда это выговорить.

— То есть он вызывает видения, и ты видишь четырехмерные миры, вещи, которых нет, жуткие вещи, и время сливается с пространством. Мне это ни к чему. У меня глюки и так бывают, и они мне не нравятся. Нет уж, спасибо.

— Это ведь не то, что героин или кокаин, — сказал Стив. — К нему не возникает привычки. И потом, у тебя уже сколько лет не было твоих видений.

— Ладно, почему бы и нет? — сказал Джим. — Что мне терять-то, кроме ума — а у меня и так его нет.

— Это билет в рай, — сказал Стив. — Я там еще не бывал, но вот эта фигня доставит туда с гарантией.

— Говорят, облетаешь всю Вселенную со скоростью выше световой, — сказал Пеллегрино. — И на обратном пути встречаешь себя самого.

Джим съел кубик и глубоко затянулся коричневой самокруткой. Они передавали ее по кругу, пока от нее не остался короткий окурочок, который Стив сунул в карман пиджака.

Кажется, где-то после этого кто-то и предложил поехать в яблоневый сад старика Думского и перевернуть ему нужник. Это была старая хэллоуинская традиция — сваливать эту шаткую деревянную будку. Или хотя бы пытаться это сделать, поскольку успеха добились немногие. Раньше ферма Думского относилась к графству, но с ростом Бельмонт-Сити вошла в черту города.

Стояла она на конце грунтовой дороги в полумиле от главного шоссе и была обнесена изгородью из колючей проволоки. Дом давно уже сгорел, и Думский жил один в сарае. Город одно время пытался заставить его построить новый дом с водопроводом и канализацией. Но старый отшельник не поддался и подал на городские власти в суд.

У него имелась огромная собака — ротвейлер, черный с подпалинами, большеголовый, страшный пес из тех, кого снимали в фильме «Омен». Эта зверюга разгуливала по ферме днем и ночью — привязывали ее только на вре-

меня сбора урожая. С тех пор как Думский завел эту собаку, на его землю перестали вторгаться.

— Есть у кого-нибудь тормозные пилюли? — спросил Джим. — Напихать их в гамбургер да скормить псу. Он уснет, а мы залезем.

Это были последние здравые слова, сказанные в ту ночь. Боб Пеллегрини купил большой гамбургер без лука, начинил его дюжиной таблеток, завернул, и они отчалили, набившись ввосьмером в «плимут», как клоуны в цирке, со смехом и визгом, а ВИЭК гремела во всю мочь «День из жизни», и звуки песни, как ртутные шарики, взрывались в юных душах. «Битлз» спели ее двенадцать лет назад и потрясли ею мир, положив начало эпохе рока — Джиму тогда было всего пять лет. Следом Боб Хинмен (Гуру), старый диск-жокей, любивший седую древность (как и Джим), поставил «Мэйбиллен» Чака Берри, с которой, по словам Гуру, начался рок-н-ролл.

Вероника сидела сзади у Джима на коленях. Ему смутно помнилось, что она возилась с его ширинкой, но что произошло, когда Вероника ее расстегнула, он забыл. Скорее всего, ничего. У него не вставало уже две недели, вот в какой он был депрессии. А ведь считается, что семнадцать лет — это пик сексуальной активности.

Яблоневый сад Думского находился по ту сторону Золотого Холма. На дорогу у них ушло минут двадцать — так часто они попадали на красный свет, хотя Боб иногда и проскакивал. Потом они выехали на шоссе, и в свете фар по бокам стали мелькать деревья. Ни встречного, ни попутного движения не наблюдалось. Джим все ждал, когда начнутся галлюцинации, но они не приходили. А может, уже пришли? Может, весь этот мир — одна сплошная галлюцинация?

Боб притормозил, но недостаточно быстро. Они уже проскочили поворот к Думскому. Когда Боб подал машину назад и повел ее по грунтовой дороге, Санди сказала:

— Может, выключим радио? Оно так орет, что и мертвого разбудит!

Но все запротестовали, потому что Боб Дилан как раз пел «Улицу Отчаяния», и все хотели дослушать. Сошлись

на том, чтобы убавить звук. Как только классический хит кончился, Боб выключил приемник. А секунду спустя и фары. Лунного света, льющегося сквозь тонкие облака и в прогалы между ними, было достаточно, чтобы рассмотреть дорогу.

Машина медленно свернула с обсаженного деревьями темного проселка и остановилась перед воротами в проволочной изгороди.

Глава 11

Джим немного помнил из того, что было после их отъезда из кафе. Многие подробности гораздо позже рассказал ему Боб Пеллегрино, который не так напился и накачался наркотиками, как все прочие, поскольку вел машину. Но и Боб был не в том состоянии, которое можно было назвать химически ненасыщенным.

Сарай зловеще чернел в прерывистом лунном свете. Если Думский там, то либо у него нет света, либо ставни плотно прилегают к окнам. Ротвейлера не было ни видно, ни слышно. Сортир — говорили, что в нем три дырки, — смутно маячил футах в восьмидесяти от сарая, слева от них. Далековато от сгоревшего дома, который высился в глубине двора, как могильник. Старому Думскому будь здоров сколько тащиться до нужника.

Все вывалились из машины. Боб предупредил их, чтобы не шумели, но План уже хлопнул дверцей. Не успел Боб ему выговорить, как Плана стошнило. Он отбежал назад и залез в придорожные кусты, чтобы заглушить издаваемые им звуки. Даже и теперь они казались чересчур громкими Пеллегрино, ставшему нянькой для всей компании. Он уже собрался пойти заставить Плана заткнуться, но остановился. Из тьмы по ту сторону изгороди послышалось глубокое рычание. Все мигом притихли.

Лихорадочно шаря глазами во мраке, они рассмотрели за воротами громадного пса. То, что он только рычал и едва вырисовывался в ночи, делало его еще страшнее. Пеллегрино, бормоча: «Ну, собачка... Хорошая собачка!» — подошел к нему поближе. И перекинул через ворота при-

пасенный гамбургер. Он шлепнулся на землю, и через пару секунд Боб обернулся и прошептал: «Готово, сожрал».

Санди Мелтон по дороге подбавила в гамбургер еще и ЛСД. Вот интересно, сказала она, какие галлюцинации могут быть у собаки. Джим вспомнил это, потому что тогда ему стало очень смешно. Пес все рычал. Потом, через несколько минут, рычание стало слабее, он, спотыкаясь, побрел прочь и футов через тридцать свалился.

Створки ворот скрепляла тяжелая цепь, запертая на большой замок. Джим перелез через ворота, обмотанные сверху колючей проволокой, помог перелезть Пеллегрино, потом они вдвоем помогли Сэму и Стиву. Все они раскровянили себе руки, но боли не чувствовали.

— Мать честная! — сказал Сэм. — Гляньте, сарай превратился в замок! Он весь из стекла и бриллиантов, так и мерцает при луне!

Никто не сообразил сказать ему, что сейчас луна как раз спряталась.

У Джима зрительных галлюцинаций не было, зато он чувствовал, что ноги у него выросли, точно в сказке о семимильных сапогах, и он может добраться до сортира одним прыжком. Его отвлекли девушки, отказавшиеся лезть через ворота. Они видели колючую проволоку и видели, как оборвали себе одежду ребята.

— И потом, — сказала Санди Мелтон, — надо же кому-то позаботиться о Плане. Вдруг нам придется улепетывать — не бросать же его.

— И то верно, — согласился Боб. — Ладно, мы скоро, да вы нам и ни к чему. Посадите Плана в машину.

Трое парней пошли по усыпанной гравием дорожке, ведущей от ворот к темной груде бывшего дома, потом свернули к сортиру. Когда они подошли к этому пахучему сооружению, из разрыва в тучах на них хлынул лунный свет. Видно было даже полумесяц, вырезанный на двери.

Джима удивило то, что Боб, Сэм и Стив тоже добрались до уборной одним прыжком. У них-то ноги не вырастали. Потом Боб спросил:

— А где Сэм?

Джим хотел показать, что вот он, Сэм, около него. Но Сэма там не оказалось. Он так и остался на полпути между

воротами и сортиром, пяля глаза на сарай. После Джим сообразил, что ему только казалось, будто Сэм идет рядом. А может, рядом с ним шел кто-то другой, неизвестный?

— Ладно,— сказал Боб.— Без него обойдемся. Только не забыть захватить его на обратном пути.

Они зашли с северной стороны сортира и принялись все трое толкать его. Будка качалась взад-вперед, но не переворачивалась.

— Да эта штука тяжелее, чем мамины пончики! — сказал Боб.— Погодите. Надо ее раскатать, выйти на нужную частоту колебаний, а потом, по моей команде, наваливайтесь что есть мочи!

И они снова взялись за дело. Когда они наконец поднажали и нужник опрокинулся, раздался крик. Они повернулись посмотреть, что за шум, и тут выпалил дробовик, и заряд ударил по листьям ближнего дерева. Стив заорал и бросился бежать, а Пеллегрино упал и увлек за собой Джима. Вдвоем они провалились в яму, в самую жижу — упали ногами вперед и быстро погрузились по шею.

Дробовик грянул снова. До Джима слабо донесся визг девчонок. Стива больше не было слышно: Джим и Боб громко зывали о помощи. После мгновенной тишины послышалось рычание, и к ним в дыру свалилась собака. Точно мщение, ниспосланное богами, она плюхнулась прямо перед ними, окатила их головы и открытые рты, выскочила наверх, как пробка, и начала барахтаться.

Джим коснулся носками дна — он надеялся, что это дно. У Боба, который был повыше, торчала над жижей вся голова. Джим сидел по самый подбородок. Но обезумевшая собака задела его, и он ушел вглубь.

Позже Джим выяснил, что ротвейлер как-то очухался и прибежал, а может, подошел, поскольку был еще слабым и ословелым, к яме. Еще не совсем придя в себя, он то ли упал туда, то ли прыгнул.

Теперь им с Бобом приходилось опасаться, как бы пес их не покусал — его мощные челюсти могли сдавить с шестисотфунтовой силой, — как бы он не поцарапал их, колотя передними лапами, и как бы он их не потопил.

Видели они все очень смутно, поскольку лунный свет в яму не проникал, а глаза им залепило. Потом Боба стошнило, что вызвало такой же рефлекс у Джима. Хуже им от этого не стало — хуже стать уже не могло, — но и улучшения никакого не последовало. Наоборот, очень трудно уворачиваться от собаки, когда тебя выворачивает наизнанку.

Наконец Джим, вложив в это последние силы, сгреб собаку за уши и с яростью погрузил с головой в жижу. В этот миг сверху сверкнул фонарик и надтреснутый старческий голос заорал:

— Оставь собаку, не то пристрелю! Не трожь ее, ты!..

Дальше Джим не понял: Думский перешел на польский.

— Не стреляй, бога ради! — крикнул Джим и выпустил собаку.

Она выплыла, ворча и отфыркиваясь, но нападать на него больше не стала. Смекнула, что надо беречь силы, чтобы удержаться на плаву и не захлебнуться. Она бешено гребла лапами, только-только оставаясь на поверхности.

— Дурак! — завопил Боб. — Ты ведь и собаку тоже убьешь!

Собака мало его волновала, но у него хватило смекалки сообразить, что Думский не в себе от ярости, если не понимает, что может натворить в этой тесной дыре выстрел из дробовика.

— Ой-ой! — сказал Думский. — Не уходите пока! Я сейчас вернусь.

— Так и быть, подождем, — сказал Боб и простонал: — Господи, ну и вляпались!

Думского не было что-то очень долго, хотя в самом деле, наверно, прошло не больше двух минут. Кряхтя и охая, старикан опустился на колени рядом с ямой. Потом что-то слегка задело Джима по лицу. Он не понял, что это такое, пока Думский не посветил вниз фонариком, — это была веревка, которую старик им спустил.

Вдали, но достаточно ясно, перекрывая крики девушек, послышался вой сирены — к ним ехала полиция.

— Обвяжите собаку веревкой! — сказал Думский.

— А мы? — завопил Боб.

— Сначала собаку!

— Да ты в своем уме? — выкрикнул Джим. — Как мы это сделаем? Он же нам руки откусит!

— Вытащи нас отсюда! — подхватил Пеллегрино. — Мне дышать нечем! Темно в глазах! Я сдохну, если не выберусь отсюда сию минуту!

— Так вам, засранцам, и надо. Обвязывайте собаку, а потом, глядишь, и вас вытащу.

— Мы подохнем тут! — взревел Боб и поперхнулся — волна экскрементов, вызванная барахтаньем животного, захлестнула ему рот.

— Обвязывайте собаку! — заорал в ответ Думский. — Да быстро, а не то уйду, и подыхайте себе!

Этого просто нельзя было сделать без риска быть покусанными. Но тем временем сирена, завывавшая уже где-то вблизи, смолкла. Хлопнула дверца машины. Мужской голос что-то прокричал. Думский, пробурчав что-то, ушел. Джим подумывал о том, не потопить ли опять собаку. Дохлую ее легко будет обвязать. Но Думский застрелит их, если собака погибнет.

Снова прошла целая вечность. Потом Джим услышал приближающиеся голоса. Думский отпер ворота и впустил полицейских. Никогда еще Джим так не радовался приходу полиции — теперь он был прямо-таки счастлив. Лишь бы вылезти из ямы — а там будь что будет.

Фонарь полицейского осветил дыру. От души посмеявшись, патрульный сказал:

— Бога ради, Пит, погляди туда! Такого ты еще не видал!

Пит поглядел и тоже посмеялся.

— Ну, ребята, вы по уши в дерьме, и это факт!

Они ушли с Думским и после очередного долгого промежутка вернулись, неся лестницу. Опустили ее вниз и велели Джиму с Бобом вылезать. Но собака не пускала их, загораживая дорогу. Думский тем временем настаивал, что надо вытащить собаку, а если ребята вылезут первыми, кто же обвяжет ее веревкой?

— Мы туда не полезем, — сказал полицейский. — Если хочешь, спускайся и обвязывай ее сам. Но сначала должны вылезти мальчишки.

Думский спорил, но безуспешно. Лестницу перенесли на другую сторону ямы. Джим выбрался первым. Он так ослаб и руки так скользили, что это далось ему непросто. На землю с верхней перекладины он выполз сам — полицейские ему помогать не стали. Следом выкарабкался Боб и улегся, отдуваясь, рядом с ним. Старый Думский, ворча, полез вниз по лестнице, которую снова переставили поближе к собаке. Потом полицейские стали вытаскивать пса. Ротвейлер, не успев оказаться над ямой, попытался укусить одного из них, и его тут же кинули обратно. Думский заорал на них, когда его окатило — он и без того перемазался. Наконец собаку вытянули, хотя полицейские и ворчали по поводу грязной веревки. Думский вылез одновременно и потащил собаку к сараю, где начал мыть ее из шланга. Пес взвыл под струей холодной воды.

— Идите-ка тоже под шланг, — сказал полицейский по имени Пит. — Таких вонючих мы в машину не посадим.

Джима в тот момент ничто не волновало, кроме себя самого. Сэм все еще пребывал в трансе, замороженный сараем, который представлялся ему Изумрудным Городом страны Оз. Полицейская машина въехала в ворота и стояла у сарая. В свете ее фар стояли сиротливой кучкой девочки. Стив, как видно, убежал, а План так и остался в кустах.

Пит вызвал по радио подкрепление, а его напарник Билл погнал Боба с Джимом к сараю мыться. Когда они подошли, пес вдруг кинулся на своего хозяина. Наверно, у него помутилось в голове от ночных событий, от наркотиков и от холодного душа. А может, он напал на Думского сознательно. Может, он никогда не любил старика.

Так или иначе, пес повалил Думского и впился ему зубами в левую руку. Думский завопил — челюсти ротвейлера сомкнулись на кости, и сквозь рукав пиджака просочилась кровь. Полицейские, не сумев оттащить собаку, пристрелили ее. Думский от этого впал в бешенство. Он бросился на полицейских — им пришлось надеть на него наручники и взять под арест. Потом Пит вызвал «скорую».

А Билл стал поливать из шланга Джима и Боба. Ребята вопили и плясали под струей, моля о пощаде. Но пощады

не было. Потом Пит вынес из сарая полотенца, чтобы они хоть как-то обсушились.

— У нас же пневмония будет! — кричал Пеллегриньо.

— Вам повезет, если отделаетесь только этим, — сказал Пит.

Глава 12

— В хорошенькую историю ты нас втравил, — сказал Эрик Гримсон.

— Джим, как ты мог? — тихо вымолвила мать.

Джим едва удержался, чтобы не сказать: «Да запросто».

Он сидел, завернутый в одеяло, на заднем сиденье их «шевроле» 1968 года. С тех пор как его окатили холодной водой, его не переставала бить дрожь. Отец из чистой вредности отказался включить отопление. Хотя Джим раз двадцать прополоскал себе рот в умывальной суда, во рту по-прежнему стоял вкус человеческих экскрементов. Что ж тут удивительного — он ест дерьмо всю свою жизнь.

— Повезло тебе, что дядька Сэма — ночной судья, — ворчал Эрик. — Не то оказался бы в тюрьме.

— В детской комнате, — поправил Джим.

— Какая, к черту, разница? — Эрик так стиснул рулевое колесо, точно хотел оторвать его совсем. — Это только остановка на пути к тюрьме, больше ничего. Как тебе двенадцать исполнилось, я уж точно знал — сидеть тебе в тюрьме!

— Пожалуйста, Эрик, — выдохнула Ева, — не говори так.

Они ехали по пустынным улицам, мимо темных домов. Хэллоуин давно кончился, и все улеглись спать, хотя в их районе мало кому надо утром вставать на работу. С момента приезда полицейских к Думскому до освобождения Джима под ответственность родителей прошло много времени. Сначала Джима с друзьями обыскиали, затем велели пройти по прямой, чтобы проверить на трезвость. Потом они еще дыхнули в баллончик. Испытания не выдержал никто. Вот еще два экзамена, которые я завалил, подумал Джим. Им зачитали их права, надели на них наручники, запихнули их в две патрульные маши-

ны — Пит вызвал подмогу — и повезли в город. С час их продержали в камере, потом вызвали в другую комнату, где взяли на анализ кровь и мочу. У Джима в голове стоял туман, но он все же сообразил, что следы наркотиков, конечно, еще остались в крови.

Час спустя их снова отвели в камеру, а еще через полчаса доставили в ночной суд. Их родители уже были там, кроме отца Санди Мелтон, который уехал из города. Мать Джима плакала, и слезы капали на четки розового дерева, которые она перебирала. Эрик был разъярен и выглядел весьма грозно.

Дядя Сэма был высохший лысый старикан с большим крючковатым носом в сетке лопнувших сосудов. Это плюс длинная тощая шея, покрасневшие от виски глаза, плешистая голова, черная мантия и сутулые плечи придавали ему облик стервятника. Хотя судья, как полагал Джим, чувствовал себя скорее канарейкой, заведшей кошку. Против его племянника Сэма выдвигались серьезные обвинения: вторжение на чужую территорию, порча частной собственности, пьянство и бесчинство, употребление наркотиков и нарушение тишины после установленного часа. Его могли также обвинить в пособничестве членовредительству, а если Думский умрет — в соучастии причинении смерти. Могли обвинить в пособничестве гибели собаки. Думский находился в больнице и мог лишиться руки.

Такие статьи — не шутка. Судья Вайзак не мог отпустить племянника и прочих длинноволосых выроdkов просто так. Но если он поступит с ними так, как они заслуживают, его невестка, миссис Вайзак, свернет ему шею. Да не в переносном смысле, а в буквальном.

Правда, все правонарушители были несовершеннолетние, что и дало судье временную лазейку. Он прочел им суровую нотацию и отпустил под ответственность родителей.

Хорошо еще, что нам не пришлось хранить наркотиков и алкогольных напитков, подумал Джим. Девчонки избавились от бутылок и капсул, как только услышали вдалеке сирену. Санди Мелтон обыскала Сэма Вайзака и найденные таблетки закинула в кусты. У Джима при

себе ничего не было, а Боб выбросил свое еще в сортирной яме.

Как только судья их освободил, мать Сэма ухватила сына за ухо и потащила за собой, а он хныкал и вращал одной рукой. Она, наверно, воображает, что она тетя Полли, а он Том Соьер.

Машина въехала на заляпанную маслом дорожку у дома.

— Родной очаг,— сказал Эрик Гримсон.— И вся семья налицо. Безработный крановщик, тронутая католичка, убирающая у богачей, и никчемный хиппи, чокнутый тупица. Ладно бы просто тупица, так еще и чокнутый, и ладно бы просто чокнутый, так еще и тупица. А теперь еще и в тюрьму сядет. Сестричка его, шлюха, родила двух ублюдков неизвестно от кого и живет с мужиком, который в отцы ей годится, с ненормальным — зарабатывает тем, что гадает по руке и чайной заварке да астрологические карты составляет! Хибара у нас вот-вот провалится прямиком в Китай, да и наплевать! Ну что я такого сделал, Господи?

— Богу до нас, опущенцев, дела нет,— сказал Джим, вылезая из машины и с силой захлопывая дверцу.

— Джим! — сказала мать.— Не кошунствуй. Все и так достаточно плохо.

— Так ведь он трепло поганое, твой сынок! — заорал Эрик.— Мало у тебя было выкидышей — какого же черта ты и его не выкинула?

— Прошу тебя, Эрик,— тихо сказала Ева,— ты разбудишь соседей.

Эрик завыл по-волчьи, а после сказал:

— Разбужу? Ну и что из этого? Все равно они прочтут о твоём сыночке в газетах и все про нас узнают, точно и так не знают. Разбужу, ну и пусть!

Джим открыл боковую дверь, и отец напустился на Еву — почему не проверила, уходя, все ли окна и двери заперты.

— Какая разница? — сказал Джим с порога.— Что у нас воровать-то?

Он вошел в дом, но отец ринулся следом и схватил его за плечо. Джим рванулся и побежал по лесенке в холл, оставив в руках отца одеяло.

— Может, у меня и было бы что воровать,— кричал вслед Эрик,— если б не вы с матерью!

Джим вбежал в ванную и заперся. Он почистил зубы с солью и содой, взяв их из верхней аптечки над раковиной. Потом вычистил ногти и снял с себя всю одежду, еще мокрую. Отец орал за дверью, то и дело колотя в нее кулаком, а Джим в это время стоял под душем. Прошло много времени, прежде чем он почувствовал себя чистым.

Воду он не закрывал, пока не потекла холодная. Ну вот, теперь отец еще больше обозлится. Он всегда нудит, чтобы экономили воду и газ. И при этом ругает Джима за то, что он не моется.

Несмотря на охлаждающее действие душа, внутри Джим был все еще накален. Если бы ярость можно было видеть, он бы светился в темноте. Все сегодня шло не так — да и почти каждый день так бывает. Не так? Мягко сказано. Одно унижение за другим. Позор за позором, провал за провалом.

Он постоял еще с минуту в запотевшей теплой ванной. Как только он выйдет, к нему прицепится отец. И Джим определенно его ударит, начнет отец драться первым или нет. Порукой этому служит красное облако, сгущающееся внутри.

Джим нехотя отпер дверь. Эрика снаружи не было. Из кухни доносились голоса вместе с запахом кофе. Отец сбавил тон, а мать почти не было слышно. Может, старик унялся? Хотя вряд ли. Включилась колонка, и ее гул заглушил кухонные звуки. На ноги Джиму пахнуло теплом, и он порадовался этому, потому что опять начал трястись, едва вышел из нагретого помещения.

Голый, с сырыми одежками под мышкой, он быстро прошел в свою комнату. Закрыл за собой дверь, скинул одежду на пол и подошел к шкафу. Не успел он снять с крючка свою пижаму, сзади раздался грохот. Обернувшись, он увидел распахнувшего дверь отца. Эрик побагровел и сжимал кулаки. Что бы ни произошло у них в кухне, его это не утихомирило.

— Оденься сейчас же! — рявкнул он. — Стыда у тебя нет!

От несправедливости этих слов — ведь отец сам ворвался к нему без разрешения — гнев Джима сгустился в крошечный горячий шарик. Еще немного нагрева, еще немного давления — и он рванет. И унесет с собой Эрика Гримсона.

— С этих пор все пойдет по-другому! — орал отец. — Или веди себя прилично, или выкатывайся, вот и весь сказ! И первым делом...

Он дико повел глазами вокруг, потом выхватил из заднего кармана перочинный ножик, открыл его и начал кромсать плакаты с рок-группами и рок-звездами. Не успел Джим издать протестующий крик, как от «Хот Вотер Эскимос» остались одни клочья, а Эрик атаковал Кейта Муна.

— Долой все это дерьмо! — кричал он.

Раскаленный докрасна шарик рванул, полыхнув белым пламенем.

Джим с воплем прыгнул на отца, развернул его к себе за плечо и стукнул по носу. Эрик повалился на стенку, из носа потекла кровь. Джим ударил его кулаком в плечо, хотя целил в подбородок. Эрик бросил нож и сцепился с сыном. Они качались взад-вперед, обхватив друг друга, рыча и отдуваясь.

— Я тебя убью! — проскрежетал Эрик.

Джим закричал, вырвался и отскочил. Он задыхался, и сердце так колотилось, что, того и гляди, оборвется. И тогда, сквозь бешеную пульсацию крови в ушах, щелкнул замок. Таким громким был этот звук, что замок, наверное, был огромный. И ключ, который поворачивался в нем, тоже был огромный. За щелчком последовал стон, точно открылась очень тяжелая дверь на ржавых петлях.

Пол накренился, стены покосились, и книги посыпались с полок. Джим с отцом упали на пол и тут же вскочили, дико глядя друг на друга. Штукатурка сыпалась на них кусками — Джим видел, как она отскакивает от отца. Белая пыль покрыла голову и плечи Эрика, припудрив два кровавых ручейка из носа.

В кухне кричала Ева.

— Боже ты мой! — завыл Эрик — Вот оно!

Дом снова качнулся.

— Уходим! Уходим! — закричал Эрик и выбежал из комнаты, клонясь на один бок, чтобы уравновеситься на скошенном полу — но все равно ударился плечом о косяк.

Джим засмеялся — и больше не мог остановиться. Сейчас дом провалится в тартарары. Может, родители успеют выбраться, а может, и нет. Но что бы ни случилось, это случится по воле судьбы, по воле Норн: справедливость тут ни при чем. Он останется здесь и уйдет на дно вместе с кораблем. Так оно лучше — да еще и смешно к тому же.

Ничего, что было после этого, Джим не помнил. Позже ему рассказали, что его родители выбрались-таки из дома, перелезли через сорванную переднюю веранду, пересекли провалившийся двор и выползли на тротуар. Пришлось, правда, тут же перейти на ту сторону улицы, потому что цемент, на котором они стояли, еще сильнее вздыбился и растрескался. Дом пошатнулся и провалился еще на фут. Соседи по обе стороны от Гримсонов тоже выскакивали с криками из своих колеблющихся домов. Вся округа пробудилась, в домах зажигались огни, люди выходили на веранды, спрашивая, что стряслось, детей заворачивали в одеяла и усаживали в машины на случай быстрой эвакуации.

Вдали завывали сирены — это полиция и пожарные спешили на Корнплантер-стрит.

Ева Гримсон стала кричать, чтобы кто-нибудь пошел в дом и спас ее сына. Охотников не нашлось. Эрик твердил, что Джим задержался только потому, что ему надо одеться. Но Ева была уверена, что он или ранен, или застрял внутри.

Когда подъехали полиция, пожарные и «скорая помощь», Ева бросилась к дому. Эрик и еще двое соседей удержали ее, а она кричала, отбивалась и умоляла, чтобы ее пустили.

«Трус! — сказала она Эрику. — Был бы ты настоящий мужчина, пошел бы за Джимом».

В доме погас свет — это порвалась проводка. И вдруг на пороге появились два огонька. Там стоял Джим, и две свечи, по одной в каждой руке, освещали его безум-

ное лицо и голое тело. Ниже колен его не было видно. Дом так накренился, что пол уходил круто вниз от покореженной входной двери.

Джим что-то неразборчиво кричал людям по ту сторону улицы и подпрыгивал, размахивая свечами — он подобрал их в комнате, служившей его матери молельней. Ева при виде этого забилась еще сильнее, крича:

— Свечи! Свечи! Он подожжет дом! Он сгорит, о Боже, сгорит заживо!

Полицейские и пожарники к тому времени кое-как разогнали толпу, чтобы подогнать машины поближе к дому. Лейтенант пожарных и полицейский капитан расспрашивали Гримсонов, но в ответ получали лишь истеричные, невнятные возгласы. Впрочем, Джим на пороге был виден всем.

— Свихнулся парень, совсем крыша поехала, — сказал капитан.

Вскоре в доме вспыхнул еще один огонь.

— Пожар! Пожар! Бога ради, спасите его, — кричала Ева.

Ее муки усугубляло то, что свечи, которые она зажгла в честь святого семейства и всех святых, послужат причиной гибели Джима и ввергнут его в вечный огонь.

Пожарные тем временем обнаружили, что труба, ведущая к ближайшему гидранту, лопнула от подземного толчка, подогнали цистерну с водой и подключили шланги к ней. Капитан с лейтенантом подобрался к дому, насколько смогли, и полицейский в свой мегафон стал уговаривать Джима выйти наружу.

Под ногами толпы шевельнулась земля. Балки в доме громко треснули в ответ. Дом опять покосился и провалился еще глубже. Джим скатился с порога внутрь. Зрители разбежались.

— Вот сукин сын! — сказал лейтенант. — Придется кому-то лезть за парнем! — Он осмотрелся в поисках добровольцев.

Огонь разгорался все сильнее на выходившей к воротам стороне дома. Оттуда валил дым, подхватываемый ветром. Скоро и соседний дом займется, если пожар не за-

луют. А поскольку газовые трубы внутри определенно полопались, может произойти страшный взрыв.

Лейтенант не видел больше Джима Гримсона, но видно было, как тот выкидывает за дверь какие-то вещи. В свете вспыхнувших фар он рассмотрел, что это статуэтки святых и святого семейства. Почти все они побились.

— Вконец чокнулся! — сказал капитан.

И тут ему вспомнилось, где он слышал про Джима Гримсона. Пит и Билл рассказали ему об упившихся и накачавшихся наркотиками юнцах, которые опрокинули нужник старого Думского, причем двое из них провалились в дерьмо. Просто капитан до сих пор не связывал этот потешный случай с людьми, живущими здесь.

— Парень полностью одурманен, — сказал он лейтенанту. — Я слышал, что он вытворял нынче ночью. Может, лучше оставить его, где он есть. Ему же на благо пойдет, если он оттуда не выйдет.

Лейтенант с укором посмотрел на капитана. Он ничего не сказал, но капитану и так все было ясно. Каким бы никчемным или порочным ни был человек, все равно его надо спасать.

— Шучу, — сказал капитан. — Но уж больно мне неохота терять хороших ребят.

Лейтенант распорядился принести веревки и лестницу. Он вызвал добровольцев, и откликнулось четверо, из которых он выбрал двоих. Один был черный пожарник Джордж Диллард, отец Плана. Он давно уже оставил надежду, что его сын станет адвокатом, и слишком хорошо знал Джима Гримсона. Но он был храбрый человек. И потом, если он спасет парня, то сможет подняться еще на одну перекладину по лестнице, ведущей к более высокому званию и оплате. Бог видит, он в этом нуждался и собирался добиться этого, хотя бы потом пришлось носить задницу на перевязи. Черных в пожарной бригаде не очень-то продвигали, несмотря на все слова о равных возможностях. По крайней мере, в Бельмонт-Сити.

Второй был неутомонный ирландец, который рвался в спасатели просто так — чем опаснее было дело, тем больше ему нравилось.

Каждого обвязали вокруг пояса веревкой, другой конец которой держали жители квартала, в том числе и две женщины, и Диллард с Бойдом двинулись через изрытый двор. В своих противодымных масках они походили на двух святых Францисков насекомого племени, совершающих подвиг милосердия. Ненормальный парень внутри все так же швырял вещи за дверь — кофейник, чашки и стаканы, кастрюльку с длинной ручкой, столовые приборы, переносное радио, альбомы с пластинками, одежду и фотографии.

Языки пламени уже лизали одну сторону дома, хотя и не ту, что провалилась под землю. Туда били струи брандспойтов, но пока что без особого успеха.

Когда двое спасателей добрались до входа в дом, обстрел вещами изнутри прекратился. В глубине слышался слабый вой Джима Гримсона, заглушаемый треском огня, шумом бьющей в дом воды и криками зрителей.

Пожарники остановились — земля снова дрогнула под ногами, и дом провалился еще на несколько дюймов. Дым вдруг повалил из входной двери и окон, из которых вылетели стекла. Времени у Дилларда и Бойда оставалось в обрез.

Джим съехался в гостиной, прижимая к себе руками и коленями портрет деда. Он забился в уголок между стеной, превратившейся в пол, и полом, превратившимся в стену. Глаза его были закрыты, но рот безостановочно молот чепуху вперемежку с приступами кашля. Его покрывала белая штукатурная пыль, почерневшая от копоти. Еще несколько минут — и дым убил бы его, если бы этого не сделал быстро распространяющийся огонь. Спасатели вытащили его наружу всего за тридцать секунд до того, как дом провалился окончательно. Дом как-то сразу уменьшился и полностью исчез под землей. Над провалом взвилось пламя и дым. Многим из видевших это подумалось, что так должны выглядеть врата ада.

Джима тут же отвезли в Веллингтоновскую больницу. Он пролежал без сознания два дня — но что было причиной, дым или его психотическое состояние, как выражались доктора, так и осталось неизвестным.

Когда Джим очнулся, он помнил только одно, случившееся в тот момент, когда дом хрустнул и застонал. Это было видение, первое за многие годы. Он увидел высокого обнаженного юношу, прикованного к дереву. Он не был похож ни на кого из знакомых Джима. Где-то на самой границе видения маячила рука, державшая огромный серебряный серп. Рука была неподвижна, но таила в себе явную угрозу. Скоро серп сверкнет и опустится — и у Джима не было сомнений в том, что именно он отрежет.

Еще серп был похож на гигантский вопросительный знак.

Глава 13

8 ноября 1979 г.

На стене палаты Джима появилась теперь большая пятиконечная звезда. Каждый из ее лучей представлял собой припиленную к стене бумажную обложку с иллюстрацией. Верхним лучом была обложка первой книги фармеровского «Многоярусного мира»: «Создатель вселенных». Левый горизонтальный луч обозначала вторая книга, «Врата творения». Следующей, если идти против часовой стрелки, была третья книга, «Личный космос». Дальше шла «За стенами Терры». И, наконец, пятым лучом был «Лавалитовый мир».

Это будет третья серьезная попытка Джима проникнуть в многоярусную вселенную. Пятиконечная звезда была вратами в нее. Многие пациенты называли такие врата «мантрой». Другие — «печатью». Свое средство вхождения Джим назвал «пентрой». Слив два магических слова в одно, он сделал свои врата в два раза мощнее обычных.

Была половина девятого вечера. Джим потушил свет в комнате, но вывеска страховой компании через улицу давала достаточно света, чтобы он мог различить пентру. Дверь в комнату была закрыта. Хотя замка в ней не было, Джим повесил снаружи объявление, что он «на входе». За стеной Брукс Эпштейн едва слышно пел заклинания на иврите.

Джим сел на стул, который поставил у кровати. Глядя в пустое пространство в центре звезды, он тоже начал петь:

АТА МАТУМА М'МАТА!

Снова и снова, все быстрее и быстрее, все громче и громче, он направлял древнее заклинание в центр звезды, в круглую белую пустоту.

АТА МАТУМА М'МАТА!

Как лазер собирает беспорядочные фотоны в направленный луч, так и заклинание превращает силовые линии в бластер, проделывающий отверстие в стене между двумя вселенными.

Оно же — и движущее средство, несущее заклинателя через вселенную.

Это оказалось не так-то легко. В первый раз Джиму показалось, что беззвучный, но очень сильный ветер несет его сквозь отверстие в стене. Он был в темноте, очень холодной и в то же время очень горячей. Это и еще чувство оторванности от всего, полной неуправляемости, напугало Джима даже больше, чем его детские видения. Он потерял всякое мужество и начал выгребать обратно против ветра. Несколько мгновений он боялся, что не сможет попасть назад.

Потом что-то щелкнуло, как натянутая и отпущенная резина, и он очнулся на стуле в своей комнате. Он дрожал, стонал и обливался потом. Часы показывали, что отсутствовал он две секунды. А у него было ощущение, что прошло много часов.

Так закончилась его первая экспедиция.

Он рассказал об этом на следующий день во время групповой терапии. Никто не стал над ним насмехаться или обвинять его в трусости. Того, кто попробовал бы это сделать, тут же осадил бы психотерапевт, ведущий группу. Здешняя политика не допускала, чтобы кто-то выражал недоверие к чужим рассказам. Это могло бы подорвать веру путешественника в истинность его или ее путешествия и тем самым замедлить или даже остановить прогресс в лечении. Кроме того, все пациенты сами поначалу про-

ходили через препятствия, разные по форме, но сходные по эмоциональному содержанию.

На второй раз Джим преодолел свой панический страх достаточно, чтобы продолжить — продолжить свой путь к цели. Темнота, холод и жара внезапно исчезли. Ветер сделался намного слабее. Джима окружали стены — силовые линии, — которые поднимались под разными углами из бездны внизу и опускались из неоглядного пространства вверх. Они сияли белым огнем и пересекали одна другую, продолжаясь за гранью других стен. Они составляли головоломку из четырех, а то и больше измерений. Но Джим не мог постичь их многомерность, их сущность. Ширина, длина и высота были единственными измерениями, знакомыми его мозгу. Все другие находились за пределами его восприятия. Но Джим знал, что они присутствуют.

Это было так странно, что он чуть было не поддался своим страхам и не вернулся «домой», опасаясь заблудиться окончательно.

И вдруг стены упали. Нет, не рухнули, как обычные земные стены, а просто исчезли непостижимым для Джима образом. Их призрачные отражения померцали еще немного и тоже пропали.

Джим был в одном из миров властителей. Он не знал, откуда он это знает — просто знал. Хотя он еще боялся, его любопытство было слишком сильным, чтобы он позволил возвратному ветру унести себя назад.

Хотя он все видел, он не был материальным существом. Может быть, он был астральным телом. Но это неважно. Главное, что он проник из земной Вселенной к властителям.

Он висел высоко над планетой такой же формы и размера, как Земля. Только солнце здесь было зеленое. Позже Джим выяснил, что цвет неба здесь меняется в зависимости от дня недели, а в неделе девять дней. Властитель, который создал этот мир, устроил так, чтобы небо меняло цвет каждые сутки.

Джим быстро опускался, надеясь, что держит путь к верной цели. Для своего воплощения он выбрал Рыжего Орка. Но раз можно выбрать образ и место для своих

запредельных путешествий, то можно ведь выбрать и время. Это только логично.

Произнося свои заклинания, Джим мысленно переместился на много тысяч лет в прошлое, надеясь попасть в тот отрезок времени, когда Рыжий Орк еще был семилетним ребенком. События фермеровской серии начнутся намного позже. Джим единственный из проходивших терапию пожелал путешествовать не в настоящем, а в прошлом.

Порсена спросил его, почему он так решил. Джим сказал, что сам не знает. Просто это кажется ему правильным. Доктор не стал больше задавать вопросы, но, уж конечно, взял это себе на заметку для будущей работы.

Как и на Земле, если смотреть на нее из верхних слоев атмосферы, моря и континенты этой планеты были видны далеко не так четко, как на карте. Их покрывали большие массы облаков, но Джим все же различал континент в форме грубо очерченного креста — его тянуло туда, точно опутанного невидимой паутиной. Он летел вниз, и земля неслась ему навстречу, будто двигалась она, а не он.

И вот он оказался над гигантским горным кольцом, в центре которого была равнина, в центре которой высилась единственная громадная гора. На вершине горы было довольно ровное плато с большими и малыми реками, густо поросшее лесом. Там и сям стояли кучки круглых домов с коническими крышами. Джим был еще слишком высоко, чтобы различать людей или животных.

В середине плато виднелось сооружение, столь огромное и странное, что переполнявший Джима почтительный трепет стал еще сильнее. Девять громадных пилонов двухмильной вышины загибались внутрь, словно слоновьи бивни. Пилоны поддерживали пирамиду из трех этажей, причем первая ее ступень находилась в полумиле над землей. Прозрачный пол позволял обитателям здания видеть внизу деревни и фермы поселян, не принадлежавших властителям. Их хижины стояли вдоль реки шириной по меньшей мере две мили, которая текла из озера, озеро же наполняли струи, бьющие из ртов огромных кристаллических статуй, расположенных вдоль стен нижней сту-

пени. Водопады окутывал туман, не достигавший, однако, низа пирамиды.

Второй этаж, тоже прозрачный, был меньше первого, хотя и занимал самое малое семь квадратных миль. Там, как и на нижнем этаже, помещались малые и большие дома и огороженные участки земли, где росли деревья и другие растения. Были там и поля, и пастбища, на которых пасся скот.

Третий этаж занимал площадь всего в две мили. Там были дома и какие-то гигантские строения, назначения которых Джим не знал. Многие чем-то напоминали древние египетские храмы в Карнаке — так они могли выглядеть, когда были еще новые. Но эти строения многим и отличались от египетских. Сотни статуй, опоясывавшие их, не походили ни на египетские, ни на какие-либо земные скульптуры, известные Джиму.

Вершину пирамиды, как раз там, где загибались пилоны, венчал зеленый изумруд. На вид он был больше, чем любой земной собор. Внутри он был полым, с дверными и оконными проемами. Возможно, его сразу и отлили так, со всеми полостями и отверстиями. Позднее Джим узнает, что этот камень — лишь песчинка по сравнению с бриллиантом на одной из планет в мирах Уризена. Тот исполинский камень запруживал реку, рядом с которой Миссисипи показалась бы струйкой в ребящем пироге из грязи.

Все ниже и ниже спускался Джим. Хотя изумруд, отражавший своими огромными гранями лучи солнца, пылал ослепительным огнем, Джиму не было надобности жмуриться. Он все видел, но не имел глаз, которые могло бы ослепить. Камень вспыхнул, точно в пламени взрыва, и Джим оказался прямо перед одной из великанских граней, через которую проник внутрь храма. Вот чем был изумруд — храмом.

В огромном помещении было темно, лишь в самой середине яркий луч из невидимого источника освещал пол. За пределами светового пятна таились повсюду огромные и отчего-то зловещие статуи. Они во множестве стояли на полу и ряд за рядом заполняли ниши в выгнутых стенах.

Те, что помещались на самом верху, трудно было рассмотреть, некоторых вовсе не было видно снизу, но их присутствие чувствовалось.

Это место внушало Джиму сильный страх. Как оно действует на семилетнего мальчика, стоявшего посередине, Джим не знал. Хотя ребенок, Орк, был здесь, скорее всего, не в первый раз, храм, наверное, до сих пор пугал его. По крайней мере, наводил трепет.

Джим мысленно называл ребенка Орком, потому что знал, сам не ведая откуда, что Рыжим Орка пока еще не прозвали.

Мальчик и двое взрослых были единственными людьми в храме. Присутствовал там и некто еще, но скрытно, наполняя все вокруг неясной угрозой.

Мужчина был высоким и красивым, со светлыми волосами и голубыми глазами. Его звали Лос, и он был отцом Орка. Женщина, ростом не уступавшая ему, была статной, золотоволосой и зеленоглазой. Это была мать Орка, Энитармон. Длинные прозрачные одежды, окутывавшие их обоих, почти ничего не скрывали. На нем был пурпурный узорчатый пояс, на ней — голубой. Он держал в правой руке курильницу, которой медленно помахивал, и торжественно пел что-то на языке, непонятном Джиму. (Хотя у Джима не было ушей, он все слышал.) Из курильницы струился оранжевый дым со смешанным ароматом горького миндаля и сладких яблок.

Энитармон держала жезл с кольцом, в котором заключался большой необработанный камень алого цвета. Она махала им, совершая какой-то обряд.

Мальчик стоял неподвижно, устремив зеленые глаза к потолку, прижав руки к бокам — одна ладонь была сжата в кулак, другая открыта. Лос время от времени прекращал пение и задавал мальчику вопрос. Однажды, когда Орк не сумел ответить, отец ударил его по лицу тыльной стороной ладони. На щеке у Орка появилось красное пятно, и на глаза навернулись слезы.

Джим почему-то ожидал, что Орк будет похож на него. Но нет. Этот мальчик был крепче его, и руки у него были длиннее. Нос у него был вздернутый, губы полнее, чем

у Джима, подбородок не так выступал вперед, а волосы были рыжие. Глаза у него тоже были больше, что придавало ему невинный вид.

На нем не было никакой одежды, кроме синей головной повязки, покрытой незнакомыми Джиму письменами. Среди них выделялся знак в виде трубы. Может быть, это рог Шамбаримена, о котором Джим читал у Фармера, рог, который будто бы открывает все врата между мирами, если в него подуть?

Теперь отец и мать начали медленно кружить вокруг ребенка, идя против часовой стрелки. Лос все так же размахивал курильницей, но задавал сыну вопрос, только когда оказывался перед ним. Джим видел, как напрягается при этом мальчик. Дважды он ответил правильно. На третий раз замешкался. И отец снова ударил сына по лицу.

Женщина нахмурилась и открыла рот, точно хотела что-то сказать мужу, но вновь сомкнула губы. Лос выкрикнул что-то. Возможно, ему полагалось гневаться по обряду, но он, похоже, проявлял куда больше пыла, чем требовала церемония.

Орк весь дрожал. Его лицо и тело блестели от пота, и нижняя губа дергалась. Все это, казалось, еще больше злило Лоса.

Джим возненавидел этого отца.

Хотя он прибыл сюда, чтобы войти в Орка и слиться с ним воедино, Джим колебался. От сочувствия, смешанного с гневом, его сознание помутилось, а для того, чтобы войти в Орка, ему требовалось все его спокойствие и самообладание. К чему усложнять и без того устрашающий шаг. Джим не мог, конечно, знать, но чувствовал, что если он совершит промах во время процедуры проникновения, то окажется в очень скверном положении.

Отец, лицо которого все сильнее краснело и кривилось, взмахнул курильницей и ударил Орка по голове. Мальчик упал на колени, но не поднял опущенных рук. Джим догадался, что если бы Орк шевельнул руками, то полностью провалил бы свою роль в церемонии. Что последовало бы за этим, Джим не знал.

Женщина что-то сказала. Лос гневно глянул на нее и произнес одно слово. Она ответила ему таким же взгля-

дом и тоже произнесла одно слово. Вряд ли они говорили друг другу комплименты.

Орк нетвердо поднялся на ноги и устремил глаза вверх. Из ранки сочилась кровь, по щекам текли слезы, но он крепко стиснул зубы.

Энитармон с криком подскочила к Лосу и тоже стукнула его по голове своим жезлом.

Моя мать точно бы так не поступила, подумал Джим.

И тут его вынесло из храма, и он полетел ввысь, оставляя далеко под собой горы, континент, планету, солнце, стремясь к вратам своей комнаты на Земле, а потом с беззвучным взрывом прошел в эти врата.

Глава 14

9 ноября 1979 г.

При следующем своем вхождении Джим не увидел больше жутких, пересекающихся, сияющих, многомерных стен. Вместо этого навстречу ему хлынул плотный поток тел, попеременно вспыхивавших то зеленым, то красным. Тела походили на сперматозоидов с человеческими лицами, и на каждом лице была злобная ухмылка.

Джим пробился сквозь их орду — они отскакивали прочь с его дороги — и сразу оказался во вселенной Орка. Еще до того, как прочесть заклинания, Джим решил, что вселится в Орка, когда тому будет семнадцать лет.

Орк был в лесу, в сотнях миль от города. Он вырос в высокого и очень мускулистого юношу. Он стоял за толстым стволом дерева, сжимая левой рукой древко копья. Его голову покрывал синий колпак, как у Робин Гуда, с торчащим сбоку алым пером. Кроме колпака, короткой юбки-килта и сандалий, на нем не было ничего. На поясе в ножнах висели короткий меч и метательный топорик. Прошло около часа, как перевалило за полдень. Небо — в этот день багровое — было ясным, и солнце, тоже багровое, пылало над лесом. Но внизу, под толстым покровом растительности, оплетающим деревья семисотфутовой вышины, было прохладно.

В этой зеленой крыше высоко над головой обитало множество насекомых, птиц и животных. С ветки в пяти-

десяти футах над Орком похожий на енота зверек с зеленой бородой, вися на своем цепком хвосте, ругательски ругал человека. Орк прислушивался к чему-то, но трудно было бы различить нужный звук среди шума лесной жизни.

Орк повернул голову. Его отец Лос и его мать Энитармон вышли из тени деревьев позади него. Родители тоже были одеты в одни только килты и сандалии и тоже вооружены. Но Лос, кроме копья и топора, имел при себе еще и пистолет с утолщением-луковицей на конце ствола — лучемер.

Джима снова мучил страх. Проникнуть в сознание Орка и, быть может, остаться в нем навсегда — с такой опасностью он никогда еще не сталкивался. Но он должен сделать это — иначе он будет жить, как трус, до конца своих дней. Победа или смерть. Да, смерть вполне вероятна. Или, что еще хуже, Орк поглотит его. Или он будет поглощен лишь частично, но навсегда останется узником в чужом теле.

Все едино. Надо войти в разум Орка. Стать частью Орка. Не самим Орком, господи боже мой!

И Джим сделал это. Пару секунд он чувствовал себя так, будто попал в яму с силосом. Слизистая комковатая субстанция душила его. Он ослеп. Мрак и мерзкое вещество, в котором он тонул, чуть не заставили его повернуть назад. Но он скрипнул воображаемыми зубами и беззвучно приказал себе: «Вперед!»

И жуткое месиво осталось позади, хотя мрак не развился. Джима подхватил бешеный поток тяжелой, как ртуть, жидкости и понес по извилистым каналам под шум биения то ли гигантских крыльев, то ли огромного сердца.

Это тоже осталось позади. Теперь Джим плавал в каком-то тихом пространстве. Потом послышался слабый треск, и вокруг заплясали искры.

Искры стали крупнее, слились воедино и превратились в яркий свет. Джим обрел способность видеть, слышать, обонять и ощущать вкус, словно в своем земном теле.

Он вошел в плоть и в мозг Орка, почти полностью стал им. Он точно крошечный паразит, который прилепился к стенке артерии своего носителя и надеется, что бурный поток крови не смоем его. А пока что он подклю-

чается к хозяйской нервной системе и разделяет со своим объектом все его мысли, воспоминания, эмоции и ощущения.

Эта односторонняя связь, как вскоре выяснил Джим, была очень неудобна. Требовалась привычка, чтобы думать одновременно и за себя, и за Орка.

Орк увидел, как из леса выходят его дядя Лувах и тетя Вала. За ними шла дюжина туземцев — рабы властителей, следопыты и загонщики. Их кожа была чуть темнее, чем у властителей, но только потому, что они больше времени проводили на солнце. На них были набедренные повязки, тела покрывала густая татуировка, в длинных темных волосах и продырявленных ушах топорщились перья. Их единственным оружием были бамбуковые духовые ружья со стрелами, пропитанными парализующим веществом. Предводитель нес огромный скрученный сигнальный рог, принадлежавший раньше какому-то гигантскому буйволу.

Лос спросил густым, рокочущим голосом:

— Есть успехи, сын?

— По-моему, один прячется вон в тех зарослях шин-ти,— сказал Орк.— Он ранен. Мне помогли его выследить капли крови, хотя кровотечение не слишком сильное.

— Это, должно быть, тот, который убил двух рабов,— сказал Лос.— Где все остальные, известно, кроме тех, что убиты или скрылись.

Джим немного удивился тому, что понимает речь властителей (или тоанов, как они сами себя называли). Удивление было каким-то вялым, поскольку такими же были пока все его собственные чувства; однако все, что поступало к нему через Орка, было ярким и четким.

Лувах и Вала подошли и встали рядом с Лосом. Родители Орка пригласили их погостить во дворце и поохотиться на человека. Лос по этому случаю открыл врата между их двумя мирами достаточно надолго, чтобы гости успели пройти.

По своему почину Лос этого никогда бы не сделал. Это его жена настояла на том, чтобы пригласить Луваха-Конника вместе с его женой и сестрой Валой. Энитармон хотелось пообщаться с кем-нибудь еще, кроме своей семьи и рабов.

Орк обожал красивую и добросердечную Валу. Но до сих пор ему все никак не удавалось поговорить с ней. Охота была жестокой, напряженной и почти не давала им отдыха.

— Оружие все еще при нем? — спросил Лос.

— Не знаю, — ответил Орк.

Добычей им служили туземцы, приговоренные своими же соплеменниками к смерти за тяжкие преступления. Лос по своему усмотрению мог изменить приговор и использовать смертника в качестве дичи. Так он и делал время от времени, когда ему наскучивали другие забавы. Вот и теперь сюда, в дремучий лес, доставили семерых опасных преступников, дали им копья и ножи и отпустили на волю. Через двадцать минут властители со своими людьми пустились по их следам. Все властители, кроме Лоса и Валу, имели при себе лишь примитивное оружие, чтобы охота представляла опасность и для охотников. Отец и тетка Орка приберегали лучевые пистолеты на случай, если на охотников нападет хищный зверь или если преследуемый одержит верх в бою с властителем. Правила охоты на человека, основанные на давней традиции, никогда не менялись. Если кто-то из властителей и нарушал их, то он или она хранили об этом молчание.

— Кто хочет прикончить зверя? — крикнул Лос.

— Буду счастлив, — ответил Орк.

Он сознавал, что вызвался ради того, чтобы завоевать отцовское уважение, хотя и не любил своего отца. А еще больше ради того, чтобы блеснуть перед теткой.

— Я понимаю, что тебе нужно приобретать опыт, — сказал Лос. — Ты пока что убил не многих, будь то зверь или человек. Но вежливость обязывает предоставить случай в первую очередь нашим гостям. Не забывай этого.

— С радостью уступаю свое право Орку, — сказала Вала. — Я пойду следом за тобой, племянник.

Господи, до чего же они бессердечные, думал Джим. И какое хладнокровие! Что они за люди? Но ведь он читал у Фармера, какими жестокими могут быть властители. Этого следовало ожидать.

Несмотря на свое возмущение, чувствовал он то же, что и Орк. Молодой властитель, а следовательно, и Джим,

был возбужден и горел от нетерпения. В то же время он, а следовательно, и Джим, надеялся, что не ударит в грязь лицом — ни живой, ни, чего доброго, убитый.

Орк медленно вошел в густую чащу деревьев шинтхи. Их ветви, начинавшиеся футах в шести над землей, образовывали густой шатер. Оплетавшие их лианы спускались до самой земли. Кроме того, между деревьями росли кусты виншина с очень пышной листвой. Гуща деревьев, лиан и кустов была идеальным местом для засады.

Держа в одной руке копье, Орк углубился в чащу, а Вала шла футах в шести за ним. Орк двигался медленно, чтобы не шуметь. Он весь взмок от напряжения. У него внезапно мелькнула мысль, что все преимущества на стороне преследуемого. Тут он споткнулся обо что-то. Под ногами, наполовину скрытое в траве, лежало копье. Его уронил человек-добыча. Стало быть, он тяжело ранен.

Несмотря на это, Орк не отказался от осторожности. Человек мог бросить копье, чтобы охотник подумал как раз то, что подумал Орк. А сам, возможно, затаился поблизости с охотничьим ножом в руке.

Орк молча указал Вале на копье. Она кивнула в знак того, что поняла.

В чаще, где должен был бы стоять птичий и звериный гомон, царила тишина. Обитатели леса следили за непрошеными гостями — сначала надо определить, не опасны ли эти двуногие, а потом уж продолжать повседневную жизнь.

Орк раздвинул правой рукой куст и заглянул за него. Его добыча была там. Человек лежал на спине, большой и совершенно обнаженный. У раскрытой руки лежал длинный нож. Из-под другой руки, зажимающей плечо, медленно сочилась кровь. Пот смыл всю грязь с его торса и ног, но кровь осталась.

— Хар? — сказал Орк.

Он не знал до этого момента, что преследуемый родом из деревни близ города-дворца и что охотится Орк на своего кровного брата. У Лоса было много детей от туземных женщин. Хар был одним из доброй сотни их. Превосходный следопыт, он научил Орка всему, что тот знал о лесной охоте. Его ранил родной отец, Лос, метнувший

свое копьё в замеченную вдалеке добычу. А теперь Орк пришел сюда по кровавому следу Хара.

Хар, бледный под темным загаром, смотрел прямо на Орка, зная, что скоро умрет. Но не молил о пощаде.

Вала, подойдя к Орку, сказала:

— Ты должен обогреть свой нож, племянник. Не подобает добывать его копьём. Подожди, сейчас я позову других. Они должны видеть, как ты это сделаешь.

Джим ощутил внезапную дурноту, охватившую Орка. Он знал, о чем тот думает. Ему предстояло перерезать Хару горло и слизать кровь с ножа. Умерщвление добычи и вкус крови не были внове для Орка, и раньше он никогда не чувствовал к этому отвращения. Вовсе нет. Но теперь... Он знал и любил своего кровного брата так, как только можно любить лебляббия — так назывались те, кто не принадлежал к властителям. Орк сказал себе, что скорее уж убил бы отца, чем Хара.

И все же придется убить Хара. Мало того — при этом нельзя будет выказать никакой жалости или мягкосердечия. Подошли все остальные, и Лос сказал:

— Так это Хара я ранил! А тебе выпало его убить... Чего только не бывает на свете!

— Да, ты ранил его, отец,— сказал Орк.— Мне бы никогда его не догнать, если б не ты. Почему бы его крови не вкусить тебе?

Лос нахмурился и сказал:

— Это не по-тоански. Делай свое дело.

Орк обошел вокруг куста, оцарапавшись о его жесткие листья. Остальные властители последовали за ним. Туземцы остались позади — там они и будут стоять, если только их не позовут посмотреть, как убивают дичь.

Глаза Хара затуманились, но он был не настолько плох, чтобы не узнать Орка, и прохрипел:

— Привет тебе, брат!

Он никогда раньше не называл так Орка. Хотя они оба знали, что Лос их отец, никто из них не упоминал об этом. Если бы Хар заикнулся о таком, его ожидало бы суровое наказание, возможно, даже смерть. Теперь, так и так обреченный на смерть, он мог говорить, что хотел.

— Ты бессмертен или почти бессмертен,— сказал Хар.— И все же тебя можно убить. Поэтому ты мне брат, кто бы там ни был наш отец.

Точно огонь пробежал по Орку. Его поразила не дерзость Хара, а правда его слов. Она устрасила Орка, как молния, сверкнувшая ночью с безоблачного неба.

— Делай свое дело, Орк! — сказал Лос.

— Не могу,— сказал Орк, повернувшись к нему лицом.

Лос, и не он один, отпрянул назад, будто внезапно наткнулся на полуразложившуюся падаль. Он потряс головой, поморгал и сказал резко:

— Я не понимаю тебя. В чем дело?

Орк набрал в грудь воздуха. Один только Джим знал, какое мужество требуется юноше, чтобы сказать то, что он сказал.

— Я не могу убить его. Он плоть от плоти моей. Он твой сын и мой брат.

Вокруг Орка все плыло. Острые грани реальности притупились и смягчились. Он чувствовал себя так, будто вступил в другой мир, который не совсем еще сформировался. Лос недоумевающе сказал:

— Что? При чем тут это?

Вала оглянулась и сделала Шеону, главному следопыту, знак подойти. Он тут же прибежал, как всякий лебляббий, которого зовет тоан.

— В чем повинен этот человек? — спросила Вала, указав на Хара.

Шеон сказал, глядя в землю:

— Святейшая, он убил сына нашего вождя, застав его в постели со своей женой. Сам Хар утверждал, что сын вождя бросился на него с ножом и что он убил того в самозащите. Но жена Хара показывала по-другому. Она сказала, что Хар хотел убить их обоих. В любом случае Хар должен был пойти в совет и подать жалобу. Наш закон не позволяет убивать мужчину или женщину за прелюбодеяние. Хар мог убежать, если на него напали. Ничто не мешало ему это сделать.

Вала повернулась к Орку:

— Вот видишь? Он заслуживает смерти по законам своего народа.

— Так пусть они его и казнят,— сказал Орк.

— Это просто смешно! — крикнул Лос.— Ты глуп! Я не понимаю тебя! Он же не тоан!

— Он тоан наполовину,— сказал Орк спокойно, хотя далеко не испытывал спокойствия.

— Наполовину — еще не целиком,— сказал Лос. Он побагровел, и взгляд его стал свирепым.— Убей его! Сейчас же!

— Разве ты ничего к нему не чувствуешь? Ведь он твой сын. Или это для тебя ничего не значит?

— Племянник, да ты не в своем уме! — сказал Лувах.— Что с тобой? Может быть, ты ударился обо что-нибудь головой?

— Что-то ударило меня. Оно не было материальным. Точно свет зажегся... трудно объяснить.

— Сейчас тебя ударю я! — взревел Лос и кулаком двинул Орка в челюсть, ошеломив его на несколько секунд.

Когда в голове у Орка прояснилось, он увидел, что стоит на коленях. У всех остальных, кроме Лоса, был такой вид, словно их тоже побили. Мать Орка шепнула:

— Напрасно, Лос. С мальчиком что-то неладно.

— Поистине неладно, Энитармон! Он не настоящий властитель! Может, ты легла с каким-нибудь туземцем и позволила себе забеременеть от него?

Энитармон ахнула.

— Как можно говорить такие ужасные вещи! — сказала Вала.

В ушах Орка взревело. Рев был красным. Звуки не имеют цвета, но в голове часто происходит такое, что невозможно за ее пределами. Оскорбление, нанесенное матери, освободило из клетки все порывы ярости против отца, которые Орк привык подавлять с тех пор, как помнил себя.

Орк оказался во сне, где все было ярко-красным. Он как будто стоял вне своего тела и смотрел на себя самого. Он видел, как Орк, не выпустивший из руки нож, несмотря на свой краткий обморок, встает с земли. Видел, как Лос отступает, но недостаточно быстро, и лезвие вонзается на несколько дюймов в его левую руку. Видел, как дядя Лувах бьет Орка по голове тупым концом копья. Ви-

дел, как Орк роняет нож и падает ничком, но переворачивается лицом вверх.

Потом он вернулся в себя. Отец занес над ним копье, держа его правой рукой. Мать с криком схватилась за копье и стала бороться с Лосом. Она вырвала оружие у мужа и нацелилась на него острым концом.

— Ты не сделаешь этого! — вскричала она. Было ясно, что она пустит копье в ход, если Лос попытается убить сына.

Вала сказала высоким напряженным голосом:

— Лос! Лебляббии смотрят на вас!

Лос гневно обернулся. Шеон, главный следопыт, шел обратно к своим. Он не хотел, чтобы тоаны знали, что он видел их драку, но было уже поздно.

— Свяжите его! — сказал Лос, указывая на Орка. — Он отправится обратно во дворец! — Он достал пистолет из кобуры. — Пойдем со мной, Вала! Придется их уничтожить. Не оставлять же их в живых теперь, когда они видели, как мы пытались убить друг друга!

— Я думаю, Шеон единственный, кто нас видел. И он никому не скажет.

— Я не хочу рисковать. Не можем же мы допустить, чтобы они думали, будто мы не лучше их.

Ему хотелось убить хоть кого-нибудь. Раз ему не дали убить сына, он перебьет лебляббиев. Может быть, в другой раз он послушал бы Валу — но не теперь.

Вала прикусила губу, однако сказала: «Хорошо», — и ушла с Лосом, тоже достав пистолет. Как Орк узнал позже, туземцы догадались, что хотят сделать властители. Наиболее пассивные и религиозные остались на месте, покорные своей участи. Четверо лебляббиев, однако, убежали в лес. Они будут навеки изгнаны из своего племени, за их головы назначат цену, и в следующий раз, когда тоаны устроят охоту, дичью послужат они.

Орка перевернули и связали ему руки лентой, которую его мать достала из своей сумки. Завязывая узел, мать нагнулась к нему и прошептала:

— Не сердь больше отца. Я сделаю все, что смогу, чтобы его успокоить.

— Он меня убьет, — сказал Орк. — Он ненавидит меня. Всегда ненавидел. В чем я провинился перед ним, мать?

С Орка сорвали всю одежду и приковали его к скале около главного дворца. Один конец десятифутовой цепи был прикреплен с помощью стальной пластины к гигантской глыбе кварцита, другой — к стальному кольцу вокруг лодыжки Орка. Два дня и две ночи Орк страдал от унижения и всяческих неудобств. Почти весь день его сжигало солнце, а ночью Лос позволял тучам собираться вокруг дворца. Орк плохо спал — мешали холод, сырость и жесткий камень, на котором приходилось лежать.

Раз в день служанка приносила ему еду и оставляла ведро воды для питья и омовения. Освобождая мочевой пузырь или кишечник, Орк заходил за скалу так далеко, как только мог. Ни туалетной бумаги, ни губки у него не было. Служанка, опять-таки раз в день, убирала за ним.

Каждый раз в полдень из дворца спускались его родители, дядя и тетка. Лос спрашивал сына, раскаивается ли он в том, что так вел себя. Согласен ли он извиниться и пообещать, что никогда больше не будет так делать и всегда будет слушаться родителей? Даже и в этом случае наказание еще не окончено, добавлял Лос.

— Многие властители убили бы такого сына на месте. Но я не хочу причинять горе твоей матери, и Лувах с Валой тоже просили за тебя.

— Ты не должен был меня бить,— сказал Орк.

— Я твой отец! Это мое право и мой долг, если ты такого заслуживаешь!

— Ты бил меня много раз. Казалось бы, за столько тысяч лет человек мог бы обрести мудрость и научиться любви. Но ты ничему не научился. Будь что будет, но ты ударил меня в последний раз. Можешь убить меня, если хочешь.

Лос повернулся и пошел прочь в своих развевающихся зеленых одеждах, покачивая пышным желтым пером на широкополой шляпе. Мать и тетка задержались ненадолго, чтобы умолить Орка подчиниться воле отца.

— Ты так упрям,— вся в слезах говорила Энитармон.— Твое упрямство тебя погубит. Что я буду делать, если потеряю своего первенца?

— Убьешь Лоса и отомстишь за меня,— сказал Орк.— Мне кажется, это даже доставит тебе удовольствие. Не знаю, почему ты остаешься с ним. Разве нет других миров, куда ты могла бы уйти? Хотя бы мир Луваха и Валы?

— Вижу, ты решился умереть,— сказала Энитармон. Она поцеловала сына в щеку и ушла. Лувах, качая головой, последовал за ней, но Вала замешкалась.

— Я проберусь к тебе ночью и принесу спальный мешок и что-нибудь вкусное.

— Не нужно подвергать себя опасности ради меня, хотя благодарю. Одна ты меня любишь.

— Твоя мать тоже любит тебя. Ты же видел, как она тебя защищала, когда Лос хотел пронзить тебя копьем. Но у нее такой характер, что она не в силах противиться Лосу, если ее не доведут до крайности — и даже тогда ее бунт не длится долго.

— Она могла бы изменить свой характер за столько тысячелетий. Что проку в науке властителей, если она бессильна помочь избавиться от нежелательных черт?

— Были и такие, что менялись, хотя не всегда к лучшему. Но большинство людей не способно переделать себя, как бы долго они ни жили. Это вопрос воли, а не биоинженерии. Разве ты позволишь когда-нибудь, чтобы тобой помыкали?

Перед уходом Вала крепко поцеловала его в губы. Орк подозревал, что Вала желает его так же, как он ее. А может, она просто любящая тетушка, и он, по своей молодости и неопытности, принимает ее нежность совсем за другое?

Он посмотрел вслед отцу, все еще шагавшему к главному дворцу города пилонов. Он чаще видел отца со спины, чем лицом к лицу, и ничего не имел против этого. Потом взглянул вверх вдоль золотой, усеянной драгоценными камнями стены дворца. Там в окне третьего этажа стоял его наставник, Ноороша,— умный и высокообразованный туземец, проходивший с Орком учебные программы с тех пор, как мальчику исполнилось три года. Учитель тоже смотрел на своего ученика, которому следовало бы сейчас быть в классе.

Орк помахал Ноороше, которого любил больше всех на свете после матери и тетки. Почему отец не может быть таким, как Ноороша?

День шел, и каждая минута была как удар бича. Орк шагал взад-вперед, волоча за собой цепь, звякающую о слегка шероховатый прозрачный камень, и его думы ходили вместе с ним. Взад-вперед, взад-вперед. От мыслей о побеге до картин воображаемого убийства отца.

Наконец настала ночь. Взошла первая луна. Два часа спустя поднялась и вторая. По прикидке Джима, глядевшего глазами Орка, она была вполовину меньше земной Луны, а первая была наполовину меньше второй. Узор пятен на них, конечно, отличался от того, что был привычен Джиму.

Когда из туч пролился положенный дождь, Орк улегся и долго маялся, пока не уснул. Когда спал он, спал и Джим. Прошло, казалось, совсем немного времени, когда пришла Вала и разбудила Орка — а значит, и Джима.

Орк смутно различал ее, присевшую рядом.

— Я принесла тебе мешок и еду, — тихо сказала она. — И еще кое-что принесла. — Она показала ему какой-то предмет, который он не мог разглядеть. — Лучемер. Лежи спокойно, я перережу твою цепь.

— Не надо! — сказал Орк. — Я благодарен тебе, но не могу допустить, чтобы ты подвергалась опасности. Отец проведет расследование, если я убегу, узнает, что это сделала ты, и убьет тебя!

— Не убьет, если ты убьешь его раньше.

Она привстала, и Орк услышал звук тупого удара. Вала испустила стон и упала, придавив Орку ноги. Над ними маячил огромный силуэт — Орк понял, что это Лос. Вала, постанывая и прижимая руку к затылку, перекатилась через Орка и попыталась встать.

— Лежать, гнусная шлюха-предательница! — сказал Лос. Рядом с ним виднелись очертания какого-то огромного предмета — какой-то машины, как показалось Орку.

— Мне следовало бы убить тебя, Вала! — кричал Лос. — Но я понимаю твою жалость к нему, веришь ты этому или нет. В конце концов, он мой сын, хотя и скверный!

Я помню, как любил его, когда он был мал! Но ты предательски воспользовалась моим гостеприимством! Как звать, не замышляла ли ты вместе с ним убить меня!

Он продолжал разглагольствовать — смысл его слов заключался в том, что он, по милосердию своему, разрешает Вале и ее мужу вернуться в их вселенную. Но делают они это сию же минуту и под стражей. С сыном он расправится сам, и они никогда не узнают как. Вала больше никогда не увидит Орка.

Вала попыталась возразить, но Лос приказал ей молчать, не то он пристрелит ее на месте. Тогда она подчинилась, шепнув только: «Прости меня, Орк». Лос держал свою речь еще минут пять, затем нагнулся и прижал конец какого-то цилиндра к руке Вала. Она тут же лишилась чувств. Лос приставил цилиндр к груди Орка. Орк тоже потерял сознание, а вместе с ним и Джим.

Оба очнулись одновременно. От яркого солнечного света Орк зажмурился, и Джим — по-своему — тоже. Молодой тоан сидел, упираясь голыми ягодицами в скальный карниз, прислонившись спиной к наклонному выступу камня. Руки были связаны позади веревкой. Карниз обрывался в футах от него. За краем шел вниз крутой горный склон, поросший лесом. У подножия бежала река, петляющая сквозь лесную чащу. На том берегу высилась другая гора.

Небо было голубым — значит, Орк не в своем родном мире, если он только не пробыл без сознания двое суток.

Несмотря на палящее солнце, Орк дрожал — таким холодным был воздух. На вершине противоположной горы лежал снег. Орк оглянулся и увидел, что он в пещере, идущей от карниза в глубь горы. Около него на грязном каменном полу лежал пластиковый листок.

Орк опустился на колени и нагнулся прочесть, что написано на листке. Как он и ожидал, это был почерк его отца.

Ты на Антеме, в Нежеланном мире. Если ты достаточно мужчина, чтобы выжить и найти единственные другие врата этого мира, ты, возможно, сумеешь покинуть его.

Я даю тебе ключ, хотя ты его и не заслуживаешь. Врата отмечает знак, подобный тому, что ты носишь на себе. Но как открыть врата, придется думать самому. Врата ведут обратно в твой мир.

Врата следует искать только на суше, что сужает территорию твоего поиска до пятидесяти миллионов квадратных миль. Хотел бы я пожелать тебе всего худшего, но не стану. Пусть ты получишь то, чего заслуживаешь.

Орк застонал. Антема, Нежеланный мир! Мир, созданный теми загадочными существами, что жили еще до властителей,— это они создали первоначальную вселенную тоанов, а потом и их самих, чтобы ее населить. Антема была столь грубо сработана, что властители полагали, будто это первый, еще дотоанский эксперимент создания искусственного мира.

Никто из них не пожелал жить здесь — впрочем, очень немногие знали, как проникнуть сюда.

Лос, наверное, положил Орка в свою машину и через врата во дворце или еще где-нибудь прошел в этот мир. И, оказавшись на Антеме, доставил Орка от врат в эту пещеру.

Но что это за ключ, который Орк носит на себе? Он ведь голый.

Подумав об этом, Орк почувствовал, что на шее у него что-то висит.

Он поднялся на ноги и, нагнув голову, сумел рассмотреть этот предмет, болтавшийся чуть пониже его грудной кости. И узнал его, хотя и смотрел вверх ногами. Это был один из отцовских золотых медальонов с именем Шамбаримена, человека-легенды, и с рельефным изображением его рога. Медальон был настолько близок к религиозной реликвии, насколько это возможно для вещи тоанского изготовления.

Какой же ключ несет он в себе? Может быть, надо искать гору, похожую на рог? Орк, зная, как хитроумен отец, был уверен, что дело не так-то просто. Возможно, ключ вообще незрим. Ну ладно. Сначала надо освободить руки.

И Орк это сделал, хотя и не скоро. Он повернулся спиной к камню, у которого пришел в себя, согнул колени, поднял руки и зацепил веревку за тупой край маленького выступа на верхушке глыбы. Эта позиция была и утомительной, и болезненной, но он продолжал пилить, пока не перетер веревку до половины. Передохнув, он возобновил свою работу. Когда веревка лопнула, он отвязал ее от запястий — нелегкая задача для одной руки. Обследовав пещеру и не найдя ничего, что указывало бы на врата, он оглядел сверху долину. Единственной живностью, которую он там увидел, были какие-то странные неуклюжие летучие существа.

Он стал спускаться по крутому склону за карнизом. У него не было причины испытывать оптимизм по отношению к этому миру, который явно не был создан для него. Какое-то время ярость и желание отомстить, конечно, помогут ему продержаться. Но эту громадную территорию можно обыскивать тысячу лет и все же не найти нужной приметы и врат — в ней, под ней или около нее. Он может даже найти эту примету и не понять, что это то, что он ищет.

Плохо дело. О Шамбаримен, очень плохо!

Орк сам не знал, как плохо станет ему очень скоро. Громкий визг позади заставил его замереть. Потом удар в спину сбил его с ног. Захлопали гигантские крылья. Боль, словно от очень больших и острых когтей, вонзившихся в спину, исторгла у Орка громкий крик.

Джим Гримсон тоже перепугался. Он тоже услышал визг, почувствовал когти и завопил от боли.

Этот шок был последней каплей. Джима унесло прочь гораздо быстрее, чем в прежние его возвращения на Землю. Он очнулся на стуле в своей комнате. Он дрожал, обливался потом и чувствовал какое-то онемение. Жжение в спине от страшных когтей продержалось еще миг, но потом прошло.

Несмотря на страх, Джим все же попытался бы вернуться в Орка, если бы энергия не выгорела в нем без остатка. Прошло много времени, прежде чем он смог подняться со стула.

Сегодня членов группы тянуло спорить еще больше, чем обычно. Пациенты сильнее придирались друг к другу и легче обижались. Чесучего порошка им, что ли, подсыпали? Или они достигли той стадии лечения, когда гнев и горькое разочарование всплывает ближе к поверхности? Эти страсти так и лезут наружу, точно черви, вышвырнутые из внутренностей глистогонкой.

К Джилмену Шервуду, девятнадцатилетнему жителю Золотого Холма, цеплялись еще пуще, чем всегда. Некоторые члены группы не любили его и питали к нему недоверие из-за того, что у него богатые родители. Он отвечал на все нападки слабой улыбкой или молчанием, и то, что он не защищается, еще сильнее злило атакующих.

Больше всех старался шестнадцатилетний Эл Мубер, у которого никогда в жизни не было денег, пока он не начал торговать наркотиками. Его карьера продолжалась шесть месяцев, потом его сцапали. Но обвинялся он только в употреблении и хранении, не в продаже. Он имел особенно большой зуб против Шервуда, одного из своих бывших клиентов, потому что подозревал, что это Шервуд его заложил.

Запястья Шервуда до сих пор были забинтованы — он перерезал себе вены, пытаясь покончить с собой. Он хотел стать художником, но его родители были против. Они решили, еще когда сыну было три года, что он сначала закончит университет Огайо, а потом получит в Гарварде степень юриста. После шести месяцев в университете с Джилменом произошел «нервный срыв». Через три месяца он вышел из санатория, приехал домой и наотрез отказался вернуться в колледж. Родители, несмотря на предостережения семейного врача, продолжали наседать на него. И однажды ночью Шервуд вскрыл себе вены, чтобы изобразить кровью на стене свое кошмарное видение. В итоге он попал в группу Порсены.

Мубер еще говорил другим, что Шервуд бисексуал и будто бы пристает к нему. Девочки же находили, что Шервуд замечательный красавец, вылитый Пол Ньюмен, толь-

ко высокий. И он оказывал внимание нескольким из них, так зачем ему нужен такой противный тип, как Мубер?

Мубер изо всех сил пытался обесценить приключения Шервуда в образе Вольфа, героя, которого тот себе выбрал. Доктор Сцевола, который сегодня вел группу, останавливал Мубера, но тот не унимался. Тогда доктор сказал — или пусть Мубер подчиняется правилам, или пусть уйдет к себе в комнату и подумает, каково ему будет, если его выгонят из группы.

Мубер перестал нападать на Шервуда, но все время бурчал что-то себе под нос.

Джим Гримсон слушал других только краем уха. Утром он был поражен тем, что увидел здесь Санди Мелтон. Она сидела в дальнем конце столовой с группой легких шизоидов. До сих пор Джим не знал, что Санди в больнице, и не слышал, что стало с ней после того вечера у Думского.

Он помахал ей. Она улыбнулась в ответ, продолжая разговаривать со своей соседкой. Джим решил поговорить с ней, когда представится случай.

Не мог Джим сосредоточиться еще и потому, что все время беспокоился об Орке: что случилось с ним, когда Джим его оставил? Бедственное положение Орка и его мир казались Джиму реальнее, чем эта комната и люди в ней. Не нюхали они все настоящей беды, вот что.

Джим вздрогнул, заметив, что доктор Сцевола обращается к нему и все на него смотрят.

— Твоя очередь, Джим, — сказал Сцевола. — Нам всем не терпится услышать, что случилось во время твоей последней экспедиции.

Джим сомневался в том, что им всем так уж не терпится. В большинстве своем они слишком заняты собственными приключениями, чтобы интересоваться приключениями Джима. Ему, по крайней мере, так казалось. За свое короткое пребывание здесь Джим уже узнал о себе кое-что новое. Он понял, что часто приписывает другим свои чувства, хотя те ничего похожего не испытывают. В будущем надо быть поосторожнее и не навязывать другим собственные мысли и эмоции.

Предполагалось, что групповая терапия должна проходить по принципу книжного клуба. Участники обсуждают различных персонажей фермеровской серии и высказывают свое отношение к ним. А также предлагают свои варианты разрешения разных ситуаций и по-своему заканчивают книги. Предлагается также комментировать, как избранный кем-то персонаж отражает проблемы и личность избравшего. Но весь этот процесс направляется и регулируется психотерапевтом. Подвергать друг друга слишком уж резкой критике не разрешается.

Одной из трудностей, с которой сталкивались участники на этой стадии терапии, было дать полный отчет о своих приключениях в карманных вселенных. Джим разделял это затруднение. Вот и сейчас, в ответ на приглашение Сцеволы, он дал лишь схематический рассказ о том, что испытал. Он сдерживался, потому что считал, что все это — очень личное. Если впустить других слишком далеко в мир Орка, они, чего доброго, попытаются присвоить его. Захотят захватить его, Джима, миры так же, как владельцы — миры своих соседей.

Больше того, Джим был убежден, что вселенные, в которых бывают все прочие участники, существуют только в их воображении. Хотя описывают их живо и очень подробно, все это тем не менее только фантазия. Вслух он, конечно, этого не говорил. Это значило бы обесценивать миры других пациентов.

Джим окончил свой запинаящийся, неуверенный рассказ. Пока он говорил, он стал чувствовать, что все это — выдумка. И другие тоже, кажется, смотрели на него с сомнением. Черт! Они не верят!

Черная Моника Брэгг сказала:

— Твой отец, то есть отец Орка, часто бьет сына. Это напоминает твоего отца, Джим. Еще твой отец непредсказуемо ведет себя и все время тебя пугает, точно как Лос. Почти все время он жестокий и суровый, но иногда бывает добрым и нежным, каким и должен быть отец. Ребенка это сбивает с толку.

— Ты про какого отца говоришь? — спросил Джим. — Про моего в этом мире или про отца Орка в том?

Моника улыбнулась, показав большие белые зубы.

— Про обоих, глупый. Правда, Лос не во всем похож на твоего настоящего отца. Он красивый и могущественный, господин и владыка всего, что имеет, а не жалкий пьяница-нищий, как твой настоящий отец.

— Моника! — мягко, но внушительно сказал доктор Сцевола. — Пожалуйста, воздержимся от персональных замечаний.

— Да, конечно, док. Но я не сказала о его отце ничего такого, чего бы он сам не говорил. Я просто хотела показать, как Лос и эта женщина, мать Орка — Энитармон, — похожи на его собственных родителей. Одни просто отражают других, вам не кажется? В этом все и дело, разве нет? Что наш мир и Многоярусный отражают друг друга, вы ведь сами говорили. Как кривые зеркала.

— Это один из аспектов, — сказал Сцевола. — Но не стоит слишком задерживаться на параллелизмах, особенно если они столь очевидны. Или ты подводишь к чему-то другому?

— Может быть, именно различия важнее всего, — сказала Моника. — Вот, например, мать Орка под каблуком у мужа, как и мать Джима. Но она красивая, сильная и способна оказать сопротивление. Правда, до определенного предела. Может быть, потом она взбунтуется и даже убьет Лоса. Твоя мать на это не способна, правда, Джим? Но, может быть, ты надеешься, что и она когда-нибудь воспротивится отцу Это так, Джим?

— Откуда я знаю? — запальчиво ответил Джим. — Я же ничего не выдумываю, понимаешь? Все идет своим чередом, а не так, как мне бы хотелось!

Ненадолго настала тишина, только Мубер хмыкнул.

— Конечно! — сказал Сцевола. — Мы ведь тут не книги сочиняем, помните об этом. Здесь все по-настоящему. Происходят ли события у вас в голове или вне ее, все равно они существуют. Когда человек думает, это так же реально, как...

— Когда он пугает! — выпалил Мубер и согнулся пополам от смеха.

— Да, и то, и другое преходяще, но тем не менее реально в течение своего мига — будь то миг славы или миг вонючки, — сказал Сцевола.

— Да ведь миллионы отцов и матерей так или иначе похожи на моих земных родителей,— сказал Джим.— И в мирах властителей тоже есть такие. Что ж тут странного. Кончай психологию разводить, ей-богу.

Брукс Эпштейн взял слово в первый раз за сеанс. Это был высокий, чернявый и тощий парень в толстых роговых очках. Хотя он тоже был с Золотого Холма, его не оскорбляли и не презирали так, как Шервуда. Отец Эпштейна тоже был раньше богат, но обанкротился и покончил с собой. У матери едва хватило страховки на то, чтобы поместить сына в Веллингтоновскую больницу.

— Психологию разводить? — сказал Брукс.— А разве мы не для этого здесь собрались?

— Мы здесь для того, чтобы вылечиться и стать здоровыми, а не сидеть и анализировать друг друга до полного развала,— ответил Джим.— Анализировать — все равно что разбирать что-то на части. Потом не соберешь. Как Шалтая-Болтая.

— Благодарю вас, доктор Фрейд,— сказал Эпштейн.— Но все-таки...

Когда сеанс кончился, почти каждый был зол на кого-то еще. Доктор Сцевола старался пролить бальзам на раны и охладить страсти. Но на сей раз его мягкость, рассудительность и стремление к компромиссу не возымели действия. Если одни пациенты были пока еще слишком застенчивы, чтобы задевать других, то другие проявляли излишнюю бойкость, и персонажи, которых они себе избрали, отличались надменностью и дурным характером. Психиатрам приходилось то и дело осаживать таких субъектов. И в то же время нельзя было слишком подавлять молодых людей, иначе они могли вырваться из-под контроля или утратить связь со своими фермеровскими образами.

Как бы драчливо и заносчиво ни были настроены иные участники группы, всех их объединяло одно. Их всех отличала низкая самооценка, калечившая их характеры. Одной из целей — труднодостижимых целей — терапии и было обретение самоуважения. Чтобы начать уважать себя, больные должны были на время стать кем-то другим.

Через несколько минут после сеанса Джиму сказали, что к нему пришел посетитель — Сэм Вайзак. Доктор Сцевола был занят, и разрешение нужно было спрашивать у доктора Тархуны. Он дал его по телефону, и Джим с нетерпением побежал в маленький холл, предназначенный для посетителей. Медбрат Дейв Герском стоял в дверях и наблюдал за ними.

Сэм встал со стула, когда вошел Джим. Он широко улыбнулся и пошел навстречу другу, размахивая руками. Они встретились на середине комнаты и обнялись. Джим был очень рад видеть Сэма, но невольно сморщил нос от его запаха. С тех пор как Джим лег в больницу, он каждый день принимал душ, а грязное белье передавал матери. Он ничего не сказал Сэму по поводу его немытого тела и грязной одежды. В конце концов, все, что было надето на Джиме, пожертвовал ему Сэм. Если бы не щедрость друга, ходить бы Джиму в больничной пижаме, халате и тапочках.

Когда они разомкнули объятия, Сэм перестал улыбаться и тяжело опустился на стул.

— Джим, мне надо кое-что тебе сказать, кое в чем разобраться. Я тут задумал одну вещь, которая тебе не понравится. А может, и понравится, не знаю. Но я, как говорится, зашел в тупик. Хочу уехать и в то же время не хочу.

— Куда уехать?

— В Калифорнию. В Голливуд, если точно. Надо выбираться из этой поганой дыры, подмышки Вселенной. Дела у меня плохи. Хожу в реабилитационный центр для токсически зависимых, для наркоманов, как отец говорит. Суд покоя не дает. Судья говорит, что я должен выправиться и что он мне с пути сбиться не даст. Каждую неделю требует отчета от моих предков и от школы, а отчеты не больно утешительные. Я все еще хожу в двоечниках, хотя и лезу из кожи вон, чтобы исправить отметки.

Сэм прикрыл глаза пальцами и смотрел на Джима, словно через тюремную решетку. С дрожью в голосе он продолжал:

— Джим, ну не могу я больше! Хочу убежать, исчезнуть, затеряться совсем в этой Калифорнии. Не знаю, что

я там буду делать, скорее всего — на улице спать. Какое-то время, во всяком разе. Но гитару я возьму с собой. Может, устроюсь в какую-нибудь группу. А может, и нет. Хорошим музыкантом меня не назовешь, но ведь кучу рок-звезд это не останавливало. В общем, попробую. Все лучше, чем сейчас.

Джим не сразу ответил. Сэм уронил руки на колени, но не сводил с Джима своих черных глаз. Как будто надеялся... на что? На то, что его старый друг скажет какие-то мудрые слова и спасет его?

Джим махнул рукой, неизвестно что выразив этим — разве что безнадежность. Что может он, Джим Гримсон, запертый в сумасшедшем доме, одетый в чужие обноски, отрезанный почти от всех, кроме доктора Порсены и кучки больных, да и те ему недостаточно близки — что может он сделать для своего друга?

Не мог он не думать и о своих планах, хоть и чувствовал себя большой скотиной за то, что думает о себе, когда Сэму так плохо. Сэм несколько дней назад сказал ему по телефону, что Джим может жить у Вайзаков, когда перейдет на амбулаторное лечение. Они с Сэмом будут спать в одной комнате, вместе пользоваться вещами Сэма и вместе есть. Это предложила миссис Вайзак, великодушная, как всегда. Она ведь знает, что у родителей Джима совсем маленькая квартирка и им не на что содержать сына. Скоро Джиму исполнится восемнадцать, а тогда выдаваемое на него пособие перестанет поступать. Кроме того, Эрик Гримсон не хочет, чтобы Джим жил с ними.

А теперь, когда Сэм уезжает, захотят ли его родители взять его друга к себе? Джим прочистил горло и сказал:

— Сэм, я не премудрый старец с гор, не какой-нибудь гуру, который все видит, все знает и может вывести тебя на путь к здоровью, богатству и славе. Ты прости, Сэм, но я не знаю, что тебе сказать — разве что пожелать удачи. Я посоветовал бы тебе записаться на терапию к доктору Порсене, но там большая очередь. Мне чертовски повезло, что меня приняли сразу.

Сэм не ответил, и лицо его было непроницаемым, но Джиму показалось, что под маской виден упрек и страх.

— О господи, Сэм, я очень хочу тебе помочь! Но не могу!

— Я ничего от тебя и не ждал,— сказал Сэм.— Нельзя же требовать от утопающего, чтобы он спас другого из воды. Я просто решил рассказать тебе, что собираюсь сделать. А твоего благословения мне не надо.

— Черт возьми, Сэм! Я чувствую себя последним дерьмом! Я тебя подвел!

— Да какого черта,— сказал Сэм, вставая.— Мама не откажет тебе, даже если меня здесь не будет. Может, она даже сильнее тебе обрадуется. Ты ж знаешь, материнство — ее конек. Это да еще всеми командовать.— У Сэма дрогнул голос, и две слезинки скатились к углам рта.— Эх, вот были мы пацанами, счастливыми, в общем, хотя всякое бывало — ну могли ли мы подумать, что все так обернется?

Джим не мог придумать ничего лучше, чем обхватить Сэма руками и похлопать по спине. Это было все, что он мог,— и больше, возможно, ничего и не было нужно. Сэм чуть-чуть поплакал, потом освободился и вытер слезы грязным носовым платком.

— Да уж, Джим! Нам кажется, что мы взрослые и никто нам не нужен! А когда фарта нет, как говорил охотник на бизонов, то оказывается, что мы все те же младенцы. Должен признаться, что я маленько трушу. А что такого? Я ж сам себя надуваю, когда прикидываюсь крутым, как яйцо вареное. Я бы такое никому не сказал, кроме тебя, Джим. Я ведь по-настоящему не хочу уезжать. Просто тут стало совсем уж паршиво. В общем, адиос, Бельмонт-Сити! Привет, Калифорния! Мама выплачет себе все глаза, но в самой-то глубине души будет, может, и рада избавиться от меня. Не придется пилить меня все время за то, что я такая сволочь.

— Ты хоть будешь держать со мной связь, посылать иногда открытку?

— Если сумею стащить открытку и карандаш. С деньгами у меня не очень.— Сэм засмеялся.— Слушай, а вдруг все будет куда лучше, чем я думаю! Калифорния — золотой штат, улицы там вымощены золотыми слитками, на деревьях растут рожки с мороженым, а кинозвезды только

и глядят, как бы переспать с тощим дураком-поляком без гроша в кармане. По крайней мере, задницу себе не отморожу, когда придет зима. И даже на помойке буду питаться лучше, чем теперь.

— Ты все-таки подумал бы еще,— сказал Джим.— Семь раз отмерь и все такое.

Не успел Джим это сказать, как с ним что-то случилось. Благоразумные слова, которые он произнес, вдруг показались ему трусливыми. Точно электрический ток, бегущий по его телу, вдруг сменил фазу и побежал в обратном направлении.

— Да нет, что за черт, Сэм! Я не это хотел сказать! Это же потрясающее приключение! Хотя какая-то перемена, по крайней мере! Лучше день прожить как лев, чем всю жизнь — как собака! Ты же прекрасно знаешь, что здесь у тебя никакого будущего нет! Езжай в Калифорнию! Ты встряхнешься, у тебя появится надежда и масса возможностей! Хотел бы я тоже поехать с тобой!

Сэм заморгал, словно Джим предстал перед ним в лучах ослепительного света.

— Чего это ты вдруг? Ну, вот и поехали вместе!

Джим покачал головой:

— Я бы рад... только...

— Что только?

— Надо быть в моей шкуре, чтобы понять, как я чувствую себя здесь, чем занимаюсь. Мое приключение тут, Сэм, в психушке. Это целый мир, который...

Ну как объяснить Сэму про миры властителей и про свои приключения в образе Орка? Как заставить Сэма понять, что золотая Калифорния — сплошной свинец по сравнению с теми местами, где он, Джим, побывал и куда еще вернется? Никогда Сэму этого не понять.

— Ты всегда был малость чудной, Джим, хотя нам и здорово было вместе. Ну чего ты не видал в этой промысловой мозгов? Я бы здесь точно не выдержал.— Сэм протянул руку.— Пока, Джим. Надеюсь, что мы еще встретимся где-нибудь — в лучшем месте.

Джим пожал ему руку. То, что Сэм ограничился рукопожатием, вместо того чтобы снова обнять его, значило, что Сэм уже отдалился. Уже не чувствует себя настолько

близким Джиму. Они были очень хорошими друзьями, а теперь дружбе приходит конец.

Джиму стало плохо. Но ведь это должно было случиться когда-нибудь. Характер определяет судьбу. Его характер направил его не по той дороге, которой пошел Сэм. Все равно это произошло бы рано или поздно. Это произошло рано, вот и все.

И все-таки Джиму стало очень грустно. И он пожалел о том, что посоветовал Сэму выбрать путь приключения. Но тут же передумал, и почти вся грусть покинула его, а сожаления исчезли без следа. Так и правда лучше для Сэма, для любого лучше — оставить знакомый край и отправиться в неведомую страну. Если, конечно, в знакомом краю царит беспросветная нужда и неистребимая безнадега.

— Ты поговори с моей матерью, — сказал Сэм. — Она тебя примет, когда тебе понадобится дом. Со многим тебе придется примириться, зато с голоду не помрешь. Главное, делай, что она говорит.

Сэм повернулся и пошел к двери, не оглядываясь больше.

— Счастливо тебе! — крикнул вслед Джим. — Мысленно я буду с тобой, Сэм!

Сэм не ответил.

Глава 17

— А-а-а!

Вопль твари, напавшей на Орка, слился с криком самого Орка. Сцепившись, они покатались вниз по каменистому склону. Орк, упав ничком, увлек напавшего за собой, потом он перевернулся, и существо на миг оказалось под ним. Оно обладало огромными крыльями, но тельце было маленькое, шея — длиннющая и тонкая, а голова — вдвое больше, чем у Орка. Загнутый и острый клюв напоминал орлиный. Ноги были необычайно длинные для летучего существа. Длинные, острые, кривые когти, впившиеся в Орка, во время падения с горы отпустили добычу.

Хотя существо походило на птицу, перья на нем не росли.

Вдвоем — или втроем, если считать Джима, — они ка-
тились, скользили и летели вниз. И хищника, и его жерт-
ву обдирали и било о камни; оба вопили от боли. Потом
они налетели на большой валун и остановились. К сча-
стью для Орка, летун оказался между ним и камнем в мо-
мент столкновения. Кости хрупкого тела хрустнули, а кры-
лья поломались еще во время спуска.

Орк попытался встать — он хотел ухватить птицезверя
за его тощую шею и придушить. Ноги не слушались Орка;
но его враг тоже был наполовину парализован. Он дергал
ногами и крутил своей змеиной шеей, клацая клювом.
Через минуту его желтые глазищи остекленели, и он ис-
пустил дух.

Орк лежал долго, глядя, как солнце совершает свой
путь по голубому небу. Появились еще два птицезверя и
закружили над ним, выгнув шеи. Орк надеялся, что смо-
жет подняться до того, как твари решат, что им можно
спокойно пообедать. А пока особой опасности нет, надо
расслабиться. Если только можно расслабиться, когда у
тебя все болит. Он ободрал кожу почти на всем теле, вклю-
чая и самые уязвимые органы, во многих местах до кро-
ви. Кроме того, голова, колени, локти, пальцы ног,
уши, губы, нос, подбородок и гениталии пострадали от
многочисленных ушибов. Головная боль указывала на
возможное сотрясение мозга.

— Добро пожаловать на Антему, в Нежеланный мир! —
пробормотал он.

Устроил ему отец веселую жизнь, нечего сказать. Ни-
чего, это не навек. Если только он, Орк, сможет — а он
преодолеет все на своем пути, — он доберется до Лоса и
убьет его. И тем не менее Орк стонал от боли. Здесь он
мог всласть стонать, охать и даже плакать. Никто его не
видел.

Кроме меня, подумал Джим. Я-то вижу. Но это ниче-
го — пусть себе стонет и жалуется. Мне больно ничуть не
меньше, чем ему, и мне бы тоже хотелось постонать, да
не могу. Так что Орк старается за двоих, сам того не зная.

Джим всерьез подумывал, не выйти ли ему из Орка.
Он не желал терпеть эти муки ни секунды дольше. Так не
вернуться ли в палату, покинув это страдающее тело? Но

Джим держался, твердя себе, что побудет с Орком еще несколько секунд. Что-то не давало ему уйти. Стыд за то, что он бросает Орка? Смешно. Орку от его невидимого и неосязаемого присутствия ни жарко ни холодно.

И все же Джим чувствовал, что проявит трусость, если выберет легкий путь.

Пока Джим боролся с самим собой, Орк поднялся и медленно пошел вниз по склону. Каждое его движение представляло собой одиссею боли. Но Орк не останавливался. Он миновал каменную осыпь у подножия горы и углубился в лес. Там росли в основном деревья, напоминающие высокие сосны с алыми кисточками на концах ветвей. От них пахло смесью ванили и арахиса. Между деревьями росли большие кусты с бочкообразными стволами и с пучком из двенадцати длинных побегов на верхушке, похожих на ветви папоротника. Вокруг кустов кишели насекомые. Наверное, их привлекала клейкая желтая жидкость, выступавшая у основания побегов. От нее шел запах гнилой картошки с примесью лимбургского сыра.

На деревьях обитали крылатые млекопитающие величиной с мышей. Они ныряли вниз, глотали насекомых и вновь возвращались на ветки. Один зверек пронесся рядом с Орком. Тот поймал его на лету, стиснул так, что полые косточки хрустнули, оторвал крылья, голову и ноги и выпил из шеи кровь. Потом содрал ногтями шкурку и сунул тушку в рот. Медленно пережевывая мясо, чтобы отделить его от костей, Орк продолжал свой путь через лес.

Джим пришел в ужас. В то же время он чувствовал удовлетворение насыщающегося Орка, и это чувство вскоре победило его собственное отвращение.

Джиму стало известно, потому что об этом думал Орк, что молодых властителей обучали выживать и даже неплохо жить в дикой местности. Орк и раньше много раз ел сырое мясо. Конечно, если бы он мог развести костер, то поджарил бы свою еду.

В этих местах много кремня. Орк сделает из него ножи, наконечники копий, топоры и головки для стрел. Этим оружием он будет убивать животных, из шкур которых

сделает одежду и мешки. После этого он построит плот и поплывет вниз по реке.

Через восемнадцать дней после принятия этого решения Орк приплыл на своем плоту к широкому устью реки, впадавшей в море.

Глава 18

В мозгу у Орка был кто-то еще.

Джим много раз пугался с тех пор, как вошел в молодого властителя. Но то, что некто или нечто делит с ним мозг Орка, привело его в ужас. Так это было отвратительно и так... жутко. Джиму было так муторно, что его вырвало бы, будь у него желудок и глотка. Присутствие чужака, несомненно угрожающее, не давало ему покоя.

Впрочем, ему была неведома истинная природа пришельца, вселившегося в Орка. Впервые Джим открыл, что рядом живет кто-то еще — Нечто — через два дня после того, как Орк разбил лагерь в устье реки. Джим это чувствовал. Разве могли слова выразить, *как* он это чувствует? Нет, не могли. Он просто знал, что этого существа не было здесь вплоть до той черной минуты, когда он, Джим, понял, что оно — здесь. Все равно что увидел тень человека-невидимки из книги Герберта Уэллса. Так же, бывало, в детстве он просыпался среди ночи и знал, что в шкафу сидит чудище и смотрит на него в полуоткрытую дверцу. Вся разница в том, что в этом шкафу, где помещался разум Орка, на самом деле что-то было. Джим не вызывал его с помощью воображения из своего подсознания. Оно существовало по-настоящему.

Ну а откуда он знал, что это Нечто таит в себе зло? Да оттуда же, наверно, откуда человек, умирающий от жажды в пустыне, знает, зачем над ним кружит стервятник.

Когда Орку оставались еще сутки пути до моря, он проснулся утром посреди голубой метели. Ее несло ветром с верховьев реки, и состояла она из лазурных снежинок размером в ладонь. От них шел сильный ореховый запах. Несколько минут они падали так густо, что Орк не мог ничего различить в десяти футах от себя. И вдруг метель стала слабеть, а там и совсем прекратилась. Хлопья не

таяли, но к вечеру их почти не стало. Из леса нахлынула орда насекомых, птиц и зверей и принялась их пожирать. Уцелевшие хлопья через несколько часов побурели, и животные не трогали их.

Орк, глядя на это, решил тоже принять участие в банкете. На ощупь хлопья напоминали сухие чешуйки лишайника, но на вкус были словно отварная подсахаренная спаржа. Орк объедался ими, но потом ему пришлось выпить много воды. Они поглощали влагу из организма.

Джим предположил, что в хлопьях содержался какой-то вирус, проникающий в тело едока. Потом этот вирус проникает в нервную систему и каким-то образом превращается из дезорганизованной массы в ее копию, то есть сам становится существом, в которое вселился, или копией с него, производя призрачную реконструкцию мозга и нервов носителя. Вирус отнимает у носителя его индивидуальность и подменяет его сознание своим, скопированным.

У Джима, когда он размышлял об этом, возникла, фигурально говоря, головная боль. Он признался себе, что не может знать, откуда взялось это Нечто и как оно проникло в разум Орка. То, что оно появилось вскоре после того, как Орк поел голубых хлопьев, может быть и совпадением.

Не пытайся ничего объяснить, сказал себе Джим. Думай о том, с чем имеешь дело здесь и сейчас. Найди способ, как побороть это невидимое, безрукое и безликое Нечто. Как бы сообщить о нем Орку? Никак, понял вскоре Джим. Бой, если он будет, произойдет только между ним самим и этим Нечто.

Джиму надоело повторять «Нечто», и он решил дать ему имя. Все должно иметь какое-то имя, какой-то ярлык. Как же его назвать?

Мозг-призрак, решил Джим. Имя не хуже других.

Через пять дней после высадки у моря Орк пошел на охоту добыть себе свежего мяса. Часа через три он увидел лесного оленя и принялся его скрадывать. Стрела уже лежала на тетиве, готовая взвиться и вонзиться в коричневый с черными пятнами бок травоядного, но что-то спугнуло дичь, прежде чем Орк подошел на расстояние

выстрела. Олень ускакал, огибая высокие кусты и перепрыгивая через те, что пониже.

Беззвучно выругавшись, Орк подошел к тому месту, где только что пасся олень, соблюдая осторожность. Раз животное испугалось, поблизости может быть большой и опасный зверь. Осторожно раздвинув ветви куста, Орк увидел причину тревоги оленя. Виновник, размером и внешностью похожий на скунса, помахивая пушистым черным хвостом, рыл землю своими лопатообразными когтистыми лапами. То, что он ищет, не должно быть глубже, чем в дюйме или двух под землей. Сейчас откопает и начнет есть.

В других обстоятельствах Орку стало бы противно. Эта мерзкая тварь питалась в основном падалью, экскрементами и вообще всем, что было дохлым или полудохлым. Но сейчас Орк был слишком поражен, чтобы почувствовать омерзение. Как он и ожидал, зверь откопал кучу фекалий. Но это были свежие человеческие фекалии.

Значит, Орк не один на этой планете.

Он резко обернулся назад, вперив глаза в лес у себя за спиной. Сердце тяжело забилося — не от радости, а потому, что тот, другой, мог следить за ним.

Он успел увидеть, как за кустом скрылось темное лицо и каменный наконечник копья.

Орк подошел к тому кусту и внимательно посмотрел по сторонам. У темнолицего могли быть товарищи. Убедившись, что поблизости больше никого нет, Орк прокричал:

— Я Орк, сын Лоса и Энитармон! Я здесь один! Незачем нам пытаться убить друг друга! Я ищу выход из этого мира! Я никому не враг, кроме своего отца! Давай заключим мир! У каждого из нас будет больше шансов найти врата, если мы объединим свои мозги и усилия!

Орк подождал. Ответа не было, и он решил, что темнолицый ушел из-за куста, когда понял, что его заметили.

Молодой властитель повторил свою речь.

Тогда другой громко ответил откуда-то сзади. Он говорил по-тоански немного иначе, чем Орк, с другим произношением и интонацией, но Орк его прекрасно понимал.

— Ты говоришь, что у тебя нет врагов, кроме проклятого Лоса?

— Это так!

— Больше здесь с тобой никого нет?

— Нет, насколько мне известно.

— Вложи стрелу обратно в колчан. И встань прямо. Я подойду к тебе, хотя и не очень близко, и буду держать наготове копьё. Впрочем, я предпочел бы, чтобы мы стали друзьями.

После недолгих переговоров, в основном с целью убедиться, что ни у одного из них нет преимущества перед другим, человек вышел из-за дерева. Он был ниже Орка, но шире в плечах. меховая накидка и набедренная повязка ладно сидели на нем. Его пояс был скреплен тонкими ремешками. На нем в кожаных ножнах висели каменный нож и каменный топор. Колчан и лук он оставил лежать на земле. У него были темно-коричневая кожа, широкий приплюснутый нос и толстые вывернутые губы. Из-под меховой шапки выбивались блестящие черные, слегка волнистые волосы.

Подойдя к Орку на двадцать футов, он остановился, настороженно глядя на юношу темно-кариими глазами, но показывая при этом в ухмылке крупные белые зубы.

— Ты Орк, сын Лоса и Энитармон,— сказал он.— А я Иаджим, сын Нато и Окалитрон.

— Иаджим из Темных Лесов?

— Да, я властитель мира Темных Лесов — то есть был им.

— Ты мой двоюродный прапрапрадядюшка,— сказал Орк.

— Это еще не означает, что мы друзья. Как говорят во многих мирах, друзей можно выбирать, но родня есть родня, по душе она тебе или нет.

Стоя все на том же расстоянии, Орк рассказал свою историю, не забывая посматривать по сторонам и оглядываться назад. Возможно, Иаджим и не лжет, говоря, что он один — но властитель, который всем доверяет, долго не проживет, как гласит старинная пословица.

— Итак,— сказал Иаджим,— ты сын прекраснейшей Энитармон и Лоса, Пророка Веков, Владетеля Луны! Он

носил эти титулы в том мире, которым правил до того, как переселился в свой нынешний, задолго до брака с Энитармон и твоего рождения. А вот тебе моя история.

Некая властительница, женщина по имени Ололон, разгадала хитроумные ловушки, которые Иаджим поставил в вратах, ведущих в его мир. Она чуть было не убила Иаджима, но он бежал. Но, преследуемый через множество врат из одного мира в другой, он вынужден был пройти в одни врата, не зная, куда они ведут. Как он вскоре выяснил, открывались они только в одну сторону — на Антему. Случилось это сорок четыре года назад. С тех пор Иаджим ищет врата, которые вывели бы его из Нежеланного мира.

Сорок четыре года! — подумал Джим Гримсон. За это время Иаджим наверняка попробовал голубых хлопьев. Значит, теперь его телом и разумом управляет мозг-призрак. Сейчас с Орком говорит не Иаджим, а Нечто.

Потом Джим решил, что это, в общем-то, неверно. Ведь мозг-призрак теперь стал Иаджимом, он думает, как Иаджим; в сущности, он и Иаджим — одно и то же. Первый Иаджим умер. Второй ничем не отличается от первого. Следовательно, второй ничуть не опаснее первого. А этот первый, надо полагать, был достаточно опасен по любым меркам.

— Ты верно сказал, племянник, ни один из нас не обладает тем, что может понадобиться другому. Если тебе только не нужна Антема! — Иаджим залился безумным смехом, заставив Орка задуматься, не спятил ли случайно его родич от долгого одиночества. Утерев слезы тыльной стороной руки, Иаджим сказал:

— Бери ее, если хочешь. Хотя я еще нескоро ее покину. Ну, что скажешь, племянничек? Оставим взаимные подозрения и будем действовать бок о бок, как два преданных и любящих товарища?

— Насколько двое тоан на это способны.

— Хорошо! Поцелуемся же в знак вечной дружбы, не отыскивая при этом на спине у другого место, куда бы вогнать нож!

Орку показалось, что дядюшкин поцелуй слишком уж затянулся, и вряд ли Иаджиму стоило так долго держать-

ся за ягодицы племянника. Возможно, Иаджим так стосковался по человеческому обществу, что хочет подольше погреться о человеческую плоть. А возможно, что раньше Иаджим желал только женщин, поскольку они были легкодоступны, но теперь, после вынужденного сорока-четырехлетнего воздержания, готов довольствоваться тем, что подвернулось.

Они вместе вернулись в лагерь Орка. Иаджим признался, что заметил Орка еще вчера — но, вместо того чтобы кинуться к нему с распростертыми объятиями, остался в укрытии. И решил немного понаблюдать за ним, прежде чем объявиться.

Орк сказал, что это редкое совпадение — то, что они, двое единственных человек на планете, встретились вот так, случайно.

— Не такое уж совпадение, — сказал Иаджим. — Я проник сюда через те же врата, что и ты, — те, что в пещере. Я обследовал пещеру, но врата слишком хорошо укрыты — должно быть, нужен какой-то пароль, чтобы они показались. Проведя сорок четыре года в бесплодных поисках других врат — и живя все это время, словно зверь, — я вернулся сюда. Мне подумалось — вдруг врата выхода расположены где-то поблизости от врат входа. Мне, конечно, и раньше приходила в голову эта мысль — сразу же по прибытии сюда. Я обшаривал здешнюю округу так тщательно и так часто, что помню ее и сейчас до мельчайших подробностей. Но вот решил попробовать еще раз. Вреда не будет. И теперь, раз ты носишь на себе ключ — медальон Шамбаримена, удача, возможно, улыбнется нам.

— Не видел ли ты здесь чего-нибудь, что хотя бы отдаленно походило на рог? — спросил Орк. — Не только визуально, но словесно или по аналогии?

— Нет, не видел. Но ведь тогда я не искал примет, которые можно было бы связать с образом рога. Теперь другое дело.

Поговорив, они вместе отправились на охоту и минут через двадцать уже убили похожее на свинью животное с четырьмя клыками. Перед обедом Орк решил поплавать в реке. Ему действительно нужно было помыться, а кроме

того, он хотел проверить, можно ли довериться Иаджиму. Он оставил оружие на берегу и вошел в воду, но темнокожий вскоре присоединился к нему. Довольный тем, что Иаджим, по крайней мере пока, показал себя надежным товарищем, Орк вылез из реки, а Иаджим остался. Как только Орк нагнулся за своей одеждой, Иаджим вдруг начал хохотать — похоже было, что он никогда не остановится. Но он все-таки преодолел себя и выговорил:

— погоди, не одевайся.

— Почему это? — ничего не понимая, спросил Орк.

— Видел бы ты! — снова залился Иаджим.

— Что я должен видеть?

— Ох, этот Лос! Смешную шутку он сыграл с тобой, но и печальную тоже. Печальную для тебя! К счастью для нас обоих, Лос не предугадал, что ты встретишь здесь другого тоана.

— О чем ты? Объясни же толком!

— Ты этого не видишь! — взвизгнул властитель Темных Лесов. — И не увидел бы никогда, мог бы вечно блуждать по этому страшному миру и не увидеть!

— Ты что, нарочно дразнишь меня, хочешь, чтобы я умер от любопытства? Или мне потрясти тебя как следует?

— У тебя на спине карта! — выкрикнул Иаджим. — Она начинается между лопатками и спускается до самого копчика!

Скаля зубы, он вылез из воды. Орк подставил ему спину, чтобы он мог изучить карту, если это действительно карта. Орк не был уверен в том, не сыграл ли с ним Лос двойную злобную шутку. Может, эта карта выдумана, чтобы провести его по всей планете к такому месту, где никаких врат нет. С другой стороны, зачем было Лосу рисовать фальшивую карту, раз сыну все равно не видно?

Осушив спину юноши куском замши, Иаджим повернул его к солнцу.

— Что за юмор у твоего отца, да поразят серебряные стрелы Элиниитрии его печень! Черный, конечно, чернее, чем печаль Шамбаримена в тот раз, когда у него впервые украли рог, но ведь умереть можно со смеху! На спине, чтобы ты не видел, ой, ой, не могу-у!

— По мне, хоть сдохни со смеху! — рявкнул Орк. — Но сначала скажи мне, что там, на карте. А еще лучше, нарисуй ее на песке. Потом я перенесу ее на пергамент, когда его сделаю.

Иаджим прыгал вокруг, сгибаясь пополам, фыркая и давясь от хохота. Потом уgomонился и снова зашел за спину Орку.

— На самом верху карты маленькое черное пятнышко, — сказал он. — Из него торчит стрелка. Предполагаю, что это начало, то есть врата, через которые мы с тобой пришли сюда. От начала стрелки идет извилистая голубая линия. По обеим ее сторонам — черные ломаные линии в виде треугольников. Наверное, горы, образующие речную долину, а голубая линия — это река, по которой мы оба поплыли, выйдя из врат. На конце она расширяется — это, должно быть, устье. Мы сейчас как раз здесь. Дальше несколько поперечных синих черточек — это, наверное, море. Погоди-ка... Я искал словесные обозначения, но их тут нет. И сомневаюсь, соблюден ли здесь хоть какой-то масштаб. Карта очень грубая, и руководствоваться ею трудно, но это, конечно, лучше, чем ничего. Так, дальше... Вот ломаная зеленая линия, снабженная стрелкой. Она ведет на север, поскольку дельта смотрит на запад, но вдоль нее нет никаких обозначений. Потом она поворачивает на восток, то есть на сушу. Здесь, на повороте, что-то нарисовано! Дай-ка посмотрю поближе. Совсем маленький значок. Похоже на осьминога. Что, во имя Энион, это должно обозначать?

— Узнаем, когда доберемся туда, — отрезал Орк. Родич почему-то действовал ему на нервы. Хотя, казалось бы, ему следовало быть на седьмом небе оттого, что он встретил Иаджима и благодаря ему обнаружил карту. Может быть, Орк раздражен оттого, что чувствует себя дураком, а Иаджим над ним смеется, потому что он дурак и есть. Впрочем, Иаджиму палец покажи — и то будет смешно.

В последующие дни, когда они шли на север вдоль побережья, беспрестанный и беспричинный смех Иаджима не переставал бесить Орка. Наконец Орк не выдержал и оборвал спутника посреди его очередного истерического припадка.

— Ты зачем это делаешь? — спросил он резко.

— Что делаю? — заморгал Иаджим.

— Хихикаешь и взвизгиваешь, точно неопытная и застенчивая юная девица, которая нервничает в обществе молодого мужчины.

— Не замечал за собой, — надулся Иаджим. — Если я это и делаю, то потому, что был один сорок четыре года и мне не с кем было поговорить. У тебя бы тоже появились чудачества, — заныл он, — если бы ты оказался в таком же одиночестве. Сорок четыре года! Ты только представь себе!

— Наверное, — сказал Орк. — Но если бы я стал таким же глупым и докучливым, то был бы только рад, если бы кто-нибудь вправил мне мозги.

— И этот кто-то ничем бы не рисковал, делая это? Конечно нет! Он бы так и резал тебе правду-матку! Как будто ты воспринял бы его обидные слова спокойно!

Орк промолчал, и Иаджим заговорил снова:

— Не сердись на меня. Я только что встретил тебя после сорока четырех лет абсолютного одиночества, а ты уже кричишь на меня!

— Я только хочу, чтобы ты перестал смеяться как полоумный. Смейся только тогда, когда есть над чем, вот и все.

— Постараюсь, — пожал плечами Иаджим. — Но после сорока четырех лет, когда страдаешь ежеминутно, ежесекундно...

— И про сорок четыре года больше не ной! — взревел Орк. — Мне надоело! Теперь-то все хорошо! Прекрати жить прошлым! Ты больше не один!

— Я лучше отойду, — сказал Иаджим обиженно и в то же время с комическим достоинством. После этого разговора он еще долго дулся. Он говорил, только когда Орк к нему обращался, и старался ответить как можно немногословнее. Это злило Орка почти так же, как смех. А дважды, внезапно обернувшись к Иаджиму, он поймал его на том, что тот показывает ему язык и делает неприличные жесты.

— Манату Ворсион! — сказал Орк, впервые заметив это. — Тебе сколько тысяч лет-то? А ведешь себя, точно испорченный мальчишка!

— Ничего не могу с собой поделаться. Ты поживи сорок четыре года...

— Замолчи! — завопил Орк. — Скажи это еще хоть раз, и клянусь — я тебя брошу! Живи тогда один еще сорок четыре года! А по мне, хоть целую вечность!

С тех пор Иаджим стал воздерживаться от упоминания о сроке, проведенном им на Антеме. Зато постоянно жаловался на всякие пустяки. Стоило ему ушибить палец на ноге — и он распространялся об этом минут пятнадцать, горько сетуя на то, что жизнь к нему так жестока. Одни лишь препятствия и невзгоды у него на пути. Наконец Орк сказал:

— Со мной тоже обходились несправедливо и жестоко — в основном мой отец. Разве ты слышал от меня хоть слово об этом? Так уж устроена жизнь. Терпи. Но не опускай при этом рук. Старайся изменить то, что тебе не нравится. И прекрати ныть!

— Да, но...

— Никаких «но»!

— Тяжелый ты человек, — сказал Иаджим. Глаза у него увлажнились, и он зашмыгал носом. — Не все такие каменные, как ты. У некоторых имеется и плоть, и кровь, и сердце, способное чувствовать, в то время как твое...

— Да води же себя как взрослый! Или ты уже никогда не вырастешь?

Джима, слышавшего все это, поразила одна мысль. Буквально поразила. Матерь Божья! Да ведь Орк мог бы с таким же успехом обращаться к нему, Джиму Гримсону! Он тоже почти всю жизнь жалуется на судьбу и жалеет себя. И до самого последнего времени не сделал ничего, чтобы как-то решить свои проблемы — только ныл.

Потом и другая мысль ударила его, словно кастетом. Иаджим! А что, если произнести это имя по-другому? Что тогда получится? Я — Джим. Властитель Темных Лесов сам заявил, что я (он) Джим.

Так, может, Иаджим — а значит, и все остальное — только вымысел?

Не его ли, Джима, подсознание подсказало ему имя и характер Иаджима, чтобы показать ему себя самого?

На миг Джим почти утратил веру в реальность многоярусных вселенных. Ему вдруг стало нехорошо, и он

ощутил свою невесомость. Мир, на который он смотрел глазами Орка, заколебался и утратил четкость. Свет померк. Джим почувствовал, что его уносит — уносит обратно на Землю. Но он, хоть у него и не было рук, ухватился за что-то — сам не зная за что — и удержался. Свет снова стал ярким, а все окружающее перестало колебаться и прояснилось.

Фрейдистское толкование имени «Иаджим» уж слишком прозрачно. Это просто совпадение. Он точно знает, что этот мир и все, что в нем, столь же реально, осязаемо и грозно, как его родная вселенная.

Хотя, с другой стороны...

Через тридцать два дня после того, как Джима посетили эти мрачные сомнения, Орк с Иаджимом пришли к месту, обозначенному на карте рисунком осьминога. Они не знали, что это то самое место, пока им не встретилась долина, по которой текла, впадая в море, маленькая речка.

Орк брел вдоль берега по щиколотку в воде. За ним шел Иаджим, молча — для разнообразия; слышно было только, как он шлепает по воде в набегающем приливе. Здесь в море было много больших черных валунов футов десять высотой. Орк, проходя между двух камней, лежавших футах в двенадцати друг от друга, вдруг остановился — и закричал.

Что-то ухватило его из-под воды за правую лодыжку. И рвануло в сторону ближнего валуна. Орк опрокинулся на спину, его волокло по дну, и зеленая мутная вода заливала ему рот и глаза.

— Что с тобой? — крикнул Иаджим.

Он сорвал с пояса свой каменный топор и бросился к Орку. Молодой властитель перестал кричать и тщетно боролся с тем, что держало его за ногу. Потом у него снова вырвался крик — часть камня, к которому его тянуло, скользнула вниз, и он увидел в скале два ряда зубов, острых, как у пилы, и покрупнее львиных. Их там была по меньшей мере сотня.

Из воды на миг показалось бурое щупальце в два пальца толщиной. Иаджим, увидев его, издал вопль. Он тоже понял, что камень на самом деле — растение или животное. И что оно намерено съесть Орка.

С новым воплем Иаджим взвился в воздух. Еще одно щупальце с когтем на конце выскочило из воды в том месте, где он только что стоял. Иаджим плюхнулся обратно, широко расставив ноги, и отпрыгнул назад. Щупальце шарило вокруг, ища его.

Орк тем временем тоже сорвал с пояса кремневый топор и рубил щупальце, взявшее его в плен. Это было нелегко делать в полусидячем положении, когда тебя притом волокут по дну.

— Иаджим! — крикнул Орк. — Помоги мне!

Властитель Темных Лесов повернулся и кинулся бежать без оглядки, пока не оказался на безопасном расстоянии.

— Трус! — крикнул Орк, но потом ему стало не до Иаджима. Особенно когда второе щупальце обвилось вокруг бедра другой ноги. Но он все рубил и рубил, пока хватка вокруг лодыжки не ослабла. Всего в нескольких футах от разверстой пасти он отсек второе щупальце. И лишь чудом избежал остальных, пока мчался по мелководью к тому месту, где в отчаянии приплясывал Иаджим.

— Убить тебя мало! — задыхаясь, выговорил Орк. И вскинул топор, с которого стекала вода и густая зеленая жидкость, похожая на кровь. Иаджим отбежал от него на пятьдесят футов и прокричал пронзительным дрожащим голосом:

— Это сильнее меня! Сорок четыре года я только и делал, что спасался бегством! Теперь это превратилось у меня в условный рефлекс! А так я не трус! В следующий раз будет лучше, вот увидишь!

— В следующий раз? — заорал Орк. — Не будет тебе следующего раза!

— Ну так убей меня! Узнаешь тогда, что такое одиночество, когда не с кем словом перемолвиться! В конце концов станешь таким же, как я! Хватишься меня — а меня не будет! Я не подведу тебя больше, клянусь! Если это случится, я сам убью себя! — Он упал на колени и простер к Орку руки. — Молю тебя, не оставляй меня здесь!

Орк плюнул в его сторону, однако сказал:

— Ладно! Испытаю тебя еще раз! Только не подходи ко мне — долго не подходи!

Он пошел на восток, за много ярдов огибая валуны. Иаджим держался позади и в ту ночь не приближался к лагерю Орка. Орк смутно видел в свете своего костра, как он сидит, прислонившись к дереву. Утром Иаджим пришел, улыбаясь, как ни в чем не бывало, но весь день очень старался ничем не раздражать Орка.

Глава 19

Рассвет принес с собой тьму.

Орк открыл глаза, но ничего не увидел. Нос был забит, что-то затыкало рот, и это что-то вцепилось в язык.

Джим знал об этом еще за несколько секунд до полного пробуждения Орка. И беззвучно кричал, безъязыкий, но его, конечно, никто не слышал.

Орк попытался отодрать то, что закрывало его лицо. На ощупь оно было мохнатым и липким, а щупальца, присосавшиеся к кончику языка, вкусом напоминали чернослив. Орк извивался в спальном мешке, который доходил ему до пояса, потом высвободился, встал и начал крутиться на одном месте, не прекращая бороться. Он услышал полузадушенные вопли Иаджима и вскоре наткнулся на него. От толчка он пошатнулся и хлопнулся задом наземь. Не стараясь больше встать, он зарылся пальцами глубоко в плоть под липкой мохнатой шкурой. Оторвать от себя эту тварь не удавалось. Тогда Орк нащупал ее края, а его страх тем временем перешел в полную панику, поскольку нос и рот были совершенно забиты. Обнаружив, что края находятся около ушей, он встал на колени и начал шарить вокруг, пока не нашел спальный мешок. Если он не отдерет эту штуку, то через пару минут умрет. Очень скоро, во всяком случае.

Сунув руку в мешок, Орк нашарил ножны с кремневым ножом, которые клал себе под бок на ночь, и подвел нож под край того, что его душило. Он порезался, но сейчас было не до того. Введя нож на всю длину под мясистый нижний слой, Орк повернул его лезвием вверх и резанул изо всех сил. Нож прорезал мягкую плоть насквозь. Орк ухватил липкую массу за края и сильно дернул. Нос, рот и глаза освободились, но от рывка Орку

стало больно, точно он содрал с кожи пластырь. Наконец-то он мог опять видеть и дышать.

То, что он держал в руке, походило на кусок толстой ярко-зеленой ткани со щупальцами и многочисленными отростками внизу. Глубоко дыша, Орк отшвырнул его прочь и поспешил на помощь Иаджиму. Тот, тоже выбравшись из мешка, катался по земле, тщетно пытаясь оторвать от лица зеленого душителя. Орк поддел тварь ножом и выбросил. Она шлепнулась наземь, где были сотни таких же созданий. Ветви деревьев были усеяны ими, и твари медленно сползали вниз. Они были пухлыми в отличие от тех, что уже спустились на землю, но, когда падали, сразу начинали уплощаться. Орк решил, что они наполнены газом.

Только теперь он заметил, что с полдюжины их прилипло к его телу, а спальный мешок весь покрыт ими. Но все они вскоре отпали. Очевидно, они присасывались только тогда, когда отыскивали отверстие в живом существе.

Куда ни посмотри — вверх, вниз, вокруг, на деревьях и кустах, в реках — повсюду кишели ярко-зеленые растения. Или это были животные?

Иаджим с текущей по лицу кровью долго отдувался, прежде чем заговорить. Проведя рукой по лицу, он ощутил влагу и устоялся на свои палыцы.

— Ты меня порезал! — Он засмеялся. — Да и сам порезался. Иначе невозможно было, да?

— Ты когда-нибудь уже сталкивался с ними?

— Нет, конечно! Лег бы я спать, не прикрыв лицо! Ну, уж теперь.

— А видел такое, что тоже падает с неба — вроде голубых хлопьев?

— Видел, — сказал Иаджим, вставая. — Раз десять. И пробовал — ничего, вкусно.

Иаджим уже не Иаджим, подумал Джим. Он уже не человек. Раз он ел голубые хлопья, мозг-призрак уже овладел им Нечто, лишённое индивидуальности, обрело сущность и индивидуальность. Но оно этого не знает. Оно думает, что всегда было Иаджимом. Ведь, будучи вирусом, оно не обладало разумом. И начало мыслить,

только овладев разумом Иаджима. У него нет собственной памяти. Поэтому для себя оно всегда будет Иаджимом. И это в каком-то смысле верно.

Мистер Лам как-то сказал, что все люди обладают индивидуальностью, но никто еще не сумел дать определение, что это такое. Джим попытался дать свое собственное определение. В результате он только пришел в смятение и получил фантомную головную боль. И бросил это дело, не собираясь к нему возвращаться.

То, что теперь зовется Иаджимом, — во всех отношениях то же самое, что первоначальный Иаджим. Так, по крайней мере, считал Джим. Но Иаджим, управляемый мозгом-призраком, казался почему-то более опасным. Это потому, говорил себе Джим, что я начитался фантастики и посмотрелся ужастиков. А там пришельцы почти всегда злые — так и норовят пожрать, поработить человека или овладеть его разумом. Но, если разобраться, есть ли что опаснее человека? Некоторых представителей человечества, по крайней мере таких, как Гитлер, Сталин, Мао, Иди Амин, — список получится длинный, как отчет о переписи населения. Эти были так преданы злу, что их вроде бы и к людям причислить нельзя. Но ведь зло заложено в природе человека, как и добро. И все эти, бесспорно, дурные люди без исключения, сверху донизу — албанский диктатор и чикагский олдермен, коррумпированный сенатор и столичный сутенер, — считали себя хорошими.

Двое товарищей свернули лагерь и пошли дальше на восток вдоль реки. Под вечер они снова расположились на ночлег. В обычных условиях они шли бы до сумерек, но им нужно было сделать ночные маски, чтобы защищать нос и рот от зеленых тварей во время сна. В последующие два дня они видели множество животных, загубленных душителями, как назвал их Орк.

Их щупальца торчали над гниющими трупами. Душители, не сумевшие никого убить, бурели и сохли.

После этого случая Иаджим начал подолгу впадать в молчание, перемежавшееся неразборчивым бормотанием. При этом он дико водил глазами по сторонам. Орк терпел это, сколько мог. Несколько раз он спрашивал Иад-

жима, о чем тот задумался. Иаджим всегда реагировал так, словно его внезапно пробудили от глубокого сна. Он моргал, тряс головой и говорил:

— Что? О чем ты? — А потом отрицал, что с ним происходило что-то необычное.

Джим Гримсон полагал, что во время этих приступов говорит не Иаджим, а мозг-призрак. Может быть, ему вспоминается прежнее существование, до того как он стал вирусом или еще чем-то, что содержалось в голубом веществе. Кто знает, через какие фазы он прошел? Тому, кто впервые видит бабочку, вряд ли придет в голову, что раньше она была гусеницей.

Прошло еще тридцать дней — не без опасных происшествий. Зеленые душители им больше не попадались, хотя путешественники видели сотни и тысячи их в другой долине, когда проходили через горный перевал. Однажды из трещины в скале вырвался какой-то тошнотворный газ, и двое властителей, попав в его облако, несколько часов мучились рвотой и оправились только через два дня. Газ действовал так на всех крупных животных — а мелкие зверьки и птицы просто погибали.

Путешественникам казалось, что они уже недалеко от места, где находятся ворота, если только Лос не солгал. Иаджим еще раз сверился с картой на спине у племянника.

— Знаки почти кончились. Волнистые скобки, наверное, обозначают то большое озеро впереди.

Они стояли на вершине крутого холма. Миля через две от них, у подножия, лежало огромное озеро, которое видел на карте Иаджим. У ближнего берега его ширина составляла почти две мили, и оно все ширилось и ширилось до самого горизонта. Лес подходил почти к самой воде. Еще в двух милях к востоку над озером вставала гряда высоких скал, которая тянулась, насколько видит глаз.

— Или нам придется строить лодку, или лезть на те скалы и идти поверху, — сказал Орк. — Мне кажется, там сплошная отвесная стена. Построим лучше каноэ.

— Согласен. — Иаджим продолжал рассматривать карту. — Видимо, когда мы переплывем озеро, то будем у це-

ли. Последний знак, должно быть, изображает врата. Это круг с крестом внутри, и поверх креста множество тонких горизонтальных линий. Близко это или нет, сказать нельзя. Но... все по порядку. Как говорила Праматерь всех нас, Манату Ворсион: «Кто забегает вперед, видит собственную задницу».

Через двадцать дней они построили лодку-долбленку, поставили мачту и сплели из травы парус. Еще десять дней ушло у них на охоту — надо было закоптить и засолить побольше мяса в плавание, собрать орехов и ягод.

— Заставил нас Лос потрудиться,— сказал Иаджим.— Если удастся его захватить, он у меня за это поплатится. Может, для начала содрать с него кожу живьем?

Орк только улыбнулся. Если кто и дерет кожу с его отца, это будет он, Орк.

Глава 20

Они проплыли по озеру около трехсот миль, но не нашли ничего напоминающего символ на спине Орка.

Припадки Иаджима стали чаще и длительней. Выходя из них, он ничего не помнил. Он вообще не знал, что с ним происходит нечто подобное. Все это выдумки Орка, говорил он. Чтобы свести его с ума. Орк спросил, зачем это ему нужно — сводить спутника с ума. Затем, ответил Иаджим, что Орк сам сумасшедший, а такие любят общество себе подобных.

Молодой властитель понял, что спорить бесполезно. Из них двоих как раз Иаджим не в своем уме, и за ним нужен глаз да глаз. Раньше Орк полагал, что родственник воздержится от насильственных действий, пока они не найдут врата. Теперь он не был в этом уверен.

Джим Гримсон тревожился еще сильнее, чем Орк. Иаджим должен умереть — и умереть на Антеме. Если он упадет в другой мир, он — то, что в нем живет,— может расплодиться, и его отпрыски начнут захватывать мир за миром. Каким образом он это сделает, Джим понятия не имел. Неважно каким. Иаджима надо убить здесь, и лучше всего, если его тело и вселившееся в него существо будут уничтожены.

Джим знал это, а Орк нет.

Два дня спустя, около полудня, путешественники поднялись на вершину высокой гряды, стоявшей стеной вдоль правого берега одной из рек. Им пришлось карабкаться на скалу, а потом плестись по верху скальной гряды, пока они не нашли ровную площадку.

— Судя по всему,— сказал Орк Иаджиму,— тот знак находится по ту сторону гряды.

Так и оказалось.

У подножия скал начиналась равнина, тянувшаяся миль на сорок. С юга ее замыкала другая горная гряда. На равнине были леса, реки, ручьи и холмы. Вблизи медленно передвигалось большое черное пятно — стадо травоядных животных.

— Вот оно! — сказал Орк, указывая на круглый объект милях в двух от скал, стоявший у маленькой речки, почти ручья. Строение сверкало на солнце, точно стеклянное. Внешняя стена, образующая круг, была высокой и толстой. Внутри стояло сооружение в форме креста. Его стены были так же толсты, как и внешние. Параллельно поперечине креста шли более тонкие стены. В целом все это было точь-в-точь как символ, изображенный на спине у Орка.

— Великая мать нас всех! — вскричал Орк, ударив себя по лбу.— Могущественная и премудрая Энион! Какие же мы глупцы! Называем себя властителями, а сами не умнее червей! Как могли мы не связать символ на моей спине с символом на медальоне? Ведь оба они изображают решетку, закрывающую на конце рог Шамбаримена! Мы не видели того, что было у нас перед глазами!

Иаджим, в тот миг пребывавший в здравом уме, взвыл от радости и схватил Орка за руки. Оба пустились в пляс, смеясь и радостно крича. Несколько раз они чуть не оступились на узкой вершине скалы и наконец утомились, тяжело дыша. Орк нахмурился:

— Но ведь это здание, искусственное сооружение! Я и не знал, что здесь бывали люди!

— Я тоже не знал,— сказал Иаджим.

— Где же врата? Внутри?

— Должно быть, да.— Радость Иаджима сменилась унынием, и через пару секунд он начал бормотать. Зная по опыту, что его товарищ автоматически последует за ним, Орк стал спускаться с крутого обрыва. Приходилось быть осторожным из-за скользивших из-под ног камней, но он удерживался на ногах. Иаджим, хоть и ушедший в себя, тоже не падал. Какая-то часть его сознания оставалась начеку и руководила простыми действиями.

На полпути вниз Орк удивленно вскрикнул и остановился. Иаджим, по-прежнему бормоча себе под нос, стал в нескольких футах над ним. Поросший травой луг вокруг стада черных длиннорогих животных вдруг покрылся дырами. Орк был слишком далеко, чтобы различать детали, но похоже было, будто десятки земляных пауков разом открыли свои ловушки. Там, где только что была трава, зияли круглые черные люки и торчали вверх их крышки, покрытые сверху травой.

Из люков выскакивали длинные, тощие серые существа и неслись к стаду. Стадо бросилось бежать в другую сторону — к лесу, окаймляющему равнину. Но из леса уже мчались другие серые убийцы, и стадо снова повернуло на равнину.

На его пути открывались другие люки. Десятки охотников выскакивали из них и, словно гончие, на которых они походили, неслись наперерез антилопам. Поравнявшись с бегущим сломя голову стадом, они стали выстреливать из ртов длинные серые тонкие нити. Нити высоко взлетали вверх, сверкая на солнце, и падали на добычу, прилипая к ней. Многие антилопы упали, запутавшись в них ногами. Охотники с громким свистом тут же бросились на животных и стали рвать их зубами на части. Остальное стадо прорвалось сквозь загонщиков и усакало прочь.

— Иаджим! — сказал Орк, снова начиная спускаться. — Эти твари, наверно, живут в том стеклянном здании, а к своим люкам добираются через подземные ходы. Теперь мы знаем, как проникнуть внутрь, если смелости хватит!

Иаджим продолжал бормотать. Спустившись вниз, Орк обследовал один из люков. Здесь, на краю у леса, все крышки уже закрылись. Серые звери, вышедшие из них, собирались вернуться, как видно, через те, что на равни-

не. Орк поддел круглую, покрытую сверху дерном крышку копьём. Она бесшумно отскочила. Вокруг люка был обод, к которому и крепилась крышка, — он был сделан из твердого стеклянистого материала, такого же, возможно, что и круглое здание.

Из него же была изготовлена и крышка. Дерн с травой был приклеен к ее внешней поверхности и пропитан чем-то закрепляющим.

Ручкой служил приклеенный в нужном месте кусок другого вещества, твердого снаружи и не совсем затвердевшего в середине — достаточно гибкого, чтобы крышка поднималась, не отрываясь от обода.

Орк предположил, что все эти стекловидные материалы звери выделяют из своих пастей, как и клейкие нити.

Футах в трех под люком был устроен земляной помост. С него-то, видно, звери и прыгают наружу. За ним шел вниз наклонный туннель, футах в десяти под землей становившийся ровным. Стены туннеля были покрыты тем же серым стеклянистым веществом — и так, должно быть, до самого противоположного конца, поэтому он и не обваливается.

Орк прикрыл дверцу и стал смотреть, как безволосые звери отрывают от туш куски мяса и уносят их в люки на равнине. Эти твари были устроены гораздо сложнее собак, которых напоминали издали. Около рта у них торчали клешни, как у насекомых. Клешни эти двигались самостоятельно, независимо от движений головы, — ими можно было резать мясо и зажимать большие куски. Длинные хватательные хвосты тоже служили для переноски. Нагрузившись полностью, с мясом в зубах, клешнях и хвостах, звери прыгали в люки.

У них были круглые, толстые, плоские уши и большие бледно-желтые глаза. Послушав несколько минут, как они свистят, Орк пришел к выводу, что они переговариваются с помощью простого кода. Он насчитал семь комбинаций из длинных и коротких свистков.

— Они не дураки, — тихо сказал он Иаджиму. — Погляди-ка на их лбы. Там есть где поместиться мозгам.

Иаджим кивнул — он уже оправился от своего припадка.

— Потрясающие твари! — продолжал Орк. — Что-то среднее между собакой, термитом, пауком и обезьяной! Исчезнувшие превзошли сами себя, сотворив их! Говорю тебе, Иаджим, биология — самая увлекательная из всех наук! Все это многообразие форм жизни... И главное, мозг, мозг! Это вершина жизни, ее венец!

Он предложил Иаджиму назвать зверей «каманбуры» — свистуны.

— Все должно иметь название.

Они прошли через лес к реке. Там Орк заметил, что равнина слегка понижается по направлению к жилищу каманбуров.

— Прорыть канаву от реки к ближайшему люку. Затопить его. Тогда вода наполнит туннель и затопит все подземные этажи. Во время переполоха, вызванного этой диверсией, мы и проникнем в гнездо.

— Канаву! — завопил Иаджим. — В своем ли ты уме? У нас уйдут месяцы на одно изготовление орудий, которыми можно рыть, не говоря уж о самом рытье! Шутка сказать! И потом, придется ведь работать на виду у каманбуров. Думаешь, они так и позволят нам копать?

— А что у нас еще есть, кроме времени? Или у тебя так много дел?

Иаджим заворчал. Он вспомнил о мягких постелях, мягких коврах, о женщинах, еще того мягче, о восхитительной еде, крепких напитках и зелье, приносящем блаженство, о своих победах над властителями других миров до того дня, как проклятый Лос изгнал его в эту кошмарную вселенную*. Орк не обращал на него внимания и думал о том, что оленьими рогами можно рыхлить землю, а лопаты можно сделать из кусков бычьего рога, насадив их на крепкую рукоятку. Корзины для переноски грунта можно сплести. Орудия будут быстро изнашиваться, но их всегда можно заменить новыми.

Но сначала надо как следует рассмотреть гнездо каманбуров. Иаджим, боясь, что из люков вот-вот вырвется

* Прежде Иаджим говорил, что изгнан женщиной по имени Олалон. Ошибка это автора или бред безумного властителя — неясно. (Примеч. пер.).

кровожадная орда, неохотно шел за Орком. Но каманбуры не появлялись, хотя вскоре стало ясно, что людей хорошо видно из гнезда. В его стенах были проделаны тысячи дыр около полудюйма в диаметре. Сквозь них, видимо, проходит внутрь свежий воздух и свет, они же служат для наблюдения.

В последующие дни путешественники соорудили на дереве шалаш, чтобы спать в нем,— он же служил защитой от возможных древесных хищников. В свободное от изготовления инструментов время они обследовали местность. И, к радости Орка, обнаружили множество люков по ту сторону реки.

— Их туннели идут под водой! Под водой, понимаешь? Значит, нам не придется рыть длинную траншею на той стороне! Река сама затопит их!

— Ты хочешь сказать, нам придется спуститься в туннель под рекой? А как ты думаешь пробить перекрытие? Даже если мы и сумеем это сделать, удары молота тут же привлекут каманбуров!

— Ты у меня уже в печенках сидишь,— сказал Орк.— За твою прежнюю веселость я еще прощаю тебе скверные привычки и словесный понос. И даже твои припадки безумия. Но твой пессимизм надоел мне до чертиков.

— Какие такие припадки безумия? — ошетинился Иаджим.

Орк спустился в туннель, оставив крышку приоткрытой. Он надеялся, что это обеспечит кое-какой приток воздуха. Иаджим с ним не пошел.

— Вдвоем там будет тесно работать,— сказал он.— И потом, это только разведка. Я тебе ни к чему.

— Прекрасно! — сказал Орк.— Оставайся и работай с кремнем. Нам понадобится около двух сотен костылей.

В ночь перед тем, как Орк полез в туннель, Иаджим упомянул еще, что в тесном замкнутом пространстве его порой охватывает паника. Иаджиму не хотелось бы, чтобы Орк говорил об этом кому-то еще. Но это так.

— Это не значит, что я не пойду с тобой, когда мы попытаемся пробиться к вратам. Я пойду. Как-нибудь да выдержу. Я и раньше выдерживал, если некуда было деваться. И если это не длилось слишком долго.

Так что теперь Орк один полз на четвереньках по туннелю. Он предусмотрительно надел на себя наколенники и рукавицы, взял с собой зажженный факел и несколько запасных. К его поясу был привязан тонкий сыромятный ремень. Его длина соответствовала расстоянию от люка до того места, где туннель глубже всего уходит под воду. Для верности Орк вымерил заранее, где река глубже всего.

Когда ремень натянется, надо будет остановиться. Орк надеялся, что его расчет верен. И надеялся, что сможет выдержать чад от факела, который уже и теперь вызывал кашель и ел глаза.

Через невыносимо долгий промежуток времени ремень натянулся. Орк снял рукавицы, намочил палец и поднял его вверх. Слабый ток воздуха как будто ощущался, если это не было игрой воображения. Как бы там ни было, надо браться за работу. Орк лег на спину. Достав из мешка припасенную деревянную стойку, он пристроил ее рядом, вставил в нее факел — и наметил на крышке туннеля квадрат острым кремневым скребком.

Иаджим был прав. Удары молота привлекли бы сюда каманбуров. Он все-таки воспользуется каменным молотом — но только в последний момент. Орк надеялся, что слабый шум, производимый скребком, не дойдет до того конца туннеля.

Был, конечно, риск, что какой-нибудь одинокий каманбур или целая стая их пойдет как раз по этому туннелю. Ну, делать нечего.

Стеклянистый материал, хоть и твердый, был все же мягче железа. Он поддавался так же легко, как бронза, хотя «легко» было понятием относительным. Крохотные осколки, поблескивая в свете факела, сыпались Орку на грудь. То и дело прерываясь, чтобы утереть пот с лица или попить воды из кожаного меха, он упорно царапал скребком по намеченным линиям, и лишь спустя время, показавшееся ему очень долгим, прекратил работу. Факел чадил все сильнее, и Орк почувствовал слабость. Смоченный палец не улавливал никакого движения воздуха. Встревоженный Орк вынул факел из стойки и пополз обратно ко входу в туннель.

Они с Иаджимом разработали сигналы на случай опасности. Иаджим должен дернуть за ремень дважды, подождать и дернуть еще два раза, чтобы вызвать Орка из туннеля. Орк должен сделать то же самое, если что-то случится с ним — тогда Иаджим вытянет его наружу. Орк дополз до помоста — люк был закрыт. Конец ремня, который должен был держать Иаджим, лежал на помосте. Наверное, что-то случилось, раз Иаджим закрыл люк.

Орк бросил факел вниз, в туннель, чтобы его свет не был виден из люка, и медленно приподнял крышку примерно на дюйм. Несколько каманбуров кружило у подножия дерева, на котором они с Иаджимом построили шалаш. С нижних ветвей свисали блестящие серые нити — значит, каманбуры вели обстрел. Орк, приподняв крышку еще на дюйм, удостоверился, что до шалаша им не доплюнуть. В окошке виднелось темное лицо Иаджима.

Час спустя звери ушли. Орк вылез из люка, подошел к дереву и тихо спросил:

— Что тут случилось?

— Пришли на разведку,— сказал, слезая, Иаджим.— Наверное, вышли из туннеля выше по реке и сделали крюк через лес. Я вовремя заметил их и бросился к дереву. Извини, что не успел подать тебе сигнал. Успел только захлопнуть люк в надежде, что они этого не увидят. Значит, точно не увидели.

— Ну, может, теперь, удовлетворив свое любопытство, они оставят нас в покое.

Орк снова спустился в туннель и возобновил свою работу. На следующий день он, перед тем как начать, дополз до другого конца хода. Надо было посмотреть, открыт ли выход там. А если закрыт, то можно ли открыть его изнутри. Бледный свет в круглом проеме и громкие свистки наверху сказали ему, что с той стороны крышки на люке нет. Боясь, что жители гнезда его учуют, Орк не стал подходить ближе.

Через шесть дней, когда он скоблил скребком в борозде, на лицо ему упала капля воды. Вскоре капель сделалась постоянной. Орк продолжал работать, и скоро вода уже сочилась по всем четырем сторонам квадрата. Потом брызнула струйкой из угла. Орк выполз наружу.

— Не думаю, что мой квадрат вывалится, если его не выбить,— сказал он Иаджиму.— Каманбуры меня услышат, но если я успею расшатать его так, чтобы хлынула вода, это будет уже неважно.

— До завтра не хочешь подождать? — спросил Иаджим, бледнея под загаром.

— Давай подготовим все теперь же. Это займет не больше нескольких минут. Потом я вернусь. Будь наготове.

Солнце уже прошло три четверти своего пути по небу. На западе собирались большие черные тучи, и оттуда доносились слабые раскаты грома.

Деревья на северном берегу заслоняли обзор наблюдателям из гнезда. Кроме того, Орк с Иаджимом воткнули рядом несколько больших веток, чтобы замаскировать свою деятельность. Орк не боялся, что его увидят. Но в любую минуту могла явиться еще одна стая каманбуров-разведчиков.

Вернувшись к квадрату, Орк вбил в его углы несколько кремневых костылей. Он бил каменным молотом по кожаной прокладке, прижимая ее к тупому концу костыля, не желая производить лишнего шума, пока не начнет выбивать сам квадрат. Костыли входили довольно легко, но в каждый угол надо было вгонять новый — их концы сразу тупились или обламывались.

Под квадратом на полу собралась лужица, и Орк лежал наполовину в воде. Из пробитой им дырки вдруг брызнула сильная струя прямо ему в глаза, и несколько раз пришлось выдувать воду из носа. Но Орк, несмотря на все трудности, закончил с костылями и взял тяжелый каменный молот. Теснота и невозможность размахнуться как следует, лежа на спине, уменьшали силу удара. Кроме того, Орк передвинулся, чтобы квадрат приходился не над самой его головой, и угол размаха изменился. Орк, однако, не унывал, зная, что множество слабых ударов дадут такой же результат, как и несколько сильных.

Между ударами он слышал свистки. Скоро каманбуры доберутся до него.

Внезапно, как он и ожидал — избежать этого было никак нельзя,— блестящий серый квадрат вывалился и упал

ему на грудь, что было довольно чувствительно. В отверстие хлынула вода, ударив Орка гораздо сильнее. Орк перевернулся, хотя струя на миг придавила его к полу, и пополз назад так быстро, как только мог. Вода поднималась, и вскоре он уже плыл — его несло под пологим углом вверх, к люку. В туннеле стало черным-черно, как только вода погасила факел. Свои орудия Орк оставил позади — теперь речь шла о его жизни.

Предполагалось, что Иаджим будет изо всех сил тянуть за ремень. Если он и прикладывал какие-то усилия, этого не было заметно. Орк не чувствовал, что за ремень кто-то тянет.

Впереди показался дневной свет. Люк был открыт. Потом Орк ничего уже не видел — вода прибывала слишком быстро и накрыла его с головой. Несколько мгновений спустя его вынесло под самый люк. Иаджим схватил протянутую руку Орка и выдернул его наружу. Следом из люка вырвалась вода и тут же ушла обратно. Теперь она установится вровень с глубиной реки.

Тучи близились, росли и становились все чернее. Орк надеялся на гром, молнию и дождь — он почему-то полагал, что это облегчит их вторжение в гнездо. И уж точно сделает его драматичнее.

Они упаковали в водонепроницаемые мешки разное оружие, включая луки, стрелы и короткие копья. Иаджим надел на Орка его мешок, Орк сделал то же для Иаджима. Повесив еще кое-какое оружие в ножнах на пояс, они нырнули, Орк первый, в темный туннель. Иаджим был все так же бледен и стучал зубами, но настроен был решительно. Орк, однако, сомневался, хватит ли у родича мужества последовать за ним. Его клаустрофобия может еще больше обостриться, поскольку всю дорогу до гнезда придется плыть. У Орка не было даже уверенности, что они не утонут, не добравшись до цели.

Когда Орку казалось, что он больше уже не может удерживать дыхание, над ним забрезжил свет. Он отчаянно рванулся вверх, и его голова выскочила на поверхность. Через несколько секунд рядом вынырнула темная голова Иаджима. Сделав несколько глубоких вдохов, он выговорил:

— Ничего более ужасного я еще не переживал! Я уж думал...

— Тихо! — шепнул Орк. Гребя по-собачьи и жадно дыша, он осматривался. Под потолком едва хватало места, чтобы высунуть голову. Из отверстия наверху падал бледный свет, освещаая наклонный подъем из воды к люку. Вокруг плавало множество мертвых каманбуров, взрослых и щенков. Сверху не доносилось ни звука.

Орк подплыл к пандусу и полез по нему на четвереньках. Выбравшись наверх, он достал из ножен топор. Иаджим, все еще отдуваясь, следовал за ним по пятам. Слабый ветерок охлаждал мокрую кожу Орка, принося с собой незнакомый, но малопрятный запах. В комнате не было каманбуров, но живые существа в ней присутствовали. Они сидели в больших клетках, сделанных из высохших серых нитей, — эти клетки стояли на полу вдоль стен и висели на стенах. Насекомые в клетках, величиной с кузнечиков, светились — они то вспыхивали, то гасли, но давали ровный свет: когда угасали одни, загорались другие.

— Здорово придумано, — сказал Орк. — Я еще не видел такого симбиоза между насекомыми и млекопитающими.

В клетках попросторнее содержалось еще два вида насекомых. Одни быстро-быстро, словно колибри, трепетали своими алыми в желтую полоску крылышками, создавая тихий гул, — должно быть, обеспечивали вентиляцию. Другие походили на пауков величиной с человеческую голову. В чем состояла их функция, Орку было некогда разбираться.

Он развязал непромокаемый чехол и достал короткое копье с кремневым наконечником, колчан со стрелами и лук. Копье лежало в своем отдельном футляре. Перекинув ремень колчана через плечо, Орк натянул лук и положил на него стрелу. Прodelав все это очень быстро, он двинулся рысцой вдоль закругленной стены. Миновав несколько коридоров, он остановился у того, что был шире остальных. Этот коридор должен вести к пересечению двух зданий, образующих продольную и поперечную перекладыны креста внутри круга, — Орк вспомнил вид со скальной гряды. По его догадке, как раз там,

в центре, Лос и поставил врата. Но неизвестно, на каком они этаже.

— Скорей! — сказал позади Иаджим. — Они нападут на нас, как только оправятся от испуга!

Орк, не отвечая, бежал по коридору со светляками на стенах. Свет не был сильным, хотя шел и снаружи через тысячи дыр в стенах. Коридор внезапно кончился — и Орк оказался в центре креста.

Он остановился. Удача улыбалась ему. Здесь, в середине круглого зала, стояли врата, сделанные из мерцающего металла — он был тверже алмаза и назывался тенууральва.

Вокруг врат был устроен вал из костей каманбуров — предостережение обитателям гнезда, чтобы держались подальше от этой рамы. В свое время Лос поставил эти врата, каким-то образом обеспечив себе защиту от каманбуров. Когда он ушел, хищники обследовали врата. Некоторые из них сунулись с той стороны, где была ловушка, и погибли. Части их тел, оставшиеся в этом мире, в то время как другая половина была сожжена или отрезана, их собратья сложили вокруг врат. Все скелеты, лежавшие там, состояли из одних только задних половин.

— Если каманбуры сейчас сбегутся сюда, — сказал Иаджим, — у нас будет не очень-то много времени, чтобы сообразить, как пройти!

Врата представляли собой металлическую раму семи футов высотой. К полу она прикреплялась твердым черным веществом — это был тоанский клей, который не берет никакой растворитель и никакой нагрев. Орк положил на пол свой лук и копье, вынув его из чехла. Потом взял кость, обошел врата кругом и швырнул кость в проем. Кость пролетела на ту сторону невредимая и упала на пол. Значит, входом в другой мир служит обратная сторона врат.

Иаджим, развязав свой кожаный мешок, достал два факела и зажигательные материалы: коробочку со стружками, щепками, сухими травинками и прутьями и два необработанных кремня, насаженных на деревянные рукоятки. Собрав сухие припасы в кучку, он начал бить кремнем о камень.

Орк снова обошел раму, откидывая ногой с дороги кости. И бросил кость с обратной стороны. Как он и ожидал, она исчезла. Следующая кость, которую он сунул в проем на несколько дюймов и тут же отдернул, осталась цела. Секунду спустя Орк повторил попытку. На этот раз кость, которую он сунул в середину врат, разрезало пополам. Отрезанный кусок упал не здесь, а в другом мире.

Иаджим ругался. Высеченные им искры никак не хотели зажигать костер.

— Иной раз столько времени на это уходит! — сказал он. — А времени-то у нас, возможно, и нет!

Орк был слишком занят, чтобы отвечать. Он снова и снова совал в ворота берцовую кость, считая секунды: рлен-тавон, рленшивон, рленкавон, рленшонвон, рленгушвон (тысяча один, тысяча два, тысяча три, тысяча четыре, тысяча пять). Используя одну кость, он брал другую.

— Ага! Наконец-то! — воскликнул Иаджим.

Орк обернулся к нему. Иаджим зажигал сосновый факел над занявшейся кучкой топлива. Дым шел к ближайшему выходу — то есть в проем врат.

— Слушай внимательно, Иаджим. Ловушка срабатывает, как резак, через определенный интервал. Мне думается, интервал этот постоянный, а не выборочный. У нас примерно полторы секунды на то, чтобы пройти. Поле отключается как раз на столько. Надо подойти как можно ближе и прыгнуть. При этом надо поднять руки и прижать локти к телу. Ноги должны быть в одной вертикальной плоскости с телом. То, что выдается чуть вперед или чуть назад, будет отрезано.

— Да, один прыжок, и мы там, — кивнул Иаджим. — Только вот трудно будет прыгнуть, не сгибая колен.

Иаджим понимал не хуже Орка — в конце концов, он был на много тысяч лет старше, — что каждый из них должен будет сначала сделать пробу с помощью кости, а потом начинать отсчет для прыжка. Никакой точности и никакой гарантии такой отсчет не даст. Остается только положиться на удачу.

— Всего один шанс, — сказал Орк. Он вздрогнул и посмотрел куда-то за спину Иаджиму. — И на тренировку у нас времени не будет. Дай-ка мне факел.

Иаджим, зажигавший второй факел, выпрямился и резко обернулся. В смежной комнате собралось около сорока каманбуров. Они продвигались вперед, низко нагнув головы, раскрыв пасти со сверкающими зубами, с которых капала слюна; клешни клацали, хвосты стояли торчком над головой, загибаясь на концах. Желтые глаза неотрывно смотрели на людей.

Орк заглянул одному прямо в пасть. Там внутри были два роговидных отростка. Это из них, стало быть, вылетают клейкие нити. Иаджим подошел к костяному валу вокруг ворот и с криком ткнул факелом в сторону хищников. Они попятились. Потом одна крупная самка издала серию длинных и коротких свистков, и серые звери образовали круг, оцепив костяную преграду.

— Они, думаю, понимают, — сказал Орк, — что с той стороны могут проскочить через врата без вреда для себя. И атакуют нас с двух сторон.

Он обежал врата и помахал факелом перед каманбурами. Они отступили, но не так далеко, как в первый раз.

— Пошли прямо сейчас! — заорал Иаджим. — Я первый! Прикрой меня!

Орку невольно подумалось — уж не замышляет ли Иаджим толкнуть его назад во врата, когда он прыгнет вслед за ним. Он и сам подумывал поступить так с Иаджимом, хотя и отбросил эту мысль. Но зачем Иаджиму это делать? Орк ему все еще нужен. Но властители, как и леблябии, не всегда поступают логично.

Орк перебежал на другую сторону врат, не переставая размахивать факелом. Первая шеренга каманбуров брызнула серыми нитями, промахнувшись всего на несколько дюймов. Произведя таким манером пристрелку, бойцы придвинулись еще на фут к людям. Иаджим поджег нити, опутавшие его ноги. Они тут же сгорели со смешанной вонью чеснока и гнилой картошки.

Предводительница просвистела другой приказ, и каманбуры отступили. Потом дюжина зверей отделилась от стаи и присела. Они так напоминали бегунов перед стартом, что Орк понял их замысел. Сейчас они все вместе рванут вперед, а потом прыгнут и еще в воздухе выплюнут

свои нити. Люди не успеют сжечь все путы — каманбуры накинута на них раньше.

— Пошел! — крикнул Орк.

Иаджим медленно повернулся — его глаза были как стеклянные шарики, вмазанные в цемент. Губы, однако, шевелились — он говорил что-то очень быстро, но неразборчиво.

Орк застонал. Надо же такому случиться, чтобы на Иаджима накатило именно сейчас.

Орк ничего не мог для него сделать — кроме одного. Спасется родич или нет, очень сомнительно, но лучше уж так, чем никак.

Орк выхватил факел у Иаджима и кинул его в изготовившихся зверей. Те с тревожным свистом разбежались, когда факел упал около них. Орк сгреб Иаджима, развернул его и, держа за пояс, толкнул вперед. Иаджим продолжал бубнить свое, когда Орк поднял его и швырнул во врата.

Не было времени тыкать во врата костью и потом считать. Но Орк поднял и бросил Иаджима, держа его так прямо, как только мог.

Из пустого воздуха брызнула кровь. Хотя Иаджима и разрезало пополам, через врата он прошел. Но не настолько быстро, чтобы его кровь не пролилась обратно. Предводительница свистнула. Звери снова построились, и следующий приказ послал их в атаку. Если Орк не поторопится, его собьют с ног или опутают нитями, прежде чем он прыгнет. С той стороны они пройдут через врата беспрепятственно и помешают ему пройти с этой.

Орк швырнул факел поверх врат. Он описал дугу и попал в предводительницу стаи. Она отпрянула, и остальные повалились на нее. От свиста закладывало уши.

Назад Орк не посмотрел. Секундное промедление могло стать роковым. И, может быть, сейчас и есть тот самый момент.

Орк с криком бросился к вратам. Остановился, поднял руки и выпрямил ноги, как сумел. Он надеялся, что каманбуры не успеют напасть сзади и втолкнуть его во врата. Не мешкая и не проверяя, достаточно ли вертикально он стоит, Орк приподнялся на носки.

Снова испустил крик и прыгнул.

Это было уж слишком для Джима Гримсона.

Он старался освободиться уже некоторое время. Может, Орку повезет, а может, и нет. Рисковать Джим не хотел. Если Орк умрет, он тоже может умереть. Исправно перенося до сих пор все опасности, эту он выдержать не мог.

Джим вырвался и пролетел через лишенное света пространство. Он не испытывал ничего, кроме смутного ощущения скорости, но слышал, как свистят каманбурсы.

Потом он оказался в своей комнате. Часы показывали, что он — точнее, его астральное тело или как там это называется — отсутствовал два часа и три минуты.

Глава 21

Хотя жизнь Джима в качестве Орка была изнурительна и полна опасностей, свет во вселенных Орка был не такой, как в Бельмонт-Сити. Солнца тех миров лили мягкий золотой свет. Свет Земли по-прежнему оставался резким и песчаным.

Не будь Джим таким усталым, он вернулся бы к Орку сразу. Если бы ему не удалось войти, он знал бы, что Орк мертв. И, значит, надо выбрать себе другой персонаж, которым Джим мог бы стать. Если, конечно, он решит продолжать терапию. Раз Орка не станет, что останется для Джима Гримсона?

Это неважно, что и другие пациенты выбрали себе Рыжего Орка. Их Орк — вымышленный. Только он, Джим, был в мозгу настоящего Орка, сына настоящих Лоса и Энитармон.

Он тянул с возвращением в основном из-за страха, что Орка разрезало пополам.

Остановило бы это Орка, будь он на месте Джима Гримсона? Нет!

Настал день рождения Джима. Праздновал он его только со своей группой, да доктор Порсена заглянул на минутку на их невеселое торжество. Мать и миссис Вайзак прислали открытки и позвонили. Мать не смогла уйти с работы, чтобы навестить его. А торт, про который миссис

Вайзак сказала, что оставила его в вестибюле, пропал где-то по дороге. Со мной иначе не бывает, подумал Джим. Он все еще испытывал слишком сильную депрессию и слишком боялся, чтобы вернуться в Орка.

Через два дня после дня рождения его вызвали из столовой во время ленча. Джилмен Шервуд, дежуривший в тот день, сказал:

— Твоя мать пришла.

— Сейчас? — удивился Джим. — Она ж на работе.

Шервуд поднял брови, точно мысль о работающей матери казалась ему очень странной.

Джим вошел в комнату для посетителей с тяжело бьющимся сердцем. Только очень плохие новости могли привести мать сюда в это время. Должно быть, у них кто-то умер. Сестра? Отец? Если это отец, то смерть Эрика подействовала на сына гораздо сильнее, чем Джим мог себе представить. Откуда это горе, это чувство ужасной потери? Впрочем, что бы там ни происходило между ними, Эрик все-таки его отец.

По дороге к матери Джим окончательно уверил себя, что Эрик Гримсон умер. Перепил? Несчастный случай? Самоубийство? Все возможно.

Ева Гримсон встала со стула, увидев в дверях Джима. Она была в платье с пестрым рисунком, слишком просторном для нее и слишком легком для этого времени года. Она еще больше осунулась, и на лице прибавилось морщин. Круги под глазами стали еще темнее. Поношенное коричневое пальто скрывало худобу, но тонкие, как палочки, ноги выдавали, до чего она вся истаяла. Однако при виде сына она улыбнулась.

— Мама! Что случилось? — крикнул Джим, обнимая ее.

Ева заплакала, и Джиму стало еще хуже. Он всего несколько раз видел, как мать плачет.

— С папой все в порядке? — спросил он.

Она высвободилась и села.

— Мне так жаль, Джим. Так жаль. Но твой отец...

Она рыдала. Джим упал на колени рядом с ней и положил руки на ее сгорбленные плечи.

— Ради Бога! Что случилось?

— Твой отец...

— Он умер! — сказал Джим.

Она удивилась и вместо ответа достала из сумочки носовой платок и промокнула глаза. У Джима мелькнула нелепая мысль, что за косметику ей можно не опасаться — она никогда не красится. Ева шмыгнула носом и покачала головой.

— Нет. Вот что ты подумал? Может, это по-своему было бы...

— Было бы — что?

Должно быть, она хотела сказать «лучше», но не могла позволить себе иметь такие мысли, а уж тем более высказывать их вслух.

— Нет, ничего. Твой отец... он настаивает, чтобы мы переехали в Даллас. Ну, знаешь — в Техас!

Джим не сразу пришел в себя. Грудь все еще сжимало. Потом он выпалил:

— Ну так лучше бы он умер! И ты тоже! Вы... вы... бросаете меня!

Мать взяла сына за руку, прижала ее к своей мокрой щеке и простонала:

— Я должна ехать с ним! Он мой муж! Я должна быть там же, где и он!

— Ничего ты не должна! — Джим выдернул руку. — Черт бы побрал и тебя и его! Провалитесь вы ко всем чертям!

Только потом, перебирая всю сцену в памяти, он подумал, что никогда еще не разговаривал так с матерью. Как бы он ни сердился на нее, он почти всегда был с ней мягок. Ей и так доставалось от отца.

— Ради святой Девы Марии, Матери Божьей, не говори так, Джим!

Она снова хотела взять его за руку, но Джим отдернул ее.

— Здесь он не может получить приличной работы. И это убивает его, ты сам знаешь. Он слышал... ему сказал один друг — помнишь Джо Ватку? — что в Далласе работы полно. Город процветает, и...

— А я? — Джим начал шагать взад-вперед, сжимая и разжимая кулаки. — Я уже не в счет? А кто будет оплачи-

вать страховку, мое лечение? Где я буду жить, когда меня выпишут? Я не хочу бросать лечение! Это мой единственный шанс! Не хочу и не брошу!

— Пожалуйста, пойми меня, сынок. Я просто надвое разрываюсь. Но не могу я отпустить его одного, а он говорит, что все равно уедет, даже без меня. Он муж мой. Это мой долг!

— А я твой сын! — крикнул Джим.

Казим Грассер, черный санитар, просунул голову в дверь.

— Все в порядке? Какие-то проблемы?

— Это семейные дела, — сказал Джим. — Я ни на кого не собираюсь кидаться. Давай катись!

— Ладно, ладно, только тихо, — сказал Грассер и убрал голову.

— А почему он сам ко мне не пришел, почему прислал тебя? — орал Джим. — Что, боится встретиться со мной? Или уж до того меня ненавидит, что ему на меня насрать?

— Пожалуйста, Джим, не выражайся так. Нет, нельзя сказать, что он тебя ненавидит. Но встречаться с тобой правда боится. Он чувствует себя неудачником...

— Так оно и есть!

— Чувствует, что потерпел крах как муж, отец и кормилец...

— Так оно и есть!

— ...и боится, что ты на него набросишься. Он говорит... он говорит...

— Ну, скажи! Что я сумасшедший!

Ева протянула к нему руку.

— Прошу тебя, Джим. Я не могу больше выносить этого. Не будь это таким непростительным грехом, убила бы себя!

— Делай, как считаешь лучше, — сказал Джим и вышел из комнаты.

— Джим! Не уходи! — закричала мать вслед. Он помедлил, но не обернулся. Придя к себе, он сел и заплакал. Одиночество, точно прилив, несло его за горизонт, вдаль от всех живущих, к острову, который тоже назывался Одиночество.

Горе не помешало Джиму подумать, что это потрясающее название для песни. «Остров, который тоже называется Одиночество».

Странная штука мозг. В самом глубоком горе посылает вот такие сообщения. Всегда работает, работает, работает над самыми разными темами — и никто не знает, с чего он вдруг выдает результаты некоторых своих трудов в самый неподходящий момент.

Хотя в такой ли уж неподходящий? Может, мозг пытается смягчить несчастье, отвлекая себя от себя самого?

Если так, то его уловка сработала только на минуту. Джим погрузился в холодные черные воды и не выныривал довольно долго. Товарищи по группе помогали ему, как могли. Доктор Сцевола, замещавший Порсену, который уехал на трехдневную конференцию, пытался вернуть Джиму свет, но у него ничего не вышло.

В тот же самый вечер, сразу после групповой терапии, Джима снова позвали в комнату для визитов.

— Мистер и миссис Вайзак, — сказал ему дежурный. — У них плохие новости, Джим. Сразу видно.

Вайзаки встали, когда он вошел. Миссис Вайзак, разразившись слезами, подбежала к Джиму, обхватила его своими большими сильными руками и прижала лицом к своей большой груди. От нее пахло дешевыми духами.

— Сэм умер! — простонала она.

Внутри у Джима что-то сместилось. Он оцепенел, голос миссис Вайзак ушел куда-то вдаль, и ему показалось, что он тонет в мягкой сахарной вате. Все уплывало, кроме этого удушливого облака. Джим видел все расплывчато, будто через несколько слоев марли.

И плакать он не мог. Все слезы, которые у него были, он уже выплакал сегодня. Источник иссяк, остался лишь камень, из которого он бил, — холодный, твердый и сухой.

Джим сел, и миссис Вайзак рассказала ему про Сэма. Мистер Вайзак сидел безгласный, понутив голову, весь поникший. Рассказ был коротким. Сэм, сбежав из дому, несколько раз голосовал на дороге. В последний раз остановился водитель грузовика с полуприцепом. Никто

не знает, почему это случилось, но тягач с прицепом вдруг сложились в гармошку, рухнули с крутого обрыва и несколько раз перевернулись, скатываясь вниз. Водитель серьезно пострадал и сейчас находился в коме. Сэма сразу выбросило из кабины — и швырнуло под прицеп. Похороны через три дня.

— Я не хотела просто звонить тебе, — сказала миссис Вайзак, утирая глаза. — Хотела сама сообщить тебе об этом. Ведь вы с Сэмом были такими друзьями — с тех пор, как ходить научились.

И она разрыдалась. Джим, как мог, старался утешить ее, хотя и не разделял ее душевную боль и ее горе. Его это словно бы не трогало. Казалось, что смерть Сэма произошла много лет назад.

Доктор Порсена, проводя с Джимом первый индивидуальный сеанс после возвращения с конференции, остановился как раз на этой бесчувственности. К концу часа доктор сказал:

— Возможно, это потому, что тебя гнетет двойное горе. У тебя очень живое воображение всех видов — визуальное, тактильное, вкусовое и слуховое. Твои путешествия в Многоярусный мир всегда очень реалистичны и яркие. Там ты живешь не менее полной жизнью, чем здесь. Так вот я и говорю...

Доктор умолк, ожидая, чтобы Джим его дополнил. Лучше, когда открытие ты делаешь сам, а не когда его тебе преподносят. Свет должен прийти изнутри.

Джим так и видел, как белые пальцы шарят во мраке его мозга. Какого черта Шаману нужно от него? Может, он думает, что восемнадцатилетний псих мыслит, как доктор Фрейд?

Порсена, однако, наверняка произнес какое-то ключевое слово. Он всегда дает такие подсказки своим пациентам, только нелегко уловить такой намек среди множества фраз. Если пациент откопает ключ и сообразит, как им пользоваться, то может открыть дверь, ведущую к свету.

Тяжелый расплав горя точно разбавлял воспоминания. Но Джим, побывав Орком, значительно улучшил свою память. Он как бы носил в себе отпечаток почти что фо-

тографической памяти молодого властителя. И помнил почти дословно все, что говорил Порсена во время сеанса. Значит, надо включить сканер. Остановить курсор на ключевом слове или фразе и дать подсветку.

— Ага! — сказал Джим. — Двойное!

Доктор улыбнулся.

— Двойное горе, — продолжал Джим. — Вы думаете, что я несу добавочный груз горя. Один груз — как Джим Гримсон и другой — как Орк. Оба мы отвергнуты — мягко говоря — нашими отцами. Оба попали в переплет. Насчет потери лучшего друга — не знаю. Сомневаюсь, что Орка так уж расстроила смерть Иаджима.

Джим скривил рот, точно это могло стимулировать мозг. Психиатр сказал:

— Итак, Иаджим погиб, насколько тебе известно. Это единственная потеря Орка?

— А-а, вот что. Ну а... вдруг и сам Орк тоже?

Порсена не ответил, предоставляя думать своему пациенту.

— То есть я ведь не знаю — вдруг и Орк тоже умер! Ну, если так, то я совсем пропал! Все, каюк! Столько я уже не выдержу!

— Другие потери? — сказал доктор.

— Потери... потери? Ну, если речь об Орке, а он ведь взаправду я, а я — он, я все это объяснил, то это моя мать... то есть Энитармон. Ее нет. Еще я люблю тетю Валу — и ее тоже потерял. Это, конечно, большая утрата. Я знаю, Орк поначалу очень горевал о том, что, может быть, никогда их не увидит. Но потом его горе преобразилось в ненависть к отцу. Он...

После долгой паузы доктор повторил:

— Он?..

— Он-то действовал. А не сидел просто так и не лил слезы.

— Правильно он поступил в данном случае или нет?

— Ну, это... — Джим чуть было не сказал, что это глупый вопрос. Но Шаману такого не скажешь. Он, Шаман, всегда знает, зачем говорит то или это, каким бы нелепым и глупым оно ни казалось. — Правильно, конечно. Только...

— Только что?

— Он поступил правильно в том смысле, что как-то действовал, стараясь решить свои проблемы. Только он чересчур склонен к насилию. Он ведь собирается убить своего отца и всякого другого, кто станет у него на пути. Может, ему следовало найти какой-то другой путь. Не знаю. Может, это единственный выход.

Джим вспыхнул, и это не укрылось от Порсены.

— Тебя что-то смущает,— сказал доктор.

Джим, переборов себя, сказал:

— Ладно. В конце концов, у меня ведь нет таких кровосмесительных мыслей, как у Орка. По отношению к моей матери у меня их точно не было. Орк хочет жениться на своей матери, когда убьет отца — сначала будет мучить, потом убьет. Он и тетку свою хочет. Он вообще тот еще кобель. Я вам говорил уже — он перетрахал двадцать своих сестер, кровных сестер, дочерей своего отца. Все они красотики, хотя и... ну, как это?

— Туземки? Не властительницы? То, что у властителей называется лебляббии?

— Да. Извините. Лебляббии все равно что ниг... то есть черные. Я не хотел говорить это слово. Я совсем не считаю черных недочеловеками. Но я с детства только это и слышу.

— Я знаю. Ну а что ты думаешь о столь спокойном отношении властителей к инцесту?

— Знаете, док... доктор. Я много прочел о Древнем Египте, когда посмотрел по телику «Цезаря и Клеопатру». Ну, киноверсию пьесы Бернарда Шоу. С Клодом Рейнсом и Вивьен Ли. И я знаю, что в правящем классе Древнего Египта братья и сестры вступали в брак и имели детей. Так же делали и правители инков. Да, кажется, и у Фармера что-то есть насчет браков между братьями и сестрами. Так что, когда я прочел все это и посмотрел кино, мне нетрудно было с этим примириться. И потом, когда я Орк, я допускаю все, что допускает он. Это вопрос культуры. У властителей нет генетических дефектов, поэтому они не боятся передать плохие гены своим детям. Почему бы тогда матери и не выйти замуж за сына?

По окончании сеанса оцепенение и депрессия Джима уменьшились разве что на малую толику. А, ладно. Какая разница.

Глава 22

Джим опустился на самое дно своей собственной карманной вселенной — депрессии. Она была создана из меланхолии и презрения к себе — двух элементов, которые не собирались допускать в свой мир солнце. Джим делал все, что от него требовалось — кроме полетов сквозь пентру, — но медленно и вяло. А ночь диктовала свои арифметические задачи. Джим вел счет своим изъясам и неудачам, пока не дошел до тридцати семи. Он хорошо помнил каждый пункт своего списка. Почему бы и нет? Джим вел его с двенадцати лет. Можно было насчитать и больше, но тридцати семи вполне достаточно и для самого большого жалельщика самого себя.

Доктор Порсена не проявил к нему никакого сочувствия.

— Нельзя же все время влачить свои цепи и завывать: «Горе мне!», точно ты призрак в каком-нибудь замке. Одно время ты шел вперед отменными темпами — можно сказать, феноменальными. Теперь ты регрессировал. Ты не только вернулся к самому низкому уровню своей самооценки — ты упал еще ниже. Достиг своего личного нидира, так сказать.

У Джима достало духа ответить:

— Это точка, противоположная зениту, да? А я никогда особенно не любил смотреть телик.

Психиатр на мгновение опешил, потом улыбнулся и сказал:

— Ну, если в тебе сохранилось достаточно огня для каламбура, хоть и плохого, надежда еще не потеряна.

Джиму так не казалось. Его острота была последней вспышкой угасающего пламени.

— А вдруг Орк умер? — сказал он внезапно. Он сам удивился этому вопросу, но что-то словно толкнуло его изнутри.

На губах Порсены мелькнула тень улыбки. Да он не только Шаман, подумал Джим. Он еще и Сфинкс. Точно так усмехается каменный большой сфинкс в Гизе. Джиму так и виделись пирамиды и пальмы позади Порсены. За тем изъеденным временем лицом таится мудрость веков — и за лицом доктора тоже.

— Если он умер,— сказал Порсена,— ты подберешь себе кого-то другого.

По крайней мере, Порсена не пытается внушить Джиму, что Орк — всего лишь вымышленный персонаж. Может, доктор и думает так про себя, но играет по правилам Джима. Никогда не обесценивать. Это Золотое Правило, а Порсена — Золотой Правитель.

— Я не хочу быть больше никем,— сказал Джим.

— Тогда выясни, жив Орк или нет.

— Я сделаю это. Сделаю ради вас.

— Нет. Ради себя. Ты сделаешь это, потому что это нужно тебе и только тебе.

Доктор перегнулся через стол, устремив на Джима яркие синие глаза.

— Слушай меня, Джим. Я сознаю, что я для тебя авторитет, чуть ли не заменяющий отца и мать. В каком-то смысле это хорошо, потому что со мной ты ведешь себя по-иному, чем с прочими авторитарными лицами в своей жизни. Ты очень стараешься мне угодить, хотя это не обязательно. Ведь я всего лишь руковожу твоей терапией. Ну, возможно, я слишком сухо выразился. Ты мне нравишься, и я думаю, мы могли бы подружиться, когда твое лечение будет закончено. Положим, я действительно обладаю авторитетом, притом я старше тебя. В данный момент я для тебя — лицо вышестоящее, но пользоваться этим не стану — разве что для твоего же блага.

Но нам придется поработать немного, чтобы изменить твое отношение ко мне. Я не Бог и не твои родители. Все, чего я жду от тебя,— это что ты выслушаешь мой совет, а там суди сам, насколько он ценен. Однако в некоторых случаях я могу и оспорить твое решение. Я старше и опытнее, и я квалифицированный профессионал. Но при этом остаюсь человеком. И могу совершать ошибки.

С другой стороны, вероятность того, что ошибусь я, гораздо меньше, чем вероятность твоей ошибки. Ты все это помни. Мы займемся твоими взглядами, как я уже сказал. Но главное здесь — твоя терапия. И я настаиваю на том, чтобы ты вернулся в Орка или же подобрал себе другой персонаж. Если ты этого не сделаешь, терапия закончится. Ясно я выражаюсь?

Джим кивнул.

— Что сделал бы Орк, будь он на твоём месте?

— Орк? А, понял! Извините, задумался. Будь он на моём месте, он тут же сиганул бы в пентру. Но я-то не Орк — пока ещё нет. Орк никогда не впал бы в депрессию. Во всяком случае, так надолго. Я его знаю...

— Поступай так, как поступил бы он, даже если это, казалось бы, против твоего естества — сделай так, как бы тебе ни было трудно. Ты ведь знал, что тебя ждёт нелегкая работа.

— Я постараюсь. Очень постараюсь, — сказал Джим.

Он не думал, что ему это удастся в его теперешнем состоянии. Однако существуют способы это состояние изменить. Только Порсена их бы не одобрил. Ведь употребление наркотиков, кроме тех, что тебе прописаны, здесь карается немедленной выпиской. Но отчаянные ситуации требуют отчаянных средств. Перед групповой терапией Джим отвел Джилмена Шервуда в уголок главного холла.

— Я слышал, ты приторговываешь, Джил.

— Ничего подобного. Я здесь и для того, чтобы отделаться от наркоты, помимо всего прочего.

— Скажем по-другому. У тебя, кажется, есть доступ к лекарствам, которые могут мне помочь. Я хотел бы получить какое-нибудь, желательно стимулирующего свойства.

— Посмотрим, — сказал Шервуд. — Но здесь ходит много сплетен, большей частью ложных.

— Стимул — великое дело.

— Возможно, это как раз то, что доктор прописал. Но даром в этом суровом мире ничего не делается.

— Я знаю цену, — сказал Джим. — И наличные у меня имеются.

Утром он получил по почте десятидолларовую бумажку с запиской от матери. Он испытал искушение вернуть

назад и то и другое, но ему очень нужны были деньги, поэтому он сунул десятку в карман, а записку порвал. И теперь вот половину этой десятки потратит на амфетамин, хотя у него каждый цент был рассчитан. Джим презирал самого себя. И в то же время предвкушал, как встряхнется душой и телом.

Джилмен Шервуд положил руку ему на плечо.

— Есть и другие способы расплатиться, кроме денег.

— Об этом забудь! Последний раз тебе говорю — не пойдет!

Джилмен улыбался отрешенной, надменной улыбочкой, этак свысока. Джим не выносил его замашек и пересиливал себя, прибегая к помощи этого подонка.

— Не отвергай ничего, пока не попробуешь, — сказал Джилмен.

— Господи Боже! Ты уже докапывался здесь до каждого парня и до каждой девчонки! Тебе что, нравится, когда тебя пинают? Это часть твоей проблемы?

— Ну, здесь есть и такие, которые не откажут! Нужен ты мне, Гримсон, как чирей на заднице. Отдам тебе твой заказ в следующий раз, как будем одни. Имей наличность при себе. Нет денег, нет товара.

Как поступил бы Рыжий Орк? Наверно, убил бы Шервуда и забрал весь его запас. Не годится.

Родители Шервуда, хотя и были богаты, много денег сыну не давали. Чтобы добыть еще, ему приходилось приторговывать понемножку. Его отец был стальной магнат. Несмотря на упадок промышленности в районе Янгстауна, он имел долю и в других предприятиях — говорили, будто ему принадлежит половина Бельмонт-Сити. Его единственного сына сама судьба, казалось бы, предназначила быть одним из тех высоких, атлетически сложенных, белокурых отпрысков, что проходят по жизни, не ведая забот и повседневных нужд, одолевающих широкие, немые, бурлящие массы.

На деле получилось по-другому. И у самых богатых есть проблемы, общие с беднейшими из бедных. Джилмен был бисексуалом со склонностью к своему полу. Если бы его ненавидящий гомиков отец знал об этом, он не так бы

рвался сделать сына бизнесменом. Джилмен мечтал стать художником. Шервуда-старшего это ужасало. Он настаивал, чтобы Джилмен получил в Гарварде степень магистра экономики и стал его компаньоном. Хочет сын заниматься живописью на досуге — прекрасно, только не надо хвастаться этим перед людьми, считающими, что все художники — извращенцы. Но стать профессионалом — ни в коем случае.

Джилмен, как и многие его товарищи по группе, избегаелся. Он порезал себе запястья и написал кровью свой автопортрет. Тогда же обнаружилось его пристрастие к наркотикам, и он оказался в психиатрическом отделении Веллингтоновского центра.

Джим посочувствовал бы Джилмену, если бы тот не вел себя, будто наследный принц. И туда же еще, выбрал себе Вольфа для воплощения — Джим считал, что это полная дурь. Да Вольф плюнул бы этому сукину сыну в лицо.

После Джилмена Джим поговорил с Санди Мелтон. Это был первый их настоящий разговор с тех пор, как она вошла в их группу. Она классифицировалась как шизоид, и ей давали карбонат лития. Санди обожала своего отца-белого, хотя видела его не так часто, как ей бы хотелось. Он работал коммивояжером в большой фармацевтической компании с конторой в Бельмонт-Сити. Зато мать-корейнку Санди терпеть не могла. Девочка с раннего детства страдала от того, что в школе ее дразнили «косоглазой», «китаёзой», «япошкой», «желтозаладой» и «дауном». Ее друзья так не делали, зато другие ребята не стеснялись.

А ведь ее блестящие черные волосы, чуть раскосые глаза и высокие скулы составляли красивое целое. И хотя рост Санди насчитывал всего пять футов два дюйма, у нее были сравнительно длинные ноги, изящная фигурка и пышная грудь. Несмотря на все это, Санди считала себя уродиной. Преодолевая свою застенчивость, она стала энергичным, порой даже чересчур суетливым и напористым менеджером и агентом группы «Хот Вотер Эскимос». Но в периоды депрессии впадала в летаргию, делалась безразличной и пренебрегала своими обязанностями.

Санди не любила мать с самого детства — в основном из-за того, что мать, как ей казалось, не любит ее. Куо Мелтон была угрюмой, неразговорчивой женщиной, к тому же плохой хозяйкой — весь день только и знала, что смотреть мыльные оперы да игровые шоу. Хотя Куо прожила в Штатах двадцать лет, по-английски она говорила очень плохо.

Иногда на Санди находило настроение всем прощать, и она объясняла друзьям, что у ее матери были ужасное детство и юность. В течение многих лет она голодала и была бездомной, пока Эйб Мелтон на ней не женился. В то время она была красивой и искала пути, как бы уехать из своей страны. Отец рассказывал Санди, что Куо по-настоящему любила его, а он — ее, все первые годы их брака. Теперь от этой любви, конечно, ничего не осталось.

Санди разработала уникальный метод вхождения в Многоярусный мир. Она снимала с себя всю одежду, повторяя при этом первое четверостишие буддийской сутры Лотоса. Потом прижимала ладони к большому, в полный рост, зеркалу у себя в комнате. При этом она произносила заклинание Джима — Ата Матума М'Мата. Два заклинания лучше, чем одно. Минут через семь (семь — магическое и мистическое число), если сосредоточиться при этом на точке в пяти дюймах за зеркалом (пять — тоже мистическое число), стекло делалось мягким, как резина.

Почувствовав, что зеркало стало как желе, Санди начинала быстро бормотать слова песни «Через радугу». Что годилось для Дороти из страны Оз, сгодится и для нее. А три заклинания лучше, чем два.

Ее эктоплазма, как выражалась Санди, просачивалась сквозь ее ладони и проникала через все утончающуюся субстанцию во вселенную, которую Санди себе выбрала. Пройдя на ту сторону целиком, Санди (в виде эктоплазмы) оказывалась в мужском теле. Она давно хотела стать мужчиной, потому что мужчиной был ее отец, и в то же время чувствовала, что такое желание аморально.

Вселенная за зеркалом не походила ни на одну, описанную у Фармера. Она была плоской, и можно было свалиться за ее край, если подойти слишком близко. Обита-

ли в ней одни только мужчины, все белые, и лишь одну женщину гигантских размеров держали под стражей в огромном замке. Она была точно царица термитов, ее насильно кормили медом, вот она и сделалась здоровенной и жирной, с вагон величиной. Царица эта была матерью всего людского населения и рожала по пять мальчиков зараз каждые три месяца.

Раз в год устраивался турнир — Санди очень любила романы о средневековье, — и победитель становился любовником царицы и зачинал всех младенцев этого года. Уйдя со своего поста, он должен был помогать всем прежним мужьям нянчить детей, убирать замок, мыть посуду и выполнять всю прочую домашнюю работу, что считалось великой честью.

Санди в лице сэра Сандагряна странствовала по тому миру в поисках человека, который знал секрет вечного счастья. Во время своих странствий она вступала в поединки с бесчисленными рыцарями, добрыми и злыми, и вторгалась в замки злых колдунов и баронов-разбойников. Они, как и все мужчины в том мире, носили маску. Сэр Сандагрян не нашел пока Человека в Золотой Маске, который владел тайной.

Приключения в качестве странствующего рыцаря, какими бы кровавыми и опасными они ни были, помогали Санди обороняться от непосильных порой стрессов Земли. Когда она чувствовала, что достаточно отдохнула от земной жизни, она прижимала ладони к зеркалу и повторяла три своих заклинания в обратном порядке. Желеобразное зеркало кристаллизировалось и в момент полного отвердения впускало эктоплазму Санди обратно в женское тело.

Санди уже добилась некоторого успеха на пути к более сильному характеру и устойчивой сексуальной роли. Она понемногу избавлялась от бурной смены настроений и от привычки уходить в себя. Как и у Джима, и почти у всех в группе, ее личные бесконтрольные галлюцинации медленно уступали место контролируемым галлюцинациям Многоярусного мира.

— Джим, я два раза говорила с отцом, — возбужденно сказала Джиму Санди. — Он всегда поговаривал о раз-

воде с Куо, но это были только слова. Мысль о разводе ему противна. Ну а сейчас он вроде бы созревает. Он знает, как мне не хочется уходить из больницы и возвращаться домой. Просто ужас. А почему? Потому, что там Куо!

Она никогда не называла Куо матерью.

— Ну а может, ты как-то приспособишься к своей Куо? — спросил Джим.

— Нет. Это возможно, только если она тоже пройдет терапию, как-то изменит себя. Для танго, знаешь ли, нужны двое. А она этого никогда не сделает.

В столовой стоял гам, хотя были там и тихие уголки, где сидели ушедшие в себя. Джим и Санди сели напротив милой, славной и хрупкой девушки по имени Элизабет Лавенца. Ее отчим-извращенец насиловал ее с десятилетнего возраста. Несколько месяцев назад этот монстр, как всегда называла его Элизабет, попытался ее убить за то, что она хотела позвонить в полицию. Она спаслась, засунув телефонную трубку ему в рот и стукнув по голове кочергой. Это были единственные насильственные действия за всю ее жизнь, и она страдала чувством вины за то, что их совершила (у Джима это никак не укладывалось в голове). Потом Элизабет выскочила из дома на улицу. Отчим быстро очухался и погнался за ней. Он душил ее, когда подъехала полицейская машина.

Для входа в иные вселенные Элизабет использовала то, что называла своим энергоблоком: пять томиков Фармера, связанные вместе. Эта батарея открывала ей путь. Так делали еще несколько человек из их группы.

За другим столиком, сбоку от Джима, сидела компания, очень интересовавшая его. Там шептались, сдвинув головы насколько только можно. Свою вселенную они придумали сами с помощью доктора Порсены. Хотя формально она входила в Многоярусный мир, его автор вряд ли сумел бы изобрести нечто подобное. Правил ею властитель по имени Кефалор, представляющий собой мозг размером со всю карманную вселенную — он сам и был вселенной. Населяли ее электрические заряды в форме нейронных импульсов мозга Кефалора. Группа так и называлась — Нейронные Импульсы. Джим думал, что это было бы потрясное название для рок-группы.

Между членами группы существовало соглашение — когда Кефалор забывает что-нибудь, один из импульсов умирает. И человек, представляющий этот импульс, тоже. Но он или она может вернуться в качестве новой мысли, уже с другой индивидуальностью.

Джим слышал, что гармония в группе несколько нарушилась. Одна девочка заявила, что она и только она представляет собой подсознание Кефалора. А поскольку подсознание управляет сознанием, все прочие нейроимпульсы должны подчиняться ее приказам. Этого следовало ожидать. Она и в Веллингтон попала потому, что все время стремилась всеми командовать.

После ленча Джилмен Шервуд и Джим отошли в угол. Поблизости никого не было. Джилмен раскрыл ладонь — в ней было пять «черных красоток», капсул с допингом.

— Вообще-то цена два доллара за штуку. Но в первый раз скидка. Всего доллар за каждую.

Джим протянул ему десятку и одновременно взял капсулы. Джилмен открыл бумажник, набитый бумажными деньгами, и отсчитал Джиму сдачу.

— Добро пожаловать обратно в реальный мир, — сказал он.

— Это так, временно, — пробормотал Джим. — Только через бугор перевалить. А там...

— Конечно, — улыбнулся Шервуд. — Но если временное перейдет в постоянное, я твой.

Джим, ненавидя и Шервуда и себя, повернулся и ушел. Вечером он долго сидел, глядя на «черных красоток» — теперь они не казались ему такими уж красивыми. Как поступил бы Орк? Джим не знал, честно не знал. Орк иногда вспоминал о наслаждении, которое получал от разных наркотиков. Но у Джима создалось впечатление, что у тех снадобий не было отрицательных побочных эффектов и к ним нельзя было привыкнуть.

Во всяком случае, Орк не нуждался в наркотиках, чтобы придать себе мужества.

А тут еще доктор Порсена. Его бы, безусловно, очень разочаровало, если бы его пациент взялся за старое. Но ведь у меня-то еще привычки нет, подумал Джим. Я не

наркоман, как назвал бы меня отец. Просто пользуюсь этим делом время от времени. Хотя, если уж честно, в этом году он принимал допинги с глушителями и курил марихуану чаще, чем в прошлом. Но отсюда все равно далеко до прыжка в цирковой фургончик под названием «привычка».

Или не так уж далеко?

Через полчаса Джим вздохнул, встал со стула и спустил капсулы в туалет, хотя и не без сожалений.

Еще через десять минут он пролетел сквозь круг в центре пентры.

Глава 23

Орк корчился в муках на сверкающем твердом полу. Здесь больше никого не было, так зачем разыгрывать из себя стойка. Он вопил в голос.

Джим страдал не меньше Орка, хоть это было нечестно — у него ведь тела не имелось. Надо бы сразу вернуться на Землю и подождать, пока у Орка не утихнет боль. К несчастью, Джиму никак не удавалось сосредоточиться на технике возврата. А к тому времени когда он сконцентрируется, уже и ощущения будут не такие мучительные.

Орк, полуослепший от жгучей боли в пятках и ягодицах, все же видел, что находится в огромном туннеле. Стены блестели в свете, испускаемом шестиугольными насекомообразными созданиями, висевшими повсюду. Кроме них, свет давали круглые кнопки на потолке, стенах и полу. Вперемешку с ними росли густые подушки чего-то зеленого, напоминающего лишайник.

Посреди туннеля шла глубокая канава, по которой бежала чистая вода. Орк неуклюже подошел к ручью, влез в него и погрузился по шею. Вода обжигала холодом, но и успокаивала, унимая жар в крови и немного смягчая боль.

Из воды Орк видел кровавые отпечатки, которые оставил на кристаллическом полу. Когда он прыгнул через ворота, луч отсек ему самые краешки пяток и ягодиц. Со временем это заживет, но будет ли у него время?

Пока что это зависело от того, сколько он еще потеряет крови. А если выживет, то сколько сможет продержаться в поисках пищи и врат. Если врата, конечно, где-то близко. Орк сомневался в этом.

Лос сказал, что врата с Антемы ведут обратно в родной мир Орка. Ложь. Нет такого места на его планете.

Орк вылез из воды на пол туннеля, всего в нескольких дюймах над ручьем. Мучения возобновятся, когда он согреется, но он не мог больше выносить холод. Жаль, что у него нет никакой тряпицы перевязать раны.

Он видел верхнюю половину тела Иаджима, лежавшую лицом вниз. Проскочив через врата, Орк упал прямо на нее, на скользкие внутренности и кровь.

На Орке была кожаная набедренная повязка и пояс, где висел в ножнах кремневый нож. Все прочее оружие и мешок с провизией остались позади. Ступая только на носки, морщась при каждом шаге, Орк подошел к половинке тела и снял с нее половинку повязки и пояс с ножом. С половинкой ножа, поскольку луч рассек лезвие, — но все равно пригодится.

Своим ножом Орк отодрал от стены кусок зелени. Под зеленой подушкой из камня торчали тонкие трубочки. Орк предположил, что это система питания растений. И, заметив желтую жидкость, сочившуюся из трубок, счел свою догадку верной.

Он отжал из растения влагу — на ощупь оно было как пышный мокрый мох. Орк решил, что назовет его «омутид» — мох по-тоански, и приложил его к своим ранам. Прикосновение заставило его поморщиться, но растение тут же прилипло к коже, словно приклеенное. Кровотечение прекратилось. Тогда Орк оторвал от стенки еще кусочек омутида и съел его. Мох был богат влагой, легко прожевывался, а на вкус был как карамель с сырой цветной капустой. Возможно, он был ядовит, но Орка это не волновало — сейчас, во всяком случае. Если от первого куска его не затошнит, потом он съест еще.

Останки Иаджима могли послужить источником белков — хотя бы на какое-то время. Если бы Орк не знал Иаджима так близко, то, возможно, и съел бы его. Но теперь он, несмотря на предчувствие, что еще пожалеет

об этом, столкнул ополовиненное тело в ручей, и вода унесла его прочь.

Орк решил оставаться на месте, пока его раны не заживут настолько, чтобы он снова мог ходить. На это требовалось, по его расчетам, дня три. Все это время он будет есть, спать, пить воду и надеяться, что его не застанет здесь какой-нибудь хищник. Время он мог отсчитывать только по периодам своего сна и бодрствования. За тот срок, который, по его оценке, и составил три дня, Орк обследовал, передвигаясь в основном на цыпочках, по четверти мили в обе стороны. Все везде было точно таким же, как около врат. Осмотрел он и врата. Металлическая рама выглядела так же, как и по ту сторону. Орк сплел веревку из омутида и бросил один конец во врата. Кусок, прошедший сквозь них, отрезало.

Из-за ран Орку приходилось спать ничком на твердом кристаллическом полу. От неудобства такого положения он то и дело переворачивался во сне и просыпался от боли. Хорошо было лишь то, что температура воздуха оставалась ровной. Сам же воздух не застаивался, Орк чувствовал медленное его движение вдоль туннеля.

Каждый «день», проснувшись, Орк снимал подушки омутида с ран и заменял их свежими. Они отрывались с трудом, точно и вправду приклеенные. Раны заживали, но кожа вокруг них покрылась многочисленными красными пятнышками. Выглядели они так, будто омутид присасывается к коже крохотными щупальцами, а на изнанке зеленых нашлапок явственно просматривался красноватый слой. После трех дней Орк пришел к выводу, что омутид высасывает из него кровь, хотя и в малых количествах. Он чувствовал, что силы его поубавились с тех пор, как он вступил в этот мир. Возможно было, конечно, и то, что в его диете недоставало витаминов и минералов.

Однако теперь Орк уже мог ходить почти без боли и сидеть несколько минут подряд — потом все-таки приходилось вставать. И после очередного сна он двинулся вверх по ручью так же инстинктивно, как лосось, идущий на нерест. Туннель шел все прямо и прямо миль двадцать — Орк преодолел это расстояние, сделав перерыв на сон

только раз. Освещение оставалось ровным, как и все это время. Глубокую тишину нарушала только пульсация крови в ушах. Чтобы избавиться от этого звука, Орк говорил сам с собой или пел песни.

Компанию ему составляли чувство одиночества и мысль, что он может остаться здесь до самой смерти. Он вполне бы обошелся без такой компании.

Наконец он пришел к развилке туннеля. В этом месте под стеной бурлил кипящий пруд. По одной стороне каждого из коридоров тянулась мелкая канава с водой, впадавшая в пруд, но, судя по бурлению и пузырям, заводь питал еще и родник.

Орк пошел по правому коридору, который становился все шире и вскоре стал таким же, как главный туннель. Орк шагал, напевая песню, которой научила его в детстве мать. Внезапно он остановился и уставился на левую стену. Что-то промелькнуло по ней и привлекло его внимание.

Что бы это ни было, оно пропало, но теперь Орк, продолжая идти, не отрывал глаз от стены. И вскоре снова остановился. Не может быть, чтобы его мозг играл с ним такие шутки, разве что он свихнулся от одиночества. По стене довольно быстро двигалась вереница больших черных знаков. Они шли откуда-то сзади и уходили вперед, насколько видел глаз.

Потом знаки исчезли на несколько минут. А может быть, на час. Орк потерял всякое чувство времени. Он осознавал, что время как-то идет, только когда считал секунды и минуты.

После перерыва строка побежала снова — знаки повторялись в различных комбинациях, порой скрываясь из глаз под омутидом и светильниками. Когда мимо пронеслось несколько сот символов, строка погасла. Орк пошел дальше. Вскоре по стене побежали новые серии знаков. На этот раз Орк считал. Передача продолжалась тридцать одну секунду.

Если это сообщение, то передается оно медленно. Но сам Орк прибавил шаг. Ни один естественный процесс не может произвести таких четких и разнообразных фигур, расположенных явно в искусственном порядке.

Через несколько минут промелькнула еще одна строка таких же знаков, построенных в той же последовательности. И стена погасла окончательно.

Орк торопливо шел вперед. Туннель постепенно загибался вправо, пока не оказался под прямым углом к первоначальному направлению. Когда Орк очень устал, он останавливался и ел. Его уже тошнило от вкуса карамели с цветной капустой.

Джим Гримсон так же объелся омутидом, как и Орк. Ведь когда Орк ел, ел и Джим. Все проблемы Орка были проблемами Джима. Но у Джима имелись еще и свои. Мозг-призрак, его таинственный сосед, вроде бы рос. Теперь, когда Орк просто сидел и жевал, он не испытывал никаких сильных эмоций, хотя его сознание и работало. Поэтому Джим получил возможность сосредоточиться на собственных мыслях и совершить то, что задумал. Но все-таки он оставался наполовину Орком — и когда молодой властитель придет в возбуждение или раздражение, он снова почти полностью поглотит Джима.

Джим «придвинулся» поближе к мозгу-призраку. Тот «отступил». Никакого передвижения в физическом смысле не произошло — бестелесные, лишенные органов чувств существа не могли ни двигаться, ни видеть, ни слышать, ни осязать. Джим, однако, «знал», что сам он продвинулся, а мозг-призрак отступил.

Джим продолжал двигаться к нему, а призрачная сущность продолжала пятиться. Может быть, мозг-призрак боится Джима? Может, Джим для него опасен? Если так, нужно будет изыскать способ атаки. Легко сказать...

Орк поспал, поел почти без аппетита и пошел дальше. Внезапно туннель влился в громадную мерцающую пещеру. Здесь было гораздо больше светящихся растений на квадратный фут, и они были крупнее, чем в туннелях. И — какое счастье — здесь был звук! Среди растений обитало множество мелких птиц или животных — и все они щебетали, вопили, трубили и каркали.

Такие создания мог бы изобразить Тенниэл, иллюстратор «Алисы в Стране чудес», если бы находился под влиянием ЛСД. Могло их также создать божество, которое поклонялось Эвклиду. Вокруг кишели многоугольники,

кубы на ножках и призмы на колесиках, покрытые узорами из треугольников, кругов, квадратов и крестиков.

Растения выглядели так, словно частично состояли из кристаллов. На некоторых росли ягоды или многогранные плоды. Зеленый омутид был повсюду — на полу, стенах и потолке. Потолок находился почти в ста футах над головой, а сама пещера уходила далеко за пределы зрения.

Стоя на карнизе футов в двадцати над полом пещеры, Орк видел внизу несколько больших ручьев. Они текли не прямо, как в туннелях, а извивались, как естественные потоки.

Орк пришел в восторг от звуков, издаваемых живыми существами. А вскоре его потрясло до глубины души появление человека. Человек был наг и медленно шел через лес к Орку, очевидно, еще не сознавая, что кто-то вторгся в его экзотический Эдемский сад.

Орк едва удержался, чтобы не броситься прямо к незнакомцу. Но вместо того он присел за валуном и стал наблюдать, как тот идет между растениями. В этой фигуре было что-то странное — как-то не совсем по-человечески она была устроена. Человек шествовал неторопливо и чинно, словно этот мир принадлежал ему — так, по всей вероятности, и было. Он подошел поближе, и теперь Орк мог получше рассмотреть его лицо и тело.

Он шел так медленно и важно потому, что иначе ходить не мог. Все его суставы — плечевые, тазобедренные, локтевые, коленные и кистевые — были выпуклыми и поблескивали. А голова, шея и туловище были крупнее, чем у нормально сложенного человека.

Орк потряс головой, чтобы избавиться от мгновенной иллюзии. Воображение Орка снабдило человека тем, чего у него на самом деле не было. Там, где Орку померещились мужские половые органы, было гладкое место, усыпанное сверкающими кристаллами. Он был не он, а оно — андроид.

Оружия, однако, при нем не было. Орк встал и окликнул его, сложив руки у рта. Андроид остановился — казалось, испуга он при этом не испытал. Его рот приоткрылся — это могло изображать улыбку; зубы сверкали, как бриллиантовые.

Орк спустился вниз и пошел к незнакомцу, который так же неспешно двинулся ему навстречу. В десяти футах друг от друга они остановились, и Орк произнес по-тоански:

— Коовар!

— Коовар-су шеманитоон — привет и мир тебе! — ответило существо.

Зубы у него в самом деле были алмазные, изготовленные, как видно, на биофабрике и обработанные под человеческие резцы, клыки и коренные зубы.

— Несс Орк,— сказал молодой человек.— Я Орк.

— Несс Дингстет.

Этого имени Орк никогда раньше не слышал. Речь существа была немного затруднена — из-за алмазных зубов, определенно.

На быстрый град вопросов Орка Дингстет отвечал медленно. Постепенно Орк узнал, что мир этот создал властитель по имени Зазель. Зазель из Пещерного мира. Он же создал и Дингстета, который теперь был единственным разумным существом во всей вселенной. Мир представлял собой скалу, пронизанную туннелями и пещерами — некоторые площадью до тысячи квадратных миль. При этом он был, в каком-то смысле, живым, хотя разумом, кажется, не обладал — а если и обладал, то не давал знать об этом Дингстету.

— Это огромный минерально-протеиновый компьютер, в котором существуют самые разные формы жизни. Половина здешней флоры и фауны — это симбионты мира Зазеля. Я тебе после объясню. Компьютер обнаружил твое присутствие и предупредил меня. Я теперь, собственно говоря, властитель этого мира, хотя и не создавал его. Возможно, ты видел сообщение, бегущее по стене? Этот компьютер работает очень медленно.

— Видел. А что же случилось с Зазелем?

— Он убил себя, лишившись разума — или, скорее, став еще безумнее, чем был. Я думаю, он давно уже сошел с ума. Кто еще мог создать такой мир, как не сумасшедший? Но умер он легкой смертью. Он позволил компьютеру высосать свою кровь — всю до капли. Потом я, как он мне приказывал, кремировал его.

Дингстет оглядел Орка с ног до головы и сказал:

— Повернись, пожалуйста.

— Это еще зачем?

— Потом скажу. Пожалуйста, сделай, как я прошу.

Нахмурившись, Орк повернулся к нему спиной. Он никогда не подчинялся никому, кроме своих родителей — и даже им в последние годы неохотно. Он властитель, и приказывают властители — не созданные ими существа.

Кивнуть Дингстет не мог, поскольку этому препятствовало вздутое кольцо на месте шеи, но сказал:

— Хорошо! Пока никаких следов кристаллизации нет.

На обеспокоенный вопрос Орка он ответил:

— Если ты достаточно активен, твой обмен веществ может отсрочить кристаллизацию твоего тела. Но тебе нужно спать, и как раз во время сна твои клетки медленно превращаются в камень.

— Что же это за мир такой? — сказал Орк и решил про себя, что уберется отсюда как можно скорее. — И почему же не кристаллизировался ты?

— Зазель вложил в меня сопротивляемость, создал биологическую защиту.

— Есть ли врата, через которые можно выйти из Пещерного мира?

— Возможно, и есть. Я могу выяснить это для тебя. Я имею доступ ко всему огромному массиву данных, которые скопил в этом мире Зазель.

Орк не привык просить, но ситуация требовала, чтобы он смирился. Он не собирался рисковать своим выживанием только лишь ради гордости. Придется склониться, не ломаясь, впрочем, при этом.

— Ты сделаешь это для меня?

— Отчего же нет? Сделаю, если только не обнаружу причину этого не делать, или если такая причина не найдется в компьютере.

— Спасибо тебе. Но ответь мне сначала на один вопрос. Как сумел Лос проникнуть в этот мир и поставить врата, через которые я сюда вошел?

— Лос?

Орк рассказал свою историю.

— Вот в чем фатальный изъян тоанской цивилизации,— сказал Дингстет.— В том, что дети властителей желают безраздельно править в своих родных мирах. Желание это было понятно и осуществимо в старину, когда у властителей имелись средства для создания новых миров. Тогда дети, становясь взрослыми, могли перейти из родительских вселенных в собственные. Теперь же они вынуждены оставаться в пределах уже созданных миров. Если бы они знали, что средства для создания новых миров все еще существуют, не стали бы они предаваться своим кровавым ссорам. Ты сам знаешь, что войны за обладание мирами значительно сократили число властителей, они же причина твоего нынешнего бедственного состояния. Будь у тоан логика, они могли бы преодолеть этот дефект своей цивилизации.

— Погоди! — заволновался Орк.— Ты сказал, что средства для создания новых миров еще существуют? Но где?

— Здесь. Я не имею в виду сами машины творения. Но в этом мире хранятся данные, позволяющие построить новые машины. Есть не только инструкции, как ими пользоваться, но и указания по изготовлению необходимых материалов, по конструированию аппаратов и по обеспечению их энергией. Ну и так далее.

— И ты имеешь ко всему этому доступ?

— Разумеется.

Орк потряс головой и закатил глаза.

— Подумать только! Считалось, что эти знания утеряны много тысяч лет назад, а они здесь! В этом затерянном, нежеланном мире!

— Здесь не так уж и плохо,— сказал Дингстет.

— Извини, если я задел твои чувства. Я пробыл здесь недолго и не могу судить о мире на основе столь краткого опыта. Но ты и сам понимаешь, что этот мир не для меня. И потом, мне не терпится вернуться в свой мир по причинам, которые я тебе объяснил.

— Понятие мести мне чуждо,— сказал Дингстет.— В меня не заложена способность к мщению. Я думаю, это к лучшему. Кстати, видеоматериалы о твоём отце, устанавливающем врата, имеются в памяти мира. Хочешь посмотреть?

— Интересно, как это он сумел войти в этот мир и выйти из него.

— Это я его впустил. Я любопытен по натуре, и мне захотелось поговорить с ним и узнать, что он за человек. Он был первый за многие века, кто захотел войти сюда. Зазель не играл в ваши тоанские игры. Он не ставил во вратах ловушек, но отпереть их можно лишь с этой стороны. Я позволил Лосу войти, но он меня разочаровал. Он сказал, что спешит, и обещал вернуться после. Он так и не вернулся, а было это пятьсот лет назад. Стало быть, ему нельзя доверять. Его имя, когда ты его называл, ни о чем мне не сказало. Но во время разговора я вспомнил о нем...

— Ведь ты не говорил ему об информации, касающейся машин творения, нет? — спросил Орк.

— Нет. Мы не коснулись этой темы во время наших кратких бесед. Я сказал бы, но...

— Дингстет, слушай меня! Выслушай мой совет и предостережение! Никогда и никому не говори больше об этих машинах! Если ты это сделаешь, тебя могут убить, когда ты поделиться своими знаниями. Есть много тоан, которые хотели бы завладеть этой тайной и сохранить ее для себя! Они будут пытаться тебя, а потом убьют.

— А ты? — сказал Дингстет.

— Я буду очень благодарен, если ты покажешь мне эту информацию, а потом откроешь врата и дашь мне пройти в мир Лоса.

— Ты не ответил на мой вопрос. Боюсь, это значит, что ты скрываешь от меня какие-то свои намерения и замыслы. Я недостаточно хорошо тебя знаю, чтобы понимать. Но если ты таков, как большинство властителей, за славным исключением Манату Ворсион, ты тоже, наверное, захочешь убить меня, когда узнаешь все, что можно, о машинах творения.

Орк принужденно рассмеялся и сказал:

— Поистине Зазель создал тебя прямым и чрезвычайно откровенным!

— Если бы я рассказал тебе, как пользоваться этим миром, вернее — как сотрудничать с ним, тебе пришлось

бы отдать немного крови за нужную тебе информацию. Надо приложиться лицом к монитору ввода и позволить ему сосать твою кровь, пока он не выдаст тебе требуемого. Но компьютер не отпустит тебя, если ты не знаешь кода, а его-то я тебе и не скажу. Тебя высосало бы насуху.

— Ты просто скажи мне, как выйти. Это все, чего я хочу.

Орк думал — его мысли были открыты для Джима, — что когда-нибудь вернется сюда на небольшом танке и получит эту информацию. Дингстет единственный, кто может его впустить, но Орк его уж как-нибудь уговорит. А не то вернется через ворота каманбуров.

— Почему ты впустил моего отца? — спросил Орк. — И почему позволил ему поставить ворота, которые убивают тех, кто пытается сквозь них пройти?

— А мне что за дело до этого? Ты пока что первый властитель, который через них прошел. Твоему родственнику Иаджиму пройти не удалось, и следующему, кто попытается, вряд ли удастся. Интересно будет понаблюдать за твоими последователями, если такие найдутся.

Орку не хотелось долго обсуждать эту тему. Дингсету, чего доброго, еще вздумается убрать ворота, если он сочтет, что ему оттуда грозит опасность. Правда, вряд ли он сумеет это сделать. Да и Лос, должно быть, закодировал ворота так, что любой, кто попытается их снять, будет убит.

Дингстет, казалось, тоже глубоко задумался. Внезапно он сказал:

— Я тоже пойду с тобой!

Удивленный Орк после долгого молчания спросил:

— Зачем?

— Об этом мире я все уже знаю. Он мне наскучил. Зазель не позаботился сделать меня скукоустойчивым. Что же до одиночества, то оно мне неизвестно. Зазель создал меня так, что это чувство, испытываемое каждым человеком, мне чуждо. О том, что оно существует, сообщил мне мой мир, но само чувство мне незнакомо. А вот любопытство у меня сильно развито. Мне нужны другие миры, чтобы насытить его. Поэтому я пойду с тобой. Ты мог бы стать моим проводником и наставником, пока я не научусь действовать самостоятельно. В обмен на твою услу-

гу я пропущу тебя во врата и сообщу много ценной информации.

До чего же он наивен, подумал Орк. Какими бы знаниями ни обладал Дингстет, во многих отношениях он полный профан. Он не знает, что в мире Орка станет для Орка обузой. Не может Орк допустить, чтобы он расхаживал повсюду — еще возьмет и расскажет туземцам, что сын Лоса вернулся и жаждет мести. Кроме того, Орку выгодно, чтобы Дингстет остался в Пещерном мире. Он должен открыть Орку врата, когда тот вернется за машиной творения. Которую можно превратить в машину уничтожения, вспомнилось Орку — так утверждают историки.

Орк решил не перечить Дингстету до самого последнего момента. Может, еще удастся убедить андроида остаться здесь и заодно взять с него обещание впустить Орка, когда тот придет в следующий раз.

— Подожди здесь,— сказал Дингстет.

Через десять минут он вернулся. Орк хотел было проследить за ним, но решил этого не делать. Насколько он успел понять, здешние стены в союзе с Дингстетом — их мониторы засекут, что Орк за ним следует, и доложат ему.

— Я отдал немного крови, и мир согласился открыть для нас врата,— сказал андроид. На верхней губе у него была маленькая ранка.— Пойдем.

Орк последовал за Дингстетом в другой конец пещеры, а потом в туннель. Минут через тридцать Дингстет остановился. Орк посмотрел вокруг. Это место ничем не отличалось от других. Но Дингстет положил руку на стену, свободную в этом месте от вездесущего омутида, и через несколько секунд сказал:

— Врата открылись.

Орк по-прежнему не видел перед собой ничего, кроме мерцающих кристаллов, и уже собирался об этом сказать, когда Дингстет погрузил в камень руку по самое свое кольцообразное запястье.

— Видишь?

— Проходи же,— сказал Орк не столько из вежливости, сколько из осторожности. Он все еще не доверял Дингстету — тот мог заманить его в смертельную ловушку.

— Хорошо. — Голос Дингстета напрягся, и лицо приобрело непонятное выражение.

Он шагнул вперед, но остановился, уткнувшись носом в стену. И долго стоял так, к недоумению Орка. Потом отступил, поразмыслил и снова шагнул вперед — чтобы снова остановиться в полудюйме от стены. И наконец простонал:

— Не могу!

— Почему? — Орк укрепился в своем недоверии. Возможно, ловушка находится по ту сторону врат.

— Я боюсь, — сказал Дингстет, — боюсь в первый раз в жизни. До сих пор я не ведал, что такое тревога и страх, хотя и знал эти слова из компьютера. Зазель, должно быть, заложил в меня эти эмоции потому, что существо, лишённое страха и осторожности, обречено на гибель. Как только мы направились к вратам, я начал испытывать нечто очень странное. Сердце забилося, желудок съежился и стал сворачиваться в комок, и я начал дрожать. Чем ближе мы подходили, тем сильнее становились эти симптомы. А сейчас...

Он застучал зубами. Орк с тех пор никогда не мог забыть звук, с которым алмаз стучит об алмаз. Наконец Дингстет немного овладел собой и перестал трястись.

— Я не могу! — ноющим голосом сказал он. — Мне кажется, я буду уничтожен, как только пройду на ту сторону! Мне кажется... кажется, будто там меня ждет бездонная пустота! Ступив во врата, я упаду в безмерное пространство и буду падать и падать без конца! А потом достигну дна и разобьюсь на тысячу кусков! Ну не странно ли! Я ведь не знаю даже, что такое большое пространство. Я прожил в этом замкнутом и упорядоченном мире всю мою жизнь и не имею понятия, на что похоже настоящему большое пространство!

— У тебя острый приступ агорафобии и акрофобии, — сказал Орк. Он не был уверен, что Дингстет не ломает комедию, чтобы заставить его пройти первым.

— Да, я знаю эти слова, но не знал до сих пор, что они означают на деле! Что это такое — страх перед неизвестным! Не могу я покинуть этот мир! Не могу, вот и все!

Орк и не собирался его уговаривать. Напротив, следовало воспользоваться моментом, пока у Дингстета мозги идут кругом, точно на центрифуге.

— Слушай, Дингстет! Покинуть этот мир тебя побуждают любопытство и желание узнать новое. Это положительные черты. А твой избыточный страх перед неизвестным — черта отрицательная. Страх этот вызван твоей больной психикой, и я понимаю, что сам ты его преодолеть не в состоянии. Так вот — когда я вернусь, а я обещаю, что вернусь, то принесу с собой лекарство, способное победить твой страх. Ступай тогда на все четыре стороны и делай, что хочешь.

— Это было бы очень любезно с твоей стороны. Только... я не уверен, что есть лекарство, способное победить такой страх.

— Оно есть, уверяю тебя.

— И я не уверен, что захочу принять такое лекарство. Вдруг оно толкнет меня сделать то, что меня убьет!

— Я его принесу, а ты хочешь принимай, хочешь нет — воля твоя.

Орка не волновало, примет Дингстет наркотик или нет. Все, что ему было нужно, — это чтобы Дингстет впустил его во врата. А сейчас придется рискнуть. Взять бы Дингстета и швырнуть во врата для верности — но этого делать нельзя. Если Дингстет умрет, некому будет впустить Орка обратно. Если же во вратах нет ловушки, Дингстет придет в ужас, будет смертельно обижен — и никогда больше не впустит Орка.

— Я принесу тебе лекарство, — сказал Орк.

— Я открою тебе, чтобы испробовать, думаю, что открою. Всего тебе хорошего, Орк, сын Лоса и Энитармон!

— И тебе тоже, — сказал Орк и прошел сквозь кристаллическую стену.

Глава 24

Но оказался он не в мире Лоса. Отец сказал неправду о том, что врата с Антемы выведут Орка в родную вселенную. Лгал Лос или сам заблуждался?

Из Пещерного мира Орк вышел в мир, который местные жители называли Лактер. Вскоре Орк понял, что тоанам он известен под именем Ядавин Тар — мир Ядавина. Когда-то это был мир Туллоха — Туллох Тар. Но Ядавин разгадал ловушки в его вратах, и Туллоху пришлось спасаться бегством.

На Лактере казалось, что звезды порхают в ночном небе, как светляки. Орк употребил слово «казалось», потому что в карманных вселенных существовало множество иллюзий. Врата вывели его в пещеру у подножия горы на большом тропическом острове. Орк вышел через джунгли на берег моря. Понаблюдав несколько дней за туземцами, он открылся им. Это был мирный и дружелюбный народ, хотя некоторые их обычаи представлялись Орку странными и чересчур жестокими.

Язык поашенков не имел ничего общего с тоанским. Орк освоил его довольно быстро, хотя некоторые звуки были ему незнакомы. Он жил в хижине из стеблей растения вроде бамбука, оплетенных травой, с миловидной женщиной, охотился, ловил рыбу, досыта ел, много спал и заживлял свои раны. Душевные раны заживали не так легко, как телесные. Несмотря на кажущееся терпение, Орк горел желанием разыскать следующие врата. Хорошо овладев языком, он стал расспрашивать всех, кто хоть что-то знал о мире за пределами острова. Сведения были скудны и больше походили на легенду.

Тем временем его темнокожие друзья предложили ему наркотик под названием афлатук, сделанный из сока трех растений. Орк пил его, а также курил измельченную кору дерева сомакатин. Оба снадобья вызывали у него приятное, мечтательное состояние, когда движения и мысли делаются медленными. Вкус плода или жареного мяса держался во рту часами. Оргазмы охватывали вечность от края до края. У вечности, как известно, нет ни начала, ни конца — для тех, кто не пьет афлатук и не курит сомакатин. Те же, кто делает это, видит начало и конец того, у чего нет ни начала, ни конца.

Следовало бы попробовать эти наркотики раз или два, а потом бросить. Но их употребление не оставляло последствий, и Орку сказали, что к ним не привыкают.

Только через некоторое время он заметил, что взрослые члены племени не отличаются хорошей памятью. А у его жены произошел выкидыш, что, как выяснилось, было здесь довольно частым явлением. Тогда эти факты не слишком обеспокоили Орка. Но когда он несколько раз промахнулся на охоте — а ведь он всегда был превосходным лучником, — его охватила тревога. Потом он начал забывать всякие важные вещи, и это встревожило его еще больше. Но все это со временем прошло.

В определенные дни года поашенки отправлялись в другие деревни большого племени сквамапенк — объединения мелких племен — на ритуальные празднества или просто поразвлечься. Орк заметил, что все пять мелких племен, собирающихся там, одинаково привержены к афлатуку и сомакатину.

Лишь после пятого праздника он ощутил смутное беспокойство. Открытие пришло к нему не сразу, а придя, поразило его, хоть и не сильно. Они наркоманы. Все, кто употребляет эти наркотики, уже не могут без них обойтись, включая и его самого!

В ту ночь, несмотря на мучительное искушение выпить афлатук и покурить кору, Орк устоял. Ни с кем не попрощавшись, он вышел в море на своем челноке. Он взял с собой воду и пищу, но наркотики не захватил.

На следующий день он пожалел, что не взял афлатук и сомакатин. Как он мог быть так глуп? К ночи он уже корчился в судорогах, и ветер уносил его крики, которые слышал только он да морские птицы. Его отнесло далеко от острова, и он не имел понятия, где искать другую землю. Волей-неволей приходилось подвергаться мукам резкого отвыкания.

Джим Гримсон тоже страдал и мучился, он тоже, фигурально выражаясь, кусал свои запястья и впивался пальцами в плоть. Он, как и Орк, вопил, он видел демонов, встающих из моря, и огромные, грозные призрачные фигуры, глядящие из туч, он чувствовал, что его мускулы вгрызаются в кости, выплевывая их прочь, а кости в это время пытаются прорваться сквозь плоть и кожу.

В промежутках между этими пытками Орк, а с ним и Джим, впадали в бездну депрессии. Орк видел самого се-

бя — призрак сидел на носу лодки и скалился. Как ни странно, это видение открыло ему, что он получает извращенное удовольствие от своих страданий.

Орк чуть было не прыгнул в море, чтобы покончить со всем этим.

И вдруг его муки прекратились. Тело очистилось от наркотиков. Он ослабел, исхудал и испытывал жажду, потому что долго не пил и не ел, но выиграл свою битву. Нет, не битву, а войну. Он поклялся, что никогда больше не притронется к наркотикам.

К несчастью, во время бреда он выбросил за борт все запасы еды и питья, и теперь приходилось вести новую войну — против жажды и голода. Орк проиграл бы ее, если бы его не подобрал корабль. Но оказалось, что это судно работорговцев. Орка заковали и бросили в трюм к сотням других несчастных.

Работорговцы были очень высоки ростом и проживали в восточной части большого материка, о котором говорили Орку поашенки. Кожа у них была светлее, чем у островитян, а оружие сделано из стали. Судно было оснащено парусами, но на случай штиля имелись также и весла.

Эти пираты совершили два набега на какой-то большой остров и, набив свой корабль до отказа рабами, пошли на север — плавание продолжалось три недели. Орк пережил ужасы трюма, но не был уверен, что переживет само рабство. Его продали на плантацию, где выращивалось что-то похожее на коноплю, и отправили работать в поле. Работа от зари до темна под убийственным солнцем, дурная пища, беспрестанные унижения, недремлющие бичи надсмотрщиков — все это подвергало тяжким испытаниям его терпение и выносливость.

Орк знал, как карается недостаточно наглядное и полное послушание. Знал, что бывает за возражение надсмотрщику и даже за случайный угрюмый взгляд, — знал и все же с большим трудом переламывал себя. Он внимательно наблюдал за всем, что его окружало, и искал пути к побегу.

Джим Гримсон не только разделял страдания Орка — у него были еще и свои. Он никак не мог оторваться от Орка, каким бы испытаниям и опасностям тот ни подвер-

гался. Еще когда Орк переживал ломку, Джим решил, что с него хватит, и прочел возвратное заклинание. Но оно не подействовало. Придя в ужас, Джим повторял волшебные слова снова и снова — но освободиться не мог. Его поглотили без остатка муки рвущегося на части тела и лихорадочные кошмарные видения. Он стал слишком Орком, чтобы быть Джимом Гримсоном.

Когда ломка завершилась, Джим подумал, что теперь-то можно вернуться на Землю, но решил задержаться еще немного. Он выдержал корабль работорговцев, поскольку сам Орк не находил это испытание совсем уж невыносимым. По той же причине Джим остался с Орком, когда тот стал работать на плантации.

В один прекрасный день Джим решил: хватит, сколько можно. Пора уходить. Вернусь потом, когда ситуация изменится к лучшему.

И снова Джим пришел в ужас, потому что не мог вырваться. Только на этот раз его не пускал мозг-призрак. Он придвинулся к Джиму и «схватил» его своими призрачными клешнями. Джим почему-то знал, что это именно клешни, вроде крабьих — мозг-призрак отрастил их и теперь использовал против него.

Больше мозг-призрак ничего не делал. Казалось, он пока довольствуется тем, что держит Джима. Сам Джим довольства далеко не испытывал. Он вырывался. Он читал заклинания. Он беззвучно взывал к Богу, в которого не верил. Все напрасно.

Вскоре после этого Орк взбунтовался. Он не намеревался этого делать — просто он перешел, или его вынудили перейти, предел своего терпения. Его надсмотрщик, Нагер, питал неприязнь ко всем рабам своей партии, но особенно невзлюбил Орка. Он издевался над белой кожей Орка, плевал в него, хлестал его чаще, чем других рабов, и за меньшие провинности, и всегда взваливал на него двойной урок.

В середине дня, когда Нагер велел водоносу не давать Орку воды, потому что тот пить не хочет, Орк выхватил все ведро и поднес его ко рту. В следующий миг Нагер сбил его с ног, ударив ногой в живот. А после взялся за бич. Молодой властитель вынес шесть ударов, прежде чем

глаза ему застлало красным. Он ринулся вперед в алом облаке, которое окутало все вокруг, и лягнул Нагера в пах.

Прежде чем подоспели другие надсмотрщики и стражники, Орк свернул Нагеру шею.

Орк отчаянно боролся — он убил стражника и изувечил одного надсмотрщика, но его все же одолели и свалили наземь. Главный надсмотрщик, бледный под темной кожей, чуть ли не с пеной у рта, приказал обезглавить Орка немедленно.

Рабы, согнанные смотреть казнь, образовали круг, в центре которого был Орк и те, кто его держал. Рабы стояли молча, но на их лицах читалась ненависть. Любой из них поступил бы так же, как Орк, — вот только смелости не доставало.

Орка поставили на колени, скрутив руки за спиной, и пригнули вперед. Главный надсмотрщик приближался к нему, обнажив свой длинный меч.

— Держите крепко! — говорил он. — Один удар — и я отнесу его голову хозяину!

Ужас Джима не поддавался описанию. Если Орк умрет, умрет и он. Джим был убежден в этом. Он выкрикнул освобождающее заклинание и сделал самое большое умственное усилие в своей жизни, хотя в последнее время только этим и занимался.

У него возникло ощущение, что он летит сквозь бесцветную пустоту. Не черную — бесцветную. Холод обжигал его. А потом он оказался в своей комнате.

В ней горел свет. Джим стоял на ногах, нагнувшись вперед, и держал за горло Билла Крэнама, больничного охранника. Билл перегнулся назад, стоя на коленях, глаза у него выкатились из орбит, лицо посинело, а руками он стиснул запястья Джима.

Кто-то орал в голос, требуя, чтобы Джим отпустил Крэнама.

Глава 25

. Два удара дубинкой по локтям парализовали руки Джима, и они сами собой отпустили горло Крэнама. Теперь самого Джима захватили сзади за шею полусогнутой ру-

кой, оттащили его, полузадушенного, от Крэнама и швырнули на пол. Над ним стоял второй охранник, Дик Мак-Донрах, с поднятой дубинкой.

— Лежи тихо, черт бы тебя взял, лежи тихо! — хрипло говорил он.

Несмотря на предупреждение, Джим сел. Он был голый. Перед последними двумя вхождениями он снимал с себя одежду, считая, возможно неверно, что она препятствует переходу.

— Что случилось? — просипел Джим, глядя снизу на Мак-Донраха и ощупывая шею.

— Мы проводим внеплановый шмон, ищем наркотики, — сказал охранник. — Ты сидел на стуле и вроде бы ничего не слышал. Мы обыскали твою комнату — и вот что нашли!

Дик полез в карман и достал пластиковый пакет с черными капсулами.

— Допинг! — торжествующе сказал он.

Джим чувствовал себя отуманенным и отупевшим.

— Это не мои! — сказал он — Клянусь, не мои!

Уголком глаза он видел лица в дверях. Он повернул голову — там толпились больные в пижамах и халатах. У Санди Мелтон был очень опечаленный вид, Джилмен Шервуд ухмылялся.

Билл Крэнам, осторожно ощупывая шею, нетвердо встал и подошел к Мак-Донраxu.

— Господи Христе, Гримсон! — проскрипел он. — Что это на тебя нашло? Я еле-еле тебя растолкал, а потом ты взял и кинулся на меня! За что? Уж мы, кажется, всегда были добрые приятели.

— Извини, Билл, — сказал Джим — Я был еще там в другом мире. Здесь присутствовал только частично. И не сознавал даже, что делаю.

— Боже праведный! — сказал Мак-Донрах. — Да у меня вся рубашка в крови!

Джим видел кровь, но в голове у него это не отложилось. Он пребывал в полном оцепенении — он мог бы поклясться, что спустил «черных красоток», которых дал ему Шервуд, в унитаз.

— Это ты испачкался, когда схватил Джима сзади,— сказал Билл и зашел Джиму за спину.— Иисус-Мария-Иосиф! У тебя из спины кровь хлещет, как из зарезанной свиньи! Откуда взялись такие глубокие раны? Мы не при-трагивались к твоей спине, могу поклясться на целой куче Библий!

Теперь Джим почувствовал боль от рубцов и мокрое соленое жжение текущей крови.

— Это...— начал он и умолк. Как объяснишь такое? Да пока что ему и не надо этого делать. Главное сейчас — это разобраться, как попали наркотики к нему в комнату. Сукин сын Шервуд определенно приложил к этому руку! Но зачем ему кого-то подставлять? И как он это сделал, если это он?

Мак-Донрах, толстопузый здоровяк средних лет, повел Джима в ванную и поставил его спиной к зеркалу. Джим, вывернув шею насколько возможно, осмотрел свою спину. На ней было самое малое шесть длинных и глубоких рубцов. Их нанес Орку бич надсмотрщика, но они отпечата-лись и на спине у Джима. Кровь только-только начала запекаться.

— Я тебя помою,— сказал Мак-Донрах.— Только не делай резких движений. Не доверяю я тебе.

— Я ж не сумасшедший,— сказал Джим.— Просто я был погружен, весь ушел туда. Я даже не знал, что делаю. И эти капсулы, Мак, не мои. Кто-то хочет меня подста-вить.

— Все так говорят.

Мак стер полотенцем кровь, потом обмыл рубцы водой и просушил бумажными салфетками. Потом еще протер раны спиртом. Джим стиснул зубы, но не издал ни звука.

— Тебе надо будет сходить в травматологию, там об-работают как следует,— сказал Мак-Донрах с ухмылкой, точно ему доставляло удовольствие делать Джиму боль-но.— Но, думаю, теперь инфекция тебе не грозит. Наде-вай халат и шлепанцы.

— Ладно. Но я эти капсулы не покупал и не прино-сил их сюда. Честное слово.

— Ишь, невинная овечка! В твоём возрасте невинных уже не бывает.

— Философ хренов! — прорычал Джим.

Красный туман, окутавший Орка, теперь окружал его. Еще недавно Джиму казалось, что он сумеет сохранить хладнокровие и действовать мудро и осторожно. Но последняя реплика Мак-Донраха послужила запалом для ярости, которую Орк-Джим всегда носил в себе, точно очаг воспаления. А если прибавить к этому несправедливое обвинение в употреблении наркотиков... Джим просто вскипел.

Он сам не знал, что сделал с Мак-Донрахом. Возможно, это вообще был не он, а Орк. Как бы там ни было, он воспользовался боевыми навыками Орка. Мак-Донрах лежал лицом вверх на зеленом в белую клетку кафельном полу, теперь покрытом красными пятнами. Он был без сознания, и из уха у него текла кровь.

Джим завопил благим матом и бросился вон из ванной. Крэнам огрел его дубинкой по голове — и наступила тьма.

Когда Джим пришел в себя, он лежал навзничь на столе в травматологии, на первом этаже больницы. Спина болела, но голова болела еще сильнее. Доктор Порсена, в клетчатой шерстяной рубашке и джинсах, разговаривал с дежурным интерном. На пороге стояли двое полицейских в форме. Через несколько минут к ним присоединилась сотрудница в штатском. Она поговорила с полисменами и стала вполголоса совещаться с доктором Порсеной.

Джим перевернулся на бок, чтобы быть лицом к ним. Когда доктор и сотрудница полиции закончили разговор, во время которого оба усиленно махали руками и качали головами, Порсена подошел к Джиму.

— Ну, как ты?

— Эксельсиор! — сказал Джим. — И я не имею в виду набивку для диванов.

Порсена слегка улыбнулся:

— Все выше и выше! Мне нет нужды говорить, что ты заварил нешуточную кашу. Но думаю, мы разберемся, и не только ради того, чтобы облегчить тебе жизнь. Повернись-ка. Я хочу посмотреть на твою спину.

Джим подчинился. Порсена присвистнул.

— Откуда это? Не мог же ты сам это сделать!

— Как посмотреть. Это рубцы Орка. Он получил их от погонщика рабов за то, что вел себя дерзко.

— У тебя уже бывали стигматы, Джим.

Джим, жалея, что не видит лица Порсены, сказал:

— Да, но тогда были только кровотечения, доктор. Ран не было. Мышцы оставались целыми — кровь проступала откуда-то из-под кожи. А это настоящие рубцы, глубокие. И болят. Никакие они не психогенные, как вы, эскулапы, выражаетесь. Вы ведь не хотите обесценить мои приключения?

— Поговорим об этом позже. Надо еще разобраться в деле с наркотиками. Как я понял, ты утверждаешь, что их тебе подбросили. На ночь тебя оставят здесь для наблюдения — возможно, у тебя контузия. А я пока попробую выяснить, что произошло. Спокойной ночи, Джим.

На следующий день Джим вернулся к себе. Его рубцы прикрыли марлей, приклеив ее по краям, и они болели гораздо меньше, чем он ожидал. Кажется, он, тьфу-тьфу, обрел способность Орка быстро заживлять раны. Маловероятно, конечно, но всякое бывает.

Джим провел собственное расследование, хотя ему теперь разрешали выходить из комнаты только в столовую и на групповую терапию. Торазин*, прописанный доктором Порсеной, делал Джима чересчур послушным и путал все в голове. Несмотря на это, Джим без труда вычислил, что произошло здесь, пока он пребывал в мирах властителей (или в трансе, как полагали все остальные).

Поставщиком Шервуда был санитар Нейт Роджерс. Все пациенты об этом знали, но их «кодекс чести» запрещал информировать докторов на этот счет. Джим только раз видел, как Роджерс передавал Шервуду наркотики, но и этого хватит. Наверное, прошлой ночью неожиданный обыск застал Роджерса врасплох — и он в панике спрятал свой товар у Джима в комнате. Обитателя комнаты можно было не опасаться — Джим в буквальном смысле ушел в мир иной. А возможно, это сделал и Шервуд, чтобы навредить Джиму.

* Препарат из группы нейролептиков. (Примеч. ред.)

Чего там долго раздумывать. Перейдем к делу, возьмем быка за рога. Так поступил бы Орк — значит, и Джим Гримсон так поступит.

Время ленча еще не наступило. Джим шел по коридору, здороваясь с немногими встречными пациентами. Ни медбратья, ни санитары, которые могли бы прогнать его обратно к себе в комнату, ему не попадались. Нейт Роджерс, мужик лет под сорок, высокий и мускулистый, но при этом полный урод, стоял, прислонившись к двери бельевой. В руке он вертел сигарету, точно раздумывая, выкурить ее здесь или в предназначенном для этого месте. Увидев Джима, он улыбнулся.

— Как делишки у мальчишки?

— Хреново, сволочь ты поганая!

С этими словами Джим сгреб Роджерса в охапку, развернул его и втолкнул в дверь. Тот споткнулся и чуть не упал. Джим включил свет. Санитар, налетев на дальнюю стенку, обернулся, красный и обозленный.

— Какого черта, ты, засранец?

Джим объяснил ему, какого — Роджерс должен был бы и сам догадаться.

— Скажи Порсене, что ты сделал, или я буду бить тебя, пока не скажешь.

— Чего? Спятил ты, что ли? Да что я спрашиваю — вы ж все тут чокнутые.

— Вот-вот. Отвернешься, а мы тебе раз — и горло перережем. Мы... или я один. Так идешь ты со мной к Порсене или нет?

— Блин, да что ты знаешь, чего у тебя на меня есть? Ничего! Отвали, сопляк, а то по стенке размажу!

— Твои избитые фразы уморят меня раньше.

— Чего? Чего?

— Слушай. Хочешь верь, хочешь нет, но я знаю, как убить тебя за две секунды вот этими голыми руками.

— Врешь! — ухмыльнулся Роджерс. — Хоть ты и знал бы, все равно бы не стал! Хочешь в тюрьгу сесть до конца жизни?

— Я видел, как ты давал Шервуду наркотики. И другие ребята видели. Если они поймут, что меня подста-

вили, они забудут о своем дурацком заговоре молчания. И все расскажут.

— Ага, разбежались! Думаешь, в их интересах, чтобы поставки прекратились?

— Нелегальные наркотики у Шервуда мало кто покупает. Они останутся в меньшинстве. Ну так как? Даю тебе пять секунд. Раз, два, три, четыре, пять!

Роджерс, махая кулаками, кинулся на Джима и в следующий миг растянулся на спине с остекленевшими глазами и открытым ртом. Джим подождал, пока Роджерс не пришел в себя.

— Это я просто двинул тебя в челюсть. И здорово ушиб себе руку. В другой раз я пну тебя в живот или воткну три пальца тебе под сердце и буду давить его, пока не остановится. Мне неохота это делать, Роджерс. А вообще-то нет — это даже приятно.

Джим лгал. Ему только сейчас пришло в голову, что лучше было бы придумать какую-нибудь хитрость, чтобы заставить Роджерса сознаться, а не прибегать к насилию. Может, Орк выбрал бы такой путь? Может, он, Джим, все-таки поступает неправильно и себе же делает хуже?

Ну, теперь уж поздно. Курс взят, и обратного пути нет.

— А, вон ты как? — сказал Роджерс. — Да я просто буду лежать и не встану, пока ты не уйдешь. Или кричать начну. Тебе кажется, что ты здорово влип — вот погоди, увидишь, в каком дерьме окажешься вскорости!

Дверь распахнулась, чуть не задев Джима. Он отскочил в сторону и увидел Шервуда — тот вошел и захлопнул дверь за собой. Высокий блондин моргал глазами в удивлении и тревоге. Джим обошел его сзади и стал вплотную к двери.

— За товаром пришел, Шервуд? А я тут за тебя уже договорился!

У Роджерса в карманах определенно есть что-нибудь для Шервуда. Не раздумывая, Джим толкнул юного торговца вперед, выскочил в коридор, захлопнул дверь и навалился на нее всем телом. Мимо шла Санди Мелтон, и он велел ей сбегать за охраной.

— Скажи, что я поймал Шервуда и Роджерса на сделке с наркотиками!

— Как, ты их выдаешь? — смутилась Санди. — Но ведь...

— Тут уж либо мне задницу поджарят, либо им. Чеши давай!

Она вернулась через минуту вместе с охранниками Элиссой Радовским и Айком Вамасом. Джим с трудом удерживал дверь, которую Шервуд пытался выломать.

— Скорее! Роджерс и Шервуд рассчитываются там внутри! Я их поймал! Быстрее, пока Роджерс не запрятал товар!

Джим отпер дверь и распахнул ее, отступив в сторону. Шервуд вывалился наружу на четвереньках. Охранники ворвались в комнату. У Роджерса в руке был пустой пластиковый пакет — он определенно только что проглотил его содержимое. Такое можно было сотворить только в полнейшей панике, и Роджерсу это все равно не помогло. Охранники извлекли еще шесть мешочков из внутреннего кармана его белой куртки. А потом забрали его в травматологию промывать желудок, чтобы транквилизаторы, которых он наглотался, не убили его.

Шервуд совершил большую ошибку, когда охранники уводили Роджерса. Он привстал с пола и ухватил Джима за мошонку. Не успев сжать кулак, он получил такой удар ребром ладони по лбу, что шея у него выгнулась назад и он завопил. Через несколько минут Шервуд в смиренной рубашке отправился вслед за Роджерсом.

Джим прислонился к стене, трясая головой и отдуваясь. Красное облако снова застлало его разум, и он двинул бы Шервуда ногой по ребрам, если бы Санди Мелтон не вцепилась в него, умоляя его успокоиться, Бога ради.

Явились доктора Порсена, Тархуна и Сцевола, проталкиваясь сквозь столпившихся вокруг больных и санитаров. Немалое время ушло у них на то, чтобы утихомирить и отправить восвояси всех, кроме Санди и Джима, а потом выслушать рассказ этих двоих. Закончив допрос, Порсена распорядился, чтобы Джима заперли в комнате.

— В основном для того, чтобы ты еще куда-нибудь не ввязался и остыл, — сказал он. — Я зайду к тебе, когда

расхлебаю эту кашу. Не хочу, чтобы ты заварил еще и другую.

Психиатр, всегда невозмутимый, был сердит — это видно было по его лицу и голосу. Джим безропотно отправился к себе. То, что он довел даже доктора Порсену, глубоко огорчило его. Но в тот день Порсена, вопреки ожиданиям Джима, не вызвал его к себе в кабинет. Только опять прописал Джиму торазин, убедившись, что тот принял предыдущую дозу.

Транквилизатор не успокоил Джима. Джим приходил в бешенство, мучился раскаянием и снова бесился. Вместо того чтобы лечь спать после отбоя, он метался по комнате, холодея от горя и кипя от ярости.

Глава 26

Джим пришел к Порсене на индивидуальный сеанс. На стене в кабинете появилась новая бумага в рамке, исписанная большими затейливыми буквами. Со своего места Джим не мог ее прочесть, но полагал, что это последняя почетная грамота. У доктора по стенам больше дипломов и грамот, чем у голливудского магната в свите подлипал.

А в углу на верхней полке стоял новый бюст. Под ним, как и прежде, располагались белые, со слепыми глазами и пышными бородами изображения античных философов и две статуэтки: сидящий Будда и св. Франциск Ассизский. Джим, заинтересовавшись новым приобретением, встал и подошел посмотреть, пока Порсена дописывал что-то.

Бюст — вылитый Юлий Цезарь, если бы не усы — изображал доктора Порсену. Внизу была надпись: «Неизвестному психиатру».

Джим, хотя и был совсем не в смешливом настроении, не выдержал. Ну и юморист этот доктор, хотя юмор у него довольно сдержанный и спокойный.

В начале сеанса Порсена кратко изложил, как обстоит дело с «кашей», в которой все еще пребывал Джим. Говорил он очень быстро, но четко и без пауз — точно на аукционе. Он всегда говорил так, когда хотел покончить

с чем-то второстепенным, прежде чем перейти к главному — к терапии.

Роджерсу позволили уйти с работы, не обвиняя его в торговле наркотиками. В обмен на это он обязался рассказать все начистоту и не подавать в суд на Джима за нападение и нанесение телесных повреждений, как угрожал раньше. Джилмен Шервуд тоже отказался от своего обвинения по той же статье плюс покушение на убийство. Доктор дал ему понять, что если он не откажется, то и его обвинят в торговле наркотиками. Более того — выгонят из группы.

Шервуд вернулся в свою комнату, но состоял под строгим надзором. Ходил он, держась очень прямо, шею поворачивал с трудом и держался подальше от Джима.

Крэнам и Мак-Донрах тоже не стали подавать жалобу на Джима. Доктор Порсена сам обвинил их в том, что они вели себя с Джимом неправильно. Их оставили в больницы охране, но в психиатрию больше направлять не будут.

— Я крепко верю в то, что человеку нужно давать шанс, — сказал доктор. — Тебе он тоже дается в настоящем случае. За тобой будет такой же надзор, как и за другими. И так — я уже говорил, что у тебя необычайно живое воображение. Оно позволило тебе быстрее продвинуться в терапии, чем многим пациентам из твоей группы. Но я не хочу, чтобы ты задира л нос по этому поводу. Тебе просто повезло родиться с таким даром.

Доктор сделал паузу. Его синие глаза наводили на мысли о викингах, про которых рассказывал Джиму дед. Вот такие глаза могли быть у Лейфа Счастливого, глядящего на хмурое, полное опасностей море, которому нет конца. Где-то там, за горизонтом, лежит неведомая земля. Не слишком ли далека она? Не лучше ли вернуться в Гренландию?

Доктор вышел из задумчивости — он принял решение.

— Настало время, — сказал он, — избавляться от нежелательных черт Рыжего Орка.

Джим не ответил. Он так застыл на стуле, точно Порсена поместил его в криогенный цилиндр — только глаза моргали.

— Что скажешь? — спросил доктор.

Джим поерзал на сиденье, глядя в потолок, и облизнул губы.

— Мне... мне, надо признаться, страшно. Как будто меня... постигла большая утрата. Я не знаю...

— Знаешь, — сказал Порсена.

— Это правда необходимо? Не форсируете ли вы события? Я только-только вошел в Орка. Господи, сколько же это дней прошло с тех пор? Не так уж и много!

— Для терапии неважно, сколько дней прошло. У нас не исправительное заведение. Учитывается только твой прогресс. И не надо стыдиться, если тебе страшно. Все пациенты на этой стадии впадают в панику. У меня возникли бы сильные подозрения, если бы ты воспринял это как должное. Я не знал бы, по-настоящему глубоко ты проник в личность Орка или нет. Теперь у меня нет ни малейших сомнений по этому поводу.

— Не слишком ли глубоко?

— Вот это надо выяснить.

— Что же в Орке плохого?

— Это ты мне скажи.

— Я бы хотел сначала поговорить о его хороших сторонах.

— Как тебе будет угодно. Только перед этим скажи мне: каковы сейчас твои ощущения, эмоциональные и физические? Помимо страха.

— Мне стало лучше, когда я собрался поговорить о хорошем в Орке. Но сердце все еще колотится. А в кишки точно жира напихали. И помочиться бы надо.

— Потерпеть можешь? Или уж очень приспичило?

— Не знаю. Могу, наверно. Дело не так плохо, как мне казалось секунду назад.

— Итак, положительные качества Орка. Те, которых, по-твоему, тебе не хватает или они слишком слабо развиты.

— Слушайте! — выпалил Джим. — Не могу я его бросить! Я ему нужен! Там ведь мозг-призрак — я должен избавить Орка от него! Если призрак возьмет верх, Орк уже не будет по-настоящему Орком! Я не захочу больше входить в это тело, если мозг перестанет принадлежать Орку!

Мне будет противно! И потом, это потеряет всякий смысл.— Джим остановился, чтобы проглотить слюну. Рот и губы пересохли.— Да вы и не позволяйте мне больше входить в него.

— Я этого не говорил. Это твой собственный вывод, и я хочу, чтобы ты разобрался в нем повнимательней. А когда разберешься, скажи мне, почему ты думаешь, что я заставлю тебя бросить Орка. Ведь ты так думаешь? Что тебе придется расстаться с Орком. Но я не говорил, чтобы ты с ним расстался. Я не хочу только, чтобы ты входил в него какое-то время — какое именно, зависит от твоих успехов. Потом ты продолжишь свои визиты. Так какие же у него хорошие черты?

— Ну... несгибаемое мужество. Решимость — он ни перед чем не останавливается. Изобретательность — использует то, что под рукой, чтобы добиться своего. Горячее желание все познать. Любопытство. Высоченная самооценка. Хотел бы я такую иметь! Умение приспособиться к любой ситуации, умение ладить с людьми и высокого, и низкого ранга, когда ему это выгодно. Терпение, как у черепахи. Но, когда прижмет, он действует быстро, как кролик.

— Еще?

— Ну, его отношение к родным. Там не все благополучно, но он по-настоящему любит свою мать, хотя и злится на нее за то, что она недостаточно стойко и недостаточно часто дает отпор отцу. И все-таки она сильная. А по своей тетке Орк с ума сходит. Что же до туземцев, в особенности его кровных сестер, то он никогда не проявлял к ним жестокости. Вы скажете, что он соблазняет этих женщин, делает им детей, и это не очень-то по-христиански. Но он никогда их не принуждал, а для туземки почетно родить ребенка от властителя. Это, безусловно, улучшает условия ее жизни.

— В какой степени тебе, по-твоему, удалось перенять положительные качества Орка? Например, удалось ли тебе повысить свою самооценку?

— Уж это вам судить!

— А я спрашиваю тебя.

— Ну, по-моему, я стал ценить себя гораздо больше, и это хорошо. То есть... моя самооценка теперь намного выше. Лучше. Только...

— Только что?

— Моя ли это самооценка? Или я позаимствовал ее у Орка? Может, я и на Земле продолжаю изображать Орка и теперь всегда так будет?

— Человека с нормальной самооценкой не волнует, что о нем думают другие. Он или она сам себе судья. Я бы сказал, что истинным проявлением твоей нормальной самооценки послужило твое поведение, когда ты столкнулся с проблемой. Мне кажется, ты взял дело в свои руки. Не мямлил. Не просто сидел и думал, что надо бы сделать то-то и то-то, а взял и сделал. Я правильно подметил?

— Да, вроде в точку,— кивнул Джим.— Я повел себя не так трусливо, как бывало раньше. Так мне сдается.

— А может быть, ты никогда и не был таким трусом, каким считал себя? Дрался же ты с тем хулиганом, Фрихоффером, хотя мог бы и уклониться.

— Ну да, уклониться! Чтобы все подумали, будто я наклапал полные штаны!

— Случись это сейчас, из-за чего бы ты дрался: из-за боязни общественного мнения, которое сильнее даже страха перед физическим насилием, или просто потому, что не боялся бы своего противника? И считал, что пора дать ему отпор?

— Ну, наверно, по той, второй причине. Откуда мне знать заранее?

— Но ведь то же самое, в каком-то смысле, с тобой уже случилось. И на этот раз тебя не пришлось загонять в угол и доводить до отчаяния, чтобы заставить заняться Шервудом и Роджерсом. Как только ты понял ситуацию, ты тут же все решил. Можно было, конечно, решить по-иному и более разумно. Суть в том, что ты сделал это без промедления. А теперь перейдем к отрицательным качествам Орка.

— Ну, это легко. Он высокомерен. Но это не его вина. Его воспитывали как властителя. Властители считают себя избранниками Бога, хотя в Бога и не верят. Точ-

нее, они только себя считают людьми. Остальные — это существа низшего порядка.

— Ты его оправдываешь. По-твоему, высокомерие — действительно отрицательная черта?

— Конечно. Я не хочу быть паршивым снобом.

— Значит, Орк — паршивый сноб? В твоём понимании?

— Ну да.

— Еще?

— Еще он жестокий. Вообще-то все властители такие. Но поначалу, когда я только вошел в него, он еще как-то сочувствовал другим. Он и с отцом поссорился из-за того, что отказался убить своего кровного брата, хотя тот был лебляббий. Но не думаю, чтобы теперь в нем осталась какая-то жалость или способность сочувствовать. Если и осталась, то небольшая. Потом — он все время на взводе. Почти все время. Всегда зол. Но это потому, что отец с ним так обошелся, а мать не сумела помешать отцу отправить сына на Антему. Ну как они могли поступить так с сыном? Он просто не желал пресмыкаться перед отцом, лизать ему задницу и выносить незаслуженные удары, пинки и оскорбления — вот и все. Вполне понятно, что Орк бесится. Нельзя его за это упрекать. Я бы тоже злился, как сто чертей. Так ли уж это плохо?

— Мы уже говорили с тобой об адекватном и неадекватном гневе. По твоим словам, Орк задумал добыть в мире Зазеля машину разрушения, чтобы уничтожить свой собственный мир. А ведь при этом погибнет не только его отец. Смерть постигнет также его мать, братьев, сестер, несколько миллионов туземцев и вообще все живое во вселенной. И это адекватная месть?

— Да ведь это только фантазии! У всех бывают такие, но никто же их не осуществляет! И потом, Орк собирался спасти сначала мать и брата.

— И дать погибнуть всем остальным. Да, те, кто лелеет подобные мечты о мести, в жизнь их обычно не воплощают. Но об Орке этого не скажешь. Он намерен выполнить, что задумал, если сумеет вернуться за машиной разрушения. Если он заполучит-таки эту машину, осуществит он свой замысел или нет?

— Надеюсь, что нет. Это было бы ужасно. Но я же не буду знать, что он сделает, если не вернусь к нему, правда?

— Возможно, ты и сейчас уже знаешь. Только сознаться не хочешь. А что сделал бы Орк, если бы его подставили так же, как тебя?

— То же, что и я,— гордо сказал Джим.— Я сделал то, что, как мне казалось, сделал бы он.

— Значит, напал бы на охранников? Вряд ли — ведь он, по твоим словам, в большинстве ситуаций рассуждает очень трезво. Да, тебя спровоцировали. Но не настолько, по моей оценке, чтобы так кидаться на людей. И разве так уж необходимо было бить Шервуда и Роджерса? Неужели нельзя было разоблачить их как-то иначе?

— Ясное дело — я мог бы настучать. Но что бы я доказал, если бы просто донес на них охране или вам? И потом, я не стукач!

— Ты их разоблачил. Но при этом причинил боль Шервуду.

— Он первый начал!

— Твоя оборона больше походила на нападение. Чересчур активная оборона.

— Орк поступил бы точно так же!

— Вот именно. Это представляется тебе адекватным действием?

Джим нахмурился и прикусил нижнюю губу.

— Вы хотите сказать, что я, действуя в моей ситуации как Орк, поступил неправильно.

— Я ничего не хочу сказать. Ты сам это сказал. И?

— Да, я понял. Я не разобрался как следует, что в поведении Орка адекватно, а что неадекватно.

— И в твоём тоже.

Психиатр продолжал развивать эту тему, и Джим лишний раз убедился, что Порсена из тех проводников, что предоставляют своим клиентам самим составлять карту. Только путешественник не может предугадать, в какую сторону проводник его поведет.

В конце сеанса доктор велел Джиму каждый день заходить в аптеку за предписанной дозой торазина.

— Будешь пока что его принимать. Возможно, недолго. Но в этот период тебе не следует возвращаться к Орку.

Я скажу тебе, когда будет можно. Я хочу, чтобы ты как следует поразмыслил о своих впечатлениях и о своем отношении к ним. А после поговорим о возвращении. Я решительно настаиваю — и я знаю, что делаю, — на том, чтобы ты не пользовался пентрой без моего на то разрешения. Полеты отменяются до улучшения внутреннего климата, договорились?

— О'кей. Слышу вас хорошо.

Выйдя в коридор, Джим вдруг испытал озарение. Но он никак не мог сказать доктору, что ему открылось. Доктор всполошился бы и принял нежелательные для Джима меры. Хотя, возможно, Порсена и так уже подозревает, в чем дело.

Джим привык быть Орком, стал оркоманом.

Глава 27

Было кое-что, о чем ни доктор, ни Джим не упомянули. Во-первых, само собой разумелось, что надсмотрщик Орка не обезглавит и Джим может быть спокоен на этот счет. Ведь, судя по Фармеру, молодой властитель, именуемый ныне Рыжий Орк, был жив и здоров в середине двадцатого века от Рождества Христова. Стало быть, опасения Джима, что Орка убьют, ни на чем не основаны. Почему же тогда он, Джим, так волнуется?

Другое, что они не обсудили, — это расхождение между тем, что писал о властителях Фармер, и тем, что знал о них Джим. В книгах серии Вала была сестрой Ринтраха и Ядавина. В реальных мирах Джима-Орка Вала была сестрой Энитармон, матери Орка. Ринтрах был вторым ребенком Лоса и Энитармон, младшим братом Орка.

Поразмыслив над этим, Джим решил, что сведения Фармера отрывочны или же он получил их в сильно искаженном виде.

Доктор Порсена и другие врачи были убеждены, хотя никогда не говорили этого пациентам, что Многоярусный мир — просто художественный вымысел. Но Джим-то знал, что это не так. Говорят, Фармер испытал в жизни несколько мистических озарений — возможно, тогда он и получил информацию оттуда или продолжает получать. Так или

иначе, но какие-то сведения о мирах властителей к нему поступили. Это можно сравнить со светом, который проходит сквозь темное стекло посредством межвселенской психической вибрации или еще как-нибудь. Но Фармер не всегда мог настроиться на его частоту, и «разряды» портили качество приема. Понятно, что сообщения поступали к нему в несколько искаженном виде. Ну а поскольку Фармер занимался, по общему мнению, сочинительством, то он выдумывал кое-что, чтобы заполнить пробелы.

И все-таки, несмотря на некоторые ошибки в хронологии и именах, Фармер почти всегда попадает в яблочко. Кроме того, те властители, которых Джим знал лично или о которых слышал, совсем не обязательно те, о которых писал Фармер. Может, фермеровские властители — потомки настоящих или их родственники. Мало ли Робертов Смитов и Джонов Браунов, живших в пятнадцатом веке, имеют потомков в двадцатом столетии! Лос, Тармас, Орк, Вала, Лувах — все это имена хотя и не совсем обычные, но и не редкие.

У Джима имелись проблемы и поважнее этих. Поскольку он был теперь на заметке, ему приходилось обуздывать свои «асоциальные» тенденции. И это было все труднее и труднее из-за возрастающей брызгливости и вспыльчивости. Джим заикнулся на Орке и, за невозможностью в него войти, испытывал симптомы ломки. Будь у его мозга зубы, они бы болели. Будь нос, из него бы текло. Будь голос, он в промежутках между воплями молил бы о дозе наркотика.

Однако Джим в какой-то степени справлялся с собой при помощи методики Орка. Она напоминала Джиму ментальную технику йогов, о которой он читал. Но выучиться ей можно было гораздо быстрее. Все-таки тоаны потратили не одну тысячу лет на ее совершенствование. Приемы Орка не могли полностью снять эффекты ломки, но все-таки снижали боли и раздражительность. Все равно что приподнимать время от времени крышку кипящего котла, выпуская пар. Так что Джиму удавалось не рычать на людей и не оскорблять их.

Его самочувствие несколько улучшилось, когда позвонила миссис Вайзак, чтобы еще раз подтвердить — Джим

может жить у них, когда выпишется из больницы. На похоронах Сэма она, рыдая, прижала Джима к груди и обещала дать ему приют. И, несмотря на все свое горе, сказала еще, что Джим должен будет соблюдать ее правила. Не употреблять наркотики, не курить в доме, не ругаться грязными или кощунственными словами, старательно относиться к школьным занятиям, каждый день мыться, вовремя приходить к столу, не включать громко музыку и т. д.

Джим пообещал, что будет делать все, как она скажет. Это не казалось ему таким уж подвигом. Он добился больших успехов в умении себя вести — трудности, которые он испытывал сейчас, следовало приписать его ломке — и спокойно мог держать свои «асоциальные» мысли при себе, не показывая их миссис Вайзак.

Но всю радость от ее приглашения ему подпортили на следующий же день. Позвонила мать и сказала, что придет к нему вечером. И что Джим ожидал, то она ему и сообщила. Они с отцом уезжают в Техас через пять дней.

Он почувствовал, как подступают слезы, и сердце провалилось само в себя. Хотя Джим и подготовился к этому моменту — или думал, что подготовился, — его зацепило за живое. Но ему удалось закрыть клапаны и не дать слезам вылиться. Не станет он плакать при матери. Не хочет он, чтобы она рассказала отцу, как сын переживает. Эрик Гримсон только порадуется, узнав, что его сын — плакса.

Джим уже не спрашивал, почему не пришел отец. Он и так знал почему. Трус!

Ева Гримсон ушла вся в слезах. Она пообещала, что будет переводить деньги на больничную страховку. И была уверена, что сможет посылать Джиму на одежду, учебники и прочие необходимые вещи. Отец обязательно найдет хорошую работу, только нужно набраться терпения.

— Я буду терпеть вечно, — крикнул он ей вслед, когда она плелась к лифту. — И вы будете вечно ждать меня в своем Техасе! Приеду, только если отец умрет!

Это было жестоко — но недостаточно жестоко для Джима в его состоянии.

Через несколько минут, когда он шел по коридору к себе, его остановила Санди Мелтон. Она сияла от счастья,

не будучи перевозбуждена при этом. Ее маниакальные фазы смягчились благодаря терапии. И кроме того, сейчас у нее имелась причина быть счастливой. Она получила письмо от отца и хотела прочесть его Джиму.

В другое время он охотно разделил бы с ней ее радость. Но сейчас его злило, что кто-то другой может быть счастлив. И все-таки он победил свое раздражение.

— Папе дают работу здесь, в офисе компании! Вот слушай! «Дорогая Санди, моя самая любимая дочка». Хотя я же у него единственная. «Как я говорил тебе слишком много раз, я устал от коммивояжерских шуточек, и мне опостылело это дело». Это он про работу коммивояжера, а не про шутки. «Я бы еще смирился, будь я великим коммивояжером. Но я даже не надеюсь достичь таких высот, как св. Павел из Тарса, самый, пожалуй, великий из всех, как Чингиз-хан, который продавал смерть миллионам, как человек, продающий холодильники эскимосам, и как тот Вилли из пьесы Артура Миллера, хотя тот был велик только в борьбе с неудачами. Короче, мне предлагают стать начальником отдела сбыта в моей любимой, холодной, бессердечной фирме “Акме текстайлз”. Не думаешь ли ты, что я отвергну это предложение по каким-либо этическим, моральным, философским или финансовым соображениям? Подумай получше! Итак, дорогая моя дочь, я перехожу Рубикон, сжигаю за собой мосты и вновь иду на штурм крепости, сиречь твоей бедной матери. Будь то в ясный полдень или в мрачную полночь, но мы раскроем наконец свои карты. Теперь у меня появилась возможность содержать ее, а будем ли мы жить отдельно или разведемся — пусть это решают Бог и ее скверный характер».

Санди запрыгала, размахивая письмом, как флагом победы.

— Ну, не молодец он? Ну, не чудо? Я знаю, что у него на уме. Развод! Он преодолел свое чувство вины по отношению к ней — я бы тоже хотела и обязательно это сделаю, — и он будет теперь ночевать дома, и я тоже там буду!

Джим обнял Санди и сказал:

— Ну все, мне пора.

— Но я хочу отпраздновать это!

— О черт, Санди! Не хочу ранить твои чувства, но я просто не в состоянии! Извини. После увидимся.

И Джим устремился прочь — слезы угрожали хлынуть еще до того, как он доберется до своей комнаты. Санди крикнула вслед:

— Я могу чем-нибудь помочь, Джим?

Ее сочувствие и забота сработали, как нажатие на слезную кнопку. Джим разревелся, влетел к себе, захлопнул дверь и упал на стул, чтобы выплакать свою горе. Он предпочел бы броситься на кровать и зарыться лицом в подушку, но это было бы уж слишком по-женски.

Эта мысль пришла к нему посреди рыданий и включила эффект домино в его мозгу. Костяшки валились во мрак, и последней оказался совет, который дал когда-то Джиму его дед, Рагнар Гримсон.

— В норвежской культуре, а также в англо-американской не принято, чтобы мужчины плакали. Закуси губы и все такое. А вот викинги, твои предки, Джим, плакали точно как женщины — и наедине с собой, и при людях. Они орошали бороды слезами и ни чуточки этого не стыдились. Зато так же скоро давали волю мечу, как и слезам. Так зачем вся эта бодяга насчет того, что мужчина, мол, обязан сдерживать свою горе и разочарование? Закусывая губы, они только наживают себе разные язвы, инфаркты и инсульты — я тебе точно говорю, старина.

Орк, как почти все тоаны, в одних ситуациях вел себя стоически, а в других не стеснялся плакать и стонать. Испытывая физическую боль, он не подавал виду. Но в радости или горе он орал, рыдал и злился, сколько душе было угодно.

Эта его черта представлялась Джиму положительной. Однако, если Джим перенял бы ее у Орка, в том времени и месте, где он жил, его сочли бы тряпкой. Какую бы силу характера ни почерпнул Джим у молодого властителя, ее все же недоставало — пока во всяком случае — на то, чтобы до такой уж степени презирать общественное мнение.

Ко времени группового сеанса Джим почти справился со своим горем и гневом. По крайней мере ему так каза-

лось, хотя он знал, что сильные эмоции — коварная штука. Спрячутся, а потом выскочат наружу, стоит только чему-нибудь открыть им дверь. Сейчас Джим думал, что если родители бросают его, то не от хорошей жизни. Надо же им как-то выбраться из нищеты. И совсем не их вина, что он не может поехать с ними. Ну, скажем, частично их. Но что им еще остается? А он уже достаточно большой, чтобы позаботиться о себе — когда пройдет терапию.

Тяжеленько будет браться опять за учебу, чтобы окончить школу со средним баллом хотя бы В-минус или С-плюс. А хорошо учиться в колледже, зарабатывая при этом себе на жизнь, будет еще тяжелее. Ну и что ж. Другие же это делают — притом не такие волевые и одаренные, как он.

Джим сам себе удивился. Иисус-Мария-Иосиф! Что это с ним? Не так давно он думал, что такому тупице, как он, вообще вовек не получить аттестат. А теперь нате вам — собрался в колледж, да еще намерен хорошо там учиться. Просто даже не терпится скорей приняться за учебу.

Ничего себе метаморфоза. Превращение. Насекомое за ночь превратилось в человека*. Не первоклассного, правда, но все же повыше классом, чем раньше. И этим он обязан Орку. Нет. В конечном счете не Орку, а доктору Порсене, Шаману, Сфинксу. А доктор сказал бы ему, что Джим Гримсон всем обязан лишь самому себе. Хотя ему и помогли, он все же сделал то, что никто другой сделать за него не мог.

В радужном настроении Джим отправился на группу, намереваясь рассказать тринадцати остальным, как ему хорошо и по какой причине он шагает по Дороге из Желтого Кирпича, ожидая увидеть радуку за первым же поворотом**. Однако сегодня все Многоярусные Мушкетеры, как они себя называли, тоже пребывали в легкой маниакальной фазе. Относительно легкой. По сравнению с их угрюмым и безнадежным настроением в начале терапии «легкая» означала «буйная».

* Аллюзия на рассказ Ф. Кафки «Превращение».

** Из сказки Л. Ф. Баума о стране Оз. (*Примеч. пер.*)

Все так рвались выступить, что доктору Сцеволе, ведущему группу, стоило труда восстановить порядок. Часть его трудностей коренилась в отношении к нему больных. Доктор Сцевола, хотя и энтузиаст фермеровской терапии, как «ролевой» или «понарошечной», явно не верил в реальность их путешествий. Это было видно по его тону и мимике.

Моника Брэгг, которая иногда работала в канцелярии, уверяла, что слышала, как Порсена и Сцевола спорили о параллельных мирах. Порсена не говорил прямо, что они существуют, но сказал, что современная теоретическая физика не исключает возможности их существования. А Сцевола сказал, что все это чушь.

Сцевола также не питал симпатии к молодым и не только молодым приверженцам рок-музыки. Он любил только итальянскую оперу и классику.

Наконец психотерапевт успокоил все-таки группу. Первым взял слово восемнадцатилетний Брукс Эпштейн, высокий, плечистый и с лицом как у Линкольна. Подкачал только голос — тонкий и писклявый. С таким голосом ни юристом, ни хирургом не станешь. Брукс признавал, что это вполне уважаемые, хорошие профессии — для тех, кому они нравятся. Сам он страстно желал стать профессиональным бейсболистом. Он заявил родителям, что поступит в колледж, а потом в Гарвард только в том случае, если не войдет в команду главной лиги. Их это не удовлетворило. Но Брукс держался и против них, и против своей невесты, которая была полностью на их стороне.

В разгар борьбы, в которой Брукс все больше падал духом, но становился все упрямее, его отец вдруг покончил с собой. Причина казалась ясной — крах сети скобяных магазинов и вдобавок к этому неизлечимый рак костного мозга, но на Брукса свалилось чувство вины. Он знал, как разгневал и опечалил родителей его разрыв с иудейской верой и как глубоко потрясена была его невеста. Мать не говорила вслух, что именно переживания за сына привели отца к разорению и болезни, но было ясно, что она так думает.

Поступление в Гарвард отошло в область невозможного, и Брукс этому радовался, чувствуя себя за это еще

более виновным. Затем богатый дядюшка из Чикаго предложил оплатить учебу Брукса в любом университете по выбору племянника. При этом ставилось условие, что Брукс вернется к вере предков и получит диплом либо юриста, либо врача. Мать и невеста всячески давили на Брукса, вынуждая его согласиться. Они напоминали безжалостных голодных волчиц, кружащих вокруг лося, увязшего в снегу.

В одну прекрасную ночь Брукс, по его выражению, осатанел. Вооружившись бейсбольными битами, он переломал мебель, перебил дорогие безделушки и окна. Хуже того, он угрожал размозжить головы матери и невесте. Брукса забрали в полицию. Потерпев неудачу с фрейдовой, юнговской, салливановской терапией, не добившись успеха и с Эстом в Калифорнии, он поступил наконец под опеку доктора Порсены.

Брукс выбрал для воплощения еврейского рыцаря, барона Лейксфалка. Это был персонаж из первой книги фермеровского цикла. Он жил в Дракландском ярусе планеты, имеющей форму Вавилонской башни и управляемой Ядавином. Планету населяли не только существа, созданные Ядавином, но и потомки землян. Ядавин, с присущей тоанам беззастенчивостью, похищал из средневековой Германии немцев и евреев и в массовом порядке переправлял их в свой мир. Они образовали два феодальных государства, устроенные, с одобрения Ядавина, по образу и подобию тех, что описаны в легендах о короле Артуре. В первой книге цикла странствующий рыцарь — фунем — Лейксфалк встречается с Кикахой и Вольфом на поединке. А умирает, храбро сражаясь рядом с Вольфом против дикарей. Но Брукс решил выбрать для своих приключений годы, предшествующие последней битве барона.

Брукс Эпштейн сообщил группе, что тяжелый груз вины и гнева, который он нес на себе, стал как будто немного легче. Это потому, что барон, если бы у него умер отец, не стал бы мучиться сознанием своей вины, не будучи ответственным за его смерть. Это не из-за Брукса Эпштейн-старший разорился, заболел раком и покончил с собой. Следовательно, Бруксу незачем чувствовать себя виновным. Брукс, правда, все еще страдает, несмотря на

все доводы рассудка, но знает, что рано или поздно это пройдет.

Что до профессии, то он по-прежнему намерен стать бейсболистом, питчером. Ничего криминального в этом занятии нет, чего нельзя сказать о многих юристах и докторов.

Когда Брукс рассказал о приключениях, которые пережил прошлой ночью, они всей группой поговорили о своем отношении к еврейскому барону и о том, как можно было бы изменить его судьбу. Джим знал, что доктор Порсена и его помощники по записям, сделанным на этих сеансах, судят о состоянии всей группы. Наверное, позднее те же записи пригодятся уже для оценки состояния отдельных пациентов.

Джиму казалось, что Многоярусный мир стал для них чем-то вроде религии. У каждого из них свои, очень личные, неконтролируемые бредовые идеи, несовместимые с реальностью желания и галлюцинации различной степени. Но всех их теперь объединяет единая вера. Они ищут встреч, сходятся, их тянет друг к другу, словно мух на мед. И все они бессознательно меняют свои взгляды на миры властителей, приспособливая их к смутно понимаемому реальному миру. Только на высших стадиях терапии станет ясно, что из этого получилось. Тогда все увидят, что разломали свои лодки и построили из обломков большой корабль.

Что ж, возможно, Джим просто дал волю воображению, не говоря уж о метафорах. Тот мир так же реален, как и этот. Даже реальнее в некоторых отношениях.

Следующим выступил четырнадцатилетний Бен Лайджел. Его посещали галлюцинации и под влиянием наркотиков, и без. У него, одиночки по натуре, главной проблемой была почти паническая растерянность в незнакомых ситуациях или приобщении с кем-либо, кроме немногих близких друзей. Теперь он почти не испытывал такого невыносимого стеснения, когда бывал с другими. Когда же он переставал выносить слишком тесное общение, то убегал в иные миры.

При этом он клал себе на голову книгу Фармера, используя ее как «Гравиврата». И уходил вниз головой в

карманную вселенную, которую выбрал. Книга тем временем под действием гравитации опускалась вниз вдоль его тела, пока еще остававшегося на Земле. Когда книга касалась пола, Бен оказывался в ином мире.

Он оставался там, пока «латентная гравитация» не вытягивала его обратно на Землю. Освеженный путешествием, он мог терпеть «социальное давление» еще какое-то время.

Третьей говорила семнадцатилетняя Кэти Майданов. Она, не стесняясь, сообщила группе о своем диагнозе: пограничные расстройства личности, нарушение половой ориентации и нимфомания. В больнице она пока соблюдала воздержание, но получала сексуальную разрядку путем эротических снов. Для этого она клала одну книгу Фармера к голове, а другую на лобок. В результате ей почти всегда снился сексуальный акт с мужчиной или с женщиной. В той стадии терапии, которой она достигла, она как раз обучалась контролировать свои сны. У Джима хватило смекалки догадаться, что врачи это делают не только ради того, чтобы она получала больше удовольствия, а и для того, чтобы она могла контролировать свои маниакальные идеи. Потом она постепенно избавится от них совсем, с помощью уже других методов.

Джим не сказал, что он и сам способен управлять снами. И книги ему при этом не нужны. Побывав Орком, он научился видеть сны по заказу. И теперь использовал эти заказные мокрые сны, когда хотел облегчиться. Они были гораздо удовлетворительнее мастурбации. «Смотри, ма, руки на одеяле!» Опасность заключалась в том, что к таким снам можно привыкнуть. И живые любовницы станут казаться тебе неуклюжими, не стоящими того, чтобы тратить на них время, и вообще лишними.

Джим заметил, что партнершами Орка в его снах обыкновенно были его тетка Вала и мать Энитармон.

Джим тоже часто вводил этих женщин, более прекрасных, чем Елена Троянская или Вивьен Ли, в свои запрограммированные ночные видения — порой одновременно. То, что это был инцест, хотя и завуалированный, только добавляло остроты блюду.

Вечером Джим принял решение, которое, как он со- знавал, могло все испортить. Но он ничего не мог поде- лать с собой. Аргументы, которые он выдвигал в споре с самим собой, не помогали. Он нарушит приказ Порсе- ны. Он не хочет этого делать и все же сделает.

Без десяти восемь Джим прошел сквозь черную дыру в центре пентры. Несмотря на запрет Порсены, он решил войти в Орка. Не однажды, а много раз в течение этой ночи. Каждую ночь путешествовать он не осмелится — слишком велика опасность быть пойманным,— значит, надо утрамбовать как можно больше в одну ночь.

От восьми вечера до шести утра он проживет многие десятилетия.

Как там у этого поэта, Уильяма Блейка? Джим читал это, когда занимался у мистера Лама: «В одном мгновенье видеть вечность, огромный мир — в зерне песка, в единой горсти — бесконечность и небо — в чашечке цветка*».

Джим не взял бы на себя смелость утверждать, что по- средством Орка пролетит вечность за одну ночь. Но он попытается втиснуть в эти десять часов как можно боль- ше отрезков вечности.

Уже собравшись читать заклинания, он увидел перед собой лицо Порсены. Оно выражало укор и печаль. Слова заклинания замерли у Джима на языке. Но то, что влекло его, было сильнее. Орк и экзотические миры за стенами Земли лезли в черную дыру, колебля лицо Порсены. Вско- ре оно разлетелось на куски, и Джим пролетел сквозь эти осколки в пентру, словно бомбардировщик времен Вто- рой мировой сквозь зенитный огонь.

Он тут же ощутил сильную боль и беззвучно закричал. Орк же сцепил зубы и не издал даже стога. Он не хотел доставлять отцу удовольствия слышать его крики.

Орк был распят на кресте. Ноги стояли на земле, но руки были прибиты к горизонтальной перекладине. Ему казалось, что он не в силах больше ни секунды терпеть эти муки — и все-таки он терпел.

* Пер. С. Маршака.

Иное дело Джим. Он и так уже достаточно намучился из-за Орка. Хватит, сколько можно. И все-таки он продержался еще минуту. Крест Орка стоял высоко на склоне горы. Далеко-далеко внизу, у подножия, расстилалось озеро, питаемое рекой. А у озера вставала Голгонооза, новый дворец Лоса, Город Искусств. Река обтекала его с дальней стороны. Здания мягких очертаний, построенные из разноцветного металла, подымались от земли под небольшим углом, постепенно становясь все круче, чтобы на высоте примерно тысячи футов стремиться вертикально вверх, а еще несколькими сотнями ярдов выше — распуститься огромным букетом. На разных уровнях они будто сливались друг с другом. Их покрывала зеленая, алая, оранжевая и лимонная растительность. Много было деревьев — некоторые росли под прямым углом к вертикальным стенам зданий.

Лос работал над этим городом-дворцом урывками в течение нескольких веков. Он задумал его как самую великолепную из тоанских построек, превосходящую даже Бесплотный Дворец Уризена.

Лос поймал Орка, как только тот прошел во врата его мира. А вчера — распял сына на кресте, несмотря на отчаянные мольбы Энитармон. Лос уже собирался собственноручно вогнать в Орка второй гвоздь, когда она бросилась на него. Прежде чем он сбил ее с ног, она исцарапала его лицо в кровь. Теперь мать Орка держали под стражей где-то в Голгоноозе.

Не в силах больше выносить боль, Джим прочел мантру возврата и оказался в своей комнате. На часах по-прежнему было без десяти восемь — минутная стрелка едва-едва сдвинулась с места. Весь дрожа от перенесенного испытания, Джим попил воды в ванной и немного посидел на стуле. Затем, остро осознав, что теряет время и впереди у него еще множество странствий, он начал повторять «АТА МАТУМА М'МАТА». На сей раз заклинание не пришлось твердить долго. Семи повторений оказалось достаточно, чтобы Джима втянуло в черную дыру. В следующий раз, Джим был уверен, потребуется только

пять повторений. Через раз — только три, и для всех последующих полетов тоже три. Джим не знал, почему это так — но так будет.

Джим настроился вернуться год спустя и попал в Орка при обстоятельствах, которые в былые времена смутили бы его. Но он уже пережил вместе с молодым властителем слишком много подобных ситуаций, чтобы стесняться. Орк занимался любовью со своей теткой Валою, неистово и яростно. Она, как видно, сама того хотела — нежный любовник не устроил бы ее. У Джима, подхваченного мощным потоком страсти, не было ни времени, ни охоты замечать окружающее. Только когда любовники насытились, получил он возможность мыслить самостоятельно. Хотя Джим тоже страдал от «малой смерти», как принято называть депрессию после сношения, в нем осталось достаточно сил, чтобы разглядеть обстановку.

Двое властителей находились в роскошной спальне, громадной, словно целый дворец. Стены и колонны переливались всеми цветами радуги. Окна были размером с два футбольных поля. Они тоже поминутно меняли цвет и оттенок, время от времени делаясь прозрачными. Тогда Джим видел в них черное небо, усыпанное звездами. Потом в поле зрения появилась верхушка планеты. Из беседы Орка и Валу Джим вскоре узнал, что они сейчас на спутнике, орбита которого представляет собой восьмерку.

Они спасались бегством через множество вселенных после того, как Вала сняла Орка с креста. Мир Лувах, мужа Валу, они оставили в стороне, потому что Лувах и Вала расстались. В отличие от многих властителей, Лувах не убил свою супругу, но позволил ей попытать удачи в завоевании чужих миров.

Лос, точно мстительный посланник небес, преследовал сына и свояченицу через все врата. Потом влюбленные расстались — почему, осталось неясным, — и Орк продолжал путь один. Но после многих приключений они вновь обрели друг друга. Мир, в котором они находились сейчас, принадлежал раньше Эллайолю. Пройдя через несколько врат, снабженных множеством ловушек, Орк и Вала убили Эллайоля, его жену и детей.

Эта новость всколыхнула Джима. Какие звери эти властители! Орк, похоже, утратил все человеческие чувства, которые у него имелись.

На спутник Орк и Вала удалились, чтобы насладиться медовым месяцем. Узнав об этом, Джим вскоре вновь воспылал тем же огнем, который горел в тех двоих. Потом снова отдых, и снова любовь. Они все продолжали и продолжали, почти не разговаривая в перерывах и почти не думая о прошлом. Когда они начали терзать друг друга ногтями и слизывать кровь, Джим освободился — но не прежде, чем «потрогал» мозг-призрак. Джим так и не знал, захватил ли уже пришелец разум Орка или присваивает его себе так же медленно, как некоторые раковые опухоли поглощают здоровые клетки. Джима «бросило в дрожь» — не оттого, что он «дотронулся» сам, а оттого, что мозг-призрак в ответ тоже «тронул» его. Прикосновение «пальца» было явным, хотя и мимолетным. Джим в порыве отвращения вылетел из Орка, но у него осталось ощущение чего-то смутно знакомого.

Вернувшись в свою комнату, Джим немного отдохнул. За стеной слышался девичий плач, с другой стороны Джим Моррисон орал «Лошадиные широты», а «Дорз» гремели, гудели и дребезжали. Это была одна из любимых песен Джима Гримсона, настоящая поэзия, как он считал. Он давно уже не слышал этот хит 1967 года, но Моника Брэгт часто настраивалась на «Золотое ретро».

Джим вздохнул. Ему не хотелось тянуть с возвращением, но сексуальная горячка слишком выбила его из колеи, чтобы он мог читать заклинания. Хотя физически он, в прямом смысле, не напрягался, роль не столь уж невинного наблюдателя тоже прилично вымотала его. Джим уже узнал все, что стоило знать, о нежном сексе, когда Орк сходилась с туземками. А теперь узнал от Орка и Валы о жестоком сексе — больше, чем ему было нужно. Хотя эротические похождения Джима на Земле были немногочисленны, в качестве Орка он испытал столько, что Казанова и Генри Миллер ему в подметки не годились.

Прошло еще несколько минут — и Джим влетел в черный круг. Его целью было время шесть лет спустя. Может, уж на этот-то раз он застанет Орка в благополучных обстоятельствах. Бывают же такие, согласно статистике.

О, рог Шамбаримена! Орк снова был в старом дворце своего отца. Больше с ним в покоях никого не было, и ни звука не доносилось через открытое, загороженное крепкой решеткой окно. Лос снова схватил сына, когда тот явился в Голгоноозу с целью убить отца. Вала скрылась в каком-то другом мире. Произошло это семь месяцев назад, и Орка заключили в доме его детства, в заоблачном дворце.

Джим, к своему потрясению, открыл, что Лос на этом не остановился. В теле Орка появилось нечто странное. Прибавились новые мускулы, которых раньше не было, а ног не чувствовалось совсем, и передвигался Орк каким-то новым, пугающим образом.

Потом Джим увидел отражение Орка в громадном зеркале и пришел в такое удивление и ужас, что чуть было не вырвался и не вернулся на Землю. Нагое тело Орка вплоть до половых органов было таким же, как прежде. Но нижняя часть была туловищем змеи. Ноги исчезли. Орка вратили в гигантское змеиное тело пятьдесят футов длиной, покрытое ярко-зеленой чешуей. На зеленом фоне через равные промежутки располагались алые пятиугольники. Мощная верхняя часть змеиного тела поддерживала торс Орка в вертикальном положении. По полу он двигался, как питон.

Его превратили в змеечеловека, получеловека-полузмея.

Джим достаточно разбирался в тоанской науке и истории, чтобы сообразить, кто произвел эту метаморфозу. Лос, вместо того чтобы убить сына, придумал для него новую пытку. Используя свое знание биологии и технику, пока еще доступную властителем, он превратил Орка в чудовище. Молодому человеку ампутировали ноги и срастили его с обезглавленной змеей.

Иногда Лос являлся в свой покинутый ныне дворец, чтобы поиздеваться над Орком. Он сказал сыну, что Энитармон вернулась к нему, и после воссоединения у них родилось еще трое детей: Вала, названная в честь тетки по желанию Энитармон, Паламаброн и Теотормон. Все они родились от суррогатных матерей. Орк был единст-

венный, кого Энитармон выносила сама. Она хотела хотя бы раз в жизни испытать естественные роды. Но, испытав их однажды, больше этот опыт повторять не пожелала.

— Но теперь-то я усвоил свой урок,— сказал Лос.— Впредь, когда мои дети вырастут, я буду отправлять их в другие миры. Одни миры будут свободны — те, чьи владельцы уже убиты. В других же мирах моим детям придется помериться умом и хитростью с их правителями.

Энитармон не знала, ни что ее сына держат в заточении, ни что его превратили в чудовище. Лос сказал ей, что ему стало известно — Орк благополучно проживает в мире Манату Ворсион. Эта почтенная женщина усыновила его, и Орк продолжает свое образование в ее мирной вселенной. Когда-нибудь Лос разрешит, мол, Энитармон навестить сына — но нескоро еще, тогда лишь, когда неистовая взаимная ненависть между Лосом и Орком утихнет.

Тем временем Лос позаботился занять Энитармон воспитанием детей — с помощью множества слуг.

Орк не знал, правду ли говорит отец. Возможно, мать все еще томится в заточении или убита.

Джим коснулся мозга-призрака и ощутил ответное прикосновение.

Призрак определенно стал больше.

Джим решил побыть с Орком еще немного, чтобы понаблюдать за этим захватывающим гибридом человека и змеи. Первое, на что он обратил внимание,— это совмещение кровеносных систем обоих тел. Рептилия была теплокровная, а следовательно, не настоящая змея. Ее изготовили в лаборатории Лоса специально, чтобы подсоединить к телу Орка — а для этого и в том, и в другом теле должна была циркулировать та же самая кровь. В змеиной половине было свое сердце — одно лишь человеческое не справилось бы с перекачкой крови по всей огромной туше.

Змеиная половина соединялась с человеческой чуть пониже заднего прохода и гениталий Орка. Но Орк был избавлен от унижительной необходимости испражняться на спину змеи, пачкая себя при этом. Пища, которую он ел, переваривалась в его желудке, а потом поступала в желудок змеи. Моча частично выходила через его собственный канал, но большей частью через змеиный.

Для поддержания жизни и здоровья Орк был вынужден поглощать еду и питье в огромных количествах. Если бы он попытался уморить себя голодом, он бы мучился и за себя, и за змею.

— Образно говоря, ты всегда был змей,— сказал ему Лос.— А теперь метафора стала реальностью.

— Я змей, который кусается! — рыкнул Орк.— Змей, который может удушить тебя!

Лос, посмеявшись, продолжал:

— Когда я поймаю Валу, я сделаю из нее достойную подругу для тебя. Очень хочется посмотреть, как вы со-
ветесь, чтобы заняться змеиной любовью. И как это у вас получится. Такого никто еще не видал!

Орк не ответил — не хотел, чтобы Лос знал, как его сын томится по человеческому обществу, особенно женскому, особенно — обществу Валы.

Бегство казалось невозможным. Врата, снабженные ловушкой, были установлены сразу за единственной дверью и четырьмя окнами. Лос никогда не входил в комнату, хотя открывал иногда дверь, чтобы посмеяться над сыном. Обычно он общался с Орком через телеэкран на стене. И любил будить Орка среди ночи. За это Орк на него не злился. Время дня или ночи мало что значило для узника, и он был рад случаю увидеть человека и поговорить с ним — даже если это был его отец. Лосу он, конечно, этого не показывал.

Через три месяца после помещения в тюрьму из сдвоенного тела Орка посыпались драгоценности.

Глава 29

Сначала Орк решил, что покрылся нарывами вследствие какой-то инфекции. На обеих его половинах быстро, как грибы, появились твердые вздутия — только лицо и шея остались чистыми. Они ужасно чесались, и тонкая кожица над ними лопалась при малейшем прикосновении. Из трещин иногда сочилась кровь, но гноя не было. Внутри просматривались какие-то многогранники, на ранней стадии эластичные, как резина. Позже они стали твердыми, как камень. Цвета и оттенки этих образований были самыми разнообразными.

Орк понимал, что обыкновенной болезнью заразиться не мог. Тоаны обладали иммунитетом к прыщам, нарывам и любой кожной инфекции. В его хвори, должно быть, повинен Лос.

Через неделю вздутия увеличились. Величиной они были с грецкий орех, но гораздо тверже, чем его скорлупа. Кожа над ними уже не лопалась, а зуд после первых трех дней прекратился. Орк перестал скрестись, и все расчесы зажили часов за пять.

К счастью, на змеином брюхе выросты отсутствовали. Иначе двигаться по гладкому полу было бы и болезненно, и затруднительно. Даже теперь, хотя Орк перемещался боком, его извивающийся хвост то и дело скользил.

Лос, когда появлялся в дверях или на экране, отказывался отвечать на вопросы Орка, сказав только:

— Это не болезнь.

Кожа над всеми опухолями лопнула в один и тот же час, и их содержимое с грохотом посыпалось на пол. Это были граненые камни — они походили на драгоценные и блестели на свету.

Вскоре после этого в дверях появился Лос. Он долго смеялся, потом сказал:

— Ты у нас ходячая сокровищница, Орк, сам себе прииск и ювелир. Скоро ты будешь по самую задницу, человеческую задницу, в бриллиантах, изумрудах, гранатах, рубинах, сапфирах, аметистах и хризобериллах. Может, даже утонешь в них. Благодарю меня, сын мой. Твой отец осыпает тебя драгоценностями, хотя ты не заслуживаешь ничего, кроме навоза и пепла. История о твоём роковом богатстве и твоей странной смерти разойдется по всем мирам — я уж прослежу за этим, — и ты станешь такой же легендой, как Шамбаримен и Манату Ворсион.

Вместо ответа Орк нагнулся к полу, зачерпнул пригоршню еще влажных самоцветов, выпрямился и швырнул камни в дверь. Лос сделал лишь небольшой шаг назад и тут же вернулся на прежнее место.

Камни, вылетевшие за дверь, исчезли.

Орк убедился, что ворота находятся именно там.

— Теперь ты будешь видеть меня только на экране, — сказал Лос. — А от камней избавиться тебе не удастся. Тони в своем море красоты!

Он закрыл дверь. Вскоре круглый плафон на потолке скользнул вбок, и в отверстие один за другим высыпались камни, которыми Орк швырнул в Лоса. Орк собрал их вместе с другими и бросил в уборную. Через десять минут все они вернулись к нему с потолка.

Джим снялся с якоря и вернулся на Землю. Он тут же начал читать заклинания и вернулся к Орку через четыре тоанских месяца. Орк брал блюда с едой из вращающейся ниши в стене. Он должен был есть и пить в огромных количествах, чтобы обеспечить энергию для созревания самоцветов. Почти все его время уходило на переваривание пищи и освобождение от нее. Жажда и голод будили его каждые два часа, так что спал он урывками. Если бы он попытался ограничиться нормальной диетой, то меньше чем через сутки подвергся бы обезвоживанию, а через трое суток умер бы с голоду.

Драгоценности лежали на полу слоем в три дюйма. Ползая по ним, Орк скользил, терял равновесие, и ему стоило большого труда перемещаться с одного места на другое. Пришлось ему приспособиться к новому способу передвижения. Свое человеческое туловище он держал теперь не вертикально, а на одной линии с туловищем змеи, и руками отгребал с дороги самоцветы.

Но вскоре их обещало стать так много, что Орку больше не удастся расчищать себе путь.

Теперь вопрос заключался в том, от чего он умрет раньше: от слабости или от удушья. Придет время — и он уже не сможет добраться до подноса с едой и до водопроводного крана: камни завалят и то, и другое.

Впервые в жизни Орк пришел в отчаяние. Казалось, что смерть — единственный выход из этой комнаты. Джим тоже, как и Орк, пал духом и потерял всякую надежду. А тут еще мозг-призрак разрастается. Впрочем, если Орк умрет, то эта угроза исчезнет. Похоже, только так и можно решить обе проблемы.

Пропутешествовав туда-сюда двенадцать раз, Джим вернулся к Орку в ночь, когда перед властителем встал выбор: бежать или погибнуть. Между самоцветами и потолком осталось всего несколько футов. Орк раскопал два широких и глубоких колодца — к пище и крану с водой. Ямы

постоянно заваливало, и каждый день их приходилось расчищать заново. Добраться до уборной Орк больше и не пытался, и в комнате стояло зловоние, напомнившее Джиму о сортире старого Думского.

Комната просматривалась через мониторы на стене — были, возможно, и другие датчики. Лос, скорее всего, наблюдал за сыном лишь урывками, если только не носил с собой приемник. Впрочем, он мог приставить кого-нибудь вести наблюдение круглые сутки. И уж конечно, Лоса сразу предупредят — либо автоматика, либо живой оператор, — если узник вздумает сделать что-нибудь неподобающее. Хотя все стены, за исключением нескольких футов под потолком, теперь завалены драгоценностями, замаскированные мониторы могут быть и на потолке.

Орк уже думал, не замазать ли оставшиеся стены и потолок своими экскрементами — но если мониторы ослепнут, об этом доложат Лосу.

Он разгреб заново яму над краном. Это не вызовет тревоги у мониторов: Орк делает это каждый раз, когда хочет пить. Докопавшись до крана, Орк крепко ухватился за него, надеясь, что кран не оторвется от увеличивающейся нагрузки. Змеиное туловище было вытянуто вдоль комнаты. Попеременно хватаясь руками за металлический кран, Орк начал усиленно извиваться.

Живые наблюдатели могли бы подумать, что у него какой-то припадок, и сообщить Лосу. Но вряд ли им пришло бы в голову, что Орк таким образом подготавливает побег. Скорее всего, они подождут и посмотрят, как будут развиваться события.

От усиленных движений камни вскоре засыпали весь торс Орка. Змеиная часть тоже скрылась под ними, хотя находилась ближе к поверхности, чем человеческая. Тогда Орк стал шарить хвостом, пока не зацепился им за вертикальную ванадиевую перекладину оконной рамы. Сделав это, он обмотал хвост в несколько витков вокруг бруса.

Если рама приварена к металлической стене, она устоит против самых мощных его усилий. Притом Орк сейчас находился не в лучшей своей форме. Однако, когда он напрягся так, что пот проступил по всему телу и начал есть глаза, а вены вздулись до величины маленьких змеек,

рама отошла от окна, издав скрип, который могли засечь мониторы.

Кран погнулся, хотя и был сделан из очень толстого и прочного металла.

Орк выбрался из-под тяжелой, но рыхлой груды камней. Горизонтально вытянув торс, хватаясь руками за камни и бешено работая хвостом, он быстро добрался до окна. Потом продвинулся на несколько футов вдоль стены и начал бить хвостом по окну. Сначала минеральные наросты под кожей смягчали боль от ударов. Зато почти нестерпимые мучения доставляли Орку трещины, возникающие над незрелыми камнями. Но после каких-то двадцати ударов все камни вылетели, от чего стало еще больнее. Продолжая молотить хвостом, уже незащищенным, Орк сцепил зубы. Окно покрылось кровью.

Когда Орк уже думал, что больше не выдержит, и его удары стали слабеть, окно вывалилось наружу. В отверстие тут же хлынул град самоцветов. Орк скользнул к окну и высунул хвост наружу и вверх. Водя им по стене над окном, Орк нащупал какую-то вертикальную опору, стоящую в нише. Он обмотал хвост вокруг ее основания и просунул в окно голову и плечи.

Единственным источником света была луна, но Орк разглядел, что хвостом он держится за металлическую статую. Теперь он точно знал, в каком месте огромного, запутанного города-дворца находится. Это северная сторона одного из первых зданий, построенных на самом нижнем уровне. Этому строению было около двух тысяч лет, и родители Орка давно поговаривали о том, чтобы снести его и поставить новое. Стиль рококо, слишком вычурный, их больше не устраивал.

Во дворце зажегся свет, но никаких признаков жизни не появилось. Возможно, здесь остались только теледатчики — все обитатели переехали в Голгоноозу. Лоса уже наверняка разбудили, и он, возможно, уже прошел через врата — в этом здании или в соседнем.

Орк крепче стиснул хвостом ноги статуи и вылез из окна. Какой-то миг он висел вниз головой, вытянувшись в свою полную длину. Потом мощные змеиные мускулы подняли его, и он изгибал свое змеиное тело, пока не переместился вверх головой. Вскоре он уже ухватился за

плечи статуи и отцепил хвост от опоры. Пальцы едва держали вес оставшегося на миг без опоры змеино-го туловища, но Орк тут же поднял его вверх и зацепился за статую у себя над головой. Так, передвигаясь от статуи к статуе, он вылез на крышу.

Как он и предвидел, там стояли несколько летательных аппаратов разного типа и размера. Орк выбрал себе белую машину класса «Скакун II». Она была достаточно велика, чтобы вместить его огромное тело. Расположиться на пилотском сиденье так, чтобы иметь возможность вести машину, было нелегким делом. Верхнюю часть змеиной половины пришлось втиснуть в промежуток между двумя сиденьями, а потом изогнуть ее так, чтобы дотянуться руками до панели управления. За неимением ног на педали придется нажимать тоже руками. Лететь будет не слишком удобно, если не включать автоматику, но опасности нет — надо только соблюдать осторожность при некоторых маневрах.

Орк надеялся, что голосовой код, включающий двигатель, не изменился. Код остался прежним, но это еще не означало, что в механизме не спрятан прибор самоуничтожения, позволяющий взорвать аппарат. Такой прибор может сработать и автоматически, и по радиосигналу Лоса. Машина также может взять управление на себя, опознав в пилоте незнакомца. Тогда Лос посадит ее, где захочет сам.

Приходилось идти на риск — у Орка не было другого выбора.

Ни одна из машин не была вооружена и не имела оружия на борту.

С обеих сторон «Скакуна» возникли световые веера десяти футов длиной. Послушные Орку, они начали ходить вверх и вниз быстро-быстро, как крылья колибри. Машина медленно оторвалась от площадки, и вспышки сефидвигателя преобразились в ровное свечение. Орк включил радар, инфракрасный детектор и головные огни. Яркий свет «Скакуна» заметят с любого встречного аппарата, так что лучше видеть, что у тебя впереди.

Понадобилось шесть минут головокружительного ускорения, чтобы покрыть сто пятьдесят миль. Когда Орк сбро-

сил скорость, впереди сверкали, становясь все ярче, огни Голгоноозы. Лос, должно быть, уже побывал в старом дворце, узнал, что там случилось, включая и похищение «Скакуна», а теперь вернулся обратно сюда. Или вот-вот вернется. Он должен догадаться, что сын, пока остается полуживым, не станет спасаться бегством, а явится в Голгоноозу, к нему.

То ли Лос действительно успел вернуться, то ли вообще никуда не уходил, но был он здесь, в новом городе. Орк направил машину круто вниз, чтобы посадить ее на площади перед башней с витым куполом — резиденцией Лоса, — и увидел отца. Лос бежал через площадь, нетвердо держась на ногах. На нем был только короткий килт с поясом, где висел в кобуре лучемет. Рукой Лос зажимал бок, словно там что-то болело.

Впереди него, в облаке прозрачного белого ночного одеяния, бежала мать Орка. Стройные ноги Энитармон быстро мелькали, лицо выражало отчаяние. Лос, хотя мог оглушить или убить ее из лучемета, был так взбешен, а возможно, так тяжело ранен, что забыл об оружии. Или же берег его на самый крайний случай.

Выворачивая «Скакуна» так, чтобы оказаться позади Лоса, Орк увидел, что у того между пальцами торчит рукоять кинжала и часть лезвия. Видимо, это Энитармон нанесла мужу удар между ребер, хотя и неглубокий. Значит, ее не держали под замком — или недавно освободили. А возможно, отец лгал, что заточил ее в тюрьму. Как бы там ни было, мать узнала, что сделал Лос с их сыном. И остановила мужа, чтобы тот не успел предпринять что-то против Орка. У них завязалась борьба, и она вонзила кинжал ему в бок. А потом убежала.

Сефи-крылья работали бесшумно. Их блеска Лос не видел — или был слишком увлечен погоней за женой, чтобы обращать внимание. Орк, ведя машину футах в шести над светящейся разными цветами мостовой, направил ее нос в спину Лоса. Энитармон споткнулась и упала на одно колено. Лосу хватило этого мгновения, чтобы с криком настичь ее. Схватив ее обеими руками за горло, он не дал ей встать. Она опустилась на оба колена, отклонившись назад и вцепившись в запястья Лоса.

За миг перед тем, как нос «Скакуна» ударил Лоса между лопаток, Энитармон, отняв правую руку, выдернула кинжал из раны в боку супруга. Лос взвыл от боли. Она хотела вонзить лезвие мужу в живот, но летучая машина уже сбила того с ног, и кинжал скользнул по груди, а Лос, упав, придавил жену. Кинжал лег рядом с ее рукой. Однако удар был совсем не таким сильным, каким мог бы сделать его Орк. Даже переполненный яростью, окончательно он рассудка не утратил. Он не хотел причинить вред матери, обрушив на нее Лоса со слишком большой силой. И не хотел убивать Лоса — пока.

Даже и теперь Лос тяжело придавил Энитармон. Он лежал на ней ничком, раскинув руки, оглушенный или потерявший сознание. Энитармон не пыталась сбросить его с себя. Должно быть, ее тоже оглушило, когда она ударилась затылком о мостовую.

Орк откинул верх летательного аппарата и выполз наружу. Энитармон, увидев его через плечо Лоса, закричала. Даже если Лос рассказал ей, что он сделал с Орком, наяву это зрелище превосходило все, что она могла вообразить. А кровь, покрывавшая Орка, еще усугубляла ужас от его чудовищного облика.

— Это я, мать! — прохрипел он. И, наклонившись, подобрал кинжал. Она умолкла, и глаза ее раскрылись до самых пределов возможного. Орк сбросил с нее неподвижное тело отца и сорвал с него кильт и набедренную повязку. Через несколько мгновений Энитармон вновь закричала, и крик ее не прекращался долго.

Орк отрезал Лосу мошонку. Потом выпрямился, вылушил оба яичка из оболочки, сунул их себе в рот — и начал медленно, с набитым ртом, жевать.

Ярость и легенды о властителях былых времен, поступавших так со своими врагами, толкнули Орка на это. А могло быть и так, что его змеиная половина пересилила человеческое отвращение к подобному действию. Орк стал полуживотным не только по внешнему облику.

Что бы ни толкнуло Орка на это, для Джима Гримсона это было слишком. Ему не пришлось читать заклинания, чтобы освободиться из властителя. Шок и отвращение порвали умственную связь, и Джим очутился в своей комнате. Он трясся и испытывал рвотные позывы.

— Конечно, доктор, нельзя надеяться, чтобы вы были мной довольны, — говорил Джим. — Вы запретили мне возвращаться к Орку, а я вот не устоял. Орк — это наркотик не хуже «ангельской пыли». Клянусь, я больше никогда не стану в него входить! Никогда! До тех пор, пока вы сами мне не велите — да и тогда мне не захочется, точно вам говорю. Все, я от него очистился! Рыжий Орк мне противен! Должен вам признаться, я испытал очень странное ощущение, когда он жрал яйца своего отца. На какую-то пару секунд это даже доставило мне удовольствие. Это потому, что я так сжился с Орком, что почти стал им! А потом меня сразу замутило! Да так, что я мигом стал самим собой и вылез из Орка. А не случись этого, я и посейчас мог бы сидеть в нем!

Лицо Порсены было непроницаемо, Джим предполагал, что доктор по-настоящему зол на него — только виду не подает. Зато все слова, которые доктор произнес до этого момента, были остры, как стрелы, и так же глубоко ранили. Теперь он заговорил помягче.

— Тебе было велено обратиться ко мне или к другому врачу, если ты почувствуешь, что желание вернуться становится неодолимым. Так и нужно было поступить. Надеюсь, что впредь ты так и станешь делать. Сейчас ты, с точки зрения психологии, находишься в водах, полных акул. Точнее, ты на переломе. С этого места возможны два пути: вперед и назад. Понимаешь?

Джим кивнул:

— Бог свидетель, я долго держался! Я знаю, что сам ничего не смогу. Теперь буду делать все так, как вы говорите.

— Не раньше, чем я тебе объясню, зачем предлагаю или приказываю сделать то или иное. Пациент должен четко сознавать все «почему» и «отчего» своей терапии.

— Я знаю. Вы мне это говорите каждый раз, когда мы готовимся перейти в следующую фазу терапии.

— Кое в чем ты очень проницателен, — улыбнулся доктор. — Из-за этого, в частности, ты и продвинулся быстрее, хотя и несколько иным путем, чем остальные. По моей оценке, ты созрел для фазы расставания.

— Но ведь... но ведь есть вещи, которые мне просто необходимо выяснить! Например, о мозге-призраке! И я хотел бы быть с Орком, когда он создаст земную вселенную и ее двойник! Господи, да это же все равно что видеть, как Бог создает мир! Нет — все равно что самому быть Богом, потому что это будет делать Орк, а я буду Орком! А еще я хочу знать, как Орк получил назад свое человеческое тело! И еще Лос. Когда я уходил, то думал, что ему конец, но Фармер-то пишет, что Лос еще был жив, когда Кихах явился в миры властителей!

— Может быть, Фармер напишет шестую книгу цикла и просветит тебя на этот счет. Но это его забота, а нам с тобой нужно проделать некоторые абсолютно необходимые процедуры. Представь, что было бы, если бы ты сидел на героине и умолял бы меня позволить тебе и дальше колоться, потому что тебе, мол, будет не доставать привычного кайфа, если ты бросишь? Улавливаешь параллель?

— Ну ладно,— медленно сказал Джим.— Только вам легко говорить.

— Потому что я объективен.

— Да знаю, знаю.

— Вспомни, как Орк попал на остров наркоманов, в страну вкушающих лотос. Хочешь оказаться в таком же положении? Он-то определенно не испытывал желания вернуться к наркотикам, после того как перемучился и завязал с ними. Ты страдал вместе с ним. Вспоминай об этих муках всякий раз, как тебе захочется попробовать наркотик.— Доктор подался вперед и сложил вместе кончики пальцев.— Я хочу, чтобы ты как следует обдумал вопросы, которые я сейчас тебе задам. Рассмотрю их со всех возможных сторон. Итак, Орк оказался на Антеме, в Нежеланном мире. Его поместил туда отец. Какие мысли возникают у тебя в связи с этим?

Джим задумался, скривив от усердия рот и закатив глаза. Потом сказал:

— Меня, то есть Орка, отправил туда отец. Вы думаете, я назвал Антему Нежеланным миром из-за того, что не нужен своему отцу? И он отправил меня, то есть Орка, туда как нежеланного. Это хорошо звучит, только я слово

«Антема» не выдумал. Это не сверхурочная работа моего подсознания.

У Джима, непонятно почему, участилось сердцебиение, и он слегка вспотел.

— Лос любил Орка, когда Орк был ребенком,— сказал доктор,— или, во всяком случае, был очень к нему привязан. Тогда он относился к сыну с теплом и заботой, хотя временами был с ним груб. Когда же Орк стал подростком и перестал быть милым, очаровательным малышом, отец, казалось бы, его возненавидел.

— Не «казалось бы». Возненавидел по-настоящему.

— Из этого следует?

— Что мои отношения с отцом такие же, как у Орка, так?

Порсена, не отвечая, продолжал:

— Что ты думаешь о своих детских видениях?

— Галлюцинациях, что ли?

— Назовем их видениями. Стигматы впервые появились у тебя в пятилетнем возрасте. Ты пришел с матерью в церковь, и изображение распятого Христа потрясло тебя. Ты вдруг увидел его как живого человека, не просто деревянную фигуру, прибитую к кресту, а краску принял за настоящую кровь. И закричал.

— До сих пор не знаю, что меня так напугало.

— Это не так уж важно. Важно то, что ты закричал и у тебя пошла кровь из рук, ног и лба. Ты впал в истерику, твоя мать тоже. Еще...

— Еще был человек, который парил за окном моей спальни, когда мне было четыре! И голый зеленый человек, которого я увидел у нас в саду полгода спустя. Он ел кукурузные листья! Я стал звать маму, но когда она пришла, зеленый человек уже ушел! А отец выпорол меня за то, что я вру! Но я видел того человека! Видел!

— А какого ты мнения о видении, которое имел перед тем, как тебя вынесли из горящего дома? Ты был прикован, обнаженный, к дереву, и гигантский серп готов был вот-вот опуститься, чтобы кастрировать тебя. Что скажешь также о видении человека-змеи?

— Они были пророческими. Предсказывали, что случится со мной, когда я буду в Орке. В каком-то смысле.

Видения были путанные, но кое-что в них было правдой. Все это случилось на самом деле.

— Я не спрашивал тебя, верны они или нет и как ты их толкуешь с точки зрения психологии. Я хочу знать, что ты чувствуешь, когда думаешь о них.

— О господи, доктор! — взорвался Джим. — Да ничего я не чувствую! Я вижу, куда вы клоните. Вы думаете, я выдумал, что из Орка сделали полузмея, потому что такой человекозмей мне приснился!

— Я не пытаюсь обесценить твои переживания. Просто обращаю твое внимание на некоторые параллели. Объясняй их сам, как хочешь. Однако позволь тебе заметить — ты отрицаешь, что чувствуешь что-либо на этот счет, однако отвечаешь весьма запальчиво. Пока мы не станем больше в это углубляться. Подумай как следует и потом сообщи мне о своих выводах.

Джим подался вперед, вцепившись в подлокотники кресла. Сердце у него билось еще сильнее, чем раньше, и он еще обильнее потел. Если он что и чувствовал, так это острое желание уйти из кабинета — и немедленно.

— Слушайте, док! — сказал Джим хрипло, но даже он сам мог расслышать в своем голосе умоляющие нотки. — Где я был, что я видел и делал, то есть что делал Орк — это все не фантазия! Это правда, и меня не волнует, какие там имеются параллели с моей жизнью на Земле и в мирах властителей! Черт, да я могу найти параллели между собой и тысячью других жителей Земли! Существует еще и такая вещь, как совпадение! Какое бы ни было у меня буйное воображение, я теперь знаю кое-что такое, чему никакое воображение не научит! Например, тоанский язык. Хотите послушать беглую тоанскую речь? Самон-ке фатх? Это значит: «Куда я сейчас пойду?» Орк-там Орк ман-ким. (Орка когда-то звали просто Орком.) Йем татх Орк-тха. (Теперь его зовут Рыжим Орком.) Если хотите, я расскажу вам длинную историю по-тоански. И грамматические правила объясню! А где я мог научиться делать из кремня ножи, наконечники для стрел и копий, скребки, зубила, да мало ли что еще? Дайте мне необработанный кремень, и я изготовлю из него любое орудие, которое только можно сделать из камня! Откуда бы я знал, как это делать,

если бы не побывал по-настоящему в Орке и не видел, как они с Иаджимом обрабатывают камень, и это не отложилось бы у меня в памяти? Потом эти рубцы от кнута, которые я принес с собой, когда Орка хлестал надсмотрщик! Ну да, я знаю, у меня уже бывали стигматы, и все это сплошная психосоматика! Но на этот раз у меня не просто шла кровь из спины! На ней были и рубцы! Они чертовски болели, они были настоящие! И еще эти мокрые сны по заказу, которым я научился от Орка. Вы учите пациентов контролировать сны и бредовые представления, но куда им до меня и по умению контролировать, и по реализму? Так откуда же это у меня? Само собой пришло? Нет, меня научил Орк! Я мог бы продолжать, но у вас уже и так масса причин задуматься, не вру ли я часом — верно? И вы, наверно, думаете, что если Орк отрезал яйца у своего отца, то и я бы хотел проделать это со своим?

— А ты не хотел бы? — спросил доктор.

— Иногда такой стих найдет, что думаешь — хорошо бы? Но клянусь вам, как бы я ни злился на отца, такое мне ни разу в голову не приходило. Подвесить его за то самое место — это да, но чтобы отрезать их и съесть, прямо так, сырыми — нет! Так разве стал бы Орк, если он существует только в моем воображении, делать то, о чем я никогда и не думал?

— Ответь мне сам.

— Ну, ясное дело, все это сотворило мое подсознание!

— И?

— И что еще вы хотите сказать? Воображение, само собой. Это же природный экстраполятор, как говорил мистер Лам. Дай ему только предпосылку, факт или идею, и оно воздвигнет целое здание, следуя правилам логики. Может, насчет этого вы и правы. Но насчет другого — нет. Этим вы не объясните мое знание тоанского, умение обрабатывать камень, и еще — я забыл сказать — мои познания в биологии и химии, которые мне неоткуда было получить, кроме как из мозга Орка. — Джим откинулся назад и попытался расслабиться. — А знаете, доктор, это можно проверить! Допросите меня на детекторе лжи — и вы увидите, что я не вру!

— Ты мой пациент, а не преступник. Кроме того, если ты веришь, что действительно побывал во вселенной Орка, то детектор, конечно, покажет, что ты говоришь правду. Только я не инквизитор, и ты не на дыбе. Истинно или вымышленно то, что пережил мой пациент, меня не касается. Меня не волнует, произошло это на самом деле или нет. Я считаю, что событие произошло постольку, поскольку это имеет отношение к терапии. Насколько уместно это событие в плане терапии? Какой прогресс или регресс проистекает из него? Вот единственные вопросы, имеющие значение. Это тебе понятно?

— Конечно! Но... разве не следует науке, да и всем вообще знать, что другие миры все-таки существуют? Параллельные вселенные? И по крайней мере один человек, я — ну, может, еще Кикаха и Вольф, — там побывал? Разве вам нисколько не интересно? Если мы трое сумели туда проникнуть, это всем должно быть интересно!

— Да, это верно, если смотреть с твоей точки зрения. Меня, как я уже сказал, в данный момент интересует только твой прогресс в терапии. И тебя тоже больше ничего не должно интересовать. Я слышал, Джим, твои родители придут сюда завтра проститься с тобой, а на следующий день уедут в Техас. Твой отец наконец-то решил встретиться с тобой. Эта встреча послужит прекрасной проверкой твоей реакции на стресс. Сможешь ли ты сдерживать свой гнев и не наброситься на отца? Как поведешь себя, если он набросится на тебя сам? Сумеешь ли удержаться от провокационного поведения? И как будешь реагировать, когда встреча закончится?

Доктор с Джимом обсудили разные варианты беседы и то, как Джиму при этом справляться с ситуацией. Психиатр не ждал от Джима, что тот не будет злиться. Он хотел только, чтобы Джим выказывал свою злость, в какой бы форме она ни проявлялась, в адекватных пределах.

— Как тебе известно, я, вскоре после твоего поступления к нам, посоветовал твоему отцу и матери тоже пройти курс терапии. Семье пациента следует пройти тот же курс лечения, что и он. Они отказались. Главным их доводом было, что они не могут себе этого позволить. Но...

— Настоящая причина в том, что я, по их мнению, единственный сумасшедший в семье! — выпалил Джим. — А им терапия ни к чему! Ха!

— Значит, это тебе придется научиться относиться к ним адекватно и позитивно. — Доктор взглянул на часы. — Еще один вопрос, Джим. Я тебе его уже задавал, но хочу услышать, каким будет твой ответ сейчас. Что из того, что ты узнал об Орке, самое главное?

Джим, нахмурясь, сгорбился на стуле, потом выпрямился.

— Ночь, в которую я совершил все эти путешествия... это была целая жизнь. Главное, пожалуй, вот что. У Орка много хороших качеств: мужество, выносливость, изобретательность, желание узнавать новое. Он вносит страсть во все, что делает. Еще какую! Но его страсть не имеет ничего общего с любовью. Не думаю, чтобы он по-настоящему любил кого-нибудь, кроме матери и тетки. Да и это его чувство, по-моему, замешано на похоти. А страсть без любви до добра не доводит. Неплохо для восемнадцатилетнего психа из семьи работяг, а?

— Неплохо. Не знаю только, искренне ты назвал себя психом или нет. Но нам предстоит еще много работать над твоей самооценкой.

— Вот еще тоаны эти. Господи! Им всем по многу тысяч лет, и в некоторых отношениях они словно боги. А чем занимаются? Войнами, завоеваниями, ревностью, убийствами, пытками и прочей мерзостью. За все эти тысячи лет они нисколько не продвинулись ни в духовном, ни в эмоциональном отношении. Они застыли раз и навсегда, и нет надежды, что они хоть как-то переменятся. Прямо как большинство людей у нас на Земле. Сплошная косность!

Психиатр кивнул:

— Хочу обратить твое внимание еще вот на что. Орк достоин восхищения за изобретательность и остроумие, с которыми он преодолевает множество преград на своем пути и выходит целым из расставленных на него ловушек. Что под силу Орку, под силу и тебе. На Земле множество препятствий и множество ловушек — экономических, социальных и психологических. Вот и пользуйся, как Орк,

своей изобретательностью и остроумием, чтобы все их преодолеть. И вовсе не надо для этого быть занудой-конформистом, как ты выражался на прошлых сеансах. Ты боишься стать винтиком, частью системы, если будешь вести себя согласно определенным морально-этическим нормам. Но можно быть заядлым индивидуалистом, не будучи при этом асоциальным элементом.

— Да,— сказал Джим, но было заметно, что он не до конца в этом уверен.— И все-таки есть вещи, которые я хотел бы выяснить. Мозг-призрак, к примеру. Что же это все-таки такое? Я не думаю, что будут какие-то перемены, если он овладеет Орком. Он ведь будет вести себя в точности как Орк. В каком-то смысле он и будет Орком. Так я, по крайней мере, думал. Но...

— Что но?

— Перед тем как я расстался с Орком в последний раз, мне было так паршиво, что я не очень-то обращал внимание на мозг-призрак. Мне показалось, что он потеснил меня. То ли придвинулся, то ли разросся — смотря как на это смотреть. Он будто бы окружил меня или взял в клещи, что ли. Как гигантская черная амеба, которая окружает и поглощает более мелкую клетку. Не уйди я прямо тогда — не знаю, что было бы. Я думал об этом на днях. Как вам такая идея? Я напрасно думал, что он завелся от этих голубых хлопьев на Антеме. А что, если он — смотрите не упадите,— если мозг-призрак совсем не пришелец какой-то, угрожающий Орку? Если это просто теневая сторона мозга Орка? И это мозг Орка вознамерился меня поглотить, а я-то принимал его за какую-то зловещую враждебную тень? И пугал себя мыслями, что он опасен для Орка. Но если в мозгу Орка не было иных чужаков, кроме меня? И что-то в Орке почуяло меня и собралось истребить? Сам Орк этого не сознавал. Но какой-то механизм в его нервной системе автоматически отреагировал на меня, как на врага. Если все это правда, то зря я боялся из-за силы, которая будто бы вот-вот одолеет Орка и вышвырнет его вон. Но все-таки у меня был хороший повод для боязни. Ведь это я должен был стать жертвой, побежденным, или, скажем лучше, съеденным! Только съел бы меня не кто иной, как Орк.

— Превосходная гипотеза. Вполне вероятно, даже вероятнее всего, что так и было дело. Поздравляю тебя с блестящим решением этой задачи.

— Спасибо. Только вы не сказали, правильно я решил или нет.

— Нет, не сказал — но очень возможно, что правильно. Если ты считаешь, что правильно, значит, так и есть. Кому и знать, как не тебе.— Доктор улыбнулся и встал.— Время наше вышло, Джим. До следующего сеанса.— Он включил интерком.— Винни, пригласите, пожалуйста, Санди Мелтон.

Джим неохотно, чувствуя, что они далеко не обо всем поговорили, вышел в приемную, кивнул Винни и открыл дверь в коридор. В тот момент там никого не было. Из-за чьей-то полуоткрытой двери слышалась музыка. Подойдя поближе к комнате Сью Бинкер, он узнал песню Филипа Гласса «Эйнштейн на пляже» в записи «Томато Мьюзик», единственной фирмы, которая не боялась выпускать нечто нестандартное.

Проходя мимо двери, Джим заглянул в щель. На стенке он увидел мантру Сью Бинкер. Это был петельчатый крест, древнеегипетский анкх, сделанный из обложек фермеровского цикла. Картинка на обложке британского издания «Личного космоса» привлекла внимание Джима. Там, на фоне фантастического пейзажа, были изображены Кикаха с рогом Шамбаримена и искусственно созданная гарпия, Подарга. Она то ли атаковала Кикаху, то ли намеревалась его трахнуть.

Вуши!

Звук за пределами слышимости.

Джима тянуло в верхнюю петлю креста.

Ушко раскрылось и пропустило его.

Он и ахнуть не успел, как очутился в Орке.

Позади, или как бы позади, раздался другой неслышимый звук. Это с лязгом захлопнулась железная дверь.

Откуда-то Джим уже знал, что юного властителя теперь называют уже не Рыжим Орком, а Кровавым. Этот титул он заслужил многочисленными убийствами — как властителей, так и лебляббиев. Он стоял на краю горного плато в отблесках мерцающего багрового света, кото-

рый шел откуда-то из-за горизонта, застилая синее небо. Вокруг стояли воины, все лебляббии, в зеленых доспехах, с алыми перьями и густо татуированными лицами. Из лучевых орудий размером с гаубицу они обстреливали войско на равнине. Пурпурные лучи поджигали лес, землю и людей; огромные деревья и человеческие тела взлетали на воздух в черном, с примесью красного, дыму.

То, что туземцев допустили к столь совершенному оружию, означало, что война между Орком и Лосом перешла в последнюю, отчаянную фазу. Раньше лебляббиям не разрешалось пользоваться ничем, кроме самого примитивного оружия. Стоявшие на равнине войска (армия Лоса) в свою очередь вели обстрел, откалывая куски от скал, и воины Орка падали, увлекаемые обломками, в пропасть глубиной четыре тысячи футов.

Рыжего Орка очень беспокоил мерцающий багровый свет на горизонте. Он предполагал, что это дает о себе знать давно забытое, еще дотоанское оружие, секретом которого Лос овладел во время своих долгих странствий, убегая от Орка. Сейчас Орк больше чем когда-либо жалел, что не убил Лоса тогда, в Голгоноозе, кастрировав его. Пока Орк хлопотал возле матери, Лос бежал.

Орк видел в дыму, как надвигается на плато стена, грозная, как око разгневанного Бога. В ней клубились оранжевые сгустки, которые, падая, оставляли за собой огромные кратеры (такие же, как на земной Луне, по прикидке Джима). Эта сила уничтожит и властителей-союзников Лоса, и солдат-лебляббиев еще прежде, чем доберется до армии Орка. Лосу, который, как видно, управлял этим апокалиптическим оружием издалека, до этого дела не было. Он был готов расколоть планету пополам, лишь бы погубить сына.

Орк повернулся и бросился к воротам, которые установил поблизости на всякий случай.

Когда Рыжий Орк проскочил в них, Джим сумел освободиться, пропев заклинание сибирского шамана. При этом он почувствовал боль, словно был привязан к Орку пуповиной, которую оторвали от него вместе с мясом.

Боль эта быстро прошла. Джим снова услышал два беззвучных звука: шорох и лязг. Он уже достаточно време-

ни находился в переходной фазе, чтобы надеяться, что вернется в свое тело.

Не тут-то было. Он снова оказался в Орке — правда, в другое время и в другом месте. Этот мир ранее принадлежал Увет, прозванной Буря, одной из жестокосердных дочерей Уризена, союзнице Лоса в его апокалиптической борьбе с Орком. Орк, после подобающих пыток, убил ее. Прошло уже много лет, как Орк бежал с расколотой пополам планеты.

Джим застал Орка в пылу любовного акта с собственной дочерью Валой, названной в честь его тетки. Его экстаз был так велик, что казалось, будто огненные шелковые нити опутывают его чресла. Вокруг звучал хор голосов, слишком прекрасных, чтобы быть реальными.

Джим нащупал тень мозга-призрака, но тот если и приближался, то очень медленно. Потому, сообразил позднее Джим, что Орк был почти без остатка поглощен наслаждением. Огненные шелковые нити опутали и Джима, но он сделал самое отчаянное в своей жизни усилие — и ускользнул.

Он стоял в больничном коридоре на половине шага, который сделал, увидев мантру Сью. На путешествие у него ушло всего полсекунды по земному времени.

Джим замер, повернулся, закрыв один глаз, чтобы не видеть мантру, и устремился обратно к доктору Порсене. Нет, к нему нельзя: у него сеанс с Санди Мелтон. Но ведь он сам велел Джиму тут же обратиться к нему или к другому врачу, если Джима потянет назад. И Джим обещал, что так и сделает, хотя тогда его позабавила мысль о том, что он может не устоять перед зовом сирен Многогорушного мира.

Дрожа, весь в поту, с тревогой, сидящей в нем, как черная наседка на черных яйцах, Джим побежал к доктору Тархуне.

Джим верил теперь, что ад существует. И помещается он в Рыжем Орке, в мирах властителей. Там же помещается и рай — одно не может существовать без другого.

Джим ни того ни другого не хотел.

— Матерь Божия! — завопил он, врываясь в кабинет. — Помогите мне! Помогите!

Доктор Порсена сидел у себя в кабинете и обдумывал свой следующий сеанс с Джимом Гримсоном. Это будет последний сеанс Джима в качестве стационарного пациента. В этот же день он перейдет на житье к Вайзакам. Расставание с больничной обстановкой будет для него пугающим. Выписка порой травмирует не меньше, чем помещение в больницу. Однако Джим сейчас гораздо лучше оснащен духовно и эмоционально против потрясений и забот «внешнего мира», чем в ту ночь, когда его доставили сюда.

Джим подвергался большой опасности навсегда застрять в коконе своих фантазий. Он мог бы, полностью ушедший в себя, не реагирующий ни на какие стимулы за пределами своего мозга, до конца дней разыгрывать у себя в голове приключения Рыжего Орка. При этом он перестал бы быть Джимом Гримсоном, сотоварищем Орка в умственной и физической жизни. Джим весь ушел бы в Орка, как вода в сухую губку, и от него не осталось бы и следа.

После спонтанного возвращения Джима в иной мир его оставили в больнице еще на неделю. Интенсивное лечение начали только после того, как продержали Джима несколько дней на транквилизаторах. Потом ему прекратили давать торазин, но предоставили столько индивидуальных сеансов, сколько ему потребуется. И Джим, и психиатр в этот период почти не знали сна. Порсене, кроме занятий с Джимом, приходилось выполнять свое обычное расписание.

Тем временем застукали Алого Буквовщика — он как раз прикреплял к стенке очередное сортирное изречение. На сей раз, однако, он целил выше и проделывал это в кабинете доктора Сцеволы. Преступником оказался калека, Младшенький Вуниер, и Порсену это не удивило. Вуниер всегда держался очень вызывающе.

Хотя он обещал отказаться от расклейки своих эпиграмм, его в виде наказания лишили некоторых льгот. Вуниер не возражал. На какое-то время он стал героем среди больных.

Из последнего визита родителей Джима в назначенный день ничего не вышло. Порсена не мог разрешить

Джиму с ними увидаться — пациент был не в том состоянии, чтобы подвергнуться травмирующим впечатлениям. Психиатра приятно удивило, что Гримсоны согласились отложить отъезд в Техас до тех пор, пока не поговорят с сыном. Теперь эта встреча наконец состоялась — и с результатом, которого Порсена не ожидал.

Кое-что в рассказах Джима озадачивало и тревожило доктора. Это побудило Порсену провести некоторые исследования, хотя он и чувствовал себя при этом немного глупо. Джиму он об этом не сказал и не собирался говорить. Долго еще — а возможно, и никогда.

Похождения Джима заделали некий колокол в уме Порсены. По волнам волшебного моря пронесся слабый звон. Желая удостовериться, что беспокоится он напрасно, доктор позвонил своей знакомой, доктору Мэри Брицци. Она была не только профессором английской литературы, но и заядлой читательницей фантастики всякого рода. Порсена назвал ей имена властителей, места и события, о которых упоминал Джим, не сказав, что почерпнул все это у своего пациента.

— Это все из «Дидактических и символических трудов» Уильяма Блейка, — сказала Брицци. — Но кое-что упоминается и в цикле Фармера, как тебе известно. А некоторых властителей, о которых пишет Фармер, нет у Блейка. Это уже вопрос творческого воображения. И родственные отношения между властителями у Фармера тоже несколько отличаются от блейковских.

А сведения Джима отличаются и от фармеровских, и от блейковских, подумал Порсена.

— Блейковский город Голгонооза и некоторые властители, например Манату Ворсион, Иаджим и Зазель из Пещерного мира, у Фармера не упоминаются. Фармер также пока нигде не писал, что Рыжий Орк был некогда человекозмей. У Блейка Рыжий Орк действительно был превращен на время в подобие змеечеловека. Но это сделал не Лос, его отец. Я проверю, но, по-моему, это был другой властитель, Уризен. То, что из тела Орка выделяются драгоценности, — это тоже есть у Блейка. В последней книге Фармера имеется любопытная интерлюдия. Кикаха видит вдали старика в странных одеждах, явно не властите-

ля. Я думаю, что этот старик — Уильям Блейк, и это будет открыто в следующем романе, если он будет написан. Но как мог Блейк, умерший в 1827 году, явиться живым в карманных вселенных властителей, мне неясно. Возможно, Фармер объяснит это в следующей книге. Можно спросить, что заинтересовало тебя, как психиатра, в этих двух мифотворцах?

— Они фигурируют в работе, которую я пишу, — сказал Порсена. — Если опубликуют, pošлю тебе экземпляр.

Повесив трубку, доктор надолго задумался. Допустим, говорил он себе, что параллельные миры и искусственные карманные вселенные действительно существуют. Допустим, что существуют властители. Допустим также, что Блейк каким-то образом получил информацию о них. Теория Джима о том, что Фармер узнал о карманных вселенных через «щели» или «вибрацию» в их смежных с Землей стенах, возможно, не лишена основания — если не лишена его сама предпосылка. Допустим на минуту, что и Блейк получил какие-то образы или иные сведения через те же щели. И эти образы легли в основу его «Дидактических и символических трудов».

Блейк, признанный гений и, возможно, сумасшедший, перемешал сведения о тоанских мирах с иудейско-христианской теологией и прочими концепциями. Результатом этого явились «Труды» — смесь истины, поэзии, мистики и аллегорий.

Но как мог Фармер, американский писатель, родившийся через девяносто один год после смерти Блейка, настроиться на волну практически той же самой информации? Следует отметить некоторое сходство между биографиями Блейка, Фармера и Гримсона. Всех троих посещали яркие видения или устойчивые галлюцинации. Блейк и Гримсон впервые испытали их в раннем возрасте. Фармер — будучи взрослым человеком. Он утверждает, что два раза видел привидения и наблюдал два мистических явления. Ни один из троих во время этих видений не находился под действием наркотиков.

Имеет ли какое-то значение эта непрочная связь между тремя людьми? Существуют ли параллельные вселенные, с которыми эти трое каким-то образом вступили в контакт?

Нет, нет, нет! Не может он, доктор Порсена, считать обоснованными ни эту предпосылку, ни вытекающие из нее рассуждения. Наиболее рациональное объяснение — это то, что фантастическая поэзия Блейка не имеет ничего общего с вибрацией, утечкой и щелями в стенах. Фармер частично использовал в своей работе произведения Блейка. А Джим Гримсон определенно читал что-то из Блейка, хотя и не помнит этого. Впрочем, он сам признавался, что часто читал в состоянии наркотического или алкогольного опьянения.

Ну а рубцы от кнута? Но ведь встречаются же стигматы, сопровождаемые повреждениями кожи.

Джим утверждает, что стал специалистом по обработке кремня и обладает обширными познаниями в химии. Это можно проверить.

Утверждает он также, что бегло владеет тоанским языком. Это проверить еще легче. Ни один восемнадцатилетний парень, ничего не смыслящий в лингвистике, не выдумает язык как систему — с синтаксисом, словарем и правилами произношения. Не будет у него и такого словарного запаса, как у властителей.

Порсену настораживал один факт. Его чуткое ухо уловило, что Джим, выпаливая тоанские фразы, произносит «р» в слове «Орк» самым неанглийским образом. Звук напоминал японское «р», хотя и не в точности. А все «т», за которыми следовала гласная, Джим произносил без придыхания. Отсутствовал легкий выдох после согласной, хотя обычно Джим выговаривал «т» с ним.

Доктор не допускал мысли, что Джим выдумывает. Парень искренне верил в то, что рассказывал. Однако человеческий мозг способен на самые неожиданные и самые невероятные выверты. Кому и знать об этом, как не психиатру.

Если проводить какие-то тесты, то делать это надо в секрете. Хороша будет репутация психиатра, коллеги которого решат, что он принимает заявления Джима всерьез. Впрочем, если откроется, что такие тесты все же проводились, можно будет подобрать какое-нибудь удовлетворительное объяснение. Например, исследование психологической базы бредовых идей пациента, их истории и тому подобное. Это уже закономерно.

Но этот проект придется отложить на будущее. Сейчас следует сосредоточиться на том, чтобы добиться излечения пациента или хотя бы ремиссии.

Винни сказала по селектору:

— Мистер Гримсон пришел, доктор.

— Пожалуйста, пусть войдет.

Джим вошел, поздоровался и сел. Вид у него был достаточно здоровый и уверенный. Темные круги вокруг глаз исчезли. Он улыбался. Но Порсена знал умение Джима делать хорошую мину при плохой игре. С другой стороны, мальчишке как будто нечего бояться. Возможно, ему даже не терпится уйти к Вайзакам и зажечь почти что нормальной жизнью. Во время сеанса выяснится, что он там испытывает на самом деле.

— До сих пор опомниться не могу! — воскликнул Джим. — Кому бы в голову пришло, что мой папаша вдруг станет просить прощения за то, что он сделал со мной? Я вообразить себе не мог, что он расплатится, как ребенок, упадет на колени и будет умолять, чтобы я его простил! Никак мне не верится, что он это от души. В следующий раз он опять будет тем же старым сукиным сыном, что и всегда! Но я и сам расчувствовался — и простил его, правда простил. Тогда. Но нельзя сказать, что я больше не держу на него зла.

— Я твоего отца не лечил, поэтому имею только поверхностное понятие о его характере и мотивах. Но из собственной практики и из историй болезни чужих пациентов мне известно, что подобные повороты в поведении случаются.

Доктор подумал о том, что раскаяние Эрика и его мольба о прощении имеют свою параллель в «Трудах» Блейка. Доктор Брицци сказала ему, что Лос и Энитармон раскаялись во всем зле, которое причинили сыну. И поспешили загладить свою вину, в точности как Эрик.

Брицци была заинтригована, когда Порсена стал спрашивать ее, действительно ли Рыжий Орк кастрировал своего отца и съел его яйца.

— У Блейка ничего подобного нет. У Фармера тоже. Откуда ты это взял?

— Из фантазий моего пациента.

— Вот как? Ну что ж, яйца Лоса все равно должны были регенерировать, отрасти заново, если верить тому, что пишет Фармер о биологических возможностях тоанов. Твой пациент занимается Блейком или Фармером?

— И тем, и другим. Это все, что я могу тебе сказать о нем. Порсена решил, что кастрация и каннибализм протекают целиком и полностью из желаний-фантазий Джима. Ни Блейк, ни Фармер ответственности за это не несут. И это, конечно, только совпадение, что и отец Джима в реальности, и родители Орка у Блейка просили прощения у своих сыновей.

— Извини, Джим,— сказал доктор.— Я задумался. Ты твердо решил жить у Вайзаков? Не привлекло тебя предложение родителей переехать к ним, как только они встанут на ноги?

— Нет уж. Я останусь тут, даже когда закончу терапию. Отец, может, и был откровенен в тот момент, но боюсь, что вскорости все вернется в то же гнусное старое русло. Как-нибудь съезжу их навестить. Только не сейчас и вообще не скоро.

В последующей беседе Порсена подчеркнул трудности и опасности, с которыми сталкивается амбулаторный пациент.

— Думаю, миссис Вайзак окажет на тебя стабилизирующее влияние. Ты говорил мне, что она сторонница строгой дисциплины — именно такой человек тебе и нужен. Но она может начать относиться к тебе как к приемному ребенку, как к замене покойному сыну. Начнет душить тебя любовью и будет с тобой не так строга, как была с Сэмом. Иначе говоря, сделает из тебя баловня, боясь потерять и тебя тоже. Есть также возможность, что ты станешь относиться к ней как к матери. Поосторожнее с этим. Она не твоя мать, которую ты упрекал за то, что она не заступает за тебя перед отцом. Она просто миссис Вайзак, великодушная женщина, принявшая тебя в свой дом. Помни об этом и сообщай мне обо всем, что будет у вас происходить.

— Хорошо. Думаю, все будет в порядке.

Они поговорили о Джимовой процедуре «расставания», которая уже началась. Джим пользовался методикой, раз-

работанной другими пациентами. На соответствующей стадии терапии отрываете обложку от первой книги цикла, а потом начинаете отрывать страницы одну за другой, и так до конца. Потом беретесь за вторую книгу — и так до последней. Джим решил, что пойдет дальше других и поместит вырванные страницы в дробилку для мусора.

Джим согласился с доктором в том, что не станет перечитывать ни одну из книг цикла. Судя по словам Джима, Порсена мог не беспокоиться на этот счет. Джим даже на их обложки не мог смотреть спокойно, так он боялся второго спонтанного возвращения.

— Никогда больше не хочу возвращаться в этого злобного сукина сына! — говорил он.

Потом они поговорили о средствах, которыми пользовались пациенты для входа в иные миры. Многие считали мантры и заклинания магическими приемами. Одной из задач терапии на последних стадиях было убедить пациентов, что все эти средства относятся к области психологии, а не магии.

— Такого явления, как магия, не существует, — сказал Порсена. — Но если пациенту удобнее считать, что он входит в другой мир с помощью магии, мы его не убеждаем. Лишь бы получалось — это для нас главное. Но нежелательно, чтобы пациенты в стадии ремиссии или излеченные полностью продолжали верить в магию. Только, пожалуйста, не говори это тем, кто еще не достиг твоей стадии.

Когда Джиму пришло время уходить, он встал и они с доктором обменялись рукопожатием.

— Я ведь не насовсем ухожу, мы с вами будем видеться раз или два в неделю, — сказал Джим. — И все-таки это как прощание. — Он подошел к двери, но остановился на пороге. — В мирах властителей мне встречалось много тайн. Почти все я разрешил или, по крайней мере, нашел им хорошее объяснение. Но в тайну тайн так и не проник.

— Что за тайна тайн?

— Если все вселенные, кроме первоначальной, были созданы властителями, то кто создал первоначальную? И зачем?

— Только молодые способны всерьез заниматься вопросами мироздания. Когда ты достаточно подрастешь,

чтобы понять, что ответов на эти вопросы нет, ты перестанешь спрашивать.

— Надеюсь, что никогда не вырасту настолько.

Порсена улыбнулся. Эта улыбка, наверное, кажется Джиму столь же загадочной, как у сфинкса. Парень, возможно, считает, что за этой гранитной египетской улыбкой скрывается мудрость веков.

И точно, скрывается. Потому что доктор знает о тайнах бытия столько же, сколько и сфинкс, а именно — ничего. Тайны тайн неразрешимы и в этом мире, и во всех других. Самое большее, что может сделать человек, — это попытаться решить «мелкие» тайны. Они достаточно велики для нас.

Послесловие д-ра Э. Джеймса Джаннини

I

Однажды, в ничем не примечательный день, одна замечательная английская девочка по имени Алиса прошла сквозь зеркало — и очутилась в причудливом фантастическом мире. Алиса была единственной в своем роде, поскольку ей удалось войти в фантазию, созданную другим человеком, а затем вернуться в альтернативный «реальный» мир. Возьмем для сравнения шизофреников и прочих психотиков — они обитают в своих собственных бредовых мирах и испытывают трудности с возвращением в реальный мир — в систему, общую для человечества. Дети тоже часто живут в тайном мире своей фантазии. Они почти не знают проблем, лавируя между двумя этими планами — фантазии и реальности, — но не умеют ввести взрослых в свой тайный мир.

Потому так и трудна работа психиатров, что им не хватает волшебного дара Алисы. Каждый пациент с бредовыми идеями — истинный властелин своей собственной вселенной. Каждая такая вселенная уникальна и присуща лишь данному индивидууму. У нее своя территория, своя база памяти и свой символический язык. Если психотерапевт проникнет в такой мир, он получит возможность найти корни изначальной травмы и добиться желаемого резуль-

тата. К несчастью, пациент оставляет за собой право менять свою персональную реальность, когда только захочет. У одних такие перемены происходят хаотически, у других, видимо, лишь тогда, когда им грозит неизбежное вторжение в их мир.

Знаменитый английский психотерапевт Р. Д. Лэнг создал школу, согласно которой шизофренический психоз предлагается считать альтернативным, полноценным вариантом реальности. Эта модель представляется полезной, по крайней мере, на ранней стадии терапии. Однако попытка проникнуть в суть психоза требует высокого профессионализма и большой затраты усилий. Эти затраты часто пропадали втуне. Пациент, единственный владелец своей бредовой системы, контролировал доступ в нее и менял ее форму.

Отчаявшись проникнуть за железный занавес, многие психиатры предпочитают полагаться на особый класс лекарственных средств, называемых нейролептиками, и с помощью этих средств борются с психозами. Мне всегда казалось, что это решает классическую проблему врача лишь наполовину. Нейролептики, используемые без применения других методов, снимают симптомы, но не устраняют причину расстройства. А с исчезновением бредовых симптомов может исчезнуть и ключ к причине, собственно и вызвавшей подобный бред.

Алисе удалось пройти сквозь альтернативный мир неврежимой. Этому миру была присуща некоторая стабильность. Если некоторые персонажи в нем и меняли форму, например ребенок Герцогини, основа шахматно-зазеркального мира оставалась незыблемой. Именно доступность и стабильность делает этот мир столь привлекательной альтернативой запертой наглухо зыбкой трясине, которую являет нам бредовая субреальность отдельного пациента. Бальзамом для психотерапевта, следовательно, мог бы стать мир с некими твердыми точками опоры и дверью, обеспечивающей свободный вход и выход.

За время моего пребывания в Йейле в качестве психиатра я встречался со многими пациентами, чьи миры были для меня закрыты. Их страхи и мои нейролептические средства казались мне двойной печатью, навсегда прегражда-

ющей мне доступ к тем коренным источникам страха, что отталкивали пациентов от реальности. В Йейле я и пришел к мысли использовать научную фантастику или «фэнтези» в качестве альтернативной реальности, которую мы с пациентом могли бы исследовать вместе.

К счастью для себя, я открыл цикл Филипа Хосе Фармера «Многоярусный мир». Он показался мне идеальным средством для исследования и лечения психических расстройств. «Врата» обеспечивают легкий доступ в его миры. Характеры привели бы в восторг Юнга: это целый набор архетипов, прямо-таки созданных для ретроспективного анализа. Разнообразие карманных вселенных предоставляет богатый, но ограниченный строгими рамками выбор реальностей.

На подступах к «многоярусной терапии» я попросил нескольких пациентов с психотическими симптомами прочесть серию Фармера. Далее в процессе терапии мы стали обсуждать не поступки самих пациентов, а сюжеты книг. Затем эти беседы приобрели более четкую фокусировку, чтобы пациент мог соотнести свой жизненный опыт с опытом персонажей Фармера. Теперь, когда пациент в промежутке между нашими сеансами испытывал стресс и, соответственно, срыв, в его психотическую реакцию все больше вклинивался «Многоярусный мир». По мере того как книжная вселенная вытесняла сугубо идиосинкразические формы альтернативной реальности, я получил возможность проникнуть в укромный мир своего пациента. Я чувствовал себя астрономом, который долго наблюдал Марс в кривом зеркале и наконец получил возможность ступить на красные пески этой планеты собственными ногами. И поскольку мы с пациентом встречались на общей планете, терапия быстро двинулась вперед.

Я отметил, что этот способ дает наилучшие результаты с подростками и молодыми людьми. И самыми большими энтузиастами были любители чтения. Особенно больших успехов добивались юноши и девушки, считавшие себя непригодными для жизни в нашем времени. Некоторые из них страдали психозами, другие слишком глубоко ушли в свой вымышленный мир. Переехав в Огайо, я нашел целый отряд желающих (и сочувствующих им родителей),

которые быстро усвоили принципы «многоярусной терапии». Поскольку пациенты не стеснялись высказывать свои мысли, я использовал мощный фактор групповой терапии и тем обеспечил участие в проекте врачей.

В обычной групповой терапии предмет обсуждения (содержание) не столь важен, сколько сам процесс. В конце концов, лицо реки создает течение, а не химический состав воды. Но поскольку каждый наш пациент испытывал в многоярусных мирах нечто уникальное, мы вернули содержанию его роль — и получили хорошие результаты. Все члены нашей группы пользовались теми же основными символами и архетипами, что давало им возможность свободно общаться, ускоряя тем процесс терапии. В общении пациенты получали возможность постепенно разрешить свои изначальные конфликты и вернуться в реальный мир. Пользуясь «многоярусным миром» как промежуточной станцией, они двигались от своей особой реальности к реальности, разделенной с другими, а от нее — к общей для всех человеческой реальности.

II

Рассказ Фармера о том, как проводят многоярусную терапию в Веллингтоновской больнице, очень верно отражает суть нашей деятельности. Наша терапия — живой процесс и постоянно подвергается эволюции. Мы много раз прерывали ее и продолжали вновь. Каждый новый этап приносил с собой множество усовершенствований. Как подчеркивает странно знакомый мне доктор Порсена, вся штука в том, чтобы терапия служила введением в реальность, а не заменяла ее. Как правило, наши пациенты были способны отличать свои бредовые идеи и фантазии от реальности — реальность их просто не устраивала. В тяжелых случаях «многоярусная терапия» пока не применялась. Шизофреникам не подходит терапевтическая система с использованием развивающихся реальностей.

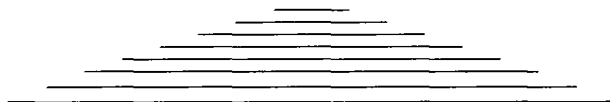
Читая описание групповых сеансов и индивидуальной реакции на них, я чувствовал себя так, будто наблюдаю одну из моих собственных групп. Хотя Филип Фармер ни на одной из них не присутствовал, воссоздал он это очень

точно. Все лица и события у него полностью вымышлены, но любой из моих бывших пациентов или коллег найдет в них нечто знакомое.

Сейчас готовится работа о «многоярусной терапии», где будут проанализированы все компоненты нашего метода. Можно надеяться, что мои коллеги по профессии пожелают внедрить этот метод в свою практику. Однако научный труд, будучи необходимым для распространения знаний, строится по иному образцу, чем сама исследовательская работа с ее этапами: эксперимент, анализ и разработка. А вот роман, хотя и опускает множество деталей, верно воспроизводит весь жар и пот научного поиска. Автор «Гнева Рыжего Орка» интуитивно чувствует суть психотерапии. Читая эту книгу, мы вместе с Джимом вступаем в реальный мир и берем жизнь в свои руки.

III

Алиса научилась бегать в два раза быстрее и стала королевой. Тогда она смогла выйти с обратной стороны зеркала и вернуться в Англию.

Книга седьмая
Больше чем огонь

*Линн и Джулии Карл,
Гэри Вольфу и Диди Уэйл посвящается*

Глава 1

— Они там! — сказал Кикаха. — Я знаю это, знаю! Я нутром чую, как силы планетные свиваются в гигантскую воронку, направляя нас к цели! Они там, впереди! Мы наконец нашли их!

Он утер со лба пот и, тяжело дыша, прибавил шагу.

Анана, шедшая за ним по пятам по крутой горной тропе, пробормотала себе под нос:

— Я поверю в это, только когда их увижу.

Кикаха редко обращал внимание на ее скептические — вернее сказать, реалистические — реплики.

Кикаха Хитроумный и Анана Светлая блуждали по планете трехногих вот уже пятнадцать лет. Искали они не святой Грааль, а кое-что получше: возможность выбраться из этой захолустной вселенной. Выход должен был существовать. Только где?

Кикаха, как правило, старался разглядеть светлую сторону событий. А если таковой не было, освещал мрак своим оптимизмом. Как-то раз он сказал Анане:

— Если твоя тюрьма — целая планета, быть заключенным не так уж плохо.

— Тюрьма есть тюрьма, — откликнулась Анана.

У Кикахи был с собой ключ к вратам, открывающим выход в другие миры, где жизнь текла бурным потоком. Ключом служил рог Шамбаримена, старинный музыкаль-

ный инструмент, висевший в замшевом футляре на поясе у Кикахи. Блуждая по планете трехногих, Кикаха трубил в рог уже тысячу раз. И каждый раз надеялся, что невидимое «слабое» место в ткани «стен», разделяющих две вселенные, откроется в ответ на семь нот и станет видимым. В стенах было полно таких трещин.

Но до сих пор ему не удалось их нащупать. Ведь каждый раз, когда он трубил в рог, трещина — выход из этой просторной темницы — могла находиться в сотне ярдов, однако за пределами действия рога. Кикаха знал об этом и чувствовал себя так, словно купил билет в тотализаторе на ирландских скачках, где шансы на выигрыш крайне малы.

Если он найдет врата, то есть выход, созданный одним из властителей и зачастую даже не замаскированный, можно будет считать, что он выиграл в лотерею. Коренные жители планеты рассказывали бесчисленные легенды о вратах — или о том, что могло быть вратами. Кикаха с Ананой исходили сотни миль, пытаясь добраться до источников возникновения слухов, но пока что находили лишь разочарование да новые легенды, посылавшие их по еще более длинному следу. Однако сегодня Кикаха был уверен, что их усилия будут вознаграждены.

Тропа вела на вершину горы, поросшей лесом. Гигантские деревья пахли, как казалось Кикахе, рассолом из-под квашеной капусты, смешанным с грушевым соком. Запах означал, что листья на кончиках ветвей скоро мутируют в плоды, похожие на бабочек. Яркие и пестрые организмы оторвутся от гниющих ветвей и полетят, не способные питаться, не способные вообще ни на что, кроме как парить в высоте, а потом умереть. И если их не склюют птицы и если повезет приземлиться на черноземное местечко, крохотные семечки, спрятанные внутри, прорастут через месяц побегам.

Множество чудес помогали переносить заточение на этой планете. Но чем дольше оставались здесь Кикаха с Ананой, тем больше шансов напасть на след беглецов появлялось у их заклятого врага Рыжего Орка. Кикаха часто вспоминал и о своих друзьях, Вольфе и Хрисеиде, взятых в плен Рыжим Орком. Убил он их, или им все-таки удалось сбежать?

Кикаха, которого на Земле звали Пол Янус Финнеган, был высокий, широкоплечий и мускулистый. Необычайно мощные, развитые мышцы ног делали его слегка приземистым на вид, скрадывая высокий рост. Все тело его покрывал густой загар; волнистые волосы до плеч отсвечивали красноватой бронзой; большемерное лицо с резкими чертами обычно лучилось весельем. Большие, широко расставленные глаза сияли зеленью весенней листвы.

Кикаха родился на Земле семьдесят четыре года тому назад, однако выглядел двадцатипятилетним.

Мокасины из оленьей кожи да поясной ремень — вот и все, что было на нем надето. На поясе висели стальной нож и томагавк. За спиной — колчан со стрелами и маленький рюкзак, в руке — длинный лук.

За ним шагала Анана Светлая — высокая, черноволосая, голубоглазая и тоже загорелая. Предками ее были люди, считавшие себя богами, и она действительно походила на богиню. Но не Венеру. Знаток античности, глядя на ее стройные, фантастически длинные ноги и плоский живот, сразу вспомнил бы о богине-охотнице Артемиде. Только вот богини не потеют, а с Ананы пот лил градом.

На ней тоже были всего лишь мокасины да пояс. И оружие было такое же, как у Кикахи, если не считать длинного копья, зажатого в одной руке. А за плечами — неизменный рюкзак.

Кикаха размышлял о туземцах, направивших его по этой тропе. Они были уверены в том, что Дверь в гробницу Спящего находится на вершине горы. Сами туземцы, с которыми говорил Кикаха, никогда не бывали на вершине, ибо им нечего было принести Стражу Двери в дар за ответы на вопросы. Но они знали кого-то, кто знал кого-то, кто навещал Стража.

Возможно, это путешествие принесет лишь очередное разочарование. Но Кикаха не мог игнорировать ни единого слуха или легенды, касающихся врат, созданных властителем. Да и что еще ему оставалось?

Чуть больше пятнадцати лет назад Кикаха вместе с Ананой выбрался из Лавалитового мира в мир Многоярусный. Тогда он был уверен, что вскоре им удастся выполнить задуманное.

Приключения в Лавалитовом мире — неустойчивом, опасном и постоянно меняющем форму — совершенно измотали их. Выбравшись наконец в Многоярусный мир, Кикаха с Ананой отдыхали там несколько недель. А когда набрались сил и здоровья, принялись за поиски и нашли врата, которые телепортировали их во дворец Вольфа, ныне необитаемый. Дворец находился на вершине монолита, завершающего Многоярусный мир.

Во дворце они обзавелись кое-каким оружием властителей, превосходившим все земное оружие, после чего активировали врата, через которые когда-то попали в горную пещеру на юге Калифорнии. Именно из этой пещеры Кикаха впервые вернулся на Землю после долгого отсутствия.

Но когда они с Ананой прошли через врата, то очутились на одной из планет этой захолустной искусственной вселенной, в мире вазиссов. Врата оказались односторонней ловушкой, и Кикаха понятия не имел, кто настроил их подобным образом.

Кикаха не раз хвалился, что ни одна тюрьма не сможет удержать его надолго. Если бы теперь эти слова вдруг обрели вещественность, ему пришлось бы их съесть. Наверное, по вкусу они напоминали бы помет канюка, посыпанный древесным пеплом.

Вчера они с Ананой прошли две трети подъема и заночевали на склоне горы. А на рассвете вновь продолжили восхождение, так что до вершины осталось уже немного.

Минут через пять Кикаха услышал сверху детские голоса. Еще две минуты спустя путники оказались на вершине небольшого плато.

Деревня в центре плато ничем не отличалась от других окрестных деревень. Частокол из заостренных бревен окружал около сорока бревенчатых хижин под коническими крышами. Посреди деревни возвышался храм — двухэтажное бревенчатое здание с круглой башней наверху и множеством деревянных идолов внутри и снаружи.

Если легенды туземцев не врут, в храме могли быть врата. В легендах говорилось, что в здании есть какое-то сооружение из «божественного» металла — тонкие металлические балки, образующие шестиугольный выход в мир богов. Или, как гласили другие сказания, в мир демонов.

Туземцы говорили, что шестиугольник находился на вершине горы еще до того, как боги создали местных жителей. Боги — или демоны — пользовались этим выходом задолго до появления на планете вазиссов и будут пользоваться им еще долго после того, как туземцы исчезнут с лица земли.

Первым рассказал эту историю Кикахе туземец-островитянин по имени Цаш. Он был жрецом божества некогда совсем незначительного, но ныне набирающего силы. Возможно, со временем божеству суждено было стать главным в пантеоне этого острова размером с земную Гренландию.

— Дверь в другие миры открыта, — заявил Цаш. — Любой может пройти через нее. Но он окажется лишь по ту сторону шестиугольной Двери, по-прежнему на нашей планете, если не сможет произнести волшебное слово. Хотя если кто-нибудь и сможет его произнести, еще неизвестно, понравится ли ему то, что он найдет по ту сторону.

— Скажи мне просто, где она! — попросил Кикаха.

Цаш махнул рукой в западном направлении. Жест этот вобрал в себя довольно обширную территорию, поскольку жрец стоял в храме, а храм — на вершине утеса, венчающего берег Восточного моря.

— Где-то там. Говорят, Дверь находится в храме — какому богу он посвящен, я не знаю, — который расположен на верхушке горы. Но все храмы, как правило, строят на верхушках гор или высоких холмов.

— Сколько примерно храмов в том краю? — спросил Кикаха.

— Лишь боги способны их счесть — так их много. — Жрец неожиданно воздел четырехпалые руки к небу и возопил: — Не ходи через Дверь, даже если ты знаешь волшебное слово! Ты можешь разбудить Спящего! Не делай этого! Иначе ты умрешь бесконечной смертью!

— А это что за штука? — поинтересовался Кикаха.

— Не знаю и знать не хочу! — проорал в ответ Цаш.

Кикаха продолжал расспросы, но жрец, казалось, целиком погрузился в молитвы. Огромные глаза его закрылись, а губы под зеленой шерстью, покрывавшей все лицо, бормотали какие-то слова, повторяющиеся и ритмичные.

Анана с Кикахой покинули храм и отправились на запад. Пятнадцать лет спустя, после долгих блужданий в направлении Западного моря, они взобрались на очередную гору с очередным храмом.

Кикаха сгорал от нетерпения. Он верил, что долгожданные врата находятся в храме. Несмотря на постоянные неудачи и разочарования, он позволял себе надеяться, что долгие поиски подошли к концу. Возможно, «позволял» — не совсем точное слово. Кикаха не умел управлять приливами вдохновения. Оно посещало его и испарялось, когда хотело, неподвластное ни разуму, ни воле.

Если Анана и была охвачена таким же радостным возбуждением, то вида не подавала. Тысячелетия жизни лишили ее всякого пыла. Правда, любовь к Кикахе и совместные приключения пробудили в ней некоторое жизнелюбие — даже большее, чем она ожидала. Зубило времени обтесало ее душу до неузнаваемости, хотя ему пришлось поработать над ней очень и очень долго.

— Они должны быть здесь! — сказал Кикаха. — Я нутром это чувю!

Анана потрепала его по щеке.

— Всякий раз, когда мы попадаем в храм, шансы на успех увеличиваются. Если, конечно, на этой планете вообще есть врата.

Дети, игравшие возле частокола, с криками помчались к ним навстречу, из чего Кикаха сделал вывод, что туземцев предупредили об их визите. Иначе дети с воплями удрали бы от них. Толпа детишек окружила пришельцев, мельтеша вокруг них, прикасаясь к ним, оживленно болтая и дивясь невиданным двуногим существам. Чуть погодя из-за частокола вышла группа вооруженных мужчин и прогнала мелкоту. И тут же в воротах деревни появился жрец, махнувший длинным деревянным посохом. На верхнем конце посоха крутился алый пропеллер, а в середине древка был прикреплен желтый диск со священными письменами.

За жрецом шли два жреца рангом помельче, и каждый вертел над головой трещоткой.

Туземцы не носили одежды, но были щедро украшены браслетами и серьгами, висевшими в ушах, носах и губах.

Головы и лица их, за исключением подбородков, покрывал короткий зеленоватый мех.

И все они были трехногими.

Ололон — властитель, который когда-то создал их предков на своей биофабрике, — был очень жесток. Он сделал их трехногими просто из любопытства. А затем, убедившись, что его создания ходят, пусть даже неуклюже и медленно, Ололон забросил их и позволил свободно размножаться и расселяться по планете. У туземцев не было родового имени, но Кикаха прозвал их вазиссами. Они ужасно походили на Вазисса — существо, изображенное на картинках фантастической книжки Джона Грюэля «Мышонок Джонни и волшебная палочка», которой Кикаха зачитывался в детстве.

— Приветствую тебя, Кразб, Страж Двери и верховный жрец бога Афресста! — сказал Кикаха на местном диалекте. — Меня зовут Кикаха, а мою подругу — Анану.

Слухи о странных двуногих и их поисках давно уже достигли ушей жреца. Однако этикет предписывал ему изображать полное неведение и задавать множество вопросов. Кроме того, полагалось собрать совет старейшин и шаманов, пригласить странников в здание совета, напоить местной бражкой и исподволь, слово за слово, выведать причину их появления здесь (как будто вазиссы не знали!), а также развлечь гостей танцами и пением.

Часа через три жрец спросил Кикаху и Анану, что привело их сюда.

Кикаха ответил. Но его ответ потребовал множества объяснений. И даже после этого Кразб не понял. Как и все туземцы, он ничего не знал о властителях или искусственных карманных вселенных. Очевидно, давно умерший властитель никогда не появлялся перед туземцами. Они были вынуждены придумать свою собственную религию.

Хотя Кикахе не удалось объяснить жрецу все подробности, тот по крайней мере понял наконец, что Кикаха ищет Дверь.

— Есть в вашем храме Дверь или нет? — спросил Кикаха. — За пятнадцать лет мы с Ананой посетили больше пятисот храмов. Если и в вашем храме нет Двери, мы, наверное, сдадимся и прекратим поиски.

Кразб, сидевший на полу, легко поднялся на ноги, что для трехногого вообще-то совсем нелегко.

— Двуногие незнакомцы! — сказал он. — Ваши долгие скитания окончены! Дверь, которую вы ищете, находится в храме, и вы совершенно напрасно не пришли к нам пятнадцать лет назад! Вам удалось бы сэкономить массу времени и сил!

Кикаха открыл было рот, задетый несправедливостью упрека. Но Анана тронула его за руку.

— Спокойно! — сказала она по-тоански. — Мы должны расположить его к себе. Что бы он ни говорил, соглашайся и улыбайся.

Вазисс сжал губы и нахмурил то место, где под зеленой шерстью могли скрываться брови.

— Конечно же, в храме есть Дверь! — заявил он. — Иначе с какой стати меня зовут Стражем Двери?

Кикаха не стал объяснять ему, что встречал как минимум двадцать жрецов, называвших себя «Стражами Двери». Однако все эти двери оказывались подделкой.

— Мы не сомневаемся в правдивости твоих слов, — сказал Кикаха. — Позволишь ли ты нам, о Страж, взглянуть на Дверь?

— Ну разумеется, позволю, — откликнулся жрец. — Однако вы явно устали, покрылись потом и грязью и проголодались, пока взбирались к нам на гору, пусть даже главную жажду свою вы уже утолили. Боги рассердятся на нас, если мы не примем вас со всем радушием, какое возможно при наших скудных достатках. Вас вымоют и накормят, а затем, если вы утомились, положат спать, пока вы не восстановите силы.

— Ваше радушие уже поразило нас своим размахом, — заверил его Кикаха.

— И тем не менее этого недостаточно, — заявил Кразб. — Мы умрем со стыда, если вы покинете нас и будете жаловаться в других деревнях на нашу скупость и нерадушный прием.

Настала ночь. Празднества продолжались при свете факелов. Гости как могли боролись со скукой и усталостью. В конце концов, далеко уже за полночь, Кразб невнятно возвестил, что всем пора на боковую. Барабаны и трубы умолкли, гуляки — те, что еще не отключились, — располз-

лись по своим хибарам. Распорядитель по имени Вигшаб провел гостей в хижину, сказал, что к их услугам целая куча одеял, и испарился.

Убедившись, что Вигшаб скрылся из виду, Кикаха вышел из хижины на разведку. Здорово набравшийся Кразб, очевидно, забыл поставить охранников. Кроме пьяниц, храпящих на земле, поблизости не было видно ни единого вазисса.

Кикаха вздохнул полной грудью. Дул прохладный и свежий ветерок. Большинство факелов туземцы унесли с собой, но на стене храма горели четыре ярких факела, и этого было достаточно даже в такую безлунную ночь.

Из хижины вышла Анана. Как и Кикаха, она лишь пригубила бражки.

— Ты слышал, как Кразб заявил, что за право воспользоваться Дверью придется заплатить? — спросила она. — Мне это совсем не нравится.

Глава 2

— Было слишком шумно. А что он сказал о цене?

— Что мы поговорим о ней утром. Что есть две разные цены. Одна — за право посмотреть на Дверь. Другая, куда более высокая, — за право войти.

Плата, как догадывался Кикаха, не будет взиматься деньгами. В основе экономики вазиссов лежал обмен товарами или услугами. Единственной ценной вещью, которую Кикаха мог предложить жрецу, был рог Шамбаримена. Кразбу, конечно, невдомек, какую силой обладает рог. Но жрец потребует его просто потому, что не видал ничего похожего.

А без рога им с Ананой через Дверь не пройти. С другой стороны, если его не отдать, придется сражаться с вазиссами, которых Кразб может подослать для тайной расправы.

Стоя в дверях хижины, Кикаха поделился этими мыслями с Ананой.

— Думаю, нам надо проникнуть в храм прямо сейчас и выяснить, там ли находятся врата. Если они там, мы пройдем через них. Если сможем.

— Я тоже так думаю,— согласилась Анана.— Пошли.

Пока они надевали свои пояса, рюкзаки и колчаны, Кикаха все думал об Анане. Что за женщина! Ни сомнений, ни колебаний. Она мгновенно оценивает ситуацию — возможно, даже быстрее, чем он сам,— а потом делает то, что нужно делать.

Откровенно говоря, его порой раздражало то, что Анана угадывала его мысли еще до того, как он их высказывал. И в последнее время он явно вызывал у нее такое же раздражение.

Слишком долго пришлось им оставаться наедине друг с другом, без общения с другими людьми. Вазиссы же весьма неудовлетворительно заменяли людей. Они почти не обладали чувством прекрасного и чувством юмора, и техника у них не развивалась уже несколько тысячелетий. Вазиссы умели обманывать, но не были способны оценить бесчисленные байки с массой вранья, которые Кикаха рассказывал им просто смеха ради. Кикаха ни разу не слышал, чтобы какой-то вазисс высказал нетривиальную мысль, и их культура была почти одинаковой на всей планете.

Анана с копьем в одной руке и факелом — в другой шла впереди. Кикаха, сжимая томагавк, следовал за ней чуть сбоку и сзади, пока они не добрались до храма. Бревенчатое здание было погружено во тьму. Охранники, которым полагалось стоять на часах, перепились и дрыхли на деревенской площади. Анана подошла к Кикахе, освещая факелом путь. Они обогнули здание, пытаясь найти какой-нибудь другой вход. Но вход был только один — большая двустворчатая деревянная дверь со стороны фасада.

Створки были перегороджены толстым бревном. Кикаха приподнял один конец бревна и вынул его из гнезда, а затем толкнул створку. Факелы, горевшие в нишах стены, осветили небольшое здание, которое стояло внутри в самом центре. Оно было уменьшенной копией храма.

Ни одного вазисса по-прежнему не было видно, разве что кто-то укрывался в самом Доме Двери, как называл здание жрец.

Кикаха снял балку, заграждавшую дверь в меньший храм, и растворил дверь. Анана встала к нему поближе. Кикаха сунул голову в дверной проем и оглядел малый храм. Два факела внутри освещали шестиугольник с двумя деревянными идолами по сторонам.

— Наконец-то! — сказала Анана.

— Я же говорил, что они здесь.

— Ты говорил так много раз.

Оба они не впервые видели ворота наподобие тех, что были в храме, — стоячий шестиугольник, образованный серебристыми металлическими балками толщиной с руку. Шестиугольник был достаточно широк, чтобы пройти через него вдвоем.

Они вошли в здание и остановились в нескольких дюймах от врат. Кикаха ткнул томагавком в середину шестиугольника. Но часть томагавка, вошедшая в пространство врат, вопреки ожиданиям Кикахи, не исчезла. Обогнув врата, Кикаха ткнул томагавком с другой стороны, и вновь безрезультатно.

— Неактивированы, — сказал он. — О'кей. Нам не нужно кодовое слово. Мы попробуем рог.

Сунув томагавк за пояс, он раскрыл замшевый футляр и достал оттуда рог Шамбаримена. Рог из серебристого металла длиной два с половиной фута весил меньше четверти фунта. Формой он напоминал рог африканского буйвола. Мундштук был сделан из какого-то мягкого золотистого вещества. В широком раструбе на расстоянии полудюйма от края виднелась паутинка или сеточка из серебристых нитей. Сбоку в ряд располагались семь маленьких кнопочек.

Когда свет падал под определенным углом, на поверхности рога вспыхивал иероглиф, занимавший почти половину длины.

Это было очень ценное произведение искусства, созданное выдающимся мастером и ученым из древнего рода тоанов, то есть властителей. Рог был уникальным. Никто не мог его скопировать, потому что внутренний механизм рога оставался непроницаемым для рентгеновских лучей, ультразвуковых волн и всех прочих средств проникновения в материю.

Кикаха поднял рог и поднес мундштук к губам. Он трубил, нажимая на кнопки в определенной последовательности, которую знал наизусть, и представлял себе, как семь нот вылетают из раструба, словно семь золотых гусей с серебряными крыльями.

Музыкальная фраза должна была сделать видимыми и активировать скрытые врата или «трещины», если они находились в пределах звукового воздействия рога. Ноты активировали также видимые врата. Это был универсальный ключ.

Кикаха опустил рог. Казалось, ничего не произошло, но активированные врата редко менялись внешне, несмотря на изменение своего состояния. Анана сунула во врата наконечник копья. Наконечник исчез.

— Работают! — крикнула она, вытаскивая копьё.

Кикаха задрожал от возбуждения.

— Пятнадцать лет! — воскликнул он.

Анана посмотрела на него и приложила палец к губам.

— Они все в отключке, — заметил Кикаха. — Если нам и нужно чего-то опасаться, так скорее того, что ждет нас по ту сторону врат.

Он мог просунуть через врата голову и поглядеть, что ждет их в другой вселенной. Хотя не обязательно в другой, поскольку врата могли вывести их в любое место на этой же планете. Но Кикаха знал, что совать голову опасно. Врата частенько бывали оснащены ловушками. Голову могло со свистом отсечь мечом. Или сжечь огнем. А иногда, сунув что-нибудь в пространство врат для пробы, вы могли получить смертельный электрический удар, или струю кипящей жидкости в лицо, или направленный лазерный луч и сотни других смертоносных штучек.

Лучше всего, чтобы избежать ловушки, сунуть во врата кого-нибудь, на чью жизнь вам наплевать, — раба, например, если он есть под рукой. Властители обычно так и поступали. Но Кикаха с Ананой могли совершить такое разве что с плененным врагом, пытавшимся их убить.

Копье Ананы вернулось из другого мира без повреждений. Однако ловушка могла быть настроена на распознавание плоти или даже биоволн высокоразвитого мозга.

— Хочешь, я пойду первой? — спросила Анана.

— Нет. Хотя я надеюсь, что это не опасно.

— Я пойду первой, — сказала Анана, но Кикаха прыгнул в пространство, обрамленное шестиугольником, не дав ей договорить.

Он приземлился на обе ступни, согнув колени, сжимая в руке томагавк и пытаясь охватить взглядом пространство со всех сторон сразу. А затем отошел в сторонку, чтобы Анана, пройдя через ворота, не столкнулась с ним.

Здесь царил полумрак. Тусклый свет из невидимого источника освещал громадную пещеру со сталагмитами, растущими из пола, и сталактитами, свисающими с потолка. Эти каменные сосульки образовались из карбоната кальция, растворяемого потихоньку сочившейся сверху водой, и походили на зубья разверстого капкана.

Но в общем, если не считать освещения, пещера ничем не отличалась от любой подземной каверны.

Анана прыгнула через ворота с копьем в одной руке и пылающим факелом — в другой.

— Пока что все нормально, — сказал ей Кикаха.

— Пока что слишком рано судить.

Хотя они говорили вполголоса, их слова, подхваченные эхом, отражались от стен и, словно шмели, летели обратно.

Пещера простиралась вдаль до бесконечности — и не только вперед, но и в стороны. Шестиугольные ворота стояли посередине, а за ними тоже темнело необозримое пространство пещеры. Прохладный сквознячок остудил вспотевшее тело Кикахи. По коже побежали мурашки. Конечно, им надо было более основательно подготовиться к переходу — взять с собой одежду, еду, запасные факелы.

Властитель, установивший ворота, очевидно, сделал это тысячи лет тому назад. Не исключено, что он воспользовался ими раз или два, а потом забросил. Властитель наверняка знал, где расположены другие ворота и куда они ведут. Но Кикаха с Ананой понятия не имели, что делать дальше, чтобы выбраться из этого мира. Впрочем, один способ можно было испытать.

Кикаха поднес рог к губам и протрубил серебристые нотки, нажимая пальцами на кнопки. Закончив играть,

он опустил рог и ткнул томагавком в шестиугольник. Конец томагавка исчез.

— Врата активны и с этой стороны! — крикнул он.

Анана чмокнула его в щеку.

— Может, нам и правда повезло!

Он выдернул томагавк и сказал:

— Если только...

— Что «если только»?

— Если только мы не выйдем обратно на планету трехногих. Такая шутка была бы вполне в духе властителей.

— Ну что ж, давай повеселимся!

Анана прыгнула в шестиугольник и исчезла.

Кикаха подождал несколько секунд, чтобы дать ей время посторониться или вернуться назад. А потом прыгнул сам.

Он с радостью увидел, что не попал обратно в храм вазиссов. На каменном помосте, где он очутился, не было видно врат, хотя они, естественно, там находились. Помост возвышался в центре круглой башни размером с амбар. Каменные стены венчал конический потолок из металла, покрашенный в красный цвет. В гладком каменном полу не было ни единого отверстия или лестницы. Никакой мебели. С четырех сторон света — по одной открытой арке. Из арки, располагавшейся слева от Кикахи, дул сильный ветер. В проемах арок виднелись холмистая равнина, лес и фрагменты похожего на замок здания, частью которого была и эта башня, возвышавшаяся над землей футов на пятьсот.

Анана вышла через одну из арок и прижалась к парапету высотой по пояс, оглядывая окрестности. Не оборачиваясь, она проговорила:

— Кикаха! Похоже, нас занесло куда-то не туда!

Он подошел к ней. Порыв ветра взметнул его волосы цвета красной бронзы, сдувая их вправо. Длинные черные блестящие пряди Ананы летели по ветру, словно чернильные струи осьминога, подхваченные сильным течением. Хотя голубовато-зеленое солнце стояло в зените и лучи его ласкали голую кожу, согреться на таком ветру было невозможно. Кикаха с Ананой, дрожа, пошли вокруг баш-

ни. Кикаха подумал, что дрожь их вызвана не только ветром.

Дело было не в отсутствии людей. Он повидал на своем веку немало заброшенных замков и опустевших городов. Кстати, этот замок был настолько широк и высок, что вполне мог вместить в себя целый город.

— Тебе тоже не по себе? — спросил Кикаха. — Словно это какое-то зачатое место?

— Совершенно верно!

— У тебя нет такого чувства, будто за нами кто-то наблюдает?

— Нет, — сказала Анана. — Я чувствую... ты решишь, что я спятила... Я чувствую, что здесь кто-то или что-то спит и лучше его не будить.

— Странное чувство, конечно, но это вовсе не значит, что ты спятила. Ты прожила так долго и повидала так много, что способна уловить недоступные мне нюансы.

Они прошли полкруга, и перед ними открылся вид замка с другой стороны. За крышами, венчающими части замка, на каменной колонне возвышался голубой блестящий шар. Кикаха решил было пройти еще дальше, чтобы увидеть шар целиком, но остановился и, поглядев вдаль, сказал:

— До этого шара не меньше четырех-пяти миль. И все равно он выглядит таким огромным!

— Вокруг него какие-то статуи, но я не вижу деталей, — заметила Анана.

Они решили пройти к громадному шару через замок-город. Но в башне с арками не было лестницы. Похоже, они оказались узниками самой высокой башни замка. Как прежние жители попадали сюда? Кикаха с Ананой внимательно осмотрели и простучали каждый дюйм каменной кладки внутри и снаружи, но не нашли ни потайной двери, ни подозрительно полых мест — ничего, что указывало бы на замаскированный вход или выход.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросил Кикаха. Анана кивнула и сказала:

— Попробуй.

Кикаха обогнул невидимый шестиугольник, через который они проникли сюда, и встал с обратной стороны.

Поднял рог и протрубил семь нот. Ничего не появилось, но, когда он ткнул томагавком в то место, где должны были стоять врата, оружие исчезло почти до самой рукоятки. Как и подозревал Кикаха, обе стороны врат были активны.

— Может, мы попали в какой-то лабиринт со множеством врат? — предположила Анана.

Кикаха прыгнул в шестиугольник, приземлился на обе ноги и шагнул вперед. Через пару секунд за ним последовала Анана. Они оказались в небольшой комнатке без окон и без дверей с полупрозрачными зеленоватыми стенами из твердой субстанции. Казалось, комната высечена внутри исполинского драгоценного камня. Свет проникал в нее сквозь стены, но был слишком тусклым, чтобы разглядеть все как следует. На противоположной стене тонкими черными линиями был очерчен шестиугольник. Если это не шутка, там должны быть врата.

Воздух здесь был тяжелый, спертый и неподвижный. На полу лежали два скелета — один человеческий, а другой получеловеческий. Среди костей блестели две пряжки от ремня, золотые кольца с драгоценными камнями и луче-мет в форме пистолета. Кикаха нагнулся и подобрал луче-мет. Движение заставило его вдохнуть больше воздуха, чем следовало. От нехватки кислорода сердце забилося как бешеное, а в горле сжался комок.

— Боюсь,— сказала Анана,— у нас не так уж много времени на попытку пройти через врата. Наши предшественники не знали кода и быстро умерли.

По идее, два предыдущих посетителя комнаты должны были использовать весь кислород. Но его тем не менее осталось достаточно, чтобы двое вновь прибывших не задохнулись сразу. Очевидно, владелец врат подкачал немного кислорода взамен того, что употребили непрошенные гости. Подкачал чуть-чуть, чтобы помучить следующих гостей предвкушением неизбежной гибели.

— У нас минута, не больше! — сказал Кикаха.

Он нажал на кнопку лучемета, показывающую количество энергии, оставшейся в запасе. Крошечный цифровой индикатор на кнопке продемонстрировал, что энергии хватит на десять полусекундных выстрелов убойной

силы. Сунув лучемер за пояс, Кикаха поднес мундштук рога ко рту. Дуть из всех сил не было нужды. Громкость семи нот не зависела от силы трубача.

Наконец в комнате отзвучала вся музыкальная фраза, и Анана сунула конец копья в шестиугольник, нарисованный на стене. Наконечник исчез. Она вытащила копье — на нем не оказалось ни повреждений, ни следов огня. Оба они понимали, что это еще ничего не значит, но легкие Кикахи уже ходили ходуном, а горло, казалось, вот-вот сожмется напрочь. На лице Ананы тоже был написан панический страх.

Несмотря на то что дышать становилось все труднее, Кикаха повернулся и протрубил семинотную последовательность еще раз, в направлении стены, противоположной вратам. Не исключено, что властитель спрятал там еще один выход. Врата в шестиугольнике могли быть смертельно опасной западней для неосторожных странников.

Стена ничуть не изменилась на вид, но Анана с силой потыкала в нее копьем в надежде обнаружить невидимые врата. Металл с лязгом отскакивал от стеклянной поверхности стены, звеневшей не хуже ксилофона. Похоже, врата в шестиугольнике были единственными.

Взяв копье наперевес, Анана прыгнула через врата. Спустя несколько секунд за ней прыгнул Кикаха. Как всегда, он слегка зажмурился, врезаясь в твердую на вид стену. Хотя сознание говорило ему, что никуда он не врежется, подсознание в этом убедить не удавалось. Пролетев сквозь мнимую твердь, Кикаха мельком заметил еще один шестиугольник буквально в футах от первого. Через секунду он уже миновал вторые врата и приземлился рядом с Ананой. Она изумленно взглянула на него. Впервые в жизни им встретились двойные врата.

Свежий воздух заполнил легкие.

— Боже мой, до чего хорошо! — простонал Кикаха.

Не будь у них рога, они бы уже стали трупами.

— Меньше секунды в одном мире — и сразу в другой, — сказала Анана.

Но им не пришлось разглядывать окрестности слишком долго. Через пару секунд они очутились в громадном помещении. Потолок был вышиной по меньшей мере в

сотню футов, а стены покрывали изображения каких-то невиданных существ. Яркий свет заливал помещение со всех сторон.

И вдруг оно сменилось песчаной пустыней, простиравшейся до самого горизонта, куда более далекого, чем на Земле. В багровых небесах сияло оранжевое солнце. Кикаха почувствовал, что сила тяжести стала гораздо больше.

Но не успел он промолвить и слова, как они с Ананой оказались на вершине пика — плоской, но такой маленькой, что им пришлось прижаться друг к другу, чтобы не упасть. Насколько хватало глаз, повсюду вздымались горы. Дул сильный и холодный ветер. Кикаха прикинул, что температура здесь явно ниже нуля. Солнце скрывалось за вершинами, а небо было голубовато-зеленым.

Ничего похожего на врата поблизости не виднелось. Возможно, врата застряли в горе, на вершину которой их занесло.

Однако еще через пару секунд они очутились на тропическом пляже, очень похожем на земной. Легкий бриз раскачивал ветви пальм. Желтое солнце стояло близко к зениту. Черный песок под ногами был горячим. Кикахе с Ананой пришлось бы бежать под деревья в тень, не будь их подошвы покрыты такими толстыми мозолями.

— По-моему, мы угодили в резонансную цепь из врат, — сказал Кикаха.

Но шли часы, а пейзаж не менялся. Устав от ожидания, Кикаха с Ананой побрели по пляжу и довольно скоро вернулись на прежнее место.

— Мы на острове — вернее, на островке, — проговорил Кикаха, — окружностью около полумили. И что дальше?

На горизонте не было ни пятнышка. Прямо за горизонтом мог лежать континент или другой остров, но могло быть и так, что океан простирается на тысячи миль вокруг. Кикаха обследовал деревья, которые с первого взгляда принял за пальмы. На них росли громадные гроздья, похожие на гигантский виноград. Если он не ядовитый, то голодная смерть им в ближайшем будущем не грозит. Может быть. Деревья можно срубить лучемером и сделать из них плот. Вот только бревна связать будет нечем.

Властитель, заманивший их в эту ловушку, желал уморить их медленной смертью.

Кикаха обошел остров по берегу еще раз, постоянно трубя в рог. Потом стал сужать круги, пока в поле действия рога не попал каждый дюйм островка. Здесь не было ни трещин, ни неактивированных врат. То, что рог не смог активировать врата, через которые Кикаха с Ананой сюда попали, могло означать лишь одно: врата были односторонними. Властитель, установивший их, закрыл их с другой стороны на «замок», то есть приспособил дезактивирующее устройство. Так делалось редко, потому что «замок» сжирал уйму энергии. К тому же мало у кого из властителей было в распоряжении это древнее устройство.

— Со временем замок рассосется,— сказала Анана,— и цепь откроется вновь. Но нам, боюсь, до этого не дожить. Разве что мы сумеем переправиться на большой остров или материк.

— Мы даже не знаем, где находимся и бывали ли в этой вселенной прежде,— заметил Кикаха.

Он срезал лучемером с ветки гроздь плодов величиной с бейсбольный мяч. От удара о землю некоторые плоды разбились. Хотя Кикаха стоял футах в сорока от них, запах тут же ударил ему в нос. Весьма неприятный запах.

— Фу-у! Правда, вонь еще не значит, что они несъедобные.

И все же ни Кикаха, ни Анана не прикоснулись к плодам. Когда голод станет совсем нестерпимым, можно будет попробовать — а пока они решили обойтись съестными запасами из своих рюкзаков.

Вечером третьего дня они легли на пляже спать в том же месте, откуда явились в эту вселенную. Они старались не удаляться от него. Если врата вдруг реактивируются, лучше оказаться от них поблизости.

— Властитель не просто заточил нас на этом острове,— сказал Кикаха,— но и камеру выбрал похуже. Мне надоело вечно чувствовать себя заключенным.

— Спи давай,— откликнулась Анана.

Ночное небо сменилось ярким солнечным светом. Они вскочили со своих песчаных постелей, и Кикаха воскликнул:

— Ну наконец-то!

Они похватили рюкзаки и оружие и через три секунды уже стояли на узком карнизе, глядя в бездонную пропасть.

Потом они очутились в пещере, залитой сверху солнечным светом. Кикаха поднес к губам рог. Но не успел он протрубить и одной ноты, как их занесло на крошечный утес, возвышавшийся на несколько футов над морем. Кикаха разинул рот, перестав трубить. Анана вскрикнула. На них надвигалась гигантская волна. Еще пара секунд — и она смоев их с утеса.

Однако прежде чем волна коснулась камня, они уже стояли в одной из небольших комнат, часто попадавших в этой резонансной цепи. Кикаха попытался дунуть в рог и активировать врата, которые разорвали бы цепь, но не успел. Следующие двенадцать остановок были не менее краткими.

Нравилось им это или нет — а им это не нравилось, — но они попали в замкнутый круг. Наконец, когда они вновь оказались на башне заброшенного города-замка, Кикахе удалось протрубить семь нот. Врата перенесли их в самое странное и неожиданное место из всех, где им довелось побывать.

— Кажется, мы разорвали цепь! — сказал Кикаха. — Но где мы? Тебе это место знакомо? Хотя бы понаслышке?

Анана покачала головой. Ее, похоже, охватил благоговейный трепет. А впечатлить Анану, прожившую так много тысячелетий, было отнюдь не легко.

Глава 3

Чешуйчатый человек был главным экспонатом в центре огромного зала.

Была ли то мумия, или чешуйчатый спал в анабиозе, родился он наверняка сотню-другую тысячелетий назад. Двое непрошенных гостей, вторгшихся в эту красочную, переливающуюся всеми цветами радуги усыпальницу, не могли точно определить ее возраст. Они просто чувствовали, что гробница была построена, когда их далеких предков еще не было на свете. В ней чувствовалось дыхание эонов.

— Ты когда-нибудь слышала о нем? — прошептал Кикаха. Затем, осознав, что говорить шепотом не обязательно, громко добавил: — У меня такое ощущение, будто мы

первыми проникли сюда с тех пор, как это... это существо было здесь погребено.

— Я не так уж уверена, что оно на самом деле погребено. И я никогда не слыхала об этом месте, равно как и о его хозяине. Даже имени его не слыхала. Хотя...— Анана задумалась на мгновение.— У моего народа были легенды о разумном, но не человеческом роде, который предшествовал нам, тоанам. Говорят, они нас создали. То ли эти легенды — часть доисторической тоанской культуры, то ли более поздний вымысел, этого никто не знает. Но большинство тоанов считают, что мы появились на свет естественным путем и что нас никто не создавал. Мои предки действительно создали лебляббиев, то есть людей твоего типа. Их, а также многие другие формы жизни, произвели на биофабриках моих предков, дабы заселить карманные вселенные. Но чтобы мы, тоаны, тоже были чьим-то творением — никогда!

Однако легенды описывали некоего Токину, весьма похожего на это чешуйчатое существо. Род токинов отличался от нашего. Мы вроде как вторглись в их вселенную и поубивали всех, кроме одного. В общем, я не знаю. На эту тему есть много противоречивых сказаний.

Посреди зала возвышалась невысокая массивная колонна, а на ней стоял большой, прозрачный и ярко освещенный куб. Существо с открытыми и мертвыми на вид глазами плавало в кубе.

— В одной из самых древних легенд говорится о том, что Токина, переживший войну, где-то спрятался. В какой-то недоступной гробнице. Там он уснул глубоким сном и пробудится лишь тогда, когда миры окажутся на грани гибели.

— А какое ему дело до миров и их гибели?

— Я просто рассказываю тебе легенду, передающуюся из поколения в поколение. Может, у тебя есть какие-то другие объяснения? Кто, по-твоему, этот тип и что это за место? В легенде говорилось также о том, что Токина наблюдает за вселенными. Взгляни-ка на изображения на стенах! Там целая уйма вселенных, и некоторые выглядят вполне современно.

— Как он может наблюдать за вселенными? Он же без сознания, а то и вовсе помер.

Анана развела руками:

— Откуда я знаю?

Кикаха ничего ей не ответил. Он озибался, разглядывая гробницу, увенчанную потолком в виде купола. Размерами она могла поспорить с ангаром для цеппелинов. Ярко-голубые стены, освещенные невидимым источником света, слепили глаза. Но, прищурившись, Кикаха разглядел тысячи надписей и рисунков, бегущих под куполом. Большинство из них напоминали буквы странного алфавита или математические формулы. Порою мелькали какие-то картины, словно созданные воображением буйно помешанного. Хотя, с другой стороны, такое впечатление могло быть результатом ограниченности человеческого восприятия.

По стенам тянулись горизонтальные ленты быстро меняющейся окраски, а между ними мерцали тысячи трехмерных изображений. Они вспыхивали и тут же сменялись другими. Кикаха обошел гробницу кругом, разглядывая изображения, появлявшиеся на уровне глаз. Некоторые пейзажи он узнал — они были из разных миров, где ему довелось побывать. На одной из голограмм был вид Манхэттена с высоты птичьего полета. Только в нижней его части возвышался двуглавый небоскреб, значительно превосходивший Эмпайр Стейт Билдинг*.

Изображения появлялись и исчезали почти мгновенно. Очень скоро у Кикахи разболелись глаза. Он закрыл их на минутку, а когда открыл, то перевел взгляд на главный экспонат. Основание колонны с гробом было круглым, и по ней вверх и вниз бежали разноцветные полосы. Существо, лежавшее в кубе обнаженным, явно принадлежало к мужскому полу. Яйца его покрывали голубые хрящевидные оболочки, испещренные дырочками для вентиляции. Пенис представлял собой толстый цилиндр без всяких железок или головки, но с тонкими и туго скрученными щупальцами по бокам.

Увидев их, Анана задумчиво пробормотала под нос:

— Хотела бы я знать...

— Что? — спросил Кикаха.

* Самое высокое здание в Америке. (Примеч. пер.)

— Его подружка наверняка получала дополнительное удовольствие от секса. Конечно, эти щупальца могли выполнять чисто репродуктивную функцию, но могли и доставлять женщине какое-то особое наслаждение... Не могу себе даже представить...

— Ты все равно не узнаешь.

— Может, и не узнаю. Хотя невероятное случается не реже вероятного. По крайней мере, пока я с тобой.

Ростом существо было около семи футов. Его тело очень походило по строению на человеческое, в том числе и четырехпалые ноги и пятипалые руки. Массивные мускулы были как у гориллы. А кожа — как у разноцветной рептилии, с чешуйками зеленого, красного, черного, голубого, оранжевого, бордового, лимонно-желтого и розового цвета.

Зубчатый, точно у динозавра, позвоночник изгибался вверху, так что массивная шея склонялась вперед.

Семь зеленоватых пластинок, то ли костяных, то ли хрящевидных, покрывали лицо. Темно-зеленые глаза, приспособленные к стереоскопическому видению, были расставлены шире, чем у людей.

Костяная пластинка прямо под челюстью создавала впечатление отсутствия подбородка. Из приоткрытого безгубого, как у ящерицы, рта высовывался язык, похожий на розового червя.

Нос и верхняя часть лица полого сбегали к макушке. А от макушки до самой шеи голову покрывала красноватая листва, состоявшая из плоских и небольших листочков. Были ли под ними костяные пластинки — оставалось только гадать.

Крохотные уши походили на человеческие, однако располагались гораздо ближе к затылку.

— А ты не думаешь, что это действительно уцелевший Токина? — задумчиво спросила Анана. И тут же ответила сама себе: — Нет, конечно! Это просто совпадение.

Они молча постояли, оглядываясь вокруг. Потом Ки-каха сказал:

— Вряд ли мы найдем здесь ответы на все вопросы. Для этого пришлось бы задержаться тут надолго, а у нас

нет ни еды, ни воды, ни нужных инструментов. Хотя какое-то время мы можем здесь побыть.

— Нужно выбираться отсюда,— заявила Анана,— а мы даже не знаем как. Предлагаю выяснить это, не откладывая.

— Нам ничего не угрожает, насколько я могу судить. Давай останемся тут ненадолго и попытаемся разузнать, что к чему. Когда-нибудь это может нам пригодиться.

Еды и воды у них было достаточно, чтобы продержаться дня четыре, если экономить. Правда, испражняться было некуда, но в такой большой усыпальнице можно найти уголок. У Кикахи мелькнула мысль, что это кошунство, но он отогнал ее.

— А вдруг нам потребуется срочно убраться отсюда? Мало ли что может случиться,— заметила Анана.

Кикаха задумался на мгновение.

— О'кей,— сказал он.— Ты права.

Он подошел к тому месту у стены, где они прошли через ворота, и протрубил в рог Шамбаримена. Как это часто бывало, музыка навевала ему видения чудесных зверей, удивительных растений и экзотических людей. Семь нот, как правило, бросали в дрожь того, кто их слышал, и вызывали из глубин подсознания образы, о которых человек даже не подозревал.

Последняя нота, казалось, зависла в воздухе, как муха-однодневка, решившая продлить свою короткую жизнь хоть на несколько секунд. Перед Кикахой появилось мерцающее пятно примерно пяти футов в ширину и десяти в длину. Блестящая стена склепа исчезла под пятном, и появился фрагмент каменной стены и каменного пола. Кикаха уже видел их, причем совсем недавно. Из этой самой башни они с Ананой и прошли в гигантскую усыпальницу. Выход был открыт, но Кикаха предпочел бы воспользоваться другими воротами, если удастся их найти. Этот выход вновь заведет их в замкнутый круг.

Через пять секунд вид каменной башни померк. На стене гробницы вновь вспыхнули изображения разных вселенных.

— Попробуй найти другие ворота,— сказала Анана.

— Конечно,— ответил Кикаха и медленно пошел вдоль стены, трубя в рог снова и снова.

Не успел он обойти и половины гробницы, как ворота открылись. Примерно в двадцати футах Кикаха увидел громадный валун. Вокруг него и над ним простирались ровная пустыня и голубое небо.

Кикаха не знал, в какой вселенной находится этот пейзаж. Не исключено, что на той же самой планете, где и склеп. Врата способны были перенести вас за полпланеты или на несколько футов — как когда.

Дальнейший обход по кругу не дал результатов. Кикаха отошел от стены на двадцать футов и начал следующий круг. Но тут его окликнула Анана:

— Иди сюда! Тут очень интересная картинка!

Кикаха подошел к ней. Она смотрела вверх, туда, где изображения как бы выскакивали из стены, чтобы тут же запрыгнуть обратно.

— Тут был Рыжий Орк! На картинке,— пояснила она.— Рыжий Орк!

— А фон ты разглядела?

— Такой фон может быть на тысяче планет. За ним была вода — большое озеро или море, не знаю. Похоже, он стоял на краю утеса.

— Продолжай наблюдать,— попросил Кикаха.— Я обойду гробницу еще раз, по более узкому кругу, и заодно буду посматривать на стены — вдруг да увижу Орка! Или что-нибудь знакомое. Да, кстати, я нашел еще одни ворота, но они ведут в пустыню. Будем иметь их в виду как запасной выход на крайний случай.

Анана кивнула, не отрывая взгляда от изображений.

Перед глазами Кикахи промелькнул центр Лос-Анджелеса. Он узнал здание Брэдбери. Следующие двадцать пейзажей были совсем незнакомы.

А затем на миг появился вид Лавалитового мира, откуда им с Ананой удалось бежать. Из ровной поверхности планеты стала медленно вздыматься гора, а река у ее подножия становилась все шире по мере того, как мелели ее притоки.

Какой смысл во всех этих картинках, если на них никому смотреть?

По спине у Кикахи побежали мурашки.

Слишком много вопросов — и ни одного ответа. Лучше всего не ломать себе голову зря. Но эта здравая мысль не смогла заглушить тревоги.

Закончив круг, Кикаха остановился. Рог не открыл больше выходов. И знакомых пейзажей на стенах тоже больше не появилось. Хотя оставались еще изображения значительно выше уровня глаз, разглядеть которые практически не удавалось.

И вдруг Анана закричала:

— Я снова видела Рыжего Орка!

Когда Кикаха подбежал к ней, видение уже исчезло.

— Он собирался пройти через врата! — сказала Анана. — Он был на том же утесе у моря, а потом шагнул к вратам. К стоячему шестиугольнику!

— Возможно, картинка не отражает нынешнего мгновения. С таким же успехом она может быть записью прошлого.

— Может быть, а может и нет.

Кикаха возобновил круговые прогулки с рогом. Обойдя всю гробницу несколько раз, он так и не нашел больше врат. Анане тоже не удалось еще раз увидеть их заклётого врага.

Кикаха направился было к гробу, чтобы обследовать его, как вдруг Анана воскликнула по-тоански:

— Элинттрия!

Кикаха обернулся и успел уловить последние две секунды очередной картинки. На ней была часть гигантской усыпальницы с гробом, а рядом стояли они с Ананой, глядя перед собой и немного вверх.

— Мы! — воскликнул Кикаха.

Анана помолчала немного и произнесла:

— В общем, удивляться нечему. Раз наблюдение идет за многими вселенными и мирами, естественно, что склеп тоже просматривается. Наблюдатели, кем бы они ни были, уже определенно знают, что сюда кто-то проник. Мы вторглись в гробницу незваными.

— Но пока против нас не приняли никаких мер.

— Вот именно, что пока.

— Следи за изображениями, — сказал Кикаха.

Он подошел к гробу и ощупал весь круглый постамент, но не нашел никаких выступов или впадин. Управляющие механизмы, если таковые имелись, не были скрыты в постаменте.

Кикаха попробовал снять гроб с колонны, но тот не поддавался.

Тогда Кикаха принялся обследовать стены. Целый час он бродил, разглядывая все, что можно было разглядеть. Он даже давил на картинки руками, чтобы убедиться, что за ними не скрывается панель управления. Кикаха надеялся, что при нажатии на стену часть ее может отойти, открыв потайной выход. Но надежды его не сбылись. Что ж, это было логично, но попробовать все равно стоило. Если в усыпальнице и находился какой-то центр управления, то он был невидим. И недоступен.

А между тем скрытые мониторы наверняка следили за его действиями.

Эта мысль вызвала за собой другую. Как же все-таки мониторы ухитряются следить за таким множеством вселенных? Земная техника, да и техника властителей на такое не способна. «Камеры», снимающие бесчисленные миры, должны быть недоступны для обнаружения. Какие-то особые постоянные магнитные поля? И они передают картинки через какие-то особые врата в усыпальницу?

Если все эти изображения сохраняются в некоем архиве, то он должен занимать исполинскую площадь. Может, он скрыт внутри планеты?

На все эти вопросы просто не было ответа.

Но какой-то смысл в таких наблюдениях все-таки должен быть!

— Кикаха! — позвала Анана.

Он подбежал к ней:

— Что?

— Тот человек — ну, помнишь, в одеянии землян-европейцев конца восемнадцатого или начала девятнадцатого века! — сказала она возбужденно. — Человек, которого мы видели в летающем замке Лавалитового мира. Я только что заметила его!

— А где он был — заметила?

Анана покачала головой:

— Знаю только, что не в здании. Он шел лесом. Но такие деревья могут расти и на Земле, и в Многоярусном мире, и на сотне других планет. Ни зверей, ни птиц я не видела.

— «Все страньше и страньше»*, — сказал по-английски Кикаха. — Он снова посмотрел вокруг и добавил: — Не думаю, чтобы нам удалось раз узнать здесь что-либо еще. Мы не можем без конца сидеть и ждать, надеясь, что мелькнет изображение Рыжего Орка, или незнакомца в старинном костюме, или — хотя видит Бог, как бы мне этого хотелось! — Вольфа с Хрисеидой.

— И все же хорошо бы запомнить дорогу и когда-нибудь вернуться сюда.

— Мы вернемся. А теперь пора уходить. Мне не очень-то улыбается перспектива снова очутиться в башне, но у нас нет выбора.

Они подошли к стене, где находились невидимые ворота. Кикаха поднес к губам рог и затрубил. Воздух замерцал, и перед ними появилась каменная башня, где они недавно были. Анана шагнула через ворота, Кикаха — за ней. Но он обернулся, чтобы бросить последний взгляд на усыпальницу.

И вдруг увидел, что куб засиял множеством лучей разных цветов и оттенков. Они вспыхивали, гасли и в мгновение ока сменялись новыми. Труп, окутанный оранжевым сиянием, начал медленно погружаться на дно куба.

— погоди! — крикнул Кикаха.

Но склеп уже скрылся из виду. Кикаха успел лишь заметить, как крышка куба приподнялась.

Кикаха не стал объяснять Анане, зачем он снова трубит в рог. Однако на сей раз вход в гигантскую гробницу не открылся. Их перенесло совсем в другое место.

Кикаха был в отчаянии. Видно, не судьба им вернуться когда-нибудь в усыпальницу.

Он машинально трубил снова и снова, но их все несло и несло по цепи. Через какое-то время они очутились на

* Цитата из «Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла. (Пер. Н. Демуровой.)

цветущей равнине с травой по колено. Далеко впереди темнела кромка леса, за ней вздымалась каменная стена — такая высокая, что вершины ее не было видно. Стена тянулась вправо и влево насколько хватало глаз. В ярко-зеленом небе сияло желтое солнце, такое же яркое, как на Земле.

Им надо было выбежать из зоны действия врат, пока те не понесли их снова по кругу. Кикаха с Ананой подпрыгнули, как два зайца, напуганные койотом, и рванули вперед. Они сразу поняли, на какой планете находятся.

А находились они на планете, именуемой Алофметбин, что в переводе означает «Многоярусный мир». Эту планету Кикаха любил больше всех. Широкая каменная стена вдаль представляла собой один из пяти колоссальных монолитов, из которых состоял Многоярусный мир, созданный в виде Вавилонской башни. Кикаха с Ананой находились на одном из монолитов, хотя и не знали каком.

Когда они остановились, Анана спросила:

— Тебе не кажется, что врата дали нам подозрительно много времени? Нам удалось от них удрать, а ведь такого раньше не бывало.

— Я думал об этом, — сказал Кикаха. — Но мы не сможем узнать наверняка. И все же ты права: похоже, будто поезд, следующий без остановок, притормозил немного, чтобы дать нам спрыгнуть.

Она кивнула. Лицо ее было угрюмо.

— Боюсь, кое-кто специально это подстроил.

— Рыжий Орк!

Глава 4

— Очень даже возможно, — сказала Анана. — Он вполне мог создать эту цепь, чтобы ловить в нее своих многочисленных врагов. Не исключено, что он сделал это задолго до того, как мы с тобой появились на сцене. Быть может, нам удалось проскользнуть в аварийный выход, который он устроил для себя лично.

— Все может быть. Как говаривала ваша тоанская мыслительница Манату Ворсион, «порядок складывается из

беспорядка, а в беспорядке есть свой собственный порядок», что бы ни означало сие выражение. Но в любом случае подозрительно мне все это.

— Да ты всегда был подозрительным, разве нет?

— Когда жил на Земле, не был. Там я был всего лишь осмотрительным. Но события, происходившие здесь после моего появления, заставили меня подозревать всех и каждого, за исключением нескольких человек, и просчитывать ситуацию на несколько ходов вперед. Хочешь долго жить — гляди в оба. Это не паранойя. Параноики не просто подозрительны: они принимают за действительность то, что на самом деле существует лишь в их расстроенном мозгу. Опасности же, которые я подозреваю, реальны или могли быть реальными.

— Почти все властители параноики. Паранойя — одна из глубинных составляющих нашей культуры. Большинство тоанов не доверяют никому, кроме самих себя.

— Ну что ж, давай углубимся в страну Паранойю, — со смехом предложил Кикаха.

Они пошли по равнине, бдительно следя за птицами, то и дело поглядывая в небо, внимательно рассматривая траву впереди и оборачиваясь назад. В траве могли прятаться змеи или большие хищники. В небе тоже мог появиться кто-нибудь опасный. Но в течение первого часа на глаза им попадались только мошки в траве да стада четырехногих антилоп и слонов с четырьмя бивнями, которые паслись поодаль.

А потом в зеленом небе появилась черная точка. Она возникла сзади, но Анана, постоянно оглядывавшаяся через плечо, заметила ее. Несколько минут спустя точка снизилась и приобрела очертания ворона. Ниже он не опустился, но продолжал лететь в том же направлении, что и путники. Глядя, как он описывает круги и постоянно возвращается, Анана с Кикахой заподозрили, что он их преследует.

— Возможно, это один из тех гигантских говорящих воронов, которых Ваннакс создал в своей лаборатории, чтобы они шпионили и доносили ему, пока он был властителем Многоярусного мира. Мне все больше и больше кажется, что Рыжий Орк следит за нами, — сказал Кикаха.

— А может, кто-то другой.

— Я лично ставлю на Орка.

Они остановились, решив немного передохнуть. Трава здесь была по колено, с голубыми стеблями и малиновыми метелками.

— А может, это и вовсе робот, замаскированный под птицу,— предположил Кикаха.— Правда, тогда им должен управлять властитель, а это маловероятно.

— По-моему, мы только и делаем, что сталкиваемся с маловероятным.

— Похоже на то. Хотя и не всегда.

Кикаха лежал на спине, положив под голову руки, и смотрел в темные загадочные небеса. Анана полулежа облокотилась на одну руку и запрокинула голову, наблюдая за птицей или роботом.

— Восьмерка, которую ворон описывает сейчас в небе,— проговорил Кикаха,— отсюда выглядит лежащей на боку. Похоже на символ бесконечности — одно из немногих воспоминаний, сохранившихся у меня от колледжа, то есть от лекций нашего преподавателя по математике. Который я так и не закончил. Колледж, я имею в виду.

— Тоанский символ бесконечности — это прямая линия со стрелками на обоих концах,— сказала Анана.— А линия, закрученная в штопор, обозначает время.

— Я знаю.

Воспоминания о Земле проносились перед мысленным взором Кикахи, словно разноцветные призраки. В 1946 году, двадцати восемью лет от роду, он, ветеран Второй мировой войны, поступил в колледж за счет армии. И оттуда его зашвырнуло в другую вселенную, хотя и не совсем против воли. В этой искусственной вселенной, созданной властителем, была только одна многоярусная планета. Алофметбин.

Как он выяснил впоследствии, вселенная была всего лишь одной из тысяч, созданных древними тоанами — людьми, отрицавшими, что они люди. Здесь, в Многоярусном мире, Пол Янус Финнеган, любитель приключений из штата Индиана, стал Кикахой Хитроумным.

И здесь он постоянно то убегал от врагов, то нападал на них, пребывая в вечном движении, если не считать

редких периодов перемирия. Зато в эти сравнительно недолгие периоды он, как правило, успевал взять в жены очередную дочь какого-нибудь племенного вождя на своем любимом ярусе — втором, который он называл Америкиндией.

Или же завязать любовную интрижку с женой либо дочерью какого-нибудь барона с третьего яруса, прозванного им Дракландией.

Он оставил за собой целый шлейф из женщин, которые тосковали по нему, пока не влюблялись в кого-нибудь другого. За ним тянулся также целый шлейф из трупов. Плоды, так сказать, пробуждения Финнегана.

На Землю он вернулся только в 1970 году, и то ненадолго. Родился он в 1918 году, то есть на Земле в семидесятом ему было года пятьдесят два или пятьдесят три. Но, слава всем богам, какие есть на свете, он выглядел и чувствовал себя на двадцать пять. Что было бы, останься он на Земле? Возможно, он получил бы степень доктора антропологии и был бы специалистом по языкам американских индейцев. А может, стал бы преподавателем. Да только разве сумел бы он вынести все эти будни — лекции, публикации, университетские сплетни и дразги, бесчисленные скучные конференции и стычки с администрацией, не считавшей преподавателей за людей?

Конечно, он мог бы уехать на Аляску, которая была в 1946 году своего рода рубежом, и стать там пилотом. Но и такая жизнь со временем наверняка приелась бы.

Возможно, под старость ему удалось бы обзавестись мастерской по ремонту и продаже мотоциклов где-нибудь в Индианаполисе. Нет, он не вынес бы повседневной рутины, беспокойства о налогах и мертвящей скуки.

Кем бы ни стал он на Земле, там он не мог и мечтать о такой кипучей, хотя и опасной жизни, полной экзотических приключений, какую он прожил за это время в тоанских вселенных.

Прекрасная женщина, лежащая рядом — нет, не женщина, а богиня, как сказал бы поэт, — прожила уже много тысячелетий. Но химические «эликсиры» властителей помогали ей оставаться двадцатипятилетней.

— Мы почему-то сразу решили, что ворон послан нашим врагом,— сказала между тем Анана.— Но, возможно, его послал за нами Вольф. Они с Хрисеидой могли убежать из тюрьмы Рыжего Орка и добраться до дворца на верхнем ярусе, а затем послать Око Властителя, чтобы ворон проследил за нами.

— Да, я знаю.

— Сдается мне, мы с тобой слишком часто говорим «я знаю».

— Возможно, нам пора отдохнуть друг от друга.

— Это не поможет,— сказала она. И, глядя на него искоса, лукаво добавила: — Я знаю.

Она залилась смехом, упала Кикахе на грудь и страстно его поцеловала.

Он ответил на поцелуй не менее страстно. Но не мог отрешиться от мысли о том, что они чересчур долго были изолированы от других людей. Им нужно чье-то общество — хотя бы иногда, чтобы не приходилось постоянно тереться друг о друга.

Замечание Ананы насчет «я знаю» было вызвано, скорее всего, печалью, рожденной предвидением, основанным на предыдущем опыте. Она, прожившая не одно тысячелетие, была куда опытнее Кикахи. Она жила с сотнями властителей, и у нее было несколько детей. Самый долгий срок, проведенный ею с одним и тем же мужчиной, составлял около пятидесяти лет.

— Это почти предел для преданной друг другу пары, если не стареешь,— заметила Анана.— Властители не обладают таким терпением, какое присуще вам, лебляббиям,— и я употребляю это слово вовсе не в уничижительном смысле. Но в некоторых отношениях мы различны.

— И все же многие пары тысячелетиями жили вместе,— возразил он.

— Не беспрерывно.

Анана не наскучила Кикахе, и он не пресытился ею. Как, похоже, и она им. Но, имея за плечами такой богатый опыт, она не могла не принимать его во внимание. Она знала, что настанет время, когда им придется расстаться. Может, не навсегда, но надолго.

Однако Кикаха не хотел сейчас об этом думать. Когда наступит срок, он что-нибудь сообразит. Правда, что именно — он не знал.

Кикаха поднялся, выпил воды из фляги, сделанной из оленьей кожи, и сказал:

— Если бы Око послал Вольф, он велел бы ворону сообщить нам об этом. А также указал бы нам ближайший путь к нему самому, где бы он ни находился. Так что Вольф его послать никак не мог. — Он помолчал немного и предложил: — Если хочешь, отправимся дальше.

Именно предложил, а не скомандовал. Анана вставала на дыбы при малейшем намеке на командный тон. В конце концов, хоть и более чуткая и чувствительная, нежели большинство ее сородичей, она все-таки была властительницей.

— Пора.

Они надели рюкзаки и колчаны и пошли дальше. Посреди монолита, который вздымался ввысь на многие тысячи миль, очевидно, находился ярус под названием Атлантида. А на вершине монолита, возвышавшегося в центре Атлантиды — куда более узкого и низкого по сравнению с другими монолитами, — стоял дворец, построенный Вольфом.

Часа три они брели по направлению к лесу. До кромки леса оставалось еще около часа ходьбы. Кикаха прибавил шагу. Анана не спрашивала, куда он так торопится. Она знала, что ему не нравится долго находиться на равнине: он чувствовал себя чересчур уязвимым.

Минут через десять Кикаха нарушил молчание:

— У меня такое подозрение, что никто до нас не входил в ту гробницу. Никаких следов предыдущих вторжений там нет. А существо в гробу или те, кто его туда уложил, наверняка позаботились о надежной охране. Так почему же нам удалось пройти через те врата?

— А ты как думаешь?

— Есть какая-то причина, по которой нам, и только нам позволили войти туда. Ударение на «позволили». Но почему именно нам?

— Ты же не знаешь, были ли мы там первыми на самом деле. Как не знаешь и того, действительно ли нам «позволили» войти.

— Верно. Но даже если кто-то был там до нас, его посещение не вызвало поднятия крышки куба и — готов поспорить! — воскрешения чешуйчатого человека.

— Этого тоже ты не знаешь наверняка.

— Да, но мне кажется, что в гробницу можно проникнуть только с рогом Шамбаримена.

— Возможно, — улыбнулась Анана. — Хотя чешуйчатый, похоже, улегся в куб за эоны до того, как древний мастер сделал рог. И лежа в гробу, он не мог знать о том, что рог будет сделан и что семь нот откроют вход в гробницу.

— Почему ты в этом так уверена? А что, если в его время устройства, подобные рогу, были вполне доступны?

Анана рассмеялась:

— Никто не в силах предвидеть будущее. И потом, что особенного вызвало наше вторжение?

— Оно положило начало целой цепи событий — только начало. Что же до предвидения, то оно тут ни при чем. Возможно, все дело в вероятности. Не забудь, что гробница буквально напичкана устройствами, следящими за множеством вселенных. По-моему, какое-то вполне определенное событие должно было поднять чешуйчатого человека из гроба — и этим событием стал наш визит. А что будет дальше — не знаю.

— Вот именно, что не знаешь.

— О'кей, ты, наверное, права! — сказал Кикаха. — Но если прав окажусь я, ты принесешь мне свои извинения, облобызаешь мои ступни — помимо всего прочего — и станешь смиренной и послушной во веки веков, аминь.

— У тебя даже лицо покраснело! Ты злишься?

— Ты слишком скептически, слишком пресыщенна и слишком испорченна. И до безобразия уверена в себе.

— Посмотрим. Но если ты окажешься не прав, то можешь облобызать мои ступни.

Последние мили, отделявшие их от леса, они прошли молча. Однажды им пришлось свернуть в сторону, чтобы обогнуть стадо исполинских бизонов, и дважды они оборачивались назад. Ворон по-прежнему следовал за ними, хотя спустился гораздо ниже.

— Определенно Око Властителя, — заявил Кикаха.

— Я знаю. — Анана засмеялась и добавила: — Пора мне завязывать с этой фразой.

Они вошли под сень тысячефутовых деревьев, похожих на секвойю. Земля под ногами была устлана опавшей листвой. Это было странно, поскольку на планете не существовало смены времен года. Но когда Кикаха заметил несколько листьев, падающих с ветвей, он понял, что дерево сбрасывает старую листву, заменяя ее новой. Некоторые виды растений на Алофметбине так обновляли крону.

Подлесок был редким, хотя порой приходилось обходить колючие кусты. Множество маленьких голубоглазых существ, походивших на мохнатых бескрылых сов, наблюдало за путниками из зарослей ежевики.

Обезьяны, птицы, летающие и бесшумно скользящие млекопитающие кричали, ухали и чирикали в ветвях. Но с приближением людей наступала тишина, которая вновь нарушалась, когда они удалялись прочь.

Однажды горностаи размером с горного льва выглянули из-за ствола и уставились на них, но не напал. Путники знали о присутствии хищника еще до его появления — обычный лесной шум и гам здесь стих уже до их приближения.

Кикаха с Ананой держали луки наготове. Невозможно было предвидеть, какой опасный зверь или человек попадется им в этом сумрачном и шумном месте. Они также расстегнули ремни на всех своих ножнах.

Пройдя около мили, они вышли на прогалину шириной футов в шестьдесят. Прогалину образовали две упавшие секвойи. Судя по тому, как сгнила древесина, упали они уже давно. Кикаха взглянул вверх и успел заметить ворона, прежде чем тот уселся на ветку дерева, росшего рядом с прогалиной. Большие листья плюща тут же скрыли птицу из виду.

— О'кей,— пробормотал Кикаха.— Теперь у меня не осталось никаких сомнений. Ворон впереди нас, хотя, возможно, сам об этом пока не знает. Он, наверное, прилетел сюда раньше и подстерегает нас, поскольку мы идем более или менее по прямой. Иначе я не представляю, как бы ему удалось не потерять нас в этой чащобе.

Поскольку ворон был размером с орла, он явно не мог перепархивать с ветки на ветку.

— Возможно, он знает, куда мы идем,— добавил Кикаха.

— Откуда, интересно? Мы сами не знаем, куда идем — вернее, знаем только общее направление. А лес здесь густой. Ворон не мог лететь за нами. А-а, поняла! Ворон следовал за тишиной вокруг нас.

Они отошли на несколько футов в тень.

— Давай посмотрим отсюда,— прошептал Кикаха.

Через некоторое время, как он и предполагал, большая черная птица слетела вниз и уселась на ветку лежащей на земле секвойи. Потом ворон прыгнул на землю и, растопырив крылья, пошел прямо в ту сторону, где стояли Кикаха с Ананой, очевидно, пытаясь выяснить, куда они делись. Если он их не найдет, то спрячется и будет слушать шаги.

Но в данный момент ворон не мог ни увидеть их, ни учуять запах, поскольку не было ни ветерка. Кикахе с Ананой повезло, что они засекали птицу до того, как она их заметила.

Приложив палец к губам, Кикаха прошептал в самое ухо Ананы:

— У него зрение не хуже, чем у сокола, а слух как у собаки. Пошли. Не будем скрываться. Пускай следует за нами, а мы попробуем его словить.

— Если ворона послал властитель, значит, сам он находится в замке Вольфа.

— А если он там, то нам желательно не угодить в ловушку здесь.

— И не в одну ловушку.

Кикаха показал пальцем на громадную черную птицу и вновь прижал палец к губам. А потом специально наступил на сухую ветку. Услышав громкий треск, ворон стремительно развернулся и поспешно заковылял к низкорослому кустарнику, росшему с другой стороны от прогалины. Когда люди пройдут вперед, он, без сомнения, вернется на прогалину, чтобы взмыть с нее в воздух, словно со взлетной полосы. Но если ворон увидит, что люди идут медленно, он, возможно, последует за ними по земле. Хотя вороны не очень-то любят пеший способ передвижения.

Мысль о том, что ему удалось засечь людей, а самому остаться незамеченным, придаст ворону самонадеянно-

сти, которой ему и так не занимать. В этой вселенной, как и во многих других, самонадеянность частенько приводила к падению в лужу.

— Мы должны взять его живым,— сказал Кикаха.

— Я знаю.

— Бога ради! — воскликнул он по-английски. И тут же, заметив на ее лице лукавую улыбку, понял, что она просто поддразнивает его.

Путники медленно пересекли прогалину, поглядывая по сторонам и то и дело оглядываясь назад. Если они не будут вести себя осторожно, ворон поймет, что его засекали и пытаются обвести вокруг пальца.

Особенно далеко огибать кустарник они тоже не стали, тихо пройдя мимо в нескольких футах. Кикаха мельком бросил в ту сторону взгляд, но ничего не увидел. При желании он мог внезапно броситься к кустам. Анана подбежала бы с другой стороны. Ворону пришлось бы взлететь, но он не успел бы так быстро расправить крылья — и спрятаться бы тоже не успел.

Анана не говорила ни слова. Она ждала, что предпримет Кикаха. Он прошел мимо куста и углубился в лес. Ему не было нужды говорить своей спутнице, чтобы она делала вид, будто они не заметили птицу. Пускай ворон крадется за ними. Со временем они выяснят, почему он преследует их.

Кикаха вдруг остановился, издав изумленное восклицание.

Анана заметила это, но не стала озираться по сторонам в надежде понять, что его так удивило. Глядя прямо перед собой, она тихо спросила:

— Что там?

— Хотел бы я знать,— ответил он.— Там, справа... Я видел только мельком... Что-то вроде человека, но не человек. То есть не совсем человек. Может, у меня галлюцинации? Но он — если это существо мужского пола — похож по очертаниям на очень крупного человека, хотя и сплошь заросшего шерстью. Только...

— Ну же! — не выдержала Анана через несколько секунд.

— Лицо у него какое-то... Не человеческое. Что-то в нем было медвежье, клянусь. Я всю эту планету обошел вдоль

и поперек, но никогда не встречал ничего подобного. Даже не слыхал о таком. Правда, планета не маленькая, поверхность суши у нее больше, чем у Земли. И все-таки странно, что никто не рассказывал мне о таком существе.

Анана посмотрела налево, потом направо.

— Я никого не вижу.

Кикаха отошел от ствола на полшага, а затем вернулся обратно.

— Давай-ка попробуем как ни в чем не бывало подойти к тому дереву.

Анана пошла в направлении, которое он указал ей кивком головы. Она, естественно, заметила, что гнездившиеся в кроне на высоте пятисот футов древесные животные настороженно затихли. Но, как и Кикаха, она считала, что тишина вызвана их собственным приближением.

Когда они прошли приблизительно сто футов, Кикаха воскликнул:

— Вот оно!

Это было одно из исполинских деревьев типа секвойи. Ствол у него блестел так, словно был выложен из кусочков слюды.

— Надеюсь, он там один,— пробормотал Кикаха.

Подняв лук со стрелой, он начал обходить гигантский ствол слева. Анана пошла справа. Если кто-то прятался за стволом, он неизбежно попал бы в клещи.

Однако, обойдя вокруг дерева, они встретили только друг друга. Хотя существо, замеченное Кикахой, вроде было без когтей, Кикаха посмотрел вверх. Но и там никто не прятался, к тому же даже белке не под силу было бы забраться на дерево с такой скоростью. Анана отступила назад, чтобы как следует осмотреть другую сторону ствола. Но дерево было такое огромное, что часть его в любом случае оставалась вне поля зрения обоих. Попросив Анану не сходить с места и наблюдать, Кикаха бежал вокруг дерева, стараясь не упускать из виду верхние ветви. Но не заметил ни единого живого существа.

Вернувшись к Анане, он заметил:

— Вообще-то он слишком тяжелый, чтобы забраться на дерево, даже если у него когти длиною в фут. Но я хотел удостовериться.

Анана показала на кучи опавшей листвы на земле. Кикаха тоже смотрел на них, но листья были разбросаны совершенно беспорядочно, не давая понять, в каком направлении двигалось существо.

Кикаха принюхался. В стоячем воздухе слабо, но отчетливо чувствовался запах мускуса.

— Я тоже его учуяла, — сказала Анана. — Может, попробуем схватить ворона? Он наверняка знает, что это за зверь. Возможно, ворон на него работает. — Она помолчала и добавила: — Или же он работает на ворона.

— Давай отложим предположения на потом, когда поймем ворона, ладно?

Они прибавили шаг, то и дело оглядываясь назад, но так и не увидели больше ни ворона, ни человека-медведя. Через несколько минут неожиданно потянуло дымком от костра. Они бесшумно двинулись в ту сторону, откуда доносился запах. Перешли вброд узкий ручеек — и услышали голоса. Они замедлили шаг, стараясь не наступать на сухие ветки. Голоса стали громче. Женские голоса — насколько Кикаха мог судить, разговаривали две женщины. Он махнул Анане, чтобы она зашла с противоположной стороны. Если он угодит в беду, она сумеет выручить его. Или наоборот.

Кикаха лег на землю и осторожно пополз вперед, стараясь не шуршать листвой. Оказавшись за большим кустом, росшим между двух массивных деревьев, он остановился. Выглянул из-за нижних ветвей куста и увидел маленькую полянку. Посреди полянки горел маленький костер, а над ним дымился маленький котелок, подвешенный за ручку к горизонтальной перекладине, которая покоилась на развилках двух сучьев, стоямя врытых в землю. Кикаха уловил запах вареного мяса.

Возле костра стояла блондинка — прекрасная, несмотря на растрепанные волосы и грязное лицо. Она говорила по-тоански. С другой стороны костра, съездившись, сидела рыжеволосая женщина. Она была так же красива, как и блондинка, хотя не менее растрепанна и грязна.

На обеих были одеяния по щиколотку длиной, напоминавшие Кикахе иллюстрации с изображениями женщин Древней Греции. Тонкая, облегающая тело ткань каза-

лась почти прозрачной. Когда-то туники были белыми, но теперь их разукрасили пятна крови и грязи, прилипшие колючки и головки чертополоха.

Поодаль от костра лежали два рюкзака и кучка тоанских одеял, тонких, словно бумага, но очень теплых. На одеяла были брошены три легких топорика, три тяжелых ножа и три лучемета, похожих на пистолеты, с круглыми насадками на концах стволов.

На другом краю полянки лежал разделанный олень. Над ним не вились мухи: на планете Алофметбин не водилось мух. Но черви и насекомые-падалееды уже кишели вокруг скелета.

Кикаха покачал головой. Женщины не очень-то осторожны, а следовательно, не очень умны, раз не держат оружие под рукой. Правда, не исключено, что это ловушка.

Он обернулся и посмотрел назад, потом на ветви дерева, но не увидел и не услышал ничего подозрительного. Хотя ворон, конечно, мог спрятаться в кроне над головой. Вновь повернувшись к женщинам, Кикаха замер, прислушиваясь и наблюдая.

На вид каждой было не больше двадцати пяти, хотя на самом деле им наверняка уже по несколько тысячелетий. Они говорили на том же архаичном тоанском, на который переходила порой Анана, когда была взволнована. Кикаха понимал все, что они говорили, за исключением некоторых слов и фраз.

— Долго нам в этом ужасном месте не протянуть,— сказала блондинка.— Мы должны найти врата.

— Ты уже тысячу раз повторяла это, Элет,— откликнулась рыжая.— Мне обрыдло слушать одно и то же.

— А мне обрыдло то, что я не слышала от тебя ни единого разумного слова, Она,— огрызнулась блондинка.— Ты даже подумать не хочешь о том, как нам найти врата!

— Меня сейчас стошнит от твоих идиотских придиорок и воплей,— заявила Она.

— Ну так давай, блевани! — обозлилась Элет.— Все лучше, чем просто сидеть и стенать. От твоей блевотины вони

в этой вонючей дыре не прибавится и не убавится. Правда, когда ты пердишь, то смердит даже здесь.

Рыжая встала и заглянула в котелок.

— Похоже, сварилось, хотя готовить я как не умела, так и не умею.

— А кто умеет? — проворчала Элет. — Стряпня — это занятие для рабов. Мы не обязаны уметь готовить.

— Во имя Шамбаримена! — воскликнула Она и так яростно тряхнула головой, что длинные рыжие локоны окутали плечи плащом. — Неужели мы не можем прекратить препираться по пустякам? Ничего себе, славная пара сестричек! Мы все-таки властительницы, не забывай, хотя сейчас ничем не лучше рабынь.

— По крайней мере, нам не нужно теперь волноваться, как бы не прибавить в весе, — сказала Элет и усмехнулась.

Рыжая злобно уставилась на нее.

— Я стараюсь быть беспечной, насколько могу, — заявила Элет. — Мы должны сохранять бодрость духа, иначе тоска совсем придавит нас к земле. И тогда мы умрем или превратимся в лебляббиев. А потом нас сожрет какой-нибудь зверь или, что еще хуже, захватят в плен и изнасилуют лебляббии — и мы сотню лет будем женами тупых, невежественных, грязных, вонючих дикарей, которые вытирают пальцами сопли и бьют своих жен. Они станут нашими властителями.

— Да уж, ты всегда умела поднять мне настроение, — проворчала Она. — Да я лучше покончу с собой, чем покорюсь лебляббию.

— Не стоит отчаиваться. Мы найдем врата, а потом отыщем Рыжего Орка и отомстим ему. Только убьем его не сразу — сначала хорошенечко помучаем. Я все думаю: хорошо бы съесть его яйца, как Рыжий Орк в свое время съел яйца своего отца. Но не сырыми, как это сделал он, — я испеку их и съем с гарниром.

— Кстати, о каннибализме, — сказала Она. — Не исключено, что нам придется прибегнуть к нему, прежде чем мы выберемся из этой передрыги. Давай-ка решим заранее, кто будет едоком, а кто едой!

— Прекрати!

И обе сестрицы залились смехом.

Кикаха достаточно хорошо изучил властителей и не сомневался, что в шутке Оны есть изрядная доля правды. Если они начнут голодать, одна из сестричек без колебаний убьет и сожрет другую.

Он послушал их перепалку еще немного, но ничего интересного не услышал. Ему удалось установить лишь одно: что они очутились в бедственном положении из-за Рыжего Орка и что им удалось от него удрать с тем небольшим имуществом, которое лежало на полянке.

Женщины замолчали, сели возле котелка и опустили длинные ложки, грубо вырезанные из коры, в оленьё варево.

В этот миг из кустов неожиданно вышла Анана, держа натянутый лук со стрелой.

— Привет, жестокосердые дщери Уризена и Аханий! — сказала она. — Ваша двоюродная сестра Анана пришла к вам с миром! Как вы попали сюда?

Глава 5

Обе женщины вскрикнули и подпрыгнули, точно наступили на кусачих муравьев. Рыжая, правда, быстро оправилась от изумления и метнулась к лучеметам, лежавшим на краю полянки. Но, пробежав пару шагов, остановилась и медленно подошла к Элет. До нее дошло, что она не успеет схватить оружие: стрела Ананы настигнет ее быстрее.

— Она Пекущая! — воззвала Анана к рыжеволосой. — Ты всегда была самой смышленной, хладнокровной и опасной в сражении. Как ты могла сделать такую глупость и не оставить под рукой оружие?

— Я слишком устала, — нахмурилась, ответила Она.

Анана обратилась к блондинке:

— Элет Мелющая, известная также как Элет Воительница! Ты всегда была мозговым центром всех операций, а потому вдвойне опасной!

Щеки у блондинки чуть порозовели, она улыбнулась и поклонилась Анане:

— Но не такой опасной, как ты, Анана Светлая, Ана-на Охотница!

— Ты, Она, как и твои сестры, Элет Мелющая и Увет Месящая, ныне покойная, раньше звались мягкосердечными дочерьми Ахании,— сказала Анана.— А теперь вас прозвали жестокосердыми. Но ты, Она, ты же была самой доброй и нежной из трех!

— Это было давно, Анана,— ответила Она.

— Ваш отец, Уризен Холодный, превратил вас из трех котят в разъяренных тигриц,— продолжала Анана.— Ваша ненависть к нему общеизвестна.— Она помолчала немного и спросила: — Вы знаете, что он умер?

— До нас доходили такие слухи,— с каменным выражением лица произнесла Элет.— Но мы не знали, можно ли им верить.

— Мы и сейчас не знаем,— вмешалась Она.— Твои слова еще не доказательство. Но если ты сказала правду, мы рады.

— Жаль только, что смерть он принял не от наших рук,— сказала Элет.

Пока они разговаривали, Кикаха тихонько прополз вокруг полянки, чтобы убедиться, что больше никто не наблюдает за сценой. Ему не удалось заметить ни ворона, ни человека-медведя. И, похоже, в засаде тоже никто не лежал.

Увидев, как он выходит из кустов, сестрицы вздрогнули, но не сильно. Они подозревали, что Анана здесь не одна.

— Кто это, Анана? — спросила Элет.

— Вы слыхали о Кикахе, верно? О Кикахе Хитроумном, убившем многих властителей, о человеке, который расправился с последним из Черных Звонарей? Вы также наверняка слыхали пророчество древнего Шамбаримена о том, что лебляббий победит властителей. Говорят, это пророчество относится к Кикахе.

Элет закусила губу.

— Да, до нас доходили слухи о лебляббии, которому пока что сильно везло. Мы также слышали о том, что он твой любовник.

— Он лебляббий,— весело согласилась Анана,— и он такой любовник, о каком вы можете только мечтать.

— Благодарю,— широко усмехнувшись, промолвил Кикаха.

— Ты убил нашего отца? — спросила у него Элет. Судя по ее тону, она не очень-то поверила Анане.

— Нет,— сказал Кикаха.— Хотя и жалею об этом. Его убил Ядавин — властитель, известный также под именем Вольфа.

— Он убил Уризена у тебя на глазах?

— Нет. Но Ядавин сказал мне, что убил его, а Ядавин никогда не лжет. По крайней мере, мне.

Анана отогнала сестер на край полянки как можно дальше от оружия и приказала им сесть. Обыскивать их она не стала. Их прозрачные туники убедительно свидетельствовали о том, что под ними ничего опасного не спрятано.

— Мы умираем с голоду,— заявила Элет.— И как раз собирались поесть супа. Вернее, бульона.

Кикаха заглянул в котелок.

— Одно только мясо. Очень вредно для здоровья. Почему вы не положили туда овощей?

— Мы не знаем, какие из них съедобны, а какие ядовиты,— пояснила Элет.

— Но все тоаны, будь то мужчины или женщины, проходят курсы выживания,— сказал Кикаха.— Вы должны бы знать, что...

— Мы не знаем этой планеты,— оборвала его Она.

— Можете встать и поесть,— разрешила Анана.— На ужин мы приготовим что-нибудь повкуснее. Если, конечно, останемся с вами. А это зависит от того, насколько вы будете откровенны и правдивы. Я слышала достаточно, чтобы понять, что здесь вы очутились из-за Рыжего Орка. Расскажите...

— Рыжий Орк! — со злостью выпалила Элет и сплюнула на землю.— Вот по ком могила плачет!

— Только после хорошей пытки! — добавила Она.— Он убил Увет несколько лет тому назад и недавно чуть было не убил нас тоже. Из-за него мы прозябаем в этом мерзком захолустье.

Анана дала им возможность пофантазировать немного о том, что они сделают с Орком, когда поймут его, а потом прервала их мечты:

— Расскажите, как вы сюда попали.

Сестры склонились над котелком. Первой начала рассказывать Элет. Пока сестра говорила, Она ела; потом они поменялись ролями. Убежав — уже не в первый раз — от Рыжего Орка, они захватили вселенную Нитарм, где надеялись найти убежище. Слово «захватили» было всего лишь эвфемизмом, означавшим, что они убили властителя Нитарма и всю его семью. Поскольку в захваченном мире не было тоанов мужского пола, сестры предавались любовным утехам с лебляббиями. Этика властителей вполне допускала это, поскольку любовники по-прежнему оставались рабами и быстро сменяли один другого.

Они были счастливы там, рассказывали сестры. Счастье их омрачалось лишь сожалением о том, что им не удалось найти и убить отца. Но Рыжий Орк как-то сумел проскользнуть через ловушки, установленные сестрами на двух вратах, ведущих в их мир. Он застал сестриц врасплох, несмотря на все системы безопасности.

Тут Элет прервала рассказ Оны:

— Я сто раз ей говорила: закроем врата и останемся там навечно! Тогда ни один властитель не смог бы к нам прорваться.

— Да, говорила, трусливая ты шлюшка-соплюшка! — взъерилась Она. — Только как бы мы сами пробрались тогда в другие миры, чтобы убедиться в гибели нашего папеньки?

— Кончай обзывать, жопа с ручкой! — завопила Элет.

Рассказ их затянулся и порядком уже наскучил Кикахе. Но он не прерывал сестер: возможно, в их взаимных нападках прозвучит нечто такое, что можно будет потом использовать против них.

Рыжий Орк убил бы их, не посчастливясь им оказаться возле врат, ведущих в другой мир. Они схватили оружие, какое было под рукой, и бежали. Пройдя через цепь врат, сестры очутились на одном из уровней Многоярусного мира. С тех пор они влачат тут жалкое существование и пытаются отыскать врата, которые приведут их не на другую планету, а в замок на вершине верхнего монолита Многоярусного мира. Замок, как им известно, принадлежал когда-то Ядавину, потом Ваннаксу, а потом опять Ядави-

ну. Этот замок — настоящая крепость, и они слышали, будто никто из властителей там сейчас не живет. Таким образом, они собирались стать здешними властительницами.

Их рассказ мог быть правдивым, но тогда получалось, что они какие-то глупые неумехи. В это Кикаха не верил, хотя, с другой стороны, Рыжий Орк был способен обвести вокруг пальца самых искусных врагов.

— Как я понимаю, вы будете не прочь присоединиться к нам и сражаться против Рыжего Орка вместе? — спросила Анана.

Сестры с воодушевлением согласились.

— А на кой они нам сдались? — громко сказал Кикаха. — От них никакого проку! Только лишняя обуза, вот и все.

— Ты ошибаешься, — возразила Она. — Тебе нужна информация, а мы знаем о Рыжем Орке гораздо больше твоего.

Анана, разгадав маневр Кикахи, поддержала Ону:

— Она права, Кикаха. Мои двоюродные сестры наверняка знают о здешних вратах и крепостях больше нашего. Разве не так, дочери Уризена?

— Именно так! — воскликнули сестры в один голос.

— Ну ладно, — сказал Кикаха. — Но отныне все мы — отряд, и я в нем командир. Мои приказы должны исполняться сразу и беспрекословно. Я имею в виду — если ситуация потребует немедленных действий. Если нет, я согласен выслушать любое предложение.

Блондинка бросила на Анану хмурый взгляд:

— Он же лебляббий!

Анана пожала плечами:

— Мы с ним подкинули плоский камушек, помеченный с одной стороны, и Кикаха выиграл. А до того мы договорились: кто выиграет, тот и будет командиром. В экстренных ситуациях вы обязаны будете подчиняться ему, ни о чем не спрашивая.

Да, он лебляббий, это ты верно подметила. Ну так что с того? Среди тоанов я таких мужчин не встречала. Вы обе должны отрешиться от своего нелепого представления о лебляббиях как о существах низшего класса. Это просто

глупость! К тому же опасная, ибо она заставляет властителей недооценивать своих противников. Когда очередной властитель отдавал концы, до него наконец доходило, насколько он был не прав. Во всяком случае, по отношению к Кикахе.

Элет и Она промолчали, однако недоверчиво скривились.

— Поживете — сами увидите, — рассудила Анана.

Когда она забрала у сестер лучевики, те запротестовали:

— Как же мы сможем защитить себя?

— Вы получите их назад только тогда, когда мы решим, что вам можно доверять на все сто процентов, — заявил Кикаха. — А пока обойдетесь топориками, копьями и стрелами. Сегодня мы здесь заночуем, а с утра тронемся в путь вон туда. — Он махнул рукой на запад.

— Почему именно туда? — спросила Элет. — Ты уверен, что это правильное направление? Что, если...

— У меня есть свои причины, — оборвал ее Кикаха. — Вы о них узнаете, когда придем на место.

Он собирался отправиться к воротам, которые вывели бы их во дворец. Добираться туда нужно было несколько дней, и, возможно, еще несколько дней уйдет на поиски врат. Территория, где они могли находиться, была огромной, а точного их местоположения Кикаха не знал. Но за время путешествия они с Ананой поймут, можно ли верить сестрицам. В противном случае сестры умрут. Хотя не исключено, что умрут не они, а Кикаха с Ананой, но это, по мнению Кикахи, было маловероятно.

Вечером все улеглись вокруг костра. Сестры хорошо поужинали, по крайней мере лучше, чем прежде. Кикаха принес из лесу множество съедобных растений и подстрелил большую обезьяну, которую зажарили на вертеле.

Сестры простирнули свои туники в ручейке и даже немного сполоснулись, хотя и ворчали, что вода очень холодная. Туники, развешанные на сучках, воткнутых в землю возле костра, быстро высохли. Когда пришла пора ложиться спать, Кикаха первым заступил на вахту. Сестры спали у костра, укрывшись своими тонкими, но теплыми одеялами. Анана, завернувшись в одеяло и подложив под голову рюкзак, легла поближе к краю полянки. Кика-

ха постоял у противоположного края, а потом зашел в лес и прочесал окрестности вокруг полянки, сунув два лучевику за пояс и сжимая третий в руке.

Он высматривал крупных хищников, в числе которых могло оказаться и то громадное мохнатое существо, которое он видел мельком. Кроме того, Кикаха поглядывал в сторону сестер. Если они собираются напасть, то могут попытаться сделать это ночью. Однако ни одна из них не шелохнулась — ни во время его дежурства, ни во время дежурства Ананы.

Утром, когда дочери Уризена выразили желание вместе покинуть лагерь, чтобы опорожнить в лесу мочевые пузыри, Кикаха велел им идти по очереди. Наблюдать за ними двоими тайком было бы невозможно. Кикаха хотел проследить за ними поодиночке. Если где-то поблизости слоняется их сообщник, то он — или она, или оно — мог вступить с одной из сестер в контакт. Кикаха наблюдал за каждой из них, спрятавшись за кустами.

К Элет никто не подошел, пока она была в лесу. Но когда на корточках присела Она, из-за громадного дерева, ковыляя, вынырнул ворон. И не просто ворон, а тот самый, что преследовал их с Ананой. Кикаха увидел, как большая птица бесшумно подошла к Оне и встала перед ней. Женщина, похоже, не удивилась.

Они коротко и тихо поговорили друг с другом. Кикаха сидел слишком далеко и не слышал слов. Но ему и так все стало ясно. Заговор был налицо. Неизвестно только, кто вовлечен в него, кроме сестриц и ворона?

Когда птица скрылась в лесу, а Она отправилась в лагерь, Кикаха последовал за вороном. Тот прошел меньше мили и наконец доковылял до прогалины, где мог расправить крылья и улететь. Тогда Кикаха углубился в чащу и собрал еще растений, а заодно поймал нескольких гигантских насекомых, совершенно изумительных на вкус. Он испытывал какое-то извращенное удовольствие, настаивая, чтобы сестры попробовали угощение.

— В них есть жизненно важные вещества, которых нет в здешних растениях, — убеждал он. — Поверьте мне, я знаю.

— Ты же не собираешься нас отравить, верно? — спросила Элет.

— Дурочка! Если бы он хотел нас убить, то выбрал бы другой способ,— заявила ее сестра.

— Не знаю, не знаю,— усмехнулся Кикаха.

— Ты дьявол! — сказала Элет.— При одной только мысли о том, что ты мог это сделать, меня тошнит.

— Что ж, может, это к лучшему,— весело откликнулся Кикаха.— Тебе полезно прочистить желудок после вашей мясной диеты.

— Только не блюй в котелок,— хихикнула Она.— Я зверски проголодалась.

Кикаха не верил Оне ни на грош, но ему нравилась ее жизнерадостность.

Они пошли на запад, и по дороге Кикаха спросил у Элет, куда сестры направлялись, когда прошли через врата.

— Да в общем, никуда,— ответила она.— Конечно, мы во всю прыть умчались сначала из зоны действия врат, потому что Рыжий Орк мог преследовать нас. А потом побрели в сторону монолита. Если бы мы не нашли врат на этом ярусе, то забрались бы на монолит, хотя такая перспектива нас не радовала. Он выглядит жутко высоким.

— Он и вправду высокий,— сказал Кикаха.— У него зубодробительное название — Дузвилнавава. И высота шестьдесят тысяч футов, если не больше. Но забраться туда можно, я сам это проделывал несколько раз. Его поверхность, которая выглядит такой гладкой на расстоянии, на самом деле изрыта пещерами и бесчисленными расщелинами. На уступах растут деревья и другие растения, а местами камень растрескался так, что буквально крошится под ногами. В пещерах, в норах и на карнизах обитают всякие хищники — змеи-многоножки, волки с огромными цепкими лапами, каменные обезьяны, гигантские птицы-топороклювы и ядовитые глотопады.

В общем, зверья там навалом. Но даже если бы вам удалось взобраться на плато, то пришлось бы протопать еще миль пятьсот по лесу, таящему всякие опасности, а потом по долине, населенной не менее опасными животными и людьми. И только тогда вы подошли бы к последнему монолиту, на вершине которого стоит замок Яда-

вина-Вольфа. Короче говоря, восхождение это трудное, и вряд ли вы сумели бы избежать многочисленных ловушек.

— Мы не знали подробностей, — сказала Элет, — но предполагали, что восхождение на монолит не сулит ничего приятного. Поэтому мы искали врата, хотя и не были уверены, что сможем распознать их, даже если увидим. Большинство врат замаскировано под валуны или что-нибудь в этом роде. Но есть ведь и незамаскированные. Никогда не знаешь — а вдруг повезет?

Во время совместного путешествия Кикаха еще ни разу не вытаскивал рог Шамбаримена из замшевого футляра. Если бы сестрицы прознали, что у него есть рог, они не задумываясь убили бы его с Ананой, чтобы завладеть сокровищем. Однако вскоре хочешь не хочешь, а придется воспользоваться рогом.

Раз в день, пока сестры отдыхали, Кикаха или Анана забирались на высокое дерево и осматривали окрестности. В основном они видели только качающиеся верхушки крон. Но вдалеке, ближе к монолиту, проглядывала трехглавая гора. Туда-то и держал путь Кикаха. У подножия горы был огромный валун в форме сердца, врытого острым концом глубоко в землю. Там находились врата, ведущие к вратам, которые переносили во дворец властителя Алофметбина. И хотя Кикаха позабыл кодовое слово, активирующее врата, у него был универсальный ключ — рог Шамбаримена.

Если ворон и продолжал преследовать их, то делал это осторожно, не попадаясь на глаза. И человек-медведь тоже как в воду канул. Возможно, встреча с ним была случайной, но Кикахе почему-то не верилось в это.

На следующий день, во время дневного привала, Кикаха пошел в лес отлить и задержался там, надеясь проследить за сестрами. Вскоре Элет тоже покинула лагерь, якобы по той же самой причине, но, вместо того чтобы присесть возле дерева, углубилась в чащу леса. Кикаха следовал за ней на расстоянии. Когда она остановилась на маленькой прогалинке, он спрятался за кустом.

Элет стояла в ореоле солнечных лучей, струящихся сквозь просветы между ветвями. Она выглядела преобра-

женной, словно и вправду была богиней, какой себя воображала. Через пару минут из-за куста, ковыляя, вышел ворон. Кикаха осторожно подполз поближе, чтобы подслушать их разговор. Несколько минут спустя, описав полукруг, он остановился за громадным корневищем исполинского дерева.

— ...твердит, чтобы вы не поддавались искушению и не смели их убивать, пока он не найдет врата,— говорил ворон.

— И когда это будет? — спросила Элет.

— Он точно не сказал. Сказал только, что скоро.

— Что значит «скоро»? — разозлилась Элет.— Через день? Два? Неделью? Мы устали. Нам с сестрой необходимы крыша над головой, тепло, чистая одежда, душ, хорошая еда, хорошая постель и множество лебляббиев мужского пола!

— Я не знаю, что он подразумевает под словом «скоро»,— заметил ворон.— Вы просто должны выполнять его распоряжения. Иначе...

— Да, я знаю. Конечно, мы будем покорны его воле. Можешь так и передать ему, если поддерживаешь с ним связь.

Ворон ничего не ответил.

— А где оромот? — спросила Элет.

Кикаха не знал, кто такой оромот. Надо будет спросить у Ананы, решил он.

— Оромот идет за вами ради вашей же безопасности. И вмешается только в том случае, если эти двое на вас нападут.

— Если такое случится,— сказала Элет,— оромот может и не успеть. Или как раз в этот момент отойдет в сторонку пописать.

Ворон издал хриплый кашляющий звук, словно пытаясь симитировать человеческий смех. Отсмеявшись, он сказал:

— Ну что ж, вам придется пойти на риск. Иначе, если вы ослушаетесь, вам несдобровать. И не вздумайте предать его и перейти на сторону Кикахи с Ананой.

— Мне такое и в голову не приходило! — возмутилась Элет.

Ворон снова рассмеялся:

— Ну конечно! Хотя, стоит тебе решить, будто таким образом ты одолеешь его... Не забывай, какая участь вас обоих ожидает, если он узнает, что его предали!

— У тебя есть для меня еще какие-нибудь приказы? — холодно спросила Элет. — Если нет — убирайся отсюда прочь, вонючка в перьях!

— Приказов больше нет. Но не думай, что я забуду оскорбление. Я тебе отомщу!

— Ты, тупая скотина! Мы скоро слиняем с этой планеты — ищи-свищи нас тогда! А теперь пошел к чертовой матери!

— Вы, тоаны, тоже пахнете не больно-то приятно, — парировал ворон.

Он повернулся и скрылся в лесу. Элет рванулась было за ним, но потом повернула к лагерю. Как только Кикаха удостоверился, что она отошла, он тут же, согнувшись, бросился бежать по краю прогалинки. Потом замедлил шаг и пошел по прямой. Чуть погодя он заметил ворона. Тот вышел на большую прогалину, направляясь к упавшему дереву, чья крона лежала на траве, а половина ствола скрывалась в чаще меж других деревьев. Ворон взобрался на ствол, доковылял до верхушки и начал подниматься на ветку. Он явно собирался прыгнуть с ее конца, вздымавшегося над землей футов на тридцать, и описать над прогалиной круг, чтобы разогнаться и взмыть над лесом.

Кикаха вытащил из кобуры лучемер. Оружие было настроено вполсилы. Как только ворон прыгнул с ветки, Кикаха прицелился и нажал на спуск. Розоватый узкий луч отсек ворону кусок правого крыла. Тот вскрикнул и упал.

Кикаха обежал вокруг дерева. Птица била крыльями по земле и верещала. Кикаха схватил ее за горло и слегка придушил. Когда трепыхания ворона заметно ослабли, Кикаха разжал пальцы. Ворон лежал на земле, судорожно хватая клювом воздух, задрав кверху лапы и устремив большие черные глаза на Кикаху. Если бы вороны умели бледнеть, он был бы сейчас белым как снег.

— Как тебя звать, пугало огородное? — резко спросил Кикаха, махнув лучемером.

Ворон с трудом встал на лапы.

— Имя Стамун тебя устроит?

— Хорошее имя. Но я спрашивал о твоём, — сказал Кикаха. Он подошел поближе и ткнул стволом лучемета в голову птицы. — Сейчас не время для шуток, я теряю терпение.

Разговаривая, он не забывал поглядывать по сторонам. Никогда не знаешь, кто может к тебе подкрасться.

— Уэйскам, — ответил ворон.

— Кто прислал приказ для Элет?

— Кар-р! — Кикаха перевел это как выражение удивления, смешанного со смущением. — Так ты подслушивал?

— Да, болван. Конечно подслушивал.

— Если я скажу, ты сохранишь мне жизнь? И не будешь мучить?

— Я тебя отпущу, — пообещал Кикаха, — и даже пальцем не трону.

— Ты можешь замучить меня, не тронув пальцем, — возразил ворон.

— Я не стану причинять тебе боль, — сказал Кикаха. — В отличие от властителей, я не получаю удовольствия от пыток. Но если не заговоришь, пеняй на себя. Давай, я слушаю!

На самом деле ворон все равно был обречен: либо его убьют, либо он умрет от голода. С половиной крыла ему никогда не взлететь. Но птица до сих пор не оправилась от шока, и такая мысль, наверное, просто не пришла ей в голову.

А может быть, как и властители, ворон способен регенерировать ампутированные конечности?

Впрочем, это не имело значения. Ему все равно не прожить в лесу до тех пор, пока отрастет отрезанное крыло.

— Если я заговорю, ты возьмешь меня в свой лагерь и будешь ухаживать за мной, пока я снова не смогу летать. А потом отпустишь. Хотя моя жизнь недорого будет стоить, если Рыжий Орк узнает, что я его предал.

Ворон мыслил куда более здраво, чем ожидал Кикаха. А замечание о том, что со временем он снова сможет ле-

тать, доказывало, что Око Властителя умело регенерировать ткани.

— Обещаю, что позабочусь о тебе,— сказал Кикаха,— если расскажешь мне всю правду.

— А ты защитишь меня от жестокосердых дочерей Уризена? Эти сучки попытаются убить меня.

— Я сделаю все, что в моих силах,— сказал Кикаха.

— Большого я и не прошу. У тебя репутация хитроумного обманщика, но говорят, что слово твое твердо, как череп Кеткита.

Кикаха не понял, о ком речь, но смысл выражения был достаточно ясен.

— Говори! Но только по делу!

Уэйскам разинул клюв и издал хриплый каркающий звук. Краем глаза Кикаха уловил какое-то движение. Он прыгнул в сторону, одновременно развернувшись. Из лучемета вылетел розовый луч, но в цель не попал. Огромная лапа стремительно обрушилась на правое плечо Кикахи и сбила его с ног. Плечо пронзило болью. На секунду Кикаха почти лишился чувств.

Но подсознание не подвело, и он машинально откатился в сторону. Нападавший взревел громовым голосом. Прокатившись по земле несколько ярдов, Кикаха встал на одно колено. Противник стремительно кинулся к нему. Кикаха поднял лучемет. Удар лапы выбил из руки оружие; рука у Кикахи занемела. И в ту же секунду мохнатый великан набросился на него.

Острые зубы сомкнулись на плече Кикахи, не впиваясь, однако, в плоть слишком глубоко. Горячее дыхание обожгло ему шею, но запаха, свойственного плотоядным, он не уловил. Существо тут же разжало зубы и, подхватив Кикаху лапой промеж ног, с силой швырнуло.

Кикаха смутно ощущал, что летит по воздуху и что в паху жжет сильнее, чем в плече. Грянувшись оземь, он потерял сознание.

Сквозь медленно тающий туман проглянуло лицо Ананы — сначала смутное, как тень, а затем обретшее любимые и ясные черты, увенчанное блестящими черными кудрями. Анана с тревогой глядела на него и повторяла:

— Кикаха! Кикаха!

— Я здесь,— отозвался он.— Повержен, но не убит, как мне кажется.

Он попытался встать, но колени тотчас подогнулись. Кикаха сел на землю и огляделся вокруг. Великан, напавший на него, недвижно лежал на спине. Ворона не было видно.

— Ты подросла вовремя,— сказал Кикаха.— Как ты здесь оказалась? Следила за мной?

Она облегченно вздохнула, но не улыбнулась.

— Ты отлучился по нужде — и пропал. Я почуяла что-то неладное. У меня в последнее время как-то обострился нюх на опасности. В общем, я пошла за тобой и увидела, как это чудовище отшвырнуло тебя, словно клочок бумажки. Тогда я его подстрелила.

Кикаха не стал упрекать ее за то, что она убила источник важной информации. У нее наверняка не было выбора.

— А птица?

— Я не видела никакой птицы. Ты имеешь в виду ворона?

Кикаха кивнул.

— Того самого, о котором я тебе говорил. Как мы и подозревали, сестрицы работают на Рыжего Орка. По собственной ли воле или по принуждению — этого я сказать не могу.

— Тогда Рыжий Орк наверняка знает, где мы!

Глава 6

— Вряд ли он знает точное место,— ответил Кикаха.— Не думаю, чтобы он следил за нами беспрерывно.

Он рассказал Анане о том, как подслушал разговор между Элет и вороном и как на него внезапно напал человек-медведь.

— Я рад, что ты оказалась здесь в критический момент. Хотя я и сам бы с ним справился.

— Ты такой скромный, что просто за душу берет,— улыбнулась она.— Посиди здесь, отдохни, а я пойду за вороном. Если поймаю, мы послушаем его историю.

— Больше двадцати минут на поиски не трать, ладно? Если не найдешь его за это время, значит, не найдешь вообще.

Перед уходом Анана сбегала к ближайшему ручейку и принесла полную флягу свежей воды. Омыла Кикахе раны, поднесла флягу к его губам, подождала, пока он напьется вволю, а потом встала.

— Ну вот. Это поддержит тебя немного.

Она коснулась своих губ большим и указательным пальцами, сложенными в овал, и выбросила вперед пальцы другой руки, послав ему таким образом воздушный поцелуй по-тоански, после чего скрылась за деревьями. Кикаха лежал, глядя в ясное зеленое небо. Чуть погодя он с трудом поднялся на ноги. Перед глазами все поплыло, но он не упал. Плечо ныло сильнее, чем промежность. Спина внизу одеревенела и грозила разболеться в ближайшем будущем. Из раны на плече понемножку сочилась кровь, кровоточили также более мелкие раны на животе и в паху.

Подойдя к труп, Кикаха внимательно обследовал его — вернее, ее. Первым делом он заметил, что Анана попала лучом в лоб чуть повыше глаз. Хотя прицеливаться ей было некогда, она хладнокровно решила вышибить зверю мозги — и сделала это.

Существо было как минимум семи футов ростом и представляло собой гибрид женщины и медведя. Лицо — не сказать, чтобы медвежья морда, но челюсти вытянуты вперед, как у зверя. Высокий лоб намекал на развитый интеллект. Строение рта и зубов, однако, показывало, что их хозяйке с трудом давалась человеческая речь. Могла ли она говорить или нет, но тоанский язык понимала наверняка.

И тут Кикахе смутно вспомнились легенды медвежьего народа — племени, обитавшего на втором ярусе, то есть в Америке. До сих пор он считал эти сказания просто племенными мифами. В них говорилось о потомках брачного союза между Великим Медведем и обыкновенной девушкой. Люди медвежьего народа утверждали, что они, как и человек-медведь, тоже происходят от этой пары. Но на самом деле предки убитой великанши наверняка

были созданы в лаборатории какого-нибудь властителя — хотя бы того же Ядавина, ставшего Вольфом на Земле-1.

На прогалине уже кишмя кишели жуки и муравьи, привлеченные запахом разлагающейся плоти. Кикаха, шатаясь, побрел к лесу и сел на краю прогалины, прислонясь спиной к огромному корневищу. Вскоре из лесу вышла Анана и настороженно огляделась. Видно было, что она готова нырнуть обратно в заросли при первых же признаках опасности.

Кикаха тихонечко свистнул, имитируя посвист маленьких древесных лемурчиков. Анана свистнула в ответ. Кикаха с усилием встал и подошел к ней.

— Ворон был уже мертв, когда я нашла его,— сказала она.— Его пожирала гигантская ласка.

Они поговорили несколько минут и, выработав план действий, повернули к лагерю. План Кикахи, намеревавшегося выбить из сестер признание о сговоре с Рыжим Орком, был отвергнут. Кикаха хотел было отрезать голову человеку-медведице и швырнуть ее сестрам под ноги, но потом согласился с Ананой, что лучше оставить сестриц в неведении. По крайней мере, до поры до времени.

По пути в лагерь они сочинили историю, объясняющую его раны. На него напал гигантский кот, сказал сестрам Кикаха, но ему удалось вырваться и убежать от зверя. Анана встретила его и помогла дойти до лагеря. Особо притворяться Кикахе не пришлось, и стонал он, лежа на земле, вполне натурально.

— Придется задержаться здесь, пока я встану на ноги,— заявил Кикаха.

Поверили ли сестры его рассказу — этого он понять не мог. Тоаны были настолько подозрительны по натуре, что с недоверием воспринимали даже самые простые и обычные утверждения.

Через два дня Кикаха уже вполне оправился. Как и все люди в тоанских вселенных, за исключением жителей двух Земель, он обладал замечательными способностями самоисцеления. От ран остались лишь еле заметные шрамы, которые со временем должны были исчезнуть совсем. Правда, ел и пил в эти дни Кикаха за троих, поскольку быстрое исцеление требовало больше горючего.

Анана тем временем сопровождала сестер в лес каждый раз, когда они отлучались по нужде.

— Они явно пытаются вступить в контакт с вороном и не могут понять, почему он не появляется.

— Пускай поволнуются,— отозвался Кикаха.

— Их ссоры и перебранки действуют мне на нервы.

— Мне тоже. Они просто дети, которым по десять тысяч лет от роду. Ненавидят друг дружку, но не могут расстаться. Каждая из них, наверное, боится, что другая станет счастливой, если некому будет отравлять ей жизнь.

— Большинство тоанских пар похожи на них,— заметила Анана.— А земные пары?

— Увы, тоже.— Он помолчал немного и вдруг сказал: — Полагаю, ты знаешь, что они обе приглашали меня поваляться с ними в листве.

— Меня они тоже приглашали,— рассмеялась Анана.

Рано утром на третий день путники свернули лагерь и продолжили путь к трехглавой горе. Два дня спустя они вышли из леса. Им предстоял еще двухдневный переход по широкой равнине. Они пересекли ее без особых хлопот, если не считать пары нападений саблезубых тигров, питавшихся обычно мамонтами, и одной атаки, предпринятой шестью птицами-топороклювами. В конце концов отряд вышел к подножию горы Ригсурт.

— Здесь мы останемся на ночь,— проговорил Кикаха и, указав на середину крутой трехглавой горы, прибавил: — А завтра днем, если поторопимся, будем вон там.

Только он и Анана знали, что указывал он отнюдь не на то место, где были расположены врата. Кикаха редко открывал случайным попутчикам свои настоящие планы. Ловкость рук, склонность к запудриванию мозгов и изворотливость — таковы были черты личности, отмеченной печатью «КИКАХА».

— Врата находятся в большом валуне, похожем на сердце? — спросила Элет.

— А ты догадливая,— ответил Кикаха.

Залезая ночью под одеяло у самого выхода из маленькой пещеры, Анана сказала:

— Раз они считают, что так близко подобрались к вратам, то могут попытаться убить нас сегодня же ночью.

— Сомневаюсь. Сдается мне, у Рыжего Орка другие планы на наш счет. Хотя — чем черт не шутит? Я подежурю первым.— Он поцеловал Анану в губы.— Спокойной ночи.

Через пятнадцать минут он вылез из-под одеяла и подошел к мирно спящим сестрам. Потом взобрался на ближайший валун, закутался в одеяло и сел, глядя на костерок в пещере и трех уснувших женщин. Время от времени Кикаха обводил взглядом окрестности и напряженно прислушивался. Ниже по склону горы, футах в пятидесяти от пещеры, мелькнула чья-то громадная туша, и несколько камней с грохотом посыпались вниз. Потом с небес спланировала длиннокрылая птица — или летучее млекопитающее,— схватила пискнувшего зверька, и крошечная тьма тут же поглотила и хищника, и его добычу.

Ночные думы овладели Кикахой, накрыв его с головой большим черным парашютом.

Чаще всего в них мелькал образ Рыжего Орка.

Властитель заманивает их с Ананой в западню, думал Кикаха. Даже не подслушай он разговора Элет с вороном, он все равно был бы в этом уверен. До сих пор все шло по плану, придуманному властителем, в чем бы он ни заключался. То, что Рыжий Орк не пытался убить их с Ананой, означало, что властителю они нужны живыми. Он придумал для них что-то особенное. Нечто вроде изощренной физической пытки или длительного заточения с моральными пытками, или и то и другое вместе.

Кикаха припомнил, как они с Ананой скрывались в Лос-Анджелесе, а Орк со своими людьми пытался их поймать. Теперь, размышляя об этом, Кикаха решил, что люди властителя оказались подозрительно неумелыми исполнителями, а сам тоан — не слишком умелым организатором.

Или Рыжий Орк просто играл с ними в кошки-мышки?

Это было вполне возможно. Одно из правил, которым следовали властители в своих жестоких играх, гласило, что в любой ловушке нужно оставлять хотя бы одну лазейку. Естественно, если противнику достанет ловкости и сообразительности ею воспользоваться, не говоря уже о везении.

Лазейка была обычно столь ничтожна, что многие властители погибли при попытке пробраться в неприятельские вселенные через врата, снабженные ловушками. До сих пор Кикахе с Ананой везло. Не им, а их врагам пришлось удирать в свои крепости, а то и расставаться с жизнью.

Но, как казалось Кикахе, Рыжий Орк преследовал их пока далеко не в полную силу.

Впрочем, возможно, тоану вскоре надоест эта игра и он решит навсегда избавиться от своих заклятых врагов.

Кикаха был полон решимости этого не допустить.

Но Рыжий Орк наверняка придерживался иного мнения, и игнорировать его мнение Кикаха не мог. Из всех властителей Орк был самым опасным и самым удачливым. Никто из тоанов не мог похвастаться таким количеством захваченных вселенных и убитых врагов. Рыжий Орк наводил страх буквально на всех. Хотя в юности, по словам Ананы и других тоанов, он был чувствительным и любящим молодым человеком — по тоанским меркам, разумеется.

Несправедливое и жестокое обращение с ним Лоса, его отца, превратило Орка в беспощадного и мстительного злодея. По крайней мере, таково было общепринятое мнение. Но Кикаха считал, что перемена была вызвана генетической склонностью к насилию, присущей властителям. Как бы там ни было, Орк восстал против своего отца. После долгой борьбы, повлекшей за собой разрушение нескольких планет и вселенных, непокорный сын убил Лоса. На стороне Орка выступили тогда его мать Энитармон и племянница Вала. Кстати, подобные поступки отнюдь не были редкостью и не осуждались тоанской моралью.

Гораздо позже Энитармон погибла во время набега от руки некоей властительницы. Рыжий Орк выследил убийцу, взял ее в плен и замучил так жестоко, что даже тоаны, эти искусные заплечных дел мастера, были шокированы.

— А вскоре после этого — лет через тысячу примерно, то есть пятнадцать тысяч земных лет тому назад — Рыжий

Орк стал тайным властителем обеих Земель,— сказала Ана-на.— Впрочем, это ты и сам знаешь.

— Да, я знаю,— ответил Кикаха.— Приблизительно в то же время Рыжий Орк создал вокруг двух Земель их вселенные.

— Так я тебе говорила,— отозвалась Анана,— и тогда я действительно верила, что вселенные сотворил Рыжий Орк и он же заселил обе планеты искусственно созданными людьми. Но теперь мне кажется, что я ошибалась. Видишь ли, существует предание, согласно которому обе Земли были созданы властителем по имени Орк. Однако это был не наш Рыжий Орк. Тот Орк одним из первых стал создавать карманные вселенные, а родился он за много тысячелетий до Рыжего Орка. Его убил кто-то из тоанов, и с той поры обе Земли довольно долго жили вообще без властителей. Затем их захватил некий Трасса, но Рыжий Орк, родившийся гораздо позже первого Орка, убил его и стал властителем обеих Земель.

Кикаха, не долго думая, сделал вывод:

— Значит, Рыжего Орка стали принимать за первого Орка.

Анана кивнула:

— Вот именно. Что-то в этом роде. Прошло много тысячелетий; властители разных вселенных редко общались друг с другом и не вели никаких записей, так что со временем Рыжего Орка начали отождествлять с древним Орком. Ты же знаешь — Рыжий Орк доводится мне дядей, поскольку он брат моей матери, а Лос и Энитармон — мои дедушка с бабушкой. Ядавин, он же Вольф, мне наполовину брат...

— Ты меня уже запутала,— прервал ее Кикаха.— Лучше рассказывай дальше.

— Извини. Ну так вот, Рыжий Орк сейчас искренне верит в то, что именно он сотворил две последние вселенные, то есть вселенные Земли-1 и Земли-2. Он не совсем в своем уме, хотя это не мешает ему добиваться успеха. Вообще-то почти все властители немного тронутые. Такая длинная жизнь способна расшатать любой рассудок, кроме самого трезвого.

— Типа твоего,— ухмыльнулся Кикаха.

— Да. И если хочешь, я расскажу тебе, как я пришла к такому выводу.

— Что слишком долгая жизнь утомляет разум, и он убегает от реальности в мир иллюзий?

— Я так не говорила, — улыбнулась Анана, — хотя твое утверждение близко к истине. Однажды ночью, когда мы были на планете трехногих и ты спал как младенец, а меня замучила бессонница, я стала размышлять об Орке и Рыжем Орке. И докопалась до истины.

— Почему ты мне не рассказала об этом утром?

— Потому что той ночью на нас напало племя шлуков. Помнишь? Нам удалось прорваться, но мы бежали еще два дня без передыха, пока не удрали от этих трехногих каннибалов. У меня все тогда вылетело из головы. Скажи спасибо, что я сейчас об этом вспомнила. После прожитых тысячелетий в моей памяти, как и у всех тоанов, хранятся лишь самые важные воспоминания. Для подробностей просто не хватает места...

— Да, у струльдбругов незавидный жребий*, — сказал Кикаха по-английски.

— Что?

— Да так, ничего. Значит, ты докопалась до истины, говоришь?

— Есть две версии насчет того, кто создал две Земли. Версия о первом Орке сейчас малоизвестна. Большинство людей верит, что Земли сотворил Рыжий Орк, тем более что он этого не отрицает. Но на самом деле он не мог их создать.

Она умолкла так надолго, что Кикаха не выдержал:

— Ну и?

— Я слышала от некоторых властителей, не настроенных враждебно по отношению к Орку — правда, должна признать, таких не много, — одну историю. Вроде бы ее рассказывал сам Рыжий Орк, похваляясь перед своими многочисленными любовницами, хотя насчет своего прошлого он обычно не распространяется.

* Струльдбруги — персонажи «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта, обреченные на бессмертие и страдавшие от него, поскольку они жили вечно и вечно пребывали в старческом маразме.

История восходит к тому времени, когда отец загнал Орка на Антему, или в Нежеланный мир. Лос думал, что Орк там погибнет, поскольку шансов выжить в этом мире очень мало, а найти в нем врата — еще меньше. Но даже если бы Орк нашел врата, они привели бы его на планету Зазеля, называемую также Пещерной планетой. А с нее и вовсе невозможно выбраться. Во всяком случае, так думал Лос.

Рыжий Орк нашел-таки врата и попал на планету Зазеля. По словам Орка, она представляла собой один огромный компьютер с бесчисленными пещерами и туннелями, поросшими зеленью и населенными зверьем. Зазель давно уже умер, но его искусственное творение заботилось о себе само. В конце концов Орку удалось уговорить компьютер, чтобы тот выпустил его через врата, о которых Лосу не было известно. Однако Рыжий Орк хотел вернуться на Пещерную планету еще раз, после того как убьет отца. Что потребовало нескольких тысячелетий — в общем, это была отдельная эпопея.

У моего дяди была веская причина стремиться обратно на Пещерную планету, ибо там, в памяти компьютера, хранятся данные о том, как построить машину творения-разрушения.

— Ого!

— Ты знаешь, о чем я говорю?

— Еще бы! — сказал Кикаха. — Древние властители пользовались такими машинами для создания искусственных вселенных. Но за долгие годы, а особенно за тысячелетия жестокой войны между властителями и Черными Звонярами машины были уничтожены или потеряны. Информация о том, как их построить, тоже исчезла бесследно. Верно?

— Верно! Однако Рыжий Орк обнаружил, что данные до сих пор хранятся в памяти Пещерной планеты. В ту пору ему было не до них, но он твердо вознамерился когда-нибудь вернуться и раздобыть информацию. К несчастью для него и к счастью для нас, вернуться ему не удалось. Компьютер, похоже, задраил врата. Рыжий Орк пытался найти лазейку и проникнуть туда, но его отвлекали войны с другими властителями, так что он не мог

сосредоточиться на поисках. Хотя, как мне кажется, он почти уже сдался: слишком много попыток окончилось неудачей.

— Насколько я знаю Орка, он так быстро не сдастся,— заметил Кикаха.

Судя по всему, Рыжий Орк не жалел усилий на то, чтобы выследить Кикаху с Ананой. Гордость тоана была, несомненно, уязвлена тем, что эти двое скрывались от него столь долго и столь успешно. Он наверняка пришел в ярость, а гнев его был ужасен. Боже сохрани вас попасть под горячую руку властителя! Боже помилуй тех несчастных, которых он послал на поиски Кикахи с Ананой! Впрочем, все его приспешники были не без греха, и что бы ни случилось с ними, они это заслужили.

Орк наверняка знал о том, что два его злейших врага находились на планете вазиссов. Только не знал, где именно. Или знал?

На Земле он не терял своих противников из виду, зато вполне мог потерять их след, когда Кикаха с Ананой бежали в Лавалитовый мир. Возможно, он разыскивал их все пятнадцать лет, пока они скитались по планете трехногих.

Но чем еще занимался тоан эти пятнадцать лет? Сколько властителей успел он убить и сколько карманных вселенных присвоить?

Кем был тот загадочный англичанин в костюме начала девятнадцатого века, которого видели Кикаха с Ананой в воздушном замке Лавалитового мира?

И где обретаются сейчас Вольф с Хрисеидой?

Тут в памяти Кикахи всплыл древний Спящий с лицом насекомого. Вот уж действительно загадка из загадок! Почему он проснулся, как только непрощенные гости покинули его удивительную гробницу? И как вообще им удалось забрести в этот тщательно охраняемый склеп?

Кикаха не верил, что они «забредли» туда случайно и что пробуждение Спящего было всего лишь совпадением. Конечно, совпадения бывают, но в них, если копнуть поглубже, всегда можно найти связующие нити.

Анана пришла сменить его с дежурства. Они пошептались минут десять, обсуждая планы на завтра, а потом

Кикаха пошел в пещеру соснуть. Так, сменяя друг друга, они провели всю ночь. Кикаха опять сидел на валуне, когда серый рассвет возвестил о том, что солнце вот-вот взойдет из-за горизонта.

Сестры за всю ночь не встали ни разу, хотя постоянно ворочались, пытаясь устроиться поудобнее на жестких камнях.

Плеснув себе в лица немного воды и съев простой завтрак, они разбрелись за валуны и скальные выступы, чтобы облегчиться. А когда вернулись в лагерь, то быстро свернули его и тронулись в путь под предводительством Кикахи. Не прошли они и полумили, как Элет остановилась:

— Ты ведешь нас не туда, куда показывал!

— Я показывал вам место, куда мы направляемся. Но мы не пойдем по прямой. Эта дорога гораздо удобнее.

Через два часа сестры начали жаловаться на усталость.

Кикаха остановился перед красным гранитным монолитом восьмидесяти футов высотой. Основание монолита находилось в нескольких футах от края утеса, на котором стояли путники. Десятью футами выше основания в граните торчала блестящая полусфера из черного камня, похожая на пушечное ядро, которым выстрелили в монолит с близкого расстояния.

— Это и есть врата? — спросила Элет, показывая на монолит.

— Нет,— сказал Кикаха.

— Тогда где они? Где-нибудь недалеко?

— Это не сами врата, но здесь они находятся.

Кикаха раскрыл замшевый футляр, висевший на поясе, и вытащил из него серебристую трубу.

Элет распахнула глаза и ахнула:

— Рог Шамбаримена!

Сестра ее сначала онемела от благоговения. Потом обе они застрекотали визгливыми голосами. Кикаха подождал минуту и потребовал тишины.

Он поднял рог к губам и затрубил. Как только отзвучала последняя нота, у основания монолита появилась арка семи футов высотой и пяти шириной. Пространство внутри арки слегка колыхалось, словно воздух знойным днем. Кикахе почудилось, будто он видит, как с той стороны

по чему-то огромному и черному пробегает рябь. Но это была всего лишь иллюзия, разумеется.

— Через десять секунд они закроются! — громко сказал Кикаха и махнул рогом. — Вперед! Живо!

Они с Ананой выхватили лучеметы и стали подталкивать сестер к воротам.

— Нет! Нет! — завопила Элет. — Откуда нам знать, что это не ловушка?

И рванула в сторону. Анана подставила ей подножку и наподдала под зад, когда та попыталась встать.

Вторая сестрица, замирая от страха, побрела к воротам, а потом вдруг резко свернула вбок. Анана вырубил ее, ударив ребром ладони по шее.

Элет тем временем, подхватив края туники, припустила наутек, но споткнулась и упала. Вставать она отказалась наотрез, хотя Кикаха кричал, что разрежет ее пополам.

Зыбкая арка исчезла с лица монолита.

Кикаха с Ананой отступили немного назад, чтобы держать обеих сестриц под прицелом.

— Ясно как Божий день, что вы обе не хотите идти через ворота, — сказал Кикаха. — Однако совсем недавно вы сами напросились нас сопровождать. Какая муха вас укусила?

Элет встала, стряхивая грязь с подола туники.

— Мы вам не доверяем! — заявила она.

— Неубедительное объяснение! — громко сказала Анана. — Почему вы пытались сбежать? Вы знаете, что находитесь с той стороны врат? Вы надеялись заманить нас в ловушку?

— Мы испугались!

— Да, — с притворным всхлипом поддержала сестру Она, — мы испугались.

— Чего? — спросила Анана.

— Вы испугались, что Рыжий Орк поймает вас вместе с нами, нарушит свое обещание и убьет? — рывкнул Кикаха. — Верно я говорю?

Как ни изумлена была этим вопросом Элет, она даже глазом не моргнула. Но Она вздрогнула, словно Кикаха хлопнул у нее над ухом мухобойкой.

— Рыжий Орк? — взвизгнула она. — При чем тут Рыжий Орк? Какое он имеет к нам отношение? — Она повернулась и махнула рукой в ту сторону, где недавно мерцали врата.

Кикаха подошел к ней вплотную, почти нос к носу. И сказал еще громче:

— Я слышал, как ваш ворон Уэйскам разговаривал с Элет! Я знаю все! Все!

«Это весьма далеко от истины, — подумал он про себя. — Но я заставлю их признаться. А если не сумею, напущу на них Анану. У нее не такое мягкое сердце, как у меня. Надеюсь, что смогу перенести их вопли».

Сестры растерянно молчали. То, что Кикахе было известно имя ворона, убедило их в его осведомленности.

— Ваша защитница, женщина-медведь, мертва, — продолжал Кикаха. — Анана убила ее.

— Ах так! — криво улыбнувшись, сказала Элет. — Значит, тебя поцарапала вовсе не большая кошка! Это была...

— Я не знаю, как ее звали, — проговорил Кикаха. — Да, она чуток поцарапала меня. Я и сам бы ее пристрелил, но Анана меня опередила.

Элет по-прежнему молчала. Однако Она не выдержала:

— Мы не виноваты! Мы...

— Заткнись! — взвизгнула Элет. — Они ни черта не знают! Они просто пытаются заставить тебя заговорить!

— Послушай меня, Она, — промолвила Анана. — Если ты расскажешь нам все без утайки, я сохраню тебе жизнь! Что же касается Элет... — Анана ткнула Ону стволom лучмета. — Выкладывай!

— Если мы расколемся, нам не жить, — проговорила Элет голосом твердым, как алмаз. — Если не расколемся, нам тоже не жить. Я выбираю молчание. И тебе, Она, категорически запрещаю болтать!

— Ты думаешь, Рыжий Орк нас спасет? — ослабилась ей в лицо сестра. — Выпрыгнет, как чертик из табакерки, и спасет? Размечталась! Думаешь, ему есть до нас дело? По-моему...

— Хватит! — заявила Анана. — Вы обе наговорили вполне достаточно, чтобы подтвердить свою вину. Хотя мы в таком подтверждении даже не нуждались. Элет, ты нач-

нешь рассказывать первой. Если утаишь хоть что-нибудь, мы дознаемся об этом от Оны, и тогда ты умрешь! Немедленно!

Элет оглянулась, словно надеясь, что Рыжий Орк спустится с гор и выручит ее. Но спаситель не появился, и она прекрасно понимала, что помощи ждать неоткуда. Элет заговорила.

Рассказ ее был примерно таким, как и ожидал Кикаха. Сестры наврали, будто им удалось сбежать от Рыжего Орка, когда он вторгся в их вселенную. Их поймали, не дав уйти через ворота. Но Рыжий Орк не убил их, а принудил стать приманкой для поимки Кикахи с Ананой.

— Принудил? — фыркнула Анана. — Вас, жестокосердых дочерей Уризена, пришлось силой принуждать стать нашими врагами?

— Мы никогда не говорили, что считаем вас друзьями, — сказала Элет. — Но мы не стали бы преследовать вас по собственной воле.

— Вы слишком ленивы, — заметила Анана.

— Орк не сказал нам, откуда он знает, что вы здесь, — продолжала Элет. — А мы были не в том положении, чтобы задавать ему вопросы.

Рыжий Орк, по словам Элет, потерял след своих врагов на планете трехногих. Но он нашел единственные на планете ворота, которые со временем отыскиали и Кикаха с Ананой. Шестиугольник давно уже стоял в храме трехногих. Орк перенастроил ворота, создав резонансную цепь, и убрался восвояси.

— Орк сказал, что ворота выведут вас в определенное место Многоярусного мира. Он установил сигнальную систему, — правда, не знаю где, — чтобы определить, когда вы войдете в цепь. Конечно, вместо вас туда мог попасть кто-нибудь из властителей. Но он на девяносто процентов был уверен, что это будете вы.

— Откуда он мог знать, что мы не погибнем в его бесчисленных ловушках? — спросил Кикаха.

— Похоже, он здорово верил в вас обоих. Он даже сделал вам комплимент: если кто-то и сможет пройти через цепь, сказал он, так это вы с Ананой.

— Ну да, ведь у меня рог Шамбаримена.

— Об этом он не упоминал.

— А зачем? Если бы вы знали, то могли бы поддаться соблазну и предать его, чтобы завладеть сокровищем.

— Правда твоя,— согласилась Элет.

Властитель или же один из его слуг доставил сестриц в чащу леса, где на них наткнулись Кикаха с Ананой. Все время путешествия из своей вселенной в Многоярусный мир сестры были без сознания.

— Могу вас уверить, что в этом лесу не существует врат,— сказал Кикаха.— Я знаю. Я видел схему врат во дворце Вольфа. Вас наверняка перенесли через врата куда-то в другое место на планете, а потом переправили по воздуху в лес.

— А ты уверен, что знаешь местоположение всех врат? Может, Рыжий Орк установил там новые?

Кикаха пожал плечами.

В общем, когда сестрицы очнулись, то обнаружили, что лежат среди деревьев. Пятьдесят пять дней они боролись за выживание. Орк снабдил их лишь самым необходимым — тем, что они могли бы захватить впопыхах, убегая от него.

— Мы уже и не надеялись на ваше появление,— сказала Элет.— Вы могли погибнуть в ловушках или просто не найти нас. Но Рыжему Орку — чтоб ему испытать все муки Интимана! — было плевать, сдохнем ли мы с голоду или от лап какого-нибудь хищника. Мы решили подождать еще дней пять. Если бы вы не появились, мы пошли бы ко дворцу Ядавина.

— Цель, конечно, заманчивая,— сказала Анана,— хотя не думаю, чтобы вам удалось одолеть два монолита.

Элет рассказала практически все. И добавила только, что не знает, зачем Рыжему Орку понадобилось, чтобы сестры сопровождали Кикаху с Ананой к вратам. Рыжеволосая Она подтвердила ее слова.

Кикаха с Ананой отошли в сторонку, чтобы потолковать наедине.

— По-моему, они не врут,— сказал Кикаха.— Орк не стал бы посвящать их в свои планы. Интересно, как он узнал про эти врата?

— А я не так уж уверена, что он про них знает,— откликнулась Анана.— Возможно, он просто следил за каждым нашим шагом, чтобы напасть на нас, как только мы откроем врата.

Анана поглядела на склон горы и перевела взгляд вниз, на равнину.

— Да, возможно,— сказал Кикаха.— Или послал кого-нибудь из своих прислужников.

— Он сам или его слуги могут быть где угодно, в сотнях миль отсюда. Где-нибудь на равнине или в небесах. Одна-единственная ракета сотрет нас в порошок.

— Орк не станет стирать нас в порошок,— возразил Кикаха.— Мы нужны ему живыми. Похоже, мы увязли в гамлетовых вопросах. Так много «но» и «если», что они нас парализуют. Давай-ка лучше двигать отсюда — там видно будет.

Он снова протрубил в рог. Анана прогнала сестриц, протестовавших громко, но тщетно, через колышущуюся завесу в скале и сама последовала за ними. Кикаха сунул рог в футляр и тоже прыгнул в арку. Он очутился в полукруглой комнате с блестящим полом и стенами. Пол под ногами был гладким и ровным, как монолит.

Рыжеволосая Она вскрикнула и метнулась мимо Кикахи. Он протянул руку, пытаясь поймать ее. Она увернулась и прыгнула обратно через мерцающую завесу. Верхняя часть ее тела скрылась — и вдруг мерцание погасло. От Оны остались только кусочек туники, ягодицы, длинные ноги да пара капель крови. Элет взвизгнула и громко зарыдала.

Тут их неожиданно перенесло в другое место — в нечто вроде ямы, выдолбленной в скале. Кикаха присел и, сжимая в руке лучемер, повернулся кругом, оглядывая новые окрестности. Непосредственной опасности, похоже, не было. Стоявший в углу ямы человек — Кикаха его узнал — в знак своих мирных намерений поднял над головой ладони.

Кикаха отвел от него взгляд, чтобы осмотреть очередную тюрьму, в которую они угодили. Площадь ямы была футов двенадцать, высота — около десяти. Над головой

сияло голубое небо. Солнца не было видно, и тени громадных утесов быстро наполнили на отверстие сбоку.

Яма находилась на дне или на одном из склонов гигантского ущелья. Оба склона круто вздымались вверх, однако в них было множество уступов и расщелин. Там и сям, цепляясь корнями за каменные стены и отклоняясь от них под углом в сорок пять градусов, росли чахлые деревца. Местами камни были покрыты большими пятнами зеленых мхов.

Жара, словно по мановению дирижерской палочки, отворила все поры в коже Кикахи, заливая его потом. Температура здесь была не ниже ста одного градуса по Фаренгейту.

Кикаха не стал терять времени даром и, вытащив из футляра рог, затрубил. Семь нот отзвучали, но ворота в стенах ямы не появились. Рыжий Орк заманил-таки их в западню!

Кикаха сунул рог обратно в футляр и повернулся к человеку, стоявшему в углу ямы. Человек был высокий, красивый, выглядел лет на двадцать пять, хотя родился лет полтора ста тому назад, если не больше. Длинные темные волосы, гладко зачесанные назад, были завязаны в хвост. Его одеяние походило на костюмы властителей, давно уже вышедшие из моды. Скорее всего, он заказал себе костюмчик в какой-нибудь из тоанских вселенных. Полы жакета переливались зелеными, красными, белыми, голубыми и желтыми красками, пульсирующими, словно неоновые трубки. Некогда белая рубаша с плюеным воротничком была расстегнута у шеи. Бриджи из бутылочно-зеленого вельвета доходили до икр и кончались тугой тесьмой. Гениталии покрывал треугольный малиновый гульфик.

На левой руке у него блестело тяжелое серебряное кольцо, обвивавшее средний палец три раза. Кикахе оно сразу бросилось в глаза, но только теперь он разглядел кольцо как следует — и замер от изумления. Кольцо изображало чешуйчатого человека. На пальце отчетливо виделось лицо существа, погребенного в усыпальнице.

— Вот мы и встретились снова,— сказал по-английски человек и улыбнулся.

Его произношение показалось Кикахе странным, но он не сумел определить, что это за акцент.

— Эрик Клифтон, ваш покорный слуга. Я, как и вы, пленник Рыжего Орка. Во всяком случае, я полагаю, что этот презренный властитель заточил вас здесь вопреки вашей воле.

Глава 7

Элет стенала и плакала навзрыд.

— Кончай этот кошачий концерт! — прикрикнул на нее Кикаха. — Ты ненавидела свою сестру, а теперь голошишь так, будто любила ее без памяти.

Элет уставилась на него красными глазами, силясь справиться с горем.

— Но я любила Ону! — всхлипнув, сказала она. — Только из-за того, что мы порою спорили...

— Спорили? Порою? — Кикаха рассмеялся. — Да вы с сестрой постоянно варились в котле, наполненном презрением и желчью! Вы не убили друг дружку только потому, что боялись потерять предмет своей ненависти!

— Неправда, — сказала Элет. Всклипнула еще раз и добавила: — Хотя ты все равно не поймешь.

— Тут ты права, не пойму.

Кикаха вновь повернулся к Эрику Клифтону:

— Меня зовут Кикаха. Возможно, ты слышал обо мне. А это Анана Светлая. Она родилась в начале войны с Черными Звонярами, так что можешь прикинуть, сколько ей лет. Эта плакальщица — Элет, одна из жестокосердых дочерей Уризена, известных ранее как мягкосердечные дочери Ахании, жены Уризена. О них ты, наверное, тоже слышан. — Кикаха сделал паузу и продолжил: — Мы с Ананой видели тебя мельком в летающем замке Уртоны, властителя Лавалитового мира. Он вместе с Рыжим Орком попортил нам немало крови, пока мы блуждали по его миру. Но теперь он мертв. Рыжий Орк тоже был в замке, однако ему удалось сбежать.

— Я частенько думал о вас: все хотел узнать, что с вами случилось, — произнес Клифтон.

— Подробности потом. А сейчас лучше объясни нам, каким ветром тебя занесло с Земли в тоанские вселенные и как ты очутился здесь. И откуда, черт побери, у тебя это кольцо?

Задавая вопросы, Кикаха в то же время осматривал стены ямы. Они были покрыты маслянистой пленкой.

— Это долгая история,— сказал Эрик Клифтон.— Может, имеет смысл подумать вначале, как выбраться отсюда, пока не появился Рыжий Орк?

— Я только об этом и думаю,— сказал Кикаха.— Но мои мысли не помешают мне выслушать твою историю. Главное, постарайся не отвлекаться.

Клифтон поведал, что родился в 1780 году в очень бедной семье. Жили они в Англии, в Лондоне. Отец его выбился из поденных рабочих в люди, то есть стал владельцем булочной. Когда булочная прогорела, он вместе с женой и шестью детьми угодил в долговую яму. Там отец и трое детей умерли от голода и лихорадки. Вскоре после того как Эрика с родными выпустили из тюрьмы, его четырнадцатилетнего старшего брата поймали и повесили за кражу башмаков. Его младшая сестра в двенадцать лет стала проституткой, а в восемнадцать скончалась от сифилиса и гонореи.

Тут Клифтон глубоко вздохнул, и на глаза его навернулись слезы:

— Все это было очень давно, но, как видите, воспоминания до сих пор не дают мне покоя... Простите... Как бы там ни было...

Как бы там ни было, ему лично очень повезло: его усыновила, хотя и нелегально, бездетная супружеская пара. И это спасло его от высылки в Австралию.

— Хотя там — как знать? — я мог бы стать свободным и даже богатым человеком,— вздохнул Клифтон.

Человека, усыновившего его, звали Ричардом Дэлли.

— Он был издателем и продавцом книг. Они с женой научили меня читать и писать. Когда приемный отец сделал меня рассыльным и поручил мне доставку книг, я познакомился с Уильямом Блейком — поэтом, гравером и художником. Мистер Блейк...

— Ты уверен, что не отвлекаешься? — прервал его Кикаха.

— Разумеется. Все это имеет непосредственное отношение к делу. Вы знакомы с поэзией Блейка?

— Я читал кое-какие его стихи, когда учился в колледже.

Насколько Кикаха помнил, Блейк родился в 1757 году и умер в 1827-м. Он был христианином, но слыл оригиналом, и его взгляды на религию весьма отличались от общепринятых взглядов того времени. Да и не только того — любого времени, включая эпоху Кикахи. Вот, собственно, и все, что ему запомнилось из лекций по английской литературе.

— А знаете ли вы, что Блейк создал свою собственную мифологию? — спросил Клифтон.

— Нет.

— Он смешал ее вместе с христианскими элементами.

— Ну и?

— Его дидактические и символические произведения были апокалипсическими поэмами, и в них действовали вымышленные боги и богини, которых, по утверждению Блейка, он выдумал сам. Божества в его мифологии носили такие имена, как Лос, Энитармон, Рьжий Орк, Ва-ла и Ахания.

— Что? Да ты, как видно... Да нет, ты шутишь! — воскликнул Кикаха. И повернулся к Анане: — Ты об этом знала?

У нее округлились глаза.

— Да, я знала, только не сердись. Ты никогда не спрашивал, но я встречалась с Блейком.

— Ты встречалась с Блейком?

Кикаха был настолько ошеломлен, что даже начал заикаться. Но он не сомневался в правдивости Ананы. Блейк мало значил для нее, и она бы вспомнила о нем только в том случае, если бы Кикаха упомянул его имя.

— Ладно. Все о'кей. Я просто удивился. — Он опять повернулся к Клифтону: — Рассказывай дальше.

— Мистер Блейк был мистиком, ясновидящим и оригиналом, каких свет не видел. Ни у кого больше я не встречал таких пронзительных, диких и сверкающих очей.

Лицо у него было как у эльфа — опасного эльфа. По словам мистера Дэлли, Блейк божился, будто в детстве видел ангелов на дереве и пророка Иезекииля в поле. Говорили также, что в окне своей спальни он видел лик Божий. Если бы вам довелось встретиться с Блейком и послушать его речи, вы поверили бы всему, что о нем говорят.

Несколько раз мистер Блейк заходил к мистеру Дэлли купить книги в кредит. Дело в том, что он был очень беден. Дважды я слышал, как он беседовал с моим приемным отцом, хотя говорил по преимуществу мистер Блейк. Мистер Дэлли был очарован мистером Блейком, хотя и побаивался его безумных речей. Меня тоже охватывал испуг. Казалось, он был одержим какой-то странной потусторонней силой. Это трудно объяснить, его надо было слышать.

В общем, однажды вечером, когда глаза мистера Блейка выглядели еще более дикими, одухотворенными и — ясновидящими, что ли? — чем обычно, он поведал мистеру Дэлли, что видел призрак блохи. Не знаю, при чем тут блоха: судя по описанию мистера Блейка, призрак ничего общего с блохой не имел. Он выглядел в точности как фигура на моем кольце, только в руке у него не было кубка с кровью.

Клифтон поднял руку с кольцом на пальце.

— Призрак был одним из многих посещавших Блейка «пришельцев» — то есть видений людей или предметов из потустороннего мира. Хотя иногда он называл их пришельцами из других миров.

— А иногда — эманациями миров неведомых, — добавила Анана.

— Откуда ты знаешь? — спросил Кикаха.

— Я слышала это от самого Блейка. Как известно, когда Рыжий Орк сотворил вселенную Земли и ее двойника, он запретил властителям наведываться в них. Я говорила тебе, что бывала на Земле несколько раз, хотя и не рассказывала в подробностях. Когда я жила в Лондоне — городишке занятом, хотя и малоприятном, — то выдавала себя за богатую француженку-аристократку. А поскольку я коллекционировала лучшие произведения прими-

тивного земного искусства, мне посоветовали встретиться с Блейком. Я купила у него несколько гравюр и рисунков темперой, попросив никому об этом не говорить. Вряд ли до Рыжего Орка могли дойти слухи о моем пребывании на Земле, но я не хотела рисковать.

— И ты ничего мне не сказала! — возмутился Кикаха.

— Ты прекрасно знаешь почему, так что не заводишься.

— Ладно,— кивнул он.— Но откуда Блейк узнал про тоанские миры?

Клифтон открыл было рот, однако Анана его опередила:

— Нас, тоанов, знавших о Блейке, тоже это удивляло. По нашей теории, Блейк был мистиком, как-то настроенным на восприятие обитателей в других вселенных. То ли его восприимчивость была свойством нервной системы, то ли это было какое-то седьмое чувство, о котором нам ничего не известно, но никто из землян больше такими способностями не обладал. Во всяком случае, мы о таких людях не слыхали, хотя существует теория, что некоторые земные мистики, а также некоторые безумные земляне...

— Давай обойдемся без теорий, если можно,— попросил Кикаха.

— В общем, точно мы ничего не знаем,— сказала Анана.— Но каким-то образом Блейку являлись видения — или картины, не знаю, как их лучше назвать,— искусственных карманных вселенных. Возможно, он видел и оригинальную тоанскую вселенную или ту, что, по мнению некоторых, ей предшествовала. Во всяком случае, то, что он знал имена многих властителей и некоторые события с их участием, никак не могло быть случайным совпадением.

Но видения Блейка были искаженными и фрагментарными, и он использовал их для создания своей личной мифологии, смешав ее с мифологией христианства. В результате получился коктейль «а-ля Блейк», расцвеченный его богатым воображением и верованиями. В общем, Блейк был мошенником, хотя и очень высокого класса.

— Понятно,— сказал Кикаха.— И тем не менее то, что он назвал «призраком блохи», на самом деле имело облик чешуйчатого человека, которого мы видели в той стран-

ной гробнице. Никто из тоанов не знал о чешуйчатом, и все же Блейк его видел.

— Очевидно.

— И весьма примечательно!

— Любая вселенная и все сущее в ней примечательно,— сказала Анана.

— Но не в одинаковой степени,— возразил Кикаха и показал на кольцо.— Так откуда оно у тебя, Клифтон? Где ты его взял?

— И как ты попал в тоанские миры? — спросила Анана.

Клифтон покачал головой:

— Это было самое странное приключение, какое когда-либо выпадало на долю землянина.

— Думаю, не более странное, чем мое путешествие в Многоярусный мир,— сказал Кикаха.

— У меня есть некоторые способности к рисованию,— начал Клифтон.— Описание призрака блохи так меня заинтриговало, что я нарисовал его, а потом показал рисунок своему другу, Джорджу Пью. Как и я, он был дитя улицы, карманный воришка и по совместительству работал пажом ювелира по имени Роберт Скарборо.

— Пажом? — не понял Кикаха.

— Это мальчик-слуга,— пояснила Анана,— который сопровождал хозяина, когда тот выходил на улицу.

— Пью показал рисунок своему работодателю, мистеру Скарборо, хотя и не назвал моего имени. Мистеру Скарборо рисунок так понравился, что он рассказал о нем одному из своих клиентов, богатому шотландскому аристократу лорду Ривену. Лорд Ривен был крайне заинтригован и заказал себе по моему эскизу кольцо. Кольцо сделали, но заказчик его так и не получил, ибо оно было украдено.

Клифтон сделал паузу и поднял кольцо, чтобы окружающие получше его рассмотрели, после чего продолжил:

— Украла его банда, членом которой был Пью. Он отдал кольцо мне и попросил спрятать, поскольку хозяин заподозрил его. Мне не очень хотелось ввязываться в это дело, хотя, по правде говоря, я не прочь был завладеть кольцом. В то время я не был таким честным, какими, по мнению богачей, должны быть бедняки, да и вы на моем месте вряд ли были бы честнее.

— Не нам тебя судить,— сказал Кикаха.

— По словам Пью, никто, кроме него, не знал о том, что он отдал мне кольцо на сохранение. Но его убили, когда он убегал от констеблей. И тогда я решил, что отныне кольцо принадлежит мне. Правда, я не собирался продавать его, по крайней мере сразу. У констеблей было подробное описание, так что продавать кольцо было опасно.

А потом, в один прекрасный летний день, случилось так, что меня против воли забросило в другие миры, и в конечном итоге я оказался в этой яме. Хотя конкретные планы Рыжего Орка на мой счет, равно как и на ваш, мне неизвестны.

Вдали раздался громовой удар, эхом прокатившийся по пропасти. С внезапностью танковой атаки с запада надвинулись свинцовые тучи. За несколько секунд они покрыли ясное небо, и над отверстием ямы засвистал порывистый ветер. Проникнув в яму, он выдул удушающую жару и остудил нагое тело Кикахи.

— Мы дослушаем твою историю потом, Клифтон,— сказал Кикаха.— Пора выбираться из этой дыры.

Анана не было нужды спрашивать его, почему он так заторопился. Она знала, что способен натворить в таком ущелье сильный ливень.

Кикаха подумал, что можно было бы пробить лучеметами туннель со дна ямы под углом в сорок пять градусов и выбраться на склон ущелья. Но времени для рытья туннеля не осталось.

Кикаха отдал распоряжения. Мужчины встали бок о бок, повернувшись лицами к северной стороне ямы. Анана, сильная и ловкая, вскарабкалась на их плечи и встала одной ногой на правое плечо Кикахи, а другой — на левое плечо Клифтона. Элет к тому времени слегка уже пришла в себя и приняла посильное участие в борьбе за спасение. Самой легкой из всех и атлетически развитой, ей не составило труда взобраться на плечи Ананы. Вокруг талии Элет была намотана тонкая веревка, которую Кикаха извлек из своего рюкзака. Через пару секунд Элет пожаловалась:

— Край слишком скользкий, никак не могу уцепиться.

— Что ты видишь? — спросил Кикаха.— Есть там какое-нибудь местечко, куда можно было бы забросить веревку с крюком?

— Ничего подобного! — В голосе Элет зазвенело отчаяние.

Удар грома и орудийная вспышка молнии разорвали ее дальнейшие слова в клочья. Она вскрикнула и свалилась с Ананы, но успела сгруппироваться и приземлилась, поджав колени, на ноги.

— Что ты хотела сказать? — спросила Анана, спустившись с мужских плеч.

Ответные слова Элет снова заглушили гром и молния. С небес упало несколько капель дождя.

— Я видела водный поток, — прокричала Элет. — Он лился как бешеный вниз по склону! Мы все здесь утонем!

— Возможно, — усмехнулся Кикаха. — А может, наоборот, выйдем из этой ямы.

Но в голосе его было больше надежды, чем в душе.

— Рыжий Орк не стал бы заманивать нас сюда только затем, чтобы утопить! — вскричала Элет.

— Почему нет? — сказала Анана.

— По-моему, он просто не подумал о возможности наводнения, — сказал Кикаха. — Он выбрал это местечко для западни, когда тут было сухо.

Тьма — не такая непроглядная, как тьма полуночи, но чернее вечерних сумерек — заполнила яму. Ветер становился все крепче и прохладнее, хотя дул еще не в полную силу. На людей внезапно обрушился сильный ливень. Над головами полыхали молнии. Несколько минут спустя вода перелилась через края отверстия и почти сразу поднялась Кикахе до лодыжек.

— Элиниттрия Серебряные Стрелы, спаси нас! — воззвала Элет.

Холодная вода волной побежала в яму и сбила их с ног. Не успели они подняться, как их накрыла вторая, еще более мощная волна. А затем через край хлынул бешеный ревущий поток.

Кикаху прижало к стене. Почти теряя сознание, он все силился выплыть наверх, хотя и потерял представление о том, где верх, а где низ. Наткнувшись ладонью на камень, он понял, что плыл все время вниз. Или не вниз, а горизонтально — и этот камень не что иное, как стенка ямы.

Что-то тело ударилось в него. Кикаха попытался его схватить, но не успел. А потом его целую вечность мотало в воде и било о камни. В ту самую минуту, когда он подумал, что сейчас отдаст концы, если не вдохнет воздуха, голова его вынырнула из воды. Он успел сделать вдох, прежде чем снова погрузился вниз, и успел также заметить справа какую-то темную массу — более темную, чем окружающая мгла.

Это, должно быть, стена ущелья, подумал Кикаха. А следовательно, меня вынесло из ямы.

Он снова поплыл во мраке. Если его не перевернуло вверх тормашками, то он направлялся к поверхности. Шансы выжить были ничтожны, поскольку его в любой момент могло размазать по скале. Но Кикаха не сдавался, и голова его вдруг опять вынырнула из воды, хотя в рот тут же ударило волной и он чуть не захлебнулся. Задышавшись и отфыркиваясь, Кикаха выплюнул воду.

Звать на помощь не имело смысла. Гром и молнии по-прежнему терзали ущелье. Никто не услышит его, а даже если услышит, что толку?

Теперь ему угрожала еще и гибель от электрического разряда. Молнии то и дело вспарывали поток. Но в их вспышках Кикахе удалось разглядеть, что его несет мимо большой скалы, вздымавшейся почти вертикально, в такую кромешную тьму, которую даже молнии не могли разогнать.

Рев, доносившийся оттуда, заглушал удары грома. Что это? Водопад? Поток швырнул Кикаху через край, и он полетел в бездну. Когда его ударило о дно беснующейся реки и потащило вперед, он снова почти отключился. Придя в себя, Кикаха обнаружил, что попал в самый центр водоворота. Тот крутил его и крутил, а потом с силой треснул обо что-то твердое.

Очнувшись Кикаха лежал лицом на камнях. Ноги и нижняя часть туловища плавали в воде, тихо колеблемые потоком. Тьму по-прежнему пронзали молнии, но полыхали они гораздо дальше.

Кикаха полежал немного, откашливаясь и судорожно вдыхая воздух. Потом, чуть оправившись, с трудом вскарабкался вверх по наклонной скале. Лицо, ступни, коле-

ни, ребра, ладони, локти, ягодицы и гениталии горели так, словно с них срезали кожу ножом. У него не было сил уползти подальше. Он перевернулся лицом вверх; ландшафт то и дело освещали вспышки молний. Кикаха лежал на скальном треугольном выступе, одна вершина которого врезалась в ревущую реку. Впереди вздымалась отвесная стена, уходя в небеса бог знает на какую высоту.

Кикаха поднял голову, застонав от боли, и посмотрел вверх. Очередная вспышка молнии помогла ему сориентироваться. Стена возвышалась всего в пятидесяти футах от него. Когда ливень только начался, он наверняка стекал со стены бурным потоком, но теперь по ней струился лишь мелкий водопад.

Кикахино счастье, подумал он. Но в один прекрасный день...

Он встал и побрел к широкой части треугольника. Там он сел. Гроза ушла еще дальше вдоль ущелья. Как-то, несмотря на холод и сырость, Кикахе удалось заснуть. Когда он проснулся, было уже светло. Прошло несколько часов, и солнце встало за краем стены, уходившей, как казалось, в небеса без конца и без края. Кикаха очутился на самом дне ущелья — ниже, чем когда сидел со всеми в яме.

— Анана! — позвал он.

Почти все его оружие и обмундирование снесло водным потоком. Правда, на нем остались пояс, нож и луче-мет в кобуре. Рог Шамбаримена, туго прикрученный к поясу, потоку тоже не удалось утащить... Кикаха усмехнулся, потому что рог был ему дороже всего оружия вместе взятого.

Когда солнце стояло уже прямо над головой, Кикаха с трудом поднялся. Гроза остудила воздух, но завтра жара снова станет нестерпимой. У Кикахи был один лишь выход — добраться до края ущелья. Он походил вдоль основания стены взад и вперед по всей ширине треугольного выступа. Найдя наконец место, испещренное трещинами и поросшее растениями, за которые можно было ухватиться — даже на этой глубине кривые деревца умудрились цепляться корнями за стену, — Кикаха полез вверх. Ладони болели, кожа на четырех пальцах была ободрана. Скрипя зубами и стеноя, Кикаха прополз по стене около

восьмидесяти футов. К тому времени вода уже перестала струиться по склону. А футах в пятидесяти над головой Кикаха заметил край большого гнезда, свисающего над уступом.

В гнезде, возможно, будут яйца, и он сможет немного подкрепиться.

Когда, шатаясь от усталости и голода, он добрался до гнезда, то увидел, что оно сделано из сучков и веточек, скрепленных высохшим клейким веществом. Внутри лежали четыре розовато-лиловых яйца размером вдвое больше куриных. Кикаха посмотрел по сторонам, чтобы убедиться, что поблизости нет наседки. Проткнув яйца кончиком ножа, он высосал из них немного белка. Потом разбил скорлупу и обнаружил внутри зародыши птенцов. Он съел их сырыми, за исключением лап и голов.

Отдохнув немного, Кикаха встал, собираясь продолжить подъем, как вдруг услышал резкий крик и обернулся. Наседка вернулась домой и пришла в такую ярость, что даже выронила зверушку, похожую на кролика, которую несла в гнездо. Зверек полетел вниз, но Кикаха не видел его падения в реку, поскольку был вынужден заняться собственной защитой. Небесно-голубая птица величиною больше земного орла набросилась на него. Он распорол ей брюхо ножом, однако она успела вцепиться ему клювом в руку и разодрать когтями грудь.

Все тело у него болело так, что до схватки с птицей казалось, будто больнее уже некуда. Теперь он понял, что ошибался.

Ощипав птицу, Кикаха разрезал ее и съел пару кусков. Остаток дня и ночь он провел на уступе. Хоть ночи здесь были теплые, и то слава Богу.

Спустя двенадцать дней Кикаха добрался до края ущелья. Питался он в пути очень скудно. Несмотря на способности его организма к регенерации, все тело было покрыто синяками и ссадинами. Правда, их он приобрел недавно.

Убедившись, что на краю ущелья все спокойно, он перевалился через кромку и лег на бок, пытаясь отдышаться, а потом встал.

Судно, казалось, возникло прямо из воздуха. Возможно, так оно и было. Сверкающий серебристый цилиндр сужался с обоих концов в острые конусы. Под прозрачным куполом возле конуса, ближайшего к Кикахе, виднелась кабина, тянувшаяся в длину до половины цилиндра. Из боков судна высунулись четыре металлические ноги и уперлись в землю.

Воздушный катер приземлился; передняя часть купола откинулась кверху. Человек, сидевший в пилотском кресле, вылез из катера и зашагал навстречу Кикахе, еле стоящему на ногах.

Пилот был высокий и мускулистый, с привлекательным лицом и волосами по плечи, отливавшими красноватой бронзой. На нем было черно-белое одеяние в полоску, доходившее до щиколоток. На поясе, украшенном драгоценными камнями, виднелась кобура. Она была пуста, поскольку лучемер пилот сжимал в руке.

Человек улыбнулся, обнажив очень белые зубы, и сказал по-тоански:

— Кикаха! Ты воистину человек выдающийся, раз сумел-таки выжить! Я испытываю к тебе огромное уважение — такое огромное, что меня так и подмывает поприветствовать тебя и отпустить на все четыре стороны! Однако...

— У тебя за пазухой полно всяких «однако», Рыжий Орк,— заметил Кикаха.— Не говоря уже о прочих вещах.

Глава 8

По команде тоана Кикаха медленно вытащил лучемер и нож и бросил их вперед футов на десять. Очень нехотя он отправил за ними и футляр с рогом. Рыжий Орк, сияя победным восторгом, подобрал футляр правой рукой.

— Спиной ко мне,— скомандовал он Кикахе, махнув лучемером,— руки вверх и на колени. И чтоб не шевелился, пока не разрешу.

Кикаха повиновался, прикидывая одновременно свои шансы в том случае, если он вскочит, подбежит к краю ущелья и прыгнет. Возможно, ему удастся миновать острые выступы и упасть в реку. Но останется ли он в живых?

И успеет ли тоан пристрелить его, пока он будет бежать к краю обрыва?

Ответ на первый вопрос был «нет», на второй — «да». И вообще это был безумный план. Но, может быть, лучше принять такую смерть, чем мучения, уготованные ему Рыжим Орком?

Кикаха не расслышал шагов у себя за спиной. Он различил лишь негромкое шипение и почувствовал, как что-то коснулось его спины. Очнулся он на заднем сиденье воздушного катера. Все тело его было обмотано жесткой липкой лентой и прикручено к сиденью. Кисти рук были связаны вместе, ноги тоже. Голова трещала; во рту пересохло. Поглядев сквозь купол, Кикаха обнаружил, что катер поднялся над землей по меньшей мере на тысячу футов и направляется к северу.

Рыжий Орк, сидевший за пультом управления, глядел на телеэкран, нависавший сбоку над приборной панелью. На экране прекрасно был виден Кикаха. Тоан встал, включив автопилот, и пошел назад по узкому проходу между двумя рядами сидений.

— До сих пор ты успешно избегал моих ловушек, — сказал он, остановившись футах в четырех от пленника. — Но теперь тебе конец.

— Я еще жив, — прохрипел Кикаха.

— И можешь прожить еще довольно долго. Но ты будешь мечтать о смерти. Может быть. Честно говоря, я еще не придумал, что с тобой сделаю.

Кикаха посмотрел в сторону и увидел то самое ущелье, которое недавно одолел. Или другое? Отсюда оно казалось шириной миль около сорока, а вниз уходило на такую глубину, что дно скрывалось в кромешной тьме. Вряд ли такая пропасть образовалась в результате эрозии. Видно, эту планету когда-то потряс чудовищный катаклизм.

Рыжий Орк, похоже, угадал его мысли.

— Мы находимся на планете Ванзорд, созданной Аппирмазулом. Я сражался здесь со своим отцом Лосом. У Лоса было оружие потрясающей разрушительной силы. Не знаю, откуда он его взял — возможно, нашел в какой-нибудь древней пещере. Лос использовал его против меня

и моего войска, так что мне пришлось бежать через ворота и бросить своих людей. Пропасть возникла в результате применения оружия.

— И где оно теперь? — хрипло спросил Кикаха.

— Отец выиграл ту кампанию. Позже, когда я атаковал его армию, мне удалось завладеть «аннигилятором», как его называли. Но я вынужден был уничтожить это древнее оружие. Удача повернулась ко мне спиной, мне пришлось отступать, и я не хотел оставлять отцу аннигилятор. Поэтому я его взорвал.

Тем не менее, как ты, наверное, слышал, окончательная победа оказалась на моей стороне. Я взял отца в плен и, помучив его вдоволь, убил. Задолго до того я отрезал у него яйца и съел их — когда он попытался убить мою мать. Мне надо было тогда же прикончить его. Как только у него выросли новые яйца, он объявил мне беспощадную войну.

Но в конце концов я победил, сжег его тело, смешал пепел с вином и выпил своего папашу. Хотя настоящий конец ему пришел на следующий день — когда я вылил его в унитаз!

Рыжий Орк рассмеялся безумным смехом. Да он и есть безумец, подумал Кикаха. Правда, вполне разумный и логичный во многих отношениях. И очень коварный.

— Все это жуть как интересно, — сказал Кикаха, — но мне хотелось бы узнать об Анане, Клифтоне и Элет.

Рыжий Орк улыбнулся, точно ему доставляло удовольствие то, что он намеревался сообщить своему пленнику:

— Пока ты карабкался по склону ущелья, я поискал остальных. Когда наводнение схлынуло, тело Элет осталось лежать на скале — без лица и с половиной головы. С нее содрало почти весь скальп, но несколько белокурых прядей позволили мне ее опознать. Так закончила свою жизнь последняя из жестокосердых дочерей Уризена. Оплакивать их никто не станет.

Клифтон, очевидно, погребен под тоннами ила и камней. Его истории тоже пришел конец. Он очутился в яме потому, что попал в одну из ловушек, установленных мной в резонансной цепи, и угодил в то самое место, куда я заманил тебя вместе с твоими попутчицами. Вообще-то и

яма, и цепь были созданы Ололоном много лет тому назад. Я ими просто завладел. Ололон соорудил этакий заколдованный круг в расчете на любого властителя, который в него попадет. Но в ловушку попался англичанин. Я, кстати, почти забыл о нем. В последний раз я его видел в летучем дворце Уртоны, в Лавалитовом мире. Уртона сбежал из дворца вместе с вами двоими. Что с ним случилось потом?

— Уртона погиб, как только мы прошли через ворота в Многоярусный мир. Можно сказать, попал в свой собственный капкан и избежал смерти от моих рук.

Рыжий Орк приподнял брови и тихо проговорил:

— Ах так! Еще один из самых старых властителей мертв. Мне очень жаль, но только лишь потому, что не я убил его. Когда он стал союзником отца, я включил его в свой черный список.

— Так, что же с Ананой? — спросил Кикаха.

Губы тоана тронула едва заметная улыбка. Кикаха понимал, что Рыжий Орк медлит с ответом исключительно для того, чтобы помучить пленника. И тоан знал, что пленник это понимает.

— Анана? Ах да, Анана!

Кикаха склонился вперед, готовясь к самому худшему. Но Рыжий Орк сказал:

— Я думал, что Она тоже окажется в яме, но, очевидно, с ней что-то приключилось в пути. Или она удрала от вас и блуждает сейчас одна по Алофметбину?

— Она погибла при попытке к бегству. Что с Ананой?

— Тебе, наверное, интересно узнать, как вас угораздило попасть в капкан. Только я мог придумать такое. Никто другой не сумел бы устроить все так быстро и ловко. К счастью, в резонансной цепи, созданной Ололоном и поймавшей вас двоих, была трехдневная пауза, которая задержала вас перед очередными воротами. Она дала мне время, чтобы доставить с базы все необходимое оборудование. Ты когда-нибудь слыхал об Ололоне?

— Бога ради! — воскликнул Кикаха по-английски и перешел на тоанский: — Ты нарочно тянешь резину, чтобы меня помучить, да? Хоть ты и прожил так долго, но остался испорченным мальчишкой!

— Мелкие радости — вещь хорошая, и я не стану делать вид, будто я выше их, — ответил Рыжий Орк. — Когда ты почти бессмертен, то понимаешь, как быстротечна радость и какие долгие промежутки отделяют один сладкий миг от другого. Поэтому мелкие радости для меня всегда желанны, особенно неожиданные. — Он сделал паузу, спокойно выдержав свирепый взгляд Кикахи, и спросил: — Так как насчет Ололона?

— Мы были в его мире, на планете трехногих, — сказал Кикаха. — Ты и сам это знаешь.

— Теперь знаю, — откликнулся тоан. — А раньше лишь подозревал, но не был уверен. Уверен я был только в одном: если вы воспользуетесь единственными воротами на планете Ололона, то непременно угодите в резонансную цепь. Давным-давно, убив Ололона и захватив его планету, я изучил схемы его врат и записал их в файл на своей базе. Я знал, что когда-нибудь они мне пригодятся. И я не ошибся. Мало кто из властителей может похвастаться такой предусмотрительностью.

Хвались-хвались, хвастун несчастный, подумал Кикаха. Но его невольно заинтересовало, как тоану удалось осуществить свой план.

— Элет и Она оказались умными противниками. Они умудрились сбежать из плена, пока я отлучился с базы. Я подозревал, что они подкупили стражу, но у меня не было времени пытками добиваться у охранников признаний, поэтому я их убил. А чтобы коррупция не распространилась дальше, ликвидировал всех, кто жил у меня во дворце — кроме детей, конечно. Я позаботился о том, чтобы их приняли местные племена.

Вечно одно и то же, подумал Кикаха. Пытки и убийства, а потом похвальба собственным милосердием.

— Сестриц я выследил не сразу, но в конце концов мне удалось их обнаружить. Они бродили, полуголодные и совершенно несчастные, в том самом лесу, где вы на них наткнулись. Но я не стал их наказывать, а решил использовать в качестве приманки для вас с Ананой. Я пообещал сестрам освободить их, если они согласятся со мной сотрудничать, и они все время со страхом гадали,

сдержу я свое слово или нет. Я послал также ворона — Око Властителя — и оромота, чтобы они следили за вами с Ананой, а заодно и за сестрицами, которые вполне могли предать меня. И оромоту, и ворону была обещана солидная награда, но я пригрозил, что убью их, если они попробуют переметнуться на вашу сторону. Я...

— Мы с Ананой знали об этом,— сказал Кикаха.— Мы убили их обоих.

Рыжий Орк побагровел, бросил на него свирепый взгляд и крикнул:

— Не смей говорить, пока я тебе не разрешил!

Взяв себя в руки, он продолжил:

— Меня беспокоило то, что у вас был рог Шамбаримена; по крайней мере, я полагал, что он все еще у вас. Рог способен изменить состояние резонансной цепи. С ним вы могли вырваться из заколдованного круга, даже если бы попали в него. Но тут сработала моя сигнальная система, и я понял, что вы с Ананой прошли через врата на планете трехногих.

Схема цепи, доставшаяся мне от Ололона после его смерти, показывала, что одна из кратких остановок будет на Алофметбине. Но остановка должна была длиться всего несколько секунд. Я рассчитывал, что вы узнаете Алофметбин и убежите из зоны действия врат до окончания паузы или же затрубите в рог и таким образом нейтрализуете активность врат. И оказался прав, как всегда. Я предпочел бы, чтобы вы оказались поближе к сестричкам, но это от меня не зависело. И, естественно, я не мог предугадать, окажется ли вблизи врат какая-нибудь щель или нет.

Поэтому сразу пленить вас с Ананой я был не в силах. Вам стоило только протрубить в рог, и вы смылись бы через щель, окажись она там. Вероятность была половина на половину.

Кикаха открыл было рот, намереваясь задать вопрос, но вовремя спохватился и сжал губы.

— Я знал, что вы прямиком направитесь к ближайшим вратам — тем, что расположены в валуне. Удача, как всегда, не покинула меня, так как расположение врат было мне известно. Ололон несколько раз побывал на

этой планете во времена властителя Вольфа, нашел четверо врат и нанес их местоположение на карту. Он же и соединил врата в валуне с ямой.

Кикаха откашлялся и сказал:

— Могу я спросить?

Рыжий Орк махнул рукой.

— Что случилось с Ананой?

— Дай мне закончить рассказ! — гневно заявил тоан. —

Тогда ты поймешь, против кого вздумал сражаться! А теперь помолчи! Ололон, очевидно, вырыл эту яму вскоре после того, как благодаря аннигилятору моего отца здесь образовалось ущелье. Яму я нашел давно, во время короткого визита на планету Ванзорд. Мне нравилось шляться по вселенным и собирать информацию, которая могла пригодиться позже. Никогда ведь не знаешь, когда и что окажется полезным. Но потом вы с Ананой исчезли из цепи на несколько часов, а на островке вам вроде появляться было рано... — Он помолчал и воскликнул: — Ну, конечно! С помощью рога вы прорвались из цепи еще до того, как попали на островок. А затем снова угодили в нее, верно?

Кикаха кивнул. Хотя он и не представлял себе, какую выгоду мог извлечь тоан из информации о существовании чешуйчатого человека, лучше было оставить Рыжего Орка в неведении. Никогда не болтай попусту — как бы не пришлось об этом пожалеть.

— Я редко когда беспокоюсь, — сказал тоан, — но не считаю для себя унизительным признать, что ваше исчезновение заставило меня понервничать. Однако я продолжал приводить в действие свой план. Дело в том, что в стенах ямы могла оказаться щель. Вероятность была небольшая, но я не хотел рисковать, иначе вы выбрались бы оттуда запросто, разочек дунув в рог. Поэтому я установил рядом с ямой генератор, который вы не могли увидеть со дна, и настроил его так, чтобы вокруг ямы возникли односторонние врата. Пока этот щит из односторонних врат опоясывал яму, даже рог не сумел бы открыть щель.

Рыжий Орк сделал паузу.

— Можно спросить? — прохрипел Кикаха. Во рту и в горле у него жутко пересохло, но будь он проклят, если попросит у тоана стакан воды!

— Валяй.

— Почему ты попросту не спустился на катере как-нибудь ночью, пока мы шли по лесу или равнине, и не захватил нас в плен?

— Потому что я не люблю рисковать, если можно обойтись без риска. Вы могли протрубить в рог и ускользнуть через щель. А убежать из ямы у вас не было возможности, даже с рогом.

— Но ты забыл про наводнения, — сказал Кикаха.

Лицо тоана вновь побагровело.

— Я давным-давно не был на этой планете! — заорал он. — Я не знал, что там бывают такие ливни! Это очень сухая планета! Я в жизни там даже облачка не видал!

Кикаха ничего не ответил. Он не хотел доводить тоана до бешенства, чтобы тот не вздумал выжечь ему лучом глаза или сделать что-нибудь похуже.

— И труд мой был вознагражден! — продолжал Рыжий Орк. — Этот англичанин, Клифтон, очевидно, удрал из летучего дворца Уртоны. Но он тут же угодил в мою ловушку на другой планете, и я бросил его в яму. Все мои неуловимые враги — за исключением Вольфа с Хрисеидой — попались, как рыбки в сети!

— Вольф? Хрисеида? — пробормотал Кикаха.

— Вольф и Хрисеида! — крикнул Рыжий Орк. Голос его в тесном пространстве кабины показался таким оглушительным, что Кикаха вздрогнул. — Они сбежали! Сбежали! Мне надо было сразу же разделаться с ними!

— Ты не знаешь, где они? — вкрадчиво спросил Кикаха.

— Где-то на Земле, — с досадой махнув рукой, ответил тоан. — А может, удрали через ворота в другие миры. Это неважно! Я все равно их поймаю! И тогда!.. — Он осекся, глубоко вздохнул и улыбнулся: — Не радуйся так за них, Кикаха. Рано радуешься! Я ведь нашел-таки Анану.

Кикаха знал, что тоан ждет не дожидается новых вопросов об Анане. Но пленник упрямо сжал губы. Тоан все равно скажет, не удержится.

— Тело Ананы, вернее, то, что от него осталось, торчало из-под небольшого валуна! Я оставил ее стервятникам!

Кикаха закрыл глаза. Его сотрясала дрожь, а грудь будто проткнули копьем. Но властитель мог и наврать.

Овладев собой настолько, чтобы не выдать дрожи в голосе, Кикаха спросил:

— Ты взял с собой ее голову? Ты покажешь мне ее?

— Нет!

— Может, у тебя есть фотография ее тела? Хотя снимок легко подделать.

— Зачем мне это нужно?

— Потому что ты лжешь!

— Но ты не можешь знать этого наверняка, или я не прав?

Кикаха молчал. Так и не дождавшись от пленника ответа, тоан вернулся в пилотское кресло.

Кикаха снова взглянул сквозь прозрачный купол. Бездонных ущелий внизу больше не было; под ними расстилалась каменистая пустыня, лишенная почвы и растительности. Однако там и сям уже начинали пробиваться новые побеги. Некоторые виды птиц — в чем Кикаха успел убедиться на собственной шкуре — и, по-видимому, какие-то животные сумели пережить апокалипсическую битву. Не исключено, что остались в живых и небольшие группки людей. Хотя вряд ли им приходится есть досыта.

И вновь Кикаху охватил гнев при мысли о том, как надменно и презрительно относятся властители к жизни. Им ничего не стоило, глазом не моргнув, уничтожить целую планету!

Чудо, что Анана так не похожа на своих сородичей.

Минут через десять катер начал снижаться. Зависнув на пару мгновений в воздухе, он быстро пошел на посадку и приземлился на изрезанный морщинами и складками каменный монолит, наклонно уходивший ввысь под углом в тридцать градусов. Пьедесталом ему служила громадная красноватая скала, похожая по очертаниям на голову медведя. Тоан выжал из тьюбика несколько капель голубой жидкости на краешек липкой ленты. Через пару минут лента

отлипла, и Кикаха легко высвободился из пут. Только руки у него остались связанными.

Его вывели из катера. Велев подбежавшим людям закрыть прозрачный купол, тоан повел Кикаху к скале. Там он произнес кодовое слово, и часть скалы засверкала красными и фиолетовыми полосами. Кикаха глядел на них, не отрываясь, хотя у него тотчас разболелись глаза.

— Иди вперед,— приказал Рыжий Орк.

Кикаха прошел через ворота в маленькое помещение в скале. Через секунду он оказался в большом зале из зеленоватого мрамора, увешанном коврами и занавесями, хотя и без окон, и уставленном креслами, диванами и статуями. Чуть погодя часть монолитной на вид стены отворилась и в зал вошел Рыжий Орк.

— Садись вон в то кресло,— сказал он, махнув луче-метом.

Пленник повиновался. Рыжий Орк сел в кресло напротив, улыбнулся, откинулся на спинку и вытянул вперед ноги.

— Мы в одном из моих убежищ на Земле-2.

— Ну и?

— Ты голоден? Можешь подкрепиться, а потом мы с тобой кое-что обсудим.

Отказываться от еды только потому, что она предложена врагом, Кикаха счел глупостью. Ему понадобится много энергии, если он сделает попытку освободиться, а он не сомневался в том, что сделает ее. Не «если», а «когда» — вот как надо ставить вопрос.

— Хорошо,— сказал он.

Орк, очевидно, подал какой-то сигнал, а может, он заранее был уверен в том, что пленник не откажется от трапезы. В стене открылось отверстие размером с дверь, и женщина вкатила тележку, уставленную бокалами и блюдами вместе со столовым серебром. Женщина была черноволосая, кареглазая, темнокожая и очень красивая. Бедра ее обхватывала мерцающая серебристая повязка, с передней части которой свисали такие же серебристые перья в фут длиной. В волосах красовалось павлинье перо. Подкатив тележку к столу, женщина поклонилась Рыжему Орку, переставила еду и напитки на стол и вышла

из зала, покачивая узкими бедрами. Отверстие в стене закрылось.

— Ты сможешь насладиться не только лучшими блюдами и напитками, какие есть на планете, но и этой красавицей тоже,— сказал тоан.— А также другими, не менее прекрасными и искусными в сладострастных утехах. Если примешь мое предложение, конечно.

Кикаха приподнял брови. Предложение? Выходит, Рыжему Орку нужна его помощь в очередной афере. Тоан, конечно, человек смелый, от опасностей не бежит, но тут он явно играет с огнем.

Ну хорошо, а что потом? Да только будет ли это «потом»?

Кикаха поднял связанные кисти рук и показал пальцем на стол. Рыжий Орк велел ему поднять руки еще выше и раздвинуть их как можно шире. Кикаха так и сделал. Пространство между запястьями было не больше дюйма.

— Не шевелись,— предупредил тоан и молниеносно выхватил лучемер. Желтый луч разрезал пути пополам; лучемер скрылся в кобуре. Все это заняло не больше двух секунд.

Очень впечатляюще, подумал Кикаха. Но Рыжему Орку он этого говорить не собирался. Кстати, что это за лучемер такой, с желтыми лучами?

— Я вернусь, когда ты пообедаешь,— сказал тоан.— Если хочешь сначала умыться или сходить в туалет, скажи «кентфасс», и из стены выдвинется ванная комната. Чтобы убраться, достаточно снова сказать то же самое слово.

Причудливое устройство, подумал Кикаха. Впрочем, Рыжий Орк всегда был склонен к причудам.

Тоан вышел из зала. Хотя особого аппетита у Кикахи не было, еду, состоящую из различных овощей, фруктов и рыбы, он нашел отменной. Вино показалось слишком терпким на вкус, но было в нем нечто неуловимо пикантное, и пилось оно легко. После обеда Кикаха воспользовался ванной комнатой, изукрашенной росписями подводного царства. Потом ванная скользнула назад, и часть стены снова закрылась. В некоторые из таких подвижных стальных секций наверняка были встроены врата.

Несколько минут спустя в зал вошел тоан. Теперь на нем была длинная тога и сандалии. Его сопровождали трое смуглых мужчин в конических шлемах с павлиньими перьями, в коротких клетчатых юбках и высоких ботинках со шнуровкой. Все были вооружены копьями, мечами и кинжалами. Они встали за спиной у Рыжего Орка, а тот сел лицом к пленнику в кресло, сделанное в форме паука. На сей раз тоан был безоружен.

— Ты, должно быть, сгораешь от любопытства,— сказал он Кикахе.— Гадаешь, небось, зачем мне, властителю, понадобилась помощь лебляббия?

— Очевидно, ты задумал нечто грандиозное и не в силах справиться один,— предположил Кикаха.

Рыжий Орк улыбнулся:

— Полагаю, ты хотел бы узнать, какая награда тебя ожидает, если ты исполнишь мое желание. И уж наверняка тебя терзают сомнения: а получишь ли ты обещанную награду?

— У тебя поразительные способности к чтению моих мыслей.

— Попридержи свое ехидство. Я никогда еще не нарушал данного мною слова.

— А тебе приходилось его давать?

— Несколько раз. И я его сдержал, несмотря на естественную склонность к вероломству. Но были и такие ситуации...— Он умолк на несколько секунд, а затем спросил: — Ты слышал про Зазеля с Пещерной планеты?

— Да,— ответил Кикаха.— Анана...

Он осекся. Одно только упоминание ее имени ожгло его сердце горячей болью.

Откашлявшись, он продолжил:

— Анана говорила мне о нем. Он создал планету в виде каменного шара со множеством туннелей и пещер. Что, на мой взгляд, мог сделать только безумец. Зазель, по словам Ананы, был склонен к меланхолии и покончил жизнь самоубийством.

— Многие властители покончили жизнь самоубийством,— заметил Рыжий Орк.— Те, что были слабаками. Сильные убивают не себя, а друг друга.

— По мне, они могли бы делать это побыстрее. Почему ты вдруг вспомнил о Зазеле?

— В юности я нанес своему отцу жестокое оскорбление. Но он не убил меня, а забросил через ворота в мир, мне совершенно незнакомый и очень опасный. Его называли Антемой, или Нежеланным миром. Скитаясь по планете, я встретился с другим властителем по имени Иджим из Темных Лесов. Он попал на Антему, скрываясь от властителя, чью вселенную безуспешно пытался захватить. Сорок четыре года он искал на планете ворота, способные перенести его в другие миры.

Тоан сделал паузу. Глаза его затуманили воспоминания о пережитых тяжелых временах. Затем он заговорил снова:

— Долгое одиночество сделало Иджима параноиком. Но мы объединили усилия, хотя каждый из нас, конечно же, намеревался убить другого, как только мы выберемся из Нежеланного мира. В конце концов мы нашли ворота, которые Лос, как выяснилось, поместил в районе, населенном свирепыми хищниками. И тем не менее мы прорвались к воротам и прыгнули в них. Там оказалась ловушка в виде бритвы, то есть Лос настроил их таким образом, что ворота были безопасны всего несколько секунд. Все остальное время они действовали как гильотина.

Иджима рассекло пополам, словно яблоко. Я отделался кусочками срезанной кожи на ягодицах и пятках. Поблуждав по туннелям, я вышел в просторную пещеру. Там я встретил Дингстета — существо, созданное Зазелем в качестве надсмотрщика или управляющего. После того как Зазель покончил с собой, Дингстет остался единственным разумным существом в этом огромном каменном шаре, изрытом туннелями и пещерами.

Дингстет был ужасно наивным. Ему следовало сразу же убить меня, но он этого не сделал. И не потому, что устал от одиночества и жаждал чьей-то компании. Он не ведал одиночества. По крайней мере, не страдал от него, как мне кажется. Были кое-какие признаки...

Рыжий Орк снова умолк. Он глядел мимо Кикахи, словно в памяти его всплывали картины Пещерной планеты.

— От Дингстета я узнал, — продолжал тоан, — что весь этот каменный мир представлял собой полубелковый-полукремниевый компьютер. В нем хранилась уйма раз-

ной информации, заложенной Зазелем. Большая часть этих данных давно была потеряна для прочих властителей. — Тоан помолчал, облизнул губы и добавил: — До сих пор только я один побывал на планете Зазеля. Только я один знаю о том, какие бесценные сокровища информации хранятся там. Только мне одному известны врата, ведущие на эту планету. И только я один знаю, какая информация даст мне абсолютную власть над властителями и их все-ленными.

— А именно? — спросил Кикаха.

Рыжий Орк громко рассмеялся:

— Ты не только хитроумный, ты еще и шутник! Тебе не обязательно знать, что именно я хочу найти. Хотя, попав на планету Зазеля, ты, без сомнения, приложишь отчаянные усилия, чтобы разузнать, чего же я так страстно жажду. Но я не открою тебе секрет, поскольку не хочу давать властителям ни малейшего шанса выпытать его. И уж меньше всего я склонен доверить его тебе.

— Как я могу разболтать о том, чего не знаю сам?

— Ты не можешь. Но некоторые властители сумеют догадаться, в чем дело.

Рассуждение тоана показалось Кикахе не совсем логичным, но особой логики ждать от Рыжего Орка и не приходилось. Им управляли ненависть и жажда власти. Или же наоборот.

Не приходилось рассчитывать и на то, что Рыжий Орк выполнит свои обещания или как-то наградит Кикаху. Тоан знал, что Кикаха не откажется от мести за гибель Ананы. И даже если ей удалось спастись, она была на волоске от гибели по вине Рыжего Орка. Такое Кикаха прощать не собирался.

— Так что же тебе нужно от меня? — спросил он.

— Ты будешь пешкой в моей игре, и я пожертвую тобой, если придется. И тем не менее, клянусь Шамбарименом, Элиниитрией и Манату Ворсион, что, если ты сумеешь выполнить мое задание и остаться в живых, я отпущу тебя на свободу...

— И Анану тоже, если она не погибла?

Рыжий Орк раздраженно поморщился, недовольный тем, что его перебили, но спокойно проговорил:

— И Анану тоже.

Кикаха спросил, каково же будет задание.

— Ты отправишься на планету Зазеля. Оттуда свяжешься со мной, и я к тебе присоединюсь.

Кикаха пожевал уголок губы:

— А почему ты не можешь отправиться туда сам?

— Ты знаешь почему,— улынулся Рыжий Орк.— Это опасное предприятие, и шансы выжить у тебя невелики. Но если ты погибнешь, я буду знать, что тебя погубило, и сумею избежать западни. С помощью рога мне это удастся. К тому же мне хочется убедиться, что ты и впрямь такой хитроумный, как считают некоторые властители. Хотя, должен признаться, ты уже произвел на меня неплохое впечатление, даром что ты лебляббий.

— Тебе нравятся смертельно опасные игры?

— Да. И тебе тоже.

— Тебе не раз удавалось меня поймать,— сказал Кикаха.

— И до сих пор ты все равно от меня ускользал. Когда за тобой охотились в Лос-Анджелесе, я просто развлекался. Мои наемные убийцы оказались не слишком умелыми, и удача была на твоей стороне. А потом я попал в Лавалитовый мир и чуть было не остался там навечно. Подозреваю, не без твоей помощи.

Кикаха не стал подтверждать догадку тоана. Пусть себе гадает.

— В любом случае,— сказал Рыжий Орк,— больше я с тобой играть в кошки-мышки не намерен.

— Я постараюсь выполнить твоё задание и не стану делать попыток к бегству,— пообещал Кикаха.

Возможно, Рыжий Орк верил ему не больше, чем сам Кикаха верил Рыжему Орку, но тем не менее тоан в подробностях рассказал, как он попал на Пещерную планету и как выбрался оттуда.

Лос, отец Рыжего Орка, выдворил сына из фамильной вселенной в пещеру на Антеме. Рыжий Орк и поныне в точности не знал, где именно на Антеме располагались врата. Впрочем, Лос мог установить там несколько врат.

Рыжий Орк с Иджимом нашли врата, ведущие с Антемы на планету Зазеля, потому, что отец снабдил сына картой. Но карта была зашифрованной, так что Рыжий Орк мог и не найти дороги.

— А покинуть Пещерную планету я сумел лишь потому, что Дингстет показал мне врата,— сказал Рыжий Орк.— Но через эти врата нельзя войти — только выйти. Врата, расположенные на Антеме, были точно такими же. Ты должен будешь отыскать другие врата. Хотя, если найдешь те самые, через которые прошли мы с Иджимом, можешь воспользоваться ими. Я долго пытался их найти, и искал так упорно, что, по-моему, заиклился. Мне нужен кто-нибудь, способный взглянуть на вещи свежим взглядом. Кто-нибудь изобретательный или по крайней мере пользующийся такой репутацией. Поэтому я предлагаю тебе добровольно согласиться на это рискованное предприятие.

— Отдай мне рог,— сказал Кикаха.— Он откроет любые врата и обнаружит слабые места в стенах между вселенными.

— Я же говорил, что ты шутник. А без шуток не можешь?

— Не могу. Ну хорошо. Я должен узнать все подробности об этих вратах и о мирах, в которых они находятся. И вообще у меня к тебе много вопросов.

Через час Рыжий Орк покинул зал, хотя то зло, которое, как чудилось Кикахе, исходило от тоана, все еще висело в воздухе. Чего хотел от него тоан, Кикахе было ясно. Неясными оставались тайные замыслы Рыжего Орка. На планете Зазеля тоан побывал восемнадцати лет от роду, то есть двадцать тысяч земных лет тому назад. Почему он тянул так долго? Почему не взял Пещерную планету штурмом и не завладел вожаемой информацией? Или же он пытался и все время безуспешно? Если многочисленные попытки тоана оказались неудачными, значит, дело и впрямь безнадежно. Практически невозможно достичь успеха там, где тоан потерпел поражение,— и все же он доверил эту задачу презренному лебляббю!

Практически невозможно. Но Кикаха был убежден, что, если есть хоть триллионная доля вероятности, он сумеет ею воспользоваться. Хотя он порой подтрунивал над собственной самоуверенностью, Кикаха свято верил, что способен сделать все, кроме того, что сделать невозможно. И даже с невозможным можно побороться.

В течение следующих трех дней Кикаха не видел своего порабитителя. Он усиленно занимался гимнастикой

в этом просторном зале, который мог бы быть и попросторнее, ел за троих, хотя и кипел от злости, а подчас выплескивал ее отборной бранью. Прекрасная служанка недвусмысленно дала ему понять, что не прочь разделить с ним ложе, буде он пожелает. Но Кикаха отверг ее. Пока он не убедится в том, что Анана погибла, других женщин для него не существует.

В его воображении постоянно возникали все новые и новые сцены спасения Ананы из потопа. Рыжий Орк, осматривавший ущелье с воздушного катера, мог не заметить ее, если она укрылась где-нибудь в пещере или под выступом скалы, да и на открытом пространстве вполне мог ее проглядеть.

Но потом Кикаха укротил свою фантазию. Ничего не попишешь, надо просто надеяться и ждать.

Вечером третьего дня Рыжий Орк снова появился в зале. Лучемер у него был в кобуре, а с пояса свисала шпaga в длинных ножнах. В правой руке тоан нес большой мешок. За спиной властителя маячило пять телохранителей, в том числе и один лучник. Тоан не поздоровался с пленником, просто сказал: «Иди за мной». Телохранители окружили Кикаху и повели через анфиладу экзотически убранных залов, совершенно пустых. Наконец его привели в огромный зал, освещенный тысячью факелов. Потолок уходил вверх этажей на шесть или семь. Стены, покрытые золотыми пластинами, украшали бесчисленные изображения животных и людей, и очертания каждой фигурки были выложены драгоценными камнями. Мебели в зале не было. В дальнем конце стояла гигантская бронзовая скульптура, изображавшая человека с громадным, торчащим кверху фаллосом, четырьмя руками и дьявольским лицом. Футах в двадцати перед скульптурой располагался алтарь на монолитном постаменте, покрытом пятнами засохшей крови. Его окружала стена в половину меньшей высоты с выдолбленными в камне ступенями.

— Меня привели на заклание? — усмехнулся Кикаха. Улыбка тоана, казалось, была высечена из гранита:

— Но не в качестве жертвы религиозного ритуала.

Он что-то сказал на сладкозвучном местном наречии, и телохранители удалились через парадную дверь. Один

из них захлопнул дверь и задвинул массивный запор. Лязг запираемой двери показался Кикахе роковым. Но ему не раз уже приходилось сталкиваться с роком и побеждать его.

— Поднимись по ступеням и стань возле постамента, — велел ему Рыжий Орк.

Когда Кикаха повернулся к тоану лицом, почти касаясь спиной монолита, возвышавшегося у него над головой, Рыжий Орк размахнулся и швырнул к его ногам мешок.

— Развяжи мешок, — громко приказал тоан. Слова его подхватило гулкое эхо.

Кикаха вытащил из мешка лучемер, пакет батарей, длинный нож, флягу с водой и мешок поменьше. Там оказались одежда, пояс с кобурой и ножами, пара башмаков, перочинный нож и ящик с концентратами.

— Лучевик не заряжен, — сказал Рыжий Орк. — Вставишь в него батарею, когда прибудешь на место назначения.

— И когда ты окажешься вне досягаемости, — добавил Кикаха. — Ты все предусмотрел.

— Я не такой беспечный, как ты, лебляббий. Ты получил от меня инструкции и всю информацию, которую я мог тебе дать. Положи вещи в мешок и лезь на постамент.

Оказавшись на вершине монолита, Кикаха взглянул на тоана. Тот улыбался, словно вся эта процедура доставляла ему искреннее наслаждение.

— Я предпочел бы оставить тебя своим пленником, помучить в свое удовольствие, а потом выпить твой пепел с вином, как выпил пепел своего папаша, — крикнул ему тоан. — Но я прагматик. Даю тебе шестьдесят дней на выполнение задания и...

— Шестьдесят дней? — крикнул в ответ Кикаха. — Я должен сделать за шестьдесят дней то, с чем ты не справился за десять тысячелетий?

— Вот именно! Кстати, Хитроумный! У тебя есть еще один стимул для того, чтобы вернуться ко мне! Твоя подружка Анана все время была в соседней с тобой комнате! — Он помолчал немного и крикнул: — Правда, я могу и солгать!

Кикахе показалось, будто его пронзило гигантской со-
судьбой. Не успел он оттаять, как Рыжий Орк выкрикнул
кодовое слово.

Твердый камень под ногами исчез, и Кикаха полетел
вниз.

Глава 9

Он выбросил вверх правую руку, пытаясь ухватиться
за край разверзшейся под ним бездны. Кончики пальцев
царапнули по каменной стенке шахты. Так это ворота, а
вовсе не люк в полу, открылись и поглотили его! До чего
же типично для Рыжего Орка не предупредить, что плен-
нику придется падать!

Прижимая мешок к левому боку, Кикаха отчаянно
пытался сохранить вертикальное положение. Свет, стру-
ившийся сквозь ворота, погас. В непроглядной тьме Кика-
ха тщетно хватался за воздух. Шахта, в которую он падал,
сделалась уже. Ее округлые стены, казалось, были всего
в дюйме от тела. А затем Кикаха обнаружил, что шахта
начинает изгибаться. Стены были скользкие, словно на-
мыленные, и только благодаря этому кожа на спине еще
не начала гореть.

К тому времени Кикаха начал считать секунды. Насчи-
тал двадцать. Еще пять наверняка прошло до того, как он
начал отсчет. Через четыре секунды шахта плавно изогну-
лась и стала горизонтальной. Кромешную мглу сменил
туманный тусклый свет, разгоравшийся все ярче.

Ну-ну, подумал Кикаха. Похоже, приехали!

Он вылетел из шахты, как из пушки. Над ним была
каменная, залитая ярким светом стена. Кикаха развернул-
ся в воздухе, чтобы приземлиться на ноги. Развернувшись,
он обнаружил, что находится в каменной пещере футов
двадцати в ширину и тридцати в длину. То, что он принял
за стену, оказалось потолком. Внизу блестел пруд, и Ки-
каху несло напрямиком в воду. Как ни пытался он войти в
нее ступнями, но все-таки плюхнулся боком, да с такой
силой, что тут же пошел ко дну. Несмотря на полуобмо-
рочное состояние, он судорожно замолотил руками и
ногами и всплыл на поверхность, после чего, не выпуская

из руки мешок, добрался до берега. Тот возвышался над водой всего на несколько дюймов, так что Кикаха довольно легко выволок свое тело на каменный пол.

— Черт! — громко выругался он.

Голос его эхом отдался от стен. Посидев немного и переведя дух, Кикаха встал. Свет исходил из невидимого источника — впрочем, в этом не было ничего нового. В стенах зияло три входа в туннели. Кикаха развязал мешок и вытащил почти все его содержимое. Натянул на мокрое тело обтягивающие жокейские шорты и рубаху с длинными рукавами. Вытер ноги короткой шотландской юбкой, облачился в нее, потом надел носки и туфли, похожие на тенниски. Быстро опоясался, застегнул ремень, сунул лучемет в кобуру, нож — в ножны и крепко привязал к поясу мешок.

— Пока что довольно занятно, — сказал он вслух.

Только вот мучительную неуверенность по поводу судьбы Ананы никак нельзя было назвать занятой. Тоан, этот чертов сукин сын, зажег на мгновение радость в сердце Кикахи, сказав о том, что Анана жива, — и тут же потушил ее, как свечу, прибавив, что, возможно, он лжет. Прибавил, конечно же, с одной только целью: чтобы Кикаха терзался все время скитаний.

Рыжий Орк левша. Означает ли это, что нужно выбрать левый туннель? Или любой из них выведет к цели? Это было бы вполне в духе Рыжего Орка.

Кикаха вошел в левый туннель. Он освещался таким же не имеющим источника и не дающим тени светом, как и пещера, только более сумеречным. Кикаха шагал не спеша, оглядываясь в поисках ловушек, хотя, как ему казалось, Рыжий Орк должен был дезактивировать их. Какой ему смысл губить Кикаху в самом начале пути? Даже Рыжий Орк не настолько безумен.

Минут через пятнадцать туннель повернул влево, а еще через десять — вправо. Вскоре Кикаха вышел на финишную прямую и оказался в ярко освещенной комнате. Он рассмеялся.

Как он и ожидал, в комнату вели все три туннеля, и лишь один вел из комнаты. Рыжий Орк специально устроил три выхода из пещеры с прудом, чтобы человек, ока-

завшийся там, помучился над проблемой выбора. То, что тоан не дал Кикахе инструкций насчет туннелей, означало, что властитель не собирался облегчать ему задачу.

Каменные стены выглядели монолитными, но где-то в них мог скрываться монитор. Тоан наверняка наблюдает за ним сейчас. И глумливо ухмыляется при этом.

Что ж, Кикаха обманул его надежды.

Он пошел быстрее, углубившись в единственный выходящий из комнаты туннель. Здесь, как и в прежнем туннеле, было довольно темно. Примерно милю спустя стало светлее. Через сорок шагов перед Кикахой открылся прямой отрезок, в конце которого сиял яркий дневной свет. Шагнув наружу, Кикаха оказался на скальном уступе. Скала отвесно поднималась ввысь, гладкая, точно отполированная, и под уступом точно так же отвесно обрывалась вниз. Если прыгнуть в реку, текущую у подножия горы, то придется пролететь как минимум тысячу футов. Снизу, поднимаясь к вершине, дул холодный ветер.

Но где же ворота?

Через несколько секунд Кикаха почувствовал за спиной теплое дуновение. Обернувшись, он увидел мерцание внутри туннеля, футах в десяти от входа. За мерцающей завесой смутно виднелись очертания стульев и столов.

— Играй-играй в свои детские игры, Рыжий Орк,— пробормотал Кикаха.

Он вошел было в туннель, но, сделав несколько шагов, остановился. Перед зыбкой завесой появилась еще одна мерцающая пелена и затмила первую.

Такое Кикаха видел впервые.

— И что дальше?

Через новые ворота сбоку смутно проглядывал ствол какого-то дерева. Больше ничего Кикахе разглядеть не удалось. Он пожал плечами и, сжимая в руке лучемер, прыгнул сквозь ворота. Приземлился, сгруппировавшись, и огляделся по сторонам. Не заметив ничего угрожающего, медленно выпрямился.

Его окружали деревья, вдвое превосходящие по величине секвойи. С ветвей там и сям свисали полосатые красно-зеленые растения, похожие на испанский бородатый мох. Их усики то и дело шевелились. Землю покрывал

мягкий толстый ковер из бледно-желтого мха. Между стволами росли большие кусты с красноватыми ягодами. Лес оглашали переливчатые птичьи трели. Пестрые пятна мягкого света и прохладный свежий воздух наполнили душу Кикахи ощущением уюта.

Он подождал немного: вдруг кто появится? Но так никого и не дождавшись, углубился в лес, не зная, да и не тревожась о том, выйдет ли он на опушку или, наоборот, забредет в самую чащу. Поскольку Рыжий Орк не дал на сей счет никаких указаний, Кикаха решил идти куда глаза глядят.

Он все еще размышлял об удивительном появлении в туннеле вторых врат, когда из-за гигантского ствола вышел человек. Кикаха остановился и сразу же оглянулся, желая убедиться, что никто не подкрадывается к нему из-за спины. Сзади никого не оказалось. Человек, ростом примерно с Кикаху, был гол и бос. В длинных прямых черных волосах, завязанных позади хвостом, торчало малиновое птичье перо. По щекам разбегались косые параллельные полоски, зеленые, белые и черные. Пенис был обмотан длинной синей лентой, свисающей до самых колен. Оружия у человека не было, и он поднял вверх раскрытые ладони, демонстрируя мирные намерения.

Кикаха подошел к нему поближе. Человек улыбнулся. Высокие скулы, короткий приплюснутый нос и сильно выраженный эпикантус* выдавали его монголоидное происхождение. Но глаза были светло-кариими.

— Приветствую тебя, Кикаха! — сказал он по-тоански. У него был ярко выраженный непривычный акцент, но слова звучали вполне понятно.

— Привет и тебе, друг! — ответил Кикаха, вновь насторожившись. Откуда, черт побери, этому парню известно его имя?

— Меня зовут Лингваллан, — сказал человек. — Оружие тебе не понадобится, хотя, если хочешь, можешь оставить его. Следуй за мной, пожалуйста.

* Эпикантус, или «монгольская складка», — особая складка у внутреннего уголка глаза, в большей или меньшей степени прикрывающая слезный буторок.

Человек повернулся и зашагал в том же направлении, в каком шел до сих пор Кикаха.

— Что это за мир? — спросил, поравнявшись с ним, Кикаха. — Где мы находимся? Куда мы идем? И кто послал тебя?

— Наберись терпения, скоро ты получишь ответы на все вопросы.

Кикаха решил не противиться. Если парень заманивал его в западню, то делал это довольно необычным способом. Хотя вполне эффективным. Его «гость» был слишком любопытен, чтобы отвергнуть приглашение. А кроме того, интуиция подсказывала Кикахе, что незнакомец не опасен. Впрочем, интуиция подчас подводила его.

Они прошли несколько миль, и Кикаха лишь однажды прервал тишину вопросом.

— Ты знаешь Рыжего Орка? — поинтересовался он.

— Нет, — ответил Лингваллан.

Они миновали стадо оленеподобных животных, пасшихся на поросшей мхами лужайке. Животные подняли головы, глянули на них и вернулись к своему занятию. Через какое-то время путники прошли мимо молодой обнаженной парочки — юноши и девушки, которые сидели, прислонясь спинами к стволу. На животе у девушки, между пупком и волосами на лобке, был намалеван зеленый треугольник. Юношу украшала длинная оранжевая лента, обмотанная вокруг пениса. Парень играл на дудочке; девушка аккомпанировала ему, дуя в деревянный резной инструмент гораздо более низкого тона. Они наигрывали веселый мотивчик — возможно, даже эротический, если судить по восставшему члену юноши.

Кикаха сунул лучемер в кобуру. Еще через какое-то время слышались громкие пронзительные голоса и смех играющих детей. А спустя минуту путники подошли к просторной поляне, посреди которой возвышалось дерево размером с три секвойи. Крона его кишела пичугами и красномордыми обезьянками. У дерева девятью concentрическими кругами стояли округлые хижины с коническими крышами из пальмовых ветвей и листьев. Кикаха поискал глазами огороды, обычные для первобытных земных поселений, но не увидел ничего похожего.

Здесь не было также извечных стай кусачих насекомых — неперменного атрибута подобных деревень на Земле.

Когда Кикаха с Лингвалланом шагнули из леса на поляну, освещенную солнечными лучами через просветы меж ветвей, там сразу воцарилась тишина. Длилась она всего несколько секунд. Затем взрослые и дети бросились вперед и окружили путников. Многие протягивали руки и касались Кикахи. Он терпел, поскольку их прикосновения явно не были враждебными.

Лингваллан провел Кикаху через проход, образованный домами, стоявшими чуть поодаль друг от дружки. Возле внутреннего круга толпа остановилась, хотя и продолжала оживленно гомонить. Еще до этого Кикаха заметил прорубленные в стволе бробдингнежского дерева окна и большие арки у его подножия. Все арки, за исключением той, что находилась прямо перед Кикахой, были полны любопытных коричневых лиц.

А в арке напротив стояла великанша в одном лишь ожерелье, искрившемся на солнце, да зеленой набедренной повязке. Сбоку в волосах у нее пылал громадный красный цветок. В руке великанша держала длинный деревянный посох с резными змеями, которые, казалось, как живые ползли наверх.

Хоть росту в ней было футов семь, при виде ее тела у любого мужчины затряслись бы от вождения поджилки. А взглянув на ее лицо, он невольно бухнулся бы перед нею на колени. Кикаха почувствовал жар в своих чреслах. От этой женщины, казалось, исходили почти осязаемые лучи. Ни один мужчина, как бы ни был он груб или возбужден, не посмел бы наброситься на нее без позволения. Она не только выглядела как богиня — ее окружала невидимая божественная аура.

На позолоченном солнцем лице сияли зеленые, словно листья, глаза. «По цвету точь-в-точь как мои,— подумал Кикаха,— хотя моей привлекательности до ее красоты как до неба».

Лингваллан выбежал вперед и опустился на одно колено у ног великанши. Она что-то сказала ему, он встал и подбежал к Кикахе.

— Манату Ворсион повелевает тебе подойти к ней. Она говорит, что не ждет от тебя земных поклонов.

— Манату Ворсион! — пробормотал Кикаха.— Как я сразу не догадался?

Почти всех властителей, встречавшихся ему до сих пор, Кикаха считал воплощением зла. На самом деле, и он это прекрасно знал, они были всего лишь людьми, хотя настойчиво подчеркивали превосходство своей расы перед расой гомо сапиенс и жестоко эксплуатировали своих подданных лебляббиев.

Но Манату Ворсион, судя по сказаниям, которые доводилось слышать Кикахе, была исключением. Создав себе вселенную и заселив ее искусственными людьми, она посвятила им свою жизнь, стараясь стать для них доброй и понимающей правительницей. Лебляббии ее планет считались самым счастливым народом среди тысяч и тысяч вселенных. Кикаха не очень-то верил этому, поскольку все встречавшиеся ему властители, за исключением двоих, были невыносимо надменны, эгоистичны и не менее кровожадны, чем Чингисхан, Шака* или Гитлер.

Вольф и Анана — вот двое властителей, которые стали настоящими «людьми». Но когда-то и они были такими же безжалостными кровопийцами, как их сородичи.

Кикаха подошел к Манату Ворсион. И вдруг, несмотря на свою твердую решимость никогда ни перед кем не склоняться, будь то мужчина или женщина, упал на одно колено. Он ничего не мог с собой поделать; его переполняло ощущение божественности, исходившей от великанши. Тщетно разум твердил ему, что по рождению она не более богиня, чем он сам. Колено подогнулось так естественно, будто он с детства только этим и занимался.

Теперь, оказавшись вблизи от женщины, Кикаха заметил, что ее ожерелье сделано из живых насекомых типа светлячков, связанных вместе.

Прямо у него за спиной раздался громкий голос Лингваллана:

* Шака, или Чака (1787?—1828) — основатель зулусского королевства в Юго-Восточной Африке.

— Манату Ворсион! Великая Праматерь! Владычица наша! Прародительница всего сущего! Позволь представить тебе Кикаху!

— Встань, Кикаха, человек разносторонних талантов и безмерной хитрости, человек, не знающий поражений! — сказала Манату Ворсион. От ее мелодичного и мощного голоса по спине у Кикахи побежали мурашки. — Войди в мой дом как гость!

Ступив под арку, Кикаха с любопытством оглядел большой зал с винтовыми лестницами, вырезанными внутри еще цветущего дерева. Следуя за Лингвалланом, он поднялся по одной из лестниц. Освещались помещения в дереве исключительно солнечным светом, по крайней мере днем, хотя какие устройства проводили сюда свет, Кикаха не понял. Мебель в комнатах, соединенных арочными проходами без дверей, тоже была вырезана из дерева и как бы вырастала из пола. Каждую комнату украшали толстые ковры, живописные полотна, скульптуры и фонтаны.

Но Кикаху снедало желание узнать, зачем Манату Ворсион понадобилось приглашать его сюда, и он не стал терять время на разглядывание произведений искусства. Попав в отведенные ему покои, Кикаха тут же ополоснулся под водопадом, сбегавшим вдоль стены и пропадавшим в маленьких дырочках в полу. Когда он вышел из-под душа, его насухо вытерла молодая женщина, вполне способная на Земле выиграть звание «мисс Америка». Она же подала ему пару сандалий. Кикаха обулся — похоже, сандалии были здесь общепринятой формой обуви — и спустился по блестящей полированной лестнице. Лингваллан встретил его внизу и провел в трапезную — большую комнату, устланную мягким ковром, но совершенно без мебели. На ковре, скрестив по-турецки ноги, сидела владычица этой вселенной, а рядом с ней — двое громадных, но очень красивых мужчин и две огромные прекрасные женщины. Манату Ворсион представила их гостью, предложила ему сесть и затем сказала:

— С ними я делю свою постель.

«Со всеми сразу?» — подумал Кикаха.

— Они также мои любовники,— добавила Манату Ворсион.— Как ты знаешь, или должен знать, есть большая разница между любовниками и теми, с кем просто делишь постель.

Слуги вместе с Лингвалланом, бывшим, по-видимому, кем-то вроде старшего дворецкого, внесли блюда с овощами и фруктами, в том числе неизвестными Кикахе, а также жареной свининой, олениной и дичью. Откусив кусок бутерброда, намазанного толстым слоем какого-то джема, Кикаха выпучил глаза, ощущая, как все тело задрожало от блаженства.

Бокалы, выточенные из морских раковин, содержали четыре разных напитка. В одном была вода; в другом — легкое восхитительное вино; в третьем — разбавленное виски; в четвертом оказался напиток, какого Кикахе пробовать еще не доводилось.

Он пил и ел, стараясь не переедать, а лишь насытиться. От мяса почти воздержался, чтобы оставить место еще для одного бутерброда с джемом. Заметив его сдержанность, Манату Ворсион одобрительно кивнула. На самом деле Кикахе хотелось не столько есть, сколько расслабиться и словить кайф, но он понимал, что сейчас это совершенно неуместно.

Вот что было бы уместно, подумал он, так это прекратить светскую беседу и попросить у хозяйки ответа на кое-какие вопросы. Но Великая Праматерь не спешила, что, в общем, вполне естественно для женщины, прожившей более тридцати тысяч лет.

После обеда все вышли на улицу посмотреть церемонию, организованную в честь гостя. Танцы были яркие, живописны и шумны, а песни полны упоминаний о мифах и легендах, не известных Кикахе. Лингваллан, стоя рядом с ним, пытался пояснить гостю их суть, но вскоре сдался, не в силах перекричать шума толпы. Впрочем, мифы Кикаху не волновали. Он хотел услышать хоть что-нибудь о своей судьбе от женщины, знающей толк в таких делах,— от «Владычицы нашей» Манату Ворсион.

Усталый, раздраженный, хотя и несколько возбужденный зрелищем, Кикаха улегся спать в своей комнате. Час

зевал, вздыхал, ворочался на толстых перинах, лежавших на полу, но в конце концов все же уснул. Пробудило его сновидение: словно наяву он увидел лицо Ананы — совершенно несчастное лицо, появившееся из серых зловеющих облаков.

Наутро, приняв душ, позавтракав — словом, проделав все необходимые, но отнимающие время процедуры, — Кикаха спустился по лестнице и вышел из дерева. Там его ждал еще один завтрак, сервированный на улице возле арки. Великанша не появлялась, пока Лингваллан не провел Кикаху по поселку и не показал все достопримечательности, объясняя их историю и значение. Кикаха кипел от злости. В какую вселенную ни попади, нигде не скроешься от назойливых гидов!

Но тем не менее он уяснил для себя, к какого рода властителям принадлежала Манату Ворсион. Она была благожелательным деспотом. То есть единолично решала, в какой окружающей среде должны жить ее лебляббии и какой общественный строй подходит им лучше всего. Почти вся суша на планете была покрыта джунглями, лесами, реками и озерами. Пустынь здесь не существовало вовсе, зато невысоких горных массивов было в изобилии.

По густым плодородным джунглям кочевали отдельные семьи или племена. Охота, рыбная ловля и сбор растительной пищи занимали у них по нескольку часов в день. Земледелие было сведено к маленьким садам и огородам. Досуг туземцы проводили в беседах (местные лебляббии были жутко словоохотливы) и в воспитании молодежи, собирались порой на племенные советы, занимались искусствами, устраивали спортивные состязания и совокуплялись. Последнее занятие представляло собой публичную игру, потому-то мужчины-победители и носили на членах разноцветные ленточки, а женщинам рисовали на животе треугольники. Эти голубые, зеленые и оранжевые знаки отличия означали первое, второе и третье место в очень популярных соревнованиях.

Женщины и мужчины обладали равными правами. Межплеменных войн здесь не бывало — вместо них проводились азартные и подчас очень жесткие спортивные игры с соседними племенами.

Короче говоря, если верить Лингваллану, подданные Манату Ворсион были счастливы, насколько вообще могут быть счастливы люди.

Кикаха, немало живший среди первобытных народов, знал, что безопасное и сплоченное племенное существование требует от людей почти абсолютного единогласия. Инакомыслящие представляли собой угрозу сообществу, и обычно с бунтарями расправлялись без всякой жалости. Если бунтовщик не смирялся и после сурового наказания, его изгоняли или убивали. Как правило, непокорные предпочитали смерть изгнанию. Жизнь вне племенного сообщества была невыносима для его членов.

Кикаха спросил об этом Лингваллана.

— Наша Владычица повелела, чтобы новаторов в области искусства или техники не зажимали. Но взрывчатые вещества и огнестрельное оружие у нас запрещены, как и двигатели, работающие на горючем. Властительница говорит, что железные предметы, за исключением предметов искусства, загрязняют землю, воздух и воды. Она рассказывала нам, что творится на твоей родной планете, Земле-1. — Он помолчал, пожал плечами и добавил: — Да мы этого и не хотим, а если и хотели бы, она бы не позволила.

— Но ведь вашей планете не грозит перенаселение, — заметил Кикаха. — Все тоаны регулируют рождаемость в своих вселенных, за исключением Земли-1 и 2. К примеру, Ядавин, бывший когда-то властителем Многоярусного мира, сократил прирост населения среди своих подданных очень просто — растворил во всех водоемах химикалии, частично препятствующие зачатию.

— Я ничего не знаю про Ядавина или других властителей, — сказал Лингваллан, — но наша мудрая властительница создала наши тела таким образом, что мы крайне редко способны к зачатию.

— И у вас нет ни убийств, ни краж, ни междоусобиц, ни сексуальных преступлений?

Лингваллан снова пожал плечами:

— Все бывает. Великая Праматерь говорит, что это неизбежно между людьми. Но племенные советы выносят вердикты, и приговоренный может апеллировать лишь

к самой Манату Ворсион. Очень трудно избежать разоблачения, если ты кого-нибудь убил. Да и редко у нас такое случается. Сексуальных преступлений почти не бывает. За совращение ребенка до двенадцати лет полагается смертная казнь. Люди старше двенадцати могут совокупляться только по взаимному согласию. — Он подумал немного, потом сказал: — Угроза ребенку, как физическая, так и моральная или эмоциональная, карается смертью или изгнанием. Но я о таком отродясь не слыхал, ни в одном из племен. Дети — самое ценное, чем мы владеем, если, конечно, ребенком можно владеть.

Кикаха не стал спрашивать своего гида, не тяготит ли его необходимость подчиняться Великой Праматери. Ничего, кроме сомнений насчет вменяемости гостя, такой вопрос у Лингваллана вызвать не мог.

— Стало быть, все счастливы и кругом сплошная благодать? — сказал Кикаха. — А жизнь — само совершенство без недостатков?

— Разве бывает на свете совершенство? — вопросом на вопрос ответил Лингваллан.

Кикаха понял лишь одно: останься он здесь жить, он бы помер со скуки.

Манату Ворсион встретила его у главного входа в дерево:

— Теперь мы поговорим о Рыжем Орке, о тебе и обо мне. Нам есть о чем потолковать.

Она провела Кикаху по главной лестнице на шестой этаж и дальше, через арку без дверей, в просторную комнату. На одной стене висело зеркало футов в двадцать пять высотой. А на единственном столе стояли серебряный кувшин и три серебряных кубка, украшенных горельефами людей и животных. Один из горельефов привлек внимание Кикахи. Это было изображение чешуйчатого человека.

Манату Ворсион пригласила гостя сесть. В комнате было всего два кресла.

— Эта комната для всех табу, здесь я принимаю лишь избранных гостей. Нас никто не потревожит. — Усевшись, властительница наполнила два кубка зеленоватой

жидкостью.— Ты хочешь спросить меня, зачем и как ты попал сюда из мира Рыжего Орка, верно?

Кикаха кивнул и пригубил напиток. На вкус... похоже на сжиженные лучи солнца, луны и звезд, другого сравнения не подберешь. Сердце у Кикахи забилося быстрее; голова, похоже, слегка разбухла; по телу разлилось приятное тепло.

— Только не пей слишком быстро,— предупредила хозяйка.

Кикаха привык к наготe, но эти громадные, круглые и упругие груди напротив вызывали у него странное чувство. Отчасти сексуальное, но отчасти... как бы это сказать? Кикаха ощущал себя погруженным в материнское чрево, и околоплодные воды качали его, навевая сновидения без слов. Вернее, даже без понятия о словах. Просто мысли, лишённые всяких образов. Он стал бессловесным созданием, в голове не осталось никаких посторонних видений. Его качали и баюкали волны чистых эмоций. Он чувствовал себя сытым, довольным, ему было уютно и покойно, и он не хотел покидать этот мир. Здесь был рай, а снаружи — ад.

Чувство быстро прошло. Околоплодный океан вдруг с глухим ревом обмелел, точно во чреве открылась дыра, и устремился водопадом наружу. Кикаху охватила паника, а через мгновение он снова стал самим собой.

Он потряс головой и тихо поклялся, что не прикоснется больше к зеленому напитку. По крайней мере, в этой комнате и в присутствии Манату Ворсион.

Властительница улыбнулась, точно знала о его ощущениях.

— Я долгое время наблюдала за Рыжим Орком и его планами,— сказала она.— О тебе я узнала не так уж давно. И мне известно довольно много о том, что творится в других вселенных.— Не оборачиваясь, она нажала большим пальцем кнопку возле серебряного зеркала.— С его помощью я наблюдаю за событиями в разных мирах. Зеркало соединено с вратами других властителей, а также с теми вратами, которые я сама установила в стенах между вселенными. Передачи не всегда качественные, да и настройка то и дело сбивается, но все же я могу следить

за ключевыми мирами. Так сказать, держу палец на пульсе многих вселенных. Мои подданные считают это зеркало волшебным.

Кикаха хотел спросить, досталось ли ей зеркало в наследство от предков или она смастерила его сама. Анана рассказывала ему о Манату Ворсион — в том числе и о том, что это единственный оставшийся среди властителей ученый, за исключением, может быть, Рыжего Орка. Но так или иначе, зеркало принадлежало ей, а остальное сейчас не имело значения.

— Я слыхала о тебе и время от времени видела тебя, — продолжала властительница, — но до сих пор, даже когда ты показывался в глиндглассе, — она махнула рукой в сторону мнимого зеркала, — я не ставила тебе ловушек, чтобы заманить в свой мир. У меня не было на то веских оснований. Но как только они появились, я устроила несколько ловушек — кстати, это не так-то просто сделать, пользуясь дистанционным управлением, — и стала ждать, надеясь, что когда-нибудь поймаю тебя. Кроме того, я поставила на врата сигнализационные системы, чтобы звонок оповестил меня, когда ты пройдешь через них, причем в одиночестве.

— Но как детекторы распознали меня? — спросил Кикаха.

— Кожа каждого существа имеет уникальное по графике электрическое поле. Глиндгласса улавливает поля и заодно регистрирует массу индивида. В нее встроены визуальный детектор, но я пользуюсь им нечасто, потому что его трудно контролировать. Однако у меня было твоё физическое описание, полученное из других источников, и я ввела его в компьютер, где хранятся данные обо всех существах, попадавших в поле зрения глиндглассы. Когда машина обнаружила тебя, на экране появилось твоё озвученное изображение вместе с присущим тебе частотным полем.

После этого я и установила ловушки, чтобы они перебросили тебя сюда, как только ты окажешься в зоне действия глиндглассы. Правда, вероятность поймать тебя была ничтожной, ибо существует много тысяч, возможно, сотни тысяч врат, а подключиться я могла лишь к тысяче.

— Почему ты не поймала заодно и Рыжего Орка?

— По-моему, он не знает, что я с удовольствием сделала бы это. Зато он наверняка знает о существовании глиндглассы и, очевидно, носит при себе устройство, поглощающее частоты его поля.

— Но разве отсутствие поля наряду с обнаруженной массой не выдаст Рыжего Орка с головой? Ты же можешь в таком случае включить визуальный детектор, разве нет?

— Да, тебя не назовешь простаком, хитроумный убийца властителей, — улыбнулась Манату Ворсион. — Во-первых, поле визуального наблюдения часто отклоняется от поля приемопередатчика. А во-вторых, Рыжий Орк, насколько мне известно, ни разу не попался ни в одну из моих ловушек. Может, у него есть нейтрализатор визуального детектора и фальшивый массоизлучатель. Не ты один способен на хитрости.

— Кстати, а почему ты переместила меня в лес, а не сразу в свое дерево?

— Тебе нужно было время, чтобы привыкнуть к моей вселенной и убедиться в мирных намерениях Лингваллана. Кто знает, что случилось бы, попади ты сразу в толпу незнакомцев? Ты очень проворный. Мне не хотелось, чтобы ты пустил в ход лучемет, не разобравшись в ситуации.

— Только не я.

— Самоуверенности тебе не занимать. Это неплохо для личности — в разумных пределах, конечно.

Кикаха не поверил объяснениям властительницы. Скорее всего, она просто была очень осторожна и не хотела устанавливать врата в непосредственной близости от своего жилища. Человек, прошедший через врата, мог иметь при себе мощную бомбу или другое разрушительное оружие. Деревья в лесу наверняка были снабжены бесчисленными невидимыми детекторами. И если бы у Кикахи было при себе опасное оружие, властительнице это сразу бы стало известно.

— Сейчас не время для несущественных вопросов, — сказала между тем Манату Ворсион. — Но на один я отвечу. Ты спросишь, почему я не телепортирую сюда всех

подряд, кто попался в мои ловушки? Среди них ведь мог бы оказаться и Рыжий Орк, верно? Я долго именно так и поступала — пять столетий, если быть точной. Но перестала, как только поняла, что он способен их избежать.

А теперь прикуси язык и слушай, пока я не позволю тебе говорить.

Глава 10

Манату Ворсион давно уже знала о Рыжем Орке, о его войнах с родным отцом Лосом и с другими властителями после убийства отца.

— Я и о тебе тоже слыхала, Кикаха. Многие властители боятся тебя. Они считают тебя тем самым лебляббием, который, согласно древнему пророчеству, покончит со всеми властителями. Пророчества — это, конечно, ерунда, но только до тех пор, пока они не начинают сбываться. Несмотря на свое могущество, властители не только деградируют, они еще и суеверны.

Пока что Рыжий Орк не пытался захватить вселенную Манату Ворсион. В ее распоряжении было слишком много древнего оружия, чтобы он осмелился напасть, пусть даже вдохновленный расправой со многими другими властителями.

— Так было до сих пор, — продолжала властительница, — но теперь у него появился рог Шамбаримена. Это может придать ему смелости для вторжения в мой мир. К тому же шпионы доносят, что Рыжий Орк возобновил свои попытки проникнуть на планету Зазеля, которые бросил несколько тысячелетий назад. С помощью рога он, возможно, преуспеет. Говорят, ему известно, что там хранится последняя машина творения-разрушения. Рыжий Орк, как свидетельствуют мои шпионы, не раз заявлял, что уничтожит все вселенные, кроме одной, как только завладеет древней машиной.

«Вот, значит, где собака зарыта!» — подумал Кикаха. По словам Рыжего Орка, он хотел завладеть на планете Зазеля лишь «определенной информацией». Значит, информация касается машины творения-разрушения, чтобы та собой ни представляла.

— Прости, что прерываю, Великая Праматерь, — осмелился Кикаха, — но я просто не в силах промолчать. Твои данные не совсем точны. Машины на планете Зазеля нет, но там есть информация о том, как ее построить. Рыжий Орк сказал мне об этом. То есть он надеется найти данные, планы, схемы — уж не знаю что еще, только не саму машину.

Властительница приподняла свои блестящие черные брови:

— Вот как? Но он же известный лгун — возможно, он не сказал тебе всей правды?

— Он был уверен, что я не в силах сбежать от него и обязательно вернусь обратно, поэтому был более откровенен, чем обычно. Он действительно завзятый лгун, хотя не мне упрекать его в этом, поскольку я сам не без греха. И тем не менее в данном случае у него не было причины лгать.

Манату Ворсион помолчала с полминуты.

— Наверное, лучше сначала мне выслушать тебя, — проговорила она наконец. — Расскажи мне, во-первых, как ты, землянин, попал в Многоярусный мир? Вообще-то я слышала об этом, но слухи не всегда правдивы. Расскажи мне свою историю от начала до нынешнего момента, только постарайся не превращать ее в эпическое повествование. Мне нужен всего лишь краткий обзор.

Кикаха выполнил повеление. Но когда он дошел до чешуйчатого человека, то услышал изумленный вздох великанши.

— Токина! — воскликнула она, широко распахнув глаза.

— В чем дело?

— Продолжай. Я скажу тебе позже. Что случилось, когда ты впервые увидел его?

Кикаха рассказал, как чешуйчатый человек, которого они с Ананой считали мертвым, зашевелился в то самое мгновение, когда они покидали гробницу.

Великанша вскочила и быстро зашагала по комнате взад-вперед, широко размахивая руками. Она явно была взволнована.

Даже богини теряют порой самообладание, подумал Кикаха.

— Токина! Токина! — бормотала великанша. — Не может этого быть!

— Почему не может?

Властительница повернулась к нему:

— Потому что он просто образ из народной легенды, рожденной первобытными страхами и воображением! В детстве родители и домашние слуги рассказывали мне сказки о токинах. В ряде сказаний токины считались негуманоидными предшественниками тоанов. Судя по другим преданиям, токины создали первых тоанов и поработили их. Потом тоаны восстали и убили всех токинов, кроме одного. Единственный уцелевший Токина сбежал в какую-то неведомую вселенную и, если верить преданию, погрузил себя в анабиоз. Но легенда — кстати, мне, девочке, она казалась очень страшной — гласила, что однажды, когда наступит час, Токина восстанет ото сна, присоединится к злейшему врагу тоанов и поможет ему перебить их всех. А злейшим врагом их будет лебляббий.

В этой легенде рассказывалось и о том, как Токина убьет последнего тоана и станет властителем всех миров.

Но в другом предании говорилось, что Токина присоединится к лебляббиям и поможет им скинуть иго властителей. Все эти сказки заставляли детишек замирать от ужаса и восхищения. Но чтобы Токина на самом деле... чтобы он... чтобы...

— Я не лгу, — сказал Кикаха. — И меня очень заинтересовало изображение чешуйчатого человека, которое я увидел на кубке.

— Если Токина восстал ото сна и ожил, что, интересно, он намерен предпринять?

— Сейчас мы знаем только то, что он существует, и это не сказки. Трудно судить, будет ли он настроен дружелюбно или враждебно.

А про себя Кикаха подумал: уж не остался ли детский страх в душе великанши и поныне?

Она села, склонилась к нему и обхватила его за талию. Кикаха поморщился: от этого дружеского объятия у него, казалось, затрещали ребра. Хватка у нее была сильной, как у гориллы. Не хотелось бы ему встретиться с этой дамой в рукопашной!

— Чешуйчатый человек представляет собой неизвестный фактор. А стало быть, пока мы не узнаем больше, опасный. Скажи мне: ты говорил о нем Рыжему Орку?

— Нет. Я никогда не стал бы делиться с ним полезной информацией.

Великанша ослабила хватку. Кикахе очень хотелось потереть занемевший бок, но он не собирался показывать кому бы то ни было, даже богине, что ее объятия причинили ему боль.

— Хорошо,— сказала она.— Значит, это будет нашим преимуществом. Еще одно наше преимущество в том, что Рыжий Орк не знает, где ты находишься. Теперь, когда ты снова отправишься на Пещерную планету...

Дважды богинь перебивать не принято, но Кикаха все же решился:

— Снова отправлюсь на Пещерную планету?

— Ну конечно. Я думала, это само собой разумеется. Ты же дал ему честное слово, не так ли?

— В данном случае честное слово роли не играет. Рыжий Орк знает, что я вернусь, поскольку, по его словам, Анана жива и находится у нег в плену. Я сильно сомневаюсь, что ей удалось пережить наводнение, однако не могу проигнорировать даже малейший шанс.

— Ты еще не закончил свою историю.

Кикаха закрутился, описав, как он угодил в ловушку, поставленную великаншей перед воротами Рыжего Орка.

— Ты необычайный человек,— сказала властительница,— хотя и везло тебе тоже необычайно. Правда, удача может изменить тебе. Но с другой стороны...

Беседа их продолжалась еще долго. Кикаха потягивал напиток. К концу разговора он почувствовал особый прилив вдохновения и надежды, даром что нехваткой оптимизма никогда не страдал.

Богиня встала и посмотрела на него сверху вниз, не скрывая нежности. Он ощущал к ней нечто большее, чем нежность.

— Значит, договорились. Ты отправишься на поиски планеты Зазеля. Я помогу тебе, поскольку мне известны ворота, о которых никто не подозревает. Сил у меня немало, но выполнение нашего плана потребует поистине

колоссальных усилий. Я постараюсь держать тебя в зоне действия глиндглассы, хотя гарантировать ничего не могу. Ты проведешь здесь еще несколько дней: отдохнешь, наберешься сил, а заодно мы обсудим некоторые подробности. Ты выглядишь усталым. Иди и выспись как следует — встанешь, когда захочется.

— Порой я встаю, когда мне вовсе этого не хочется.

— Может, я ошибаюсь, но в словах твоих мне чудится некий подтекст, — улыбнулась великанша.

— Он тебе не чудится.

— Ты удивительно смел для лебляббия.

— Знаешь, не исключено, что я не совсем лебляббий. Возможно, я наполовину тоан, хотя мне на это плевать. Что есть, то есть, и я таков, каков я есть.

— Мы обсудим это в другой раз. А теперь можешь идти.

«Она явно ставит меня на место, — подумал Кикаха. — Я просто захмелел от напитка, и это он говорит моими устами. Или нет?»

Перед внутренним взором Кикахи всплыло светлое лицо Ананы. Он с трудом удержал рыдания.

Великанша потрепала его по плечу.

— Горе — это цена, которую платишь за полноту жизни. — Она сделала паузу. — Некоторым забыть на время горе помогает снотворное. Но я знаю средство лучше.

Больше великанша ничего не сказала. Кикаха пошел в свою комнату и улегся. Сон долго бежал его, но под конец сморил. Правда, ненадолго — прошло минут пятнадцать, и Кикаха вдруг проснулся, судорожно нащупывая под подушкой лучемер. Что его пробудило? Шум? Тихий голос? Он застыл с лучемером в руке — и увидел в дверном проеме освещенный тусклым светом женский силуэт. Высокий силуэт, который вполне мог принадлежать Манату Ворсион. В воздухе разливался слабый аромат. Видимо, он и пробудил Кикаху: нос его, как всегда, был начеку. Аромат был мускусный, но совсем не походил на духи из бутылочки. В нем чудились потоки воды, смешанные с жарким лихорадочным паром, поднимающимся над трясинной, — странное сочетание, но приятное. Запах знойной женской плоти, хотя и более сильный, чем у обычной женщины.

Фигура медленно приблизилась к нему.

— Положи лучемер, Кикаха.

Он бросил оружие на пол. Сердце стучало, точно стадо жеребцов, бьющих копытами в ворота стойла. Женщина опустилась на колени, а затем легла рядом с Кикахой. Жар ее тела обжигал, как волна душного воздуха из открытой печи.

— Вот уже восемьдесят лет я не рожала детей,— прошептала она.— Восемьдесят лет я не встречала мужчины, чье дитя мне хотелось бы носить под сердцем, хотя я делила ложе со многими превосходными любовниками. Но ты, Кикаха, человек безмерной хитрости, человек, не знающий поражений, герой сотен приключений, ты дашь мне ребенка, которого я буду любить и лелеять. И я знаю, что вызвала в тебе сильную страсть. Больше того — ты один из немногих мужчин, не убоявшихся меня.

Кикаха не был в этом так уверен. Но всю свою жизнь он учился преодолевать разные страхи, а потому не сомневался, что преодолеет и этот, кстати, не такой уж страшный.

Он подумал об Анане, хотя отлив крови от мозга к другим, не связанным с мыслительными процессами, органам сделал ее образ несколько туманным. Если она умерла, Анана не будет препятствием на пути у других женщин. Но он не знал, умерла ли она, а они с Ананой дали клятву верности друг другу и обещали сдержать ее, если только жизнь не разлучит их надолго или же обстоятельства не принудят ее нарушить. Как поступать в таких случаях — дело ее или его совести.

Женщина нашла губами его губы, и правая грудь Матери Земли, своего рода планеты в одном человеке, легла ему на живот.

«Я в ее власти,— думал Кикаха.— От нее зависит, поможет ли она мне в сражении с Рыжим Орком. На чашах весов судьбы многих вселенных. Если я скажу ей «нет», равновесие может сдвинуться в пользу Рыжего Орка. Хотя вряд ли — но все-таки тогда она не будет помогать мне с таким энтузиазмом. К тому же гостю не пристало обижать хозяйку. Так себя воспитанные люди не ведут.

А самое главное,— подумал он,— я хочу ее».

— Мне очень жаль, Великая Праматерь,— проговорил он со вздохом,— но мы с Ананой поклялись в верности друг другу. Как бы сильно я тебя ни желал — а сильнее я желал только Анану,— я вынужден отказаться.

Женщина вся напружилась и тут же встала.

— Я уважаю твой обет, Кикаха,— сказала она, глядя на него сверху вниз.— Хотя даже при таком сумрачном свете я вижу, что отнюдь не безразлична тебе.

— Тело не всегда послушно велениям разума.

Она засмеялась:

— Ты хорошо изучил тоанские поговорки. Я восхищаюсь тобой, Кикаха. Верность — редкая черта, особенно когда в роли соблазнительницы выступает сама Манату Ворсион.

— Так, значит, это действительно ты. Пожалуйста, оставь меня, пока воля моя не совсем ослабела.

Три дня спустя Кикаха с Манату Ворсион стояли возле серебряного экрана глиндглассы. Кикаха был обмундирован и вооружен до зубов. Рюкзак его был забит запасами еды, воды и лекарств, а голова — советами мудрой Праматери.

Властительница склонилась к самой глиндглассе и прошептала кодовое слово. Поверхность зеркала тут же замерцала и чуть раздвинулась, а потом чуть сжалась. Кикаха вглядывался в нее, но ничего не видел.

Манату Ворсион повернулась, обняла Кикаху, прижала к своей груди и поцеловала в лоб.

— Я буду скучать по тебе, Кикаха,— тихо сказала она.— Пусть тебе сопутствует удача. Я постараюсь наблюдать за тобой, сколько смогу, хотя это мало что даст.

— Встреча с тобой была не только волнующей,— ответил Кикаха,— она была поучительной. И ты оказала мне великую честь.

Она выпустила его из объятий. Кикаха шагнул к воротам. Манату Ворсион легонько коснулась его шеи и пробежала кончиками пальцев вдоль позвоночника. Кикаху бросило в дрожь. Ощущение было такое, точно богиня благословила его.

— Если кому-то под силу справиться с Рыжим Орком, так только тебе,— сказала она.

Кикаха мельком подумал: она это серьезно? И тут же решил, что ответ не имеет значения. Он всей душой был с ней согласен. Хотя даже его сил могло не хватить.

Кикаха шагнул сквозь мерцающую мириадами искорок завесу.

Глава 11

Хоть великанша и обещала Кикахе, что во время первого перехода ему не грозят никакие опасности, он приготовился к встрече с неожиданным. Сжал в руке лучемет, пригнулся — и его окружила тьма. Следуя наставлениям Манату Ворсион, он сделал три шага вперед. Яркий солнечный свет ударил в глаза. Перед ним простиралась открытая равнина — все было так, как рассказывала Великая Праматерь. Кикаха выпрямился, огляделся и сунул оружие в кобуру.

На небе полыхало северное сияние, переливающееся фиолетовыми, зелеными, синими, желтыми и серыми красками. Равнину покрывала высокая желтая трава, кое-где кучками росли деревья. Далеко впереди паслось большое стадо громадных черных животных. За спиной возвышался валун величиною с дом в форме пирамиды из какого-то гладкого, маслянистого зеленоватого камня.

У Кикахи было пятьдесят секунд на то, чтобы обогнуть валун. Великая Праматерь организовала такой окольный путь, чтобы ввести в заблуждение любого врага, которому случится пройти через врата. Кикаха обежал пирамиду и увидел мерцание с обратной стороны. Но ему пришлось остановиться. Даже Великая Праматерь не могла всего предусмотреть. Возле врат стояли два зверя размером с тигра, с длинными мордами и хищными клыками. Они зарычали, но не двинулись с места.

Кикаха с воплем бросился к ним, снова выхватив лучемет. Один зверь отскочил назад; другой припал к земле и изготавился к прыжку. Луч пронзил его голову. Хищник свалился и замер. Кикаха перемахнул через труп, от которого разило жареной плотью, и прыгнул сквозь врата.

В ушах раздался громкий рев. Очевидно, второй зверь вернулся и погнался за противником. Кикаха успел мельком увидеть, как померкли ворота и как животное ударилось с разбегу о внезапно отвердевшую поверхность валуна. Сам Кикаха по инерции пролетел вперед и шмякнулся о стену. Удар оглушил его.

Сколько он пролежал без сознания, Кикаха не знал, но когда очнулся, то почувствовал, что судорожно сжатый кулак полон липкой жидкости. В ноздри ударил запах хищного животного. А еще запах крови. Кикаха нащупал кнопку на запястье и нажал. Вспыхнувший свет ослепил его на мгновение. Потом он увидел, что лежит в тесной камерке из камня, похожего на зеленоватый камень пирамиды. Но вряд ли это был тот самый валун, если это вообще был валун. Кикаха встал и, переступив через гигантского горностаю, отметил про себя, что хищнику удалось просунуть сквозь ворота лишь половину туловища.

Кикаха подошел к стене, сквозь которую недавно проник сюда. Две другие стены тоже мерцали знакомым сиянием. Но Великая Праматерь предупредила его, что в них встроены ложные ворота с приспособлениями, которые спрыснут любого, кто попытается войти в них, ядом. Кикаха прыгнул через безопасные ворота, надеясь, что стычка с животными не задержала его слишком долго. Оказавшись с другой стороны врат и выкрикнув кодовое слово, Кикаха приземлился в металлический ящик шести футов шириной и шести дюймов глубиной. Ящик парил в воздухе на высоте тысячи футов над голой каменистой пустыней. Небо было синее, а ветер, свистевший в ушах, обдавал холодом. Внизу виднелись бесконечные ряды бробдингнежских бюстов, высеченных из камня. Они простирались до самого горизонта. Манату Ворсион говорила Кикахе, что он попадет в мир Аратмема Чванливого. Этот властитель, давным-давно убитый Рыжим Орком, создал планету, четвертая часть которой была покрыта его собственными бюстами из камня или драгоценных камней.

Кикахе повезло, что он не попал сюда в тот момент, когда электрическая буря была в самом разгаре. Гром и

молнии вкупе с воющим ветром могли заглушить кодовое слово, и тогда металлический ящик автоматически перевернулся бы и сбросил его на землю.

Снаружи на ящике, возле одного из бортов, виднелась чуть выступающая металлическая пластинка. Кикаха распластался на животе, подполз к краю, нащупал пластинку и нажал на нее. И тут же, как и предупреждала Великая Праматерь, его поглотил крошечный мрак, заполненный вязкой жидкостью. Жидкость давила со всех сторон, заливала ноздри и уши. Кикаха не запасся кислородной маской, поскольку в этой ловушке должен был пробыть совсем недолго. Но если бы сюда попал враг Манату Ворсион, здесь бы он и погиб.

Кикаха протянул вперед правую руку и начал водить ею по стене, пока не нащупал круглый выступ. Надавив на него ладонью, он выбрался из самой странной ловушки, в какую ему доводилось когда-либо попадать. Ловушка была встроена в массивную скалу на планете Вута — скалу, представлявшую собой гибрид живой и неживой материи, аналогичный вирусу. Жидкость медленно вытекала сквозь щели в камне и капала на землю возле скалы. Из этой лавы рождались — если такое слово уместно для обозначения столь странного процесса — маленькие шарики, плоские снизу.

Туземцы, жившие здесь, поклонялись «матери», подбирали ее «детенышей» и устанавливали их посреди своих деревень. Каменные шарики вырастали со временем размером с «маму». Больше того, на планете процветала торговля «детенышами». Деревни, имевшие монопольный доступ к источнику, продавали каменных божков другим селениям. Немало войн отгремело здесь за право сохранить за собой или, наоборот, захватить источник самого ценного местного товара.

Покрытый с головы до ног тягучей серой жидкостью, Кикаха стоял не двигаясь, пока та не стекла с тела, разлившись по земле грязной лужей, а потом прыгнул на сухое место и зашагал к востоку. Манату Ворсион, тысячелетиями наблюдавшая за вратами, к которым сумела подключиться, имела некоторое, хотя и смутное представление о том, где на этой планете расположены врата, ведущие в

мир Зазеля. Найти их предстояло Кикахе самому, но он по крайней мере знал, в каком направлении искать.

Добраться до врат было нелегко. Кикаха находился в Нежеланном мире, на планете, столь изобилующей хищными зверями, птицами, растениями и другими формами жизни, что оставалось только удивляться, как они не уничтожили друг дружку давным-давно. Через несколько дней непрерывного бега, прятков и стрельбы Кикаха искренне зауважал Рыжего Орка — вернее, его способность к выживанию. Спустя десять дней, четыре из которых он провел, скрываясь от зверюги ростом в пять футов и размером с городской квартал, ползавшей по земле и выпускавшей смертоносные газы, Кикаха очутился на вершине горной гряды. Внизу виднелись равнина и река, а на ее берегу — остатки гигантского квадратного гнезда, построенного неведомыми существами. Даже Манату Ворсион не знала, что это за твари. Гнездо было построено из похожего на бетон материала, который существа вырабатывали у себя в желудке, а потом выплевывали, чтобы тот засох.

Именно здесь Лос установил врата — единственный известный выход на планету Зазеля. Когда Рыжий Орк вернулся сюда, он поубивал всех обитателей бетонного гнезда. Поскольку существа, по его мнению, выломали врата и закопали их где-то, Рыжий Орк обшарил все окрестности в районе сотни квадратных миль. У него были с собой крайне чувствительные детекторы, способные обнаружить любую крупинку металла на глубине сотни футов под землей. Но ни первые, ни последующие поиски врат не дали никаких результатов.

— По правде говоря, — сказала Кикахе Великая Мать, — мы не можем быть уверены в том, что врата убрали и зарыли обитатели бетонного гнездовья. Возможно, это сделал кто-то из властителей, хотя такая версия кажется мне маловероятной.

Кикаха не стал говорить, что подобная мысль пришла в голову и ему. Великанша могла, как уже бывало прежде, разозлиться и недвусмысленно поставить его на место. Порой Великая Праматерь становилась просто Большой Бабой.

Пройдя через равнину и спугнув по пути стадо бизоноподобных животных, Кикаха приблизился к развалинам гнезда. Лучемер Рыжего Орка должен был оставить здесь кучу обломков, но на земле они не валялись. Повидимому, тоан дезинтегрировал обломки и выжег в земле громадную дыру. Сейчас она по самые края была наполнена водой.

Кикаха снял рюкзак и положил на землю. Раскрыв его, он вытащил прибор, похожий на длинную сигару, только раза в два больше самой большой сигары на свете. В верхнюю часть прибора был встроен монокулярный цилиндр. Кикаха направил его в сторону бетонного строения и взгляделся в монокуляр. Глазам его предстали перекрестья и голубое небо. Кикаха медленно водил трубкой взад-вперед, приподнимая ее все выше — и вдруг увидел короткую яркую вспышку, вроде молнии.

— Будь я проклят! — пробормотал он. — Вон они!

Манату Ворсион объяснила ему, что прибор служит для обнаружения врат или трещин в стене между вселенными. Кикаха и не подозревал о существовании такого инструмента, пока Великая Праматерь не вручила ему цилиндр. Сделан он был множество тысячелетий назад и, насколько могла судить Манату Ворсион, остался в единственном экземпляре.

— Говорят, его тоже смастерил Шамбаримен, — добавила она.

— Ты должна быть чертовски уверена во мне, — заметил Кикаха. — А что, если я потеряю детектор или у меня его отнимут?

— Я берегла его на самый крайний случай, — пожала плечами Манату Ворсион. — Сейчас он как раз и наступил.

Значит, врата расположены там — вернее, поскольку металлический шестиугольник снят, там находится слабое место в стене между вселенными. Рыжий Орк не сумел его найти, поскольку такого детектора у тоана не было.

Кикаха положил детектор на камень. Стало быть, вверху, футах в пятидесяти над землей, зияет щель между двумя вселенными, видимая только для этого прибора. Чтобы добраться до нее, придется соорудить несколько платформ

и лестниц. Ну что ж — леса вокруг достаточно, необходимые инструменты есть.

— Можно приступать к работе, — пробормотал Кикаха.

— Вот спасибо! — раздался громкий голос сзади.

Кикаха резко повернулся, схватившись за кобуру.

В сорока футах от него стоял Рыжий Орк. Он улыбался, целясь из лучемета в Кикаху. На земле возле тоана стояло блестящее веретено — воздушный катер с откинутым кверху куполом.

— Не смей! — сказал тоан.

Кикаха отдернул руку от кобуры и, повинуясь жестам Рыжего Орка, поднял обе руки над головой. Сердце в груди билось так сильно, что, казалось, вот-вот взорвется.

— Как... — начал Кикаха и тотчас прикусил язык. Тоан наверняка объяснит без всяких вопросов, какой он умный.

— А теперь медленно опусти руку, вытащи двумя пальцами лучемет и брось подальше, — скомандовал Рыжий Орк. — Потом кинешь мне искатель.

Кикаха подчинился, исподтишка оглядывая окрестности. Ближайшим укрытием могла служить разве что рошица в сотне ярдов отсюда.

— Я знал, что Манату Ворсион заманила тебя к себе, — заявил властитель. — Ее ловушку я засек уже давно и специально послал тебя через те врата, чтобы ты угодил в ее вселенную. Я подозревал, что она снабдит тебя каким-нибудь устройством для поиска щели и что ты воспользуешься вратами Манату Ворсион, чтобы добраться сюда. Хотя я понятия не имел, в чем охотно сознаюсь, что шестиугольника здесь больше нет.

У Кикахи вертелось на языке множество вопросов. В частности, ему хотелось спросить, откуда тоану было знать, что именно Манату Ворсион перебросит Кикаху в свой мир. Но он не спросил ни о чем. Сейчас это было неважно; важно было только одно: что он влип в такую передрыгу — хуже не придумаешь.

— Я не собираюсь убивать тебя сию минуту, — сообщил Рыжий Орк. — Погоди, пока я не воспользуюсь искателем.

Не отрывая от Кикахи глаз, тоан нагнулся и поднял детектор. И тут же выстрелил в Кикаху из лучемета. Ору-

жие было настроено так, чтобы лишь парализовать. Но луч ударил Кикаху в грудь и сшиб его с ног с такой силой, точно он взялся за ручку двери, в которую с другой стороны с разгону влетела команда спринтеров. В глазах потемнело, в горле перехватило дыхание. Кикаха пытался встать, но не мог.

Когда ему наконец удалось набрать в легкие воздуха и приподняться на локте, он увидел, что Рыжий Орк смотрит в монокуляр. Через секунду тоан оторвался от прибора и повернулся к Кикахе с довольной, победной усмешкой.

И вдруг Кикаху ослепила яркая вспышка и оглушил громоподобный взрыв.

Куски окровавленной плоти дождем усеяли ему лицо и грудь. Вскоре дым, окружавший Рыжего Орка, рассеялся на ветру. Левую руку ему отрывало напрочь, туловище превратилось в кровавое месиво. Мертвый властитель лежал на земле.

Кикаха снова упал спиной на траву и уставился в ясное синее небо. До него просто не доходило, что же произошло. Человек безмерной хитрости, человек, не знающий поражений, пребывал в полной растерянности. И лишь тогда, когда сердцебиение пришло почти в норму, а боль в груди утихла, он сумел заставить себя мыслить здраво.

Боль сменилась дикой яростью. Манату Ворсион предала его. Подставила как пешку, не смущаясь тем, что его могут изувечить или убить. Ее «детектор» был фальшивкой, предназначенной для того, чтобы заманить Рыжего Орка в западню. Свет, якобы означавший щель в стене, автоматически вспыхивал в приборе через несколько минут после включения. И каким-то образом, как только тоан оказался в зоне досягаемости, прибор сработал как бомба и взорвался. То, что при этом могла погибнуть и приманка, то есть Кикаха, нимало не беспокоило Манату Ворсион.

Великая Праматерь оказалась той еще сукой.

— Она могла хотя бы предупредить меня,— пробормотал себе под нос Кикаха.

Не сделала она этого, очевидно, потому, что Кикаха, по ее мнению, вел бы себя иначе, знай он истинное назначение искателя. И она наверняка объяснила бы ему сейчас, что Рыжий Орк представляет собой угрозу всему живому во вселенных и самому существованию вселенных, а потому в борьбе с ним все средства хороши.

«Но не для меня,— подумал Кикаха.— Теперь мне придется убить Манату Ворсион. Я не стану преследовать ее, но, если когда-нибудь она встретится на моем пути, я предъявлю ей оторванную руку убитого».

Он внезапно застонал: в яркую череду сменявших друг друга видений, в которых он мстил Великой Праматери, внезапно вторглась мысль о том, что Рыжий Орк единственный знал доподлинно, утонула Анана во время наводнения или нет. А теперь Рыжий Орк погиб.

Застонав еще раз, Кикаха перевернулся на бок, намереваясь встать, и из груди его невольно вырвалось:

— О Господи!

Удар следовал за ударом. Рядом с Кикахой, в десяти футах или даже ближе, стоял Рыжий Орк. Он держал в руке лучемет, нацеленный на противника, и улыбался, как улыбался и его полурастерзанный труп. За спиной тоана блестел воздушный катер — точная копия прежнего.

Кикаха посмотрел туда, где только что лежал Рыжий Орк — вернее, где он лежал и поныне. Но то был покойник. А перед ним стоял живой человек. Голова у Кикахи пошла кругом. И хотя мозг его был не в состоянии осознать последние события, телу удалось принять вертикальное положение. Чуть покачиваясь взад-вперед, Кикаха хрипло проговорил:

— Ты живуч как кошка!

— Ну, может и не как кошка, но живуч,— подтвердил Рыжий Орк.

Кикаха без слов махнул рукой в сторону трупа.

— Клоны, плоть от плоти моей и гены от генов,— сказал тоан.— Я вырастил их с пеленок и дал им образование. Будучи в каком-то смысле мною, они, как и я, жаждали власти, поэтому мне пришлось позаботиться о том, чтобы они меня не обскакали. Ни к одному из них я не рискнул бы повернуться спиной. Поскольку они не

глупее меня, хотя и значительно менее опытни и образованны, им предназначалась роль жертвенных агнцев, или дорогостоящих приманок. Четверыми мне уже пришлось пожертвовать, считая вместе с этим, но за первых трех я отомстил. — Он сделал паузу, улыбнулся и добавил: — Конечно, может быть и так, что ты разговариваешь сейчас с одним из клонов, а не с настоящим Рыжим Орком.

— Но как ты попал сюда? Откуда ты узнал, когда я сюда доберусь?

— Не у одной Манату Ворсион есть свои секреты. Расскажи мне, что здесь произошло. Как я понимаю, прибор вовсе не предназначался для распознавания щелей, он просто должен был оторвать мне голову. Кстати, ты сам вполне мог лежать на месте моего клона. Но это лишь мои предположения. Так здесь не было ни врат, ни щелей, верно?

— Не было.

— Я так и знал, — улыбнулся Рыжий Орк. — Я пробовал трубить в рог, но безрезультатно. Знай я об этом, когда посылал тебя сюда, я бы не велел тебе тратить понапрасну мое и твое время. — Тоан махнул лучеметом: — Иди к катеру.

Кикаха повиновался. Интересно, думал он, где сейчас находится рог Шамбаримена? В катере тоана? Тут он почувствовал такой же легкий толчок в спину, как и тогда, когда Рыжий Орк поймал его у края ущелья. Очнулся Кикаха — голый, но не связанный — в незнакомой комнате-кубе со сторонами по двадцать футов. Куб выглядел совершенно пустым: ни мебели, ни ковров, ни окон, ни дверей. В одном углу темнела круглая дырка, очевидно, для экскрементов, но чистенькая и не загаженная. Прохладный воздух, сочившийся сквозь вентиляционное отверстие в потолке, овеивал нагое тело.

Грудь у Кикахи болела по-прежнему. Взглянув вниз, он обнаружил на груди черно-голубой синяк дюймов пяти шириной. Но голова была ясной, и давешней растерянности как не бывало. Кикаха ощущал лишь отчаянную ярость.

Чтобы привести в порядок мысли, чувства и мышцы, он сделал энергичную зарядку, насколько позволяла боль-

ная грудь. Потом принялся мерить свою темницу шагами, ожидая, когда Рыжий Орк даст о себе знать. Прошло, должно быть, несколько часов, прежде чем Кикаха услышал, как кто-то за спиной тихонько кашлянул. Он обернулся — перед ним стоял Рыжий Орк или один из его клонов с лучеметом в руке. Кикахе начало казаться, что оружие приросло к ладони Рыжего Орка. Властитель прыгнул сюда через ворота или открыл секцию в стене, дождавшись, пока пленник повернется к нему спиной.

— Кругом! — скомандовал Рыжий Орк.

Кикаха послушно развернулся, и стена перед ним раскрылась, разделившись на верхнюю и нижнюю половинки. Верхняя скользнула в потолок, нижняя — в пол. По команде властителя Кикаха зашагал вперед по очень широкому коридору с высоченным потолком, без окон и без дверей, потом свернул за угол и пошел дальше по точно такому же коридору. В конце коридора возле двери высотой футов в двенадцать стояли два вооруженных копьями человека. Квадратные стальные шлемы и выпуклые кирасы стражников были украшены золотым орнаментом, короткие алые шотландские юбки затканы изображениями маленьких зеленых сфинксов с женской грудью. Стражники расступились, держа копья наперевес, готовые в любую минуту проткнуть ими Кикаху. Дверь скользнула в сторону.

Властитель и пленник, сопровождаемые стражей, вошли в громадную лабораторию. Большинство приборов были совершенно незнакомы Кикахе. Все четверо прошли полмили по проходу между столами и большими аппаратами. Когда путь им преградила стена, Рыжий Орк велел Кикахе остановиться. Тоан быстро произнес кодовое слово — но Кикаха тем не менее расслышал его и запомнил.

Громадный квадрат в стене стал прозрачным. Кикаха невольно вскрикнул. За прозрачной стеной в комнате сидела обнаженная Анана. Она была привязана к креслу, голову ее сжимал обруч. Глаза у нее были закрыты. Над головой виднелось нечто вроде большого фена для сушки волос.

Кикаха резко развернулся и заорал:

— Что ты с ней делаешь?

— Я думал, ты обрадуешься, увидев ее живой. Если бы я оставил ее на уступе над водопадом, она бы погибла. У нее были сломаны рука, нога и три ребра, не говоря уже о легком сотрясении мозга. Сейчас она в превосходной физической форме, а все благодаря моему врачебному искусству. Тебе трудно угодить, Хитроумный.

— Что ты с ней делаешь?

— Перед тобой, лебляббий, — сказал тоан, махнув свободной рукой, — мое собственное изобретение, которое я смастерил и опробовал множество раз, когда хотел избавиться от неизбежной скуки, овладевающей бессмертными. Это не очередная машина, унаследованная мною от древних. Я сам ее придумал.

Властитель сделал паузу, но Кикаха ничего не сказал. Если Рыжий Орк ждет еще одной вспышки эмоций, так он ее не дожидается.

— Посмотри на нее, Кикаха! — резко сказал тоан. — И попрощайся с Ананой, которую ты знал!

Кикаха медленно повернулся к окну.

— Машина стирает ее память. Стирает медленно, потому что быстрый процесс повреждает мозг, а мне не нужна безмозглая любовница.

Кикаха содрогнулся, но не вымолвил ни слова.

— Работая по часу в день, машина за десять дней сотрет все воспоминания этой женщины, вплоть до ее восемнадцатилетия. Когда процесс закончится, Анана решит — и в каком-то смысле вполне справедливо, — будто она по-прежнему живет на родной планете и будто ее родители все еще живы. Она словно совершит путешествие во времени назад, не имея ни малейшего представления о том, сколько тысячелетий прошло с тех пор, когда ей было восемнадцать.

Кикаха потерял дар речи, а когда обрел его, то просипел:

— И она не вспомнит меня.

— Ну конечно. Так же, как и меня. Однако я ей представлюсь и со временем заставлю себя полюбить. Если я захочу, передо мной не устоит ни одна женщина.

— А что будет, когда она узнает правду?

— Она не узнает,— сказал Рыжий Орк и рассмеялся.— Об этом я позабочусь. Конечно, когда она мне надоест — если надоест...

— Ты собираешься проделать такой же фокус и со мной? Или для меня ты приготовил что-нибудь покруче?

— Я мог бы стереть твою память, скажем, до того момента, когда ты, студент земного колледжа, пробрался через ворота Ваннакса в Многоярусный мир. Или же замучить тебя, пока ты не взмолишься о смерти. Любого человека, даже самого храброго, можно довести до такого состояния, не исключая меня самого. Или, если ты согласишься убить Манату Ворсион и преуспеешь, я мог бы отпустить тебя на свободу. Но сначала ты должен выполнить свое задание и найти дорогу к Пещерной планете. Если сумеешь, я в виде награды сохраню тебе память, хотя воспоминания об Анане будут для тебя мучительны.

Кикаха сделал выбор без колебаний. Но Рыжему Орку он сообщит о своем решении только тогда, когда будет вынужден. Сейчас он был способен думать лишь об Анане.

«Если мы когда-нибудь снова будем свободны,— думал Кикаха,— я добьюсь ее любви во что бы то ни стало. И расскажу ей о нашей совместной жизни все до мельчайших подробностей».

Рыжий Орк произнес другое кодовое слово. Окно вновь стало стеной. Все четверо промаршировали через три зала и вошли в большую комнату, затейливо убранную в стиле, как предположил Кикаха, здешних обитателей. Тоан и пленник сели друг напротив друга в удобные кресла, стоявшие возле стола из полированного красного дерева с зелеными спиральными полосками. Ножки у стола были сделаны в виде фигурок тритонов. Слуга и служанка внесли блюда и встали за спинами властителя и Кикахи.

— Можешь вымыться, поесть и отдохнуть, как только мы договоримся,— заявил властитель.— Полагаю, что ты постарайся выполнить оба моих задания себе же на благо. Я бы на твоём месте поступил именно так. Пока ты жив...

— Пока я жив, я надеюсь,— сказал Кикаха.

— Вот именно. Давай-ка поедим.

— Я не голоден,— сказал Кикаха.— Мне кусок в горло не лезет.

— Желудок подчас живет своей собственной жизнью. Ну да ладно. Можешь подкрепиться попозже в своих аппаратах.

Тоан пожевал немного, запил еду вином и заговорил снова:

— Расскажи мне о своих приключениях у этой потакушки-великанши.

Кикаха рассказал обо всем без утайки, умолчав лишь о том, что поведала ему Великая Праматерь о чешуйчатом человеке. Рыжий Орк мог знать, хотя бы отчасти, что говорил и делал его «гость» во владениях Манату Ворсион. Это казалось маловероятным, но Кикаха не имел понятия, какой системой шпионажа владел его «хозяин».

— Я не хочу с ней связываться,— произнес Рыжий Орк, когда Кикаха закончил повествование,— по крайней мере пока. Но она вмешалась в мои дела, утянув тебя в свою вселенную. Кстати, она перенесла тебя в лес вовсе не затем, чтобы ты успокоился и попривык к ее планете — она хотела обезопасить себя. Если бы я вшил тебе под кожу атомную бомбочку и взорвал ее, как только ты ступил бы на планету великанши, пострадали бы только лес и его обитатели.— Тоан засмеялся и добавил: — Но я не мог этого сделать. Я имею в виду атомную бомбу. Мне пришлось бы заняться исследованиями, найти информацию о том, как их изготавливают, потом долго и упорно возиться с добычей необходимых металлов и постройкой реактора... в общем, сам понимаешь.— Он побарабанил пальцами по столу, потом заговорил опять: — Двух дней тебе хватит, чтобы оправиться. После этого, готов ты будешь или не готов, тебе придется вновь пуститься в путь. И на сей раз я пропущу тебя через серию врат, к которым, я уверен, Манату Ворсион не успела подключиться.

Уныние при мысли об Анане все еще терзало сердце Кикахи, когда он шагнул через первые врата, приготовленные для него властителем. Возле вторых врат он успел сунуть в лучевик батарейку, прежде чем его понесло к следующей остановке. За три минуты Кикаха прошел через анфиладу из пяти врат. Одни из них оказались в высоко-

горной пещере. Кикаха мельком заметил внизу долину с лентой реки, подле которой расположилась крошечная деревушка и замок. Кикаха вскрикнул от радости: он узнал крепость барона фон Крица, своего заклятого врага, жившего в Дракландии. Так назывался один из ярусов планеты, которую Кикаха любил больше всех, — Многоярусного мира. Через пару секунд последовала очередная остановка.

Но это место не походило на описанное Рыжим Орком. Кикаха очутился в камере без окон, с толстой решеткой на двери. Мебели в камере не было, если не считать унитаза, кувшина с водой, мыла, полотенца на стене и кучи одеял в углу.

Зато в камере был обитатель, и Кикаха узнал его сразу, даром что тот был раздет.

Эрик Клифтон!

Англичанин стоял в углу и выглядел смущенным.

Не успели они поздороваться, как в голове у Кикахи помутилось и он упал без чувств. Последнее, что он увидел, было лицо опустившегося на колени Клифтона, а потом и оно расплылось. Когда Кикаха пришел в себя, он лежал на полу нагой, как и его сокамерник. Лучемер, кобура, пояс и рюкзак куда-то испарились.

Кикаха с трудом поднялся. Клифтон, тоже лежавший на полу, пошевелился. Кикаха посмотрел сквозь дверную решетку и ахнул.

За решеткой стоял чешуйчатый человек.

Глава 12

— Я и не думал, что кто-нибудь кроме меня уцелел во время наводнения, — раздался за спиной у Кикахи мягкий голос Эрика Клифтона. — Но лучше было нам с вами погибнуть, чем попасть в лапы беспощадного демона ада, возможно самого Князя Тьмы. Самые души наши подвергаются здесь страшной опасности.

Кикаха слышал его слова, но был так поглощен созерцанием своего поработителя, что не воспринимал их смысла. Вблизи существо казалось еще чудовищнее и опаснее, нежели в «гробу». Массивные мускулы и крепкий костяк были достойны Геракла. Золотые и зеленые чешуйки

сверкали на ярком свету. Шею чудовища, от самой челюсти до плеч, охватывали круглые костяные пластинки, покрытые змеиной чешуей. И лицо под яркими чешуйками, как теперь заметил Кикаха, тоже было покрыто костяной броней, правда не такой толстой, как на шее и туловище.

Чешуйчатый человек открыл рот и обнажил длинные, острые львиные зубы. Только клыки были заметно короче, чем у льва.

Явно не поклонник овощей и фруктов, подумал Кикаха. С другой стороны, у медведей тоже зубы как у хищников, хотя питаются они в основном вегетарианской пищей.

Из рта чудовища высунулся тонкий и очень узкий, словно у рептилии, язык. Впрочем, как выяснилось, это было лишь зеленое щупальце на кончике красного языка, похожего на человеческий.

Большие зеленые глаза располагались на черепе примерно на дюйм ближе к затылку, чем у человека. Несмотря на то что они напомнили Кикахе глаза крокодила, на них были веки, которые то и дело моргали.

В коридоре за чудовищем виднелись еще две камеры с решетчатыми дверями.

— Давно ты здесь сидишь? — тихо спросил у Клифтона Кикаха.

При звуке его голоса плоские уши чешуйчатого загнулись вперед, как лепестки.

— Два дня, — прошептал Клифтон. — Я чуть было не утонул в потоке, меня изрядно потрепало. Но мне удалось уцепиться за ствол дерева, а потом поток вынес меня на край громадного водопада и швырнул вниз. Однако и тогда, с Божьей помощью, я выжил, видно, благодаря своему ангелу-хранителю. Меня унесло в самые глубины ущелья, так глубоко, что край его казался мне тоненькой светлой полоской, в то время как сам я погрузился в адскую бездну. Мне грозила неминуемая гибель от жары и сырости, но я добрался до берега вселенского потока, ставшего к тому времени обыкновенной рекой. А потом побрел вперед, куда глаза глядят, и снова Господь с ангелом-хранителем даровали мне спасение.

Чешуйчатый человек придвинулся к самой решетке и обхватил ее громадными руками, пристально наблюдая за пленниками. Кикаха вздрогнул, заметив на правом указательном пальце чудовища то самое кольцо, что было на руке у Клифтона в яме. Обернувшись, Кикаха взглянул на правую руку англичанина. Да, кольцо исчезло. Кикаха вновь повернулся к чешуйчатому. Если он отобрал у Клифтона кольцо, ему пришлось сильно расширить его, чтобы надеть на свой здоровенный палец.

— Опустим подробности,— сказал Кикаха.— Как ты очутился здесь?

— Боже, спаси наши души! По-моему, в этой темнице мне незачем торопиться с рассказом. Но если вы хотите короче — я карабкался по стене ущелья, срывался и падал, пока, вконец измученный, не набрел на довольно широкий уступ, где и решил заночевать.

— Я просил без подробностей.

— Проснувшись, я обошел уступ и увидел вход в пещеру. В ней журчала вода. Мне ужасно хотелось пить, но я забрался уже слишком высоко, чтобы спускаться обратно к реке. Поэтому я вошел в пещеру — очень осторожно, можете мне поверить! Я ощупывал ногами каменный пол, прежде чем шагнуть, чтобы не свалиться в бездну. Так я дотащился до водопада внутри пещеры. В это мгновение вдруг воссиял ослепительный свет, и я очутился на высокой горе совсем в ином мире. Короче говоря, я прошел через невидимые врата, спрятанные в пещере. Надо полагать, их установил там какой-то властитель много лет спустя после битвы Лоса с Рыжим Орком.

— Врата могли стоять там тысячелетиями. Возможно, их установил властитель по имени Ололон.

— Да. Но на вершине горы я пробыл не дольше пары секунд. Меня перенесло в другое место, потом опять в другое и опять. В конце концов я очутился в камере, внутри круга, очерченного, как вы видите, здесь в углу. Советую вам не ступать в этот круг, поскольку в любой момент мне на голову может свалиться кто-то еще, прошедший через те же врата. Если вы окажетесь в той же точке, может случиться взрыв.

Кикаха только теперь заметил оранжевую черту на полу.

— Насчет взрыва я сомневаюсь,— сказал он.— Если камера, как и большинство врат, оборудована сенсорными устройствами, то врата не активируются, пока кто-то будет стоять внутри круга.

— Но вы же не знаете, есть ли в камере сенсорные устройства.

— Куда делось ваше кольцо?

— Кольцо? Ах да! Вскоре после прибытия сюда я потерял сознание. Наверное, демон пустил в камеру газ. Иначе трудно объяснить, почему я лишился чувств — да и вы тоже, когда попали сюда. После чего, надо думать, демон вошел в камеру, раздел нас и обобрал. Во всяком случае, когда я очнулся в тот раз, кольцо исчезло. А теперь оно у него на пальце.

Клифтон показал на руку чешуйчатого.

— Да, я заметил,— сказал Кикаха.— Но ты...

Тут чешуйчатый заговорил глубоким раскатистым голосом, усердно шевеля щупальцем во рту. Кикаха не понял ни слова. Закончив свою речь, чудовище повернуло одно ухо в сторону Кикахи, точно ожидая ответа.

— Я тебя не понимаю,— произнес Кикаха по-тоански.

Чешуйчатый кивнул. Но что означал его кивок — может несогласие? Затем существо повернулось и зашагало прочь по коридору.

— Ты так и не закончил свой рассказ о том, как тебя занесло во вселенные властителей,— сказал Кикаха.

— Я...

Клифтон осекся, разинув рот. Кикаха обернулся и увидел, что в камере напротив появился новый заключенный. У новоприбывшего подогнулись колени, и он упал внутри круга, в котором появился. Кикаха сразу узнал эти длинные волосы цвета красноватой бронзы и ангельски красивое лицо.

— Рыжий Орк!

— Дьявол поймал дьявола! — ахнул Клифтон.

Очевидно, где-то прозвучал сигнал тревоги, уведомивший чешуйчатого о событии. Кикаха услышал его тяжелые шаги и вскоре увидел, как тот идет по коридору. Как только чудовище вошло в камеру Рыжего Орка, Кикаха снова потерял сознание.

Очнулся он одурманенным, вялым, сидя у стены напротив двери. Голова, казалось, распухла вдвое больше обычного. Глаза слезились от едкого дыма, хотя порохом не пахло. Кикаха пощупал руками вокруг, провел по ребрам правой ладонью. Рядом с ним лежал Клифтон, все еще без чувств. Тело англичанина, почерневшее от гари, было залепано кровью и кровавыми ошметками плоти. Оглядев себя, Кикаха обнаружил, что и сам выглядит не лучше. По-прежнему оглушенный, он стряхнул кусочки мяса со своей груди, живота и правой ноги. Что же тут произошло?

Дым к этому времени поплыл из камеры вдоль коридора. Дверная решетка была вся в крови; клочья кожи и мускулов свисали с прутьев и валялись на полу. Возле Кикахиной ноги лежал окровавленный глаз.

Дурман в голове мало-помалу рассеивался. Кикаха попытался встать, но не смог — так немилосердно его трясло. Болела спина, ноги казались ватными. Он снова прислонился к стене и закрыл глаза. Когда он их открыл, картина происшедшего была ему совершенно ясна. Не Рыжий Орк, а клон, посланный Рыжим Орком, попался в ловушку чешуйчатого. Но это означало, что тоан послал за Кикахой своего клона. Вот только с какой целью?

Кикаха напряг все извилины мозга, заработавшего наконец на полную мощность, и понял, с какой целью. Глядя на детекторы, Рыжий Орк обнаружил, что Кикаха отклонился от курса, заданного тоаном. Властитель, должно быть, очень удивился — и крайне обеспокоился, — когда Кикаха снова исчез из виду. Поэтому он послал за ним вдогонку клона. Быстро же он отреагировал! Сунул в рюкзак клону бомбу и настроил взрыватель так, чтобы бомба взорвалась через несколько секунд после того, как клон достигнет точки, в которой Кикаха исчез. Клон, естественно, и не подозревал, какой подарочек подсунул ему в рюкзак властитель.

Хотя Рыжему Орку было невдомек, куда девался Кикаха, когда детектор засек его исчезновение, тоан, очевидно, решил, что это очередные происки врагов. Кикаху могла вновь словить Манату Ворсион или кто-то другой. В общем, кто бы это ни был, у врага имелось устройст-

во, неизвестное тоану. Поэтому властитель решил уничтожить противника, даже если бомба разнесет в клочья и Кикаху.

Несмотря на боль и лихорадочную дрожь, Кикаха все же встал и дохромал до двери. Решетка в камере клона выгнулась наружу. От самого клона после взрыва осталась левая нога, оторванная по самое бедро и стоявшая возле решетки, рука, лежащая на полу, и похожая на ребро кость.

Кикаха дрожа приник к решетке и выглянул в коридор. Чешуйчатый человек стоял футах в двенадцати от камеры, энергично мотая головой взад-вперед и из стороны в сторону, точно пытался вернуть свои потрясенные мозги в исходное состояние. Хотя на нем не было ни крови, ни ошметков мяса, яркие золотистые и зеленые чешуйки потускнели от дыма.

Кикаха обернулся и посмотрел на Клифтона. Англичанин открыл глаза и усиленно двигал челюстью, но Кикаха не расслышал ни звука. Он направился было к лежащему, однако не успел сделать и шага, как вырубился опять.

Очнулся он на кровати в просторной комнате. Стены и потолок представляли собой громадные экраны с изображениями невиданных животных и множества чешуйчатых мужчин и женщин на фоне экзотического красочного пейзажа. Ни боли, ни дрожи Кикаха не чувствовал. Он сел и, откинув шелестящее покрывало, уставился на свои ноги — чисто вымытые, без следов гари, крови и мясных ошметков.

Рядом в такой же кровати лежал Эрик Клифтон, тоже накрытый сияющим покрывалом. Кикаха отметил про себя, что в комнате нет ни окон, ни дверей, и тут же часть стены скользнула в пол. В палату вошел чешуйчатый человек, на мгновение повернув голову. Профиль его можно было очертить почти идеально правильной аркой, шедшей от основания шеи до нижней губы и чуть выступавшей вперед только на кончике носа, — ни дать ни взять чуточку приплюснутый снаряд для миномета. Вблизи его сходство с насекомым еще увеличилось. Но когда он остановился возле кровати Кикахи и заговорил, то стал совсем похож на человека. Тон его голоса и глаза выдавали явную озабоченность.

— Я не понимаю,— сказал Кикаха.

Хозяин поднял руки и повернул их ладонями вперед. Но даже если сей жест означал, что он тоже не понимает слов Кикахи, чешуйчатый человек вовсе не выглядел при этом разочарованным.

В течение двух следующих месяцев Кикаха вместе с Клифтоном часа по четыре в день обучали хозяина тоанскому языку. Жили они в роскошных апартаментах этажом выше больничной палаты, а кормили их разнообразной, но непривычной едой — порою вкусной, а порою просто отвратительной. Оба гостя чешуйчатого усердно занимались гимнастикой. Чешуйчатый, кстати, вернул Клифтону кольцо, снова переделанное по размеру пальца англичанина.

Звали их хозяина Хрууз, а его бывших сородичей — хрингдизами. Из всего рода уцелел он один, однако никогда не слышал имени Токина, которым его называли в тоанских преданиях. Кикаха решил, что властители таким образом просто приспособили слово «хрингдиз» к своему произношению.

Резиденция Хрууза находилась в глубоком подземелье, под «гробницей» — тоже располагавшейся на солидной глубине, — в которую как-то проникли Кикаха с Ананой. Хрууз не мог объяснить, как их занесло в место его тысячелетнего отдыха. Но когда Кикаха поведал ему, что воспользовался рогом Шамбаримена, то есть звуковым ключом ко всем вратам, Хрууз все понял и сказал, что попали они в усыпальницу по чистой случайности. Дело в том, что врата усыпальницы, как и многие другие врата в виде замкнутой цепи, имеют «вращающиеся узлы», или точки пересечения. В этих узлах постоянно «вертятся» от десятка до сотни врат. Человек может пройти через любые из них, но куда он попадет — зависит от того, какие врата будут активированы в данной энергетически заряженной точке. Рог протрубил как раз в тот миг, когда «трещина», или щель, ведущая в гробницу, попала при вращении в такой узел. Эта щель не совсем то же самое, что настоящие врата, то есть ее не создавал никакой властитель, она существовала изначально в самой материи. Но рог сумел ее активировать.

— Так, значит, Рыжий Орк теперь сможет найти сюда дорогу,— сказал Кикаха Хруузу.— Ты воспользовался серией врат, чтобы заманить в ловушку меня и тоанского клона. Но если у Рыжего Орка есть детекторы, а я думаю, они у него есть, ему ничего не стоит пробраться сюда. Или же послать еще одного клона, с бомбой в тысячу раз более мощной, чем прежняя. Хотя он, конечно, не знает в точности, куда девался его клон и что тут с ним случилось.

Кикаха уже успел к тому времени рассказать Хруузу все, что ему самому было известно о Рыжем Орке и об истории тоанов.

Хрууз заговорил на своем еле понятном тоанском — языковое щупальце чешуйчатого то и дело соприкасалось с нёбом, издавая звуки, не свойственные тоанскому языку:

— До поры до времени я закрыл все врата, так что к нам никто не проникнет. Правда, и я не могу получать информацию из внешнего мира.

Хрууз сказал Кикахе, что в общих чертах тоанские легенды о хрингдизах были довольно близки к истине. Но детали, как правило, сильно искажались. Когда тоаны перебили всех хрингдизов, кроме него, он создал себе это подземное убежище, а потом, пожив здесь немного, остановил движение молекул в своем теле и залег в длительную «спячку». Машины, обеспечивавшие поддержание порядка в усыпальнице, запись событий в разных частях разных вселенных, а также «пробуждение» Хрууза, работали на ядерной энергии. Когда запасы энергии подошли бы к концу, машины должны были вывести спящего из анабиоза.

— К тому времени,— сказал Хрууз,— ситуация имела все шансы кардинально перемениться. Властители могли вымереть, поскольку их число было невелико еще тогда, когда я лег в анабиоз. Или же их потомки, если таковые останутся, могли измениться как в культурном плане, так и в плане темперамента. Возможно, они стали бы более терпимы и человечны. А может быть, тоанов сменила бы другая разумная раса, превосходящая властителей в моральном смысле. В общем, как бы там ни было, кто бы ни населял вселенные, они могли с радостью принять

меня, последнего из хрингдизов. Если бы ситуация не изменилась к лучшему — что ж, мне пришлось бы справиться со злом в меру собственных сил и умения.

Энергии мне хватило бы еще на некоторое время. Но я установил также сигнализационную систему, чтобы любое вторжение в гробницу пробудило меня. Вы вошли, и я немедленно начал выходить из состояния анабиоза. Но процесс этот требует времени, поэтому я не успел побеседовать с вами. Вы ушли с помощью рога. Кстати, он явно сделан по технологии, украденной у моего народа. Тоаны не владели подобной техникой.

— Что? — изумился Кикаха. — Но рог изобрел древний властитель Шамбаримен!

— Этот Шамбаримен наверняка получил информацию от одного из нас, для начала, естественно, убив ее владельца. Но вместо того чтобы поделиться информацией со своими сородичами-властителями, он хранил ее в секрете и, воспользовавшись ею, создал ту штуку, которую вы зовете рогом. Я совершенно уверен в этом.

— Но тогда должны существовать другие чертежи или сами аппараты! — сказал Кикаха. — Если у хрингдизов были приспособления, открывающие ворота и щели, то некоторые из таких устройств должны были попасть в руки тоанов!

— Нет. Их было немного, и они тщательно охранялись. Они давали нам преимущество перед тоанами, поскольку мы могли проникать через их ворота и щели. Но нас, переживших первую бойню, осталось слишком мало, и мы не могли эффективно использовать свое техническое превосходство. А под конец в живых остался я один. Те из моих сородичей, у кого были открывающие устройства, очевидно, уничтожили или спрятали перед смертью все чертежи и приборы. Остальное тебе известно.

— Стало быть, Шамбаримен лгал, утверждая, что и легенда рассыпалась в прах!

Хрууз пожал своими мощными плечами, совсем как человек:

— Судя по твоим рассказам и моему собственному недавнему опыту, властители до сих пор живы и мало кто из них изменился.

— Ты хотел бы отомстить? Стереть их с лица земли? — спросил Кикаха.

Чешуйчатый человек замялся, но потом сказал:

— Не стану отрицать, что был бы счастлив, если бы мои личные враги, то есть властители, жившие во время уничтожения моего народа, были убиты, и убиты мною. Но это невозможно. Я должен как-то научиться жить с ними в мире. А если не сумею, то я обречен.

— Не теряй надежды, — подбодрил его Кикаха. — Я тоже враг почти всех властителей, потому что они первые хотели меня убить. Их нужно уничтожить, и лишь тогда наступит мир во всех вселенных. Мы с тобой, по-моему, могли бы стать отличными союзниками. Как тебе идея?

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе, — ответил чешуйчатый. — Даю тебе слово. И, знаешь, раньше, когда живы были другие хрингдизы, слово Хрууза дорогого стоило.

Кикаха поинтересовался, знает ли Хрууз о том, как появились на свет тоаны. Хрууз ответил, что его народ никогда не стал бы создавать столь непохожих на себя существ.

— На некоторые вопросы просто нет ответов, — заметил Хрууз. — Наша вселенная не была единственной. Тоаны как-то ухитрились пробить стену между двумя вселенными. Но вместо того чтобы обращаться с нами как с мирными и незлобивыми созданиями — какими мы и были, — они вели себя так, будто столкнулись с опасными животными. Нас предательски захватили врасплох, и первым же ударом тоаны отправили к праотцам три четверти моих соплеменников. Нам, выжившим, пришлось стать убийцами. Остальное ты знаешь.

— А теперь? — спросил Кикаха.

— Когда я открыл врата и подсоединил их к цепи, мне надо было как-то выяснить, остались ли тоаны такими же кровожадными. Поэтому я решил собрать у себя несколько экземпляров. Вы двое попались мне первыми — я же не знал, что вы не тоаны, а жители планеты, которой даже не существовало, когда я лег в анабиоз. Третьим был тоан. Вы помните, что с ним произошло.

— Мы можем помочь тебе, а ты можешь помочь нам,— сказал Кикаха.— Рыжего Орка надо прикончить. Вообще-то нужно убить всех властителей, жаждущих нашей гибели. Но сначала я должен добраться до планеты Зазель, опередив при этом Рыжего Орка.

— Он действительно намеревается уничтожить все вселенные, а затем создать себе новую?

— Так он говорил. И он вполне на это способен.

Хрууз вытаращил глаза и сплюнул, высунув языковое щупальце. В это мгновение он был ужасно похож на змею.

«Хватит! — сказал себе Кикаха.— Довольно сравнивать Хрууза с насекомыми и рептилиями. Хрингдизы были такими же людьми, как любой гомо сапиенс, и даже более достойными звания человека, чем большинство людей. По крайней мере, на то похоже. Если только Хрууз не врет, скрывая свои истинные чувства.

Эй, парень, ты слишком долго яхшался с властителями! — мысленно одернул себя Кикаха.— Это же типичнейшая паранойя. Хотя, с другой стороны, подозрительность не раз спасала мне жизнь».

Хрууз пообещал изучить все данные о вратах, содержащиеся в его банке. Он дал машинам задание просканировать соответствующие файлы, выбрать важную информацию и распечатать ее. Это заняло всего два часа, но распечатка на экзотическом хрингдизском алфавите показалась Кикахе просто громадной.

— В основном это информация о вратах, которой располагал мой народ,— сказал чешуйчатый.— Хотя за время моей долгой спячки тоаны наверняка понаставили новых. Я пытался получить о них информацию, но вынужден был закрыть свои врата. К сожалению, Зазель создал Пещерную планету значительно позже. И все-таки мы попробуем разузнать что-нибудь о его вратах. По крайней мере, пока не покончим с Рыжим Орком.

— Когда мы с ним покончим, нам и Пещерная планета не понадобится,— заметил Кикаха.

— Я бы так не сказал. Данные о машине творения-разрушения могут попасть в руки другого властителя. Нет, эту информацию нужно либо отдать в надежные руки, либо уничтожить. Хотя мне претит поступать так с науч-

ной информацией, но лучше не рисковать, поскольку ее могут у нас выкрасть или забрать силой.

Кикаха задумался на минутку.

— А ведь когда-то у каждого властителя должна была быть такая машина. Иначе как бы они сотворили свои персональные вселенные? Куда же делись все эти машины? Почему ни у кого из властителей не осталось о них даже информации?

— Эти вопросы не ко мне,— заявил Хрууз.— Я выпал из жизненного потока на тысячи лет. Быть может, у некоторых властителей есть такие машины или чертежи, но они сами об этом не подозревают. Что же до твоего второго вопроса, я думаю, каждый властитель, захватив чужую вселенную, уничтожал машину творения-разрушения, принадлежащую его врагу. Захватчику не хотелось, чтобы кто-нибудь, проникнув случайно в его владения, нашел подобную машину. А затем другой властитель убивал прежнего захватчика — и со временем машин осталось совсем немного. Так, во всяком случае, я думаю.

Через несколько недель после этого разговора Хрууз пригласил Кикаху с Клифтоном в огромный зал, где они еще не бывали. Купол потолка и стены здесь были черные, но разрисованные искрящимися точками и соединительными линиями, которые вместе образовывали очень сложную паутину.

— Перед вами результаты обработки данных,— сказал Хрууз и обвел помещение рукой.— Точки обозначают узлы, а соединяющие их линии показывают пути между вратами. Линии нарисованы исключительно для удобства восприятия. Они разделяют врата, чтобы наблюдающий мог разобраться в схеме. На самом же деле переход между одними вратами и следующими совершается мгновенно.

— Как-то раз я видал схему врат, когда был с Ядавином у него во дворце,— сказал Кикаха.— Но она была значительно проще. А твоя — это нечто!

— Да, это нечто, как ты изволил выразиться,— откликнулся Хрууз, глядя на Кикаху своими темными глазами.— Но на схеме изображены лишь известные мне врата, в основном хрингдизские. Большинство из них были открыты в тоанские вселенные, когда мой народ еще сра-

жался с врагами. Поэтому многие наши врата соединены с вратами тоанов, хотя такие соединения, как правило, случайны.

Кикахе пришлось признать, что он понятия не имеет о том, где расположено большинство узлов и путей. Если бы ему пришлось путешествовать через врата из вселенной хрингдизов, он как пить дать заплутал бы. К тому же многие узлы пересекались с замкнутыми цепями.

— Есть ли хоть какая-нибудь вероятность, что хрингдизские системы врат могут вывести на Пещерную планету? — спросил Кикаха. — Насколько я слышал, в мир Зазеля ведут — или вели — всего одни врата. Но что, если существуют древние врата, созданные хрингдизами?

— Все может быть. Но я не знаю таких врат, которые могли бы вывести тебя туда. А чтобы пройти через всю схему, потребуется несколько сотен лет, да и то еще неизвестно, повезет ли тебе. К тому же шансы пережить подобное путешествие будут ничтожны.

— Однако Рыжий Орк, вероятно, верит, что я найду врата. Иначе зачем бы он меня посылал?

— Вам следовало бы уже уяснить, что Рыжий Орк редко открывает истинные причины своих поступков, — вмешался Клифтон.

— Да, конечно. И все же в данном случае ему не было смысла врать.

Пока они гостили у Хрууза, Кикаха попросил Клифтона закончить столь часто прерываемое повествование о том, как англичанин попал в тоанские вселенные.

— На чем я остановился? Ах да! Итак, для начала я кратко суммирую все события, о которых успел рассказать до наводнения.

Кикаха вздохнул и устроился в кресле поудобнее. Спешить им было некуда, но ему все равно хотелось, чтобы Клифтон попридержал свои эпические наклонности.

— Итак, безумный Блейк описал своему другу призрак блохи, бывший, как нам теперь известно, изображением Хрууза. Меня так заинтриговал его рассказ, что я нарисовал чешуйчатого человека, следуя описаниям мистера Блейка. Рисунок я показал своему ближайшему другу, парнишке по имени Пью. Он работал у ювелира, мистера

Скарборо, и отнес рисунок своему работодателю. Тот, в свою очередь, продемонстрировал его богатому шотландскому аристократу, лорду Ривену, который заказал себе на основе рисунка кольцо. Но бедный глупый Пью украл кольцо. Понимая, что поднимется крик и суматоха и что его заподозрят первым, Пью отдал мне кольцо на сохранение. Это еще раз доказывает его непроходимую тупость. В то время я не раскаялся еще в своих грехах и не дал Господу клятву, что буду вести честную жизнь.

— Давай дальше, а? — взмолился Кикаха, потеряв последние крохи терпения.

— Хорошо, хорошо. Констебли искали Пью, а того укрывала банда беспризорных мальчишек, в которую он вступил еще до того, как стал работать на мистера Скарборо. Но констебли нашли беднягу и убили при попытке к бегству. Выстрел в затылок, как мне кажется, отправил незадачливого воришку прямо в ад.

Я решил, что отныне кольцо по праву принадлежит мне. Но я не знал, как долго придется ждать, прежде чем у меня появится шанс продать его. К тому же продавать лучше было где-нибудь подальше от родного города, а я не мог вот так взять и бросить своего приемного отца, мистера Дэлли, издателя и книготорговца. Меня бы сразу заподозрили, и констебли прознали бы о моей связи с Джорджем Пью. Если бы меня признали виновным, то повесили бы.

Барон Ривен, как поведал далее англичанин, исполнился твердой решимости найти кольцо и вора. Один из его агентов расспрашивал Клифтона о краже. Агент откуда-то узнал, что Клифтон был близким другом Пью — возможно, единственным. Клифтон жутко перепугался, но отрицал все, кроме своего знакомства с Пью. Со временем, конечно, правда должна была выйти наружу. Поэтому вскоре после встречи с агентом Клифтон удрал, намереваясь добраться до Бристоля. Там он хотел сесть на любой корабль, который увезет его из Англии. Денег у него не было, но он надеялся устроиться на судно юнгой — или кем угодно.

— Я стащил кошелек и на эти деньги снял комнатку в дешевой портовой таверне, — рассказывал Клифтон. —

Я обошел не меньше дюжины судов, предлагая оплатить проезд работой. В конце концов меня взяли помощником кока на торговое судно.

Вечером, когда судно должно было отплыть, Клифтон шел по улицам по направлению к порту и вдруг почувствовал, как на плечо ему легла чья-то рука, а потом что-то кольнуло в шею. Он хотел убежать, но колени у него подогнулись, и он свалился без чувств на мостовую. Очнулся Клифтон в комнате, где увидел лорда Ривена и еще двоих мужчин. Пленника раздели и привязали к кровати. Барон собственноручно ввел ему в артерию какую-то жидкость. Вопреки ожиданиям Клифтона, сознание он не потерял. Но когда лорд Ривен стал расспрашивать о кольце, Клифтон, несмотря на мучительную умственную борьбу, выложил все как было.

— Наркотик правды,— заметил Кикаха.

— Да, верно. Мой мешок с немногочисленными пожитками тщательно обыскали. Кольцо красовалось теперь у барона на пальце. Я ждал, что меня сдадут констеблям и повесят. Но как выяснилось, барон не хотел, чтобы власти прознали обо мне или о кольце. Он велел своим подручным, зверского вида подонкам, перерезать мне горло. Сунул им в руки несколько гиней и направился было к двери, захватив с собой большой, изумительно разукрашенный кожаный саквояж. Но, сделав пару шагов, остановился, повернулся и сказал: «Я придумал для него более суровое наказание. Вы двое можете идти!»

Они быстро удалились. Барон вытащил из саквояжа два больших плоских полумесяца, сделанных из какого-то серебристого металла.

— Переносные ворота! — сказал Кикаха.

— Так, значит, вы знаете, о чем я говорю?

— Именно через такие ворота я и проник в Многоярусный мир,— отозвался Кикаха.

— Вот оно что! Но у меня-то не было ни малейшего представления, что это за штуковины. Я принял их за орудия пытки. В каком-то смысле так оно и было. Барон положил их на пол так, что они образовали круг с зазором. Потом он отвязал меня от кровати. Я был слишком напуган, чтобы сопротивляться, и даже обмочился со стра-

ху, хотя мне казалось, что я уже опустошил весь мочевого пузырь, как только очнулся.

Лорд Ривен развязал англичанина, оставив связанными только руки за спиной, а потом схватил его одной рукой сзади за шею, поднял, как кролика, и поставил в центр круга, образованного полумесяцами. Он велел Клифтону стоять смирно и не дрыгаться, если тот не хочет, чтобы его разрезало пополам.

— Я выбивал зубами дробь и трясся как лист на ветру. Барон запретил мне разговаривать, но я все-таки спросил, что он собирается со мной делать. Он ответил только, что пошлет меня напрямиком в преисподнюю, не убивая.

Клифтон считал, что находится во власти дьявола, если не самого Сатаны. Он взмолился о пощаде, хотя сам в нее не верил. Но лорд Ривен быстро нагнулся, соединил концы полумесяцев, потом выпрямился и отошел на несколько футов назад. Пару секунд ничего не происходило.

— И вдруг комната с бароном исчезли. На самом деле, как вы понимаете, исчез, конечно, я сам. Через мгновение я понял, что нахожусь в другом мире, хотя и не похожем на ад. Здесь не было ни скачущих чертей, ни огненных языков, рвущихся из скал. И все же я действительно попал в преисподнюю. Это была умирающая планета в одной из тоанских вселенных. — Клифтон помолчал и добавил: — Воспоминания о жутком паническом страхе, охватившем меня в ту минуту, до сих пор заставляют меня содрогаться. Но я сумел развязать руки и как-то умудрился выжить, хотя и прошел через адские мучения.

— В каком году барон отправил тебя через врата? — спросил Кикаха.

— В году 1817-м от Рождества Христова.

— Значит, ты провел в тоанских мирах около ста семидесяти пяти лет.

— Боже праведный! Так долго! А я и не заметил в этой суете.

Англичанин вкратце описал свою дальнейшую жизнь. Он побывал во многих мирах и успешно прошел через множество врат, был в рабстве у тоанов и у людей, потом

стал вождем маленького племени и, в общем, совсем неплохо устроился.

— Но меня начал донимать настоящий зуд — тоска по приключениям. Я прошел через врата, и они бросали меня из мира в мир, пока не забросили в яму — ловушку, подстроенную Рыжим Орком. Я и не знал, кто он такой, пока не увидел человека, которого занесло в камеру Хрууза, а потом разорвало на куски.

Клифтон сделал короткую паузу.

— Этот человек выглядел в точности как лорд Ривен.

— Я так и думал,— откликнулся Кикаха.— Барон на самом деле был не кто иной, как Рыжий Орк, живший в ту пору на Земле-1 под маской шотландского аристократа.

Глава 13

Хотя Кикаха был занят и старался не думать об Анане, он не мог выбросить ее из головы. А вместе с воспоминаниями наваливались тоска и ярость. Тоан уже наверняка закончил стирать Анане память, и теперь она считает, что ей всего восемнадцать лет.

Рыжий Орк объяснит ей, что у нее была амнезия и что он ее лечит. Или что его назначил опекуном Ананы ее отец, а потом она потеряла память. Он уж постарается сделать так, чтобы она не узнала, как много тысячелетий прошло после смерти отца.

Возможно, именно в это мгновение Рыжий Орк пытается ее соблазнить. Или же силком тащит к себе в постель. Кикаха пытался отогнать видения Рыжего Орка и Ананы, предающихся любви, но это было куда труднее, чем задернуть оконную занавеску.

Прошло два месяца. На третий день третьей недели третьего месяца (хорошее предзнаменование для тех, кто в них верит) Хрууз опять пригласил Кикаху и Клифтона в смотровой зал со схемой врат. Просторные апартаменты освещались лишь точками на купольном потолке и стенах. Но точки сияли куда ярче, чем в прошлый раз.

Единственный луч света падал на пульт управления и сидевшего за ним Хрууза. Когда гости вошли, Хрууз встал, и на лице его появилось выражение, означавшее, как уже знали земляне, улыбку.

Чешуйчатый потер руки, в точности как человек, выражающий радость или глубокое удовлетворение.

— Хорошие новости! — сказал он. — Очень многообещающие!

И показал большим пальцем на потолок. Запрокинув голову, Кикаха увидел жирную точку, которой раньше там не было. От нее бежало множество линий к другим, более мелким точкам. Кикаха заметил также, что одна из точек из белой стала оранжевой. Несколько линий, отходящих от нее, тоже были оранжевыми. Одна линия шла прямо к жирной точке.

— Оранжевая точка обозначает врата, ведущие в мир Зазеля, — если мои вычисления правильны.

— Ты уверен? — спросил Кикаха.

Хрууз уселся перед контрольной панелью.

— Я же сказал, что не уверен. Если компьютер не ошибается, значит, так оно и есть. Но я не уверен, что он не ошибается. Чтобы проверить, кто-то должен пройти через врата.

— Как тебе удалось их вычислить? — поинтересовался Кикаха.

— Я дал компьютеру задание проследить за всеми линиями, которые вы видите перед собой. По сравнению с прошлым разом их стало гораздо больше.

— Но вы же говорили, что закрыли все ведущие сюда врата из-за Рыжего Орка! — вмешался Клифтон.

— Верно. Закрыл. И тем не менее я надеялся, что Рыжий Орк не сможет засечь мои новые врата. Я открывал их на пару микросекунд, и в это время компьютер прослеживал данные. Перед вами результаты миллионов таких микросекундных слежений.

Кикаха все равно не мог понять, почему Хрууз считает, будто ему удалось найти врата в мир Зазеля. Но прежде чем он задал вопрос, Хрууз продолжил:

— Посмотрите на точку, которая значительно больше остальных. Видите, от нее идет оранжевая линия к

оранжевой точке? Большая точка на самом деле представляет собой скопление точек, расположенных так близко друг к другу, что они сливаются в одну. — Он посмотрел вверх и снова улыбнулся. — И эта большая точка обозначает кое-что, о чем, как я думаю, тоаны даже не догадываются.

— Уж не те ли это «всеузловые врата», о которых ты спрашивал меня пару месяцев назад? — предположил Кикаха. — Меня заинтриговал твой вопрос, но, когда я сказал, что не слыхал ни о чем подобном, ты не добавил больше ни слова.

— Ты правильно угадал, хотя твои познания о вратах ограничиваются исключительно собственным опытом. Ты не ученый. А вот Рыжий Орк, знай он о вращающихся, или всеузловых, вратах, не преминул бы ими воспользоваться.

Хрууз что-то сказал, обращаясь к пульту управления, и на экране появилась другая картинка. В центре ее ярко сияло скопление точек, образующих всеузловые врата. Теперь Кикаха заметил маленькие расстояния между точками.

Хрууз опять что-то произнес на своем гортанном языке. Масштаб изображения увеличился еще больше, выделив на экране одну из точек. Рядом с ней появилось слово, напечатанное мелкими хрингдизскими буквами.

— Вот эти врата во всеузловом скоплении ведут к двум местам — вы называете их щелями — в «стене» вселенной Зазеля. Обратите внимание, что щели выглядят значительно более тусклыми, чем активные врата. Одна щель была когда-то вратами; другая образовалась естественным путем при сотворении вселенной. Бывшие некогда активными врата закрыло, как мне кажется, существо, управляющее Пещерной планетой. Это существо — ты говорил, его зовут Дингстет — не только закрыло врата, но и передвинуло слабое место в стене, что требует больших познаний и мощного источника энергии. Даже мои машины не в состоянии проделать такой фокус. Но они могут засечь перемещение слабого места. Смотрите внимательно. Я увеличу резкость изображения, чтобы вам было виднее.

Он произнес еще одно слово. На экране появилась еле заметная линия. С одной стороны она заканчивалась тусклой точкой, а с другой — еще более тусклой.

— Следы перемещения, — пояснил чешуйчатый человек. — На схеме тысячи световых точек, но только эти две показывают перемещенные ворота или слабое место в стене. Сначала Дингстет ликвидировал гильотину-ловушку в односторонних воротах, через которые Рыжий Орк проник на Пещерную планету. Потом он превратил ворота в двусторонние, но лишь затем, чтобы дезинтегрировать шестиугольную структуру. Ему не пришлось покидать для этого свою планету, поскольку он использовал луч, уничтоживший шестиугольник сразу в двух мирах.

Затем Дингстет вновь переделал ворота в односторонние и переместил щель в другое место — такая штука сегодняшней тоанской технологии не по зубам. Поэтому Рыжий Орк и не нашел ворота в Нежеланном мире. А свет, вспыхнувший в монокуляре Манату Ворсион, был всего лишь ловушкой, о чем ты и сам впоследствии догадался.

— Это замечательно! — воскликнул Кикаха. — А куда девались те односторонние ворота, через которые Дингстет выпустил Рыжего Орка с Пещерной планеты?

Хрууз, совершенно как человек, развел руками:

— Он закрыл их и превратил в обыкновенную трещину. Я сомневаюсь, чтобы детекторы Рыжего Орка были способны обнаруживать уязвимые места в стенах между вселенными. Потому-то он и не смог найти входные ворота и проследить за их перемещением. Хотя ворота и были пару секунд двусторонними, Дингстет сумел скрыть все следы их существования. Но тебе придется снова открыть выходные ворота, когда ты попадешь в мир Зазеля.

— Я их открою! — заявил Кикаха. — Все, пора в путь!

— Не торопись. Сначала машина откроет — по крайней мере должна открыть — входную точку, закрытую Дингстетом.

Хрууз снова что-то сказал, и из стены под пультом выдвинулся ящик. Чешуйчатый вынул из него небольшой металлический кубик с оранжевой кнопкой. Днище у кубика было изогнутым; с одного ребра свисал ремешок.

— Это ключ к вратам в мир Зазеля,— сказал Хрууз.— Таких ключей всего два, и рог Шамбаримена — второй и последний.

Чешуйчатый протянул черный кубик Кикахе:

— Мне подарил его друг, великий ученый, которого убили буквально через несколько дней. Насколько я знаю, подобного устройства нет больше ни в одной вселенной. Пристегни его к запястью. Без него ты с таким же успехом можешь остаться здесь.

Приготовления к путешествию длились два дня. Эрик Клифтон настаивал, что пойдет вместе с Кикахой. Хрууз заметил, что шансов на успех у Кикахи крайне мало. Если Клифтон пойдет вместе с ним, он тоже может погибнуть. А Хруузу необходимы знания Клифтона о вселенных властителей, чтобы успешнее бороться с последними.

— К тому же,— признался Кикахе Хрууз, когда Клифтона не было поблизости,— мне будет без него очень одиноко, хоть он и не хрингдиз.

Как ни велико было нетерпение Кикахи, ему пришлось подождать, пока не наступит нужный момент для прохода через всеузловые врата.

— Узлы на самом деле не вращаются,— сказал Хрууз.— Просто я употребляю этот общепринятый термин. Ты должен стартовать вовремя, и ни минутой раньше. У тебя будет двадцать секунд на то, чтобы войти в узел и пройти через врата, которые доставят тебя к щели во вселенной Зазеля. Но если ты опоздаешь хоть на десять микросекунд, то пройдешь через другие врата и окажешься бог знает где.

Чешуйчатый соорудил металлический девятиугольник, в который предстояло войти Кикахе. За час до начала путешествия Кикаха надел кислородную маску, черные очки, пояс с оружием, полный припасов рюкзак, кислородный баллон и застегнул на левом запястье часы вместе с устройством, открывающим слабые места. Кикаха называл его «открывашкой».

Эрик Клифтон пришел проводить своего товарища-землянина в дорогу.

— Бог в помощь,— сказал он, пожимая Кикахе руку.— Это война против дьявола, а потому мы обречены на победу.

— Бог может выиграть у Сатаны,— заметил Кикаха.— Но как насчет военных потерь?

— Мы не будем в их числе.

На стенном экране светились хрингдизские цифры, обозначавшие время. Кикаха уже научился в них разбираться. Когда до старта осталось две минуты, он взглянул на хрингдизские часы у себя на запястье. Они шли синхронно с настенным индикатором. Кикаха встал перед девятиугольником и, увидев, что осталось всего тридцать секунд, приготовился шагнуть через ворота. И хотя Хрууз уверял его, что там он никого не встретит, землянин все же расстегнул кобуру лучемета.

— Приготовься,— проговорил Хрууз.— Через двадцать секунд я дам команду.

Казалось, не прошло и мгновения, как он прокричал по-тоански:

— Пошел!

Кикаха прыгнул в середину девятиугольника и с изумлением почувствовал, что его тело как бы растягивается. Ноги и руки, казалось, стали длинными-преддлинными. Ступни находились как минимум в двадцати футах от торса, ладони — в десяти футах от плеч.

— У него было такое ощущение, будто он бухнулся в ледяное море. Конечности начали неметь и терять чувствительность. Хрууз не предупредил его об этом — хотя хрингдиз, скорее всего, ничего и не знал «Я сам должен соображать, что делать»,— подумал Кикаха.

Его окружала зеленоватая полутьма. Замерзающие ступни вроде бы стояли на полу, но Кикаха не видел ни пола, ни стен. Он словно очутился в непроглядном тумане.

Где-то впереди мелькнул огонек. Кикаха пошел в ту сторону, если только можно сказать «пошел». Скорее потащился, точно увязая в густой патоке. Он не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он попал в это место — если его можно назвать местом. Но глядеть на часы не было смысла. Либо он доберется вовремя, либо нет.

Зеленоватая мгла просветлела. Свет с той стороны — если здесь вообще существовали «стороны» — загорелся ярче. Там, очевидно, «вращается» узел. А светятся как раз нужные Кикахе врата.

И вдруг свет немного померк. Кикаха отчаянно пытался прибавить шагу. Святые угодники! Он был уверен, что двадцати секунд более чем достаточно, чтобы добратся до врат. Теперь этот срок казался ему немыслимо коротким. Да еще вдобавок все внутренности — желудок, легкие, сердце — тоже начали вытягиваться, как и конечности. Ему стало дурно.

Если его вытошнит в маску, вот будет номер!

В конце концов ему удалось выйти на свет. Очень медленно, как во сне, Кикаха потянулся рукой к универсальному ключу, которым снабдил его Хрууз. Кубик тоже вытянулся, исказившись до неузнаваемости. Рука повисла в пустоте, ничего не нащупав. Кикаха был на грани паники — холодной паники, понемногу поднимающейся из неведомых глубин, где она обычно таится. У него осталось совсем мало времени, чтобы нажать оранжевую кнопку. По крайней мере, так ему казалось. Уверен он был лишь в одном: если ему не удастся сейчас же включить черный кубик, он безнадежно опоздает.

Кикаха провел рукой по груди и нащупал свое левое плечо, хотя и не без труда. Сколько секунд у него осталось? Наконец пальцы коснулись рубашки. Он скользнул ими вниз, глядя одновременно на свою изогнутую зигзагом руку, такую же кривую, как кий в фильме с известным комиком У. К. Филдсом, название которого Кикаха никак не мог вспомнить. Средний палец дополз до кнопки. Ее поверхность оказалась вогнутой, хотя до того была совершенно плоской. Но Кикаха все равно нажал.

И очутился в полутемном, точно озаренном первыми проблесками рассвета туннеле. Тошнота мгновенно прошла; руки и ноги сжались до нормальных размеров. Ледяная стужа сменилась теплом. Кикаха вдохнул полной грудью. Похоже, он все время сдерживал дыхание, пока обретался в том ужасном месте. Судя по наручным часам, он пробыл в полупространстве или непространстве восемнадцать секунд.

Кикаха отключил приток кислорода, снял маску и баллон. Воздух здесь был недвижный, знойный и затхлый, точно давным-давно иссушенный жарой. Положив кислородное обмундирование к ногам, чтобы отметить точку входа, Кикаха огляделся. Туннель, вырубленный в гладком, словно кристалл, камне, был достаточно широким, чтобы по нему могли пройти шеренгой человек двадцать. По середине пола бежала неглубокая извилистая канава с журчащей водой. Стены и потолок покрывали большие пятна густого лишайника. Тусклый свет испускали зеленоватые шишки, росшие на полу, потолке и стенах. С потолка свисали высушенные тела шестиугольных насекомыхидных существ. Точно такие же тела лежали на полу. Кто они такие и что было причиной их гибели — об этом оставалось только гадать.

Но больше всего Кикаху поразили надписи, медленно ползущие одной строкой по стенам туннеля. Черные символы, высотой дюйма в четыре, двигались чуть выше уровня глаз. Дойдя до лишайника, они пропадали, но, миновав его, вновь появлялись на камне. То ли буквы неведомого алфавита, то ли идеограммы — не поймешь. Некоторые из них казались смутно знакомыми, напоминающая греческое, кириллическое, арабское и китайское письмо, но это ничего не означало. Просто совпадения.

Спертый воздух начал действовать Кикахе на нервы. Он решил начертить на стене большой крест, чтобы отметить точку входа, а затем положил кислородную маску с баллоном в рюкзак.

Ну и куда ему теперь идти?

Вперед по течению ручейка? Это направление ничем не хуже других. Да и символы тоже бежали вперед.

Пять часов Кикаха шагал по туннелю в тишине, которая начала уже звенеть в ушах. Единственным живым существом здесь был светящийся лишайник. Хотя, возможно, зеленоватые шишки тоже были живыми растениями. Через каждые полчаса Кикаха останавливался и царапал на стенке крест. Воздух был все такой же затхлый и душный. Кикаха боролся с искушением воспользоваться баллоном, но тот мог еще понадобиться в экстренной ситуации.

К этому времени Кикаха был уже совершенно уверен, что находится в мире Зазеля. Хотя тоанские легенды были довольно скупы в деталях, туннели в них упоминались определенно. Значит, ему удалось совершить то, что Рыжему Орку оказалось не по плечу! Ликование подстегивало Кикаху. Он еще покажет этому сукину сыну!

В начале шестого часа пути Кикаха оказался у развилки. Туннель разветвлялся вправо и влево. Кикаха без колебаний свернул налево. Левый означало для него счастливый — к черту все предрассудки насчет левых путей! — и он был уверен, что выбранный туннель приведет его к самому центру Пещерной планеты. Подтверждением тому стали первые увиденные им скелеты животных. Скелетов было великое множество, и Кикаха шагал прямо по ним, когда не удавалось переступить. Животные, похоже, погибли в яростной схватке, так перемешаны были их кости. Встревоженный, Кикаха замедлил ход. Что-то тут случилось, и явно что-то неладное.

Через пару минут, перешагнув через очередной скелет, Кикаха вышел к гигантской пещере, освещенной все теми же шишками, которые росли здесь гораздо гуще, чем в туннеле. Но свет был слишком тусклым, чтобы разглядеть пещеру целиком.

Кикаха спустился по наклонной тропке вниз. Как и в туннеле, пол был усеян костями разных животных и птиц. Растения, некогда росшие в пещере, были съедены почти до самых корней. Оставшиеся ветки и листья позволили Кикахе отнести их к разряду овощных. Он решил, что засыхающие или уже засохшие растения были сожраны животными. Но друг дружку они все-таки поубивали еще до того, как успели съесть всю растительность.

А на ближайшей стене, насколько хватало глаз, символы продолжали свой загадочный парад.

Судя по тому, что Кикахе доводилось слышать, вся Пещерная планета представляла собой колоссальный компьютер. Но Зазель сотворил также фауну и флору, отчасти для того, чтобы украсить свои громадные пещеры, отчасти для забавы. Правда, это не спасло его от хандры, и он покончил жизнь самоубийством.

Где же глава этого мира, единственное разумное существо, одинокий король, искусственное создание, которому Зазель оставил в наследство свою заброшенную вселенную?

Кикаха крикнул несколько раз, чтобы предупредить о своем появлении Дингстета, если тот окажется в пределах слышимости. Ответило ему только эхо. Пожав плечами, Кикаха зашагал вперед. Когда он оглянулся, вход в пещеру уже поглотили сумерки. Через час перед Кикахой оказалась стена с шестью туннелями. Он выбрал самый левый. А еще тридцать пять минут спустя вышел в другую пещеру — и вновь увидел знакомую картину: кости, перемешанные с остатками растений, и тишина.

Но полоска символов по-прежнему двигалась вдоль стены, исчезая во тьме. Компьютер был еще жив. Вернее, он еще работал.

Ни экранов, ни контрольных панелей здесь не было. Очевидно, решил Кикаха, компьютер управляется голосом. Но как нужно задавать ему вопросы? Странные символы мало чем могли помочь. Возможно, Зазель изобрел для управления компьютером свой собственный язык. Если так, то выполнить задание не будет никакой возможности. И вообще, не хватало только заплутать в этом богом забытом месте — ведь запасы еды у него ограничены, их хватит всего на двенадцать дней. И то если питаться очень экономно.

«Если я найду Дингстета,— подумал Кикаха,— или он найдет меня, все будет замечательно. В том случае, конечно, если Дингстет согласится помочь».

Но Дингстет никому уже помочь не мог, в том числе и себе самому. Кикаха обнаружил его останки в резном каменном кресле и на полу возле кресла. Кости явно принадлежали Дингстету, больше некому. Скелет выглядел гуманоидным, у него было две ноги, но он слишком сильно отличался в деталях. Между костями виднелись пластмассовые органы с проводками. И череп, упавший на колени, определенно не был человеческим.

«Повезло мне, что я так быстро на него наткнулся,— подумал Кикаха.— В конце концов, когда я собирался сюда, то рассчитывал найти Дингстета. Я мог бы долго

блуждать по этому лабиринту, протянувшемуся на тысячи миль. Но я добрался до места, которое искал, почти сразу».

Правда, назвать это везением можно было лишь отчасти. Ведь единственное существо, способное рассказать Кикахе, где находится информация о машине творения-разрушения, рассказать уже ничего не могло и никогда не сможет.

Кикаха не нашел никаких признаков насильственной смерти ни на черепе, ни на скелете. Возможно, Дингстету просто наскучило его бессмысленное и бесцельное существование, и он решил выпить яду. Или же Зазель сконструировал своего слугу таким образом, чтобы тот скончался в определенный срок. В общем, какой бы смертью ни умер Дингстет, он оставил планету без присмотра, и она пришла в упадок.

— Ну не знаю я, что делать! — крикнул в сердцах Кикаха.

Объятый разочарованием и злостью, он схватил череп и швырнул его куда подальше. Пользы это не принесло, зато злость немного поутихла. Крик его подхватило громкое эхо, точно умирающий мир непременно желал оставить последнее слово за собой.

К несчастью, смерть Дингстета вовсе не означала, что данные о машине творения-разрушения стали абсолютно недоступны. Если Рыжий Орк доберется сюда, он, возможно, сумеет их раздобыть. В конце концов, он ученый и достаточно умный, чтобы сообразить, как наладить общение с компьютером. Нужно было сматываться отсюда до прибытия тоана.

Кикаха треснул, правда не очень сильно, кулаком по спинке каменного кресла и выкрикнул:

— Врешь! Я еще не сдался!

Глава 14

Символы на стене могли двигаться по кругу, но могли вести и к центру управления. Кикаха решил углубиться в пещерно-туннельный комплекс. Пройдя чуть меньше мили, он остановился. Светящиеся шишки и лишайник стали здесь коричневатыми. Половина шишек свалилась

с потолка на пол, а другая половина грозила вот-вот последовать за первой. Если гниение распространится дальше, все туннели и пещеры окажутся в кромешной тьме, а выработка растениями кислорода прекратится.

Не привыкший легко отказываться от своих намерений, Кикаха шагал вперед, помечая стены крестами через каждую сотню футов. Приметы упадка становились все более очевидными. Но свежей воды тем не менее было в избытке. Хотя нет. Через десять минут ручей начал иссякать, а еще через пять в канаве, прорытой посреди коридора, воды осталось на доньшке. Да и та при такой жаре должна была вскоре испариться.

Светящихся шишек осталось так мало, что туннель был виден Кикахе в пределах пяти футов. Он снова остановился. Какой смысл идти дальше? Планета скоро умрет, тут уж ничего не попишешь. И если строчки символов по-прежнему ползут по стенам, это свидетельствует лишь о том, что громадный компьютер еще не загнулся окончательно. Возможно, он будет работать до тех пор, пока не иссякнут запасы энергии, и его агония продлится несколько тысячелетий.

Кикаха повернулся и пошел назад к пещере. Чтобы не сбиться с пути, он держался поблизости от стены, помеченной крестами. Через пять минут ему пришлось вытащить из рюкзака фонарь. Он привязал его ко лбу и зашагал быстрее. Но воздух так обеднел кислородом и стал таким спертым, что Кикаха был вынужден вытащить из рюкзака баллон и пристегнуть его к правому плечу. Надев маску, он повернул рычажок. Время от времени, решил Кикаха, он будет перекрывать доступ кислорода и сдвигать маску набок. Несколько минут можно продержаться и в здешней атмосфере, а потом снова вдохнуть «свежего» воздуха.

Теперь, по крайней мере, можно не волноваться о том, что Рыжий Орк завладеет информацией о древней машине. Эта мысль подбодрила Кикаху. Отныне он целиком может отдаться мести: убить тоана и вызволить из его лап Анану.

Следуя собственным указателям, Кикаха наконец вернулся в исполинскую пещеру. Там он не ставил крестов,

поскольку в них не было нужды. Если продолжать идти вдоль стены, он выйдет к помеченному крестом туннелю и сможет отправиться в обратный путь. Но вместо того чтобы идти по стеночке, Кикаха пошел по середине пещеры, в направлении центрального туннеля. Луч фонарика упал на пожухлые листья и кости животных, порой весьма причудливого вида. Тут Кикаха остановился.

Вот оно, каменное кресло. Но где же скелет Дингстета?

Подойдя вплотную к пустому креслу, Кикаха повернулся и посветил фонариком сначала в одну сторону, потом в другую. Луч, увы, не достигал ни потолка, ни стен. Кикаха пошел туда, куда, как ему помнилось, швырнул недавно череп. Но, обыскав довольно широкую территорию, так ничего и не нашел.

Он сдвинул кислородную маску.

— Дингстет! Дингстет! — звал он снова и снова.

Имя громовыми раскатами возвращалось к нему от далеких стен. Когда эхо утихло, Кикаха снова надел маску и прислушался. Услышал он лишь биение собственного сердца. Но теперь невидимый наблюдатель будет знать: незванный гость наконец-то понял, что он не единственное живое существо в Пещерном мире.

Кикаха подождал пять минут и выкрикнул имя еще двенадцать раз. И снова эхо, а потом тишина.

— Я знаю, что ты здесь, Дингстет! — крикнул Кикаха. — Где бы ты ни прятался, выходи!

Не дождавшись ответа, он подошел к креслу и уселся. Почти удобно, насколько удобно может быть в каменном кресле. Кикаха дал себе десять минут на ожидание. После этого придется уходить. Но когда-нибудь он вернется, прихватив гораздо более солидные запасы еды и кислорода, и продолжит поиск. А если к нему присоединится Хрууз, то не исключено, что чешуйчатому удастся вернуть планету к жизни.

Прошло две минуты. Кикаха начал было подумывать о возвращении, поскольку не мог с уверенностью сказать, хватит ли ему кислорода. И вдруг он выпрямился, напряженно вглядываясь во тьму. Ему показалось, что где-то раздался еле слышный смешок. Кикаха встал и медлен-

но повернулся кругом. Не успел он развернуться на три четверти, как что-то с силой ударило его справа по голове. Удар был болезненный, но не лишил Кикаху чувств. Он прыгнул вперед и выключил фонарик. Потом пробежал еще десять шагов и растянулся на каменном полу.

Сжимая в руке лучемер, он лежал и прислушивался. Кикаха знал, что его ударило. Соскакивая с кресла, он успел краем глаза заметить череп Дингстета, летевший во мрак.

Он вслушивался в тишину так, словно жизнь его зависела теперь только от слуха. В общем, так оно и было. Через несколько секунд за спиной раздался еще один смешок, погромче. Кикаха откатился немного в сторону и, съехившись, сел. Тот, кто метнул в него череп, вероятно, неплохо видел в темноте. Что ж, это не проблема. Сняв рюкзак и порывшись в нем, Кикаха вытащил черные очки и надел их. Потом подкрутил на крохотном циферблате яркость и взгляделся сквозь очки в призрачный полумрак.

Никого не видеть. Единственное укрытие, за которым можно спрятаться, — каменное кресло. Но нападавший знает, что Кикахе нетрудно будет об этом догадаться. Где же еще он — или она — может скрываться? В канавах с водой? Если распластаться на дне, там вполне можно затаяться. Ближайшая канава находилась футах в тридцати.

«Минуточку! — подумал Кикаха. — Кто слишком спешит с заключениями, часто в них и попадает. Противник мог просчитать ход моих мыслей и именно поэтому спрятаться за креслом. Пока я буду ползать, обследуя канавы, он меня пристрелит. Хотя, с другой стороны, ему ничего не стоило сделать это в любой момент. Почему же он швырнул в меня черепом и таким образом предупредил?

Кем бы ни был нападавший, он явно из рода властителей. Только тоаны способны играть с противником, как кошка с мышкой. Но я им не мышка, и тоаны должны бы это знать. Что ж, чем больше опасность, тем забавнее игра, — так он, наверное, думает. Ладно, дадим ему позабавиться, но последним смеяться буду я!

Конечно, вполне вероятно, что во тьме их скрывается несколько. Если игра обернется не в пользу черепометателя, его приятель подстрелит меня.

Но тут уж ничего не поделаешь. Придется просто быть осторожнее и попытаться вычислить других игроков».

Кикаха встал, раскрутился на месте, сделав три оборота и держа свой рюкзак на весу, точно боевой топор, а потом швырнул его в кресло. Рюкзак шлепнулся на резное сиденье, но никто не высунул голову из-за спинки и не взглянул на него. Кикаха переключил свет ночного видения на фотонный, надеясь, что противник невольно выдаст себя от неожиданности. Ничуть не бывало — никто на уловку не клюнул. Кикаха опять переключился на ночное видение.

Он осторожно подошел к двум канавам, часто оглядываясь назад. Насколько позволял разглядеть луч фонарика, там было пусто. Но, нападающий или нападающие могли скрываться в темноте. Кикаха нащупал на стволе лучемета, рядом с кнопкой, рычажок, не глядя передвинул его, настроив оружие на поражение цели в районе двухсот ярдов, и тут же, разворачиваясь на месте, с силой надавил на спускатель. Луч, похожий сквозь очки на черный карандаш, описал широкую дугу. Если кого-то и задело, то он не вскрикнул.

Едва закончив разворот, Кикаха бросился к креслу, одновременно чуть ослабив давление на спускатель. И так чересчур много энергии потрачено впустую. Если за креслом кто-то прятался, он должен был услышать тяжелые шаги и что-нибудь немедленно предпринять.

Из-за резной спинки показалась голова в выпуклых защитных очках, а за ней — широкие плечи. Не успев появиться по грудь, противник выстрелил из лучемета. Кикаха бросился плашмя на пол, послав ответный луч. Каменный пол задымился на расстоянии дюйма от левого плеча Кикахи. Но луч, вылетевший из его оружия, прошел точнехонько сквозь шею тоана. В этом Кикаха был уверен.

Он встал и, описывая лучом широкую кривую, подошел к креслу. Хотя тишина не скрадывала его осторожных шагов, Кикаха сомневался, чтобы упавший человек мог их слышать. Даже если у него над ухом раздастся звон литавр, он и тогда вряд ли что-нибудь услышит.

Приближаясь к креслу, Кикаха настороженно смотрел по сторонам и оглядывался назад. Хотя ему давно уже при-

шел бы конец, если бы в пещере был еще один противник. Правда, не исключено, что тот лежит раненый где-то во мраке и готовится нанести ответный удар.

Удостоверившись, что луч и впрямь попал врагу в шею, Кикаха снял с трупа очки. Как он и предполагал, перед ним предстало лицо Рыжего Орка. Но властитель мог снова послать вместо себя клона. Точно это можно будет выяснить только при личной встрече с очередным экземпляром, вынудив его сознаться, что он-то и есть оригинал.

А это крайне маловероятно, подумал Кикаха. У застреленного человека не было с собой рога Шамбаримена. Пошел бы Рыжий Орк сюда без рога? Нет, быть такого не может. Значит, Кикаха прикончил все-таки клона. Но тот не мог попасть в мир Зазеля без рога. Следовательно, Рыжий Орк протрубил в рог и послал клона через ворота. А может, пошел вместе с ним и скрывается где-то во тьме?

Как всегда, сплошные сомнения!

Кикаха подобрал лучемет погибшего и внимательно осмотрел его, освещая головным прожектором. Настройка на шкале показывала, что оружие включено на парализующую мощность в районе ста ярдов. Выходит, Кикаху собирались только оглушить. Кем бы ни был убитый, игра с врагом, несомненно, доставляла ему удовольствие. А натешившись вволю, он парализовал бы землянина и доставил в резиденцию Рыжего Орка как пленника.

То и дело бросая быстрые взгляды по сторонам, Кикаха забрал кислородный баллон убитого, лучемет, пакет батарей, головной прожектор, пищевой паек и флягу. Не выбрасывай добро — глядишь, и тебе добром воздастся. Взвалив на плечи два рюкзака и выходя из пещеры в туннель, Кикаха подумал: уж не там ли поджидает его Рыжий Орк, надеясь напасть из засады?

Он переключил очки на ночное видение и зашагал быстрее. Обратный путь прошел гладко. Никто не появился внезапно из засады, и вроде бы никто не крался следом. Только символы, бежавшие прежде по стенам, исчезли.

Обливаясь потом, еле сдерживая туго натянутые нервы, Кикаха добрался до последнего креста — отметки, показывавшей точку входа. Он встал перед стеной, произнес кодовое слово, которое сообщил ему Хрууз, и приготовился к кошмарному испытанию холодом и растяжкой

при проходе через узловые врата. Но, к его изумлению, эта напасть его миновала. Он шагнул через стену и сразу же оказался в лесу.

Кикаха огляделся кругом и застонал. Деревья были точь-в-точь такие же, как на планете Манату Ворсион. Не успел он опомниться, как его окружили рослые коричневые люди с прямыми блестящими черными волосами, приплюснутыми носами и монгольской складкой у черных глаз. Их длинные копья были нацелены на Кикаху.

— Эй, я друг Великой Праматери! — сказал он. — Вы меня не узнаете?

Они явно видели его впервые, но ничего не ответили. Кикаху под конвоем провели по лесу. Через час они вышли на поляну, в центре которой стояло гигантское дерево — жилище «Владычицы нашей». Пленника впихнули в древесный дворец и по винтовой лестнице доставили на шестой этаж к большой закрытой двери. Стража удалилась.

— Можешь войти, — раздался из-за двери голос Манату Ворсион.

Кикаха толкнул полированную черную дверь. В глаза ему ударил яркий свет. Он сощурился и увидел громадный круглый стол, стоявший посреди роскошно обставленной комнаты. За столом в мягком кресле восседала лицом к двери великанша. По обе стороны от нее сидели Эрик Клифтон и Хрууз.

— В моей жизни было немало сюрпризов, — сказал Кикаха, — но такого я не припомню. Как, черт возьми, вы оба попали сюда?

— Присаживайся, — махнула рукой великанша. — Угощайся. Выпей и расскажи нам о своих приключениях в Пещерном мире. Мне следовало бы позволить тебе помыться и отдохнуть перед обедом, но нам не терпится услышать, что ты сумел там разузнать.

Кикаха сел в уютное кресло, и на него внезапно навалилась усталость. Но глоток желтого вина из деревянного кубка мгновенно ее прогнал. Кикаха принялся за обед и рассказ одновременно.

Закруглившись, он сказал:

— Вот и все. Теперь Рыжий Орк сможет попасть на Пещерную планету. Найдет ли он там то, что ищет, это

другой вопрос. Но как он сумел отыскать дорогу — ума не приложу.

— Скорее всего, он проследил за твоим переходом из моего убежища в мир Зазеля, — произнес Хрууз. — И мне это не нравится. Похоже, у него появились средства слежения, которых не было прежде. По крайней мере, насколько я могу судить.

— Он может вычислить проход и в мою вселенную, — сказала Манату Ворсион. — Особенно теперь, когда у него есть рог.

— Надеюсь, такого устройства, каким я пользовался в Нежеланном мире, у Рыжего Орка все-таки нет, — заметил Кикаха. — О'кей, я рассказал вам свою историю. Но как вы трое собрались вместе?

— Это была идея Хрууза, — ответила Великая Праматерь. — Он послал ко мне Эрика Клифтона с предложением объединить наши усилия в борьбе против Рыжего Орка.

— И я же настроил врата, ведущие из мира Зазеля, таким образом, чтобы ты сразу оказался здесь, — добавил Хрууз.

— Стало быть, твоя вселенная сейчас открыта? — спросил Кикаха. — Рыжий Орк...

— ...попытается проникнуть в нее, — закончила за Кикаху властительница. — Но он не знает, что она открыта. К тому же Хрууз установил ловушки.

Лицо Хрууза, столь непохожее на человеческое, искалось совершенно человеческой досадой.

— По-моему, Кикаха обращался ко мне, — буркнул чешуйчатый. — Я мог бы сам ему ответить.

— Если я обидела тебя, — изумленно округлила глаза великанша, — то прошу прощения. Хотя я ни сном ни духом не хотела тебя оскорбить.

Кикаха улыбнулся. Между двумя союзниками уже возникли трения, пускай пока по мелочам. Манату Ворсион привыкла делать все, что ей хочется, в том числе и перебивать людей на полуслове. Хрууз же явно не привык, чтобы с ним обращались как с подчиненным. А для Манату Ворсион все окружающие были подчиненными. Разве не была она «Владычицей нашей», Великой Праматерью, Прародительницей всего сущего? Разве не преклонялись перед

ней все живые существа в ее вселенной? Даже Рыжий Орк не осмеливался нападать на нее до сих пор. А если теперь и осмелился, то лишь потому, что она сама объявила ему войну.

— Надеюсь, я не нарушу этикет, попросив слово? — произнес Кикаха, стараясь, чтобы в голосе не прозвучала ирония. — Мне кажется, лучшая защита от Рыжего Орка — это нападение. Не стоит ждать, пока он ворвется в твою или какую-то другую вселенную. Нам нужно выступить против него во всеоружии.

— Мысль хорошая, хотя и не новая, — заявила великанша. — Мы уже решили, что это лучшая стратегия. Мы также пришли к единому мнению, что ты будешь нашим авангардом.

— К роли пушечного мяса мне не привыкать, — откликнулся Кикаха. — Я начал играть ее во время Второй мировой войны на Земле, когда был совсем юнцом, и продолжаю до сей поры. Но я не согласен быть просто пешкой. Я настаиваю на равноправном членстве в военном совете. Думаю, я это заслужил.

— Ни у кого из нас и мысли не было лишить тебя равноправного членства, — спокойно проговорила властительница. — Но как показывает практика тысячелетий, военные советы годятся лишь на то, чтобы давать советы. В армии должен быть единовластный командир — полководец, принимающий мгновенные решения, чьим приказам любой солдат должен повиноваться беспрекословно, даже если их целесообразность вызывает у него сомнения.

У тебя, Клифтон, нет военного опыта. Ты, Кикаха, по натуре воин-одиночка — превосходный, возможно, даже непревзойденный в непосредственном сражении с врагом. Но ты не стратег, вернее, у тебя нет опыта в выработке стратегических планов. Ты, Хрууз, для нас величина неизвестная, хотя то, что ты сумел выжить, когда уничтожили весь твой народ, свидетельствует о твоей незаурядной ловкости. Кроме того, ты для нас бесценный кладёз научных и технических познаний. Но ты мало знаешь о людях, об их прошлом и настоящем. Да и опыта как у командующего армией у тебя никакого. — Манату Ворсион сделала паузу, набрала в грудь побольше воздуха и заклю-

чила: — Так что вполне очевидно, кто должен быть командиром. У меня есть все ваши достоинства плюс достоинства, которыми вы не обладаете.

На минуту воцарилось молчание. Потом Кикаха сказал:

— Мне на командирскую должность плевать. Она не в моем стиле. Я только настаиваю, чтобы меня не считали жертвенной пешкой на шахматной доске. А во время сражения я принимал и буду принимать свои собственные решения, правильные или неправильные, даже если они будут идти вразрез с приказами. Солдату на поле боя виднее, что требуется в данный момент.— Он перевел дух и посмотрел великанше прямо в глаза: — У меня в горле застряла кость и мешает мне дышать. Нам с тобой придется вместе вытащить ее.

— Знаю,— отозвалась властительница.— И если бы ты об этом промолчал, я перестала бы тебя уважать.

— Тогда я расскажу Клифтону и Хруузу о том, что не дает мне покоя. Ты послала меня в Нежеланный мир, чтобы найти врата в мир Зазеля, и дала мне детектор, определяющий местонахождение врат. Но ты не сказала, что это вовсе не детектор, а мина-ловушка. Ты знала, что через определенное время она взорвется. И...

— Нет. Она должна была взорваться только тогда, когда поблизости окажется Рыжий Орк или один из его клонов. И не сразу, а через некоторое время. У меня не было образца электрического поля, излучаемого кожей Рыжего Орка, как и данных о его массе. Но я вычислила его массу приблизительно, основываясь на твоих собственных описаниях. Думаю, что погрешность не превышала одного фунта.

— И тебе было плевать, если я погибну тоже! — взорвался Кикаха.

— Нет. Мне совсем не было плевать. Поэтому я настроила бомбу так, чтобы она сработала лишь тогда, когда человек, отобравший ее у тебя, удалится на некоторое расстояние. В общем, когда ты будешь вне опасности.

— Но ты же не могла знать, кто отберет у меня детектор! А если бы это оказался не Рыжий Орк?

— В любом случае так поступить мог только твой враг.

— Ну что ж,— проговорил Кикаха уже более спокойно.— Наверное, ты ждешь от меня извинений за беспочвенные подозрения. Я действительно подозревал, что тебе все равно, погибну я или нет, лишь бы Рыжий Орк сыграл в ящик.

— Сыграл... во что?

— Это идиома — она означает «погиб».

— Ясно. Нет, я не жду от тебя извинений. Ты ни в чем не виноват. Ты знал не все факты...

— Я знал очень мало фактов,— пробормотал Кикаха.— Фактически почти ни одного.

— Так или иначе, мне пришлось подвергнуть твою жизнь некоторой опасности. Но тебе к этому не привыкать. К счастью, тебя просто оглушило.— Великанша взглянула на остальных: — Вы согласны признать меня полководцем?

— Ты представила вполне логичные основания,— пожал плечами Хрууз.— Мне нечего возразить.

— А я благодарю даже за право голоса,— отозвался Клифтон.— Кто я такой, чтобы мое мнение интересовало столь могущественных особ?

— Кикаха?

— Согласен.

— Отлично. Тогда слушайте, что мы предпримем дальше.

Глава 15

Кикаха находился на Земле-2 — одной из планет, принадлежащих Рыжему Орку.

Где именно — этого он не знал. Великая Праматерь перебросила Кикаху через врата в район Земли-2, соответствующий Калифорнии на Земле-1.

— Рыжий Орк запретил властителям появляться на обеих Землях,— сказала ему Манату Ворсион.— Но, как тебе известно, другие властители, в том числе Ядавин и Ана-на, создали врата, ведущие на обе планеты, и время от времени бывали там.

Я давно открыла возможные проходы на Земли, просто не пользовалась ими. Врата выведут тебя на Землю-2

как можно ближе к тому месту, где, по твоим предположениям, находится дворец Рыжего Орка. Хотя возможно, что он засек эти ворота и установил в них ловушку.

— Что ж, дело привычное.

Кикаха приготовился шагнуть через глиндглассу, и тут Великая Праматерь обняла его. На несколько секунд он зарылся головой в долину меж ее грудей. Ах, до чего же восхитительное ощущение!

Разжав объятия, великанша оттолкнула его на длину руки — немалую длину, надо заметить.

— Ты единственный мужчина, отвергший меня.

— Из-за Ананы.

— Я знаю,— кивнула Манату Ворсион.— Но в конце концов ты все равно разделишь со мной постель.

— Мне не хочется сейчас думать о конце — ни о твоём, ни о моем.

Она рассмеялась:

— И ты единственный мужчина, которого я могу простить. Впрочем, ты ведь тоже простил меня, когда я без предупреждения подвергла опасности твою жизнь. Ступай, и пусть удача Шамбаримена сопутствует тебе.

Удача подвела-таки однажды легендарного создателя рога, но Кикаха не стал упоминать об этом. Он шагнул сквозь мнимое зеркало в напоенную теплом каменистую пустыню со скудной растительностью. Огляделся — а вокруг лишь парочка канюков, сорная трава, валуны да крутые отвесные скалы, вздымающиеся ввысь. Где и когда он их видел?

На небе ни облачка. Судя по высоте солнца над горизонтом, здесь около десяти часов утра. Температура чуть выше семидесяти пяти градусов по Фаренгейту.

Великая Праматерь не могла в точности сказать, насколько близко окажутся ворота от территории, соответствующей на Земле-1 Лос-Анджелесу. И Кикаха представления не имел, в какую сторону идти.

«Вечно все приходится решать самому»,— подумал Кикаха. Но именно это ему и нравилось.

Из скалы Кикаха появился лицом к западу. Значит, слева был юг. Кикаха всегда предпочитал ходить налево — это приносило ему удачу. В конце концов, если выбран-

ное направление окажется неправильным, можно развернуться и пойти назад. Кикаха спустился по крутой скале, оскальзываясь, но не падая, и наконец добрался до более или менее ровной местности. По пути он всполошил черную, как уголь, змею, чье настороженное шипение наполнило его душу теплом. Как-никак, почти родная Земля. Хотя когда он в последний раз был на своей настоящей родине, Лос-Анджелес ему не понравился. Слишком много народу, слишком много машин, шум, давка и грязный воздух.

Чуть позже Кикаха наткнулся на громадного тарантула. Его крохотные злобные глазки напомнили путнику о многочисленных врагах, не раз встававших у него на пути в разных вселенных. Это воспоминание тоже согрело его душу. Столкновения с врагами закалили Кикаху; в сущности, он должен быть им благодарен. Жаль только, все они мертвы. И он не сможет сказать им «спасибо».

Широкополая шляпа защищала голову Кикахи от солнца. Темно-бордовая рубаша с расстегнутым воротничком, кожаный ремень, мешковатые черные брюки, черные носки и крепкие походные башмаки составляли его остальной гардероб. На боку — кобура с лучеметом, с правой стороны пояса — фляга, полная воды. И, конечно же, неизменный рюкзак, набитый всем, что могло пригодиться в этом путешествии.

Пройдя немного по тропе, Кикаха остановился. Ну конечно! Теперь он узнал, где находится! Эти живописные скалы — сколько раз он любовался ими в вестернах! Горы Васко пользовались заслуженной популярностью у режиссеров. Значит, идти ему надо на юг, хотя и неизвестно сколько. Кикаха решительно устремился в направлении тридцатой параллели.

Впереди лежал район, который на Земле-1 назывался округом Лос-Анджелес. География обеих Земель совпала, но архитектура и обитатели были различны.

Чуть погодя Кикаха вышел на широкую дорогу с наезженной колеей. Отшагав по ней миль пять, он услышал за спиной какой-то шум. Оглянулся — и увидел в полумиле к северу облако пыли, клубившееся под копытами коней. Шлемы всадников сверкали на солнце. Двое наезд-

ников, скакавших впереди кавалькады, держали высокие пики с развевающимися на ветру штандартами. Солнечные блики, пляшущие на кончиках копий, заворожили Кикаху и разгорячили в жилах кровь. Перед глазами проплыли лихие набеги, совершенные вместе с медвежьим народом в Америке, на одном из уровней Многоярусного мира. Вспомнились ему и рыцарские турниры в Дракландии, на той же планете. В ушах запели звонкие призывы военных рожков.

Но меньше всего ему сейчас хотелось быть взятым под арест солдатами. Его одеяние покажется им странным. Если они устроят допрос, он не сможет связать и двух слов на их языке. А любой подозрительный незнакомец на этой планете автоматически попадал в каталажку.

Местность по левую руку была равнинной, но до высохшего русла реки оставалось, футов сорок. Скалы по правую руку вздымались в полусотне футов. Кикаха рванул к руслу, надеясь, что кавалеристы его не засекут. Правда, раз он их увидел, что мешает им заметить его? Скверно, но делать нечего. Остается только бежать и надеяться на удачу.

Кикаха спрыгнул на дно сухого русла, тут же повернулся и взглянул на берег, прячась за листьями полыни. Вскоре всадники со штандартами проскакали мимо. На малиновых полотнищах колыхалось изображение бурого медведя с более длинными, чем у гризли, лапами и более короткой мордой.

Наверное, гигантские тупорылые медведи, вымершие на Земле-1, здесь сумели выжить, подумал Кикаха.

Офицеры, скакавшие вслед за авангардом, были чисто выбриты и носили круглые шлемы с пластинками, прикрывавшими носы. Сзади шлемы изгибались, защищая шею, а сверху были увенчаны черными плюмажами, напоминая обмундирование древнегреческих воинов. Кроме того, на всадниках были темно-фиолетовые плащи и малиновые туники, расшитые спереди золотом, а также кожаные сандалии, надетые на босу ногу. С широких, украшенных малиновыми камнями поясов свисали ножны с короткими мечами. Кирасы наподобие тех, что носили испанские конкистадоры, гремели в корзинах, при-

тороченных к седлам. В такую жару облачались в них, видно, лишь перед боем.

Вообще-то солнце пекло так сильно, что и шлемы казались лишними. Но, по-видимому, воинский устав не позволял их снимать ни при каких обстоятельствах.

Пехотинцы сжимали в руках копыя, а с поясов у них свисали в ножнах длинные мечи. Они были так же чисто выбриты и смуглы, как и офицеры. Но, в отличие от коротко стриженного начальства, рядовые носили волосы до плеч — длинные, темные, волнистые, они свободно развевались на ветру. И все же солдаты не походили на жителей Средиземноморья. Широкие лица с выдающимися скулами, слабо выраженные монгольские складки на веках и длинные носы указывали на то, что среди их отдаленных предков были американские индейцы.

За ними шагало около сорока лучников.

Позади солдат тащился обоз — кучка мужчин и женщин, кто на конях, кто на груженных фурах. Все без исключения в широких мягких шляпах с высокими тульями, некогда желтых, а теперь просто грязных и заляпанных жирными пятнами. Разноцветные запыленные туники, никакого оружия. Уж они-то, без сомнения, принадлежали к индейской расе и были слугами или рабами. Обоз сопровождали несколько копьеносцев и лучников.

— У них есть лошади, — пробормотал Кикаха, — а мне необходима лошадь. Ergo*, я ее добуду. Хотя здесь, наверное, тоже вешают за конокрадство, как на старом добром Западе. Ну, да я не в первый раз ворую лошадей. И, надеюсь, не в последний.

Отряд прошел мимо, пыль улеглась, и Кикаха, убедившись в том, что солдаты не собираются за ним возвращаться, снова вышел на дорогу. Шагал он по ней около часа, а солнце палило все нещадней. Увидев двух всадников, спускающихся впереди с холма, Кикаха прибавил шаг. Когда они выехали на дорогу, то оказались всего в сорока футах от него. Кикаха окликнул незнакомцев, и те придержали коней.

* Следовательно (лат.).

Ребята на вид были крутые — круче некуда: такие же шляпы, как у рабов в обозе; черные, усыпанные крошками бороды по грудь; черные свирепые глазки; обветренные лица с ястребиными носами, не знающие, что такое улыбка. Одеты в грязные голубые туники и высокие, по бедра, сапоги. За плечами колчаны со стрелами, тетива на луках туго натянута. В ножнах длинные мечи и кинжалы.

Кикаха снял рюкзак и вытащил из него маленький слиток золота. Протягивая его, он указал другой рукой на ближайшего коня:

— Я дам тебе это за лошадь.

Они, разумеется, не поняли слов, зато поняли жесты. Перебросившись парой фраз, всадники повернули коней и устремились к Кикахе, обнажив мечи. Он предвидел такой поворот, поскольку выглядели они настоящими разбойниками. Парализующий луч выбил обоих из седла. Кикаха поймал одного коня за поводья, и тот, проташив его по земле несколько футов, остановился. Вторая лошадь ускакала прочь. Скинув всю свою одежду, за исключением брюк, и напялив вонючие сапоги и тунику более рослого наездника, Кикаха пришпорил коня. Он прихватил с собой также лук и колчан. Брюки он не снял, чтобы не стереть до крови ноги. Рядом с лежащими в отключке бандитами Кикаха бросил золотой слиток. Они его не заслужили, ну да черт с ними.

Путешествие верхом оказалось значительно более долгим, чем хотелось бы, потому что Кикаха боялся загнать коня и должен был позаботиться о его кормежке. По мере приближения к городу движение на дорогах становилось оживленнее. Туда ехали фермерские фургоны, груженные снадью, а обратно катили, громяхая, повозки с баулами накупленных товаров. Кикаха проскакал мимо каравана рабов, в основном индейцев и индианок, скованных железными ошейниками и цепями. Дети, правда без цепей, следовали за родителями. Кикаха пожалел несчастных, но сделать для них ничего не мог.

В конце концов он выехал на дорогу, ведущую прямо в город, до которого оставалось еще несколько миль. Кикаха обменял несколько золотых слитков на местные деньги: круглые медные и серебряные монеты различной

величины и достоинства. На каждой монете был выгравирован профиль какого-то местного правителя, а по краю, рядом с ободком, бежали три слова, написанные неизвестными буквами.

По местным меркам город был большой. Одна-полторы тысячи жителей, как прикинул Кикаха. На окраинах стояли вразброс убогие домишки. Чем ближе подъезжал Кикаха к океану, тем гуще становилась застройка, хотя до берега оставались еще мили. Там и сям среди трущоб и жалких лавчонок располагались огороженные заборами поместья с величественными особняками. Грязные улочки, похоже, были проложены коровами, которых гнали на водопой. По таким улочкам Кикаха проехал примерно половину местности, называвшейся на его Земле Голливудскими горами. Потом улицы стали прямее, кое-где попадались даже вымощенные большими обтесанными камнями мостовые.

Время от времени вдоль дороги мелькали высокие квадратные здания из белого камня, увенчанные двойными куполами. К особнякам вели широкие лестницы с колоннами, украшенными изображениями троллей, драконов, львов, медведей и, как ни странно, слонов. Или то были мамонты? Улицы здесь были немощенные, а в узких желобах по обочинам плескались вонючие помои. Возможно, ближе к берегу снова начинались каменные мостовые, но у Кикахи не было времени, чтобы в этом удостовериться.

Городской смог можно было сравнить разве что с лос-анджелесским; над долиной из тысяч кухонных очагов стлались густые клубы дыма.

Кикаха скакал, проверяя окрестности детектором врат. Огонек в детекторе не вспыхнул, пока Кикаха не прочесал почти все «Голливудские горы». В отличие от гор, которые он видел на Земле в 1970-м, здешние склоны были почти пустынные, если не считать горстки особняков. Один из них, на самой вершине горы, вспыхнул в детекторе светлым пятном. Врата.

Большой белый дворец с двойным куполом стоял на том самом месте, где на родной планете Кикахи располагалась обсерватория Гриффита. Если ему не изменяла

память, в Лос-Анджелесе дорога к обсерватории вела через парк. Вполне возможно, что на этой планете к замку проложена частная дорога. Выяснить это можно было лишь одним способом.

На поиски пути ушло несколько часов, поскольку Кикаха не мог обратиться за разъяснениями к прохожим. В конце концов он набрел на грязную тропу, которая вывела его к дороге, мощенной большими плоскими булыжниками. Дорога вела к океану и к подножию горы. Но тропа, выходящая к вершине, была опять-таки грязной и немощенной. Кикаха неспешно поскакал по ней. Коню было слишком трудно одолеть крутой склон галопом или даже кентером.

Трясаясь по узкой аллее, обсаженной с двух сторон деревьями, Кикаха усиленно думал, что же ему предпринять, когда он окажется вблизи особняка. Рыжий Орк, время от времени живший в здании, скорее всего, оставался для большинства горожан таинственным незнакомцем. Подкупил, надо думать, кого-нибудь из местной знати и приобрел под их поручительство земельную собственность. Живя на Земле-2, он мог почти безвылазно сидеть в своих владениях. Дворец явно хорошо охраняется, а входные ворота в здании как пить дать оснащены ловушками.

Впрочем, тоана здесь могло и не быть. По слухам, на Земле-2 у него было несколько замков на разных континентах, и ворота переносили его из одного региона планеты в другой в мгновение ока. Шпионы доносили властителю о состоянии дел в интересующей его стране, к тому же он наверняка просматривал местную прессу.

Создатель и тайный наблюдатель обеих Земель, Рыжий Орк придерживался политики почти полного невмешательства в дела людей. Планеты были его лабораториями. В них он воссоздал свою собственную планету — геологический и географический образ родного, ныне погибшего мира, причем скопировал самое начало каменного века.

Рыжий Орк создал искусственных людей, потом клонировал их и поселил одних на Земле-1, а других — на Земле-2. Население обеих планет было абсолютно идентичным по генетическому строению и жило в идентичных

географических условиях. И те и другие пребывали в одинаково первобытном состоянии, и соответствующие племена говорили на одном и том же языке. То есть племена, жившие, к примеру, в Алжире на Земле-1 и в том же районе на Земле-2, могли понять друг друга с полуслова.

Рыжий Орк наблюдал за племенами обеих Земель в течение последних двадцати тысячелетий. Или тридцати, как утверждали некоторые тоаны, но точную цифру знал, пожалуй, только Рыжий Орк. Как бы там ни было, он следил за предысторией и историей землян на обеих планетах. Это не значит, что он занимался наблюдением беспрерывно. Просто время от времени властитель навещал обе планеты, чтобы обновить информацию или же провернуть какое-нибудь гнусное дельце.

Две Земли наглядно демонстрировали расхождения в развитии одного и того же вида. Несмотря на то что вначале каждое племя было точной копией своего аналога на другой планете, то есть у них совпадали не только физические типы, но и языки, обычаи и даже имена, двадцать тысяч лет спустя отличия стали разительными.

Но Кикахе некогда было заниматься сравнительным анализом здешних обитателей и жителей Земли-1. Рыжий Орк мог держать его под колпаком с помощью шпионов. Тоан, как известно, рисковать без нужды не любил и тщательно охранял свои тылы. Слухи о появлении Кикахи на Земле-2 могли достичь ушей властителя уже несколько дней назад.

Что ж, чему быть, того не миновать.

На полпути дороге Кикахе преградил высокий каменный забор, поднимавшийся дальше в гору. Возле ворот стояла дюжина вооруженных людей. Кикаха повернул назад и поскакал обратно в город. Там за небольшую мзду ему удалось пристроить на постой коня. Хозяин конюшни не страдал излишним любопытством. Здесь, в портовом городе, появление иноземца не вызвало удивления, даром что конюшня находилась в нескольких милях от центра.

А может, хозяину велел помалкивать агент Рыжего Орка?

Кикаха вновь подошел к подножию горы и углубился на несколько ярдов в лес. Там он дождался ночи, то подре-

мывая, то перекусывая из собственных запасов и попивая из собственной фляги. Хотя теоретически он обладал иммунитетом против любой болезни, ему не хотелось рисковать и пробовать местную пищу и воду. Наконец наступила долгожданная полночь. Небо было затянуто облаками. Но Кикаха надел головной прожектор и очки ночного видения и пошел по склону, петляя меж деревьями на некотором удалении от дороги, пока не добрался до забора. Десятифутовая высота забора не смутила Кикаху — он забросил веревку с крюком и ловко вскарабкался наверх.

Подтянув к себе веревку, Кикаха вытащил из рюкзака детектор для обнаружения сенсорных устройств, которым снабдил его Хрууз. На территории, прилегающей к забору, детектор ничего не обнаружил. Впрочем, это значило только, что установленные там сенсорные устройства неактивны. Здесь могла быть уйма пассивных детекторов, замаскированных под камни или древесную кору. Ну и черт с ними, решил Кикаха. Вперед и вверх!

Он спустился с забора на землю и отцепил крюк. Смотав веревку и прицепив ее к поясу, он полез наверх по отвесному склону. Вскоре склон стал более пологим. Кикаха снова обшарил местность на предмет сенсорных устройств. Лампочка на детекторе по-прежнему не загоралась.

Забравшись на верхушку второго каменного забора, Кикаха опять включил детектор. На сей раз индикатор зажегся. Кикаха настроил прибор на определение частоты сенсоров, а затем подкрутил до той же частоты боковой циферблат и нажал на кнопку, утопленную в стенке прибора. Индикатор мгновенно погас. Теперь прибор поглощал излучаемые Кикахой волны, так что сенсорные устройства были бессильны зарегистрировать его присутствие. Правда, оставался риск, что эту операцию могла засечь сигнализационная система в замке Рыжего Орка.

«Словно плывешь в крохотном каноэ по реке неопределенности,— подумал Кикаха,— а днище протекает и весла того и гляди переломятся. Но если лодка пойдет ко дну, можно пуститься дальше вплавь».

Кикаха смахнул со лба пот и напился из фляги. Начальный запас воды он давно уже опустошил и много раз наполнял флягу из чистых ручьев, сбежавших по склону. Продираясь сквозь густой кустарник, Кикаха заметил свет в верхних этажах особняка и остановился. На первом этаже окна были закрыты ставнями. Как и особняки в долине, здание было построено из белых каменных блоков.

Кикаха снял очки ночного видения и, обернувшись, посмотрел вниз. Долину поглотила тьма, лишь кое-где мерцали разрозненные огоньки — скорее всего, скопления факелов. Кикаха пошел по тропинке к восточной части здания. Гравиевая дорожка вилась меж клумбами по ровной земле. В сорока футах от дома начиналась лужайка. Поглядывая то и дело на детектор, Кикаха крадучись дошел до угла здания и высунул голову. Со стороны фасада виднелось широкое крыльцо, освещенное настенными факелами. Вдоль переднего края крыльца выстроилось семь колонн с резными фигурами.

Перед дверью восьмифутовой высоты стояли два стражника с копьями.

Две минуты ушло на то, чтобы оглушить их лучеметом, связать руки и ноги и сунуть во рты по кляпу. Кикаха не знал, когда придет время смены караула, да это его и не волновало. На большой железной двери не было никакого замка. Но когда Кикаха толкнул дверь, она не поддавалась — очевидно, была заперта изнутри. Луч, выпущенный из оружия, прошел дверь и большой деревянный прямоугольный засов за нею насквозь.

Расплавленное железо зашипело, засов и металлическая скоба с лязгом упали на пол. Кикаха отпихнул их в сторону и вошел в ярко освещенный зал, способный вместить в себя средней величины корабль. Иллюминация, естественно, без видимого источника, как и положено по тоанской технологии. Сбоку из вентиляционного отверстия в стене дул холодный воздух.

Никто не прибежал, чтобы преградить доступ в дом. Обыскав первый этаж и не обнаружив ни единого стражника, Кикаха поднялся по широкой лестнице на второй этаж. Там он нашел комнату, где Анану подвергали про-

цедуре стирания памяти. В комнате было пусто, как и на первом этаже. На третьем тоже не оказалось ничего интересного, кроме света, вспыхнувшего на индикаторе детектора. Врата здесь были на каждом этаже, всего Кикаха насчитал десять штук. Рыжий Орк любил, чтобы под рукой было множество выходов на крайний случай.

На «чердаки», то есть внутрь двух куполов, можно было проникнуть сквозь люки, расположенные в потолке третьего этажа. Кикаха не ожидал найти там что-то стоящее — и ошибся. На обоих чердаках стояло по воздушному катеру. Если бы в случае опасности Рыжий Орк не успел добраться до врат, он мог удрать на одном из катеров. Кикаха забрался в кабину катера и внимательно изучил контрольную панель, после чего завел мотор и нажал на кнопку, открывавшую в куполе люк. Часть купола сдвинулась в сторону, обнажив затянутое облаками небо.

Катер поднялся, направляясь к отверстию. Кикаха собирался вернуться в горы Васко и пройти через тамошние врата в мир Манату Ворсион. Вратами замка он не воспользовался, поскольку был уверен на сто процентов, что все они с ловушками. Похоже, Рыжий Орк предусмотрел возможность появления Кикахи в особняке. Странно только, что тоан не установил здесь взрывной механизм, чтобы здание взлетело на воздух, как только в него ступит нога незваного гостя.

Кикаха нажал на педаль акселератора. Катер рванул вперед, прижав пилота к спинке кресла. Конечно, из купола следовало выбирать поосторожнее, но Кикахе уж очень было невтерпех.

Спешка его и погубила. Хотя, возможно, скорость в данном случае не имела никакого значения.

Как бы там ни было, когда в нескольких дюймах от люка появилась мерцающая пелена, тормозить было уже поздно.

— Попался! — крикнул в сердцах Кикаха.

Воздушный катер со свистом промчался сквозь мерцающую завесу — то есть через врата, настроенные Рыжим Орком так, чтобы они открывались, как только к ним приближался катер.

Промчавшись через завесу, Кикаха нажал на две кнопки и включил большие мощные лучеметы-«пушки», расположенные с двух концов катера. Что бы ни ждало его по ту сторону врат, перед такими пушками ничто не устоит. Металл расплавится, а плоть превратится в облачко атомов.

Черта с два! Из пушек, увы, так и не вырвались с ревом лучи, сметающие все на своем пути.

Нужно было проверить оружие, прежде чем пускаться в путь. Рыжий Орк дезактивировал пушки.

Кипя от злости на собственную оплошность, Кикаха тем не менее принял все меры, чтобы не впилиться в противоположную стенку гигантского ангара. Убрал ногу с педали акселератора, до упора повернул рычаг обратного магнитного выброса. Давление было таким сильным, что, казалось, сейчас переломает все кости. Но магнитное поле смягчило удар, и Кикахе все же удалось не врезаться грудью в штурвал. Почти касаясь носом стены, катер остановился.

Кикаха откинул купол кабины и глянул вниз. Катер парил над полом ангара футах в пятидесяти. У задней стены громадного помещения были припаркованы два ряда летательных аппаратов разной величины и судно, размером и формой напоминавшее цеппелин. А впереди стояла дюжина людей с лучеметами, нацеленными на Кикаху. То, что он принял за стену, оказалось верхней частью закрытых ворот ангара.

Из дверцы рядом с воротами вышел Рыжий Орк, встал за спинами вооруженных людей и поглядел вверх. Хотя на таком расстоянии он казался совсем маленьким, голос его прокатился по ангару:

— Медленно посади катер и сдавайся! Иначе я взорву бомбу, которая находится у тебя на борту!

Кикаха пожал плечами и выполнил приказ. Похоже, из этого тупика ему уже не выбраться. Кикаха был уверен, что Рыжему Орку он больше не нужен. Кроме того, хитроумный лебляббий так часто ускользал от тоана, что вряд ли тот захочет рискнуть еще раз.

Хотя, с другой стороны, имея дело с Рыжим Орком — таким же непредсказуемым и изворотливым, как и сам Кикаха, — ни в чем нельзя быть уверенным.

Кикаха вырубил мотор. Потом по команде офицера бросил вперед рюкзак и оружие. Теперь в руки Рыжего Орка попал также искатель врат, что даст ему значительное преимущество в сражении с Хруузом и Манату Ворсион. Кикаха вылез из кабины и постоял с поднятыми руками, пока офицер обшаривал его металлическим детектором. Затем офицер, говоривший по-тоански, велел ему опустить руки и связал кисти за спиной.

Из дверцы вышла женщина и встала рядом с Рыжим Орком. Прекрасная женщина, с прямыми черными волосами, падавшими ниже плеч, в простом красном платье и сандалиях.

— Анана! — крикнул Кикаха.

Она с недоумением взглянула на него и перевела возпросительный взор на тоана.

— Она не знает тебя, Кикаха! — сказал Рыжий Орк, обняв женщину. — Я ей про тебя не рассказывал. Но расскажу обязательно. Она узнает, какой ты злобный и кровожадный убийца. Думаю, ты вряд ли ее заинтересуешь.

Разные беды случались с Кикахой, но эта была горше всех.

Рыжий Орк велел офицеру увести пленника.

— Мы скоро увидимся, — пообещал тоан. — И наша решающая беседа будет в каком-то смысле последней.

В каком-то смысле? Что он имеет в виду?

Анана не отрываясь смотрела на Кикаху. В глазах ее сквозила жалость, но скоро она сменится отвращением, когда лживый тоан поведает ей, какими трусливым подонком был всю жизнь его пленник.

— Не верь ни единому его слову! — крикнул ей Кикаха. — Я люблю тебя! Ты тоже любила меня когда-то и полюбишь опять!

Анана теснее прильнула к Рыжему Орку. Он положил ладонь ей на грудь. Кикаха рванулся вперед, но тут же упал на колени от удара лучеметом по голове. Оглушенного, шатающегося и еле сдерживающего рвотные позывы, пленника увели. На полпути к зданию, которому предсто-

яло стать его темницей, Кикаху чуть было не вырвало, но стражник пинками погнал его дальше.

Несмотря на тошноту, Кикаха озирался, оглядывая окрестности и свою будущую тюрьму. Она стояла на большой прогалине, окруженной деревьями. Деревья росли так густо, что ветви их смыкались, непрерывно двигаясь вверх и вниз и сплетаясь порой вокруг соседних стволов. Казалось, будто они ощупывают друг дружку. Кикаха сразу понял, что это сторожевые деревья. Просто поймают они беглеца или сожрут, в любом случае с таким препятствием приходилось считаться.

Небо стало голубым и чистым, только в самой вышине плавали тонкие перистые облачка. Солнце в точности походило на земное. Это, впрочем, ничего не означало, ибо многие солнца во многих вселенных выглядели как земное. Некоторые и по величине были такими же, а другие могли быть крохотными, зато близко расположенными.

Стражники — рослые голубоглазые парни с коротко стриженными русыми, рыжими и соломенными волосами — были обуты в желтые полусапожки и одеты в мешковатые зеленые шорты по колено, пристегнутые подтяжками к кожаной сбруе на плечах. На широких кожаных ремнях, крест-накрест бежавших по груди, сверкали металлические значки.

Такой формы Кикаха раньше не встречал. Похоже, он по-прежнему был на Земле-2, хотя и в районе, удаленном от Лос-Анджелеса.

Здание, к которому гнали пленника, напоминало по форме луковицу и было украшено с фасада фигурами змей и чертей, сплетенных то ли в схватке, то ли в соитии.

Кикаху провели между двумя взводами стражи через просторное фойе и велели остановиться у двери лифта. Но дверь не открылась. Перед ней появились мерцающие ворота, и пленник вместе с одним взводом стражников шагнули сквозь пелену в просторную кабину лифта. Такой кабины — с раковиной, полотенцами, стульчаком, вращающейся сушилкой, душем, дренажными дырочками в полу и креслом с одеялами — Кикаха еще не видел. Кабина поднялась на несколько этажей. Но когда она остановилась, дверь не скользнула, как ожидал Кикаха, в сторону. Ка-

бина развернулась и быстро помчалась дальше в горизонтальной плоскости.

Наконец она опять остановилась. Взвод промаршировал сквозь замерцавшие в дверном проеме ворота. Как только последний солдат вышел из кабины, ворота исчезли.

Стало быть, кабина была одновременно и камерой. Примерно через час в стене открылось маленькое окошко. Из ниши выдвинулась полка с едой. «О'кей,— подумал Кикаха.— Мне уже и раньше подавали обед таким вот макарон. И в камеры, откуда невозможно сбежать, приходилось попадать, причем не раз».

Кикаха не ел уже несколько часов. И хотя от удара по голове он почти оправился, но чувствовал себя паршиво. В основном из-за того, что Анана не узнала его — и, возможно, никогда не узнает.

Увидев ее в ангаре, Кикаха отметил, что она выглядит значительно моложе. Как будто, хотя он и не замечал этого прежде, каждый век из прожитых Ананой тысячелетий накладывал на ее лицо микроскопически тонкую маску. Ему-то она всегда казалась молодой. Но теперь, когда ей стерли память до самого восемнадцатилетия, разница бросалась в глаза. Анана точно сбросила с плеч бремя столетий — незримое, но тяжкое бремя. К ней вернулась давно утраченная невинность. И лишь Кикаха, знавший ее так хорошо, мог это заметить.

На стене кабины высветился квадрат — померцал, помигал, и на нем появилось изображение. Кикаха увидел Рыжего Орка, сидящего обнаженным в кресле возле стола. За спиной тоана у стены стояла громадная кровать.

Властитель поднял хрустальный кубок, наполненный красным вином, и сказал:

— Последний тост в твою честь, Кикаха. Охота за тобой была увлекательной и занятой. Честно говоря, порою ты меня раздражал. Зато и гоняться за тобой было интереснее, чем за другими. Поэтому я пью за тебя, моя увертливая, но наконец попавшаяся в плен добыча! — Отхлебнув глоток и поставив кубок, тоан, довольный собою, откинулся на спинку кресла.— Тебе удалось сделать то, что мне оказалось не под силу, несмотря на упорные

попытки: ты нашел дорогу в мир Зазеля. Правда, повезло тебе в значительной степени благодаря тому, что я был уже близок к решению проблемы. Ты просто взглянул на нее свежим глазом. И тем не менее я благодарен тебе, а чувство благодарности мне приходилось испытывать крайне редко. Тебе же я должен быть благодарен вдвойне.

Тоан протянул руку в сторону к чему-то за краем экрана. Вновь появившись в поле зрения Кикахи, рука сжимала устройство для поиска врат.

— Я безмерно благодарен тебе за подарок, хотя ты не очень-то жаждал мне его вручить. Так что еще раз большое спасибо.

— И это ты называешь благодарностью?

— Я же не убил тебя, верно? — Тоан глотнул еще вина и продолжил: — Я не знаю, что стряслось с моим сыночком, то бишь клоном, которого я послал за тобой на Пещерную планету. Подозреваю, что ты его убил. Ты расскажешь мне в подробностях, как это случилось.

Отказать тоану в такой просьбе было бы бессмысленно и даже глупо. Рыжий Орк все равно выбил бы из него правду, подвергнув невыносимым мучениям. Кикаха нехотя рассказал о том, как он добрался до планеты и что было дальше, не упоминая только о Клифтоне и Хруузе.

Рыжий Орк не выглядел ни злым, ни разочарованным.

— В общем, я верю твоей истории, — сказал он, — но все равно дождусь подтверждения от моего сыночка Авесалоса, когда он вернется. Впрочем, вернется он или нет, я в любом случае доберусь до планеты Зазеля. И, без сомнения, сумею ее оживить, хотя это потребует времени.

— Времени, которого у тебя нет. Манату Ворсион в конце концов нарушила свое уединение. Отныне ты обрел в ее лице могучего врага.

— Я все равно собирался напасть на нее рано или поздно.

— «Атака раньше времени все равно что конь без стремени», — процитировал Кикаха древнюю тоанскую пословицу.

— Как говаривала Элиниттрия Серебряные Стрелы, «старые поговорки всегда старые, но не всегда верны».

Кикаха уселся в единственное кресло и ухмыльнулся:

— Давай-ка бросим обмен цитатами. Лучше расскажи мне, как ты собираешься расправиться с Манату Ворсион. В конце концов, теперь я уже не смогу ее предупредить. А потом, если тебя не затруднит, обрисуй мою дальнейшую судьбу. Я хотел бы к ней подготовиться.

— Вторую просьбу я уважу, хотя и отчасти,— отозвался Рыжий Орк.— Но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.— Тоан встал и позвал: — Анана! — После чего добавил, обернувшись к пленнику: — Отныне ты сможешь видеть и слышать все, что происходит в этой комнате. Но передача из твоей камеры будет заблокирована.

Через минуту в комнату вошла Анана — обнаженная, как и сам тоан. Подойдя к Рыжему Орку, она обняла его и страстно поцеловала. Тоан подвел ее к кровати.

— Нет! Нет! — взревел Кикаха, треснув кулаком по экрану. Костяшки пальцев разбились в кровь, но Кикаха даже не почувствовал боли. Схватив кресло, он принялся дубасить им по экрану. Ни креслу, ни экрану это не причинило вреда. Тогда Кикаха обмотал голову одеялом и заткнул уши пальцами. Громкость звука тут же увеличилась, и Кикахе было по-прежнему слышно все, что творится в комнате.

Он кричал, стараясь заглушить звуки, пока окончательно не охрип. Наконец звуки стихли. Кикаха сорвал с головы одеяло и взглянул на экран. Тот был пуст и нем. Кикаха с облегчением перевел дух, хотя в мозгу продолжали звенеть голоса, а перед глазами плыли мысленные образы.

Экран внезапно осветился, замерцал и снова ожил. Это было воспроизведение записи. Рыжий Орк явно намеревался крутить ее снова и снова, пока Кикаха не впадет от ярости в буйное или тихое помешательство.

Кикаха сжал зубы, придвинул кресло к стене и с каменным лицом уставился на экран. Он не был уверен, что сумеет вспомнить те приемы умственного отстранения, которым его научили давным-давно, когда он жил среди племени хроваков — медвежьего народа — в Америке и упражнялся в психологических процедурах под руководством шамана. Много лет прошло с тех пор, но,

как выяснилось, навыки не забылись, как не забывается умение плавать. Упражнения навек отпечатались в сознании и нервных клетках Кикахи.

Теперь главное было как следует сосредоточиться. Это оказалось нелегко. Семь попыток окончились неудачей. Тогда Кикаха сконцентрировал внимание на экране и не отрывал от него взгляда несколько часов. Если Рыжий Орк наблюдал за ним — в чем у Кикахи не было сомнений, — реакция пленника наверняка изумила его.

Просмотр фильма измучил Кикаху до изнеможения. По щекам его катились слезы; грудь точно наполнилась кипящим свинцом. Но Кикаха не отрывал от экрана глаз. Через какое-то время боль начала стихать. Потом ему сделалось скучно. Он сумел абстрагироваться и воспринимал происходящее на экране как обыкновенную порнографическую картину с незнакомыми актерами. Раздражало только, что один и тот же фильм крутили и крутили без конца.

Теперь он готов был начать внутренний ритуал. И на сей раз попытка увенчалась успехом. Экран внезапно исчез. Хотя на самом деле он по-прежнему светился на стене, Кикаха не видел его и не слышал звуков. Он отключил свое сознание.

«Старый мудрый знахарь Абсакосо! — думал он. — Я так тебе обязан!» Но отплатить добром старику, увы, уже не удастся: и знахаря, и все его племя истребил один из врагов Кикахи. Кикаха покарал убийцу, однако мстью медвежий народ не воскресишь.

Прошло три дня. Экран по-прежнему казался Кикахе пустым. Утром четвертого дня картинка внезапно ожила. На сей раз сцена происходила в другой спальне, хотя и с теми же актерами. Было очевидно, что Анана без памяти влюблена в Рыжего Орка. Впрочем, она всегда отличалась пылким темпераментом, а ненавидеть властителя у нее не было причин. О том, что за ней наблюдают, она, естественно, не подозревала.

То ли передача велась каким-то другим способом, то ли Рыжий Орк понял, отчего Кикаха не обращает внимания на фильм, но изображение снова вторглось в сознание пленника. И снова он сидел, часами не отрывая от

экрана глаз, пока картина ему не наскучила. А потом применил систему Абсакосо. Поднявшись с кресла, Кикаха видел перед собой лишь голую стену. Но случайные фрагменты страстных любовных утех то и дело вспыхивали в мозгу. Со временем усталость возьмет свое, и он не сможет больше абстрагироваться от изображения.

На пятый день, усиленно занимаясь умственными упражнениями, Кикаха услышал голос тоана. Он обернулся. Экран светился, но на нем уже не было сцен, чуть было не приведших Кикаху на грань безумия. На экране виднелись лишь голова и плечи Рыжего Орка. «Кикаха растерялся, не сразу сообразив, что произошло. А потом понял: мозг блокирует лишь постельные сцены, все остальное, исходящее с экрана, он готов воспринимать.

— А ты увертливый не только в физическом смысле, — проговорил Рыжий Орк. — Я бы взял у тебя несколько уроков, чтобы обучиться твоим приемам, но у меня есть свои. Поверь мне на слово: я могу выпытать у тебя что угодно, даже не обещая в награду отдых от пыток. А я не сомневаюсь, что часть информации ты от меня утаил. Уж очень довольный — я бы сказал, самодовольный — был у тебя вид. Так что теперь ты заснешь, а когда проснешься, я буду знать все твои секреты. По крайней мере те, которыми тебе так не хотелось делиться.

Экран померк — и все кругом померкло. Очнувшись на кровати, Кикаха понял, что его лишили сознания, возможно с помощью газа, и подвергли допросу. Рыжий Орк впрыснул ему наркотик правды и вытянул из Кикахи все подробности, в том числе о Хруузе. Новости, должно быть, сильно встревожили тоана. Уж чего-чего, а появления чешуйчатого человека он предвидеть не мог.

Пообедав и поставив поднос с грязными тарелками на выдвижную полку, Кикаха обнаружил, что тоан сыграл с ним еще одну злую шутку. На стене светился экран. И вновь Рыжий Орк и Анана бурно предавались на нем любви всеми мыслимыми способами, в том числе и извращенными. Кикаха утрюмо занялся умственной хривакской гимнастикой. Но на сей раз прошло пять часов, а ему так и не удалось заблокировать сознание.

В середине десятого воспроизведения запись вдруг превратилась, и на стене появилась голова тоана.

— Полагаю, до тебя уже дошло, что я нейтрализовал твои приемчики. Гипнотическое внушение, дружок. Приемы ты не забыл, но ты не можешь ими воспользоваться.

Кикаха еле сдерживался, чтобы не шваркнуть креслом об экран. Он даже попытался улыбнуться и сделать вид, что ему все равно. Но вместо улыбки получилась кривая гримаса, а из горла вырвалось глухое рычание.

— Я решил не дожидаться возвращения Авессалоса из мира Зазеля,— продолжал Рыжий Орк.— Наверное, ты правду сказал, что убил его. Это я выясню на месте. Через несколько минут я отправлюсь туда. А когда вернусь, у меня будут все данные о том, как построить машину творения-разрушения. И тогда ты погибнешь, но не один: погибнут все мои враги и вместе с ними миллиарды людей, даже слыхом обо мне не слыхавших. Их вселенные сгинут без следа. Даже мои Земли сгорят дотла в этом изумительном взрыве энергии. Я создал их ради эксперимента, но мне уже ясно, куда заведет человечество эволюция. Обитатели Земли-1 погубят себя сами своим безудержным размножением, безрассудным отравлением почвы, воздуха и воды. Цивилизация рухнет, начнется повальный голод. Немногие уцелевшие одичают, а потом начнут понемногу снова карабкаться к вершинам цивилизации, науки и техники, чтобы история повторилась сначала.

Со временем то же самое произойдет и на Земле-2. Зачем мне продолжать эксперимент, если результат уже известен? Я лучше использую энергию разрушенных вселенных для создания новой — и единственной. Это будет идеальный мир. Идеальный для меня, во всяком случае.

Возможно, я возьму в свой новый мир Анану. А может, и нет. Но пока я отлучусь, она скучать не будет. Ею займется мой сыночек Кумас. Она будет любить его не менее страстно, чем меня, ибо не почувствует подмены.— Тоан помолчал и добавил с улыбкой: — А то, что она ее не почувствует, наводит на определенные размышления по поводу настоящей любви, верно? Проблема личностной идентичности — философская проблема. Я бы

с удовольствием обсудил ее с тобой, хотя, боюсь, обсуждение будет недолгим. Ты и впрямь хитроумный, Кикаха, но ты не знаешь тоанской философии. Да и земной, как я подозреваю, тоже. Если копнуть поглубже, ты, в общем-то, обыкновенный дикарь.

Тоан повернул голову и посмотрел куда-то в сторону. Наверное, сверяется с хронометром, подумал Кикаха. Казалось бы, какая ему разница, куда смотрит и что делает тоан? Никакой, конечно, но так уж был устроен Кикаха, что все непонятное вызывало в нем живейший интерес.

Рыжий Орк вновь повернулся к пленнику:

— Ах да! Продолжай наслаждаться фильмами!

Тоан ушел, и на экране тут же появилась комната, в которой Анана и Рыжий Орк — или его клон? — пребывали на вершине экстаза.

Кикаха попытался сделаться глухим, слепым и бесчувственным, как сталь. Но ничего не вышло.

Существует много способов, чтобы содрать с kota шкуру. Или, как гласит тоанская поговорка, испортить воздух можно в разных направлениях. Кикаха применял до сих пор лишь один из трех приемов, которым научил его шаман Абсакосо.

Он сел и снова уставился на экран. Он будет смотреть на него, пока не надоест. А потом начнет представлять себе Анану и Рыжего Орка в виде марионеток, которыми управляют, дергая за ниточки. Через какое-то время они перестанут быть людьми — по крайней мере в его восприятии — и станут просто деревянными куклами с подвижными конечностями.

Но Кикахе было очень трудно игнорировать звуки, которые лились с экрана, усиленные динамиками. Стоны, издаваемые Ананой, все время возвращали его мысли назад, к тем временам, когда они вместе занимались любовью. Он почти уже отчаялся и решил испробовать другой прием, когда экран внезапно опустел.

Через секунду на нем появилось лицо властителя.

— Кикаха! Это я, Кумас, сын Рыжего Орка!

Кикаха вскочил с кресла.

— Да ну? А может, ты и есть Рыжий Орк? Может, ты решил сыграть со мной одну из своих шуточек?

Человек на экране улыбнулся, хотя лицо его осталось напряженным:

— Я тебя не виню. Мой отец взращивает в людях подозрительность, как рыболовы — червей для наживки.

— Если ты и правда его сын... то есть его клон... чем ты можешь это доказать? А даже если и можешь, чего ты хочешь от меня?

— Партнерства. Мой отец отправился на планету Зазеля. Он оставил меня главным, поскольку доверяет мне больше, чем остальным, — насколько он вообще способен доверять. Я всегда был послушен и не выказывал амбициозных устремлений. Он считает меня робким и замкнутым, больше склонным к чтению, писанию стихов и философским размышлениям. Что ж, отчасти он прав. Но я ненавижу его не меньше, чем братья, хотя, в отличие от них, успешно скрываю свою ненависть.

Человек сделал паузу, пытаясь унять учащенное дыхание.

— Ты хочешь, чтобы я помог тебе убить его? — спросил Кикаха.

Кумас шумно сглотнул и выпалил:

— Да! Я много слышал о тебе — в основном от отца, но и из других источников тоже. Мне не хватает уверенности в себе, чтобы одному выполнить задуманное.

— А именно?

Сердце у Кикахи билось как бешеное; ему тоже пришлось напрячь силу воли, чтобы не дышать как загнанная лошадь. Бездна внезапно сменилась надеждой. Конечно, могло быть и так, что тоан просто затеял очередную игру.

— Об этом мы сейчас поговорим. Но сначала я докажу тебе, что я не Рыжий Орк: он никогда бы такого не сделал. Смотри!

На стене рядом с экраном замерцал прямоугольник размером с дверь.

— Шагай через ворота в мою комнату!

Кикаха, хотя и обуреваемый сомнениями, перед таким приглашением устоять не смог. Он шагнул сквозь мер-

цание и очутился в просторной, по-спартански обставленной комнате. На стенах висели полки с книгами, свитками манускриптов и компьютерными дискетами в виде кубиков. С потолка на цепях свисала старинная кровать. У противоположной стены стоял длинный стол.

Кумас — если это и правда был Кумас — стоял посреди комнаты. Лучемер лежал на краю стола, ближнем к Кикахе. Он мог схватить его раньше тоана. Кумас протянул вперед раскрытые ладони:

— Видишь! У меня нет оружия, кроме этого лучемера. И я не стану возражать, если ты возьмешь его. Надеюсь, тем самым я смогу доказать, насколько велико мое доверие к тебе. Оружие заряжено и готово к стрельбе.

Придвинувшись на всякий случай поближе к лучемеру, Кикаха ответил:

— В этом нет необходимости — по крайней мере, пока. Где Анана?

Кумас повернулся спиной к Кикахе и лицом к голой стене над столом.

— Шешму! — проговорил клон, что по-тоански значило «откройся».

Часть стены превратилась в экран, и на нем появилась Анана, купающаяся вместе с другими женщинами в большом пруду. Они плескались в воде и веселились от души. Кикаха отчетливо слышал их возгласы, визги и щебетание.

Кумас произнес еще одно слово, и звук стал потише.

— Как видишь, она вполне счастлива. Мой отец напел ей, что спас ее от Ядавина, когда тот вторгся во вселенную ее родителей, и она поверила каждому слову. Она считает, что ей всего восемнадцать лет, и по-настоящему любит моего отца.

Грудь Кикахи на мгновение снова наполнилась кипящим свинцом.

— Анана! — пробормотал он и добавил: — Что будет, когда она узнает правду? Со временем ей непременно бросятся в глаза несоответствия в его рассказе. Как сможет он помешать ей прочесть исторические хроники или услышать случайно оброненную кем-то фразу, противоречащую его словам?

Кумас поглядел на него с любопытством.

— Я думал, ты в первую очередь заинтересуешься тем, как нам избавиться от моего отца,— сказал он.— Но тебя, похоже, больше волнует Анана. Ты, наверное, действительно любишь ее.

— И без всяких «наверное». Но полюбит ли она меня когда-нибудь?

— Поживем — увидим,— резко ответил Кумас.— А сейчас лучше займемся более важной задачей. Если мы не справимся с ней, у вас с Ананой вообще не будет никакого будущего. Как, впрочем, и у меня.

— Согласен. Хотя мне очень трудно удержаться и не броситься к ней. Очень трудно. Но ты прав. Пускай пребывает в счастливом неведении до тех пор, тюка мы не откроем ей глаза.

Они сели за стол. Кикаха вкратце рассказал тоану свою историю. Когда он упомянул о том, что Рыжий Орк собирается дезинтегрировать вселенные и начать все сначала, сотворив себе новую, Кумас заметно побледнел и задрожал.

— Этого я, естественно, не знал,— проговорил тоан.— Отец рассказал о своих планах тебе одному, поскольку был уверен, что ты не сможешь проболтаться.

— Оставим эту тему на потом,— предложил Кикаха.— Кстати, сколько твоих братьев осталось в живых?

— Вместе со мной — четверо, если только ты и вправду не убил Авессалоса.

— Ну конечно убил.

— Тогда, значит, трое. Всего нас было девять. Теперь остались Ашателон, Вематол и я. Братья настойчиво рвутся сопровождать нас в Пещерный мир. Они хотят принять участие в убийстве отца.

— Чем дальше, тем занятнее,— пробормотал Кикаха.

Но думал он о том, что не может доверять ни одному из клонов, хотя Кумас, похоже, отличался от прочих. Не исключено, что Рыжий Орк побаловался какими-нибудь генетическими экспериментами. Или же влияние окружающей среды оказалось более сильным, нежели предполагал властитель. В любом случае придется держать ухо востро, хотя братья вряд ли нападут на Кикаху, пока

Рыжий Орк будет жив. Они боятся отца и нуждаются в лидере, который не ведает страха. И лишь потом, как шакалы, помогавшие льву на охоте, они могут наброситься на Кикаху.

— По крайней мере четверых моих братьев отец сам послал на верную смерть,— продолжал между тем Кумас.— Кентрита, например, он отправил в мир Хрууза с бомбой в рюкзаке, о чем мой брат даже не подозревал. Да и мы ничего не заподозрили, пока отец сам не рассказал. Он просто помирал при этом со смеху. Казалось бы, натерпевшись от собственного папаши, он мог бы относиться к нам получше. Да где там! Лос, похоже, так исковеркал его душу, что он получает особое наслаждение, измываясь над собственными сыновьями. Порой мне чудится, будто он сотворил нас, чтобы терзать себя самого.

— Как это? — спросил Кикаха.

— Он ненавидит себя, в этом не может быть никаких сомнений. Наказывая нас, он наказывает самого себя. Тебе это кажется слишком надуманным?

— Да нет, все может быть. Но я не уверен. Так или иначе, для нас это ничего не меняет. Ты проверил свою комнату? Здесь нет подслушивающих устройств?

— Конечно проверил. В общем, нас осталось трое. Ашателон и Вематол — люди действия. Как раз такими и хотел нас видеть отец. Я разочаровал его своей пассивностью. Он не может понять, в чем дело: как-никак, я же его генетический двойник! Почему тогда у меня совсем другой характер? Он пытался найти объяснение, но...

— Мы обсудим это потом,— прервал его Кикаха.— Но если мы не остановим твоего отца — а остановить его способна только смерть,— этого «потом» у нас может и не быть.

— Ладно. Сейчас он на Пешерной планете, если только не солгал мне. Я никогда не знаю, когда он лжет, а когда говорит правду. Там он, должно быть, пробудет довольно долго. Оживить умирающий мир — дело не простое. Логичнее всего было бы напасть на него именно там. Но сначала, если это возможно, надо задрать все

тамошние врата, за исключением тех, через которые мы войдем. Ты согласен?

Кикаха кивнул. Но, слушая Кумаса, он не мог удержаться от мыслей об Анане. А вдруг она больше никогда не полюбит его? И тут в голове молнией мелькнула идея. Если все выйдет, как он задумал, Анану можно будет настроить против Рыжего Орка.

— Кумас! — взволнованно воскликнул он. — Послушай! Мы обставим твоего папашу! Во всяком случае, в том, что касается Ананы. Он считает, что предусмотрел все до мелочей, но такого он предвидеть не мог. По крайней мере, я надеюсь. Вот что мы с тобой сделаем перед уходом...

Через час Кумас вышел из комнаты и направился к Анане. Кикаха наблюдал за ними, не отрывая от экрана глаз. К тому времени Анана уже закончила купание и надела зеленое полупрозрачное платье, а волосы собрала в тяжелый узел. Она сидела на скамейке в усаженном цветами саду и читала, глядя на маленький видеозэкран. Когда Кумас подошел к ней, Анана подняла голову. Он протянул ей кубик, который подготовил вместе с Кикахой, что-то сказал и ушел. Анана, нахмурившись, сжала кубик в руке.

Как только Кумас вошел в комнату, Кикаха выключил экран.

— Думаешь, она посмотрит? — спросил он.

Кумас пожал плечами:

— А ты бы удержался?

— Это зависит от того, заставил ли он ее пообещать, что она не станет слушать никаких порочащих его сведений. Если заставил, может, она и не станет смотреть. Но я готов поспорить, что синдром Синей Бороды возьмет верх. Она бросит кубик в щель и включит экран. Я очень на это надеюсь.

— Синдром Синей Бороды?

Кикаха рассмеялся:

— Синяя Борода — это злодей из старинной народной сказки. Он часто женился и убивал своих жен, а потом развешивал их для просушки в запертой комнате. Но ему пришлось уехать из дома, и он отдал своей послед-

ней жене ключ, открывающий все двери в замке, строго-настрого запретив ей совать свой нос в ту единственную комнату.

Само собой, любопытство пересилило долг послушания супругу. После недолгой борьбы с искушением женщина поддалась ему и отперла запретную комнату, где бывшие жены висели на крюках. Бедняжка, естественно, пришла в ужас, поведала обо всем властям, и Синей Бороде пришел конец.

— У нас, тоанов, тоже есть похожая сказка,— откликнулся Кумас.

— Если Рыжий Орк просто приказал ей не обращать внимания на клевету, которой постараются облить его сыновья, она, возможно, послушается. Но если она дала ему слово... Не знаю. По ее мнению, ей восемнадцать лет. Та Анана, которую я знал, едва дождалась бы ухода Рыжего Орка, чтобы выяснить, что он от нее скрывает. Но восемнадцатилетняя Анана, по-видимому, изменилась как личность.

— Мы все узнаем, когда вернемся,— сказал Кумас.— Если вернемся.

Глава 17

— Приехали! — весело воскликнул Кикаха.— Добро пожаловать в страну умерших!

Он вместе с тремя клонами, «сыночками» Рыжего Орка, вновь очутился в том самом туннеле, где впервые увидел мир Зазеля. Но попали они сюда не сразу. Первый шаг из особняка Рыжего Орка был самым простым и привел их во вселенную Манату Ворсион. Великая Праматерь сообщила Кикахе о том, что снова установила прежнюю ловушку, которая однажды перенесла Кикаху в ее мир. Через эту ловушку он мог теперь попасть к ней в любое время.

На планете Манату Ворсион врата, как и прежде, открылись в лесу, окружавшем громадное дерево, в котором жила властительница. И вновь из-за деревьев появились воины и провели путников в замок. После целого ряда совещаний с Великой Праматерью четверка отправилась

во вселенную Хрууза и оказалась в комнате без окон и без дверей, высеченной в скале. Через пару минут ворота перебросили их в тюремную камеру — подземную крепость Хрууза. Чешуйчатый человек соединил все проходы в свою вселенную отводным каналом и вывел его прямым в камеру, что позволило ему закрыть все остальные ворота. Но Эрик Клифтон мог их открыть, когда приборы регистрировали чье-то появление в камере. Сам Хрууз отбыл в мир Зазеля, оставив Клифтона наблюдать за воротами.

Англичанин выпустил четверку из заключения только тогда, когда убедился, что Кикаха не пленник клонов Рыжего Орка. Кикаха сразу же поведал Клифтону обо всем, что с ним приключилось после того, как они расстались. Клифтон, в свою очередь, рассказал ему новости о Хруузе.

— По крайней мере, он туда направлялся, — заметил Клифтон. — Он собирался пройти тем же путем, что и ты.

— Давно это было?

— Десять дней назад. — Клифтон горестно поднял глаза к небу. — Он должен был вернуться через пять. Впрочем, он мог задержаться и попробовать оживить планету. Ведь ни я, ни Хрууз понятия не имели о том, в каком она состоянии.

— Не знаю, что у него на уме, — сказал Кикаха, — но зря он нас не дождался. Может, он решил, что вполне обойдется без нас? Не знаю, не знаю.

— Ты его подозреваешь? — изумился Клифтон.

— Хрууз ничем не доказал, что ему можно доверять. С другой стороны, повода для подозрений он тоже не давал. Ведет он себя дружелюбно и, без сомнения, нуждается в нашей помощи. Вернее, нуждался. Быть может, теперь по какой-то причине мы больше ему не нужны? Хотел бы я знать, что он от нас скрывает?

— Свою ненависть к людям?

— Он ненавидит властителей, как и всякий нормальный человек. Хотя... он же все-таки не человек. Но с чего бы ему ненавидеть лебляббиев? Мы не сделали ему ничего плохого.

— Внешне нас не отличишь от властителей, — сказал Клифтон. — А ненависть — чувство отнюдь не рациональное.

— Но к нам с тобой он неизменно относился по-дружески. Чтобы так успешно скрывать все это время свою ненависть, он должен быть поистине великим актером!

— Чем черт не шутит? Может, так оно и есть. Я не осудил бы его, если б он хоть разочек ругнулся, когда рассказывал о тоанах. Но нет! Видно, самообладание у него железное. Разве это не подозрительно само по себе?

— Трудно сказать,— произнес Кикаха.— Но сейчас мы все равно ничего не можем изменить. Придется идти без него.

Часом позже боевой отряд высадился на планете Зазеля, не зная, какой прием их ожидает в месте назначения. Туннель, однако, был пуст. Правда, одно — зато весьма существенное — отличие Кикаха заметил сразу. По стенам туннеля вновь маршировали загадочные символы.

— Кто-то уже преуспел в попытке оживить этот каменный скелет,— проговорил задумчиво Кикаха.

— Будем надеяться, не Рыжий Орк,— отозвался Кумас.

Чтобы не перепутать друг дружку с Рыжим Орком в решающий момент, когда идентичность личности будет играть важную роль, клоны выкрасили волосы в лиловый цвет. Головы они повязали оранжевыми лентами, а за плечами несли голубые рюкзаки.

— Ясно одно: коль скоро символы снова движутся по стенам, значит, либо Хруузу, либо Рыжему Орку удалось включить компьютер,— сказал Кикаха.— Давайте-ка выясним, кому именно.

На сей раз Кикаха не собирался пускаться в долгий и утомительный путь пешком по туннелю. Четверка покинула особняк Рыжего Орка в складных одноместных воздушных катерах весом по тридцать фунтов каждый. Скорее даже не катерах, а воздушных мотоциклах. Кислородные баллоны и фляги с водой, ящики с припасами и «маленькие пушки», прикрепленные к фюзеляжу у носа, оказались для крохотных моторов хотя и тяжким, но посильным грузом.

Перегруженные флаеры делали не больше тридцати миль в час, однако в замкнутом пространстве туннеля даже такая скорость казалась внушительной.

Инфракрасный свет — Кикаха надел очки ночного видения — придавал туннелю какой-то потусторонний, призрачный вид.

Не прошло и часа, как перед путниками показалась развилка. Кикаха поднял руку и остановил катер.

— Что за черт!

Вход в левый туннель был перегорожен камнем. Символы, дойдя до него, пропадали, хотя по другой стене продолжали бежать вперед.

Кикаха вылез из флаера и обследовал камень. Гладкий, со светящимися прожилками, он совпадал с краями туннеля так идеально, словно вырос прямо из стен. Или же словно кто-то поработал камнеплавящим инструментом.

Кикаха вытащил из рюкзака квадратный приборчик с индикатором глубины на боковой стенке. Прижав его передней частью к камню, он обернулся к своим спутникам:

— Там тридцать футов сплошного камня. За ними пустое пространство — продолжение туннеля, надо полагать. Кто-то поставил здесь камень, чтобы направить нас туда, куда ему хочется.

— Надеюсь, это сделал Хрууз, — раздался из крошечного приемника, прилепленного к челюсти Кикахи, голос Кумаса.

— Я тоже надеюсь. Впрочем, нам ничего не остается, как следовать по маршруту, который кто-то столь основательно для нас подготовил. Мы с тобой, Кумас, полетим как можно ближе к потолку. А вы, Ашателон и Вематол, ведите машины прямо над полом и постарайтесь держаться футами в десяти сзади нас. Так мы обеспечим максимальную боеспособность и в то же время не перестреляем друг друга. Я полечу чуть впереди Кумаса.

Кикахе не очень-то улыбалось подставлять спину тоанам, но ему необходимо было сохранить лидерство. Иначе они сочли бы его трусом. Кумаса он оставил рядом с собой только потому, что не был уверен, сумеет ли тот сориентироваться во время боя без приказа.

Через пять минут все четверо резко затормозили и остановились. Вход в пещеру тоже был блокирован. Но рядом в стене зияло новое отверстие, ведущее в туннель, который

сворачивал направо. Символы как ни в чем не бывало ползли по обеим его стенкам во тьму.

— Вперед и вглубь! — скомандовал Кикаха. — Глаза держать разутыми, а палыцы на спусковом крючке. Но без необходимости не стрелять!

— Если это подстроил наш отец, — сказал Кумас, — с нами все кончено.

— Многие властители говорили так обо мне, установив очередную ловушку, — отозвался Кикаха, — однако я жив, здоров и полон сил, как молодой жеребчик. Враги же мои мертвы, точно львы, напавшие на слона.

— Хвастунишка все равно что воздушный шарик, — заметил Вематол. — Ткни в него — и он лопнет!

— Этого человека не зря прозвали Убийцей властителей и Победителем Черных Звонарей, — сердито одернул брата Ашателон. — Побереги лучше свои насмешки для себя самого.

— Мы решим этот вопрос попозже — на ножах, — заявил Вематол.

— Что может быть прекраснее братской любви! — воскликнул Кикаха — Меня от вас, тоанов, уже тошнит. Вы мните себя богами, а на самом деле еще не вышли из детсадовского возраста. Вечно задираетесь, как последние из лебляббиев, хотя, видит Бог, у них это выходит талантливее. Все, хватит! Больше никаких перебранок! Это приказ! Сосредоточьте лучше свои мозги на выполнении нашей задачи, не то я пошлю вас обратно к нянечкам, и пусть они подтирают вам носы!

Некоторое время все четверо хранили молчание. Флаеры проплыли по туннелю около мили — и тут дорогу им вновь преградил громадный камень. Но на сей раз между камнем и стенами туннеля виднелись зазоры, так что приварен он не был. Путники тем не менее остановились.

Что же до символов, то они либо прекратили движение, либо как-то просачивались сквозь каменную преграду.

Кикаха вновь вытащил измеритель глубины.

— Десять футов камня, — сказал он, взглянув на индикатор. — Дальше пустота.

— Поворачиваем? — спросил Кумас.

— Чтобы блуждать здесь, пока не кончатся съестные припасы? — возразил Вематол.

— Можно попробовать расплавить камень пушкой,— предложил Ашателон.— Энергии, правда, потребуется уйма. Но что нам еще остается?

— Будем пробиваться,— решил Кикаха.

Все четверо по очереди начали буравить преграду лучом. Плавился камень быстро, стекая на пол лавой. Соскрести полужидкую массу оказалось чертовски трудно, тем более маленькими лопатками, но сделать это было необходимо. Обливаясь потом, стараясь не попасть под узконаправленный луч, путники очистили от лавы вход в туннель. Когда батареи на одном из флаеров сели почти наполовину, за дело принялся другой. Но буквально через минуту камень вдруг начал медленно откатываться вбок, в стенную нишу.

Кикаха велел Ашателону выключить лучемер.

— Так это же колесо! — воскликнул Кумас.

— А то мы без тебя не догадались, болван! — откликнулся Вематол.

Они отвели машины назад и замерли в ожидании. Носы флаеров были нацелены на отверстие, пальцы пилотов лежали на кнопке «огонь».

— Приготовьтесь к стрельбе,— скомандовал Кикаха.— Только не палите почем зря!

— Кому, кроме Рыжего Орка, могло понадобиться закрыть все входы? — проворчал Вематол.

— Не знаю. Может, это сделал Хрууз, только не спрашивайте меня зачем. Не будем делать скоропалительных выводов.

Гигантское колесо почти целиком скрылось в стене. Перед путниками открылся вход в пещеру.

Кумас по приказу Кикахи снял очки ночного видения, чтобы посмотреть, есть ли в пещере фотонный свет.

— Там светло как днем! — громко воскликнул клон.

Все тут же сняли очки. Иллюминация в пещере была такой яркой, что светящиеся растения явно не могли ее обеспечить. Свет исходил из невидимого источника и не давал теней. Очень похоже на тоанскую технологию. Увы, очень даже похоже.

Пещера оказалась огромной. Прохладный воздух освежил вспотевшие тела. Кикаха снял кислородную маску

и вдохнул полной грудью. Но хотя воздух был восхитительно свежим, Кикаха вновь надел маску и велел клонам не спешить.

Стены и потолок пещеры уходили вдаль, насколько хватало глаз. Из пола росли какие-то странные растения, в том числе и высокие, как деревья.

— И там нас поджидает Рыжий Орк,— сказал Кумас.

— Вовсе не обязательно,— отозвался Кикаха.

— Тогда иди первым,— заявил Кумас.

— Ну конечно! — воскликнул Кикаха.— Если я буду дожидаться, пока кто-нибудь из вас отважится сделать первый шаг, мы тут с голоду передохнем!

— Никто еще не называл меня трусом! — возмутился Ашателон.

Не успел Кикаха остановить его, как Ашателон рванул флаер с места и помчался в отверстие. Но в пещере он не притормозил, а, напротив, разогнался на полную скорость — пятьдесят миль в час,— взлетел вверх и скрылся из виду. Через минуту он появился вновь и завис над полом в десяти футах от входа, развернув к нему машину носом.

— Ну и кто здесь, по-вашему, празднует труса? — громко крикнул он.

Слова его эхом отдались от стен.

Кикаха повел свою машину в пещеру и осмотрелся. Часть стены перед глазами была почти сплошь покрыта зеленым лишайником. Кто-то сумел оживить увядшие растения. Или же в этой пещере они и не увядали. Стены уходили в стороны мили на две, а до потолка было футов сто, не меньше. Противоположный конец пещеры сужался впереди в еле различимую точку. По обеим сторонам чинно маршировали символы, пропадая вдаль.

В пещеру вплыли Кумас с Вематолом.

— Никого,— с облегчением сказал Кумас.

— Но кто-то все же откатил камень в стену,— заметил Кикаха.— Ладно, поехали дальше.

Он нажал на педаль акселератора — и почувствовал, как все тело покрылось каплями пота, а глаза заволокло туманом.

Очнулся он в решетчатой клетке. Высоко над головой маячил сквозь прутья потолок пещеры, той же самой или

другой — бог его знает. Кикаха медленно встал и обнаружил, что ноги у него босые. Одежды тоже не осталось — ни на нем, ни где-либо поблизости. Пол в клетке был металлический, в углу валялась кучка одеял. В другом углу стоял металлический ящик, а в третьем — еще один ящик с дыркой: по-видимому, сортир. В центре на полу был очерчен оранжевый круг диаметром около трех футов.

А на значительном удалении друг от дружки стояли точно такие же клетки, расположенные по кругу. Вместе со своей Кикаха насчитал шесть штук. В каждой было по пленнику, хотя один из них явно не относился к разряду гома сапиенс.

— Хрууз! — прохрипел Кикаха.

Он схватился за решетки, чуть было не потеряв сознание снова. Несмотря на кислородные маски, его и клонов явно отравили газом. Очевидно, газ сделал свое черное дело сквозь поры в коже.

— Нас, похоже, опрыскали из дырочек в стене, — пробормотал себе под нос Кикаха. — Впрочем, теперь это уже неважно. Главное, что мы попались.

Однако в плен их взял не Рыжий Орк, поскольку он стоял в клетке как раз напротив Кикахи. Обнаженный, как и все прочие пленники, тоан прижимался лицом к решетке и улыбался своему заклятому врагу. Что означала эта улыбка? Радовался ли властитель, что враг попался тоже? Или улыбался своим тайным мыслям? Может, все-таки это он засадил их в клетки, а теперь сам разыгрывает из себя пленника? Но зачем? Впрочем, время покажет.

В трех других клетках находились три клона Рыжего Орка.

— Ну что, Кикаха, дохвастался? — окликнул его Вематол и плюнул через прутья решетки.

Кикаха не обратил на него внимания. Он хотел было обратиться к Хруузу, но тут прямо в центр круга, образованного клетками, медленно и важно вошел... вошло... существо? машина? получеловек? Секунду назад его здесь не было. Откуда он появился? Через ворота, не иначе.

Кикаха узнал вошедшего, хотя никогда не встречался с ним раньше. Это было существо, которое он считал умершим.

— Дингстет! — воскликнул землянин.

— Нет трут, — ответило существо, что по-тоански означало: «Да, это я». Во рту вместо зубов блеснули драгоценные камни.

Кикаха слышал о Дингстете от Ананы и Манату Ворсион. Судя по их рассказам, Зазель сделал Дингстета своим компаньоном и наделил широкими полномочиями. Перед тем как покончить с собой, властитель передал Дингстету бразды правления над своей планетой. Зачем ему понадобилось сохранять такой скучный и мрачный мир — это уже другой вопрос.

Наконец-то Кикахе довелось воочию увидеть легендарного Дингстета. Двухногий, шести футов ростом, со светлой, чуть розоватой, как у скандинавов, кожей. Медлительность его поступи не была намеренной — блестящие кольца, охватывавшие сочленения на плечах, бедрах, локтях, коленях и кистях, не позволяли Дингстету двигаться с проворством человека. Голова, шея и туловище были больше человеческих. Череп почти квадратный, очень тонкие губы, а на месте гениталий — гладкая поверхность.

— Ты знаешь мое имя, — проговорило существо. — Но я не знаю твоего.

— Меня зовут Кикаха. Я думал, что эта планета погибла, и ты вместе с ней.

— Я хотел, чтобы ты так думал, — ответило существо, выговаривая слова с каким-то архаичным акцентом. — Но ты и твои приятели оказались слишком настойчивыми. Поэтому мне пришлось принять меры. — Оно помолчало и добавило: — Я полагал, что врата закрыты.

— Он собирается заточить нас здесь навечно! — выкрикнул Рыжий Орк. — Дингстет! Я пришел с миром!

Не оборачиваясь, существо ответило тоану:

— Возможно. А возможно, и нет. Вон тот, называющий себя Хруузом, говорит, что ты очень жесток, склонен к насилию и жаждешь завладеть секретом машины творения-разрушения, принадлежавшей моему хозяину. Он говорит, ты уничтожишь все вселенные, включая мир Зазеля, чтобы использовать их энергию для создания своей собственной вселенной.

— Он лжет! — заявил Рыжий Орк.

Дингстет не сводил глаз с Кикахи:

— Может, получеловек, называющий себя Хруузом, лжет, а может, говорит правду. Он утверждает, что сумеет представить мне доказательства, если я отпущу его домой. Но ты, Орк, обещал, что скоро вернешься, когда я выпустил тебя через врата. И не вернулся. Выходит, ты меня обманул.

Откуда мне знать — может, Хрууз меня тоже обманывает? Или вы все тут обманщики? Взять, к примеру, тебя, Кикаха. Вы с Хруузом, возможно, никогда не вернетесь сюда, если я вас выпущу. Но вы ведь можете и вернуться, чтобы силой выпытать у меня секреты, которые я обязан хранить. Не знаю, лжец ли ты, Кикаха, но приступам безрассудной ярости ты подвержен точно. Я видел, как ты зашвырнул копию моего черепа. И я видел, как ты убил человека, хотя, похоже, это была самооборона. Так мне, во всяком случае, показалось.

Дингстет повернулся и степенно зашагал прочь. Пройдя ярдов двадцать, он остановился возле «дерева» — малинового растения с густыми ветвями абсолютно одинаковой длины. Неподалеку от цилиндрического ствола лежал большой круглый камень. Хранитель планеты встал точно посередине между камнем и стволом, повернувшись к пленникам спиной, и, очевидно, произнес кодовое слово, поскольку тут же исчез.

— Как он тебя поймал? — спросил Кикаха у Хрууза, стоявшего в третьей клетке от него.

— Газ. Но меня сейчас больше волнует вопрос, как нам выбраться из клеток.

— Меня тоже, — сказал Кикаха. — Правда, должен признать, что более трудной проблемы мне еще решать не приходилось.

— Нам не приходилось, — поправил его Хрууз.

— Вот именно — нам! — воскликнул Рыжий Орк. — Предлагаю на время забыть былую вражду и вместе пораскинуть мозгами.

— Забывать я ничего не собираюсь, — отозвался Кикаха. — Но вместе подумать согласен.

— Мы обречены, — вздохнул Кумас.

— Нытик! — набросился на него Ашателон. — Мне стыдно, что я твой брат! Всегда было стыдно, с самого детства!

— А ты, Ашателон, всегда умел подбодрить в трудную минуту, — съязвил Вематол.

Резкий и глубокий голос Хрууза прекратил перепалку:

— Когда я слушаю вас, тоанов, то всегда удивляюсь: как вы умудрились победить мой народ? Просто не могу поверить, что властители, перебившие моих сородичей, были вашими предками. Давайте-ка и впрямь оставим в стороне старые обиды, пока не справимся с Дингстетом — надеюсь, мирным путем.

— Только не проси их дать тебе слово, что они не пырнут тебя в спину, когда выберутся из клеток, — заметил Кикаха. — Их слову грош цена.

— Это мне известно, — сказал Хрууз. — Но все же общая опасность должна сплотить нас на время.

— Ха!

— Есть у кого-нибудь какие-нибудь идеи? — осведомился Рыжий Орк.

— Дингстет, возможно, подслушивает, — отозвался Кикаха. — Какой смысл обмениваться идеями, если он тут же о них узнает? Бумаги у нас нет, да и толку от нее все равно было бы мало. Клетки слишком далеко друг от друга, никакой бумажный шарик не добросишь. К тому же Дингстет наверняка не спускает с нас глаз.

— А может, попробуем язык жестов? — предложил Кумас.

Все рассмеялись.

— Пошевели мозгами, болван! — сказал Вематол. — Кто из нас знает язык жестов? А если кто и знает, ему придется сначала обучить остальных. А чтобы обучить, придется кричать во всю глотку, объясняя значение жестов. И Дингстет выучит его вместе с нами. Так что...

— Я просто высказал идею! — взорвался Кумас. — Я просто думал вслух — а тебе и думать-то нечем, безмозглая тварь! Ну, выкладывай, какая гениальная идея тебя осенила!

Вематол ничего не ответил.

Остаток дня прошел в молчаливых размышлениях. Ночью иллюминация погасла, остался лишь рассеянный свет фосфоресцирующих растений. Кикаха ворочался на одеялах, но не из-за отсутствия кровати — ему не давали заснуть мучительные раздумья о том, как же выбраться из проклятой клетки и что делать дальше. В конце концов сон сморил его, и думы сменились сновидениями, где рядом с ним была Анана. Ему снились в том числе и опасные, почти безвыходные ситуации, в которые они с Ананой попадали так часто, но в общем сны были приятны.

В одном из сновидений он увидел лица своих покойных родителей. Они улыбались и выглядели гораздо моложе, чем запомнились ему при жизни. Их лица светились сквозь туман где-то вдаль, но Кикаха все равно почувствовал себя счастливым — и вскоре проснулся. Было время, когда он сомневался в том, что это его биологические родители. Один из тоанов намекнул как-то Кикахе, что его усыновили, а настоящим отцом его был властитель, возможно даже Рыжий Орк. Кикаха не раз давал себе слово разобраться с этим вопросом, как только появится свободная минутка. Но теперь ему было все равно. Биологические родители не всегда настоящие отец и мать. Любовь и забота — вот что главное. Бедные, но очень порядочные люди, вырастившие Кикаху на ферме в штате Индиана, были единственными, кого он знал и любил. А значит, они и есть его настоящие родители. И к черту все вопросы.

Пещера осветилась зарей, чуть менее яркой, чем вчерашняя иллюминация. Дингстет, очевидно, свято соблюдал смену дня и ночи. Через час он появился между деревом и камнем и вышел в центр круга, не подходя, однако, ни к одной из клеток слишком близко.

— Я слышал, как вы обсуждали планы бегства, — заявил он, не утруждая себя приветствиями, — и просчитал ваши шансы. Получилось 99,999999999 процента против. Сейчас компьютер пытается выяснить, как обеспечить стопроцентную надежность.

— Чтобы выяснить, тебе нужно собрать о нас абсолютно полные данные, — заявил Кумас. — Иначе ничего не получится.

— Ну-ну, подскажи ему еще что-нибудь! — заорал Вематол. — Давай, выболтай все, что знаешь, король кретин! Тупица долбаный!

Кумас с оскорбленным видом улегся обратно на одеяло и умолк.

— Я и так пытаюсь учесть по возможности все факторы, — сказал Дингстет. — К сожалению, мой создатель не наделил меня творческими способностями.

— Мы с удовольствием поможем тебе разрешить все трудности! — выкрикнул Вематол.

— В самом деле? — Дингстет повернулся к нему. — Вы очень добры.

Ему пришлось подождать, пока в клетках утихнет оглушительный здоровый хохот. Даже Хрууз рассмеялся своим отрывистым лающим смешком.

— Очевидно, это какая-то шутка. Я не понимаю шуток. Через час вы услышите сигнал. Ты, Кикаха, незамедлительно встанешь в центр круга, очерченного на полу твоей клетки. Врата перенесут тебя в район спортзалов и душевых. Когда ты вернешься в клетку, сигнал зазвучит опять. Ты, Вематол, пойдешь следующим.

Дингстет установил очередность, убедился, что пленники его поняли, и вернулся к дереву.

— Похоже, нам здесь обеспечен отличный уход, — сказал Ашателон, когда хозяин пропал из виду. — Вот только как будет с едой — непонятно. Хотел бы я знать, какого черта он о нас так печется?

— Думаю, он печется вовсе не о нас, — откликнулся Рыжий Орк. — Просто выполняет программу, заложенную в него Зазелем исключительно ради собственных нужд. Возможно, мы еще пожалеем, что Дингстет не прикончил нас сразу.

— Главное, что такая программа в нем заложена, а зачем — это уже детали! — заявил Кикаха. — Нужно попробовать обернуть ее в свою пользу, и не мешкая.

Увы, это было проще сказать, чем сделать, как гласит древняя земная поговорка. Кикаха так и не придумал ничего существенного к тому времени, когда его перенесло в рекреационный зал. Он очутился в глухом каменном помещении без выходов — если не считать врат, доставив-

ших его сюда, — которое вентилировалось через узкие прорезы в стенах. Пятьдесят футов в высоту и в ширину, полмили в длину. В каждом конце — душ, фонтанчик, унитаз и воздушная сушилка.

Кикаха разогрелся, сделав несколько упражнений, потом пробежал вокруг зала миль пять, снова позанимался гимнастикой, напился, встал под душ, высушился и тут же оказался посреди круга в клетке. Раздался громкий сигнал, и Вематол встал в центр своего круга.

На третье утро Кикаха спросил Дингстета, что тот собирается с ними делать дальше.

— Вы останетесь в клетках, пока не убьете сами себя или не погибнете от несчастного случая, хотя я не представляю себе, какой несчастный случай может с вами тут произойти.

Когда ураган протестов затих, наступила гробовая тишина.

— Значит, мы останемся здесь навечно, — наконец проговорил Вематол.

— Вечность — всего лишь философская концепция, — сказал Дингстет. — На самом деле ее не существует. Но если ты имел в виду, что вы останетесь тут надолго, то ты не ошибся.

— Да мы же здесь рехнемся! — не выдержал Кикаха.

— Вполне возможно. Но на длительность вашего заточения это не повлияет.

— Почему ты так обращаешься с нами? — с трудом сохраняя спокойный тон, спросил Кикаха.

— Я должен выполнять команды Зазеля, хотя и не знаю, почему он так распорядился. Думаю, когда хозяин отдавал мне приказы, он еще не знал, что покончит с собой. Теперь он мертв — но его повеления живы.

Кумас потерял сознание. Вематол выплеснул на Дингстета весь свой обширный запас ругательств и оскорблений, а когда исчерпал его, то начал по новой. Ашателон кусал кулаки, пока на них не выступила кровь. Все прочие не проронили ни слова, но Рыжий Орк задумчиво уставился вдаль через решетку. Хрууз рыдал — странное зрелище для людей, поскольку лицо его казалось совер-

шенно не приспособленным для выражения подобных эмоций. Кикаха вскарабкался на решетку, повис на ней и принялся корчить рожи, гикая, точно обезьяна. Он ощущал неодолимую потребность хоть как-то выразить свои чувства. На минуту ему почудилось, будто его и вправду отбросило к самому началу эволюционного пути. Обезьяны не думают о будущем. А раз так, он станет обезьяной и тоже ни о чем не будет думать!

Позже Кикаха осознал, насколько вывихнутой была его логика. Но в тот момент она казалась ему вполне нормальной. И в самом деле — что может быть естественнее для человека, чем превратиться в обезьяну!

Глава 18

К утру он совершенно пришел в себя. Вспоминая вчерашнее, Кикаха решил, что быть обезьяной довольно забавно. Для полного сходства с антропоидом ему не доставало лишь густой шерсти да блох.

И все же это кратковременное падение с лестницы эволюции было своего рода предупреждением. Слишком много лет провел Кикаха в постоянной боевой готовности, слишком часто глядел смерти в лицо, а перерывы между экстремальными ситуациями были слишком коротки. Правда, он всегда был крепок духом и телом и не убоился бы сразиться с целой вселенной, если придется. Но преодоление бесчисленных опасностей не проходило даром, требуя высокой душевной расплаты. Два последних и самых сильных удара — потеря Ананой памяти и угроза пожизненного заключения — выбили-таки его из колен.

— Но ненадолго, — пробормотал Кикаха. — Я снова буду в форме, вот только отдохну маленечко, и тогда посмотрим, кто кого!

Некоторые из его товарищей по несчастью все еще предавались отчаянию. Кумас, в ответ на любое обращение ворчавший нечто нечленораздельное, целый день простоял в одной позе, припав к решетке лицом и отказываясь от еды. Ашателон сотрясал воздух площадной бранью и бешено метался по клетке. Вематол что-то бормотал себе под нос. Только Хрууз и Рыжий Орк казались впол-

не спокойными, сосредоточившись, подобно Кикахе, на мыслях о бегстве.

Дохлый номер! Кикаха вновь и вновь напрягал мозги, призывая на помощь все свое хитроумие. Но любая мелькнувшая идея тут же развеивалась ураганом реальной действительности. По сравнению с их тюрьмой знаменитый Алькатрас* был просто детской игрушкой.

Прошло тридцать дней. Каждый день после обеда их навещал Дингстет и с каждым пленником беседовал по несколько минут, за исключением Кумаса, который поворачивался к тюремщику спиной и не произносил ни слова.

Рыжий Орк пытался уговорить Дингстета, чтобы он их отпустил. Но в ответ на все просьбы слышал неизменное:

— Приказы Зазеля ясны и недвусмысленны. Пока он не отменит их, я должен держать всех пленников до его возвращения.

— Но Зазель умер! Он не вернется никогда!

— Верно. Но это ничего не меняет. Хозяин не сказал мне, что делать с заключенными, если он умрет.

— А ты не можешь пересмотреть его приказы в свете изменившейся ситуации?

— На такое я просто не способен.

Кикаха внимательно прислушивался к диалогу. На следующий день, во время пробежки по спортзалу, его внезапно осенило — точно где-то в подсознании вдруг вспыхнул фейерверк.

— Может, и получится,— сказал он сам себе еле слышно.— Попытка не пытка. Все зависит от того, как устроены у Дингстета мозги.

Днем позже, увидев Дингстета, напряженно шагающего в круг между клетками, Кикаха окликнул его:

— Дингстет! У меня сногшибательные новости! Случилось настоящее чудо!

Существо подошло к клетке Кикахи и остановилось так, чтобы пленник не мог до него дотянуться.

* Остров в заливе Сан-Франциско, где до 1962 года располагалась одна из самых надежных тюрем Соединенных Штатов.

— Что за новости? — спросило оно.

— Прошлой ночью ко мне явился во сне призрак Зазеля. Он сказал, что пытался связаться с тобой из страны умерших. Но это возможно только в сновидениях, а ты никогда их не видишь! — Кикаха утверждал наугад, надеясь про себя, что мозг Дингстета лишен подсознания. — Ну так вот, Зазель выбрал меня в медиумы, чтобы установить с тобой контакт, поскольку таких первоклассных сновидцев, как я, раз два и обчелся!

Черты лица Дингстета не были приспособлены для выражения удивления, но намек на это чувство все же по ним скользнул.

— Почему ты обчелся, сосчитав до двух? Что значит это выражение в контексте твоего утверждения?

— Это значит «превосходный, непревзойденный»!

— Вот как? А что такое «призрак»?

— Ты что, никогда не слышал о призраках?

— Мои познания обширны, но всего в мозгах не удержать. Когда мне нужна какая-нибудь информация, я обращаюсь к планетному мозгу.

— Ну так спроси его о призраках, духах и парапсихических явлениях. А теперь лучше послушай, что случилось со мной прошлой ночью. Зазель...

Когда Кикаха закончил свой рассказ, Дингстет заявил:

— Пойду к планетному мозгу, посоветуюсь.

И поспешил прочь.

— Кикаха! Что ты... — начал было Рыжий Орк, как только существо пропало из виду между деревом и камнем, но Кикаха прижал палец к губам и легонько покачал головой:

— Ш-ш-ш! Доверься мне.

Он принялся нетерпеливо мерить клетку шагами. Мысли его, точно астероиды, вращались по орбите вокруг одной и той же идеи, осенившей его вчера. Идея яркой кометой зажглась во мраке подсознания и, ворвавшись в светлую область мозга, разнесла ее, как планету, на мелкие кусочки, озарив на мгновение тьму ослепительной вспышкой огня.

«Я мог бы быть поэтом, — подумал Кикаха. — Слава богу, у меня хватило ума не рассказывать посторонним о

тех образах, сравнениях и метафорах, что всплывают порою в моем мозгу. Не то меня подняли бы на смех».

Отвлечшись наконец от мыслей о самом себе — слабость вполне простительная и широко распространенная, — Кикаха принялся обдумывать дальнейшие планы. Что делать, если Дингстет вернется и заявит: хватит, мол, пудрить мне мозги?!

Правитель Пещерной планеты и впрямь вернулся через несколько минут.

— Планетный мозг проинформировал меня, — заявил он, встав напротив Кикахи, — что таких созданий, как призраки и духи, в реальности не существует. Следовательно, ты лжешь.

— Ничего подобного! — вскричал Кикаха. — А ну, скажи мне: когда в планетный мозг были введены данные о призраках?

Дингстет задумался.

— Около двенадцати тысяч лет назад по времяисчислению родной планеты Зазеля. Могу назвать тебе точную дату.

— Вот видишь! — сказал Кикаха. — Данные давным-давно устарели! Нынче неопровержимо доказано, что так называемые суеверия — реальный факт! Призраки и всякие прочие привидения существуют на самом деле. Пару тысячелетий тому назад тоан по имени Гудини доказал, что призраки не только реальны, но и могут общаться с живыми. Однако не со всеми. Они являются лишь высокочувствительным и одаренным личностям, таким, как я, например, чтобы довести до сведения людей свои пожелания. Их метод связи похож на односторонние врата: они с нами могут говорить, а мы с ними — нет!

Он оглянулся вокруг. Все узники, кроме Кумаса, вцепившись в прутья решетки, внимательно прислушивались.

— Если не веришь, спроси у них! Они не дадут мне соврать. Правду я говорю, ребята?

Никто из пленников толком не мог понять, к чему клонит Кикаха. Но он надеялся, что у них хватит соображения подыграть ему. Кумас, правда, по-прежнему лежал недвижно на одеялах, не сводя глаз с потолка. Зато все

прочие поклялись, что слова Кикахи — святая правда, давно известная любому школьнику.

— Кстати, тот же Гудини подтвердил свои доказательства научно-психическими экспериментами, — заявил Рыжий Орк. — Несколько раз ему даже удалось увидеть привидения, хотя и неясно. Но во сне умершие порой являются более или менее отчетливо. — И тоан посмотрел на Кикаху, как бы спрашивая взглядом: «Кто такой, черт побери, этот Гудини?»*

Кикаха за спиной у Дингстета сложил указательный и большой пальцы колечком, восхищенный сообразительностью тоана.

— Мой народ гораздо древнее тоанов! — громко возвестил Хрууз. — Мы знали о существовании призраков задолго до того, как тоаны узнали о нашем существовании!

Кикаха надеялся, что клоны не испортят эффекта излишним энтузиазмом. Чтобы Дингстет не поймал их на лжи, игру следовало вести осторожно и не зарываясь. Когда Дингстет повернулся лицом к Хруузу, Кикаха жестом велел братьям-клонам говорить поменьше. И тут же выругал себя: ведь Дингстет мог записывать все их движения через монитор, а потом просмотреть запись.

Если тюремщик увидит его жестикуляцию, придется изворачиваться ужом, чтобы как-то объяснить свои ужимки.

Вематол и Ашателон заявили, что всем на свете давно известно о существовании духовного мира и о том, как любят призраки являться в сновидениях. Но, конечно же, братья не сумели сдержать свою натуру и облили Дингстета презрением за его невежество чуть более щедро, чем хотелось бы Кикахе.

Если Дингстет и оскорбился, то вида не подал. Повернувшись лицом к Кикахе, он потребовал:

— Опиши Зазеля!

Хитрый, стервец! А выглядит таким простодушным!

Чтобы потянуть время и собраться с мыслями, Кикаха засыпал тюремщика вопросами:

— Что ты имеешь в виду? Описать его наружность? Черты лица? Рост? Сравнительные пропорции конечно-

* На самом деле Гарри Гудини (1874–1926) был очень известным в свое время американским иллюзионистом.

стей и туловища? Цвет волос и глаз? Форму и величину ушей и носа?

— Да.

Кикаха набрал в грудь побольше воздуха, надеясь почерпнуть из него вдохновение, и заговорил громким голосом, чтобы все пленники могли его слышать:

— Ну, видишь ли, он скрывался в тумане, поэтому лица его я не разглядел. Умершие, как правило, являются живым в туманной дымке, это же общеизвестно. Я не прав, ребята?

— Прав, конечно!

— Какие могут быть сомнения? Это доказанный факт!

— Да будь здесь Гудини, он сказал бы то же самое!

— Мы, хрингдизы, всегда видели призраков только в тумане!

Кумас, неожиданно встав с одеял, подошел к решетке и завопил:

— Вы все с ума посходили!

После чего улегся и вновь замолчал.

— Он опровергает ваши утверждения,— заметил Дингстет.

— Ничуть не бывало! — убежденно заявил Рыжий Орк. — Он сам на грани безумия. Ты же слышал: он сказал «вы все», то есть включил в число сумасшедших и тебя. Но ты-то сам уверен в собственной нормальности. И мы тоже знаем, что не сошли с ума. А следовательно, утверждение Кумаса, человека с нестабильной психикой, не соответствует действительности.

— Звучит разумно,— признал Дингстет. — Я и правда знаю, что мой рассудок в порядке. Что сказал Зазель? — спросил он, обращаясь к Кикахе.

— Во-первых, он поприветствовал меня. Он сказал: «Нисс Зацель».

Вематол застонал, решив, что лебляббий безнадежно прокололся.

— Да, «нисс Зацель». Я не сразу его понял. А потом до меня дошло, что он говорит по-древнетоански. На архаическом тоанском, которым пользовались в его время, «нисс Зацель» означало «меня зовут Зазель». К счастью, язык изменился не слишком сильно. Я сумел разобрать

почти все слова, которые говорил мне призрак, а те, что не разобрал, понял из контекста. Хотя голос его тоже звучал приглушенно, словно из-за туманной завесы. Призраки всегда так являются — будто сквозь неточно настроенные врата, искажающие их внешность и голос.

— Как я рад это слышать! «Нисс Зацель»! Ты ведь не тоан, а значит, вряд ли знаешь древнетоанский!

Кикаха решил больше не цитировать Зазеля дословно. По-древнетоански он знал всего несколько выражений, которым научила его Анана. Кто бы мог подумать, что эти давние беседы так ему пригодятся!

— Что он сказал еще? — требовательно спросил Дингстет.

Кикаха медленно заговорил, придумывая фразы прямо на ходу:

— Он сказал, что многому научился у других призраков и Верховного Духа, который правит тамошней страной. И теперь он понял, какие ошибки и промахи совершил при жизни.

«Только не увлекайся,— одернул себя Кикаха.— Рассказ должен быть впечатляющим, но кратким. Чем меньше скажешь, тем меньше вероятности ляпнуть что-нибудь не то».

— Короче, он сказал мне, что может вступить с тобой в контакт только через посредство человека, открытого для психической связи. Я таким и оказался. Ему потребовалось некоторое время и усилия, чтобы пробиться ко мне, поскольку я был расстроен тем, что попал в заключение. Но в конце концов прошлой ночью он явился мне во сне и сказал, что ты должен выпустить нас и обращаться с нами как с гостями, не переставая, впрочем, следить за Рыжим Орком, поскольку он опасен. Однако Зазель категорически запретил давать кому бы то ни было данные о машине творения. Тебе следует уничтожить их и отпустить нас на все четыре стороны.— После небольшой паузы Кикаха продолжил: — Он также сказал мне — вернее, приказал,— чтобы я забрал рог Шамбаримена, который ты отнял у Рыжего Орка. Это моя собственность, и я, по словам Зазеля, не употребляю ее во вред.

Рыжий Орк побледнел и злобно, но беззвучно оскалится. Он не смел противоречить Кикахе, боясь, что Динг-

стет откажется их освободить. С другой стороны, Кикаха должен был включить тоана в список освобождаемых — ведь иначе Рыжий Орк тут же разоблачил бы его как лжеца.

— Таким образом, ты выпустишь нас из клеток и откроешь выходные ворота со своей планеты. Но Зазель приказал не возвращать Рыжему Орку оружия и снять с его катера лучевые пушки. Мы полетим на своих машинах до выходных врат. Планету мы покинем все вместе, и ворота выведут нас во дворец Рыжего Орка на Земле-2.

Рыжий Орк сверкнул глазами. Он прекрасно знал, почему Кикаха ставит такие условия.

— Зазель не сказал мне, почему он этого хочет, — добавил Кикаха. — Видно, у него есть на то свои причины, объяснять которые он не стал. Но я уверен, что все его распоряжения нам только во благо. Мертвым известно все.

Дингстет молчал несколько минут. Глаза его застыли неподвижно, как у статуи, — он не переводил их с одного узника на другого, не мигал поминутно, как это делал бы человек в такой напряженной позе. Люди в клетках, все, кроме Кумаса, не спускали с тюремщика глаз.

— Купится он или нет? — пробормотал себе под нос Кикаха.

Ни с одним тоаном такой номер не прошел бы, равно как и с большинством землян. Но Дингстет не был человеком и почти не имел опыта общения со столь коварным видом, как гомо сапиенс.

Наконец Дингстет заговорил:

— Приказы Зазеля будут выполнены. Ах, если бы я умел видеть сны — он мог бы разговаривать со мной!

На мгновение Кикахе стало жаль его. Может, это существо более человечно, чем все они думали? Или оно просто хочет стать более человечным?

Он отпустит их, сказал Дингстет, в течение часа и перебросит через ворота в пещеру, где хранятся их воздушные катера. Но выполнение «приказов Зазеля» заняло немного больше времени, чем предполагал Кикаха. Как это часто бывает, случилось нечто непредвиденное. Первым в пещеру должен был попасть Хрууз, за ним Кумас, а потом уже Рыжий Орк. Кикаха велел организовать пе-

реброску через ворота в такой очередности, поскольку не хотел, чтобы Рыжий Орк оказался в пещере один. Кто знает, на что способен этот хитрый ублюдок, если его оставить одного или только с клонами? А Хрууз достаточно силен, чтобы справиться с ним в случае чего.

Хрингдиз встал в круг внутри клетки и исчез. Но с Кумасом вышла заминка: Дингстет никак не мог заставить его подчиниться. Клон повернулся к нему спиной, лежа на одеялах, и не двигался с места. В конце концов Дингстет заявил:

— У меня есть в распоряжении средства, чтобы принудить тебя выполнить мою команду. Но это весьма болезненные средства, учти.

Полминуты Кумас молчал. Потом поднялся — с безучастным лицом и пустыми глазами. Добрел до круга и встал посредине. Дингстет нацелил один конец маленького дистанционника в сторону круга и нажал на кнопку. Раздался радиосигнал, означавший начало процесса, но полностью ворота активировались лишь через пять секунд.

Кумас, очевидно, считал каждую секунду, ибо в тот самый миг, когда ему полагалось исчезнуть, он метнулся к краю оранжевого круга и высунул правую ногу за черту.

А потом исчез. Только нога, фонтанируя кровью, осталась в клетке и тут же свалилась на пол.

— Он убил себя! — воскликнул Рыжий Орк.

Бывшие узники замерли, онемев от неожиданности. Дингстет, возможно, тоже был потрясен, но вида не показал, только спросил:

— Почему он это сделал?

— Ну я же говорил тебе: бедняга совсем помешался, — ответил Кикаха.

— Ваша человеческая психика такая нестабильная, сложная, с вывертами и комплексами, так часто выходит из строя... Я ее не понимаю, — сказал Дингстет.

— Мы тоже, — заверил его Кикаха.

Дингстет оставил уборку заляпанного кровью помещения на потом — когда его «гости» покинут планету. А может, он и вовсе не собирался утруждаться. Он все же перебросил оставшихся людей в пещеру, где хранились их воздушные катера, но не в тот круг, куда планировал пер-

воначально, а в другой. Когда Кикаха вышел из круга, то увидел рядом еще один, с телом клона. Мельком взглянув на него, Кикаха занялся приготовлениями к старту, который не замедлил последовать. Как только все расселись по машинам, Дингстет произнес кодовое слово и открыл пещеру. Часть стены поднялась, скользнула в нишу, и флаеры вылетели в туннель. Дингстет объяснил им, как добраться до врат, через которые Рыжий Орк проник на Пещерную планету. Рыжий Орк летел позади своих клонов, Хрууз и Кикаха — за ним.

Двадцать минут спустя они прибыли к вратам. Кикаха выпрыгнул из флаера и вытащил из рюкзака клейкую веревку. Рыжий Орк опомниться не успел, как на него набросились клоны с Хруузом. От Вематола с Ашателонем ему, возможно, удалось бы отбиться, но Хрууз был силен, как медведь. Выполняя указания Кикахи, данные шепотом в пещере, Хрууз заломил руки тоана за спину, а клоны тем временем схватили его за ноги. Дингстет, наблюдавший за ними с помощью планетного мозга, небось недоумевал, силясь понять, что же тут происходит.

Кикаха быстро связал Рыжему Орку руки, вытащил из его рюкзака вожделенный рог и протрубил семь нот. Часть стены мгновенно замерцала. Хрууз протолкнул Рыжего Орка, не проронившего за все это время ни слова, через врата. А минуту спустя вся компания оказалась во дворце, где обитала Анана. Пришлось немного повозиться со стражей, напавшей на них при виде связанного хозяина. Но сражение было недолгим. Несколько лучевых выстрелов, пара трупов — и стражники бросились врассыпную.

Вскоре, однако, они собрались и заняли оборонительные позиции. Казалось, придется пробиваться через дворец с боями. Но Кикаха обратился к капитану, засевшему в зале за баррикадой из мебели. После того как с капитаном переговорили по очереди Кикаха, Вематол и Ашателон, стороны пришли к соглашению. Затем капитан посоветовался со своими лейтенантами и рядовыми. Переговоры заняли почти час, но зато в результате стража присягнула на верность Кикахе и клонам. Наемники не любили Рыжего Орка, и в общем им было плевать, кому

служить, тем более что Кикаха удвоил им жалованье и сократил часы службы.

Кикаха был в восторге:

— Мне осточертело кровопролитие. Оправданное или нет, оно мне в любом случае противно. А кроме того, если бы они организовали яростное сопротивление, мы тоже понесли бы потери. И я бы мог оказаться в их числе.

Но Вематол с Ашателом не доверяли солдатам и, чтобы предотвратить мятеж, отвели часть наемников в сторону. Им от имени Кикахи были обещаны солидные суммы, если они согласятся шпионить за своими товарищами и доносить о потенциальных смутях и заговорах. После чего, ни слова не говоря Кикахе, клоны завербовали других охранников, наказав им следить за шпионами Кикахи. Он узнал об этом лишь тогда, когда кое-кто из завербованных предупредил его, надеясь на вознаграждение за предательство. Кикаха выдал награду и тотчас нанял других солдат и нескольких слуг, чтобы те следили за клонами. Вскоре ему стало известно, что клоны завербовали нанятых им людей в свою секретную службу, поручив им присматривать за Кикахой. И, без сомнения, Вематол с Ашателом организовали также слежку друг за другом.

Кикаха, узнав об этом, от души посмеялся. Если процесс пойдет дальше, скоро все охранники и слуги во дворце станут двойными, тройными или даже четверными агентами.

Удостоверившись, что в ближайшее время беспорядков со стороны солдат ожидать не приходится, Кикаха навестил Анану. Она сидела в саду в шезлонге, возле пруда размерами с небольшое озеро. Солнце Земли-2, близясь к зениту, заливало ее ослепительным светом. На столике возле шезлонга стоял высокий стакан с темной жидкостью и кубиками льда. Купальщицы в пруду издавали веселые визги, но Анана не выглядела счастливой. Кикаха, подойдя к ней и представившись, не удостоился ни улыбки, ни приглашения присесть.

— Вематол уже рассказал тебе всю правду, — промолвил Кикаха. — Я боялся, что ты не захочешь меня слушать, поэтому попросил его объяснить тебе, что с тобой

случилось на самом деле. Но я готов рассказать еще раз, какую операцию проделал над тобой Рыжий Орк, и восполнить все подробности, упущенные Вематолом.

— Я выслушала его до конца, хотя мне стоило большого труда сдержаться и не крикнуть ему в лицо: «Ты лжец!», — сухо проговорила Анана, не поднимая на Кикаху глаз. — Я не желаю слушать твои измышления. Уходи и никогда больше сюда не возвращайся.

Кикаха придвинул к ней кресло и сел.

— Нет, я не уйду. Вематол сказал тебе правду, хотя, поскольку он тоан, ему это, наверное, было нелегко.

Он изнывал от желания обнять ее и поцеловать.

Анана посмотрела на него:

— Я хочу поговорить с самим Рыжим Орком. Пусть он расскажет мне правду.

— Во имя Элиниттрии! — не выдержал Кикаха, только что давший себе слово не горячиться. — Да он же наврет тебе с три короба!

— Я почувствую, говорит он правду или лжет.

— Это нелогично! И глупо!

Кикаха пытался подавить свой гнев, рожденный разочарованием и отчаянием.

— Я не намерена позволять какому-то лебляббию говорить со мной в таком тоне, — холодно ответила Анана. — Даже если я в его власти.

— Я... — начал было Кикаха и закрыл рот. Нельзя давать волю эмоциям. Он должен вести себя как можно более сдержанно и тактично, иначе разговора не получится. — Я приношу свои извинения. Видишь ли, я знаю всю правду, и мне больно видеть тебя обманутой. Ладно. Ты можешь поговорить с Рыжим Орком с глаза на глаз.

— А ты будешь подслушивать и наблюдать за нами?

— Обещаю, что не буду.

— Но ты запишешь наш разговор. А потом прокрутишь пленку, не нарушив таким образом обещания.

— Нет. Даю тебе слово. Вот только...

— Что?

— Ты не поверишь мне. Но Рыжий Орк может убить тебя, если я не позабочусь об охране.

Анана презрительно рассмеялась:

— Он? Может меня убить?

— Поверь мне, я знаю его гораздо лучше, чем ты. Он может отомстить нам обоим, свернув тебе шею и навеки отняв тебя у меня.

— Я никогда не полюбила бы тебя, лебляббий. Как же он может меня у тебя отнять?

— Так мы ни до чего не договоримся. Я исполню твоё желание. Ты будешь в комнате наедине с Рыжим Орком, и вас не будут подслушивать ни люди, ни машины. Но между вами я установлю прозрачный экран. Я не хочу рисковать. Таково моё решение, и оно непреклонно.

«Хрууз — не человек. Он сможет наблюдать и слушать разговор Ананы с Рыжим Орком по монитору. Так что в буквальном смысле обещание будет выполнено: ни люди, ни машины подслушивать беседу не станут. И я в том числе,— подумал Кикаха.— Я никогда ей не лгал».

По той же причине он отверг и свой первоначальный план: подсунуть ей Ашателона или Вематола под видом раскаявшегося Рыжего Орка... Но это исключено. Хотя искушение было так велико, что отказаться от него стоило Кикахе больших трудов.

Анана не выказала благодарности, даже когда Кикаха пообещал ей, что беседа продлится так долго, как она пожелает. Через два часа Анана вышла из комнаты вся в слезах. Но, увидев Кикаху, подавила рыдания и сумела принять безразличный вид. Тоанам не пристало показывать свою «слабость» перед лебляббиями. Не отвечая на вопросы Кикахи, Анана быстро прошла в свою спальню.

Рыжего Орка задержали в той комнате, где он разговаривал с Ананой. Кикаха вошел туда и сел в кресло, в котором она сидела. Кресло было еще теплое, и Кикахе показалось, будто он к ней прикоснулся.

— Ты выиграл этот раунд,— сказал Кикаха.— А ставка была велика. Не надейся, что это сойдет тебе с рук. Сбежать ты отсюда не сбежишь, а убить я тебя могу в любую минуту. Но, говоря откровенно, я не способен хладнокровно убить человека или перепоручить другим сделать то, что мне самому не по нутру. Думаю, ты вряд

ли удивишься, если я скажу, что твои клоны жаждут предать тебя мучительной смерти. Они не могут понять, почему я им этого не разрешаю.

— Я тоже не могу понять, — ответил тоан, помолчав. — Что же до побега, я на твоём месте не был бы так уверен. Мы с тобой во многом похожи, Кикаха, хотя ты и не хочешь этого признавать. Ну да ладно, что толку зря говорить? Насколько я понимаю, ты намерен оставить меня в живых. Но на свободу не выпустишь. Ты просто не станешь меня убивать — будешь держать в плену, пока я не содохну от скуки. Верно?

Кикаха кивнул.

— Ты просто глупый лебляббий! — заорал тоан.

Все тело его внезапно залилось краской, лицо перекошилось от ярости. Он погрозил Кикахе кулаком и плюнул. В уголках рта закипели крошечные пузырьки, сорвались вниз слюной и закипели снова. Глаза налились кровью; артерии на лбу разбухли, точно кобры, готовые выбросить жало. Он бешено стукнул лбом по прозрачному экрану, потом еще и еще.

Услышав крик тоана, Кикаха изумленно вскочил с кресла и отпрянул. Но теперь он подошел поближе, пристально разглядывая врага. Из разбитого лба хлестала кровь, заливая лицо властителя и экран. Рыжий Орк был сейчас не рыжим, а красным — Красным с большой буквы. Да, он прославился на все вселенные красной кровью, которую проливал не скупясь, но не менее знамениты были и приступы ярости Рыжего Орка. Они случались нечасто, поскольку тоан прекрасно умел владеть собой. Но уж если он давал себе волю, гнев его был ужасен.

«Ей-богу, он вполне достоин звания дедушки всех фурий», — подумал Кикаха.

Если правду говорят, что детские обиды до старости живы, то сейчас из души тоана рвется наружу вся накопившаяся боль. Обычно долгоживущие тоаны помнили только самые значительные события собственного прошлого, но Рыжий Орк никогда не забывал своего детства — ненависти к отцу, любви к матери и того горя, которое причинила ему ее смерть. А также других разочарований и

поражений. Их не могли стереть из памяти даже его многочисленные победы.

Наблюдая за тоаном, который начал раздирать себе ногтями лицо, не переставая при этом вопить, Кикаха недоумевал, почему Рыжий Орк не испробовал какую-нибудь систему психического лечения. А может, пробовал, да безуспешно?

Внезапно Рыжий Орк рухнул на пол, покатился и с силой врезался в стену. Откатился назад, к противоположной стене — и стукнулся в нее. Вопить он, правда, перестал, но кровь хлестала из ран и ссадин на лице, груди, животе и ногах, отмечая его путь кровавыми дорожками.

Также внезапно он замер, лежа на спине и судорожно втягивая воздух ртом, точно рыба, выброшенная на берег. Руки и ноги раскинуты буквой Х, глаза бездумно уставились в потолок.

Мощная грудь тоана, ходившая ходуном, стала вздыматься чуть медленнее.

— Ну что, приступ прошел? — спросил Кикаха.

Рыжий Орк ничего не ответил, просто поднялся на ноги. Лицо его сплошь было залито кровью. Целую минуту он молча смотрел Кикахе в глаза, потом спокойно проговорил:

— Я знаю, что ты собираешься мне предложить. Ты сохранишь мне жизнь, если я расскажу Анане всю правду.

Кикаха кивнул.

— Мне нужно время, чтобы подумать, — заявил тоан.

— О'кей. Даю тебе десять секунд.

На мгновение Кикахе показалось, что Рыжий Орк опять впадет в буйство. Губы тоана крепко сжались, в глазах сверкнули бешеные искры. Но, сделав глубокий вдох, он с улыбкой сказал:

— Я уже целую неделю об этом думаю. Ладно, вот тебе мой ответ. Нет, я не скажу Анане правду.

— Я так и знал, — сказал Кикаха. — Но у меня есть и другое предложение. Если ты его примешь, то избежишь пожизненного заключения. Однако сделаю я тебе это предложение или нет — зависит от твоего ответа на мой вопрос. Ты сохранил воспоминания Ананы? А если да, то можешь ли ты вернуть ей память?

Рыжий Орк сидел недвижно, не сводя глаз с точки в нескольких дюймах от головы Кикахи. Раз он не дал ответа сразу, значит, решил тщательно взвесить все «за» и «против».

Кикаха попытался угадать ход его мыслей. Рыжий Орк знает, в состоянии ли он вернуть Анане память. Значит, думает он о том, солгать или сказать правду. Если даже память можно вернуть, тоан все равно способен ответить «нет». И хотя такой ответ обречет его на пожизненное заточение, Кикаха ведь сумел найти выход из клетки Дингстета. А что по плечу лебляббю, то и Рыжему Орку под силу.

Если он скажет «да», то операцию по восстановлению памяти будет производить он сам, поскольку никто больше не умеет обращаться с этой техникой. Тогда Анана окажется в его власти и он сможет убить ее электрическим разрядом или как-нибудь еще. Но ему не придется наслаждаться плодами своей мести, ибо через несколько секунд он будет мертв.

— Нет,— сказал наконец тоан.— Я не могу вернуть ей память. Даже если бы ее можно было сохранить, потребовался бы громадный архив, размером с планету Зазеля. Да и то я не уверен. Разрушать куда легче, чем творить.

— Тебе виднее,— заметил Кикаха.— Ведь именно ты лишил Анану памяти. Но то, что ты сделал с ней, я могу повторить с тобой. Как тебе перспективка, а?

Тоан невольно вздрогнул.

— Я позабочусь о том, чтобы аппарат стер тебе память до пятилетнего возраста,— продолжал Кикаха.— Говорят, если только слухам можно верить, ты был в то время чудесным ребенком. Таким образом ты останешься в живых — по крайней мере, я надеюсь — и получишь второй шанс. Я не запрю тебя в камеру, но запрещу выходить из дворца. Или поселю где-нибудь еще, под строгим надзором, пока на все сто процентов не уверюсь в том, что ты действительно невинный сосунок.

А может, лучше вернуть тебя в трехлетний возраст? Или даже двухлетний? Так нам будет легче сформировать

из тебя другую личность. Твои деструктивные наклонности можно будет повернуть в созидательное русло. Как видишь, порой творить так же просто, как и разрушать.

— Тысячелетние познания и опыт — все погибнет, — пробормотал Рыжий Орк.

Кикаха ожидал новой вспышки ярости, но, видно, первая порядком истощила тоана.

— Познаний Ананы ты не пожалел.

Тоан глубоко вздохнул, посмотрел на потолок, потом уставился Кикахе в глаза:

— Ты кое о чем позабыл. Я один умею обращаться с машиной, стирающей память.

— Я помню, — отозвался Кикаха. — Тебе введут в вену гипнотическое средство, и ты как миленький ответишь на все вопросы.

— Со мной этот номер не пройдет, — улыбнулся тоан. — Я знаю несколько умственных приемов, которые мгновенно блокируют любые ваши гипнотические средства.

— Я не задумываясь подвергну тебя таким пыткам, что ты будешь просто счастлив выложить мне все подробности о том, как управлять аппаратом. Правда, я редко прибегаю к пыткам — только когда речь идет о спасении жизни. Надеюсь, ты мне веришь?

— Ты своему слову хозяин, — съязвил тоан. — Но чью жизнь ты собираешься спасти, подвергнув меня пыткам?

— Твою, — усмехнулся Кикаха. — Хотя мне не придется тебя мучить. Я припрятал в рукаве еще одну карту. Так что страданий можешь не бояться — физических, я имею в виду. Хрууз сумеет разобраться в том, как работает твой аппарат.

На сей раз пришел черед усмехаться тоану:

— Я давно предвидел появление какого-нибудь умника вроде хрингдиза. Аппарат не включится, пока не идентифицирует меня в качестве оператора. Он сверит частоту голоса и образчик интонаций. Ему также понадобятся отпечатки моих пальцев, глаз, запаха и маленький кусочек кожи, чтобы прочесть мою ДНК. А кроме того, он потребует кодовую фразу, хотя ее вы сможете вырвать у меня под пытками. Но это не обязательно. Я вам и так ее скажу, не жалко.

— А дальше? — спросил Кикаха.

— Ага! Ты уже догадался, что это не все! Правильно догадался. Если аппарат включу не я, то через некоторое время в нем взорвется парочка внутренних деталей. Взрыв уничтожит машину, а заодно аннигилирует все в радиусе трехсот футов и вызовет серьезные разрушения в радиусе следующих трехсот.

— Да, это серьезно, — согласился Кикаха. — То есть ты создал самоуничтожающуюся систему исключительно для того, чтобы твои клоны не могли ею воспользоваться, верно?

— Ну и долго же до тебя доходит, идиот!

— Этот идиот сумеет перехитрить твою систему, — сказал Кикаха. — Ты утаил от меня еще одну подробность, с помощью которой машина тебя распознает. Нечто, отличающее тебя от клонов. Но ты мне расскажешь об этом, когда боль станет совсем нестерпимой. Как я уже говорил, пыток я не люблю, но иногда к ним прибегаю. Этот инструмент практически не дает осечки.

— Информацию ты получишь, да только воспользоваться ею не сможешь. И даже если ты посадишь оператором Ашателона или Вематола, аппарат все равно взорвется. — Рыжий Орк немного помолчал. — Мои сыновья могли бы управлять аппаратом, если бы не одно непреодолимое препятствие. Я расскажу тебе о нем, поскольку мне совсем не улыбается взлететь на воздух вместе с вами. Дело в том, что машину нельзя заставить стереть мне память. Даже я не могу этого сделать. Если я введу в аппарат такую команду, он тут же взорвется. Машина отличает меня от клонов по возрасту. Клоны гораздо моложе меня. И как только аппарат обнаружит эту разницу, сработает взрывной механизм.

— Что-то я не пойму, — протянул Кикаха. — Клетки в твоём теле обновляются каждые семь лет, как и у клонов. Как же машина уловит разницу?

— Очень просто. Перед стиранием аппарат просканирует мою память и таким образом убедится, что я — это я, поскольку у клонов память короче. Тут я бессилён что-либо изменить. Я не могу изъять эту цепь так, чтобы машина не взорвалась. Такая в нее вложена команда, и

я не в силах ее отменить.— Рыжий Орк встал.— Все, я устал. Отправь меня обратно в камеру.

Кикаха тоже поднялся с кресла:

— Уже уходишь? А мне с тобой было так интересно!

Рыжий Орк встал в круг, очерченный на полу, ожидая, пока его отправят через ворота в темницу. Напоследок он крикнул:

— Послушай моего совета, Кикаха! Присматривай за Хруузом! Не доверяй ему!

Выходя из комнаты, Кикаха вынужден был признаться себе, что зашел в тупик. Ситуация напоминала временную ничью. Рыжий Орк оказался упрямее дохлого осла. Ему предложили гораздо больше, чем он заслуживал, но этот ублюдок согласен был скорее умереть, чем лишиться памяти, то есть своего драгоценного «я».

Кикаха пошел в центр управления — громадную комнату с очень толстым ковром, на котором виднелись бесчисленные математические формулы. У контрольной панели с мириадами приборов и индикаторов сидел Хрууз. Он развернулся вместе с креслом и поглядел на Кикаху:

— Похоже, тебе придется либо убить его, либо держать в заточении до смерти.

— Держать его взаперти — не лучший выход. За те тысячелетия, что он еще проживет, ему удастся придумать способ побега. А мне невыносима одна мысль о том, что он будет разгуливать на свободе.

— Я предлагаю тебе прекратить его страдания.

— Страдания?

— Да. Порой Рыжий Орк вполне спокоен — так мне, во всяком случае, говорили — и живет в мире с самим собой, пока ощущает свое превосходство над другими людьми. Тогда он бывает даже добр и верит в свою божественную сущность. Но это чувство преходящее. Он не может удержать его, не может стать спокойным и безмятежным по-настоящему, и это его терзает. Он не может принудить людей полюбить себя, хотя сам того не сознает, ибо потребность в любви скрывается глубоко в его подсознании. Под любовью в данном случае я не подразумеваю секс или страсть. Он прожил много тысячелетий, но так и не научился жить в мире с собой и с людьми.

ми. Его довели до безумия окружающие, в которых сам он вызвал ненависть к себе.

А теперь ему предлагают возможность покончить с безумием, начать все сначала. Но, невзирая на все страдания и боль, он любит свое безумие. Он не может от него отказаться. Рыжий Орк считает себя сильной личностью, и во многих отношениях справедливо. Но в каком-то смысле он слабак, хотя именно слабаков он презирает больше всего.

Кикаха громко рассмеялся:

— Благодарю вас, доктор Фрейд!

— Как ты меня назвал?

— Не бери в голову. Ты хоть и не человек, но отлично разбираешься в человеческой психологии.

— Я убежден, что между двумя видами разумных существ не может быть кардинальной разницы. Как, впрочем, и между отдельными особями внутри одного вида.

— Возможно, ты прав. И все же факт остается фактом: я предложил Рыжему Орку самое мягкое наказание, учитывая все, что он натворил. А он не соглашается его принять. Такие дела.

Хрууз закатил свои огромные глазищи к потолку. Кикаха не мог понять, что это означает. Презрение? Недоумение по поводу загадочности человеческой натуры?

— Рыжий Орк хотел посеять в твоей душе сомнения на мой счет,— сказал Хрууз.— Надеюсь, ты понимаешь, что все его инсинуации — сплошная ложь.

— Ну конечно! Мне его намерения ясны,— откликнулся Кикаха.— Его хлебом не корми — дай только подложить кому-нибудь свинью.

«Чертов Рыжий Орк! — подумал он про себя.— А ведь он просто вытащил из глубины моего подсознания червей сомнения, что давно уже там кишели. Подозрение точит мой мозг постоянно — и все-таки у меня не было никаких оснований подозревать Хрууза в дурных намерениях. Не было и нет. Нужно просто выкинуть совет Рыжего Орка из головы... Хотя ведь и Манату Ворсион говорила что-то в том смысле, что я слишком доверяю Хруузу. Правда, она тут же признала, что для подобного замечания у нее нет оснований. С другой стороны, не

стоит доверять никому, пока не пройдешь с ним огонь и воду... и даже когда пройдешь.

Обычно я подозреваю всех и каждого так же естественно, как дышу. Но у Хрууза такие веские основания для ненависти к властителям, что сомневаться в ней просто грешно. А может, он ненавидит не только тоанов, но и всех людей? Может, он такой же безумец, как и Рыжий Орк, просто лучше скрывает свои чувства? Да нет, Хрууза мне не в чем обвинить. Просто не в чем.

Ну а если он все-таки затекает какую-нибудь пакость? Как узнаешь? Откуда мне знать, что он думает и чувствует на самом деле? Я мог бы его заточить, убрать с дороги — но мне без него не обойтись, да и потом будет крайне несправедливо сажать его в темницу без всяких оснований.

О! Идея! Попрошу его пройти проверку на детекторе лжи! Нет. Он наверняка способен обмануть машину или наркотик правды с помощью ментальных приемов. Если Рыжему Орку это под силу, то Хруузу и подавно. К тому же его метаболизм и нервные реакции, скорее всего, отличаются от человеческих, и результаты проверки будут некорректны. И вообще, если я обращусь к нему с подобной просьбой, то тем самым нанесу смертельную обиду. Я просто не могу этого сделать. А может, нужно через “не могу”?»

Он взглянул на Хрууза, пытаясь разгадать, что творится в голове этого кузнечика.

— Когда ты собираешься казнить Рыжего Орка? — спросил Хрууз.

— Не знаю, я еще не решил. Его, конечно, нужно казнить. Но я ненавижу убивать — это моя слабость, — а убить мне его придется самому: нажать на кнопку и пустить в камеру газ или как-то по-другому, неважно. Я не стану поручать это кому-то еще. Так поступают только трусы.

— Не согласен, — откликнулся Хрууз. — Разве ты собственноручно убиваешь животных, которых подают тебе на обед?

— Как правило, да, хотя в чем-то ты прав. Но не совсем. Рыжий Орк не животное, что бы о нем ни говори-

ли. Даже несмотря на то, что он собирался убить меня и съесть, как будто я животное.

— Надеюсь, ты решишь свою дилемму,— сказал хрингдиз.— А я, пожалуй, вернусь на время в свой мир.

Предупреждение Рыжего Орка вспыхнуло у Кикахи в мозгу, точно чья-то рука рванула струны арфы. В этой мелодии пронзительным диссонансом звенели ноты подозрения. Чертов Рыжий Орк, чтоб ты провалился!

— Зачем? — как можно спокойнее проговорил Кикаха.

— Как ты знаешь, я пытаюсь раскрыть коды Рыжего Орка, чтобы проникнуть в секретные файлы компьютера. Надеюсь найти там базы данных, которые позволят нам сконструировать свою машину для стирания памяти. Если получится, мы сможем превратить его в невинное дитя и избежать необходимости убийства. Но есть и еще одна, не менее важная причина. Возможно, Рыжий Орк все-таки сохранил память Ананы, а тебе просто наврал. Хочу поискать в базах данных. Как знать, может, нам удастся вернуть ей память?

Кикаху так захватила эта мысль, что все подозрения тут же рассеялись, как стая птиц при звуке выстрела. В конце концов, с чего он взял, что у хрингдиза есть какой-то зловещий тайный умысел? Вздор, да и только! В сражении с Рыжим Орком Хрууз был незаменим. И вообще он славный парень, несмотря на свою чудовищную внешность.

— Ты и правда так думаешь? — спросил Кикаха.

— Все возможно. Мы должны испробовать все шансы, даже если они потребуют длительных усилий. Ради такого дела не стоит жалеть ни времени, ни сил.

— Да я тебя сейчас расцелую! — воскликнул Кикаха.

— Пожалуйста, если это доставит тебе удовольствие.

— Ну... я не имел в виду буквально,— растерялся Кикаха.— Я просто хотел сказать, что безумно тебе благодарен.

— Но мне нужно вернуться на мою планету,— невозможно продолжал хрингдиз.— Там у меня колоссальный архив информации, как унаследованной от предков, так и захваченной у тоанов. Я даже не знаю толком всего, что там есть. Возможно, в архиве мне удастся найти не

только способ расшифровки кодов Рыжего Орка, но и данные о том, как построить аппарат для стирания памяти. Кто знает?

К тому же наш друг, Эрик Клифтон, наверное, жутко скучает в одиночестве. Я перебросу его сюда — пускай побудет в человеческой компании.

— Да, но...— начал было Кикаха и умолк.

— Что? — спросил Хрууз.

— Так, ничего.

— Я заметил, что когда вы, люди, говорите «ничего», то в уме при этом часто держите нечто.

— Ты очень наблюдателен, — сказал Кикаха. — Но в данном случае мне просто стукнула в голову одна мысль, не имеющая отношения к нашему разговору. Кое-что мне надо было сделать, а я забыл, вот и все.

Подозрительность Кикахи была подобна мусорному мешку, выброшенному на пляже в море. Вот он уже почти пропал из виду — и вдруг приливная волна выносит его и швыряет тебе прямо под ноги.

— Это чертовски любезно с твоей стороны, что ты так внимателен к чувствам Клифтона, — снова заговорил Кикаха, — но мне бы хотелось, чтобы он пока остался с тобой.

— Почему?

Кикаха замялся, но только на секунду.

— Клифтон, конечно, не сможет помочь тебе с компьютером. Но он пригодится тебе — хотя бы для компании. К тому же Клифтону ты по душе. И, я уверен, ты многому сумеешь его научить, ведь он умен и очень любознателен.

«Слабо и неубедительно! — подумал Кикаха. — Но на большее я сейчас не способен. Надеюсь, мои слова не выдадут Хруузу, что я его подозреваю».

— Хорошо, — сказал Хрууз, — пускай остается. Мне нравится Клифтон, я с удовольствием побуду в его компании. Правда, сам он, наверное, скучает по себе подобным, потому-то я и хотел перебросить его сюда. — Он помолчал немного и добавил: — Спасибо, что ты заботаешься обо мне — о том, чтобы мне не было одиноко.

— Не за что, — ответил Кикаха.

Поведение хрингдиза явно не свидетельствовало о том, что он стремится избавиться от Клифтона. Впрочем, если Хрууз задумал что-то недоброе — хотя с какой стати? — то он просто убьет ни о чем не подозревающего англичанина, и вся недолга.

— Я хотел бы вернуться прямо сейчас, чтобы приняться за работу, — сказал Хрууз. — Не терпится поскорее решить эту проблему!

Он нажал кнопку на пульте управления и встал с кресла. Атмосфера в комнате внезапно накалилась, точно по ней пробежал эмоциональный разряд. Хрууз улыбался, но от этого отнюдь не выглядел менее зловещим. Впрочем, он выглядел таким всегда, независимо от выражения лица. Щупальце на кончике языка извивалось; тело застыло в напряженной позе. Словно лев, который дремал и вдруг почуял присутствие другого льва, подумал Кикаха. Он готов защищать свою территорию, готов наброситься на вторгшегося чужака.

Но заговорил хрингдиз вполне спокойно:

— По-моему, ты делаешь из мухи слона. Я чувствую твою необъяснимую враждебность. Мне до сих пор не совсем понятны все выражения человеческих лиц и оттенки интонаций. Но чудится мне, что ты — как бы это выразиться? — подозреваешь меня в чем-то. Или я не прав?

— Ты прав, — сказал Кикаха, выхватив из кобуры лучемер и прицеливаясь в Хрууза. — Возможно, я допускаю грубую ошибку, сомневаясь в чистоте твоих намерений. Если так, я извинюсь. Потом. Но ставки сейчас слишком высоки, чтобы я мог позволить себе рисковать. Придется тебе посидеть взаперти, пока я разберусь, прав я или нет. Позже я все объясню. — Он махнул лучемером: — Ты знаешь, где находятся врата, ведущие в спецкамеры. Я буду у тебя за спиной, так что не делай глупостей. Если попытаешься сбежать, я буду точно знать, что ты виновен.

— В чем? — спросил Хрууз.

— Иди!

Они пошли к двери. Но Хрууз, вместо того чтобы идти по прямой, уклонился на несколько футов влево. Кикаха громко крикнул:

— Стой!

Хрингдиз сделал еще два шага, остановился и начал поворачиваться. Кикаха напряг палец, лежавший на спусковом крючке. Регулирующий мощность рычажок стоял чуть дальше отметки «парализующая мощность», поскольку для Хрууза, как рассудил Кикаха, разряд потребуется посильнее, чем для человека.

Поворачиваясь к Кикахе лицом, Хрууз сказал что-то на своем родном языке. И исчез.

Кикаха остолбенел от изумления. Потом, очухавшись, с горечью треснул себя по лбу:

— Кодовое слово! Вот что он сказал! Боже праведный, он поставил тут врата! Ну и пройдоха! Меня не так-то просто одурачить, но...

Хрингдиз установил врата в петле, символизирующей вечность, — в лежачей восьмерке, нарисованной на ковре. Ступив в нее, он произнес кодовое слово и сейчас, скорее всего, уже находится в неприступной подземной крепости у себя на планете.

Ну все, Клифтону конец. Хрууз расправится с ним немедленно.

Кикаха зашагал к контрольной панели и объявил всеобщую тревогу, после чего приказал Вематолу и Ашателону появиться на ближайшем экране. Через минуту на него воззрились два одинаковых лица. Кикаха рассказал клонам о происшествии. Оба, похоже, встревожились. Вематол, отличавшийся от брата лиловой головной повязкой, спросил:

— Что, по-твоему, он задумал?

— Не знаю, — ответил Кикаха. — Слушайте! Он может вернуться в любую минуту. Способен кто-нибудь из вас установить односторонние выходные врата, покрывающие в центре управления весь пол? Тогда он не сумеет сюда проникнуть.

— Мы оба можем это сделать.

— В таком случае бегите сюда и за работу!

Ашателон — в зеленой головной повязке и зеленых сапогах — появился первым. Через пару секунд в центр управления вбежал его брат.

— Хрингдиз мог установить врата и в других помещениях дворца, — запыхавшись, выпалил Ашателон.

— Я знаю, но мы же не в состоянии заблокировать полы во всех залах! Или я ошибаюсь?

— Это возможно, только потребует времени. Но тогда все ворота, которыми мы пользуемся, окажутся закрыты. Ты не сможешь передать моему отцу еду, например. Хотя, если он сдохнет с голоду, я буду только рад.

— А кроме того, — вмешался Вематол, — Хрууз мог установить ворота и в стенах. И даже в потолках.

— Закройте только пол в этой комнате, — распорядился Кикаха. — Но по-быстрому, не тяните!

Братья уселись за пульт. Кикаха вызвал капитана стражи и обрисовал ему ситуацию.

— Поставь своих людей в круглосуточный караул. Работайте в три смены. Если появится хрингдиз, пристрелите его.

Кикаха сомневался в том, что Хрууз скоро вернется назад. Он подозревал, что чешуйчатый отправится в мир Зазеля, чтобы заполучить данные о машине творения-разрушения, которую жаждет прибрать к рукам не меньше Рыжего Орка. Такое предположение казалось Кикахе вполне правдоподобным, хотя почему — он и сам бы не мог объяснить. Но в то, что хрингдиз способен уничтожить все вселенные, кроме одной, Кикахе как-то не верилось.

Если Хрууз это сделает, он станет самым одиноким созданием на свете. Правда, не исключено, что он сумеет сотворить себе клонов, а потом часть из них переделает в особой женского пола. А может, у него в архивах есть данные, позволяющие изменять клонов? Тогда ему ничего не стоит создать генетически разное население.

Ладно, так можно гадать до бесконечности. А время не ждет.

Кикаха записал на кубик сообщение для Манату Ворсион и отправил гонца к воротам, соединенным с ее планетой. Возможно, она поддержит его идею о вторжении во вселенную Хрууза. Кикаха просто не мог сидеть и ждать атаки хрингдиза. «Лучшая защита — это нападение» — таков был его девиз. Когда гонец вернулся и доложил, что кубик отправили через ворота, клоны как раз закончили блокировку пола в центре управления.

— На приборы контрольной панели это не повлияет,— сказал Вематол.

Кикаха, убедившись, что все возможное на данный момент сделано, прошел через дворцовую анфиладу к комнатам Ананы. На входной двери, ведущей в ее покои, висел громадный монитор. Кикаха назвал свое имя. Экран ожил. Кикаха увидел, как Анана мечется по своей комнате взад-вперед прямо возле двери. Словно тигрица в клетке, подумал он, только еще прекраснее. Эта мысль исторгла из груди Кикахи слабый стон. Кто бы мог подумать, что придет день, когда его возлюбленная готова будет растерзать его в клочья?!

Кикаха попросил позволения войти. Анана остановилась и повернула к нему искаженное гневом лицо.

— К чему весь этот фарс? Меня тошнит от твоей вежливости и напускной заботы! Ты здесь хозяин! И можешь делать все, что пожелаешь!

— Верно,— сказал он.— Но я ни в коем случае не причиню тебе вреда. Правда, пока я не могу доверять тебе. Я должен отлучиться по делам. Мне некогда объяснять тебе ситуацию, да и не к чему, поскольку ты все равно мне не веришь. Я вынужден перевести тебя в специальную камеру, для твоей же безопасности. Когда-нибудь, надеюсь, ты поймешь. Вот, собственно, и все.

Вообще-то сначала Кикаха намеревался зайти к ней в комнату и поговорить с глазу на глаз. Но потом передумал. Он подошел к другому стенному экрану и вызвал Вематола с Ашателомом.

— У меня появился совсем новый план,— сказал он.— Вот что вы должны сделать немедленно. Транспортируйте Ана-ну через ворота в камеру номер три. Подберите четырех верных служанок, пускай снабжают водой и пищей ее и Рыжего Орка, пока нас не будет. Стражников отпустите в оплачиваемый отпуск, оставьте только пятьдесят человек. Оставшиеся — и постарайтесь выбрать самых надежных — пусть продолжают нести круглосуточную вахту. Когда все будет готово, закройте дворец, запирайте все ворота и все окна на первом этаже. Даю вам два с половиной часа. А потом приготовьтесь к путешествию в мир Зазеля.

Клоны запротестовали — мол, слишком мало времени, они не успеют, — но Кикаха резко оборвал их протесты.

— Выполняйте! — бросил он и выключил экран.

Через десять минут Кикаха отправил еще одно послание Манату Ворсион, в котором сообщил ей об изменении ситуации и о том, что Анана переведена в надежную камеру. В назначенный срок Ашателон и Вематол явились, как было велено, на одноместных воздушных флэерах.

— В дорогу! — сказал Кикаха и поднес к губам рог.

Глава 20

Они ожидали, что Дингстет оживит планету, но мир Зазеля был так же мертв, как и в прошлый раз. Правда, кое-какие отличия имелись. Кто-то, например, взорвал в туннеле кусок стены. Новое отверстие вело в большущую пещеру с живыми растениями и животными. Там же находился и жилой уголок с мебелью, домашней утварью, кухней и ванной. Очевидно, здесь жил Дингстет, но никаких следов борьбы не было видно.

— Хрууз побывал тут, — сказал Кикаха, — и захватил Дингстета, несмотря на все его ловушки. Хрингдиз не стал их обходить — просто попер напролом, сметая все на своем пути. Стало быть, мы отправляемся на планету Хрууза.

— Элиниттрия! — воскликнул Вематол. — Как мы туда попадем? И стоит ли вообще соваться в его логово?

— Нет, — ответил Кикаха, — не стоит, если хочешь жить вечно. Но попасть туда будет нетрудно. Великая Праматерь объяснила мне, как это сделать. Проход на планету Хрууза свободен.

Они полетели обратно к первому кресту, которым отметили точку своей высадки. Здесь Кикаха трижды протрубил в рог. Манату Ворсион устроила так, что тройной сигнал у этих врат открывал проход в мир Хрууза. Кикаха понятия не имел, как ей это удалось, но вообще-то Великая Праматерь многое умела. И теперь с удовольствием применяла на практике знания, накопленные в течение бесчисленных тысячелетий.

Предупредив спутников, чтобы были начеку — хотя они в таком предупреждении и не нуждались, — Кикаха повел их через врата. Они очутились в подземном лабиринте, но до крепости хрингдиза отсюда было еще далеко. С помощью детектора, присланного Великой Праматерью через врата несколько дней назад, Кикаха определил, где расположено скопление врат, и полетел в ту сторону. Хотя Хрууз полагал, что закрыл все врата, они оставляли на индикаторе слабое свечение, и таким образом их можно было обнаружить. Великая Праматерь и впрямь позаботилась обо всем.

Путники приготовились к встрече с ловушками в виде взрывов, смертоносных газов или врат, которые перебросят их в замкнутую цепь либо в заброшенную вселенную. Ничего подобного на пути не оказалось. Хрууз, похоже, был уверен, что никто не сможет проникнуть в его крепость без позволения. Наконец, обыскав комнаты чешуйчатого и найдя их пустыми, троица добралась до входа в центр управления Хрууза.

Кикаха вошел туда первым и остановился. Клоны приблизились к нему и уставились на пятна засохшей крови прямо перед главным пультом. Футы в пятидесяти от пятен Кикаха увидел тело. Клифтон лежал на полу ничком. В вытянутой руке был зажат лучемер. Видно, Хруузу не удалось застать его совсем уж врасплох.

Кикаха подошел к лежащему, отметив, что между пятнами и телом не было никаких кровавых дорожек. Встав на колени, он прижал палец к шее Клифтона. Пульса нет. Чего и следовало ожидать. На Клифтоне были только шотландская юбка, сандалии и пояс с кобурой. Сзади на левой руке зияла обожженная дыра, и еще одна, точно такая же, — внизу, возле позвоночника. В него дважды попали узконаправленным лучом.

Кикаха перевернул англичанина. Две раны спереди соответствовали дырам на спине и руке.

— Хрууз, должно быть, чертовски торопился, — сказал Кикаха, вставая. — Ему даже не хватило времени, чтобы избавиться от тела.

Он приказал Вематолу отнести труп подальше и дезинтегрировать его из большой катерной пушки. Тоан надел кислородную маску и потащил покойного из комнаты.

Кикаха же вернулся к пятнам перед контрольной панелью и внимательно их осмотрел.

— Клифтон успел-таки выстрелить перед смертью. Похоже, Хрууз ранен, хотя и не слишком серьезно.— Опустившись вновь на одно колено, Кикаха обследовал края пятен.— Эй! Да здесь же отпечаток передней части ступни! Не человеческой, но и не Хрууза! Дингстета, не иначе! Он стоял рядом с Хруузом, когда началась пальба!

Ашателон тоже склонился к отпечатку:

— Ты прав. Интересно, Дингстет пришел с Хруузом по доброй воле или как пленник?

— Очень сомневаюсь, чтобы по доброй воле.

— Но зачем Хруузу понадобилось брать с собой Дингстета? — недоуменно спросил Ашателон.— Если Дингстет выполнил твой приказ, так он давно уже стер все данные о машине творения...— Он умолк и вдруг воскликнул: — А, понимаю! Кажется, понимаю! Данные стерты из памяти компьютера, но они могли остаться у Дингстета в мозгу!

Кикаха кивнул:

— Да, это я прошляпил. Мне надо было сразу сообщить. Я же не спрашивал Дингстета, хранит ли он информацию о машине в своей памяти, вот он ничего и не сказал. Хрууз оказался умнее. Возможно, он подумал об этом еще тогда, когда мы были в плену, но промолчал.

— Он жаждет мести,— сказал клон.— Он собирается сделать то же, что хотел мой отец! Уничтожить все вселенные, кроме одной!

— Точно мы этого не знаем,— заметил Кикаха.— Но, возможно, ты прав. Мы возвращаемся во дворец, только сначала нужно повидаться с Манату Ворсион. Как бы скверно ни складывались дела, она наверняка захочет присоединиться к нам. Думаю, Хрууз уже в замке. Он ожидает, что мы погонимся за ним по пятам. Быть может, в такой спешке он и не успеет подготовить нам достойную встречу. Будем надеяться. Но нам в любом случае придется сделать крюк и завернуть к Манату Ворсион.

Если великаншу и удивило внезапное появление гостей, то вида она не подала. Как только ей рассказали о последних событиях, Великая Праматерь сказала:

— Я иду с вами. Долгие тысячелетия я не покидала свой мир, но сражаться еще не разучилась. Я буду гото-

ва через несколько часов. А вы пока подкрепитесь. Вам нужно поесть и немного отдохнуть.

Что она делала все это время, Кикаха и клоны не знали. Но когда Манату Ворсион появилась перед ними, на ней были комбинезон, прозрачный шлем, перчатки и кислородный баллон за спиной. Кожаная упряжь, обхватывавшая торс, щетинилась оружием, в том числе и таким, какого Кикаха никогда не видел. За великаншей шествовали четверо слуг с обмундированием в руках. Слуги протянули амуницию Кикахе и клонам.

Настоящая богиня войны, подумал Кикаха. Даже Афина никогда не выглядела столь внушительно. Было совершенно очевидно, что великанша взяла командование на себя. Кикахе это не нравилось, но он понимал, что так лучше для всех. Рядом с ней, обладавшей тысячелетним опытом, он чувствовал себя младенцем.

— Ступайте за мной, — сказала она в шлемопередатчик. — Я отведу вас в такое место, где, кроме меня, никто не бывал. Там вы сможете надеть костюмы.

Они поднялись по винтовой лестнице в покои великанши. Она произнесла кодовое слово. Глиндгласса, громадное зеркало, замерцала. Кикаха шагнул сразу за хозяйкой и очутился в гигантском зале со множеством дверей. Увы, ему некогда было полюбоваться бесчисленными произведениями искусства — а некоторым из них могло быть более двадцати тысяч лет — и рассмотреть во всех подробностях чучела мужчин и женщин, стоявших в разных позах с выражениями целой гаммы эмоций на лицах. Очевидно, это были враги Манату Ворсион, убитые ею в стародавних войнах. Уникальные музейные экспонаты, причем совсем не пыльные.

Великанша провела их из зала в коридор длиной по меньшей мере футов в четыреста. Не доходя до конца коридора, она свернула в ворота пятидесятифутовой высоты. За ними простирался колоссальный ангар, в котором рядами стояли самые разнообразные летательные аппараты. По команде Манату Ворсион мужчины облачились в комбинезоны. Правда, в ножнах на упряжи у них оказалось лишь знакомое им оружие: лучеметы, ручные гранаты и ножи. Великанша показала им, как вставить шлемы в

металлические кольца наверху комбинезонов и закрепить их крохотной защелкой на ободке. В шлемы были встроены приемопередатчики. Манату Ворсион объяснила также, как пользоваться кислородными аппаратами. Надев шлемы, они слушали ее голос уже через приемники.

Через минуту вся четверка взошла на борт судна с прозрачным куполом, похожего на дирижабль без оперения, с башнями сверху и внизу. Великанша показала, куда кому сесть и как управляться с большими вращающимися лучеметами, расположенными на судне таким образом, чтобы можно было стрелять из любой его части. Потом быстро проинструктировала, как обращаться с выдвижными башнями, и указала на шесть складных одноместных катеров, прикрепленных к корпусу судна:

— Они управляются точно так же, как ваши флаеры, на которых вы передвигались в мире Зазеля. Будьте готовы воспользоваться ими.

Великанша села в пилотское кресло и коротко рассказала о назначении основных и самых простых контрольных приборов. После чего трое мужчин заняли свои места и пристегнулись к вращающимся креслам возле лучевых пушек. Вематол сел у нижней башни, Ашателон — у верхней. Кикахе досталась хвостовая пушка. Он предпочел бы пилотское кресло или, на худой конец, верхнюю башню. Но Великая Праматерь распорядилась иначе. Как и прочие члены экипажа, Кикаха за десять минут ознакомился с принципом управления башней и лучеметом. А потом Манату Ворсион подняла судно в воздух и тихонько повела его к задней стене ангара. Дирижабль прошел через невидимые врата, не выдавшие своего присутствия даже мерцанием.

На мгновение они очутились на высоте, по прикидкам Кикахи, пяти тысяч футов. В чистом голубом небе ярко светило солнце, внизу расстилались безбрежные леса. Была ли то планета Манату Ворсион или какой-то совсем другой мир? Потом они вдруг оказались глубоко под водой, сквозь толщу которой еле пробивался свет. А еще через минуту судно вновь летело в воздухе, на сей раз безлунной ночью.

Прародительница всего сущего отлично умела замечать следы, не давая врагам обнаружить подходы к ее вратам.

Кикаха увидел знакомые созвездия — те самые, что светили ему каждую ночь во дворце Рыжего Орка. Корабль летел над Землей-2. Значит, атака начнется снаружи, а не внутри особняка.

В шлеме раздался голос Манату Ворсион:

— Через две минуты мы будем во дворце! Если сможете, берите Хрууза живым! Он для нас источник ценной информации и к тому же последний представитель своего вида. Возможно, он планирует уничтожить все живые существа во вселенных. В своем безумии он не виновен, но это его не извиняет.

Мы, тоаны, не в силах возместить ему то, что сделали с его народом. И тем не менее мы не должны поддаваться сейчас сожалению или чувству вины. Если другого выхода не будет, убейте его!

Прошла минута.

— Мы на месте! — крикнула Манату Ворсион.

Ночное небо исчезло. Судно парило в просторной, ярко освещенной столовой для стражи и слуг. На полу валялось около сорока трупов охранников, изуродованных лучевыми выстрелами. Возле стола лежали три мертвые служанки, оставленные Кикахой для того, чтобы они снабжали едой Анану и Рыжего Орка. Перевернутые стулья и полупустые тарелки свидетельствовали о том, что людей застали врасплох во время обеда. Десять оставшихся стражников либо сбежали из дворца, либо лежали где-то мертвые, либо попрятались.

Сигнализационная система, которую почти наверняка установил Хрууз, уже предупредила его о появлении врагов, подумал Кикаха.

Дверь столовой оказалась такой громадной, что судно смогло протиснуться в нее, несмотря на башни сверху и внизу. На стенах, на полу и потолке — везде чернели следы от выстрелов лучемета. Судно вынырнуло в следующей комнате. Почти такая же картина — черные пятна и обгорелые или изуродованные трупы, на сей раз пяти стражников.

Кикаха услышал голос Манату Ворсион:

— Четвертую служанку Хрууз, очевидно, оставил в живых для допроса. Он заставит ее сказать кодовые слова, чтобы послать подарочек в камеры Ананы и Рыжего Орка.

Кикаха заскрипел зубами. Чешуйчатый мог впустить газы или бросить взрывчатку даже сквозь малые ворота для передачи пищи. А если хватит времени, Хрууз вполне способен догадаться, как расширить ворота, чтобы через них мог пройти человек. В том случае, конечно, если узники ему зачем-либо понадобятся.

Представив себе эту сцену, Кикаха облился потом и тихо застонал. Живое воображение — и подарок судьбы, и ее проклятие одновременно.

— ...мог это сделать, а потом возобновить допрос Дингстета, — продолжала между тем Манату Ворсион. — Возможно, Хрууз уже завладел данными о машине творения, но может быть и так, что он до сих пор выпытывает их у Дингстета. Все зависит от того, как долго он здесь пробыл.

Корабль летел теперь по коридору. Судя по царапинам на стенах и потолке, Хрууз ворвался в замок на судне примерно таких же размеров. Коридор вывел их в широкое длинное помещение с высоким потолком — зал для приема гостей, хотя Рыжий Орк никогда не давал балов. Посреди зала стоял корабль, пустой и с погашенными огнями, очень похожий на судно Манату Ворсион. Только корпус со стороны носа и кормы у него был закруглен, а днище — плоское.

— Дальше Хрууз пошел пешком, потому что коридоры для его судна слишком узки, — сказала великанша.

Она посадила корабль прямо за судном Хрууза. Вематол вылез из нижней башни, и та вдвинулась в корпус.

— Открепите флаеры, — велела Манату Ворсион.

Пока мужчины возились с воздушными катерами, великанша осмотрела судно Хрууза. Это заняло немного времени.

— Дверца заперта, — сказала она, вернувшись. — Слушайте мой план. Мы разделимся на две группы. Ты, Кикаха, вместе с Ашателом осмотришь все близлежащие залы. А мы с Вематолом попробуем пробраться в коридор,

ведущий к центру управления. Если понадобится помощь, сразу зовите нас.

Великанша сказала им кодовые слова, отпирающие оба люка в большом судне и приводящие его в движение. Теперь любой из них, если ситуация потребует, сможет вернуться на корабль и поднять его в воздух. С управлением не должно быть проблем, назначение всех приборов четко обозначено.

— А знаешь,— сказал Кикаха, летя рядом с Ашате-лоном,— Хрууз уже вполне мог смотреться отсюда. И оставить нам в подарок бомбочку, способную разнести дворец в пух и прах.

— Да, подбодрить ты умеешь как никто,— отозвался тоан.— Оставь свои шуточки для другого раза, ладно?

Кикаха рассмеялся, хотя и не так весело, как обычно.

За двадцать минут они обыскали все комнаты и коридоры на первом этаже восточного крыла дворца. Кикаха доложил о результатах и тут же услышал голос Манату Ворсион. Они с Вематолом были на втором этаже перед дверью центра управления.

— Мы нашли четвертую служанку. Она лежит в коридоре. Все тело покрыто мелкими ожогами, глаза выжжены, голова вся изрезана. Видно, ему пришлось изрядно ее помучить, прежде чем он узнал то, что хотел. Очень храбрая женщина, хотя с ее стороны было глупо так долго хранить молчание. Она могла бы избавить себя от мучений.— Великанша сделала паузу и скомандовала: — Поднимайтесь сюда. Я подожду вас, в центр управления войдем все вместе.

Когда Кикаха с клоном поднялись на второй этаж, они обнаружили, что Манату Ворсион уже успела вырезать лучеметом из стенки дверь. Та лежала на полу, а великанша усердно выжигала в стене, футах в тридцати от дверного проема, большой круг, через который мог пролететь флаер.

— Вы вдвоем сделайте такой же круг с другой стороны от двери, на том же расстоянии! — велела она.

Выжигая круг лучами из пушек, они слышали, как часть стены, обрабатываемая великаншей, с грохотом обвалилась в комнату. Кикаха не долго думая направил свой

флаер в круг, почти законченный им и клоном. Удар чуть не вышиб Кикаху из кресла — вернее, вышиб бы, не будь тот пристегнут. Стена не выдержала, и часть ее рухнула на пол.

Кикаха осторожно глянул в разлом, опасаясь выстрела из лучемета или взрыва гранаты. В просторном зале была целая уйма экранов, пультов и аппаратов непривычного вида. Кикаха доложил, что видит часть помещения: там никого нет, но сейчас он сунет голову в пролом и осмотрит весь зал. Услыхав категорический запрет Манату Ворсион, Кикаха невольно почувствовал облегчение. Неужто ему и впрямь не терпится лишиться башки, только чтобы доказать, какой он смелый? — выругала его великанша.

— Часть зала, которая видна мне, — продолжала она, — похоже, необитаема. Сенсорные индикаторы тоже не регистрируют тепла, исходящего от тела. Хотя Хрууз мог загородиться экранами — если он там, разумеется. Влетаем все вместе, по моему сигналу. Как я уже сказала, предпочтительнее было бы только ранить его, но, боюсь, это невозможно.

Манату Ворсион подняла руку и крикнула:

— Вперед!

Кикаха нажал на педаль акселератора. Флаер рванул с места с такой скоростью, что Кикаху вдавило в спинку кресла, несмотря на амортизаторы. Влетев в зал, он резко поднял флаер вверх, заложив крутой вираж вправо, и чуть было не впился головой в потолок, хотя от пола до него было не меньше сорока футов. Кикаха выровнял машину и включил тормозное поле. Флаер остановился так резко, что пристежные ремни больно врезались Кикахе в грудь.

Флаер Ашателона, описав дугу влево, остановился прямо напротив воздушного катера Кикахи. Машины почти соприкасались носами. Ашателон должен был затормозить уровнем ниже, но ошибся в расчетах. Однако времени на упреки не было. Кикаха сосредоточенно высматривал внизу Хрууза, но тщетно.

Увидев Дингстета, распростертого лицом вниз возле массивного аппарата у дальней стены, Кикаха издал глу-

хой стон. Руки Дингстета были связаны за спиной. Вокруг машины и тела тянулись кровавые следы.

Хрууз, должно быть, вышел из зала раньше, чем преследователи добрались до него, или же скрылся через ворота. Последнее казалось более правдоподобным. По-видимому, они ворвались в зал как раз в тот момент, когда хрингдиз собирался пристрелить Дингстета. Поскольку ему помешали, Хрууз не довел дело до конца и удрал то ли через ворота, то ли в коридор.

Кикаха и его спутники подлетели к аппарату, возле которого лежал Дингстет, приземлились и вылезли из флаеров. Манату Ворсион велела Вематолу встать у двери на часах, чтобы лишить Хрууза удовольствия вернуться и застать их врасплох. Потом она вместе с Ашателеном обошла вокруг аппарата. Кикаха тем временем повернул Дингстета лицом вверх.

— Ранен в плечо и ногу,— сказал Кикаха, подняв к великанше голову.— Пульс еле прощупывается.

— Хрууз удрал буквально только что,— заметила Манату Ворсион.— Кровь еще совсем свежая.

Кикаха начал было подниматься — и вдруг потерял равновесие. Ему почудилось, будто он летит вниз на скоростном лифте. Выпрямившись, он взглянул сквозь шлем великанши в ее искаженное тревогой лицо. Она раскрыла рот — но не успела вымолвить и слова, как раздался оглушительный взрыв.

Пол вздыбился навстречу Кикахе, с силой ударил его, потом прогнулся и треснул под его упавшим телом. Смутно, словно в тумане, Кикаха заметил, как массивный аппарат съехал с места, отшвырнув Ашателона в сторону. Потом Кикаху что-то ударило в спину, и он потерял сознание. Последнее, что он слышал, был оглушительный грохот лавины и его собственный слабенький крик.

Глава 21

Боль пробудила его. Болели голова, нос, шея, спина и правый локоть. Ног, начиная от бедер и ниже, он практически не чувствовал — ощущал только придавившую их тяжесть. Сквозь шлем, припорошенный тонкой пленкой

белой пыли, был виден развороченный пол. Большая трещина проходила прямо под Кикахой. Нос его приплюснуло к шлему. Облизав губы, Кикаха ощутил привкус крови.

В помещении было тихо, только откуда-то издалека донесся один-единственный приглушенный стон. Кикаха крикнул. Ему ответила тишина.

Он попытался перевернуться, но не смог: ноги были прижаты к полу. Извиваясь верхней частью тела, Кикаха заметил зеленые сапоги, торчащие из-под кучи цементных плит, усыпанных всякими другими обломками. Сапоги, как и вся остальная комната, были покрыты пленкой пыли, но Кикаха все же разглядел, что они зеленые. Такие сапоги были только у Ашателона.

Опустив голову и повернув ее вправо, Кикаха уперся взглядом в металлическую балку, зависшую в дюйме от шлема. Оторвавшись от стены, балка, очевидно, стукнула его по голове и покорежила шлем. Удар швырнул его на пол, причем балка чуть было не раздробила ему плечо.

Кикаха силился выбраться из-под тяжести, пригвоздившей его к полу так, будто на ноги ему надавили пальцы титана. Истощив последние силы и едва дыша, он сделал перерыв. Ему удалось продвинуться по крайней мере на несколько дюймов. Или он выдавал желаемое за действительное?

Полежав спокойно несколько минут, Кикаха возобновил попытки. И вдруг увидел прямо перед собой громадные запыленные голубые сапоги Манату Ворсион. Звучный голос ее заполнил шлем:

— Лежи тихо, Кикаха. Я постараюсь поднять эту балку с твоих ног.

Сапоги исчезли. Кикаха услышал крик, нецензурную брань, и наконец великанша сказала, задыхаясь:

— Не могу. Пойду приведу сюда флаер, если сумею отыскать его в этом бедламе, и попробую поднять ее с воздуха. Там в запасном отсеке должен быть трос.

Когда она удалилась, к Кикахе подошел Вематол.

— Она велела мне очистить место вокруг балки,— прохрипел клон.— Лежи и не двигайся, Кикаха. Ты ничего не сможешь сделать, пока она не вернется.

— Как будто я сам не знаю,— проворчал Кикаха. Ему ужасно хотелось пить, и перед глазами как наяву маячил стакан с ледяной водой.

Довольно долго в шлеме раздавались скребущие звуки и тяжелое дыхание Вематола.

— Возможно, ноги у тебя и не раздроблены,— проговорил наконец тоан.— Их завалило кучей хлама, а уж потом сверху упала балка.

— По-моему, я начинаю их чувствовать,— отозвался Кикаха.— Онемение проходит.

Великанша вернулась вместе с флаером. Ей пришлось разгрести целый курган, прежде чем она нашла машину. Правда, не свою, но другие флаеры засыпало напрочь. Она помогла Вематолу убрать мусор вокруг балки, потом обмотала ее тросом — и через несколько минут приподняла так, что Вематолу удалось вытащить Кикаху из-под груза. Великанша посадила флаер и вышла, чтобы обследовать Кикаху.

Ноги еще не слушались его. Он сидел, прислонясь к груде обломков, пока Манату Ворсион ощупывала ему ноги сквозь комбинезон. Переломов, похоже, нет, заявила наконец великанша, но ей нужно будет осмотреть его еще раз, без одежды.

— Ашателон погиб,— прибавила она.

— Странно. Мне казалось, он из тех, кто выживет в любой ситуации.

— Таких не бывает. Время побеждает всех.

Кикаха взглянул на то, что осталось от потолка. Края его в основном уцелели, но обвалившийся верхний этаж пробил посередине здоровенную дыру. Части потолка вокруг дыры держались на честном слове. Разрушенная стенка центра управления обвалилась прямо в коридор. Пока Кикаха рассматривал руины, здание тихонько дрогнуло, и по другим стенам поползли новые трещины. Дальний конец потолка с шумом рухнул, подняв тучу белой пыли, и на полу тут же выросла еще одна гора мусора, уходившая вершиной в провал.

— По-моему, нам пора двигаться отсюда,— сказал Кикаха.

Не успела великанша ответить, как в комнату ворвался Вематол, обследовавший коридор:

— Мы не на Земле-2!

— Что? Откуда ты знаешь? — в один голос воскликнули Кикаха и Манату Ворсион.

— Я видел небо сквозь отверстие в потолке коридора. Наверное, каменная колонна на крыше дворца обвалилась и пробила все полы верхних этажей. Дыра небольшая, но небо видно. Оно зеленое.

— Это значит... — начал Кикаха.

— Это значит, — перебила его Великая Праматерь, — что Хрууз обволок вратами весь дворец, возможно даже с прилегающей территорией, и перенес его в другую вселенную. Для такой операции нужна уйма энергии. А также времени. Очевидно, он подготовил все заранее, до того, как вернулся сюда с Дингстетом. Когда дворец перемещался, он поднялся в воздух — то ли случайно, то ли так было задумано, — а потом упал. Наверное, поднялся он не очень высоко, иначе мы бы погибли.

— Именно это я и собирался сказать. — Кикаха огляделся. — А где Дингстет?

— Или похоронен под кучей обломков, или очнулся раньше нас и ушел. Возможно, не сознавая, что делает. Но если так, то, раненый, он далеко не уйдет.

— Он наполовину состоит из плоти, а наполовину из электронных цепей, — сказал Кикаха. — Способность к регенерации у него, наверное, выше нашей. Есть тут какой-нибудь кровавый след, ведущий из комнаты?

— Нет, — ответила великанша. — Но когда замок рухнул, Дингстет был рядом с тобой. Его должно было пришибить той же балкой.

— А может, он устремился на поиски Хрууза, чтобы отомстить ему? — предположил Вематол.

— Со связанными за спиной руками? — усомнилась великанша.

— Анана! — крикнул Кикаха.

Он попытался встать, однако ноги были еще слишком слабы, хотя и наливались понемногу силой.

Великанша с клоном переглянулись, но не проронили ни слова. Они поняли, какую картину представил

себе Кикаха: Анана, по-прежнему находящаяся в здании и замурованная в камере. Единственный вход к ней вел через ворота. Но стена с активатором врат могла быть погребена под обломками.

Рыжий Орк находился в таком же положении, однако это Кикаху не волновало.

Манату Ворсион, похоже, была несколько больше обеспокоена судьбой тоана:

— Возможно, их не засыпало при падении замка. Там даже мог открыться какой-нибудь проход.

— Это вряд ли, — усомнился Вематол.

— Все может быть. Но мы должны знать наверняка. Необходимо найти Хрууза и выяснить, на месте ли Рыжий Орк.

— Как я понимаю, Анану ты искать не собираешься? — спросил Кикаха.

— Позже, — отрезала Манату Ворсион. — Вематол, ты пойдешь со мной. Прости, Кикаха, но мы не можем ждать, пока ты оправишься. Хрууз, по-видимому, был где-то вне замка, когда перебрасывал его, но потом мог вернуться сюда через другие ворота. Думаю, он поостерегся перемещаться вместе с дворцом. Но теперь наверняка нас ищет. Удивляюсь, что его еще нет в этой комнате.

— Наверное, сидит в засаде где-нибудь неподалеку, выжидая удобного момента, — сказал Вематол и нервно оглянулся по сторонам.

Великая Праматерь решила, что им нужно снять с себя кислородные баллоны, рюкзаки, шлемы и комбинезоны.

— Они замедляют движения, а я не думаю, что нам следует опасаться ядовитых газов, — сказала она.

Сняв с себя комбинезоны, великанша и клон надели упряжь с оружием. Потом они стащили комбинезон с Кикахи и помогли ему застегнуть ремень. На поясе кроме оружия у него висел рог Шамбаримена.

Кикаха проводил взглядом уплывающий флаер — крохотную и легкую двухместную металлическую конструкцию с небольшим моторчиком, маленьким запасным отсеком и двумя вращающимися лучевыми пушками. Великая Праматерь сидела в пилотском кресле, Вематол — у нее за спиной. Кикахе велели не трогаться с ме-

ста, но быть начеку. В футляре, прикрепленном к поясу, у него был искатель врат. Рядом на полу стояла фляга, а в руке был зажат лучемет, готовый стрелять, если покажется Рыжий Орк или Хрууз. Несмотря на то что сзади пробраться в комнату было практически невозможно, Кикаха то и дело оглядывался. Громадные кучи мусора могли заслонять какое-то отверстие, о котором он и не подозревал.

Было тихо, только руины, оседая, временами тихо потрескивали. Любой здравомыслящий человек постарался бы выбраться отсюда, пока все не рухнуло к чертовой матери. Но здравомыслящий человек, если уж на то пошло, здесь бы и не очутился. К тому же все тело у Кикахи ныло от боли.

Казалось маловероятным, чтобы Хруузу удалось настроиться на их частоту, но рисковать все же не стоило. Радиопередатчиками придется пользоваться только в случае крайней необходимости.

Кикаха чувствовал себя беспомощным. Обычно одиночество не угнетало его, но сейчас он жаждал услышать человеческий голос. И оттого, что здание могло обрушиться и погрести его под собой в любой момент, время представлялось Кикахе похожим на раскаленную проволоку в волочильном станке. Если ее растянуть слишком сильно, она порвется. И тогда руины, скопившиеся на верхнем этаже, обвалятся вместе с потолком прямо ему на голову.

Становилось все жарче, и Кикаха начал покрываться потом. Зато ноги наконец полностью обрели чувствительность. Несмотря на боль, Кикаха поднялся. Его шатало, но не очень сильно. Вволю напившись из фляги, оставленной великаншей, Кикаха вышел из центра управления. Какой смысл сидеть там и ждать, если Хрууз, вооруженный бог знает чем, шляется по дворцу?

Поначалу передвигаться было не очень трудно. Хотя коридор завалило чуть ли не до потолка, Кикаха карабкался на кучи, проползал по верхушкам, почти упиравшимся в потолок — вернее, то, что от него осталось, — и съезжал по другой стороне курганов. Из дыры в потолке, о которой упоминал Вематол, струился бледный свет.

Кикаха посмотрел через отверстие. Да, все правильно. Небо зеленое.

В конце коридора простиралось полуразрушенное помещение размером с два бальных зала, но идти здесь стало труднее — сплошные горы и долины из пластиковых осколков, деревянных панелей, каменных обломков, разбитых и целых мраморных колонн, мраморной крошки и статуй выше человеческого роста. Многие колонны и статуи торчали из груды хлама под углом, словно пушечные стволы из развалин крепости. Торчали также обломанные ножки стульев и столов; покореженные металлические и деревянные шкафы; разбитые бутылки, залившие воздух ароматами вина и пива; изогнутые канделябры и покривившиеся рамы огромных картин с лохмотьями холста. Кикаха весь взмок, пробираясь между завалами. Пот, мешаясь с пылью, покрыл его тело и волосы липкой жижой, заливая и разъедая глаза. Кикаха подумал, что похож сейчас на бледного призрака с кроваво-красными глазами.

Время от времени он вытаскивал из футляра детектор врат и включал его. Индикатор загорался раз десять. Но Кикаха не хотел рисковать и трубить в рог, чтобы открыть врата, поскольку Хрууз мог находиться в пределах слышимости.

Великая Праматерь сказала, что они с Вематолом пойдут в северную часть дворца. Там они разделятся и начнут поиски поодиночке. Как только чешуйчатый человек будет обнаружен, им не составит труда связаться друг с другом по радио. Кикаха тоже направился на север, хотя и окольным путем. Правда, несмотря на бесконечное напряжение, ноги не только не устали, но становились все сильнее.

Добравшись до громадного кургана в другом конце зала, Кикаха понял, что его занесло куда-то не туда. Манату Ворсион и Вематол, очевидно, залезли через дыру на второй этаж, а потом на третий. А он не мог найти даже выхода из зала. Вздвигающиеся горы заслоняли обзор.

Кикаха начал взбираться по склону, то и дело шумно соскальзывая вниз вместе с обломками. Недалеко от вершины в глаза ему бросилось отверстие вроде туннеля,

шедшее прямо сквозь кучу в чудом не рухнувшую стену. Кикаха осветил фонариком внутренности случайно образовавшегося туннеля. Две громадные мраморные колонны, упавшие почти параллельно друг дружке, пробили стену и остались лежать, уходя немного под наклоном вверх. Дыра, пробитая ими в стенке, была завалена массой обломков. Каменные плиты, свалившись вниз, упали на колонны подобно крыше. Между ними-то как раз и тянулся узкий туннель, по которому можно было протиснуться ползком. Правда, проход, уходящий вверх под углом градусов в десять, тоже был завален мусором, но Кикаха выгреб его, выбрасывая назад. В конце туннеля мерцал тусклый свет. Проникнув по туннелю в соседний зал, можно будет застигнуть Хрууза врасплох — если, конечно, он там. Кикаха, извиваясь, как червь, начал ползком пробираться вперед.

Он старался производить как можно меньше шума, но совсем не шуметь не получалось. На секунду Кикаха представил себе, как Хрууз стоит с той стороны туннеля, поджидая незваного гостя. Нет. Если чешуйчатый в соседнем зале, он тут же прошьет туннель лучами, как только услышит подозрительный шум, и разрежет врага на мелкие кусочки. Но Кикаха не мог удержаться и по-прежнему полз вперед. Да и кто сказал, что Хрууз будет именно там? Откуда ему знать про туннель?

Одолев тридцатифутовый лаз и осторожно высунув голову, Кикаха увидел, что находится возле вершины кургана из обломков. Большая часть потолка в этом зале обвалилась вместе с полом третьего этажа. Кикаха оглядел руины внизу. Если кто-то здесь прячется, то он как пить дать засел за высоченной кучей у противоположной стены.

Сжимая в руке лучемер, Кикаха съехал по склону на спине, шепотом обругав себя за неизбежный шум. Добравшись до подножия, весь в кровавых ссадинах и порезах, залепленных пылью, Кикаха приготовился к обороне. Но никто не появился. Тогда он миновал более низкие кучи, обогнул громадный холм у противоположной стенки — и увидел там зияющую дыру, через которую свободно мог пройти танк «шерман». Оставалось только удивляться, почему стена не рухнула целиком.

Кикаха сунул в дыру голову, огляделся и шагнул через пролом. Почти весь потолок вместе с верхними этажами и кусками крыши валялся на полу. Внизу было темно от пыли, как в тумане. Зато вверху сиял яркий свет, льющийся с зеленого неба.

Небеса в Многоярусном мире были точно такого зеленого цвета. Неужели Хрууз перебросил дворец на планету, созданную в форме Вавилонской башни? И если да, то зачем? Или же... Но гадай не гадай — все одно никакого толку.

Слева из кургана высотой футов в двадцать выдавались вперед несколько деревянных и каменных плит. Кикаха заметил, как во тьме под этим навесом что-то шевельнулось. Бесформенная масса, покрытая белой пылью, вполне могла быть человеком. Кикаха взгляделся повнимательнее и решил, что человек повернут к нему спиной. Или это военная хитрость? Противник, кем бы он ни был, при виде Кикахи мог прикинуться убитым или тяжело раненым. А услышав приближающиеся шаги, он резко развернется и выстрелит. Может быть.

Кикаха скользнул в лисью нору, черневшую в мусорном кургане, и выстрелил, целясь прямо над головой у лежащей фигуры. Любой человек, если только нервы у него не железные, должен был вздрогнуть. Но фигура не шелохнулась. Кикаха вылез из норы, стараясь не шуметь, и осторожно приблизился к навесу. Когда до лежащего осталось футов двадцать, Кикаха понял, что тот не может быть ни Хруузом, ни Рыжим Орком. Это был Дингстет. Но руки у него уже не были связаны за спиной.

И кровь из ран сочиться тоже перестала. Никаких кровавых следов поблизости не наблюдалось. Кикаха не решился подойти к Дингстету в открытую. Он остановился, наполовину скрываясь за обломками, нагнулся и ткнул стволом лучемета лежащему в затылок. Тот застонал.

— Дингстет! — окликнул его Кикаха.

Существо что-то пробормотало. Кикаха вытащил его из-под навеса и перевернул. На запыленной коже виднелось множество черных пятен. Ожоги? Не в силах разобрать, что он бормочет, Кикаха оглянулся кругом, а потом

встал на колени и приложил ухо ко рту Дингстета, хотя такая поза была весьма уязвимой.

— Это я, Кикаха,— ласково сказал он.

— Хрууз... Не верил мне...— прошептало существо.

— Что? Я тебя не слышу.

— Кикаха! Хрууз... когда я сказал... в моем мозгу нет данных... пытал меня... не верил... забрал меня с собой... ушел... Зазель... гордиться мной...

— Я помогу тебе,— сказал Кикаха.— Сейчас, погоди...

И осекся. Глаза у Дингстета открылись. Рот, полный алмазных зубов, замер без движения.

Кикахе пришлось нарушить радиомолчание. Он должен был поставить в известность Манату Ворсион. Она откликнулась мгновенно.

— Я по-прежнему там, куда мы с Вематолом направлялись,— осторожно промолвила великанша, когда Кикаха закончил свой рассказ.— Я послала его за тобой. Если он не найдет тебя в течение десяти минут, то вернется ко мне.

Коль скоро великанша отвела Вематолу на поиски всего десять минут, значит, она отправила его на флаере. Прошло двадцать минут. Кикаха вызвал по радио Вематола, но клон не ответил.

И тут же раздался голос Манату Ворсион:

— С ним, должно быть, что-то случилось! Дам ему еще две минуты.

«А мне, значит, снова вперед,— подумал Кикаха,— то бишь вверх и вниз да вдоль и поперек». Минут через пятнадцать он остановился, чтобы дать отдых измученным ногам. Потом побрел дальше и вскоре вышел в еще один просторный зал. Под ногами валялись части крыши. Сквозь пролом сияло солнце, начавшее уже клониться к закату. Оно струило свои лучи в угол зала, где у стены каким-то чудом уцелела винтовая лестница. Верхняя часть ее, без перил, торчала из верхушки высоченного холма. Кикаха забрался на мусорную гору, как и прежде, оскальзываясь, сползая и немилосердно шумя. Лестница, сделанная из какого-то твердого дерева, выглядела устойчивой. Кикаха медленно начал взбираться по ней, глядя на каждом шагу вверх и вниз.

Но когда до верха осталось всего двадцать шагов, ему пришлось присесть и ухватиться за край ступеньки. Со всем рядом что-то обвалилось с грохотом Ниагарского водопада. Лестницу так затрясло, что Кикахе почудилось, будто ее вот-вот оторвет от стены. Нижний край лесенки отделился от площадки, качнулся в сторону и с размаху ударился о стену. Каменные стенные блоки зашатались и частично сдвинулись с места. Казалось, стена сейчас обвалится и унесет вместе с собой и лестницу, и Кикаху. А если обвала не произойдет, лестница просто оторвется, и он рухнет на кучу обломков с высоты в тридцать футов.

Как ни цеплялся Кикаха за ступени, его неумолимо сносило к открытому краю. Еще пара таких толчков — и он свалится вниз, даже если вся конструкция устоит. И, как назло, ничего невозможно было разглядеть: новая лавина подняла такую тучу пыли, что все заволокло туманом. Пыль нещадно ела глаза и забивалась в ноздри.

И вдруг все кончилось — и грохот, и толчки. Лестница тихонько подрагивала. Когда и дрожь прекратилась, Кикаха пополз дальше на четвереньках. Лестница отклонилась от стены, хотя и не так сильно, как Пизанская башня. По крайней мере, пока. Чем выше он взбирался, тем сильнее она прогибалась, скрипела и стенала.

Ему пришлось нагнуться вправо, чтобы как-то скомпенсировать левый наклон ступеней. Уцепившись наконец руками за край верхней ступеньки, Кикаха медленно и неуклюже выпрямился, осторожно балансируя слегка согнутой правой ногой. Перед ним простирался второй этаж, открытый взгляду, словно кукольный домик, благодаря напрочь снесенной стене. Пол прогибался посредине, треща под тяжестью великанской горы обломков и угрожая рухнуть в любой момент. Между полом и Кикахой зияла пропасть шириной в восемь футов. Прыгай! — сказал он себе.

Можно было, конечно, попробовать спуститься вниз по лестнице, но она тоже, того и гляди, обрушится.

Кикаха сунул лучемер в кобуру. Ему понадобятся обе руки, чтобы ухватиться за край пола, если не удастся прыгнуть на ноги. В нормальных условиях Кикахе ничего не стоило преодолеть такое расстояние. Оглядевшись вокруг,

он присел и оттолкнулся — и тут лестница, не выдержав толчка, сверзилась вниз. Для нее это оказалось чересчур. Верхняя часть лестницы надломилась и с громким треском шлепнулась на мусорный курган.

Хотя падение лестницы несколько удлинило прыжок, Кикаха все же долетел до пола. Он ударился о край животом и заскользил вниз. Согнутые в локтях руки хлопнулись о пол, грудь прижалась к краю пола. Кикаха держался исключительно на предплечьях, свесив ноги в пропасть. Потом изогнулся, забросил через край правую ногу и наконец втащил свое тело на поверхность пола.

Он задышался и хотел хоть минутку полежать на спине, чтобы собраться с силами. Но деревянный настил под ним прогнулся: Кикаха чувствовал, как по дереву пробегает тревожная дрожь. Наверное, пол, перегруженный громадной грудой в центре зала, был уже на пределе, когда к нему добавился вес человеческого тела.

Кикаха с трудом поднялся, вытащив одновременно из кобуры лучемер. Шагнув к ближайшей двери, ведущей в северном направлении, он услышал громкий треск. Пол неожиданно накренился. Кикаха чуть было не скатился в пропасть, но успел-таки в последний момент прыгнуть в дверной проем. Несколько секунд ему казалось, что лавина все же сметет его, поскольку обломки завалили все пространство дверной арки, кроме узкого просвета в верхней части. Кикаха приземлился на склон мусорной кучи и стал карабкаться вверх, цепляясь за куски дерева и камня, но те неудержимо ползли вниз — на пол, которого больше не было. Пыль стояла столбом и слепила глаза.

Ему удалось забраться на вершину кучи в дверном проеме, хотя подъем был похож на бег по земле, движущейся в обратном направлении. Начав спускаться к подножию с другой стороны, Кикаха неожиданно свалился лицом на пол. Почти вся куча исчезла, рухнув в пропасть зала, откуда он только что выбрался. Правда, ноги его все еще висели в пустоте над краем бездны. А пол в комнате, где он надеялся найти убежище, клонился вниз.

Кикаха отполз от края пропасти, встал и что было духу помчался по кренящемуся полу, еще соединенному с противоположной стенкой, хотя и явно ненадолго. Пере-

прыгивая через маленькие кучки, ползущие ему навстречу, обегая вокруг высоких холмов, тоже надвигавшихся на него, Кикаха стремился к выходу в следующий зал. Но не успел. Его оглушил очередной громopodobный рев, и он покатился по комнате. Как-то ему удалось приземлиться на ноги, потом он полетел вслед за грудой обломков и в конце концов, избитый и почти ничего не соображающий, очутился на большущем диване. Хорошо еще, его не погребло под грудой мусора.

Повезло ему и в том, что край расколотого настила пролетел мимо в нескольких дюймах. Иначе он точно стал бы трупом. А так он чувствовал себя всего лишь полутрупом.

Сколько времени он пролежал, пытаясь прийти в себя, Кикаха определить не мог. А очухавшись, ощутил во всем теле нестерпимую боль. Но все-таки он превозмог ее и встал. Лучемер по-прежнему был зажат в руке, и футляр с рогом не сорвался с пояса. Пыль начала понемногу оседать, и Кикаха медленно побрел вперед. Ему очень хотелось откашляться, но он сдержался — и вдруг услышал чей-то кашель чуть впереди.

Кикаха остановился. В густой пыли навстречу ему двигалась призрачная фигура. Казалось, она парит в нескольких футах от поверхности пола. Вематол на флаере? Кикаха не стал окликать пришельца: наоборот, он спрятался за кучу и прицелился. Никогда не принимай ничего на веру — пусть даже порой он и нарушал это правило.

В соседней комнате, из которой появился незнакомец, прогремел очередной обвал. Пыль снова взметнулась вверх, обволакивая фигуру. Кикаха прищурился, вглядываясь слезящимися глазами в пыльные клубы. Если это не Вематол, то, скорее всего, Манату Ворсион. Или же Хрууз — если ему удалось где-то разжиться флаером.

Кикаха ждал. Минуты текли одна за другой. И тут опять раздался грохот лавины. За ней последовали четыре менее громких обвала. Пыль сгустилась. Кикаха зажал нос и дышал через рот, стараясь не чихнуть. Но в носу немилосердно щекало, так что он не был уверен, что сумеет с собой совладать. Внезапно в белом тумане раз-

далось громкое «А-ап-чхи!», сопровождаемое не менее громким отфыркиванием.

Кикаха, несмотря на героические усилия, тоже чихнул во всю мощь.

Хотя неукротимый чих сотрясал все его тело, затрудняя движения, Кикаха вытянул руку и нащупал нечто похожее на большой глиняный черепок. Он зашвырнул его как можно дальше вправо. Возможно, неведомый пришелец и услышал звук падения черепка, но сам Кикаха в этот миг опять оглушительно чихнул. Никакой реакции не последовало: ни луча, прорезающего пыльную мглу, ни голоса.

Кикаха решил не ждать, пока осядет пыль. У неизвестного мог быть с собой тепловой детектор или очки ночного видения. Или он мог поднять флаер к потолку и засечь любую мишень, как только пыль немного прибьется к полу.

Крадучись, пригибаясь и стараясь не шуметь, Кикаха вышел из-за кучи. Лучше всего, подумал он, сейчас выпрямиться и рвануть из комнаты. Но он не мог сделать это бесшумно, не натываясь на препятствия. А кроме того, он не знал, где расположены выходы.

Углядев перед собой еще одну грудку, Кикаха спрятался за ней. К черту радиомолчание! Он вызвал Манату Ворсион. Ее голос, гораздо более тихий, чем обычно, откликнулся тут же:

— Чего ты хочешь?

— Ты по-прежнему на том же самом месте? — прошептал Кикаха. — Я спрашиваю потому, что кто-то здесь летает на флаере. Из-за пыли не могу разглядеть кто.

— Это не я. И Вематол определенно ответил бы тебе, если б смог. Но прежде чем стрелять, удостоверься все-таки, что это не он.

— Конец связи, — сказал Кикаха.

Он присел и пошарил кругом, пока не нащупал несколько больших кусков штукатурки, а потом бросил их в пыль перед собой. Но неизвестный не выстрелил на звук. Видимо, его флаер уже парил высоко вверху, высматривая цель перед атакой.

Это наверняка Хрууз, больше никому.

Кикаха встал и начал пробираться к противоположной стене. Сделав несколько шагов, он отпрыгнул в сторону. Что-то капнуло ему на левое плечо. Кикаха потрогал плечо правой рукой. Ладонь пришлось поднести почти к самым глазам, но он сумел-таки рассмотреть темную пыль, смоченную какой-то влагой.

Что это — кровавый дождь?

Кикаха посмотрел вверх. Частички пыли начали понемногу оседать. Еще немного, и на фоне бывшего потолка можно будет разглядеть любой темный объект, тем более что там гораздо светлее.

Он снова сделал несколько шагов — и снова замер. Впереди раздался глухой стон. Кикаха внимательно прислушался, шагнул вперед — и тут же, выругавшись про себя, остановился. Что-то тяжелое шлепнулось на пол совсем неподалеку. Очень медленно и осторожно Кикаха пошел в ту сторону. Это могла быть уловка, но вряд ли. Удар был похож на падение тела. Дерево или камень издали бы совсем другой звук. В этом же ударе явственно слышался шлепок плоти о каменный пол и хруст ломающихся костей.

Наконец он увидел лежащего. Это и впрямь оказался Хрууз. Он лежал на спине, с открытыми глазами. Кровь растеклась под телом хрингдиза, словно сама Смерть постелила ему алый ковер. Несмотря на свою толщину, череп не выдержал удара. Осторожно подойдя к трупку поближе, Кикаха увидел широкую и тугую повязку на левом бедре. Из-под нее по ноге сочилась кровь. Клифтон перед смертью успел подстрелить чешуйчатого. Хрууз наспех замотал рану и, прихватив с собой Дингстета, вторгся во дворец. Очевидно, его снедала жажда мести. Он не в силах был ждать и начал атаку, несмотря на ранение. Но медленная потеря крови так ослабила его, что он выпал из воздушного катера.

Очко в пользу Клифтона.

Кикаха поделился новостями с Манату Ворсион.

— Жаль, что не удалось взять его живым, — сказала она. — Он был настоящим кладезем познаний и к тому же последним в своем роде. Но все-таки я рада, что больше

он нам не угрожает. Кстати, мне отсюда видны окрестности дворца. Хрууз перебросил не только замок, но и лужайки с садами. Правда, они слегка пострадали, но, по-моему, Хрууз переместился вместе с Дингстетом на лужайку или в сад после того, как транспортировал дворец. Ему не хотелось находиться в здании, когда оно приземлится. А потом он вошел в замок, чтобы довершить начатое.

— Теперь можно заняться поисками Ананы и Рыжего Орка, — сказал Кикаха.

— Я понимаю твое нетерпение, — ответила великанша, — но сначала нужно найти Вематола.

Они поговорили еще несколько минут. Великанша пообещала, что начнет поиски с северной стороны. Кикаха пойдет ей навстречу, тоже разыскивая клона. Они будут поддерживать радиосвязь и обмениваться новостями каждые пять минут.

Кикаха вздохнул. Флаер парил над ним футах в пятидесяти, но подобраться к нему не было никакой возможности. Кикаха пожал плечами и снова побрел через завалы. Некоторое время спустя ему встретился арочный проход, не совсем забитый обломками. Пересекая простирающийся за проходом зал, Кикаха с полдороги заметил человека, приткнувшегося в полутьме к упавшей и разбитой мраморной колонне. Кикаха осветил фигуру фонариком. Это был Вематол — неподвижный, с закрытыми глазами. Пыль не смогла скрыть лиловой окраски его сапог и головной повязки. На груди клона расплылось кровавое пятно. Лучемета не было видно, а из всего оружия остался лишь кинжал в ножнах.

— Вематол! — крикнул Кикаха.

Крик его рикошетом отдался от высоких стен. Клон не шевельнулся.

Кикаха поднес наручный передатчик к губам, но передумал и решил, прежде чем докладывать, установить, в каком состоянии находится клон. Подойдя к бесчувственному телу поближе, Кикаха склонился и снова произнес его имя.

Правая нога Вематола взметнулась и выбила из рук Кикахи лучемет.

Остолбенев от неожиданности — что случалось с ним всего несколько раз в жизни, — Кикаха опомнился уже буквально через долю секунды. И бросился на лежащего, ткнув в него своим маленьким фонариком в форме ручки.

Тоан выхватил длинный кинжал. Кикаха сжал запястье противника и саданул ему в левый глаз фонариком. Тот непременно вонзился бы в мозг, если бы тоан не отвернулся. Острый конец фонарика попал в уголок глаза, поранил кожу и скользнул по виску. Кикаха бросил фонарь и начал выкручивать левую руку тоана, одновременно повернувшись к нему боком, чтобы тот не пнул его коленом в пах. Но хотя Кикаха крутил запястье с такой силой, что должен был его сломать, ему удалось лишь наполовину вывернуть руку. Да, тоан был настоящим силачом. Кинжал тем не менее все-таки шлепнулся на пол.

Кикаха отклонился назад, потом дернул тоана на себя и тут же развернулся кругом. Противник не сопротивлялся, позволив Кикахе закрутить себя и швырнуть, точно боевой топор. Пролетев десять футов, он упал, прокатился по полу и вскочил на ноги, как леопард.

Кикаха бросился к нему, пока тот катился. Вскочив, властитель метнулся к лучемету, валявшемуся меж двумя небольшими кучками. Кикаха изменил направление в надежде помешать тоану. Властитель нагнулся, на бегу подбирая с пола лучемет. Кикаха прыгнул и обеими ступнями ударил в подставленные ему ягодицы. Противник взвыл и полетел вперед, но не выпустил из рук оружия, даже когда грянулся оземь и проехал по полу лицом и грудью.

Хотя Кикаха тоже упал на спину от толчка, он быстро вскочил. Властитель перевернулся вверх лицом. Кровь фонтанчиками била из глубоких ран, струилась из мелких порезов на груди и лице. Тоан изогнулся, приподнял туловище и выбросил вперед руку с лучеметом. Но не успел он нажать на спускатель, как в воздухе, точно барракуда в полутемном море, мелькнул брошенный Кикахой нож. Острие на дюйм вонзилось в левый бицепс тоана, и лучемет упал. Но властитель тут же выхватил кинжал и зажал его в правой руке. А потом с удивительным проворством

вскочил на ноги, склонился и потянулся левой рукой к лучемету.

Взревев, Кикаха прыгнул и ударил ногами противнику в грудь как раз в тот самый момент, когда тоан распрямылся. Из оружия, пронзая сумерки, вырвался фиолетовый луч. Правое запястье Кикахи обожгло. Лучемет со стуком покатился по полу. Властитель задохнулся, попятился, взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие, но не сумел и грохнулся на спину, выронив кинжал.

Кикаха исхитрился так сгруппироваться, что на сей раз не упал, а приземлился на обе ступни. Но он не стал тратить время и подбирать с полу кинжал. Надеясь застать противника в уязвимой позе, пока тот будет вставать, Кикаха со всех ног рванул к нему. Однако властитель вскочил так резво, будто его подняла невидимая рука. Вскочив, он размахнулся и чем-то запустил в Кикаху.

На мгновение Кикаху оглушило. И мозг, и тело, казалось, онемели. Камень, вылетевший из полумрака, треснул его по лбу и заставил остановиться. Кусок красного мрамора размером с яблоко свалился, обогранный кровью, на пол. То, что удар не убил Кикаху или по крайней мере не лишил надолго чувств, доказывало, что тоан ослабел. Или же плохо размахнулся.

Но состояние Кикахи тоже было не ахти. И к тому же у властителя было преимущество, поскольку он успел подобрать кинжал. Правда, дышал он тяжело, а из раны в бицепсе так и струилась кровь.

Кикаха утер со лба и с глаз собственную кровь. Сейчас он переведет маленько дух и снова начнет атаку.

— Рыжий Орк! — проговорил он между глубокими вдохами. — Как тебе удалось бежать? И что ты сделал с Вематолом, прежде чем забрал его сапоги, головную повязку и кинжал?

Тоан умудрился улыбнуться:

— И все-таки я тебя обдурил!

— Ненадолго.

— Для меня достаточно. Но ты сначала расскажи, что здесь произошло, а уж потом я объясню, как мне удалось бежать из тюрьмы.

Рыжий Орк хотел оттянуть начало схватки и немного отдышаться. Кикаха был не против. Ему тоже нужно было время. Время, чтобы вызвать Манату Ворсион, подумал он вдруг. Она прилетит на флаере. Если, конечно, сумеет его найти. Но, подняв к лицу запястье, Кикаха обнаружил, что радио там нет. На его месте краснел ожог. Единственный выстрел Рыжего Орка сорвал диск-присоску, удерживавший передатчик, вместе с кусками кожи. Хорошо еще, что луч не сильно повредил запястье.

Впрочем, потеря радио — это не беда. Помощь великанши ему не нужна, решил Кикаха, и он будет сильно разочарован, если она, а не он убьет Рыжего Орка.

Дыхание его стало более ровным.

— Хрууз перенес весь дворец в другую вселенную, — сообщил он тоану. — В Многоярусный мир, как мне кажется. Об остальном ты и сам легко можешь догадаться. Теперь твоя очередь, рассказывай.

Кикаха говорил, внимательно оглядывая пол в надежде заметить лучемер. Но на сей раз ему не повезло.

— Ах вот оно что! — сказал тоан. — Хрууз еще жив?

— Нет. Анана бежала вместе с тобой?

— Не знаю. Я выполз из своей камеры, когда она обрушилась, и при этом изрядно ободрал себе шкуру. А потом увидел Вематола в воздушном катере. Я прыгнул на него с кучи и вытолкнул из флаера. К сожалению, машина полетела дальше. Пока мы дрались с Вематолом, его лучемер провалился сквозь дырку в полу, и я не смог его найти. Свернув клону шею, я надел его сапоги и головную повязку и забрал кинжал. Мне удалось одурачить тебя. А теперь я намерен закончить сагу о Кикахе.

— Ну-ну, посмотрим. Но почему ты так уверен, что сможешь меня победить? Ты же слабее, хоть ты и властитель, а я лебляббий.

— С чего ты взял? — возмутился Рыжий Орк.

— Тебе пришлось послать меня в мир Зазеля, поскольку все твои тысячелетние попытки потерпели крах. Именно я, и никто иной, обманул Дингстета и уговорил его отпустить нас. У тебя не хватило воображения, чтобы придумать сказочку о призраке Зазеля. Ты был в моей власти, когда я запер тебя в темницу. Ты и поныне сидел

бы там, если бы Хрууз не перебросил дворец через врата. Почему же ты так уверен в своем превосходстве?

— Ты лебляббий, потомок искусственных людишек, которых мы, тоаны, создали на своих фабриках! — взревел Рыжий Орк. — Ты бесконечно ниже меня, потому что мы сотворили твоих предков низшими существами! Мы сделали вас глупее себя! Слабее и неповоротливее! Неужели ты думаешь, что мы такие дураки, чтобы создавать себе ровню?

— Возможно, так оно и было вначале, — сказал Кикаха. — Но не забывай, что существует такая штука, как эволюция. Если я и правда потомок столь глупой расы, почему же мне удалось убить столько тоанов и избежать столько ловушек? Почему меня прозвали Хитроумным Убийцей властителей?

— Больше ты не убьешь ни одного тоана! — рявкнул Рыжий Орк. — Отныне меня назовут Убийцей Кикахи!

— Как гласит старинная английская пословица, «чтобы судить о пудинге, надо его отведать». Приготовься: возможно, мое угощение придется тебе не по вкусу, — ответил Кикаха.

Рыжий Орк на глазах закипал, и это было на руку Кикахе, ибо гнев затмевает рассудок. Или же хитрый тоан просто делал вид, что впадает в ярость, чтобы противник потерял бдительность?

— Я рад, что у тебя есть кинжал, — заметил Кикаха. — Это дает тебе преимущество, в котором ты так нуждаешься.

— Лебляббий! — взвизгнул тоан.

— Какого черта ты стоишь тут и обзываешься, как десятилетний сосунок! — сказал Кикаха. — Давай, попробуй! Атакуй меня! Посмотрим, на что ты способен!

Рыжий Орк взревел и бросился к Кикахе. Тот нагнулся, поднял кусок мрамора, ударивший его по лбу, и размахнулся, как заправский бейсболист — недаром же он играл подающим в колледже! Он целился в грудь. Но Рыжий Орк подставил кинжал, и камень стукнулся об острие. Тоану удалось выбить снаряд из рук Кикахи, но его собственная рука на миг онемела. Кикаха, издав боевой клич, прыгнул на врага. Рыжий Орк пытался увернуться, но

Кикаха ударился в него всем телом и сжал ладонями его мощную шею. Тоан попытался схватить Кикаху за уши. Кикаха рывком нагнул голову и треснул противника лбом. Перед глазами все поплыло, но он, прижав к себе тоана, все бил и бил лбом в голову Рыжего Орка (еще вопрос, у кого головокружение было сильнее), а потом вцепился зубами ему в шею.

Властитель грохнулся навзничь, увлекая за собой Кикаху. Падение выбило тоана из колеи — он задышался и вынужден был бороться, одновременно пытаясь восстановить дыхание. Кикаха к этому времени тоже впал в ярость. Глаза ему застлало красной пеленой, хотя, возможно, то была его собственная кровь или кровь тоана. Несмотря на удар и потерю дыхания, Рыжий Орк умудрился перевернуться, и они покатались вместе по полу, пока их не остановила груда обломков. Кикаха сжал зубы на яремной вене властителя, стараясь вонзить их как можно глубже. Перегрызть вену он не надеялся — он же не обезьяна с острыми резцами, — но ему хотелось пустить противнику кровь.

Тело Кикахи так крепко прижималось к левой руке Рыжего Орка, что тот никак не мог ее освободить. Тогда тоан выбросил вверх правую руку, согнув палец крючком. Палец глубоко впился в правый глаз Кикахи, и тоан тут же отдернул руку. Глаз выскочил из орбиты и повис на зрительном нерве. В пылу схватки Кикаха почти не чувствовал боли, но тут его пронзило даже сквозь красную пелену.

И тем не менее он не отпустил яремной вены. Рыжий Орк принялся колотить Кикаху по голове ребром ладони. Не в силах вытерпеть острой боли и головокружения, Кикаха разжал зубы и покатился в сторону. Он почти и не заметил, что зрительный нерв оборвался. Когда Кикаха сел, его выбитый глаз — плоский, с вытекшей жидкостью, — устался на него с пола.

Это вызвало в нем новый прилив энергии. Он вскочил на ноги одновременно с Рыжим Орком и сразу же кинулся к нему. Рыжий Орк повернулся, чтобы встретить нападение лицом, — и тут голова Кикахи с силой врезалась ему в живот. Тоан опять свалился на спину. Кикаха тоже упал,

но, протянув руку, сдвинул Рыжему Орку яйца. Пока тоан корчился от мучительной боли, Кикаха встал и прыгнул на него обеими ногами. Властитель пронзительно вскрикнул; раздался хруст сломанных ребер.

На том сражение могло бы и кончиться, однако Рыжий Орк был не из тех, кого способны остановить увечье или нестерпимая боль. Не переставая корчиться, он схватил Кикаху за локоть и дернул с такой силой, какой у него и быть-то не могло. Кикаха упал как подкошенный, но успел слегка крутануться, чтобы не свалиться плашмя, и ударился об пол плечом. Рыжий Орк наполовину повернулся к нему, по-прежнему крепко стискивая локоть. Кикаха сел, разжал один палец тоана и загнул его назад. Кость треснула; тоан вскрикнул еще раз и ослабил хватку.

Кикаха встал на колени и врезал кулаком тоану по носу. Переносица сломалась, из ноздрей хлынула кровь. И все же, чисто автоматически, Рыжий Орк нанес ответный удар в челюсть. Удар был бы сокрушительным, не будь властитель так ослаблен. Но голова у Кикахи пошла-таки кругом. Когда он очухался, Рыжий Орк уже стоял, покачиваясь, прямо над ним.

— Ты не можешь победить меня,— просипел властитель.— Ты лебляббий. А я Рыжий Орк.

— Ну и что? Зато я Кикаха.

Голос Кикахи звучал еле слышно, но он все же собрался с силами и откатился в сторону. Рыжий Орк, шатаясь, последовал за ним. Увидев на полу кинжал, властитель остановился и поднял его.

— Я отрежу тебе яйца, как отрезал их своему отцу,— сказал он.— И тоже съем их сырыми.

— Это легче сказать, чем сделать,— ответил Кикаха, вставая.— Твои злодеяния, и в особенности то, что ты сотворил с Ананой, вопиют о возмездии, и ты меня не остановишь, как бы ни старался.

— Давай покончим с этим, лебляббий. Оставь свои тщетные надежды на победу. Ты умрешь.

— Когда-нибудь. Не теперь.

— От этого тебе не спастись,— сказал тоан, потрясая кинжалом.

Поглядев на лицо Рыжего Орка, искаженное болью, и на его скрюченную позу, Кикаха подумал, что мог бы уклоняться от удара, приплясывая вокруг тоана, пока тот не свалится. Но с таким же успехом он может сам свалиться первым.

Кикаха нащупал рукой замшевый футляр с рогом. В пылу сражения он совсем позабыл о нем. Вытащив рог из футляра, Кикаха схватил его как дубинку. Древний мастер Шамбаримен и не подозревал, что его инструмент сможет послужить оружием. Но чего не бывает на свете! Кикаха медленно приблизился к властителю, говоря на ходу:

— Все узнают, что тебе пришлось воспользоваться ножом, чтобы убить безоружного человека.

— Ты хотел бы, чтобы я его бросил? Но никто ведь не видит нашей схватки. А жаль. Иначе ее воспели бы в стихах. Впрочем, возможно, еще воспоют. И, кстати, именно я расскажу, как она происходила.

— Ты всю жизнь был трусливым лжецом, — сказал Кикаха. — Но кинжал тебе не поможет. Я все равно тебя убью. И тогда ты прославишься еще больше — как единственный в мире человек, убитый рогом.

Ничего не сказав, Рыжий Орк двинулся на Кикаху с ножом. Рог с размаху ударил тоана по запястью. Но властитель не выронил кинжал — и острие вонзилось в грудь Кикахе. Правда, рана оказалась неглубокой, потому что Кикаха, сжав одной рукой запястье врага, другой огрел его рогом по голове. Рыжий Орк вырвал запястье, отпрянул, тяжело дыша, и вновь набросился на Кикаху.

На сей раз властитель прикрылся от дубинки левой рукой, как щитом, а правую с кинжалом выбросил вперед. Лезвие скользнуло по предплечью Кикахи, но он опустил рог и изо всех сил врезал тоану в подбородок. Хотя удар и оглушил Рыжего Орка, тот все же полоснул ножом Кикахе по плечу и поранил руку, сжимавшую рог. Кикаха выронил оружие; рог с лязгом покатился по полу.

Рыжий Орк быстро шагнул вперед. Кикаха попятился.

— Ну что ж ты стоишь — беги! — хрипло сказал тоан. — Ты еще можешь спасти свою шкуру. Правда, ненадолго. Я все равно найду тебя и убью.

— Ты слишком самоуверен для побежденного, — ответил Кикаха.

Он нагнулся и подобрал окровавленный обломок мрамора. Распрямившись, Кикаха еле удержался на ногах. Слишком много потеряно крови, слишком много ударов пришлось по голове. Но Рыжий Орк был не в лучшем состоянии. Победа могла достаться тому, кто выдержит и не хлопнется в обморок первым.

Кикаха обтер мраморный обломок о шорты и поднял его так, чтобы противнику было видно.

— Его пускали в ход уже дважды — один раз ты, один раз я. Давай посмотрим, что выйдет в третий раз. Сомневаюсь, что тебе снова удастся его отбить.

Рыжий Орк, поморщившись, полуприсел, держа наготове кинжал.

— В юности на Земле, — продолжал Кикаха, — я так кидал бейсбольный мяч, что он летел, будто метеорит сквозь космическое пространство. Я и крученые подачи тоже лихо делал. Один парень как-то сказал мне, что я рожден для высшей лиги. Но у меня были другие планы. Хотя они и не осуществились, поскольку я попал в Многогоярусный мир, а оттуда в другие вселенные властителей. Поглядим — может, мои земные занятия спортом на что и сгодятся!

Он встал в стойку, осознавая, что давно не практиковался и что неровный кусок мрамора — отнюдь не легкий мяч. Да и сил осталось мало. Но он сумеет собраться с силами, тем более что до Рыжего Орка всего десять футов.

Мраморный обломок вылетел, вращаясь, из его руки. В ту же секунду тоан упал на колени и чуть подался вбок. Но камень, которым Кикаха метил в грудь, далеко уклонился от цели и ударил Рыжему Орку в голову прямо над лбом. Тоан рухнул, выронив кинжал. Глаза и рот у него раскрылись; он не двигался.

Кикаха поднял кинжал, поглядывая своим единственным глазом на властителя. Потом пнул лежащего сапогом. Тело шевельнулось, но лишь от удара.

Кикаха склонился и стащил с поверженного врага штаны. Схватил его за яйца и взмахнул ножом. Он сможет съесть их сырыми. Правда, он еще не решил, стоит ли.

Но, несмотря на изнеможение, ярость все еще бурлила в нем. Этот тоан должен пережить ту самую участь, какую он уготовил своему противнику.

В ушах раздался голос Манату Ворсион:

— Кикаха! Не делай этого! Ты лучше его! Ты не такой дикарь, как он!

Кикаха поднял голову и глянул здоровым глазом на Великую Праматерь. Она сидела в воздушном катере, но видел он ее неясно. Здоровый глаз был не очень-то здоров.

— Черта с два не такой! — возразил он. Собственный голос, казалось, доносился до него издалека. — Смотри!

Он сделал это одним махом. И тут же все вокруг завертелось, отлетев куда-то вдаль, и черная пустота, прихлынув, заполнила собой пространство.

Глава 23

Раны Кикахи зажили, а в глазнице вырос новый глаз. Этот процесс длился сорок дней, и сначала глаз был похож на тошнотворное осклизлое желе. Но потом стал не хуже прежнего.

Кикаха сидел на краю монолита, на котором стоял дворец бывшего властителя здешнего мира Вольфа, и время от времени прикладывался к выточенному из кварца кубку, наполненному пурпурной жидкостью. Он смотрел на зеленое небо, желтоватое солнце и просторную панораму внизу — уникальную среди множества вселенных.

Дворец стоял на вершине массивного каменного монолита, венчавшего планету, созданную в форме Вавилонской башни. Монолит вздымался в центре круглого континента под названием Атлантида. Тот, в свою очередь, возвышался посреди еще более обширного монолита — яруса Дракландии. Под ним простирался громадный ярус, названный Кикахой Американдией, его любимый материк. Еще ниже находился ярус Океана. Если встать на его краю, то увидишь перед собой одно лишь пустое пространство, заполненное воздухом. А если прыгнуть вниз, то падать пришлось бы долго-долго. И где закончилось бы это падение, Кикаха понятия не имел.

Теоретически, если смотреть в очень мощный телескоп, в ясную погоду можно было разглядеть самый нижний ярус, то есть выступающую его часть. Но Кикаха был доволен и тем видом, что открывался у него перед глазами.

Анана пережила крушение дворца, но, когда ее вынесли из камеры через пять дней после нападения Хрууза, она была серьезно ранена и сильно обезвожена. Кикаха не отходил от нее ни на шаг, пока она не поправилась. Но, несмотря на всю проявленную им заботу, Анана по-прежнему ненавидела его.

Раны у Рыжего Орка затянулись сами собой. В темницу его не заперли, но держали под строгим наблюдением. Теперь его звали просто Орком. Выбора между пожизненным заключением и стиранием памяти до пятилетнего возраста ему попросту не дали. Великая Праматерь поработала над компьютером тоана, пока не нашла универсальный код, открывающий доступ ко всем файлам. Пожалуй, она единственная во всех вселенных могла справиться с такой задачей, хотя и провозилась довольно долго.

После того как был построен аппарат, тоана посадили в кресло и подвергли процедуре стирания памяти. Теперь по умственному развитию ему было всего пять лет. Его воспитатели, добровольцы из местной прислуги, дадут ему всю любовь и внимание, какие необходимы каждому ребенку. Кикаха жалел, что не убил властителя, отнявшего у него ту Анану, которую он знал. Но он не мог ненавидеть человека, не имеющего практически ничего общего с Рыжим Орком. Хотя понадобится немало времени, чтобы Кикаха возлюбил своего бывшего врага — если такое вообще произойдет.

Одна проблема с Ананой была решена. Аппарат стер ей память о событиях, случившихся после пленения ее Рыжим Орком.

Этичность подобной операции без согласия пациентки тревожила Кикаху. Но не очень сильно. Анана не любила больше Рыжего Орка, поскольку напрочь забыла его. И перестала наконец ненавидеть Кикаху. Неважно, что его она тоже не любит. Он уже начал кампанию по завоеванию ее любви. Разве он может проиграть? Если отбро-

свить ложную скромность — разве во всех вселенных найдется человек, способный сравниться с ним?

Великая Праматерь вернулась в свой мир, но они с Кикахой время от времени будут навещать друг друга.

Он снова посмотрел на панораму. Изумительный вид! Где еще найдешь такую красоту, пленительную загадочность и такое обилие приключений?

Больше он никогда не покинет эту планету, превосходящую Землю по площади суши. Бродить по ней вечно вместе с Ананой — вот она, райская жизнь! Хотя здешний рай и приправлен толикой ада, ведь в любую минуту их могут убить... А, пускай! В этом есть своя прелесть.

— Мой мир! — крикнул Кикаха.

Слова разнеслись по планете, сопровождаемые глухим рычанием, словно лев предупреждал всех в округе о том, что это его территория.

— Мир Кикахи!

Содержание

Книга пятая. Лавалитовый мир 5

Перевод С. Трофимова

Книга шестая. Гнев Рыжего Орка 241

Перевод Н. Виленской

Книга седьмая. Больше чем огонь 473

Перевод И. Васильевой

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАН

Филипп
ФАРМЕР

Philip Jose Farmer

ISBN 5-699-09661-2

9 785699 096619 >

ЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАН